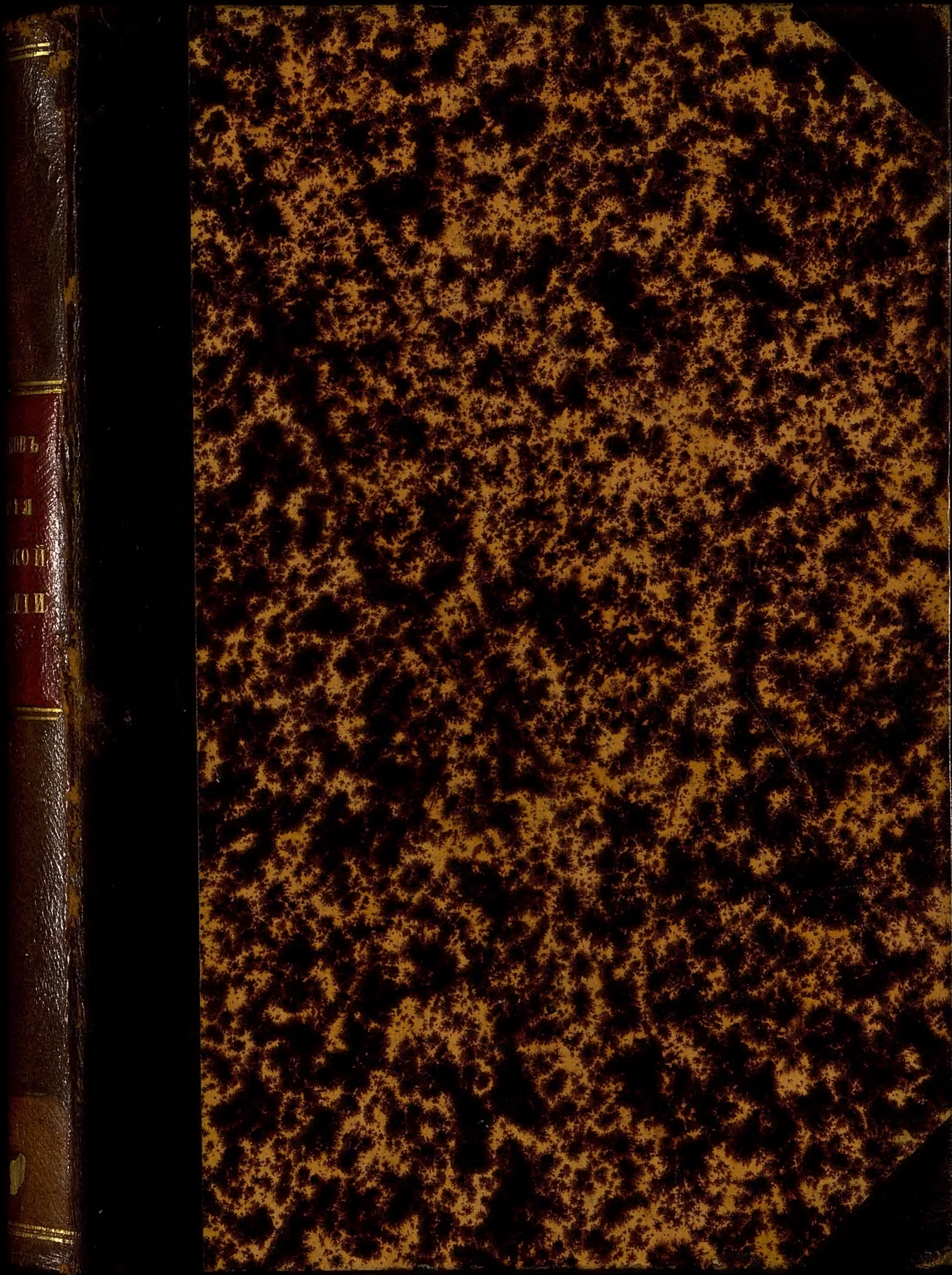

ИСТОРІЯ
РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1882.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1882 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Участіе различныхъ классовъ общества въ учено-литературной дѣятельности служитъ однимъ изъ признаковъ, которыми опредѣляется состояніе умственной и общественной жизни страны въ ту или другую эпоху. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія выборъ членовъ, образовавшихъ Россійскую Академію, и дѣйствовавшихъ въ ней въ первый періодъ ея существованія. Появленіе въ средѣ россійской академіи лицъ, занимавшихъ высокое положеніе въ обществѣ и въ служебной іерархіи, было знаменіемъ времени. Наука и литература, которыя такъ долго считались удѣломъ только нѣкоторыхъ, самыхъ скромныхъ слоевъ общества, расширяли свой кругъ, и пріобрѣтали тружениковъ внѣ предѣловъ, указанныхъ отчасти преданіемъ, отчасти предразсудками. Еще многимъ казались діаметрально противоположными понятія: «писатель» и «государственный дѣятель»; еще велико было число тѣхъ, которые считали занятія наукою вовсе несовмѣстными съ призваніемъ знатнаго дворянства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе или менѣе рѣшительно, высказывались и другія понятія; постепенно, хотя и медленно, вырабатывался иной взглядъ на права науки и значеніе печатнаго слова.

Въ россійской академіи, учрежденной подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей вѣка, сближались между собою люди различныхъ классовъ, патриціи и плебеи тогдашняго общества, пожелавшіе трудиться для одной и той же цѣли, съ одинаковыми правами и обязанностями. Товарищами по оружію дѣтямъ рядовыхъ и сельскихъ церковнослужителей являются князья и графы, сенаторы и камергеры. Рядомъ съ именами питомцевъ школы Ѳеофана Прокоповича, колыбелью которыхъ были солдатскія казармы, стоятъ имена Потемкина, Воронцова, Шувалова, и др. Тогда же избраны въ академики будущіе министры: Державинъ и *Козодавлевъ*.

Общественная дѣятельность Козодавлева имѣетъ неоспоримое значеніе какъ по существу своему, такъ и по связи съ общимъ ходомъ событій, съ понятіями и стремленіями, господствовавшими у насъ въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ ней ярко отражаются особенности двухъ замѣчательныхъ эпохъ нашей исторической жизни. Козодавлевъ началъ свое общественное поприще при Екатеринѣ II, а довершилъ его въ послѣдніе годы царствованія Александра I; началъ пажомъ, и окончилъ министромъ. Пажъ, студентъ лейпцигскаго университета, сенатскій экзекуторъ, совѣтникъ гражданской палаты, совѣтникъ академіи наукъ, членъ училищной комиссіи, директоръ народныхъ училищъ, оберъ-прокуроръ сената, сенаторъ, товарищъ министра, и наконецъ министръ внутреннихъ дѣлъ — вотъ тѣ званія, тѣ стадіи, которыя проходилъ Козодавлевъ на своемъ общественномъ пути. И ни одна изъ этихъ стадій не пройдена имъ безслѣдно; каждая имѣетъ свой смыслъ для его біографіи. Званіе пажа опредѣлило первые шаги Козодавлева на служебномъ поприщѣ, и въ значительной степени содѣйствовало тому, что онъ посланъ былъ заграницу, въ лейпцигскій университетъ. Университетское образованіе оставило въ немъ глубокіе слѣды, неизглаженные ни временемъ, ни силою

обстоятельствъ и враждебныхъ наукѣ вліяній. Участіе его въ коммиссіи объ учрежденіи училищъ въ Россіи ознаменовано весьма важными трудами. Служба въ сенатѣ ознакомила его съ нашими судебными и административными порядками, а постъ министра внутреннихъ дѣлъ раскрылъ передъ нимъ обширное поле для просвѣщенной государственной дѣятельности.

Ревностно заботясь, по мѣрѣ своихъ силъ и своихъ обязанностей, о распространеніи образованія въ Россіи и о развитіи ея матеріальнаго благосостоянія, Козодавлевъ привлекалъ къ себѣ общественное вниманіе, вызывалъ сужденія и толки. Въ отзывахъ о немъ, въ похвалахъ и въ порицаніяхъ, слышатся понятія и воззрѣнія, смѣнявшія другъ друга или господствовавшія въ одно и тоже время въ нашемъ обществѣ, и раздѣлявшія его на два лагеря. По мнѣнію однихъ изъ его современниковъ, онъ былъ просвѣщеннымъ гражданиномъ и истиннымъ патріотомъ; по мнѣнію другихъ, онъ былъ крайнимъ либераломъ и опаснымъ демократомъ. На чьей бы сторонѣ ни оказалась истина, къ какому бы выводу ни привело безпристрастное изслѣдованіе, во всякомъ случаѣ несомнѣнно то̀, что въ нашей умственной и общественной жизни конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія весьма видная роль выпала на долю министра-писателя Козодавлева. На этомъ основаніи считаемъ умѣстнымъ представить подробный очеркъ его жизни и дѣятельности.

Очеркъ нашъ составленъ преимущественно по рукописнымъ матеріаламъ, уцѣлѣвшимъ въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ: въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, въ сенатскомъ архивѣ, въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ архивахъ академіи наукъ, въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ публичной библіотекѣ, въ архивѣ лейпцигскаго университета, и т. д.[1]).

О. П. КОЗОДАВЛЕВЪ.

Предки Козодавлева; его дѣтство. — Пребываніе въ лейпцигскомъ университетѣ. — Опредѣленіе на службу. — Служба въ академіи наукъ. — Дѣятельность въ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ. — Проэктъ устава русскихъ университетовъ. — Сенаторство. — Отзывы и толки о Козодавлевѣ. — Управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. — Сѣверная Почта. — Литературные труды. — Участіе въ занятіяхъ россійской академіи. —

I.

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ (1754—1819) производилъ свой родъ отъ знатнаго выходца изъ нѣмецкой земли, поселившагося въ Россіи въ стародавнія времена. Родовое имя этого выходца было Koss-von-Dahlen. При такой генеалогіи, самое прозвище Козодавлевъ оказывается передѣлкою на русскій ладъ и осмысленіемъ иностраннаго имени Косфондаленъ. Будучи уже оберъ-прокуроромъ сената, О. П. Козодавлевъ просилъ о выдачѣ ему родословной съ описаніемъ, и въ прошеніи своемъ, поданномъ въ герольдмейстерскую контору, говоритъ: «Родъ Козодавлевыхъ происходитъ отъ древней германской фамиліи Козъ-фонъ-Даленъ, отъ коей предокъ Козодавлевыхъ въ древнія времена изъ Германіи выѣхалъ въ Россію. Выписями разряднаго архива, хранящимися въ герольдіи, доказывается, что Козодавлевы служили россійскому престолу многія дворянскія службы, и въ 7114 (1606) и другихъ годахъ жалованы были помѣстьями и чинами»[2]. По указу Бориса Ѳедоровича Годунова, окольничій Салтыковъ да дьякъ Максимовъ верстали государевымъ жалованьемъ, помѣстными окладами, новгородскихъ и псковскихъ новиковъ; въ числѣ псковскихъ былъ Ивашко Семеновъ сынъ Козодавлевъ. При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ числѣ бояръ и дѣтей боярскихъ находился Никита Степановъ Козодавлевъ; о немъ состоялось такое опредѣленіе: быть ему на государевѣ службѣ; подъ нимъ меринъ, да за нимъ человѣкъ съ простымъ конемъ съ добрымъ; бою у него два пистолета да сабля; помѣстный окладъ по триста четьи. Во главѣ предковъ

Осипа Петровича Козодавлева, въ представленной имъ въ сенатъ родословной, стоитъ Иванъ, Фуниковъ сынъ. Въ спискѣ, составленномъ въ Новѣгородѣ, значится за Иваномъ Фуниковымъ: помѣстнаго оклада 400 четьи; придачи: за тульскую службу 50 четьи; за рану и за полонъ 50 четьи. По государеву, Алексѣя Михайловича, крестному цѣлованью, былъ онъ на государевѣ службѣ на Бѣлой, и подъ Смоленскомъ, и во Ржевѣ, и на Волоку на Ламскомъ, и на Береговой на Москвѣ дважды, и на Тулѣ; и на тѣ государевы службы на указный срокъ пріѣзжалъ со всею съ полною службою. Иванъ Козодавлевъ про себя сказалъ: будетъ на государеву службу на меринѣ на добромъ, а бою съ нимъ пистоль, да карабинъ, да сабля, да человѣкъ въ кошу съ пищалью долгою, и т. д.

Внукъ Ивана Фуникова и прадѣдъ Осипа Петровича, Степанъ Васильевичъ Козодавлевъ былъ полковникомъ, и владѣлъ помѣстьями въ новгородскомъ уѣздѣ, въ обонежской пятинѣ. Дѣдъ Осипа Петровича, Осипъ Степановичъ, служилъ тоже въ военной службѣ, и пользовался особеннымъ расположеніемъ Бирона и его семейства. По крайней мѣрѣ такъ можно заключить по письмамъ Осипа Козодавлева, относящимся къ тридцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, и сохранившимся въ государственномъ архивѣ. [3]) Въ одномъ изъ нихъ Козодавлевъ откровенно сознается, что не можетъ взять въ толкъ разныхъ канцелярскихъ тонкостей, и боится запутаться въ нихъ и нажить себѣ большую бѣду. Приводимъ это письмо, нелишенное своего рода интереса.

Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь и высокій патронъ,

Въ покорности моей еще ваше графское сіятельство утрудить дерзнулъ, что уже и самъ себя признать принужденъ, что надокучилъ своими покорнѣйшими прошеніями вашему графскому сіятельству. Однаково еще въ крѣпкой моей надеждѣ на вашу, государь, ко мнѣ уже имѣемую высокую милость, дерзнулъ по-

корне рабски просить. Умилосердись, государь, сотвори со мною свою высокую милость, чтобъ я былъ вашимъ милостивымъ представительствомъ произведенъ въ подполковники. А нынѣ мѣсто въ пермскомъ драгунскомъ полку, въ которомъ, я, нижайшій, служу, очищается, понеже подполковникъ Масловъ уже посланъ для отставки въ государственную военную коллегію. И истинно, государь, ежели бы могъ снести нынѣшній мой чинъ, то уже бы не трудилъ такъ скоро ваше сіятельство. Что же во обученіи полку и въ прочемъ полковомъ отправленіи, по возможности, сколько могъ научиться, умѣю, въ чемъ шлюсь на его превосходительство господина генерала-инспектора Гохмута и на ихъ превосходительства господъ моихъ командующихъ генералитетовъ. А что же письменныхъ отправленій, како репортовъ, такожде и табелей и прочихъ отъ полку многихъ требованій въ разныя мѣста, истинно, государь, понять не могу, а требуется все отъ меня, чего во отправленіи всегда боюся, чтобъ не приттить въ какое несчастіе. Того ради вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорне прошу, умилосердись, государь, надо мною. За что долженъ за вашу высочайшую фамилію Бога молить.

Вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя моего,

всепокорнѣйшій рабъ

Осипъ Козодавлевъ.

Отецъ Осипа Петровича, Петръ Осиповичъ Козодавлевъ (1727—1757) былъ пажомъ, камерпажомъ и наконецъ секундъ-ротмистромъ конно-гвардейскаго полка. Онъ умеръ въ молодости, двадцати девяти лѣтъ отъ роду. [4]) Мать Осипа Петровича, Аграфена Григорьевна († 1774), рожденная Петрово-Солово — дочь камергера Григорія Александровича Петрово-Солово. [5])

Осипъ Петровичъ Козадавлевъ родился 29 марта 1754 года. На четвертомъ году своей жизни онъ потерялъ отца, и остался, слѣдовательно, на попеченіи матери. Какъ далеко про-

стирались ея заботы о воспитаніи сына, на это нѣтъ положительныхъ указаній. По свидѣтельству лица, близко знавшаго семейный бытъ и отношенія Козодавлевыхъ, тетка Осипа Петровича, Бобрищева-Пушкина, содѣйствовала тому, что онъ получилъ высшее образованіе въ иностранномъ университетѣ. Будучи восьми лѣтъ отъ роду, онъ произведенъ въ пажи. Съ этого времени считается и его *служба*: въ офиціальныхъ спискахъ онъ значится состоящимъ на службѣ съ 1762 года. По ходатайству Бобрищевой-Пушкиной, императрица Екатерина II отправила Козодавлева заграницу для довершенія образованія. Тогда же посланы заграницу Олсуфьевы, Зиновьевы и Шкурины, изъ которыхъ одинъ получилъ фамилію Бобринскаго, по имѣнію Бобрино, которое было ему пожаловано [6]). Одни говорятъ, что Козодавлевъ въ самой ранней молодости отличался и дарованіями и любознательностью; другіе увѣряютъ, что въ кругу своихъ университетскихъ товарищей онъ слылъ бездарнымъ, и свѣдѣнія его ограничивались будто бы изученіемъ каталоговъ [7]). Такова, видно, судьба этого человѣка: во взглядахъ на него не сходились и въ то время, когда онъ сидѣлъ на студенческой скамьѣ, и въ то время, когда ему ввѣрена была одна изъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія.

Не предрѣшая вопроса о даровитости и знаніяхъ Козодавлева, и не нарушая хронологической послѣдовательности, обращаемся къ тому періоду его жизни, когда онъ учился заграницею, и приводимъ данныя, по которымъ можно судить о тогдашнемъ состояніи лейпцигскаго университета.

II.

Лейпцигскій университетъ издавна пользовался большимъ уваженіемъ не только въ Германіи, но и во всей Европѣ. Аудиторіи его открыты были для учащихся поколѣній безъ различія странъ и народностей. Университетскія лѣтописи сохранили имена иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Лейпцигъ для довершенія своего научнаго образованія. Въ числѣ слушателей университет-

скихъ курсовъ встрѣчается немало и нашихъ соотечественниковъ. Въ стѣнахъ лейпцигскаго университета, на лекціяхъ и въ бесѣдахъ его замѣчательнѣйшихъ представителей, русскіе студенты знакомились съ тогдашнимъ состояніемъ науки и съ тѣми идеями и началами, распространеніе которыхъ составляло главную задачу такъ называемой просвѣтительной литературы. Въ жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ изъ питомцевъ лейпцигскаго университета можно разглядѣть связь между дальнѣйшимъ ихъ образомъ мыслей и дѣйствій и первыми впечатлѣніями и понятіями, усвоенными въ лучшую пору молодости. Нѣкоторые изъ этихъ питомцевъ и въ свои старые годы высказывались съ юношескимъ жаромъ, и навлекали на себя большія бѣды за свои «моложавыя» мысли и рѣчи. Другіе дѣйствовали сдержаннѣе, и хотя и подвергались упрекамъ въ вольнодумствѣ, тѣмъ не менѣе шли, какъ умѣли и желали, къ своей цѣли, стараясь провести въ жизнь свои убѣжденія и преодолѣть многочисленныя препятствія. Какъ ни великъ разладъ между теоріею и жизнью, какъ ни слабы нити, которыми соединяются различныя фазы дѣятельности одного и тогоже лица, нельзя оставить этой малозамѣтной связи вовсе безъ вниманія. При помощи ея выясняются иногда явленія, рѣшительно необъяснимыя изъ другихъ источниковъ. Если допустить, что хоть нѣкоторая часть изъ того, что русскіе студенты слышали и читали во время пребыванія своего въ лейпцигскомъ университетѣ, не осталась для нихъ мертвою буквою, то судьбы лейпцигскаго университета пріобрѣтаютъ своего рода значеніе для того періода въ исторіи русской образованности, когда въ числѣ выдающихся общественныхъ дѣятелей находились и бывшіе студенты этого университета.

Между нѣмецкими университетами лейпцигскій занимаетъ, по времени учрежденія, шестое мѣсто. Ранѣе его учреждены: четыре университета во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія—вѣнскій, гейдельбергскій, кельнскій, эрфуртскій, и одинъ въ самомъ началѣ пятнадцатаго столѣтія—вюрцбургскій. Лейпцигскій университетъ былъ колоніею пражскаго, основаннаго въ

1348 году, и существованіемъ своимъ обязанъ несправедливости въ распредѣленіи голосовъ, допущенной въ пражскомъ университетѣ. Изъ четырехъ голосовъ, принадлежавшихъ четыремъ университетскимъ групамъ или *націямъ*, только одинъ голосъ предоставленъ былъ чехамъ. Чехи, и во главѣ ихъ знаменитый Гусъ, потребовали, чтобы имъ, какъ туземцамъ, даны были три голоса, подобно тому, какъ туземцы имѣли три голоса и въ парижскомъ университетѣ, который служилъ образцомъ при устройствѣ пражскаго. Правительство признало требованіе чеховъ справедливымъ. Вслѣдствіе этого нѣмецкіе студенты, числомъ около двухъ тысячъ, покинули Прагу, и пришли въ Лейпцигъ. Они-то образовали первый слой университетской корпораціи. Ландграфы Фридрихъ и Вильгельмъ встрѣтили ихъ съ распростертыми объятіями, и испросили, по тогдашнему обычаю, папскую грамоту на открытіе въ Лейпцигѣ университета. Папа, Александръ V, весьма охотно исполнилъ ихъ желаніе, находя, что городъ Лейпцигъ какъ бы самою природою предназначенъ для храма наукъ, какъ по своей обширности и многолюдству, такъ и по своему климату и мѣстоположенію, а также и по любознательности своихъ жителей. Торжественное открытіе университета послѣдовало 2 декабря 1409 года.

При самомъ учрежденіи лейпцигскаго университета постановлено, чтобы ученая корпорація раздѣлялась на четыре групы или *націи*, а именно: *мейсенскую*, *саксонскую*, *баварскую* и *польскую* —volumus, statuimus et ordinamus, quod perpetuo in ipsa universitate sint quatuor *nationes*, videlicet *Misnenses*, *Saxones*, *Bavari*, *Poloni* [8]). Университетскія групы назывались *націями*, потому что студенты групировались преимущественно по народностямъ; предѣлы же каждой націи находятся отчасти въ связи съ тогдашними географическими и этнографическими понятіями. Такимъ образомъ обнимали собою:

Мейсенская нація—теперешнюю Саксонію.

Саксонская — сѣверную Германію, а также Швецію, Норвегію и Данію.

Баварская — южную Германію, и вмѣстѣ съ тѣмъ Италію, Францію, Испанію, Португалію, Англію, Шотландію и Ирландію.

Польская — всѣ славянскія земли, и въ числѣ ихъ и Россію.

Распредѣленіе студентовъ по *націямъ*, восходящее къ первымъ временамъ лейпцигскаго университета, упорно держалось и въ восемнадцатомъ столѣтіи, чѣмъ и объясняется, что при имени каждаго русскаго, вносимаго въ университетскую книгу (matricula), обыкновенно ставилась знаменательная буква *P*, указывающая, къ какой націи онъ принадлежалъ.

Корпоративное начало, положенное въ основу университетской жизни и принесшее ей такъ много добра, выбито было изъ своей колеи и подверглось искаженію вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ политичееских обстоятельствъ. Безурядицы тридцатилѣтней войны отозвались самыми печальными явленіями и въ университетахъ. Искусственныя мѣры, принимаемыя для поддержки и устройства корпораціи, какъ напримѣръ коллегіи, бурсы, и т. п., не достигали своей цѣли. Суровая дѣйствительность, окружавшая университеты, оказывала на нихъ несравненно болѣе вліянія, нежели всѣ требованія и распоряженія начальства. Въ видахъ нравственнаго надзора постановлено было, чтобы каждый вновь поступающій студентъ находился подъ наблюденіемъ дядьки, избираемаго или назначаемаго изъ среды старшихъ студентовъ. Эти дядьки, эти inspectores morum et studiorum, обратились въ истинные бичи для учащейся молодежи. Младшіе студенты, или такъ называемые *пенналы* (pennälen) были въ полномъ смыслѣ рабами старшихъ (absoluti, schoristen); они должны были безпрекословно исполнять всѣ дикія приказанія своихъ повелителей, и безропотно переносить всѣ выходки самодуровъ [9]). Въ отношеніяхъ студентовъ-абсолютовъ къ студентамъ-пенналамъ, какъ они рисуются въ тогдашнихъ мемуарахъ и офиціальныхъ актахъ, наглядно выступаетъ возмутительная смѣсь необузданности и дикости нравовъ съ одной стороны и приниженной пошлости съ другой. Только немногіе изъ млад-

шихъ студентовъ не могли помириться съ нестерпимымъ гнетомъ; нѣкоторые изъ нихъ искали выхода даже въ самоубійствѣ; прочіе же, и притомъ составлявшіе огромное большинство, подчинялись насилію въ сладкой надеждѣ, что, по минованіи искуса, они выместятъ на другихъ свое прежнее униженіе. Понятно, что такой порядокъ вещей долженъ былъ вооружить противъ себя всѣхъ благомыслящихъ людей, знакомыхъ съ бытомъ студентовъ. Отсюда энергическіе протесты противъ *пенализма* и однороднаго съ нимъ *націонализма*, такъ какъ пеннализмъ развивался подъ покровомъ *націй* или *землячествъ*, и дядьки выбирались преимущественно между земляками. И общество и правительство рѣзко осуждали вопіющее зло; офиціальные акты называютъ пеннализмъ animae obscuratio, corporis ruina, barbaries mentis, funus honestatis, diaboli sentina, и т. п. Много времени потребовалось, пока протесты и правительственныя мѣры принесли свой плодъ, и еще во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія студенты должны были давать обѣщаніе противодѣйствовать пеннализму и націонализму.

По свидѣтельству лейпцигскаго студента семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, каждый вступающій въ университетъ принималъ на себя слѣдующія обязательства:

1) Оказывать повиновеніе ректору и его преемникамъ, и по мѣрѣ силъ радѣть о пользѣ университета.

2) Вести жизнь, сообразную съ университетскимъ уставомъ и правилами.

3) Всячески противодѣйствовать пеннализму и націонализму, и стремиться къ ихъ искорененію.

4) Въ случаѣ оскорбленія не прибѣгать къ самоуправству и личной мести.

5) Если будетъ посаженъ подъ арестъ, высиживать опредѣленное университетскимъ начальствомъ время.

6) Если подвергнется удаленію или исключенію, непремѣнно удалиться въ назначенный срокъ.

Давши обѣщаніе въ точности исполнять эти требованія, при-

нятый въ студенты получалъ университетскіе «статуты» и извлеченіе изъ законовъ касательно дуэлей. [10])

Запрещеніе самоуправства, мѣры противъ поединковъ и т. п. вызывались самою жизнью. Хотя въ средѣ учащейся молодежи и замѣчалось уже возвышеніе нравственнаго и умственнаго уровня, тѣмъ не менѣе накопившееся зло медленно уступало лучшимъ началамъ, и у всѣхъ въ свѣжей памяти были времена, въ которыя сложилась о студентахъ такая пѣсня:

Welcher student von Wittenberg kommt mit gesunden leib,
Von Leipzig und Tübingen ohne weib,
Von Jena und Helmstädt ungeschlagen,
Der kann von grossem glücke sagen....

Со времени основанія лейпцигскаго университета и до начала восемнадцатаго столѣтія, всѣхъ студентовъ, за которыми признавалось право академическаго гражданства (inscribirten) было 122918. Въ восемнадцатомъ столѣтіи общее число студентовъ лейпцигскаго университета простиралось до 39049. Въ годы пребыванія въ Лейпцигѣ Козодавлева и его товарищей число записавшихся на зимній и лѣтній семестры было слѣдующее:

			зимн.		лѣтн.		
въ	1769	году	249	и	62;	всего	311.
»	1770	»	298	»	104	»	402.
»	1771	»	278	»	108	»	386.
»	1772	»	194	»	141	»	335.
»	1773	»	251	»	120	»	371.
»	1774	»	243	»	80	»	323.

За внесеніе въ университетскую книгу (die inscription) взымалось пять талеровъ, а съ благородныхъ (nobiles) шесть. «Благородные» отличались тѣмъ, что при имени ихъ ставилась латинская частица *a* или *ab*—переводъ нѣмецк. *von*, французск. *de*,—какъ напримѣръ: *a Kazadawleff*, *ab Olsoufieff*.

Въ нѣмецкихъ университетахъ издавна завелся обычай вписывать въ число студентовъ не только молодыхъ людей, достиг-

шихъ опредѣленнаго возраста, но и дѣтей: въ университетскихъ спискахъ весьма часто встрѣчаются пятилѣтніе и трехлѣтніе мальчики. Постепенно увеличивалось число лицъ, вносимыхъ въ списки подъ рубрикою: depositi nondum inscripti [11]).

Есть извѣстіе, что Козодавлевъ отправленъ заграницу въ дѣтскомъ возрастѣ, семи лѣтъ отъ роду [12]). Но имени его не находится въ университетскихъ спискахъ въ указанной нами рубрикѣ. Несомнѣннымъ и единственнымъ источникомъ для опредѣленія времени, когда тотъ или другой студентъ поступилъ въ университетъ, служатъ сохранившіеся въ университетскомъ архивѣ «матрикулы» — Matricula academiæ lipsiensis. Изъ этихъ рукописныхъ фоліантовъ узнаемъ, что въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія учились въ лейпцигскомъ университетѣ слѣдующіе русскіе студенты:

24 августа 1765 года внесенъ въ списки Ivanowitz Petrus, Bojaslawskoiensis, Russus. (Петръ Ивановичъ Богуславскій?).

26 февраля 1767 года — Celsissimus princeps Alexander *Neswitzkoy*, moscov.
Celsissimus princeps Basilius *Trobetskoy*, moscov.
d'*Ouschakoff* Theodor, equ. novogrod.
d'*Ouschakoff* Michel, » »
de *Zinofieff* Nicolaus, equ. novogrod.
de *Coutousoff* Alexis, equ. moscov.
de *Tschilischtscheff*, equ. smolescens.
de *Rubanowsky* Andreas, equ. petropol.
de *Radischteff* Alexander, equ. moscov.
de *Janoff* Sergius, equ. calugiens.
de *Nasaquin* Ioannes, equ. casanens.

11 сентября 1769 года — a *Chloppoff* Nicola Petrowicz, petropolitanus.

25 октября 1769 года — *Teplof* Alexius Gregorievitz, petrop. Kilov, (т. е. перешедшій изъ *кильскаго* университета).

21 апрѣля 1769 года внесенъ въ списокъ студентовъ и Козодавлевъ. Въ университетскихъ матрикулахъ значится:

1769. Rectore—Dn. D. Christiano Gottlieb Ludwig, P. P.
Natio — P.
Inscriptionis dies — 21 apr.
Nomina inscriptorum — a Kazadawleff.
Patria—moscoviensis.
Locus et tempus depositionis — Lips.

Вмѣстѣ съ Козодавлевымъ принятъ въ студенты и Олсуфьевъ — *ab Olsoufieff* Sergius, petropolitanus. [13])

По свидѣтельству одного изъ русскихъ студентовъ лейпцигскаго университета, именно Радищева, при отправленіи ихъ заграницу имъ «предписано было учиться всѣмъ частямъ *философіи* и *правамъ*, присовокупя къ онымъ ученіе нужныхъ *языковъ*». Самъ Козодавлевъ говоритъ: «Будучи я, по высочайшей милости нашея премудрыя монархини, посланъ въ лейпцигскій университетъ для обученія *такихъ наукъ, которыя всякому человѣку, желающему штатскою службою пользоваться, необходимо нужны*, я всѣми моими силами старался намѣреніе ея величества исполнить.... Я отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ счастіе пользоваться щедротами великой моей императрицы, изліянными на мое воспитаніе. Будучи при дворѣ ея величества пажемъ, посланъ я былъ въ *лейпцигскій университетъ* съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей: *тамо пріобрѣлъ я все то, что меня сдѣлало способнымъ показывать службою мое усердіе и благодарность*». [14])

Изъ приведенныхъ, положительныхъ указаній очевидно во первыхъ тò, что русскіе студенты должны были слушать курсы философскаго и юридическаго факультетовъ; во вторыхъ тò, что пребываніе въ лейпцигскомъ университетѣ имѣло, по собственному свидѣтельству Козодавлева, весьма важное значеніе для его дальнѣйшей, общественной дѣятельности.

Во времена Козодавлева, въ философскомъ отдѣленіи университета читались: логика, метафизика, нравственная филосо-

фія; піитика, исторія литературы; исторія всеобщая и исторія германской имперіи; политика и статистика; раціональная космологія; математика; объясняемы были библейскія книги и произведенія Аристотеля, Платона, Гомера, Тацита, Горація, Овидія и другихъ древнихъ писателей. Въ юридическомъ факультетѣ читались различныя отрасли правовѣдѣнія, права: римское, естественное, публичное, церковное, феодальное, уголовное — institutiones juris romani, jus publicum universale, jus naturae et gentium, jus georgicum, jus cambiale, и т. д., а также судопроизводство и исторія права [15]). Въ восемнадцатомъ столѣтіи учреждены въ лейпцигскомъ университетѣ нѣсколько новыхъ каѳедръ и въ томъ числѣ каѳедра исторіи права. [16])

При изложеніи публичнаго права руководствовались книгою Шмауса: Compendium juris publici S. R. imperii, составленною для университетскихъ лекцій и выдержавшею много изданій. Естественное право излагалось по Пуфендорфу; исторія Европы, а также политика и статистика — по Ахенвалю; римское право — по Гейнекцію; уголовное право — по Бемеру и Коху; исторія философіи — по Бруккеру; исторія литературы — по Батте, и т. д.

Въ ряду ученыхъ, занимавшихъ въ ту пору каѳедры въ лейпцигскомъ университетѣ, по философскому и юридическому отдѣленіямъ, особенно выдавались: Гоммель, Беме, Морусъ, Платнеръ и нѣкоторые другіе [17]).

Украшеніемъ юридическаго факультета общій голосъ признавалъ профессора каноническаго права *Гоммеля* (Karl Ferdinand Hommel, 1722—1781). Онъ обладалъ обширною, разностороннею ученостью и замѣчательнымъ талантомъ. Юридическая литература обязана ему многими, въ высшей степени цѣнными изслѣдованіями въ области церковнаго, гражданскаго, уголовнаго и феодальнаго права. Не только въ наукѣ, но и въ жизни являлся онъ достойнымъ представителемъ просвѣтительныхъ началъ, постепенно вводимыхъ въ европейскія законодательства. Высоко цѣнятся заслуги Гоммеля по уничтоженію пытки въ Саксоніи. Въ вопросахъ уголовнаго права и судопроизводства

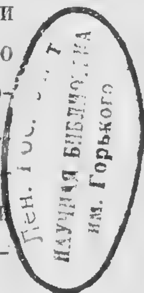
онъ былъ горячимъ защитникомъ идей Беккаріи, вопреки господствовавшимъ тогда воззрѣніямъ и предразсудкамъ. Нѣмецкіе писатели отзываются съ особеннымъ сочувствіемъ о Гоммелѣ, не только какъ о первостепенномъ ученомъ своего времени, но и какъ объ одномъ изъ первыхъ борцовъ за распространеніе «свѣта и правды» въ своемъ отечествѣ [18]).

Почетное мѣсто между нѣмецкими учеными прошлаго столѣтія, трудившимися надъ разработкою отечественной исторіи, принадлежитъ *Беме* (Iohann Gottlob Böhme, 1717—1780), профессору исторіи и саксонскому исторіографу. Онъ читалъ также и публичное право [19]).

Профессоръ *Морусъ* (Sam. Fried. Nathanael Morus, 1736—1792) принадлежалъ двумъ факультетамъ: богословскому и философскому. На однихъ изъ своихъ лекцій онъ объяснялъ посланія апостола Павла; на другихъ—поэму Лукреція и метаморфозы Овидія. Подобно Морусу, профессоръ сирійскаго и халдейскаго языковъ объяснялъ книгу Эсѳирь и оды Горація и Анакреона; другой профессоръ предлагалъ толкованіе на Дѣянія апостоловъ и разбиралъ Одиссею Гомера, и т. д.

Самымъ любимымъ, самымъ популярнымъ профессоромъ лейпцигскаго университета въ этотъ періодъ былъ *Платнеръ* (Ernst Platner, 1744—1818), профессоръ физіологіи и философіи. Разнообразіе предметовъ и научное достоинство его лекцій, необыкновенная живость изложенія и благородная свобода мыслей, высказываемыхъ съ профессорской каѳедры, привлекали массу слушателей въ аудиторію Платнера, и сдѣлали его кумиромъ университетской молодежи. Онъ читалъ физіологію, антропологію, судебную медицину, логику, метафизику, нравственную философію, эстетику. Успѣхъ его лекцій былъ громадный. На нихъ стекались въ огромномъ количествѣ не только студенты всѣхъ факультетовъ, но и лица посторонния, изъ различныхъ слоевъ общества: и люди дѣловые, и люди свѣтскіе, и даже дамы. Шумъ и волненіе, происходившіе отъ множества посѣтителей, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ начала лекціи, мгновенно стихали

при появленіи профессора: водворялась невозмутимая тишина, всѣ сдерживали дыханіе, и даже записные франты покидали любимую забаву того времени — не рѣшались играть цѣпочкою у часовъ. Каждый путешественникъ считалъ своею нравственною обязанностью побывать на лекціи Платнера. Знаменитый русскій путешественникъ, Карамзинъ, пробывшій въ Лейпцигѣ всего нѣсколько дней, нѣсколько разъ видѣлся съ Платнеромъ, чрезвычайно внимательно прослушалъ его лекцію, и ознакомилъ своихъ читателей съ ея содержаніемъ. Карамзинъ говоритъ: «Никто изъ лейпцигскихъ ученыхъ такъ не славенъ, какъ докторъ Платнеръ, эклектическій философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ; который, напримѣръ, въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ и тому и другому. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ логикою и метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. *Афоризмы* его весьма уважаются, и кто хочетъ пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, тому могутъ они служить аріадниною нитью... Онъ помнитъ К (Кутузова, Козодавлева?), Р (Радищева) и другихъ русскихъ, которые здѣсь учились. «Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ, только я былъ тогда еще не то, что теперь». По крайней мѣрѣ ваши *Афоризмы* еще не были изданы... Сказываютъ, что лейпцигскіе студенты никого изъ профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его» [20]).

Преподаваніе Платнера не отличалось строгою послѣдовательностью, но отсутствіе системы вознаграждалось богатствомъ свѣтлыхъ мыслей, вѣрныхъ и глубокихъ замѣчаній, и мастерскимъ сближеніемъ вопросовъ науки съ вопросами жизни, которое такъ сильно дѣйствуетъ на воспріимчивую молодежь. Платнеръ не былъ поклонникомъ науки, замкнутой въ своемъ заколдованномъ кругу и совершенно равнодушной къ окружающей ее дѣйствительности. Но онъ высоко ставилъ науку, неразрывающую своей благотворной связи съ жизнію, и ведущую человѣчество къ умственному и нравственному совершенствованію. Съ

особеннымъ одушевленіемъ говорилъ онъ, на лекціяхъ своихъ, о несовершенствѣ законовъ, порождающихъ нищету со всѣми ея послѣдствіями; объ отсутствіи живой, дѣлами проявляемой, вѣры; о стремленіи держать народъ въ невѣжествѣ; объ окаменѣніи сердецъ у сильныхъ міра, заглушившихъ въ себѣ голосъ природы и совѣсти, и т. п.[21]).

Независимо отъ преобладающаго направленія лекцій Платнера и отъ того вліянія, которое производили они на слушателей, самое содержаніе этихъ лекцій имѣетъ большое значеніе для того времени, и доказываетъ обширную ученость профессора. Вообще, научныя заслуги Платнера не подлежатъ сомнѣнію, и ему по праву принадлежитъ почетное мѣсто въ ряду ученыхъ дѣятелей Германіи прошлаго столѣтія. Онъ соединялъ знаніе естественныхъ наукъ съ знаніемъ древнихъ литературъ и исторіи философіи, и научную пытливость съ даромъ наблюдательности, который такъ ярко обнаруживается во множествѣ замѣтокъ и соображеній, относящихся къ области психологіи. И современники Платнера, и ученые послѣдующихъ поколѣній отдавали и отдаютъ полную справедливость научной дѣятельности эстетика-физіолога. Его называютъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ Германіи, а главнѣйшіе труды его признаются произведеніями въ своемъ родѣ классическими, ибо они весьма много содѣйствовали развитію философскихъ наукъ въ Германіи[22]).

Самымъ важнымъ трудомъ Платнера въ области философіи современные намъ ученые признаютъ его Философскіе Афоризмы — Philosophische Aphorismen[23]) Въ «Афоризмахъ» говорится: о существѣ души; объ идеяхъ, получаемыхъ посредствомъ чувствъ; о мѣстопребываніи души; о фантазіи; о памяти; о воображеніи; о разумѣ (geschichte der vernunft); о связи понятій и словъ; о постепенномъ развитіи грамматики; о скептицизмѣ; о свободѣ, нравственности и судьбѣ, и т. п. Афоризмы Платнера, при появленіи своемъ въ свѣтъ, надѣлали много шума. На автора посыпались обвиненія въ свободномысліи, въ фатализмѣ, въ вредномъ вліяніи на молодежь, и т. п., и онъ долженъ былъ

оправдываться и защищать какъ свою книгу, такъ и свои лекціи[24]). Мы помѣщаемъ, въ приложеніяхъ, то̀, что̀ тогдашніе цензоры находили сомнительнымъ и опаснымъ въ Философскихъ Афоризмахъ Платнера. Приведенное нами знакомитъ какъ съ самою книгою Платнера, такъ и съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвела она въ тогдашнемъ обществѣ[25]).

Самую обильную дань сочувствія и лестныхъ отзывовъ приносили даровитому профессору его лекціи по эстетикѣ. На одной изъ нихъ былъ и Карамзинъ. Рѣчь шла о свойствахъ и особенностяхъ генія. «Превеликая зала—говоритъ Карамзинъ—была наполнена слушателями, такъ что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ стоялъ уже на каѳедрѣ и говорилъ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу г. доктора распространяться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однакожъ не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о *жени*. *Жени*—сказалъ онъ—не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго — кромѣ натуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей, всегда въ связи съ сею. Онъ имѣетъ *особливую* способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ; и потому часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ; и потому часто находитъ важнымъ то̀, что̀ обыкновенному человѣку, котораго взоръ простирается недалеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великій Лейбницъ, проѣхалъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молью источенныхъ бумагъ, для того, чтобы собрать матеріалы для исторіи — брауншвейгскаго дому! Но проницательный Лейбницъ видѣлъ связь сей исторіи съ иными предметами, важными для человѣчества вообще. Наконецъ, во всѣхъ дѣлахъ такого великаго человѣка видѣнъ особливый духъ ревности, который такъ сказать оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ обыкновенныхъ людей. Я вамъ поставлю

въ примѣръ Франклина не какъ ученаго, но какъ политика. Видя оскорбляемыя права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ быть ходатаемъ онаго! Съ сей минуты перестаетъ онъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества! Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ духовъ. Естьли бы можно было извлечь его, напримѣръ, изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ писемъ или Іерузалемовой книги о религіи, то въ первой бы осталось одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы теологіи; но оживляемыя онымъ, возвышаютъ онѣ душу читателя [26])».

До какой степени вѣрно схвачены и переданы Карамзинымъ и основная мысль и многія подробности, показываютъ лекціи Платнера, записанныя въ свое время со всевозможною тщательностью, и появившіяся въ печати уже послѣ его смерти. Что такое собственно геній? спрашиваетъ Платнеръ. Ни что иное, какъ сильный талантъ, соединенный съ одушевленіемъ (geist), съ духовною жаждою, для утоленія которой необходима вѣчная дѣятельность, неустанная работа мысли и воли. Куда бы ни направлялъ свою дѣятельность геній, онъ не можетъ ограничиться мелочами и одною только поверхностью предмета, а стремится проникнуть въ самую глубь его, и работая надъ *частнымъ*, вникая въ *отдѣльныя* явленія физическаго и духовнаго міра, постоянно имѣетъ въ виду *общее* и *существенно важное*. Главными предметами для генія служатъ: природа, вселенная, человѣчество и его благо. Стремленіе разгадать законы природы и человѣческаго духа, отзывчивость, живое участіе ко всему, что входитъ въ кругъ понятій: «вселенная» и «человѣкъ»—составляютъ необходимыя черты истиннаго генія.

Въ примѣръ геніальности Платнеръ указываетъ на Ньютона, Лейбница, Декарта и др. Нѣкоторыя изъ приводимыхъ имъ соображеній отмѣчены и Карамзинымъ. Великій Лейбницъ, обращая пытливость свою на самую безжизненную, повидимому,

отрасль знанія — на грамматическія формы различныхъ языковъ, одушевленъ былъ мыслью, что вопросъ о происхожденіи языковъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи народовъ, которое въ свою очередь ведетъ къ объясненію нравовъ, обычаевъ, склада понятій и т. п., замѣчаемыхъ у различныхъ народовъ. Слѣдовательно, Лейбницъ имѣлъ въ виду не одно только *частное*, не одну только грамматику, но и *общее* (das ganze der menschheit), на которое проливается болѣе или менѣе яркій свѣтъ каждымъ добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ частныхъ, отдѣльныхъ фактовъ. Тоже *общее*, туже пригодность для наблюденій надъ человѣчествомъ, можно замѣтить и въ архивныхъ разысканіяхъ Лейбница для исторіи браушвейгъ-люнебургскаго дома. Геніальный Декартъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ предназначаемый для военной службы, и ознакомившійся съ математикою въ тѣхъ размѣрахъ, которые необходимы для наукъ военныхъ, самъ собою, по внутреннему призванію, расширилъ область своихъ научныхъ занятій, и изучалъ математику не съ какою-либо практическою цѣлью, а для удовлетворенія своей любознательности, для разрѣшенія той «великой загадки міра и человѣческаго бытія», тѣхъ вопросовъ, которые поднимались изъ глубины его пытливаго духа, безъ всякихъ постороннихъ побужденій, разсчетовъ и вліяній.

Для болѣе яркой обрисовки геніевъ, подобныхъ Декарту и Лейбницу, авторъ противополагаетъ имъ знаменитаго нѣкогда философа Вольфа, не безъ умысла называя его не просто Вольфомъ, а барономъ фонъ-Вольфомъ. Въ сочиненіяхъ Вольфа безконечно много учености, много своего рода таланта, но нѣтъ того огня, того духа (geist), который оживляетъ все, къ чему ни прикоснется. Чрезвычайно послѣдовательно, въ самой строгой системѣ, открываетъ Вольфъ передъ своими читателями огромный запасъ накопленныхъ имъ знаній; но все это передается безжизненно и вяло, безъ малѣйшаго слѣда дѣйствительнаго, охватывающаго душу, участія къ излагаемому предмету. Въ общественной своей дѣятельности Вольфъ вовсе не отличался отъ

людей самыхъ обыкновенныхъ: служебная карьера, матеріальныя выгоды всегда имѣли въ глазахъ его большое значеніе и т. п.

При объясненіи эстетическихъ понятій Платнеръ старался придать имъ сколько возможно больше наглядности посредствомъ общедоступныхъ примѣровъ, сравненій и уподобленій. Основное понятіе о *прекрасномъ* (das schöne) онъ сближалъ съ впечатлѣніемъ, производимымъ красивою женщиною. Если доискиваться — говоритъ онъ — происхожденія и настоящаго смысла эстетическаго термина: *прекрасное*, то въ концѣ концовъ окажется, что понятіе, имъ выражаемое, по существу своему, однородно съ понятіемъ о женской красотѣ. Многочисленныя наблюденія подтверждаютъ, что удовольствіе отъ созерцанія женской красоты совершенно тожественно съ наслажденіемъ, которое испытываютъ при созерцаніи *прекраснаго* вообще. Люди женолюбивые отличаются обыкновенно любовью къ прекрасному во всѣхъ его видахъ и страстью къ изящнымъ искусствамъ, доходящую у иныхъ до крайнихъ предѣловъ и самыхъ безумныхъ жертвъ. Прекрасною называютъ картину, напоминающую своими очертаніями женскую фигуру; прекрасными называются тѣ мысли и образы, въ которыхъ много женственности, какъ напримѣръ въ словахъ Юліи въ драмѣ Шекспира: «мѣсяцъ улыбался, какъ дитя на груди матери» и т. п. Отношеніемъ идеальной, эстетической красоты къ ея живому источнику и первообразу объясняется то обычное явленіе, что молодые люди увлекаются изъ всѣхъ видовъ изящнаго однимъ *прекраснымъ*, и предпочитаютъ красивый ландшафтъ исторической картинѣ, изображающей великодушные подвиги, любовь къ отечеству и другія героическія добродѣтели. По этой же причинѣ многія картинныя галереи нашего времени обратились въ собраніе метрессъ. Но ограничиваться исключительно прекраснымъ значитъ оскорблять нравственное достоинство человѣка. Изящныя искусства, по существу своему, гораздо важнѣе, нежели можетъ казаться: они призваны возвышать и облагороживать духовныя силы и отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ обществъ.

Истинный художникъ воспроизводитъ прекрасное точно также, какъ и женскую красоту. Послѣднюю изображаютъ обыкновенно подъ покровомъ: такъ и *прекрасное* (das schöne) надо осѣнять покровомъ *возвышеннаго* (das erhabene), и изъ соединенія этихъ двухъ началъ происходитъ *благородное* (das edle) и т. д. [27]).

Во время пребыванія своего въ Лейпцигѣ, Козодавлевъ, подобно другимъ русскимъ студентамъ, имѣлъ возможность пользоваться лекціями и бесѣдами знаменитаго въ свое время нѣмецкаго писателя Геллерта (Christian Fürchtegott Gellert, 1715—1769). «За счастіе почесть можно, — говоритъ Радищевъ — если удостоишься въ теченіи житія своего бесѣдовать съ мужемъ, въ мірѣ прославившимся; удовольствіемъ почитаемъ, если видимъ и отличившагося злодѣя, но отличнымъ счастіемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ счастіемъ пользовалися мы, хотя недолгое время, въ Лейпцигѣ, наслаждаяся *преподаваніями въ словесныхъ наукахъ извѣстнаго Геллерта»* [28]). По свидѣтельству, сохранившемуся въ бумагахъ члена россійской академіи В. А. Полѣнова, Козодавлевъ *«подъ руководствомъ Геллерта* и другихъ славныхъ ученыхъ мужей, составлявшихъ лейпцигскій университетъ, пріобрѣлъ рѣдкія познанія въ наукахъ и языкахъ». Геллертъ не принялъ предлагаемой ему каѳедры въ лейпцигскомъ университетѣ, и ограничился чтеніемъ публичныхъ лекцій. Предметомъ ихъ была изящная словесность. Онъ излагалъ теорію поэзіи и краснорѣчія, объяснялъ художественныя произведенія писателей, и разбиралъ собственные опыты студентовъ. О характерѣ публичныхъ лекцій Геллерта, привлекавшихъ множество слушателей, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ:

— При всей необходимости правилъ краснорѣчія и поэзіи, несомнѣнно то̀, что они не въ состояніи создать ни хорошаго мыслителя, ни хорошаго писателя. Правила эти, подобно тому, какъ и законы гражданскіе, должны быть видоизмѣняемы, расширяемы, а иногда даже и нарушаемы. Суть заключается не въ соблюденіи условныхъ формъ, а въ умѣньи соединять пріятное

съ полезнымъ, величественное съ трогательнымъ. Не пiитика и риторика, а вкусъ и чувство — лучшiе судьи литературныхъ произведенiй. Чтобы съ успѣхомъ подвизаться на литературномъ поприщѣ необходимы: талантъ, здравый смыслъ и знанiе; у кого ихъ нѣтъ, изъ того никогда невыйдетъ хорошаго писателя. Метроманiя — обычная болѣзнь молодежи; чтобы вылѣчиться отъ нея, надо ознакомиться со свойствами и требованiями истинной поэзiи, какъ излагаютъ ихъ Аристотель, Горацiй, Веда и Буало... Читайте древнихъ и новыхъ поэтовъ, и старайтесь прочувствовать ихъ произведенiя; но не пускайтесь сами въ авторство, пока не провѣрите своихъ силъ, и не услышите строгаго суда знатоковъ... Истинное назначенiе поэта заключается въ томъ, чтобы дѣйствовать на умы и сердца людей, просвѣщать и облагораживать ихъ. Тѣмъ необходимѣе самому поэту заботиться о просвѣщенiи своего ума и о развитiи въ сердцѣ своемъ любви къ добродѣтели. Слагайте гимны въ честь разума, добродѣтели и религiи. Можно писать и вещи шутливыя и забавныя; но насмѣшка ваша пусть будетъ поучительна или по крайней мѣрѣ невинна. Осмѣивайте глупость, но щадите доброе имя ближняго, и отнюдь не оскорбляйте религiи и добродѣтели. Поэтъ, произведенiя котораго развращаютъ сердца читателей, въ тысячу разъ преступнѣе убiйцы, поражающаго желѣзомъ и отравляющаго ядомъ. Какъ друзей и братьевъ умоляю васъ, прославляйте Творца, стремясь къ водворенiю царства мудрости и добра между людьми; въ пѣсняхъ вашихъ прославляйте его величiе. Проникаясь идеею Высшаго Существа, вы наполните умъ и сердце свое мыслями и чувствами самыми благородными и возвышенными...

Во время студенческихъ смутъ и волненiй, ничьи совѣты и увѣщанiя не дѣйствовали съ такою силою на молодежь, какъ искреннее, задушевное слово Геллерта, обращенное къ «друзьямъ и братьямъ», какъ называлъ онъ своихъ слушателей. И они вѣрили этому правдивому слову, и въ самой средѣ студентовъ являлись многiе, довершавшiе дѣло умиротворенiя, начатое всѣми

уважаемымъ профессоромъ. Вліяніе Геллерта чувствовалось и цѣнилось какъ молодымъ поколѣніемъ, такъ и его руководителями. При жизни онъ видѣлъ много доказательствъ сочувствія и довѣрія. Любовь къ нему слушателей высказалась и по смерти его — сооруженіемъ памятника учителю, учившему добродѣтели и религіи не только уроками своими, но и своимъ примѣромъ[29]).

Живя въ Лейпцигѣ, и находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ университетскимъ міромъ, русскіе студенты были окружены средою, въ высшей степени благопріятною для ихъ умственнаго развитія. Благодаря преимущественно участію живыхъ силъ университета, учено-литературная дѣятельность достигла самыхъ широкихъ размѣровъ. Это доказывается и появленіемъ множества повременныхъ изданій и образованіемъ различныхъ «обществъ» для разработки той или другой отрасли знаній и для содѣйствія успѣхамъ отечественной словесности.

Еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія основано въ Лейпцигѣ Поэтическое общество (Görlizische Poetische Gesellschaft), праздновавшее въ 1797 году столѣтній юбилей своего существованія. Особенно ревностнымъ дѣятелемъ въ этомъ обществѣ былъ извѣстный писатель своего времени Готшедъ. Изъ подражанія *Французской* Академіи (Académie *Française*) оно перемѣнило свое имя: вмѣсто «Поэтическаго Общества» стало называться *Нѣмецкимъ* Обществомъ (*Deutsche* Gesellschaft). Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія учреждено въ Лейпцигѣ общество подъ названіемъ: Collegium historiae literariae. Каждый изъ членовъ выбиралъ для своихъ занятій и рефератовъ какой-либо отдѣлъ изъ литературной исторіи, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ напримѣръ: исторію университетовъ и училищъ вообще; исторію библіотекъ; исторію ученыхъ обществъ, и т. п. Чтенія въ собраніяхъ общества происходили какъ на нѣмецкомъ, такъ и на латинскомъ языкѣ. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣсколько лейпцигскихъ студентовъ составили общество

(Dichter-gesellschaft), которому суждено было впослѣдствіи пріобрѣсти большое значеніе не только для края, но и для нѣмецкой образованности вообще. Въ собраніяхъ и предпріятіяхъ общества принимали участіе такіе крупные таланты, какъ Клопштокъ, Геллертъ, и др. Также изъ студенческой среды вышло, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, литературное общество подъ названіемъ Дружескаго Союза (das Bündniss zärtlicher freunde). Оно переименовано потомъ въ Общество друзей-стихотворцовъ (Gesellschaft dichtender freunde), и т. д. [30]).

Число повременныхъ изданій возрастало съ необыкновенною быстротою, которая тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что выходили не эфемерныя бездѣлки, а вещи серьезныя, дѣльныя и долговѣчныя, оставлявшія прочный слѣдъ въ наукѣ и литературѣ. Почти ежегодно, появлялись новыя повременныя изданія, отъ Europäische Fama, 1702 г., до Leipziger Jahrbuch der neuesten literatur, 1800 г. [31]).

Русскіе студенты не оставались равнодушными къ литературной дѣятельности окружающей ихъ среды. Они не только читали выходившія на ихъ глазахъ повременныя изданія, но и сами принимали въ нихъ нѣкоторое участіе. По крайней мѣрѣ такъ можно полагать на основаніи словъ извѣстнаго писателя Вейсе, редактора одного изъ главнѣйшихъ изданій того времени—Новой библіотеки изящныхъ искусствъ; онъ показывалъ Карамзину исторію русскаго театра, написанную Дмитревскимъ для его журнала, и переведенную на нѣмецкій языкъ русскими студентами лейпцигскаго университета. По всей вѣроятности, ими же переведено и любопытное извѣстіе о русскихъ писателяхъ, напечатанное въ журналѣ Вейсе, и послужившее ближайшимъ поводомъ къ изданію знаменитаго словаря Новикова [32]).

III.

Козодавлевъ возвратился въ Россію съ богатымъ запасомъ свѣдѣній и съ живою готовностью посвятить свои молодыя силы на службу отечеству. Съ превосходною подготовкою начиналъ

онъ свою общественную дѣятельность. Но при всемъ достоинствѣ университетскихъ курсовъ, выслушанныхъ заграницею, Козодавлевъ на первыхъ же порахъ замѣтилъ важный пробѣлъ въ своемъ юридическомъ образованіи. Познанія, пріобрѣтенныя имъ въ лейпцигскомъ университетѣ, относились къ теоріи права и къ различнымъ иностраннымъ законодательствамъ, древнимъ и новымъ. Но онъ вовсе не былъ знакомъ ни съ русскими законами, ни съ русскимъ судопроизводствомъ. Для восполненія этого пробѣла особенно полезною представлялась служба въ сенатѣ, куда стекались дѣла самаго разнообразнаго содержанія.

По возвращеніи въ Россію пажъ Осипъ Козодавлевъ обратился къ генералъ-прокурору, князю Вяземскому, съ просьбою объ опредѣленіи въ сенатъ. Козодавлевъ писалъ:

Сіятельнѣйшій князь,

Милостивый государь!

Будучи я, по высочайшей милости нашея премудрыя монархини, посланъ въ лейпцигскій университетъ для обученія такихъ наукъ, которыя всякому человѣку, желающему штатскою службою пользоваться, необходимо нужны, я всѣми моими силами старался намѣреніе ея величества исполнить. И теперь нижайше ваше сіятельство прошу меня принять въ ваше покровительство и *опредѣлить меня въ правительствующій сенатъ, зная, что я нигдѣ такъ способно мою службу продолжать не могу, какъ тутъ;* а потому, что я *ни обрядовъ, ни правъ россійскихъ не знаю,* то покорно *прошу мнѣ такое мѣсто дать, гдѣ бы онымъ научиться могъ.* Въ прочемъ поручая себя въ ваше покровительство, имѣю честь быть съ истинною предаппостію и съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всенижайшій и покорнѣйшій слуга Осипъ Козодавлевъ. С.-Петербургъ. Ноября 23 дня 1774 года.

Черезъ нѣсколько дней, именно 28 ноября 1774 года, ея величество соизволила «пожаловать обучавшагося въ лейпциг-

скомъ университетѣ пажа Осипа Козодавлева въ сенатъ протоколистомъ [33])». Пожалованіе это имѣло видъ награды за ревностную службу пажа-студента. Въ грамотѣ говорится: «Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что мы Осипа Козодавлева, который при дворѣ нашемъ пажемъ служилъ, за оказанную его къ службѣ нашей ревность и прилежность, въ наши сенатскіе протоколисты, въ рангъ сухопутнаго капитана, тысяща седьмь сотъ семдесятъ четвертаго года ноября двадесять восьмаго дня, всемилостивѣйше пожаловали и учредили, яко же мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ нашимъ подданнымъ онаго Осипа Козодавлева нашимъ сенатскимъ протоколистомъ, въ рангѣ сухопутнаго капитана, надлежащимъ образомъ признавать и почитать. Напротивъ чего и мы надѣемся, что онъ въ томъ, ему отъ насъ всемилостивѣйше пожалованномъ, чинѣ такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму рабу надлежитъ. Во свидѣтельство того мы сіе нашему правительствующему сенату подписать и государственною нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ, августа 4 дня 1777 года [34])».

Прослужа около трехъ лѣтъ въ рангѣ сухопутнаго капитана, Козодавлевъ былъ повышенъ въ рангъ сухопутнаго подполковника: изъ сенатскихъ протоколистовъ произведенъ въ сенатскіе экзекуторы. Въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ сената, 21 іюня 1777 года, генералъ-прокуроръ князь Александръ Асексѣевичъ Вяземскій заявилъ, что для занятія открывшихся экзекуторскихъ мѣстъ онъ признаетъ достойными премьеръ-маіора Яворскаго и сенатскаго протоколиста *Осипа Козодавлева.* Правительствующій сенатъ приказали: Яворскому и Козодавлеву быть сенатскими экзекуторами, и Козодавлеву числиться въ новомъ чинѣ «съ заслугою одного года» [35]).

По постановленію сената, Козодавлевъ, бывшій въ то время экзекуторомъ четвертаго департамента, опредѣленъ, 18 декабря 1780 года, совѣтникомъ с.-петербургской палаты гражданскаго суда [36]). Въ должности этой Козодавлевъ оставался до 1783 года.

IV.

Въ началѣ 1783 года послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось «для управленія дѣлъ экономическихъ по с.-петербургской академіи наукъ и прочихъ, касающихся до наблюденія порядка, опредѣлить въ помощь директору академіи наукъ двухъ совѣтниковъ шестаго класса». Одно изъ этихъ мѣстъ занялъ Козодавлевъ. Въ общемъ собраніи всѣхъ департаментовъ сената, 27 января 1783 года, постановлено: совѣтнику с.-петербургской гражданской палаты надворному совѣтнику Осипу Козодавлеву быть совѣтникомъ при директорѣ с.-петербургской академіи наукъ [37]). Директоромъ, т. е. президентомъ академіи была въ то время княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Назначеніе Козодавлева совѣтникомъ академіи наукъ нельзя назвать простою случайностью. Въ выборѣ лицъ, подобныхъ Козодавлеву, высказывалось желаніе отрѣшиться отъ бюрократическихъ преданій и не вносить въ ученую среду враждебныхъ ей началъ. Исторія академіи наукъ, какъ и исторія другихъ ученыхъ учрежденій, представляетъ немало примѣровъ столкновенія и борьбы между двумя противоположными началами: наукою и бюрократіей. При назначеніяхъ и даже при выборахъ на ту или другую *должность* возникалъ довольно жгучій вопросъ, заключающійся въ томъ, кому отдавать преимущество, представителямъ ли науки, ученымъ не только по званію, но и по призванію, по своимъ трудамъ и заслугамъ, или же такъ называемымъ дѣльцамъ, хотя и попавшимъ въ ученую среду, но отличавшимся отнюдь не научными, а административными способностями, т. е. умѣренностью и аккуратностью. Иногда казалось, что практичнѣе и сподручнѣе распредѣлять должности исключительно между «дѣльцами». Но опытъ обнаруживалъ невѣрность подобнаго взгляда. Люди науки все болѣе и болѣе чуждались дѣлъ, и автономія учрежденія подрывалась въ самомъ корнѣ: ученое общество, въ лицѣ своихъ лучшихъ представите-

лей, слагало съ себя управленіе своими дѣлами, отдавая ихъ въ руки людей, хотя и носившихъ ученое званіе, но въ сущности бывшихъ чиновниками, а не учеными въ настоящемъ значеніи этого слова. Но автономія пріобрѣтала дѣйствительную силу, когда на должностныхъ мѣстахъ являлись ученые, а не бюрократы. Невольно вспоминается при этомъ образъ дѣйствій академика Румовскаго и его достойныхъ товарищей въ борьбѣ ихъ съ директоромъ академіи наукъ (Домашневымъ), силившимся захватить въ свои руки непринадлежащую ему власть. Очевидные факты, при помощи даже судебнаго слѣдствія, показали, до какой степени люди науки способны управлять общественными дѣлами, руководствуясь требованіями закона и справедливости.

Борьба, возникшая въ академіи наукъ между директоромъ и академиками, повлекла за собою паденіе директора и назначеніе на его мѣсто княгини Дашковой. Хорошо понимая тогдашнее положеніе вещей, Дашкова не колебалась, чью сторону принять и кому выразить сочувствіе: предшественнику ли своему или его противникамъ. Слова, сказанныя ею знаменитому Эйлеру: «гдѣ бы вы ни сѣли, вамъ всегда будетъ принадлежать первое мѣсто» обрисовываютъ взглядъ новаго президента на права науки и ея представителей. Хотя должность *совѣтника* была чисто административною, но она не заслоняла собою и другихъ сторонъ академической жизни. Въ лицѣ академическаго совѣтника допускался въ академію, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не канцелярскій чиновникъ, а дѣловой человѣкъ, образованный и просвѣщенный, который былъ бы въ состояніи не только завѣдывать дѣлопроизводствомъ, но и участвовать, въ большей или меньшей степени, въ научныхъ и литературныхъ предпріятіяхъ академіи. Требовалось не одно только знаніе обычныхъ пріемовъ дѣлопроизводства, но и научное образованіе, и знакомство съ литературою, и ясное пониманіе правъ и обязанностей ученой корпораціи. При подобныхъ требованіяхъ весьма естественно, что выборъ палъ на Козодавлева, выдѣлявшагося по своей образованности изъ общаго уровня тогдашняго судебнаго міра.

Будучи совѣтникомъ академіи наукъ, Козодавлевъ завѣдывалъ изданіемъ Собесѣдника любителей россійскаго слова и полнаго собранія сочиненій Ломоносова. Первый листъ всякой книги, печатавшейся въ типографіи академіи наукъ, отсылался къ Козодавлеву, чтобы онъ могъ видѣть какъ форматъ книги, такъ и распорядокъ строкъ и литеръ. И въ томъ и въ другомъ необходимо было сдѣлать улучшеніе [38]). Въ качествѣ академическаго совѣтника Козодавлевъ обратилъ большое вниманіе на типографію. Въ своемъ донесеніи княгинѣ Дашковой онъ говоритъ: «Разсмотря состояніе академическихъ типографій и успѣхи производимыхъ въ нихъ работъ, нахожу главный недостатокъ въ смотрѣніи за чистотою печатанія, въ которомъ вольные типографщики превосходя академическую типографію, привлекаютъ къ себѣ большую часть постороннихъ авторовъ. А какъ сдѣланныя прежде о типографіяхъ положенія въ существѣ своемъ довольно основательны, и большею частію нарушаются только отъ недостаточнаго смотрѣнія, то неугодно ли будетъ для благоуспѣшнѣйшаго за типографскими работами надзиранія опредѣлить въ помощь къ г. академику Протасову, который, занимаясь должностію по ученому собранію, не имѣетъ для смотрѣнія за типографіею довольно времени, г. переводчика Бардевика, который, по мнѣнію моему, къ сей должности способенъ. Для удержанія же академическихъ типографскихъ служителей при ихъ должностяхъ во все то время, которое имъ при оныхъ быть предписано, и для отдаленія ихъ отъ всякаго сообщенія съ содержателями вольныхъ типографій, въ пользу которыхъ могутъ они быть поползновенны и къ противнымъ пользѣ академіи дѣламъ, необходимо нужно всѣхъ и каждаго обязать подпискою, что ежели кто будетъ имѣть сообщеніе съ вольными типографіями, то оное будетъ признано за умышленіе, къ ущербу интереса клонящееся, и поступлено будетъ по всей строгости законовъ. Притомъ небезызвѣстно, что г. академикъ Протасовъ, сверхъ вышепомянутыхъ должностей, занимается также смотрѣніемъ за словолитною, пунсонною, гравировальною и фигур-

ною палатами. Всѣ сіи должности раздѣляютъ время его такъ, что для смотрѣнія за типографіею не остается почти никакого».

Помощнику академика, опредѣленному для ближайшаго наблюденія за ходомъ типографскихъ работъ, дана была инструкція или «наставленіе». Оно состоитъ изъ четырехъ пунктовъ; четвертый пунктъ, предоставляющій право почина лицамъ подчиненнымъ, прибавленъ собственноручно Козодавлевымъ:

1.

Имѣть вамъ смотрѣніе за всѣми вообще типографскими служителями, чтобъ они ни подъ какимъ видомъ сообщенія съ содержателями вольныхъ типографій не имѣли, дабы чрезъ сіе предохранить интересъ академіи отъ того ущерба, какой оный претерпѣть можетъ чрезъ переносъ казенныхъ литеръ въ вольныя типографіи и чрезъ поспѣшнѣйшее производженіе въ оныхъ работъ, нежели въ академическихъ типографіяхъ.

2.

Наблюдать вамъ со всевозможнымъ раченіемъ, чтобъ всѣ вообще типографскіе служители приходили къ должностямъ въ предписанные часы, и до истеченія оныхъ безъ дозволенія и законныхъ нуждъ не отлучались отъ своихъ работъ.

3.

Какъ поспѣшность въ работахъ и чистота въ печатаніи могутъ наиболѣе обратить къ академіи постороннихъ авторовъ, то поспѣшность и чистота должны быть предметами всегдашняго вашего попеченія, и на сей конецъ имѣете вы наблюдать, чтобы литеры употреблялись всегда самыя лучшія; чтобы станы были въ надлежащей исправности, и чтобы бумага и прочіе матеріалы были, ежели не лучше, то и не хуже тѣхъ, какіе употребляются въ вольныхъ типографіяхъ.

4.

Ежели вы какой-либо способъ найдете поправить литеры, или печатаніе, или же другое что̀, служащее къ пользѣ и чести академической типографіи, то о томъ представить ко мнѣ на разсмотрѣніе [39]).

Собесѣдникъ любителей россійскаго слова печатался въ значительномъ для того времени количествѣ экземпляровъ, и спросъ на него иногда былъ довольно большой. По отпечатаніи второй части Собесѣдника сдѣлано такое распоряженіе: изъ 1812 экземпляровъ, 6 переплести въ сафьянный переплетъ для поднесенія ея величеству; 3 въ кожаный переплетъ княгинѣ Дашковой и ей же 50 въ бумажку; 250 въ здѣшнюю книжную лавку для продажи *по рублю*; 100 въ Москву; 1000 отдать въ магазинъ; 50 Козодавлеву, за которые онъ и внесетъ деньги; 12 Козодавлеву же для раздачи трудившимся; остальные 341 хранить въ типографіи [40]). Назначаемое для Москвы число экземпляровъ оказалось черезчуръ недостаточнымъ. Переводчикъ Борисяковъ доносилъ, изъ Москвы, академіи: «присланное число сто экземпляровъ Собесѣдника любителей россійскаго слова все уже сошло, а *отъ публики чрезмѣрно онаго еще требуется* [41])».

Въ 1783 году предпринято было новое изданіе сочиненій Ломоносова. Въ дневной запискѣ академіи наукъ 25 августа 1783 года читаемъ: «Полнаго собранія сочиненій г. Ломоносова, въ четырехъ частяхъ, напечатать въ книжной типографіи на красносельской, именуемой любской, бумагѣ шесть сотъ экземпляровъ, съ апробаціи корректуръ первыхъ листовъ г. совѣтника Козодавлева, да на александрійской бумагѣ сто экземпляровъ» [42]).

Начатое Козодавлевымъ изданіе сочиненій Ломоносова послужило поводомъ къ насмѣшкамъ надъ издателемъ, называвшимъ себя нелицемѣрнымъ другомъ *мурзы* Державина [43]). Членъ

россійской академіи А. С. Хвостовъ, извѣстный своимъ остроуміемъ, написалъ на Козодавлева эпиграмму:

Онъ Како, другъ крамзы, но только другъ нахальный,
Кѣмъ изуродованъ какъ бабкой повивальной
Малербъ россійскихъ странъ, пресладостный пѣвецъ.

Онъ Како—Осипъ Козодавлевъ; *крамза* — мурза (Державинъ); *Малербъ россійскихъ странъ*—Ломоносовъ.

Козодавлевъ успѣлъ напечатать только первую часть сочиненій Ломоносова, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія его, 22 августа 1784 года, управлявшему тогда академіею наукъ Степану Ѳедоровичу Стрекалову: «Вслѣдствіе приказанія ея сіятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой *имѣлъ я попеченіе объ изданіи Собесѣдника любителей россійскаго слова.* Чего ради, отлучаясь нынѣ отъ академіи, имѣю честь представить вашему превосходительству *пять* корректурныхъ листовъ *печатаемой нынѣ* XVI части помянутаго изданія, равно и остальныя сочиненія, коп еще ненапечатаны. А какъ также и *изданіе сочиненій Ломоносова было возложено на меня,* то присемъ представляю также *корректурные листы второй, нынѣ печатаемой, части тѣхъ сочиненій,* прося приказать мнѣ выдать билетъ для полученія второй и слѣдующихъ частей Ломоносова твореній *новаго* изданія, ибо я цѣлый экземпляръ тѣхъ сочиненій *стараго* изданія, принадлежащій мнѣ, отдалъ въ академію, съ котораго сіе новое изданіе и печатается, и для того резолюціею отъ 24 апрѣля сего 1784 года положено мнѣ выдать полный экземпляръ новаго изданія, когда оное напечатается. Я по сіе время получилъ первую часть, и, отлучаясь отъ академіи, прошу о пожалованіи мнѣ билета и для слѣдующихъ частей [44])».

Козодавлевъ не говоритъ, какое именно *старое* изданіе онъ отдалъ въ типографію, чтобы съ него печаталось *новое.* Изъ предшествовавшихъ собраній сочиненій Ломоносова особенно выдается то, надъ которымъ трудился замѣчательный человѣкъ

своего времени, архимандритъ, впослѣдствіи нижегородскій епископъ, Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, питомецъ геттингенскаго университета. Оно вышло въ 1778 году, подъ заглавіемъ: Покойнаго статскаго совѣтника и профессора Михайлы Васильевича Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Издатель, посвящая трудъ свой членамъ Вольнаго россійскаго собранія, подписался такъ: Московской славяно-греко-латинской академіи ректоръ, священной богословіи профессоръ, геттингскаго историческаго института членъ. Подобно изданію Дамаскина, изданіе Козодавлева начинается разсужденіемъ Ломоносова о пользѣ книгъ церковныхъ для русскаго языка. Порядокъ, въ которомъ размѣщены стихотворенія, у Козодавлева совершенно тотъ же, что у Дамаскина, за самыми незначительными отступленіями [45]). Варіанты тѣ же, что у Дамаскина, которому принадлежитъ заслуга самой тщательной провѣрки текста по разнымъ редакціямъ. Ни малѣйшаго уклоненія отъ изданія Дамаскина, ни въ словахъ, ни въ оборотахъ, незамѣтно, а потому и обвиненіе, что Козодавлевъ будто бы искажалъ текстъ произвольными перемѣнами, падаетъ само собою. Напротивъ того, сохранивши въ своемъ изданіи всѣ варіанты, отмѣченные Дамаскинымъ, онъ тѣмъ самымъ оградилъ текстъ Ломоносова отъ позднѣйшихъ поправокъ и искаженій.

Въ изданіи Козодавлева впервые появились въ печати: переложеніе сто-третьяго псалма, отысканное въ рукописяхъ Ломоносова, оставшихся послѣ его смерти; нѣсколько стихотвореній и довольно много писемъ къ Шувалову. Въ числѣ неизданныхъ стихотвореній находится и то, которое написано Ломоносовымъ на пути въ Петергофъ, куда онъ отправился просить о подписаніи привилегіи для академіи, о чемъ онъ уже много разъ просилъ, но все безполезно. Наскучивъ неудачами, онъ завидуетъ «кузнечику», который ни о чемъ не проситъ, и никому необязанъ.

Обнародованіемъ писемъ Ломоносова, которыя могли бы исчезнуть безвозвратно, Козодавлевъ оказалъ большую услугу русской литературѣ. Самая мысль помѣстить эти письма въ со-

бранiи *сочиненiй* Ломоносова доказываетъ образованность Козодавлева, цѣнившаго въ литературныхъ памятникахъ не ихъ внѣшнюю форму, а ихъ внутреннiй смыслъ и содержанiе. Какъ бы защищая себя отъ неминуемыхъ упрековъ, Козодавлевъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Хотя сiи письма и не заключаютъ въ себѣ много, касающагося до наукъ, и не обращаютъ содержанiемъ своимъ любопытство *каждаго* читателя; но поелику все, что произошло изъ пера г. Ломоносова, не можетъ быть недрагоцѣнно, то сей причины ради онѣ въ собранiи семъ и напечатаны, тѣмъ наипаче, что онѣ открываютъ публикѣ нѣкоторыя обстоятельства жизни сего великаго писателя». Оговорка эта была невольною данью своему времени. Въ дѣйствительности же, переписка Ломоносова съ Шуваловымъ имѣетъ большое значенiе не только для бiографiи Ломоносова, но и для вѣрной оцѣнки его учено-литературной дѣятельности.

Жизнеописанiе Ломоносова, приложенное къ первому тому изданiя Козодавлева, приписывали Дамаскину [46]). Но по всей вѣроятности оно составлено Штелинымъ, или по его матерiаламъ, и переведено на русскiй языкъ Веревкинымъ [47]).

Недолго, всего полтора года, прослужилъ Козодавлевъ въ академiи наукъ, въ должности совѣтника; но и въ это короткое время имѣлъ не мало доказательствъ особеннаго вниманiя къ его службѣ. Онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и прибавку къ жалованью (240 руб. къ 750 въ годъ) «за усердные по дѣламъ академическимъ труды и порядочное исправленiе должности». Государыня пожаловала ему «изрядную съ брильянтами табакерку [48])». Въ докладѣ своемъ императрицѣ директоръ академiи наукъ, княгиня Дашкова, дорожившая просвѣщенными сотрудниками, говоритъ: «Соревнуя долгу служенiя, и усердствуя воздавать справедливость отличнымъ способностямъ и раченiю

къ службѣ, осмѣливаюсь испрашивать повышенія чиновъ опредѣленнымъ мнѣ въ помощь совѣтникамъ, подполковнику Василью Ушакову и надворному совѣтнику Осипу Козодавлеву. Оба они, отлича себя, подъ моимъ руководствомъ, въ разныхъ, къ пользѣ и чести академіи служащихъ, распоряженіяхъ, и усердствуя болѣе и болѣе возстановлять во всемъ желаемый мною порядокъ, радѣніемъ своимъ весьма много способствовали въ тѣхъ успѣхахъ, кои теперь въ теченіи дѣлъ академическихъ ощутительны. Надворный совѣтникъ Осипъ Козодавлевъ служилъ въ настоящемъ чинѣ съ 1778 года, іюня съ 21 числа, по 18 декабря 1781 года, въ четвертомъ сената департаментѣ экзекуторомъ; потомъ опредѣленъ въ с.-петербургскую гражданскую палату совѣтникомъ за урядъ съ тѣмъ же чиномъ, хотя не только сверстники его, но и тѣ, кои гораздо моложе, произведены коллежскими совѣтниками. Онъ, оказывая неутомимое стараніе въ исправленіи своей должности, воззываетъ усердіемъ своимъ, равно какъ и товарищъ его, мою признательность къ отданію имъ, передъ лицемъ Вашего Величества, всей справедливости [49])».

V.

Изъ академіи наукъ Козодавлевъ перешелъ въ комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ. Переходъ этотъ не былъ случайнымъ перемѣщеніемъ изъ одного вѣдомства въ другое; онъ имѣетъ разумный смыслъ, будучи вызванъ обстоятельствами времени, живою потребностью въ людяхъ, готовыхъ послужить дѣлу народнаго образованія. Новая среда, въ которую вступалъ просвѣщенный дѣятель, не была для него чуждою. Между академіею наукъ и комиссіею о народныхъ училищахъ существовала внутренняя связь, и происходили постоянныя сношенія. Для достиженія цѣли, положенной въ основу комиссіи, требовались дружныя усилія просвѣщенныхъ людей, число которыхъ было такъ невелико въ тогдашнемъ обществѣ. Создать цѣлую систему народнаго образованія, открыть во всѣхъ

краяхъ Россіи училища, доступныя для всѣхъ слоевъ народа, и представляющія строгую постепенность въ переходѣ отъ самаго простаго къ наиболѣе сложному, отъ сельскихъ школъ до университетовъ, — вотъ та великая и прекрасная задача, которая выпала на долю коммиссіи. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ тружениковъ на этомъ поприщѣ является Козодавлевъ.

Мы имѣли уже случай говорить о значеніи коммиссіи о народныхъ училищахъ въ нашей умственной и общественной жизни. Поэтому отмѣтимъ здѣсь только тѣ данныя, которыя свидѣтельствуютъ о дѣятельномъ участіи Козодавлева въ трудахъ и предпріятіяхъ коммиссіи.

Въ 1784 году вступилъ Козодавлевъ въ коммиссію о народныхъ училищахъ, и оставался въ ней до 1797 года. Онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ работахъ коммиссіи, и многое изъ того, что̀ дошло до насъ подъ видомъ коллективнаго труда, было въ сущности его личнымъ трудомъ. Сверхъ того, на него возлагаемы были и должность директора народныхъ училищъ, и обязанности визитатора, что̀ ставило его лицомъ къ лицу съ тогдашнимъ бытомъ, и наглядно знакомило его съ нуждами и требованіями общества, среди котораго открывались первые разсадники просвѣщенія.

Именными указами 23-го августа 1784 года повелѣвалось: Храповицкому «присутствовать въ коммиссіи», а Козодавлеву — «быть въ вѣдомствѣ коммиссіи для употребленія его къ дѣлу по разсмотрѣнію ея». Немедленно по полученіи этихъ указовъ коммиссія постановила: для облегченія директора училищъ Янковича-де-Миріево, обремененнаго множествомъ дѣлъ, поручить Козодавлеву «присмотръ по части учебной» за всѣми народными училищами петербургской губерніи, число которыхъ увеличивалось день ото дня, и потому явилась необходимость въ опредѣленіи «нарочнаго человѣка». Въ чемъ состояла обязанность этого нарочнаго человѣка, и какъ ее слѣдовало исполнять, видно изъ наставленія или инструкціи, данной Козодавлеву. Она составлена Янковичемъ-де-Миріево, слегка измѣнена коммиссіею, и

утверждена ею 10-го сентября 1784 года. Тогда же Козодавлевъ назначенъ преемникомъ Янковича-де-Миріево съ званіемъ *директора народныхъ училищъ.* Инструкція состояла въ слѣдующемъ [50]):

Наставленіе народныхъ училищъ санктпетербургскія губерніи директору, г. колежскому совѣтнику Осипу Козодавлеву.

1) Какъ способъ ученія, учебные предметы, поведеніе учителей и весь школьный порядокъ для классовъ перваго и втораго показаны въ руководствѣ учителямъ, то и надлежитъ вамъ почерпнуть о томъ нужное свѣдѣніе изъ вышереченнаго руководства, коего предписаній держася, смотрѣть при посѣщеніи училищъ, исполняютъ ли учители и ученики должности свои такъ, какъ имъ предписано. Для сего

2) Имѣть вамъ списокъ учителей училищъ, подъ вашимъ присмотромъ находящихся, въ которомъ показывать: имена ихъ; откуда они родомъ; коликихъ лѣтъ; изъ какого состоянія; гдѣ учились или прежде служили; сколько получаютъ жалованья; съ котораго времени въ должность вступили; женаты ли или нѣтъ; какого поведенія и прилежанія внѣ и во время ученія, и какихъ въ прочемъ нравовъ.

3) Имѣть другой списокъ ученикамъ, которые при началѣ каждаго учебнаго теченія въ училища вступаютъ, съ означеніемъ ихъ именъ, лѣтъ, состоянія и дня вступленія ихъ въ школу, такъ какъ и тѣхъ, которые между тѣмъ изъ училища выбыли, съ показаніемъ причины.

4) Вести еще одинъ списокъ всѣмъ здѣшнимъ и уѣзднымъ народнымъ училищамъ, въ которой части города, въ какихъ домахъ и подъ какимъ нумеромъ которое находится; естьли же домъ принадлежитъ собственно училищу, то какъ оный пріобрѣтенъ, сколь великъ, и что кромѣ училища еще въ себѣ содержитъ; потомъ, во сколькихъ покояхъ состоитъ училище, и именно сколько для учителей, сколько для классовъ и проч.; сколько

въ немъ скамеекъ, черныхъ большихъ досокъ и прочихъ, къ школѣ принадлежащихъ, вещей. Чего ради и должно вамъ записывать, когда чего прибудетъ и убудетъ. Въ семъ же спискѣ означать и имя смотрителя, приставленнаго къ училищу со стороны приказа общественнаго призрѣнія. Изъ всѣхъ сихъ трехъ списковъ вносить по одному экземпляру въ комиссію.

5) Каждое изъ здѣшнихъ частныхъ городскихъ народныхъ училищъ осмотрѣть вамъ по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю, пансіоны здѣшняго города — однинъ разъ, уѣздныя же школы — каждое учебное теченіе по крайней мѣрѣ однажды, примѣчая, какъ учители предписанный имъ учебный порядокъ наблюдаютъ, и какъ преподаваніе учебныхъ предметовъ производятъ.

6) Если найдете за учителями какую нибудь неисправность, что напр. или въ классы поздно приходятъ, или совсѣмъ выбываютъ; то имъ о должности ихъ, однако не предъ учениками, напоминать, а день и мѣсяцъ небытія ихъ въ классахъ въ журналѣ вашемъ отмѣчать, куда вносить также и другія всѣ, до училищъ касающіяся, примѣчанія, чинимыя вами во время вашихъ осмотровъ.

7) Почасту навѣдываться, ходятъ ли учители въ праздничные и воскресные дни съ учениками своими въ церьковь, и пріобщаются ли въ положенное время Святыхъ Таинъ.

8) Смотрѣть, чтобъ училища снабдены были всѣ довольнымъ числомъ скамеекъ, черныхъ и аспидныхъ досокъ, губкою, мѣломъ, часами, стульями, бумагою для опытныхъ прописей, и для трехъ классовъ тремя столами. О чемъ сноситься вамъ съ надзирателемъ народныхъ училищъ, приказа общественнаго призрѣнія членомъ г. колежскимъ ассесоромъ Степаномъ Струговщиковымъ, коему надзираніе въ оныхъ по части хозяйственной именнымъ высочайшимъ ея императорскаго величества указомъ предписано.

9) Стараться, дабы учители опредѣленное имъ жалованье, дрова и свѣчи исправно и въ свое время получали, и чтобъ учи-

лище ни въ чемъ нужды не терпѣло, о чемъ напоминать также надзирателю.

10) Безъ вѣдома комиссіи не вступать по училищамъ ни въ какія новыя распоряженія, которыя въ руководствѣ учителямъ 1-го и 2-го классовъ непредписаны или же имъ противны.

11) Принимать вамъ отъ здѣшнихъ городскихъ учителей еженедѣльные рапорты, а отъ уѣздныхъ ежемѣсячные, и отдавать оные въ канцелярію комиссіи. Естьли вы нужды какія и недостатки по онымъ въ училищахъ усмотрите, то оные исправлять; а буде важное, то и самой комиссіи доносить. Изъ оныхъ рапортовъ и списковъ прилежанія, подаваемыхъ вамъ при открытыхъ испытаніяхъ, сочинять и представлять комиссіи, при концѣ каждаго учебнаго теченія, полный рапортъ о внутреннемъ состояніи всѣхъ, подъ вашимъ вѣдѣніемъ находящихся, городскихъ и уѣздныхъ народныхъ училищъ.

12) О книгахъ для бѣдныхъ представлять комиссіи, и наблюдать, чтобъ училища оными и прочими, до ученія касающимися, вещами снабдены были, всегда однако представляя напередъ комиссіи, что̀ нужно, и ожидая отъ нея рѣшенія. Принимать вамъ также отъ учителей представленія, какъ о нуждахъ классныхъ, такъ и ихъ собственныхъ, доносить объ оныхъ комиссіи, и получаемыя отъ нея рѣшенія сообщать имъ.

13) Наблюдать, чтобъ при концѣ каждаго учебнаго теченія производимы были открытыя испытанія во всѣхъ какъ здѣшнихъ частныхъ городскихъ, такъ и уѣздныхъ училищахъ, при чемъ дѣлать нужныя къ тому распоряженія и пріуготовленія, и стараться сколько можно, дабы при открытыхъ испытаніяхъ вездѣ самому присутствовать.

14) Имѣть попеченіе, чтобъ въ училищахъ соблюдаема была всякая благопристойность, какъ отъ учителей, такъ и учениковъ. Если паче чаянія случится, что ученикъ въ проступкахъ своихъ или порокахъ, по многократнымъ увѣщаніямъ, еще не исправляется, то дать знать родителямъ или сродникамъ таковаго о закоснѣніи онаго во злѣ, и объявлять при томъ, что естьли сынъ

ихъ или родственникъ еще не исправится, то изъ школы будетъ выключенъ,—что̀ и дѣйствительно вамъ дѣлать, когда ученикъ не перемѣнится, записывая въ книгѣ или журналѣ вашемъ выключку ученика и вину его, и донося о томъ въ общемъ рапортѣ, по истеченіи школьнаго теченія, комиссіи.

15) Надобно вамъ всегда освѣдомляться, приходятъ ли всѣ ученики въ училища, а въ случаѣ болѣзни самыхъ прилежныхъ и благоправныхъ, настоять, дабы учители сами ихъ навѣщали, и такимъ образомъ уваженіе и любовь какъ отъ родителей, такъ и отъ самихъ учениковъ себѣ пріобрѣтали. При чемъ должно вамъ почаще въ покои учительскіе заходить, и естьли у нихъ есть пансіонеры, смотрѣть, какъ оные содержатся, и наблюдаютъ ли учители предписанное комиссіею о пансіонерахъ въ уставѣ главнаго народнаго училища, съ которыя статьи вамъ нужно также имѣть копію. Недозволять же, чтобъ учители во время учебныхъ своихъ часовъ кого приватно въ другихъ покояхъ обучали, а менѣе всего по книгамъ, которыя въ училищахъ народныхъ не приняты.

16) Наблюдать, чтобъ никто въ учительскую должность не вступалъ, и въ народныхъ училищахъ не обучалъ, кто отъ комиссіи къ тому не опредѣленъ.

17) Сверхъ сего имѣете вы исполнять по такъ называемымъ пансіонамъ сего города все то̀, что̀ по должности директора вамъ комиссіею можетъ быть впредь поручено, когда отъ нея надлежащія по онымъ распоряженія учинены будутъ.—

Въ 1786 году утвержденъ былъ новый уставъ народныхъ училищъ, по которому право выбора и опредѣленія на должность директора училищъ предоставлялось генералъ-губернаторамъ. Въ уставѣ сказано: «Директоръ народныхъ училищъ выбирается и опредѣляется генералъ-губернаторомъ. Онъ долженъ быть любитель наукъ, порядка и добродѣтели, доброхотствующій юношеству, и знающій цѣну воспитанія [51])». Хотя Козодавлевъ обладалъ всѣми этими качествами, но онъ нуженъ былъ комиссіи для предпринятыхъ ею, въ высшей степени

важныхъ, работъ, и потому она рекомендовала на должность директора другое лицо, именно Струговщикова, а Козодавлева уволнила отъ этой должности, «для порученія ему у себя иныхъ дѣлъ [52])». Въ числѣ этихъ дѣлъ заслуживаетъ особеннаго вниманія осмотръ народныхъ училищъ въ десяти губерніяхъ. Для руководства Козодавлеву составленъ былъ Янковичемъ-де-Миріево «наказъ», одобренный комиссіею, какъ вполнѣ соотвѣтствующій ея намѣреніямъ. Наказъ этотъ любопытенъ по заключающимся въ немъ чертамъ вѣка, рисующимъ тогдашніе взгляды и требованія, и относящимся не къ одному только кругу собственно учебнаго дѣла. Сверхъ преподаванія, на учителей возлагалось также составленіе географическаго и статистическаго описанія различныхъ мѣстностей Россіи, и т. п. [53]).

Наказъ господину коллежскому совѣтнику и кавалеру Осипу Петровичу Козодавлеву на осмотръ Народныхъ Училищъ и Пенсіоновъ въ десяти губерніяхъ.

1) Комиссія объ учрежденіи училищъ поручаетъ г-ну коллежскому совѣтнику и кавалеру Осипу Петровичу Козодавлеву осмотрѣть всѣ Народныя Училища и Пенсіоны, какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ оные въ 10-ти слѣдующихъ губерніяхъ есть, а именно: въ новгородской, тверской, московской, калужской, тульской, рязанской, тамбовской, владимірской, ярославской и вологодской. Къ сему снабдѣвается онъ нужными препоручительными письмами къ господамъ генералъ-губернаторамъ, или правящимъ ихъ должности, а на проѣздъ тысячью рублей изъ казны Учительской Семинаріи. При сихъ осмотрахъ,

2) Долженъ г. коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Козодавлевъ, куда пріѣдетъ, давать напередъ знать директорамъ училищъ, въ который день гдѣ будетъ, чтобъ учители и ученики собравшися въ училищахъ были. По прибытіи въ училище, вмѣстѣ съ директоромъ, заставляетъ экзаменовать учениковъ каждаго

класса изо всѣхъ учебныхъ предметовъ столько, чтобъ могъ дѣйствительно узнать успѣхи ихъ, а притомъ видѣть лично расторопность учителей и способность ихъ въ преподаваніи, наблюдая тутъ же, обучаютъ ли учители по предписанію Руководства и Устава, и замѣчая на томъ же мѣстѣ, каково именно преподаваніе учителей, и каковы успѣхи учениковъ, въ чемъ оказали себя превосходно, посредственно или худо, и отчего.

3) Вообще стараться ему, г. Козодавлеву, осмотрѣть, всѣ ли предписанія, заключающіяся въ 8-ми главахъ устава, какъ по части учебной, такъ и хозяйственной, исполняются, и что̀ не исполняется, примѣчать. Для сего

4) Отбирать за подписаніемъ учителей и директора списки ученикамъ и ученицамъ, каковые обыкновенно учители подаютъ при экзаменѣ, и вѣдомости о пособіяхъ и вещахъ училищныхъ, въ коихъ описывать домъ училищный, на удобномъ ли мѣстѣ онъ въ городѣ стоитъ, изъ какого матеріала построенъ, въ какомъ состояніи находится, и снабдѣнъ ли тѣми принадлежностями, которыя въ уставѣ и руководствѣ учителямъ для классовъ и прочаго предписаны.

5) Смотрѣть, всѣ ли ученики снабдѣны книгами, и какъ бѣдные ученики достаютъ оныя: буде получаютъ оныя отъ приказа общественнаго призрѣнія безденежно, то отобрать списки, кому именно и сколько какихъ книгъ роздано безденежно, навѣдываясь притомъ у учителей, получили ли дѣти книги сіи дѣйствительно. Равнымъ образомъ навѣдываться о тѣхъ ученикахъ, которые учебныя книги покупаютъ, покупаютъ ли оныя по положенной коммиссіею цѣнѣ, и кто имѣетъ продажу книгъ учебныхъ въ губернскомъ городѣ и въ уѣздныхъ.

6) А какъ изъ приложенныхъ здѣсь Вѣдомостей Московскихъ подъ № 100 отъ 15-го декабря 1787 года на страницѣ 947 явствуетъ, что московскій переплетчикъ Никита Водопьяновъ продаетъ учебныя книги, а именно: Начертаніе естественной исторіи по 120 копеекъ, Краткое землеописаніе россійскаго государства по 70 коп., а книгу о должностяхъ человѣка и

гражданина по 65 копеекъ; комиссіею же положено за первую книгу только 70 копеекъ, а за вторую и третью только по 25 копеекъ, то г. коллежскій совѣтникъ Козодавлевъ долженъ представить о семъ несправедливомъ Водопьянова поступкѣ, гдѣ надлежитъ, чтобы повелѣно и публиковано было, въ Москвѣ и вездѣ книги учебныя для училищъ народныхъ продавать не иначе, какъ по положенной комиссіею цѣнѣ, тѣмъ паче, что комиссія торгующимъ книгами сдѣлала уже уступку 20 процентовъ, которою прибылью и должны они довольствоваться, не нанося публикѣ дороговизны въ такихъ книгахъ, которыми всякъ учащійся спабдѣнъ быть долженъ. При семъ

7) Г-ну коллежскому совѣтнику навѣдаться во всѣхъ губернскихъ городахъ вышереченныхъ десяти намѣстничествъ, получили ли приказы общественнаго призрѣнія присланныя имъ по прилагаемому здѣсь реэстру въ 1786 году учебныя книги исправно и сполна, и отобрать отъ приказовъ общественнаго призрѣнія какъ симъ, тогда полученнымъ, книгамъ списки, такъ и тѣмъ, кои приказами послѣ были выписываемы изъ Петербурга, замѣчая, чрезъ кого какія именно, на сколько цѣною, съ уступкою ли 20-ти процентовъ или безъ уступки; какъ оныя получались, и съ какою издержкою на отправленіе; сколько гдѣ еще сихъ книгъ въ запасѣ, и гдѣ онѣ хранятся.

8) Какъ опытомъ извѣдано, что всѣ учебные предметы четвертаго класса удобно въ одинъ годъ оканчиваются, то и наказывать учителямъ сего класса, чтобъ они старались оканчивать оные, то есть: всю естественную исторію, геометрію, физику, механику и архитектуру въ одинъ годъ; а притомъ располагали бы исторію и географію въ 3-мъ классѣ такимъ же образомъ, чтобъ остальное изъ сихъ наукъ оканчивано было въ четвертомъ классѣ въ одинъ же годъ. На другой годъ начинали бы учители тѣ же науки съ новопереведенными изъ третьяго класса, а старые ученики вмѣстѣ съ новопереведенными повторяли бы еще разъ, такъ чтобъ каждый ученикъ пробывалъ всегда въ четвертомъ классѣ два года, если не хочетъ ли-

шиться школьнаго свидѣтельства и выгодъ, даруемыхъ ему § 61 и 62 устава.

9) Г. коллежскій совѣтникъ Козодавлевъ долженъ записывать у себя именно опредѣленныхъ къ народнымъ училищамъ директоровъ, замѣчая ихъ свойство, знаніе и любовѣдѣніе; сколько разъ посѣщали они училища губернскія и уѣздныя со времени вступленія своего въ должность; исполняютъ ли долгъ, предписанный имъ въ главѣ 6-ой устава; получаютъ ли по штату жалованье свое, и имѣютъ ли, кромѣ директорскія, другую какую должность.

10) Навѣдываться, каково гдѣ народъ и люди къ училищамъ расположены; посылаютъ ли своихъ дѣтей въ оныя охотно. Если нѣтъ, что̀ тому за причина. Какъ ученики наставляемы въ законѣ Божіемъ; ходятъ ли они съ учителями въ праздничные и воскресные дни въ церковь, и пріобщаются ли Святыхъ Таинъ вмѣстѣ съ учителями.

11) Освѣдомляться, получаютъ ли учители и другіе, къ училищу принадлежащіе, чины по штату положенное имъ жалованье и другія надобности исправно, и откуда. Буде градскія общества содержатъ училища сами, то исправно ли сіе бываетъ, и нѣтъ ли въ чемъ недостатку.

12) Навѣдываться о поведеніи и прилежаніи всѣхъ учителей вообще, и наказывать имъ, чтобъ они во всемъ должности имъ предписанныя наблюдали неупустительно; замѣчать же тѣхъ именно, которые ведутъ себя или отмѣнно хорошо или весьма худо, и въ чемъ они отмѣнно хороши или въ чемъ весьма худы. Пересмотрѣть тѣ записныя книги, которыя въ уставѣ вести положено учителямъ, такъ ли онѣ ведутся. Сдѣлано ли начало въ исторіи о заведеніи училищъ въ намѣстничествахъ, и настоять, чтобъ таковыя описанія, по предписанію устава, доставляемы были коммиссіи.

13) Въ поспѣшество лучшему и вѣрнѣйшему географическому россійскаго государства описанію, препоручать вездѣ учителямъ четвертаго класса, чтобъ они соединенными си-

лами и съ подкрѣпленіемъ своихъ директоровъ старались доставить комиссіи, уповая на ея признательность и благоволеніе,

а) Вѣрное описаніе общаго состоянія губерніи, какъ то: горъ, большихъ равнинъ, лѣсовъ и проч.

б) Описаніе рѣкъ; которыя изъ нихъ судоходны, и на коихъ мельницы или заводы какіе.

в) Озера, и рыбныя ли они.

г) Краткое извѣстіе о древней исторіи губерніи, и о народахъ, тамъ жившихъ; есть ли гдѣ древніе остатки, курганы, и что̀ о нихъ повѣствуютъ.

д). Произведенія изо всѣхъ трехъ царствъ природы, и которая страна или уѣздъ того намѣстничества тѣмъ или другимъ произведеніемъ больше славится.

е) Каковы земледѣліе, скотоводство, рыбная ловля, промыслы, заведенія, фабрики, заводы и торги, не токмо въ губернскомъ и уѣздныхъ городахъ, но и въ деревняхъ, и чьи отличныя сіи деревни. Куда съ оныхъ фабрикъ товары по большей части на продажу отправляются.

ж) Какія науки и художества, съ означеніемъ, сколько есть училищъ и семинарій.

з) Какое вообще свойство народа въ нравахъ и обычаяхъ; какое въ языкѣ нарѣчіе, и къ какимъ промысламъ вообще народъ того намѣстничества склоненъ.

и) Коликое число душъ мужескаго и женскаго пола во всей губерніи считаютъ, и какъ далеко отстоятъ уѣздные города или знатныя селенія отъ губернскаго города, въ которую сторону свѣта и при какихъ рѣкахъ или озерахъ именно.

і) Какой гербъ каждаго уѣзда.

14) Г. коллежскій совѣтникъ Козодавлевъ долженъ осмотрѣть, какимъ образомъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія входящія и исходящія дѣла вносятся въ протоколъ, и наблюдаемы ли были отъ нихъ предписанія устава въ параграфахъ 104, 105 и 106, и наконецъ

15) Не упустить ему, г. Козодавлеву, безъ осмотру ничего,

что въ уставѣ къ исполненію предписано. По осмотрѣ же обо всемъ комиссіи письменно рапортовать на основаніи 113 § устава о народныхъ училищахъ.—

Козодавлевъ обозрѣвалъ училища съ Февраля по августъ 1788 года, присылая въ комиссію свои отчеты. Въ послѣднемъ изъ нихъ онъ говоритъ:

— «Хотя комиссія и получила отъ меня рапорты и вѣдомости объ училищахъ, въ тѣхъ десяти губерніяхъ находящихся, въ кои я для обозрѣнія училищъ былъ отправленъ, однакожъ, окончавъ возложенное комиссіею на меня дѣло, почитаю нужнымъ донести еще слѣдующее:

1) Во всѣхъ десяти губерніяхъ найдено мною, что въ главныхъ народныхъ училищахъ приготовляются учители только двухъ нижнихъ классовъ, а поелику въ уставѣ о пріуготовленіи учителей для высшихъ классовъ ничего особливо не сказано, то всѣ директоры и попечители думаютъ, что комиссія сама по всѣмъ губерніямъ и впредь посылать будетъ учителей для высшихъ разрядовъ. Посему за нужное почитаю представить комиссіи, не угодно ли ей будетъ предписать приказамъ общественнаго призрѣнія тѣхъ губерній, въ коихъ заведены училища, чтобъ въ главныхъ народныхъ училищахъ пріуготовлялись учители и для высшихъ классовъ, ибо въ уставѣ, § 65-мъ, положено, чтобъ по обстоятельствамъ мѣста прибавлять и къ малымъ училищамъ 3-й и 4-й классъ; слѣдственно, при главныхъ училищахъ надлежитъ имѣть всегда въ готовности таковыхъ классовъ учителей; а сверхъ того, невозможно, чтобы комиссія во всякое время имѣла довольное число искусныхъ людей для помѣщенія въ учители по тѣмъ губерніямъ, гдѣ уже училища заведены. Ей учители надобны для заведенія въ остальныхъ губерніяхъ главныхъ народныхъ училищъ, равно какъ и для *новыхъ университетовъ*.

2) Буде въ малыхъ училищахъ заведены будутъ 3 и 4 классъ, то какое жалованье давать сихъ классовъ учителямъ, и какъ тѣмъ училищамъ именоваться, главными или малыми, о томъ въ

уставѣ ничего не сказано. Я имѣю честь комиссіи представить, не угодно ли ей будетъ сообщить приказамъ общественнаго призрѣнія, чтобъ тѣ малыя училища, въ коихъ прибавлены будутъ классы, именовались по числу классовъ: напримѣръ, буде изъ трехъ классовъ училище состоитъ—*трехклассное*, буде изъ четырехъ—*четвероклассное народное училище*, ибо къ каждой губерніи должно быть одному токмо главному народному училищу, въ губернскомъ городѣ находящемуся. Что касается до жалованья учителямъ 3-го и 4-го класса въ трехъ-классныхъ и четвероклассныхъ народныхъ училищахъ, то не угодно ли будетъ предоставить оное распоряженію приказовъ общаго призрѣнія, съ тѣмъ, чтобъ каждый приказъ опредѣлялъ оное по достоинству учителей, и прибавлялъ бы и убавлялъ по своему разсмотрѣнію, что̀ и будетъ служить поощреніемъ учителей къ прилежанію. Сіе разумѣется однакожъ объ училищахъ трехъ-классныхъ и четвероклассныхъ, ибо объ учителяхъ, въ главныхъ народныхъ училищахъ находящихся, точно въ уставѣ предписано давать имъ жалованье по штату.

3) Во всѣхъ главныхъ народныхъ училищахъ найдено мною, что число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало, и что учащіеся во вторыхъ классахъ обыкновенно не желаютъ продолжать ученія въ третьемъ разрядѣ. Сіе происходитъ отъ того, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ вышнихъ классахъ преподаваемаго. Они почитаютъ, что дѣтямъ ихъ нужны токмо предметы двухъ нижнихъ классовъ, да и то по причинѣ чтенія и чистописанія, а прочія науки почитаютъ они безполезными или покрайней мѣрѣ не нужными, ибо хотя науки и каждому полезны, однакожъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, немногіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописаніе, почему и невозможно ожидать, чтобъ многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы; слѣдственно, главныя народныя училища и не могутъ приносить государству ожидаемыя пользы. Надобно показать народу выгоду, отъ про-

свѣщенія происходящую, или, такъ сказать, сблизить каждаго собственною его корыстью съ науками. Способы, къ сему служащіе, открыты коммиссіею въ *планѣ учрежденію въ Россіи университетовъ*, ею сочиненномъ. Во второй статьѣ того плана изображены всѣ выгоды, отъ ученія происходящія, и узаконенія, побуждающія людей къ пріобрѣтенію нужныхъ человѣку и гражданину знаній. И такъ, единственное средство къ собранію созрѣлыхъ плодовъ отъ главныхъ народныхъ училищъ есть обнародованіе плана учрежденію въ Россіи университетовъ. Когда увидятъ, что для пріобрѣтенія въ службѣ мѣста надобны науки, въ университетахъ преподаваемыя, и о знаніи оныхъ свидѣтельство, а чтобы быть допущену въ университетъ для ученія, надобно свидѣтельство о знаніи предметовъ главнаго народнаго училища, тогда всякій увидитъ цѣль ученія, въ главныхъ народныхъ училищахъ преподаваемаго, и выгоду, отъ того ученія происходящую; тогда каждый для собственной своей корысти будетъ учиться, и главныя народныя училища будутъ учениками наполнены, и принесутъ государству ожидаемую пользу. Посему осмѣливаюсь я коммиссіи представить, неугодно ли ей будетъ исходатайствовать нынѣ высочайшую ея императорскаго величества плану университетамъ конфирмацію, и напечатавъ оный, обнародовать во всемъ государствѣ. Хотя настоящія обстоятельства и препятствуютъ коммиссіи приступить къ учрежденію университетовъ, но обнародованію того плана кажется препятствій никакихъ не встрѣчается, а напротивъ и для самихъ университетовъ весьма будетъ полезно, ежели планъ конфирмованъ и обнародованъ будетъ задолго до учрежденія оныхъ; ибо всякій, узнавъ объ установленіи сихъ вышнихъ училищъ заблаговременно, можетъ принять къ пріуготовленію себя или дѣтей своихъ или свойственниковъ и питомцовъ къ университетскому ученію надлежащія мѣры.

4) По многимъ училищамъ недостатокъ въ учебныхъ книгахъ препятствуетъ порядочному ученію. Сей недостатокъ по большой части происходитъ отъ скудости приказовъ общаго при-

зрѣнія: посему нужно, чтобъ комиссія благоволила взыскивать деньги за книги съ приказовъ не вдругъ, но раздѣлить платежъ по временамъ. Притомъ нужно предписать приказамъ общаго призрѣнія, чтобы они всегда имѣли у себя учебныя книги въ запасѣ, а выписка оныхъ изъ Петербурга облегчена уступкою по 20 копеекъ съ рубля, равно какъ и тѣмъ, что платежъ за книги будетъ взыскиваться не вдругъ.

5) Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ учители народныхъ училищъ весьма начальствомъ ободряемы и уважаемы, такъ что уже въ нихъ родилось то любочестіе, которое ихъ отъ неблагопристойнаго поведенія воздерживаетъ. Таковое ободреніе есть единственное средство къ содержанію учителей въ порядкѣ. Но поелику учители по сіе время чиновъ не получали, хотя и считаются въ службѣ ея императорскаго величества, то не угодно ли будетъ комиссіи положить, чтобъ учители главныхъ народныхъ училищъ во всѣхъ губерніяхъ носили шпаги, ибо законами положено, чтобъ студенты симъ правомъ пользовались, а учитель главнаго народнаго училища, кажется, имѣть долженъ преимущество предъ студентомъ. Сверхъ же того, каждый иностранный учитель носитъ шпагу, какого бы впрочемъ онъ званія ни былъ.

6) Во многихъ училищахъ ученики, не желая продолжать ученіе въ высшихъ разрядахъ, требуютъ отъ директоровъ свидѣтельства на знаніе двухъ нижнихъ классовъ. Директоры училищъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ таковымъ ученикамъ свидѣтельствъ не даютъ, яко неокончавшимъ ученія; но мнѣ кажется, что свидѣтельства таковымъ ученикамъ давать должно на то знаніе, какое они въ училищѣ пріобрѣли.

7) Училища, находящіяся въ намѣстничествахъ: новогородскомъ, тверскомъ, рязанскомъ и тамбовскомъ найдены мною въ такомъ порядкѣ, какъ по части учебной, такъ и хозяйственной, что главному училищъ правительству желать токмо остается, чтобы училища во всей россійской имперіи достигли той степени совершенства, до какой училища въ сихъ намѣстничествахъ, а паче въ новогородскомъ, доведены попеченіемъ начальствующихъ.

Въ ярославскомъ, вологодскомъ и владимирскомъ намѣстничествахъ заведенныя училища достойны также похвалы, однакожъ, поелику въ Ярославлѣ многимъ дьячкамъ ученіе до сего времени не было запрещено, а въ Вологдѣ уѣздныя школы не имѣютъ отъ городовъ довольнаго содержанія; во Владимирѣ же доселѣ было одно токмо главное училище, то посему не могутъ онѣ равняться съ училищами, въ помянутыхъ четырехъ губерніяхъ находящимися. Въ тульскомъ и калужскомъ намѣстничествахъ, хотя главныя народныя училища и въ порядкѣ, однакожъ училищъ заведено въ тѣхъ губерніяхъ весьма мало, и учащихся число также весьма невелико. Поелику тульское главное народное училище находится на концѣ города, то необходимо бы нужно было завести тамо еще другое училище при оружейномъ заводѣ, тѣмъ наипаче, что въ положеніи тульскаго оружейнаго завода, въ статьѣ 12-й, именно сказано: при тульскомъ оружейномъ заводѣ учреждается школа для обученія дѣтей оружейничьихъ. Таковой школы еще въ Тулѣ незаведено, да кажется о заведеніи оной и не думаютъ, а положеніе завода издано еще въ 1782 году. Хотя бы и главное народное училище было не въ дальномъ разстояніи отъ завода, однакожъ со всѣмъ тѣмъ необходимо нужно завести при оружейномъ заводѣ особливую школу или гимназію, поелику мастерамъ и другимъ, при заводѣ находящимся, чинамъ нужны другія науки, нежели каковыя преподаются въ главномъ народномъ училищѣ, напримѣръ: химія, гидраулика, гидростатика, и другія.

8) Объ училищахъ, въ Москвѣ находящихся, имѣю честь донести, что комиссія всѣ недостатки и упущенія видѣть можетъ изъ присланныхъ отъ меня рапорта и вѣдомостей; при семъ же имѣю честь представить копію съ письма моего, писаннаго къ господину московскому губернатору и попечителю училищъ Петру Васильевичу Лопухину, и подлинный отвѣтъ его на оное». —

Въ 1793 году Козодавлевъ, считавшійся до того времени *состоявшимъ въ вѣдомствѣ комиссіи*, назначенъ *членомъ комиссіи* о народныхъ училищахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ комиссіи о

комерціи. Исправляющій должность генералъ-прокурора Самойловъ объявилъ правительствующему сенату, что ея величество повелѣла (21-го іюня 1793 года) «находящемуся въ вѣдомствѣ комиссіи о народныхъ училищахъ Козодавлеву *присутствовать* какъ въ сей комиссіи, такъ и въ комиссіи о комерціи». Въ новомъ званіи своемъ Козодавлевъ пробылъ около четырехъ лѣтъ. Въ самомъ началѣ 1797 года императоръ Павелъ I повелѣлъ, *по прошенію* Козодавлева, опредѣленнаго въ должность оберъ-прокурора сената, «освободить его отъ присутствія» въ комиссіи о народныхъ училищахъ [54]).

VI.

Самымъ важнымъ и драгоцѣннымъ памятникомъ участія Козодавлева въ трудахъ комиссіи о народныхъ училищахъ служитъ составленный имъ планъ или проэктъ устава русскихъ университетовъ. Учрежденіе университетовъ должно было увѣнчать систему народнаго образованія, заботы о которомъ останутся навсегда однимъ изъ лучшихъ преданій вѣка Екатерины II. На первыхъ порахъ предполагалось открыть, и притомъ не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ возможности, три университета— во Псковѣ, въ Черниговѣ и въ Пензѣ. При обработкѣ плана имѣлись въ виду и иностранные образцы, но правительство желало, чтобы изъ нихъ заимствовалось только самое необходимое и вполнѣ примѣнимое къ намъ, и чтобы новые разсадники просвѣщенія вполнѣ соотвѣтствовали условіямъ нашей государственной и общественной жизни, и могли приносить существенную пользу Россіи. Выполненіе этой задачи, составленіе плана будущимъ университетамъ выпало на долю Козодавлева, обладавшаго необходимою подготовкою и знаніемъ дѣла. Козодавлеву поручено было разсмотрѣть иностранные уставы, преимущественно австрійскій, пользовавшійся тогда особенно громкою извѣстностью въ Европѣ. Онъ не замедлилъ исполнить возложенное на него порученіе, и въ собраніи комиссіи читаны были за-

мѣчанія Козодавлева на уставъ австрійскихъ «высшихъ училищъ». Въ февралѣ 1786 года приступили къ работамъ по университетскому уставу, а ровно черезъ годъ, въ февралѣ 1787 года, работы эти были окончены, и уставъ подписанъ членами коммиссіи [55]). Что составленіе плана русскимъ университетамъ принадлежитъ Козодавлеву, это доказывается, помимо другихъ соображеній, вопервыхъ — дословнымъ сходствомъ нѣкоторыхъ мѣстъ плана со статьею, несомнѣнно принадлежащею Козодавлеву; вовторыхъ—собственнымъ свидѣтельствомъ Козодавлева, по счастію уцѣлѣвшимъ въ массѣ рукописей одного изъ замѣчательнѣйшихъ архивовъ имперіи.

Статья Козодавлева о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ, помѣщенная въ «Растущемъ Виноградѣ» — ежемѣсячномъ изданіи главнаго народнаго училища, представляетъ много общаго съ планомъ, особенно со введеніемъ къ нему. До какой степени простирается сходство, видно изъ слѣдующаго [56]):

Планъ учрежденію въ Россіи университетовъ.

Польза россійскаго государства неотмѣнно требуетъ, чтобъ науки въ россійскихъ университетахъ преподавались на языкѣ народномъ. Языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія. Гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамо народъ находится подъ игомъ языка чуждаго, и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно. Число ученыхъ въ государствѣ людей какъ бы ве-

Разсужденіе о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ.

Первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія есть языкъ народный.

Науки и художества никогда не распространятся тамо, и народу всегда будутъ чужды, гдѣ они преподаются на языкѣ иностранномъ. Число ученыхъ въ государствѣ людей какъ бы велико ни было, но естьли они преподавать науки будутъ не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то просвѣщеніе пребудетъ только между весьма

лико ни было, но если они преподавать науки будутъ не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то просвѣщеніе пребудетъ только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ....

малою частію гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ....

Обращаясь къ императрицѣ, Козодавлевъ говоритъ: «Находясь съ 1784 года при комиссіи объ учрежденіи училищъ, былъ я употребленъ при всѣхъ ея заведеніяхъ. Сверхъ того, *сочинилъ я пространный планъ учрежденію въ Россіи университетовъ*, который и поднесенъ въ 1787 году Вашему Императорскому Величеству. Въ 1788 году посланъ я былъ осмотрѣть на мѣстѣ въ десяти губерніяхъ заведенныя училища. Окончивъ и сіе дѣло съ успѣхомъ, представилъ я комиссіи мои замѣчанія» и т. д. [57]).

Такимъ образомъ, по свидѣтельству самого Козодавлева, проэктъ университетскаго устава былъ его личнымъ трудомъ, подобно тому, какъ и обозрѣніе народныхъ училищъ. И это утверждалъ онъ передъ лицомъ государыни, и если бы въ словахъ его не заключалась сущая, неопровержимая правда, то обличителями его явились бы всѣ члены училищной комиссіи, живые свидѣтели его дѣятельности, при посредствѣ которыхъ трудъ его представленъ императрицѣ. Екатерина II приказала собрать самыя точныя справки, и, какъ бы въ отвѣтъ на письмо Козодавлева, назначила его членомъ училищной комиссіи. Самый ходъ дѣла показываетъ, что въ этомъ назначеніи выразилось признаніе трудовъ и заслугъ Козодавлева, какъ по народному образованію вообще, такъ и по составленію университетскаго устава въ особенности.

Въ планѣ или проэктѣ русскихъ университетовъ, составленномъ Козодавлевымъ, выражается тогдашнее состояніе нашей образованности и знакомство автора съ тогдашними условіями

нашей общественной жизни. По своимъ основнымъ чертамъ, проэктъ Козодавлева органически сливается съ предшествующими и послѣдующими дѣйствіями и предпріятіями для водворенія у насъ высшаго образованія.

Какъ по мысли Петра Великаго академическій университетъ долженъ быть служить разсадникомъ просвѣщенія между русскими людьми, и вызовъ иностранцевъ, вынуждаемый обстоятельствами, былъ только временною мѣрою, и притомъ иностранные ученые обязывались приготовить *русскихъ* студентовъ и учителей, такъ и въ проэктѣ Козодавлева допускались въ университеты на первыхъ порахъ иноземные профессора, но съ неизбѣжнымъ условіемъ приготовить *русскихъ* молодыхъ людей къ занятію учительскихъ и профессорскихъ мѣстъ. И впослѣдствіи иностранцы могли являться на каѳедрахъ русскихъ университетовъ, но лекціи свои они должны были читать не иначе, какъ на *русскомъ* языкѣ. Изъ приведеннаго выше отрывка видно, какое высокое значеніе придавалъ Козодавлевъ народному языку, какъ органу преподаванія и просвѣщенія.

Главною задачею университетовъ Козодавлевъ полагалъ— образованіе человѣка и гражданина. Къ этой цѣли должны стремиться и университетское преподаваніе и университетская жизнь вообще.

Университетъ, какъ самостоятельное цѣлое, слагается изъ существенныхъ частей, связанныхъ другомъ съ другомъ единствомъ научныхъ цѣлей и стремленій. Части эти называются отдѣленіями или факультетами.

Проэктъ предлагаетъ три факультета: философскій, юридическій и медицинскій.

Въ философскомъ факультетѣ полагалось десять профессоровъ, по каѳедрамъ: философіи, физики, исторіи, словесныхъ наукъ, математики, естественной исторіи, практической математики, дипломатики, древностей и технологіи.

Въ юридическомъ факультетѣ — пять профессоровъ: естественнаго права и исторіи римскаго права, пандектовъ, общаго

государственнаго права, статистики и народнаго права, политическихъ наукъ, русскихъ законовъ и «приказнаго слога» и т. д.

Право преподаванія въ университетахъ предоставлялось не исключительно профессорамъ, но и магистрамъ и докторамъ. Такимъ образомъ мысль о пользѣ и необходимости приватъ-доцентовъ восходитъ ко временамъ Козодавлева, и весьма опредѣленно и доказательно изложена въ его проэктѣ.

Въ университетской жизни должны преобладать цѣли научныя; все постороннее, дѣла хозяйственныя и т. п. слѣдуетъ отвести на второй планъ: заниматься ими гораздо удобнѣе приказу общественнаго призрѣнія, нежели университету. Опытомъ дознано, что всякаго рода ненаучныя дѣла, которыми обременяются люди науки, служатъ только помѣхою, отвлекая ученую корпорацію отъ ея прямаго назначенія.

Въ отношеніи университетскаго преподаванія основнымъ началомъ признается, что «свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ». Хотя на первый разъ и указываются необходимыя пособія, но профессоръ не связанъ ими, и ему предоставлена полная свобода въ изложеніи своихъ научныхъ понятій.

Доступъ въ университеты долженъ быть открытъ для всѣхъ любознательныхъ и подготовленныхъ, безъ различія сословій. Право пріобрѣтать знанія принадлежитъ всему человѣчеству. Такъ называемые на юридическомъ языкѣ «несвободные» люди становятся свободными передъ лицомъ науки. Науки называются свободными не потому, что предназначаются только для людей свободныхъ, а потому, что свѣтъ знанія долженъ свободно изливаться на всѣхъ желающихъ, и каждому должна быть предоставлена полная свобода пользоваться его благотворными лучами...

По важности проэкта русскихъ университетовъ для характеристики и автора и его времени, считаемъ необходимымъ помѣстить здѣсь этотъ проэктъ, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Козодавлева [58]).

ПЛАНЪ УЧРЕЖДЕНІЮ ВЪ РОССІИ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

1.

Предварительное разсужденіе о народномъ въ Россіи просвѣщеніи.

Приступая къ сочиненію плана для университетовъ, имѣющихъ учредиться во Псковѣ, въ Черниговѣ и въ Пензѣ, комиссія объ училищахъ почитаетъ за нужное прежде всего предложить нѣкоторыя разсужденія о народномъ въ Россіи просвѣщеніи, дабы по тому принять мѣры къ сисканію искусныхъ учителей и къ поощренію юношей учиться.

Изъ исторіи россійской видно, что въ самыя древнія времена великій князь Ярославъ первый, просвѣщаясь самъ, старался просвѣтить и подвластные себѣ народы. Преемники его равнымъ образомъ, какъ по преданіямъ извѣстно, старались нѣсколько о народномъ въ Россіи просвѣщеніи; но въ смутныя времена, отъ нашествія татаръ, сей слабый лучъ свѣта померкъ.

По изгнаніи татаръ царь Іоаннъ Васильевичъ и преемники его, а паче царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, обращали нѣсколько вниманіе свое на ученіе юношества; но какъ школы, ими заведенныя, или касались только до духовенства, или же по весьма малому числу были недостаточны, и къ ученію всякаго состоянія юношей не способны, то и просвѣщеніе отъ сихъ училищъ въ народѣ не могло распространиться.

Извѣстно, что въ новѣйшія времена императоръ Петръ Великій начерталъ основаніе санктпетербургской академіи наукъ, которая вскорѣ послѣ кончины его величества и воспріяла свое начало, а императрица Елисавета Петровна учредила московскій университетъ. Хотя сіи заведенія давно уже существуютъ, хотя десница монаршая ихъ ущедряетъ непрерывно, но со всѣмъ тѣмъ, съ одной стороны, всѣмъ извѣстенъ совершенный въ ученыхъ людяхъ недостатокъ, ибо даже комиссія, учреждая народныя училища, съ превеликимъ трудомъ могла найти учителей, да и то не всякаго рода наукъ. Съ другой

же стороны, примѣчается, что и просвѣщеніе въ народѣ по сіе время отъ сихъ заведеній не весьма распространилось. Здѣсь разумѣется о россійскомъ народѣ вообще, ибо нѣкоторая часть дворянства, просвѣтившаяся въ кадетскихъ корпусахъ и чрезъ иностранцевъ, составляетъ весьма малую часть людей въ разсужденіи количества народа, въ пространной сей имперіи обитающаго.

Разсматривая, отъ чего въ Россіи по сіе время былъ совершенный въ ученыхъ людяхъ недостатокъ, и по какимъ причинамъ отъ прежде заведенныхъ вышнихъ училищъ просвѣщеніе въ россійскомъ народѣ не могло распространиться, каждому видно будетъ, что сіе произошло частію отъ недостатка въ побужденіяхъ къ ученію, частію же отъ того, что въ Россіи, до царствованія ея императорскаго величества, не было учреждено народныхъ училищъ, яко перваго средства ко всеобщему просвѣщенію, ибо, по расположенію самой природы, начальное ученіе долженствуетъ всегда предшествовать ученію вышнихъ наукъ. Вышнія училища какъ бы хорошо устроены ни были, но если нѣтъ въ томъ же государствѣ достаточнаго числа нижнихъ школъ, въ коихъ бы юношество пріобрѣтало первоначальныя въ наукахъ знанія; то науки неминуемо останутся токмо въ университетахъ и академіяхъ, а народъ пребудетъ въ невѣжествѣ. Университеты и всѣ вышнія училища вообще, существующія въ другихъ государствахъ, приносятъ ожидаемую пользу и распространяютъ успѣшно въ народѣ просвѣщеніе и потому, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ коихъ учреждены порядочные университеты и академіи, учреждены также въ великомъ числѣ и народныя школы, въ которыхъ юноши пріобрѣтаютъ познаніе языковъ и первоначальныхъ наукъ; слѣдственно, приходятъ въ университеты приготовленными и сдѣлавшись способными къ пріобрѣтенію знанія въ вышнихъ наукахъ.

Нынѣ не можетъ уже недостатокъ въ народныхъ школахъ препятствовать вышнимъ заводимымъ училищамъ приносить Россіи пользу и распространять отъ себя въ народѣ просвѣщеніе, ибо ея императорское величество, прежде устроенія универси-

тетовъ, повелѣть изволила учредить народныя училища, которыя уже и учреждены въ 26 губерніяхъ сея имперіи. Слѣдовательно, россіянамъ открыты нынѣ пути къ просвѣщенію, чрезъ которые желающіе пріобрѣсти знаніе вышнихъ наукъ могутъ доходить и до ученія университетскаго.

И такъ просвѣщеніе Россіи, какъ и многія другія, благо россіянъ устрояющія, учрежденія, провидѣніемъ предоставлено попеченію ея императорскаго величества. Она, изъ россійскихъ монарховъ первая, воспріяла надлежащія къ просвѣщенію своего народа мѣры и самыя къ достиженію сей цѣли надежнѣйшія средства.

Поелику отъ преждезаведенныхъ училищъ просвѣщеніе не могло въ народѣ распространиться, то при учрежденіи университетовъ встрѣтятся, съ одной стороны, родители непросвѣщенные, слѣдственно и незнающіе, полезно ли имъ будетъ посылать дѣтей своихъ въ университеты; съ другой стороны, родители хотя и довольно просвѣщенные, но привязанные къ ученію иностранцевъ. Сверхъ того, встрѣтится и совершенный въ учителяхъ недостатокъ. Посему необходимо нужно прежде всего предложить способы, служащіе какъ къ побужденію дворянства и прочихъ званій посылать дѣтей своихъ въ университеты, такъ и къ сысканію ученыхъ людей для опредѣленія въ учители.

2.

Побужденіе къ ученію.

Главная цѣль каждаго университета есть доставленіе государству людей, могущихъ отправлять служенія, кои въ отправляющемъ предполагаютъ знаніе нѣкоторыхъ *вышнихъ наукъ*, почему и называются университеты *вышними училищами*. Поелику въ Россіи, какъ выше сего сказано, въ таковыхъ людяхъ весьма великій недостатокъ, то коммиссія и обращаетъ все свое вниманіе на всевозможныя къ ученію побужденія. Въ противномъ же случаѣ, ежели юноши и родители ихъ не будутъ къ сему собственными

ихъ выгодами ободряемы и побуждаемы, то университеты останутся пусты, и не будутъ приносить толикія пользы, каковой отъ нихъ государство ожидаетъ.

Въ древнія времена, когда вся Европа страдала подъ бременемъ невѣжества и суевѣрія, когда междоусобныя брани и насиліе свирѣпствовали по всѣмъ, нынѣ блаженствующимъ, царствамъ европейскимъ, и когда во всѣхъ судахъ и расправахъ засѣдали невѣжды, и жребій каждаго гражданина зависѣлъ отъ людей, не только законовъ незнающихъ, но и едва читать и писать умѣющихъ, тогда многіе тѣхъ временъ цари, миловавшіе человѣчество, уразумѣли, что миръ, тишина и правосудіе водворятся въ земляхъ ихъ чрезъ единое токмо просвѣщеніе, и для того обращали они все свое вниманіе на побужденіе юношества къ ученію. Тогда изданы были узаконенія, по коимъ невѣждамъ заграждали путь къ полученію въ службѣ мѣста, но какъ сіи полезныя узаконенія были по тѣмъ временамъ недостаточны, и недовольно привлекали юношей къ ученію, то для большаго побужденія даны были такіе законы, чрезъ которые ученые люди и университеты пріобрѣтали выгоды и преимущества, сдѣлавшіяся въ наши времена не только безполезными, но и правительству предосудительными. Учители университетскіе, единственно по званію своему, предпочитаемы были во всѣхъ случаяхъ прочимъ гражданамъ, и изъяты были отъ многихъ въ общежительствѣ необходимыхъ должностей. Университеты производили судъ надъ членами своими и студентами независимо отъ гражданскаго правительства. Словомъ, каждый университетъ былъ яко другое въ государствѣ правленіе. Таковыя и симъ подобныя узаконенія, сдѣлавшіяся со временемъ предосудительными, были безъ сумнѣнія въ тѣ времена полезны, и могутъ почитаемы быть причиною скораго распространенія наукъ въ Европѣ.

Хотя науки и сами собою приносятъ каждому большія выгоды, и хотя нѣтъ человѣка, которому бы онѣ не были полезны; однакожъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, немногіе чувствуютъ. Сіе примѣчается и потому, что большая часть людей,

посылающихъ дѣтей своихъ въ народныя училища, болѣе всего желаютъ, чтобы юноши поскорѣй выучились чисто писать, не заботясь о правописаніи и другихъ учебныхъ предметахъ; ибо чистописаніе доставляетъ юношамъ хлѣбъ, и въ мѣстахъ, гдѣ они опредѣляются, не требуется отъ нихъ знанія наукъ. Другія училища служатъ также сему доказательствомъ. Большая часть въ нихъ учащихся выходитъ для опредѣленія въ гражданскую службу, пріобрѣтши самыя только первоначальныя знанія, хотя нѣкоторые и имѣютъ къ наукамъ способности; ибо каждому таковому учащемуся кажется выгоднѣе получать довольное жалованье и поступать въ чины, умѣя только чисто порусски писать, нежели оставаться въ училищѣ, учиться тому, что̀ ему для снисканія себѣ мѣста ни мало не нужно. Изъ сего слѣдуетъ, что если учащіеся не будутъ къ ученію и къ окончанію нужныхъ и полезныхъ наукъ побуждаемы собственными выгодами, то всякое училище, какъ бы оно хорошо устроено ни было, не произведетъ ожидаемыя пользы.

И такъ, чтобы поощрить людей къ ученію и къ окончанію нужныхъ наукъ, надлежитъ:

Первое, заградить необучившимся въ которомъ нибудь изъ россійскихъ университетовъ путь къ чинамъ и мѣстамъ, которые предполагаютъ въ занимающихъ оные нѣкоторыхъ наукъ знаніе.

Второе, облегчить способъ обучившимся въ университетахъ, и имѣющимъ надлежащія о знаніяхъ своихъ свидѣтельства, къ сниcканію пропитанія и къ полученію въ службѣ мѣста.

Но̀ поелику въ Россіи до сего времени нынѣ заводимаго университетскаго ученія не было, то и невозможно при самомъ учрежденіи новыхъ университетовъ узаконить, такъ какъ въ другихъ государствахъ узаконено, чтобъ необучившіеся въ вышнихъ училищахъ къ мѣстамъ въ гражданской и политической службѣ не опредѣлялись, а надлежитъ назначить къ сему нѣкоторое время, въ которое бы юношество могло себя къ службѣ университетскимъ ученіемъ пріуготовить. Комиссія почитаетъ необходимо нужными слѣдующія узаконенія, служащія

побужденіемъ къ ученію, какъ при основаніи университетовъ, такъ и во времена грядущія, когда сіи заведенія придутъ въ совершенство, и распространятъ отъ себя просвѣщеніе.

Первое. Какъ всякій начинаетъ службу съ нижнихъ чиновъ, то и узаконить, чтобъ по прошествіи осьми лѣтъ послѣ открытія ученія въ университетѣ никто въ приказныя мѣста оберъ-офицерскихъ чиновъ не опредѣлялся въ томъ намѣстничествѣ, въ которомъ находиться будетъ университетъ, и во всѣхъ къ оному примыкающихъ намѣстничествахъ, кромѣ обучившихся правовѣдѣнію въ россійскомъ университетѣ, и получившихъ отъ онаго надлежащее о знаніяхъ своихъ свидѣтельство. Когда въ нижніе чины и мѣста опредѣляться будутъ токмо люди изучившіеся, тогда со временемъ и вышнія мѣста таковыми же будутъ наполняемы по узаконенію, въ слѣдующей статьѣ изображенному, равно и потому, что въ службѣ порядочный, достойный и усердный человѣкъ изъ нижнихъ чиновъ всегда поступаетъ въ вышніе. Осьмилѣтнее время къ сему будетъ достаточно; ибо, какъ ниже сего сказано, для ученія университетскаго опредѣляется для факультета философическаго три, да для юридическаго два года, что̀ и составитъ пять лѣтъ; три года прибавляется для того, чтобы каждый объ университетскомъ ученіи и сихъ узаконеніяхъ могъ пріобрѣсти свѣдѣніе, и принялъ бы надлежащія къ пріуготовленію мѣры. Какъ три вновь учреждаемые университета не могутъ открыться въ одно время, то сіе узаконеніе должно возобновить при основаніи каждаго университета особенно.

Второе. Необходимо нужно узаконить, чтобъ, во всемъ государствѣ, обучившіеся въ россійскихъ университетахъ правовѣдѣнію, и имѣющіе надлежащія о знаніяхъ своихъ свидѣтельства, предпочитались въ опредѣленіи къ мѣстамъ въ гражданской службѣ необучившимся, и объявить, что со временемъ и со всѣмъ необучившихся въ гражданскую службу принимать не будутъ. Поелику правовѣдѣніе замыкаетъ въ себѣ государственное и всенародное право, статистику и прочія политическія науки, то

сіе узаконеніе распространить и на чины, находящіеся при дѣлахъ иностранныхъ.

Третіе, россійское знатное и богатое дворянство посылаетъ обыкновенно дѣтей своихъ еще малолѣтныхъ въ чужіе краи для ученія самыхъ первоначальныхъ наукъ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и пріобрѣтаютъ въ чужестранныхъ училищахъ полезныя знанія, и дѣлаются къ службѣ отечества способными; но многіе въ семъ воспитаніи испиваютъ губительный ядъ, прилѣпляясь къ обычаямъ народа чуждаго, и образовавъ мысли и склонности въ отвращеніе отъ отечества. Посему нужно узаконить, чтобы ученіе россійскому юношеству въ чужеземныхъ училищахъ хотя и не было бы запрещено, но при опредѣленіи къ мѣстамъ было бы наблюдаемо, чтобъ всѣ обучившіеся въ иностранныхъ училищахъ были въ которомъ нибудь изъ россійскихъ университетовъ испытаны, и имѣли бы отъ оныхъ о знаніяхъ своихъ надлежащее свидѣтельство. Сіе самое будетъ служить побужденіемъ россійскому знатному и богатому дворянству посылать дѣтей своихъ для ученія въ россійскіе университеты, ибо когда увидятъ, что нельзя получить, ни въ государствѣ, ни внѣ онаго, въ россійской службѣ мѣста, не имѣя о нужныхъ къ тому знаніяхъ отъ россійскаго университета свидѣтельства, то каждый оставитъ ученіе чужеземное, примется за отечественное, стараться будетъ узнать прежде Россію, россійскіе законы и обычаи, и отложитъ путешествіе по странамъ чуждымъ до окончанія наукъ.

Вышесказанныя узаконенія служатъ по большой части побужденіемъ къ ученію тѣмъ юношамъ, кои себя готовить будутъ къ гражданской и политической службѣ. Чтожъ касается до побужденій къ ученію врачебной науки, то узаконить, чтобъ врачи и лѣкари, обучившіеся въ россійскихъ университетахъ и другихъ россійскихъ училищахъ, и имѣющіе о знаніяхъ свидѣтельства, при опредѣленіи къ мѣстамъ въ намѣстничествахъ и въ полкахъ, предпочитались врачамъ и лѣкарямъ, обучившимся въ университетахъ чужеземныхъ. Сверхъ того, врачебная практика и при-

былъ съ оною соединенная, служитъ нынѣ и впредь служить будетъ главнымъ побужденіемъ врачебнаго факультета.

3.

О сисканіи въ университеты учителей и о побужденіи оныхъ къ прилежанію.

Какъ въ началѣ сего плана сказано, что при учрежденіи новыхъ университетовъ встрѣтится совершенный въ учителяхъ недостатокъ, то комиссія полагаетъ слѣдующія установленія, какъ для сисканія на первый случай учителей университетскихъ, такъ и для отвращенія впредь случиться могущаго въ учителяхъ недостатка.

Первое. Польза россійскаго государства неотмѣнно требуетъ, чтобъ науки въ россійскихъ университетахъ преподавались на языкѣ народномъ. Языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія; гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамо народъ находится подъ игомъ языка чуждаго, и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно. Число ученыхъ въ государствѣ людей какъ бы велико ни было, но если они преподавать науки будутъ не тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ народъ, то просвѣщеніе пребудетъ только между весьма малою частью гражданъ, а народъ останется въ невѣжествѣ. И такъ, комиссія полагаетъ непремѣннымъ правиломъ, чтобъ науки въ россійскихъ вновь заводимыхъ университетахъ преподавались на языкѣ россійскомъ; но какъ при основаніи университетовъ встрѣтится недостатокъ въ учителяхъ, языкъ россійскій знающихъ, то сіе правило, имѣющее впредь наблюдаться неотмѣннымъ, на первый случай исключается. А какъ по многимъ причинамъ языкъ нѣмецкій для Россіи удобнѣе и полезнѣе прочихъ, то и выписать въ университеты недостающее число учителей, за знающими языкъ россійскій, изъ нѣмецкихъ профессоровъ, находящихся или въ Россіи, или же въ чужестранныхъ университетахъ, коимъ и преподавать науки на языкѣ иностранномъ дозволяется.

Второе. Дабы исключеніе вышесказаннаго правила не долгое время продолжалось, то въ каждый университетъ опредѣлить по 50-ти казенныхъ студентовъ, которыхъ и раздѣлить по иностраннымъ профессорамъ, кои обязаны надъ ученіемъ ихъ имѣть неусыпное бдѣніе и пещись, чтобъ они пріобрѣли нужное профессору знаніе, такъ чтобъ каждый иностранный, въ россійскомъ университетѣ находящійся, профессоръ, по крайней мѣрѣ чрезъ восемь лѣтъ могъ доставить, каждый въ своей наукѣ, университету россійскихъ двухъ или болѣе учителей. Сіи казенные студенты долженствуютъ быть взяты изъ духовныхъ и свѣтскихъ, въ Россіи находящихся, училищъ, какъ-то изъ московскаго университета и изъ духовныхъ семинарій, изъ самыхъ способнѣйшихъ студентовъ, съ тѣмъ, чтобы таковые обязаны были оставаться по окончаніи ученія въ учительскомъ званіи. Ежели же присланы будутъ неспособные, то ихъ возвращать и брать на мѣста ихъ другихъ. Равнымъ образомъ и вольныхъ принимать не возбраняется въ число сихъ 50-ти студентовъ, но токмо съ тѣмъ, чтобы они обязались оставаться въ университетѣ профессорами, ибо сіи студенты на сей конецъ въ университетѣ и опредѣляются. Знаніе сихъ студентовъ долженствуетъ состоять въ россійскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и въ словесныхъ наукахъ. Содержаніе ихъ долженствуетъ быть казенное, но сумма, на содержаніе опредѣленная, должна быть отпускаема каждому профессору по числу находящихся у него студентовъ. На каждаго казеннаго студента полагаетъ коммиссія по 100 рублей на годъ, и того въ каждый университетъ на 50 студентовъ ежегодно 5000 рублей. Все сказанное въ сей статьѣ опредѣляется только на первый случай, а впредь, когда университеты имѣть будутъ россійскихъ профессоровъ, тогда, какъ само собою разумѣется, ни въ иностранныхъ учителяхъ, ни въ казенныхъ студентахъ университеты ни малѣйшей не будутъ имѣть нужды.

Третіе. Хотя по общему правилу и требуется, чтобъ профессора въ россійскихъ университетахъ читали лекціи на языкѣ россійскомъ, однакожъ изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ профессоры

были неминуемо изъ природныхъ россіянъ. Полагается, что и впредь профессоры могутъ быть въ россійскихъ университетахъ и иностранные, но только не дозволится имъ преподавать лекціи инако, какъ на языкѣ россійскомъ.

Четвертое. Поелику при основаніи университетовъ невозможно опредѣлить точнаго профессорамъ жалованья, ибо сіе будетъ зависѣть отъ многихъ непредвидимыхъ обстоятельствъ, таго ради принимать профессоровъ при началѣ университета по контрактамъ, и комиссія предоставляетъ себѣ право опредѣлять каждому профессору жалованье по своему разсмотрѣнію. Чтожъ касается до временъ будущихъ, то училищное правительство имѣетъ сочинить штатъ. Всѣмъ профессорамъ имѣть квартиры казенныя въ домѣ университетскомъ, въ коихъ и храмины ученія будутъ находиться. А дабы какъ иностранныхъ, такъ и россійскихъ ученыхъ людей болѣе еще поощрить оставаться въ профессорскомъ званіи въ россійскихъ университетахъ, то комиссія полагаетъ, чтобъ каждому какъ русскому, такъ и чужестранному профессору, пребывавшему въ должности профессорской въ россійскомъ университетѣ 20-ть лѣтъ, производилось по смерть его половинное жалованье, хотя бы онъ былъ и внѣ Россіи. Ежели же кто изъ профессоровъ, въ россійскомъ университетѣ служащихъ, умретъ, то чтобъ оставшей вдовѣ его выдано было единожды полное мужнино жалованье.

Пятое. Безденежное преподаваніе при первомъ видѣ хотя и кажется весьма выгоднымъ и распространенію просвѣщенія полезнымъ; но когда вниманіе обращается на прилежаніе профессоровъ и на поощреніе ихъ къ исполненію своей должности, тогда безденежное преподаваніе представляется совсѣмъ не таковымъ; ибо профессоръ, преподавая свои лекціи безденежно, ничѣмъ инымъ къ прилежанію не побуждаемъ, какъ жалованьемъ. Жалованье же получаетъ онъ и тогда, когда онъ лекціи читаетъ только исправно. Прилежности же отмѣнной въ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ ученыхъ никакое надзираніе и никакое начальство отъ него требовать не можетъ, ибо нѣтъ возможности его

къ оному принудить, поелику сіе зависитъ единственно отъ доброй его воли. Сію истину доказываетъ исторія многихъ европейскихъ университетовъ. Посему коммиссія опредѣляетъ самую малую за лекціи плату, а именно: за науки пространныя, преподающіяся долѣе, нежели чрезъ половину года, платить каждому студенту за каждую науку по 6-ти рублей, а за науку, преподающуюся не долѣе шести мѣсяцевъ—по 3 рубли. Хотя бы студентъ и слушалъ въ одно учебное время 5 лекцій, что̀ безъ сумнѣнія рѣдко случаться будетъ, то въ цѣлый годъ заплатитъ онъ за ученіе не болѣе 30-ти рублей. Таковая издержка для студентовъ весьма невелика, а профессоръ пріобрѣтаетъ чрезъ сіе себѣ доходъ нарочитый; ибо число слушающихъ лекціи студентовъ простираться можетъ до 100 человѣкъ и болѣе. Какъ раздѣленіе лекцій и часовъ, такъ и время чтенія каждой науки и плата опредѣляться будутъ начальствомъ, почему студенты никакимъ образомъ неподвержены притѣсненію въ разсужденіи сего со стороны учителей. Выгоды, происходящія отъ сего установленія университету, наукамъ и слѣдственно государству, и тѣмъ велики, что когда не одинъ профессоръ читаетъ одну и ту же науку, тогда число учащихся бываетъ соразмѣрно искуству и прилежанію читающаго профессора, который побуждаемъ выгодами и ревеніемъ предъ прочими отличиться. Почему

Шестое. Коммиссія почитаетъ также нужнымъ позволить въ философическомъ факультетѣ магистрамъ, а въ факультетахъ званія докторамъ, хотя и неимѣющимъ профессорскаго въ университетѣ мѣста, читать публичныя лекціи, какой кто науки изъ нихъ заблагоразсудитъ. Но при семъ наблюдать слѣдующее:

Первое. Каждый магистръ или докторъ долженъ пріобрѣсти право преподавать лекціи чрезъ самыя строжайшія испытанія, о коихъ говорено будетъ въ своемъ мѣстѣ.

Второе. Никто изъ нихъ не можетъ преподавать лекціи инако, какъ съ позволенія факультетскаго начальства и по порядку, каковой имѣетъ быть для каждаго факультета предписанъ.

Третіе. Плата за лекціи опредѣляется таже самая, какъ и

профессорамъ, равно и подвергаются они всѣмъ университетскимъ узаконеніямъ, касающимся до преподаванія.

Коммиссія при установленіи сего имѣетъ въ виду не одно побужденіе учителей къ прилежанію, но и пользу, происходящую отъ сего для учащихся, ибо полагать надобно, что во времена будущія учащіеся, увидя выгоды, каковыми пользуются профессоры, захотятъ сами пріобрѣсти сіе достоинство; когда же профессорскихъ праздныхъ мѣстъ въ университетѣ не будетъ, то магистры и доктора, не имѣя права преподавать лекціи, неминуемо отъ предпріятія своего отстанутъ. Въ противномъ же случаѣ, многіе студенты будутъ побуждаемы въ университетахъ оставаться для прибыли, происходящей отъ преподаванія. Сверхъ сего и университеты будутъ имѣть ту выгоду, что они всегда имѣть будутъ извѣстныхъ магистровъ и докторовъ для помѣщенія на убылыя профессорскія мѣста. Все государство вообще пріобрѣтетъ отъ сего установленія немалую пользу также и тѣмъ, что не только ученые люди, но и опытомъ изучившіеся преподавать лекціи, могутъ въ разныхъ городахъ завести приватныя россійскія училища или такъ называемыя пенсіоны, въ замѣну иностранныхъ.

4.

О студентахъ вообще.

Прежде установленія и раздѣленія въ университетахъ ученія, коммиссія почитаетъ нужнымъ положить также нѣкоторыя правила, по коимъ студенты вообще допускаться имѣютъ къ университетскому ученію.

Никому не должно запрещать записываться въ студенты, кто бы, какого званія и какихъ лѣтъ ни былъ, лишь бы пріемлющій званіе студентское имѣлъ

Первое. Свидѣтельство отъ котораго нибудь главнаго народнаго училища о знаніяхъ, необходимо нужныхъ. Хотя юноша и не обучался въ главномъ народномъ училищѣ, но у себя дома

или въ другомъ какомъ училищѣ, однакожъ со всѣмъ тѣмъ, прежде вступленія въ университетъ онъ долженъ быть въ которомъ ни на есть главномъ училищѣ, или въ самомъ университетѣ, испытанъ въ нужныхъ школьныхъ наукахъ, и имѣть о знаніяхъ своихъ свидѣтельство. На первый случай испытанія не могутъ быть весьма строги, ибо россійское юношество, не имѣя случая, ни способовъ пріобрѣтать надлежащимъ порядкомъ школьныхъ знаній, не можетъ и быть къ университетскому ученію пріуготовлено; слѣдовательно, при началѣ университетовъ не должно возбранять ученія университетскаго и таковымъ юношамъ, кои школьныхъ наукъ и не весьма хорошо знаютъ. Они могутъ потерянное время возвратить и въ университетѣ чрезъ приватныхъ учителей или же и въ главномъ училищѣ того города, въ которомъ находиться будетъ университетъ. Впредь, когда ученіе въ Россіи болѣе распространится, тогда испытанія желающихъ войти въ университетъ долженствуютъ происходить надлежащимъ порядкомъ и во всѣхъ нужныхъ знаніяхъ, безъ снисхожденія.

Второе. Вступающій въ студенты имѣть долженъ паспортъ или другой видъ отъ команды на потребное число для университетскаго ученія лѣтъ, ежели онъ находится въ службѣ; ибо случиться можетъ, да и желательно, чтобъ сіе нерѣдко случалось, что люди не только унтеръ-офицерскихъ, но и оберъ и штабъ-офицерскихъ чиновъ захотятъ въ университетахъ учиться, и тѣмъ сдѣлать себя къ гражданской службѣ способными.

Третіе. Паспортъ отъ власти, коей желающій учиться будетъ принадлежать. Комиссія, не отъемля у несвободныхъ права, принадлежащаго человѣчеству—пріобрѣтать просвѣщеніе, полагаетъ, чтобъ и они къ университетскому ученію были, такъ какъ и прочіе, допускаемы. Когда несвободные люди будутъ въ университетахъ учиться какъ и прочіе студенты, то симъ науки и ученые люди нимало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и князи не унижаются тѣмъ, когда несвободные бываютъ съ ними вмѣстѣ во храмахъ и слушаютъ слово Божіе. Науки называются свободными

для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ. Путь къ просвѣщенію, изливающемуся на всѣхъ и каждаго чрезъ науки, недолженствуетъ быть возбраненъ ни единому человѣку. Но какъ въ университетахъ заведены будутъ разные чины и достоинства, какъ-то магистры, доктора и прочіе, то къ полученію таковыхъ достоинствъ предоставляется право единственно только людямъ свободнымъ. Въ древнія времена, когда варварскіе законы лишали несвободныхъ людей права человѣчества, и почитали ихъ наравнѣ съ вещами неодушевленными, тогда и путь къ пріобрѣтенію просвѣщенія затворялся имъ рукою жестокой власти. Но въ просвѣщенный вѣкъ, а паче подъ кроткою державою премудрой и премилосердой нашей самодержицы, не можетъ путь къ просвѣщенію возбраненъ быть и несвободнымъ людямъ, яко человѣкамъ и членамъ россійскаго народа, на коего десница ея изливаетъ непрестанно щедроты, устрояющія твердое онаго блаженство.

Званіе студентское не есть достоинство или чинъ, но только способъ къ пріобрѣтенію оныхъ; ибо каждый *учащійся* есть *студентъ*, хотя-бы онъ и не былъ записанъ въ студенты, слѣдовательно сіе званіе можетъ принять на себя и человѣкъ несвободный безъ всякаго наукамъ предосужденія. Путь къ просвѣщенію отверзается каждому, лишь бы желающій просвѣтиться былъ человѣкъ, имѣющій неповрежденный умъ. Да и исторія, какъ древняя, такъ и новая, доказываетъ, что люди самаго низкаго состоянія пріобрѣли себѣ науками безсмертную славу. Въ отечествѣ нашемъ стяжавшій оную Ломоносовъ служитъ неоспоримымъ истины сей доказательствомъ.

Четвертое. Легко случиться можетъ, что нѣкоторые, неимѣвшіе въ юности своей ни случая, ни способовъ пріобрѣсти ни малѣйшихъ школьныхъ и гимназическихъ знаній, захотятъ учиться въ университетахъ, пропустя юныя свои лѣта совсѣмъ безъ ученія. Таковымъ не должно возбранять ученія университетскаго, ибо и въ совершенныхъ лѣтахъ возможно человѣку чрезъ при-

леланіе пріобрѣсти школьное знаніе, учася и въ университетѣ. Однакожъ поелику таковые люди нѣкоторымъ образомъ выходятъ изъ общаго порядка, то ихъ не должно записывать въ списокъ обыкновенныхъ студентовъ, а оставить имъ на волю какъ время, такъ и предметы ученія. Ежели кто изъ таковыхъ пріобрѣтетъ знаніе нужное или врачу, или правовѣду, тотъ можетъ послѣ обыкновеннаго испытанія пріобрѣсти право, общее съ другими студентами, къ полученію надлежащаго о знаніяхъ свидѣтельства.

Пятое. Бѣдные студенты отъ платежа, положеннаго за лекціи, освобождаются; но каждый неимущій студентъ долженъ имѣть отъ приказа общественнаго призрѣнія того намѣстничества, изъ котораго онъ въ университетъ прибудетъ, свидѣтельство о бѣдномъ своемъ состояніи. Равно, ежели бѣдные студенты будутъ имѣть нужду въ другихъ вспоможеніяхъ, то сіе есть дѣло приказа общественнаго призрѣнія, а не университета.

Шестое. Какъ на первый случай комиссія полагаетъ по пятидесяти казенныхъ студентовъ въ каждый университетъ, то и сіи студенты отъ платежа за лекціи освобождаются. Впредь же нужды въ студентахъ на казенномъ содержаніи комиссія не предвидитъ, и полагаетъ, чтобъ впредь таковыхъ небыло, поелику пользы отъ сего, безъ отягощенія государству, произойти не можетъ, да и университетъ не есть воспиталище юношества, но только лишь училище вышнихъ наукъ. Ежели же щедротою монаршею или другихъ какихъ благотворителей опредѣлится какая либо сумма на содержаніе нѣкотораго числа неимущихъ студентовъ, то университетъ имѣетъ для сего учинить надлежащее распоряженіе и поручить смотрѣніе нѣкоторому числу своихъ членовъ. Равно, ежели отъ ея императорскаго величества или другихъ благодѣющихъ особъ пришлются студенты для ученія въ университетъ не на своемъ содержаніи, то да отдается опредѣленная на нихъ сумма приказу общественнаго призрѣнія или университетскому правленію, которые и будутъ имѣть надъ ними и надъ издержками ихъ особое смотрѣніе.

Седьмое. Казенныя квартиры опредѣляются для студентовъ только на первый случай, для вышеозначенныхъ 50-ти человѣкъ въ каждомъ университетѣ; впредь же казенныхъ квартиръ для студентовъ не полагается. Бѣдныхъ студентовъ имѣетъ помѣщать приказъ общественнаго призрѣнія или другой кто, коли отъ щедротъ монаршихъ или отъ другихъ благотворителей поручена будетъ сумма на содержаніе бѣдныхъ учащихся.

Все сіе, касающееся до неимущихъ студентовъ, предоставляетъ коммиссія попеченію приказа общественнаго призрѣнія или собственному расположенію благотворителей, для того, что университетъ, обращая все вниманіе и попеченіе свое на ученіе и на собственное свое управленіе и хозяйство, никакимъ образомъ не можетъ заниматься хозяйствомъ и содержаніемъ студентовъ. Опытомъ уже извѣстно, что обширное хозяйство заведеній, имѣющихъ предметомъ своимъ науки, отвлекаетъ ихъ отъ своей цѣли, и тѣмъ самымъ бываетъ имъ помѣхою къ достиженію оной. Что̀ сказано здѣсь о бѣдныхъ, то̀ распространяется и на казенныхъ студентовъ, исключая пятидесяти человѣкъ, кои только что на первый случай по вышесказаннымъ причинамъ университету необходимо нужны.

5.

Порядокъ опредѣленія въ студенты.

Прибывшій юноша для ученія въ университетъ долженъ представить надлежащія свидѣтельства правителю, то есть ректору университета. Правитель разсматриваетъ свидѣтельство обще съ надзирателями, то есть съ деканами трехъ университетскихъ отдѣленій, и ежели никакихъ законныхъ къ принятію юноши въ университетъ препятствій не найдется, то пришедшій въ университетъ юноша вписывается въ списокъ студентовъ. Ректоръ даетъ записанному студенту печатный университетскій уставъ и расписаніе учебныхъ предметовъ и учебныхъ часовъ. Студентъ вступившій въ университетъ является потомъ къ надзирателю

философическаго факультета, который имѣетъ ему предписать порядокъ ученія сообразно университетскому уставу и его личнымъ способностямъ. Ежели вступившій въ университетъ пріобрѣлъ у себя дома или въ другомъ училищѣ знаніе нѣкоторыхъ философическихъ наукъ до такой степени, что въ повтореніи оныхъ уже и нужды не имѣетъ, то надзиратель, по надлежащемъ чрезъ учителей испытаніи, опредѣляетъ, какія именно науки таковому студенту слушать остается.

Каждый студентъ долженъ повиноваться симъ узаконеніямъ, равно какъ и университетскому начальству. Чтожъ касается до учителей, то студентамъ оставляется свобода слушать лекціи, у котораго учителя кто пожелаетъ, лишь бы порядокъ ученія не былъ нарушаемъ, и лишь бы учитель имѣлъ право преподавать лекціи, какъ выше сего объ учителяхъ сказано.

6.

Расположеніе ученія университетскаго.

Сказанное о побужденіяхъ къ ученію, о сисканіи университетскихъ учителей и о студентахъ вообще, коммиссія почитаетъ на первый случай достаточнымъ, и приступаетъ за тѣмъ къ самому расположенію университетскаго ученія.

Основаніемъ сего плана есть то правило, что науки суть часть существенная воспитанія народнаго. И въ семъ-то видѣ какъ онѣ, такъ и все, къ нимъ относящееся, для государства весьма важно.

Учебное образованіе имѣетъ предметомъ умъ и сердце растущаго гражданина. На послѣднее дѣйствуютъ науки посредствомъ перваго. Непосредственный предметъ учебнаго плана есть просвѣщеніе разума и украшеніе онаго. Въ отношеніи къ первому науки необходимы; въ отношеніи же къ послѣднему полезны. Отсюда выходитъ различность степеней ихъ потребности, подобно какъ въ вещахъ домашняго быту, гдѣ необходимое пола-

гать должно напередъ, за онымъ полезное, а наконецъ къ великолѣпію принадлежащее, возвѣщающее богатство и довольство.

Образованіе гражданина предполагаетъ образованіе человѣка.

Человѣка въ собственномъ разумѣніи образуетъ нравоучитель. Поелику же нравоученіе есть основаніе будущаго образа мыслей и дѣяній, и какъ оно во многихъ случаяхъ долженствуетъ или замѣнять законы, или укрѣплять къ онымъ повиновеніе, то нравоученіе и есть для государства предметъ весьма важный. Правительство взираетъ на образованіе человѣка при обращеніи нравоученія на жизнь гражданскую въ таковомъ видѣ, что каждый гражданинъ напоенъ быть долженъ правилами нравоученія и при томъ такими, кои бы съ законами государства согласовали, и къ наблюденію оныхъ предуготовляли.

Званіе мужа, отца и домостроителя, суть равно званія какъ человѣка, такъ и гражданина. Мужъ имѣетъ у себя жену, отецъ дѣтей, а хозяинъ дому домочадцевъ. Связь сихъ домашнихъ и семейственныхъ отношеній съ просвѣщеніемъ ощутительна, особливо въ утвержденіи супружескаго согласія, въ приличномъ воспитаніи дѣтей и въ добромъ порядкѣ домочадцевъ, въ такихъ вообще предметахъ, гдѣ учредительное законодательство безъ предуготовительнаго, а заповѣдь безъ удостовѣренія о проразумѣніи, не будутъ имѣть ни уваженія, ни силы.

Гражданинъ состоитъ въ отношеніи ко всему государству, и порознь ко гражданамъ онаго. По сему двоякому отношенію имѣетъ онъ выполнять обязанности и взывать права. О томъ и другомъ долженъ онъ имѣть понятіе и знать обширность и предѣлы оныхъ. Отъ сего зависитъ покорность его къ государству и взаимная справедливость къ согражданамъ. Паче всего не упускать ни единаго случая ко вразумленію нераздѣлимаго союза частныя пользы со всеобщимъ порядкомъ, и всеобщаго порядка съ наблюденіемъ всякой должности. Чрезъ то̀ будетъ каждый гражданинъ увѣренъ, что онъ, исполняя свою должность, свое

собственное благо утверждаетъ, и потому будетъ онъ должности свои исполнять, помышляя о самомъ себѣ, и какъ бы для собственныя корысти, и станетъ любить свои должности, такъ какъ онъ любитъ свою пользу. Вотъ великолѣпнѣйшая, но притомъ и нелицемѣрнѣйшая похвала наукамъ, что они умножаютъ приверженность ко всеобщему порядку и повиновеніе къ законамъ, дѣлая внѣшнее принужденіе чрезъ внутреннее убѣжденіе ненужнымъ, и приводя законодательство въ состояніе уменьшить свою строгость.

Приложеніе сихъ правилъ простирается вообще на наставленіе всѣхъ статей, поколику оныя подъ общимъ знаменованіемъ гражданъ разумѣются. Но различность званій, на кои граждане сіи по будущему своему назначенію раздѣляются, раздѣляетъ также и установленія учебныя — на школы народныя и училища для вышнихъ степеней.

Школы народныя опредѣлены для образованія земледѣльца, ремесленника, нѣкоторыхъ художниковъ и имъ подобныхъ. Они заключаютъ въ себѣ *сельскія*, или *земскія школы*, то есть что по деревнямъ; *городскія* школы, или *уѣздныя*, и *главныя*, или *губернскія*, что въ главномъ городѣ губерніи, гдѣ образуются также учители для школъ первыхъ двухъ родовъ.

Дѣти, кои, выходя изъ главныя школы, имѣютъ еще по состоянію и виду своему принять дальнѣйшее въ наукахъ наставленіе, вступаютъ въ училища вышнихъ степеней, гдѣ будущіе государственные чины пріуготовляются по всѣмъ степенямъ.

Училища высшихъ степеней суть гимназіи и университеты.

Изъ главнаго народнаго училища, или по совершеніи домашняго ученія, юноша переходитъ къ такъ называемымъ высшимъ наукамъ.

Предметы ихъ раздѣляются на два главныя отдѣленія, а именно: на науки пріуготовительныя и на науки званія.

Науки пріуготовительныя заключаютъ въ себѣ то̀, что̀ къ каждому искусственному званію возрастающаго гражданина или,

какъ основаніе, необходимо нужно или покрайней мѣрѣ, какъ пособіе, несомнительно полезно.

Науки званія суть тѣ, посредствомъ коихъ учащійся пріобрѣтаетъ себѣ въ общежительствѣ особенное званіе.

Науки пріуготовительныя называются всѣ вмѣстѣ ученіемъ философическимъ.

Науки званія суть: врачебная наука и правовѣдѣніе, извѣстныя подъ названіемъ медицинскаго и юридическаго отдѣленія или факультета. Богословскій факультетъ, высочайшимъ ея императорскаго величества указомъ отъ 29-го генваря 1786 года, предоставляется училищамъ духовнымъ, и изъ университетовъ исключается.

Посему полагается въ россійскихъ университетахъ три отдѣленія или факультета:

Отдѣленіе философическое,

Отдѣленіе врачебной науки, и

Отдѣленіе правовѣдѣнія.

7.

Факультетъ философическій.

Ученіе философское соединяетъ главныя народныя школы съ высшими науками. Посему оно есть собственно среднимъ звеномъ той цѣпи, которая начальное ученіе съ науками званія соединяетъ, и къ обоимъ имѣетъ свое отношеніе: къ первому, дабы предшествовавшее собрать, устроить, умножить и приложить; а къ послѣднимъ,—дабы пріуготовить. Чрезъ сіе предметы, къ философскому ученію причисляемые, точнѣе опредѣляются.

8.

Предметы философическаго ученія.

Въ начальномъ ученіи пріобрѣлъ уже юноша свободу изъяснять мысли свои правильно, означать понятія свои словами.

Здѣсь научается онъ понятія свои опредѣлять точнѣе, сравнивать оныя, и выводить изъ того заключенія; простыя или одинакія понятія отдѣлять, и возводить ихъ на степень общности; наконецъ научается онъ тутъ разсматривать свою душу, ея свойства и силу, въ чемъ руководствуетъ логика и метафизика. Изъ предшествовавшихъ наставленій знаетъ юноша наружное содержаніе чиселъ и величины; здѣсь идетъ онъ далѣе, и познаетъ, какимъ образомъ содержанія сіи происходятъ; отчего и какъ они къ различнымъ предметамъ прикладываются. Онъ научается самъ испытывать пользу сего приложенія, то есть соединеніе философскаго ученія съ предшествовавшими оному пособственными знаніями, коихъ предметомъ есть возбудить въ юношѣ способности душевныя, и привести ихъ чрезъ упражненіе въ свободность.

При вещественныхъ наукахъ, имѣющихъ предметомъ дѣла или вещи, внѣ человѣка находящіяся, было бы въ нижнихъ классахъ, выключая закона и соединеннаго съ нимъ христіанскаго нравоученія, по лѣтамъ ученическимъ вредно и для силъ отроческихъ отяготительно, если бы начальное ученіе простиралося далѣе наружнаго начертанія, главныхъ понятій и дѣйствій созерцаемыхъ.

Но когда учащійся пріобрѣлъ къ сему времени чрезъ законъ на сверхъестественныхъ доводахъ утвержденное понятіе о Богѣ и своемъ собственномъ назначеніи, а чрезъ христіанское нравоученіе получилъ таковое же о добрѣ, злѣ и должностяхъ своихъ, то показывается ему теперь согласіе ученія сего со здравымъ разсудкомъ, выводится оттуда истина онаго, и естественными доказательствами утверждается. Сіе есть предметомъ

Естественной богословіи, содержащейся въ метафизикѣ и нравственной философіи.

Исторія, такъ сказать, лишь возбудила въ учащемся любопытство: онъ важныя мірскія произшествія обозрѣлъ токмо въ единой связи времени. Теперь же преподается она по назначенію

употребленія ея, какъ источникъ опыта, зерцало благонравія и наставница сожитія гражданскаго.

Посему *всеобщая исторія* почитается въ философіи изъ числа важнѣйшихъ предметовъ, каковымъ также есть и *наука естественная*, коею учащійся ознакомливается ближе и короче съ природою, при первомъ руководствѣ лишь поверхностно ему показанною. Наука естественная обращаетъ его взоръ къ началу вещей, ихъ различію, качеству, силамъ и дѣйствіямъ.

Стихотворство и *краснорѣчіе*, которыя въ начальномъ ученіи могли токмо имѣть себѣ мѣсто по одному имени, предоставляются совсѣмъ философскому ученію подъ названіемъ *словесныхъ наукъ*. Здѣсь преподаются онѣ какъ теоретически, такъ и практически, съ неразделимыми отъ оныхъ правилами критики и вкуса, кои въ приложеніи ихъ къ художествамъ заключаются вмѣстѣ *эстетикою*.

Связь философіи съ науками званія, въ видѣ предуготовленія къ онымъ, ощутительна каждому. Ибо въ какомъ званіи и при какомъ дѣлѣ не нужны ли правильность въ мысляхъ и изъясненіяхъ, и познаніе о вещахъ и людяхъ? Безъ сомнѣнія каждому государству весьма нужно предполагать въ будущихъ своихъ народоучителяхъ и государственныхъ дѣлъ въ правителяхъ изощренный разумъ, направленное разсужденіе и тонкій вкусъ, и надѣяться притомъ, что имѣющіе по дѣламъ говорить или писать къ государю и къ народу, или въ сочиненіяхъ, умѣютъ соединять въ предложеніяхъ своихъ порядокъ мыслей съ правильностію ихъ, тонкость оборотовъ съ новостію, и свойство выраженій съ важностію. Кто не признаетъ, сколь велико дѣйствіе нравственныя философіи, сердце чрезъ разумъ обращающія на всѣ чины общежительства гражданскаго! Коль великія выгоды приноситъ наука естественная, служащая основаніемъ врачебному искусству, и коль много обогащаетъ и усовершаетъ она, въ соединеніи съ математикою, художества, науки, земледѣліе и всѣ промыслы! Коликую пользу почерпаютъ изъ исторіи политикъ, правовѣдъ и богословъ! Она показываетъ имъ начало законовъ

и учрежденій государственныхъ, съ происхожденіемъ вѣръ и ихъ участьми, открывая между тѣмъ для всѣхъ неисчерпаемое сокровище примѣровъ поучительныхъ. Взаимная связь сихъ наукъ еще тѣмъ ощутительнѣе, что ко всякой наукѣ званія, къ которой возрастающій гражданинъ себя предопредѣляетъ, дѣлается приступъ особливою частію такого предмета, о коемъ въ философіи толковано уже было вообще.

9.

Порядокъ преподаванія философическихъ наукъ.

Философское ученіе совершается въ три года. Части онаго распоряжены между собою такъ, что одна другой служитъ приуготовленіемъ и какъ-бы лѣствицею, и что каждый предметъ толкуется сперва по одной наружности, потомъ по правиламъ, а наконецъ практически.

Образованіе начинается тутъ съ укрѣпленія силы познательной, потомъ приступаютъ къ дѣяніямъ и способностямъ души, разсматриваютъ дѣйствія человѣческаго разума, и опредѣляютъ признаки истины и заблужденія логикою. Оттолѣ ко всеобщимъ свойствамъ вещей, къ ихъ содержанію и различію, поступаютъ чрезъ метафизику.

Понятіе философскихъ истинъ пребыло бы всегда несовершенно, если бы разумъ не былъ притомъ пріобученъ ко вниманію, отвлеченію, раздробленію и совокупленію, изощренъ примѣчаніемъ и сужденіемъ частныхъ или одинакихъ опытовъ, и обогащенъ запасомъ произшествій изъ различныхъ народовъ. Симъ потребностямъ удовлетворяетъ математика, наука естественная и исторія.

Въ математикѣ разсматриваются вещи по ихъ величинѣ, смотря потому, изъ отдѣленныхъ ли онѣ частей состоятъ или сложныхъ. Изъ опредѣленія величины по отдѣленнымъ частямъ, или числамъ, раждается ариѳметика; по сложнымъ же, или по протяженію, раждается геометрія. Къ ариѳметикѣ присовокуп-

ляется алгебра, или универсальная ариѳметика; къ геометріи же— тригонометрія, яко приложенная къ ней ариѳметика, изъ чего выходитъ основаніе всея математики, или чистая математика.

Первый взоръ науки естественной обращается на богатство природы и многоразличность произведеній ея, безъ чего бы законовъ никакъ постигнуть было невозможно. И такъ, исторія естественная разсматриваетъ окружающія насъ вещи вообще по ихъ наружнымъ признакамъ, подая изъ себя полезное употребленіе въ соединеніи съ физическимъ землеописаніемъ, показующимъ раздѣленіе произведеній по земноводному нашему шару, избытокъ и недостатокъ земель.

Руководство ко всеобщей исторіи заключаетъ въ себѣ общій и хронологическій видъ произшествій; присоединяетъ однако къ оному прямое понятіе о ихъ пользѣ; показываетъ настоящія матеріялы и выборъ оныхъ, признаки истины и цѣну историческихъ источниковъ; заимствуетъ помощь отъ наукъ пособственныхъ, и пріуготовляетъ такимъ образомъ къ философо-прагматическому исторіи ученію.

Къ словеснымъ наукамъ получаетъ юноша одно пріуготовленіе чрезъ чтеніе и филологическое упражненіе въ лучшихъ греческихъ и римскихъ писателяхъ.

Размѣренное такимъ образомъ ученіе оканчивается къ одному времени, и опредѣляетъ собою первое отдѣленіе, или первое годовое теченіе, заключающее въ себѣ:

Логику и метафизику; изъ математики: ариѳметику, алгебру, геометрію и тригонометрію, т. е. чистую математику; изъ науки естественной: исторію натуральную съ физическимъ землеописаніемъ; изъ исторіи: введеніе во исторію всемірную и филологическое упражненіе въ классическихъ древнихъ писателяхъ.

10.

Раздѣленіе учебнаго времени.

Посему раздѣленіе учебнаго времени по ихъ предметамъ есть слѣдующее:

Дабы каждый желающій учиться могъ начинать университетское ученіе въ два времени года, и дабы оставить каждому свободу повторять въ нужномъ случаѣ нѣкоторыя науки, то годовое теченіе раздѣляется на двѣ половины.

Въ первую половину перваго года читаются:

Логика.

Чистая математика.

Первая половина естественной исторіи съ физическимъ землеописаніемъ.

Первая половина введенія во всемірную исторію.

Филологическое упражненіе въ древнихъ греческихъ и римскихъ писателяхъ.

Во вторую половину перваго года читаются:

Метафизика.

Вторая половина естественной исторіи съ физическимъ землеописаніемъ.

Вторая половина введенія во всемірную исторію.

Философическія упражненія въ древнихъ писателяхъ.

Въ слѣдствіе сего распоряженія читаются по два раза въ каждый годъ:

Логика, метафизика, чистая математика.

По одному разу въ годъ:

Исторія естественная съ физическимъ землеописаніемъ.

Введеніе во исторію всемірную.

Филологическія упражненія.

11.

Второе годовое теченіе ученія философическаго.

Во второмъ отдѣленіи переходитъ наука естественная, пріобрѣтши о произведеніяхъ природы созерцательное познаніе, къ законамъ оныхъ.

Тутъ предметомъ разсужденія суть сперва тѣла вообще, ихъ составныя части, свойства и служебность сихъ въ общемъ мíростроеніи.

Потомъ изслѣдываются качества нѣкоторыхъ тѣлъ особенно, какъ воды, огня, воздуха, свѣта, земли.

Законы естества могутъ токмо выводимы быть изъ опытовъ, почему и доказывать надлежитъ оные опытами. Физика не можетъ иначе идти, какъ по опытамъ. И для сего теорію каждой вещи надобно тутъ сопровождать доказательными опытами.

Дознанные законы естества могутъ быть по ихъ дѣйствію вычислены и вымѣрены. Сіе бываетъ, когда математика прилагаетъ свои правила къ нѣкоторымъ предметамъ особенно, принимая въ семъ соединеніи названіе прикладной математики.

Здѣсь сродство обѣихъ наукъ, то есть математики и физики, очевидно, такъ какъ и надобность соединять оныя между собою: понелику въ семъ соединеніи теорія каждаго предмета повѣряется опытомъ, и польза отъ приложенія ея видима на дѣлѣ; въ умѣ же посредствомъ чувствъ тѣмъ сильнѣе запечатлѣвается, когда ученикъ, коему такимъ образомъ происхожденіе, дѣйствіе и употребленіе естественныхъ законовъ во всей связи представляются, видѣлъ оную глазами и осязалъ руками.

Исторія преподается тутъ отъ самаго начала и даже до паденія Римскія имперіи на западѣ и всеобщаго преселенія народовъ. Вездѣ, гдѣ только можно, утверждаются достопамятныя приключенія свидѣтельствомъ современныхъ писателей.

Во всякомъ періодѣ сильнѣйшій народъ пріемлется какъ бы за средоточіе, къ коему всѣ прочіе относятся. Однакожъ, особливое вниманіе обращается на славнѣйшіе въ древности народы не токмо потому, что исторія ихъ изобилуетъ толико достопамятными приключеніями, высокими дѣлами и великими примѣрами; но и для того, что оная къ свободнымъ наукамъ и художествамъ слѣдующаго отдѣленія пріуготовляетъ. Разсматриваніе міра и бытія и качествъ Божіихъ чрезъ метафизику ведетъ и къ понятію объ отношеніи, въ какомъ состоитъ Творецъ съ тварію. На семъ отношеніи утверждается непремѣнный законъ, на коемъ основаны всѣ должности человѣческія къ Богу, ъ самому себѣ и къ ближнему. Нравственная философія, долж-

ности сіи показующая, теперь на мѣсто свое вступаетъ, яко приложеніе практическое, и замыкаетъ познанія, посредствомъ единаго разсудка пріобрѣтаемыя.

И такъ, второе отдѣленіе содержитъ во второмъ годовомъ теченіи:

Физику съ опытами.

Прикладную математику.

Исторію всемірную.

Нравственную философію.

Филологическія упражненія.

Раздѣленіе учебнаго времени, какъ и въ первомъ годѣ, есть слѣдующее.

Въ первую половину читаются:

Нравственная философія.

Первая половина физики, съ опытами.

Первая половина исторіи всемірной.

Первая половина прикладной математики.

Филологическія упражненія.

Въ семъ отдѣленіи учитель, читая древнихъ греческихъ и римскихъ писателей, читаетъ и россійскіе оныхъ переводы.

Во вторую половину читаются:

Вторая половина физики, съ опытами.

Вторая половина исторіи всемірной.

Вторая половина прикладной математики.

Филологическія упражненія въ древнихъ и россійскихъ писателяхъ.

И такъ, во второмъ годовомъ теченіи ученія философическаго читаются: два раза въ годъ —

Нравственная философія.

Одинъ разъ въ годъ:

Физика, съ опытами.

Исторія всемірная.

Прикладная математика.

Филологическія упражненія.

Съ наступленія сего втораго отдѣленія читаются вышеозначенныя науки ежегодно по сему порядку, дабы студенты, вступившіе чрезъ годъ послѣ первыхъ, не имѣли остановки, и дабы ученіе могло въ университетѣ начинаться, ежели ни въ два, то по крайней мѣрѣ въ одно время каждаго года.

12.

Третіе годовое теченіе ученія философическаго.

Математическое ученіе заключается здѣсь практическимъ употребленіемъ, удостовѣряющимъ о пользѣ онаго въ общежитіи.

Отъ преселенія народовъ, на коемъ исторія остановилась во второмъ отдѣленіи, продолжается она до нашихъ временъ. Но какъ преподаваніе новой исторіи не можетъ обнять вдругъ всѣхъ исторій государствъ европейскихъ, и расположено быть такъ, чтобъ учитель слѣдовалъ порядку хронологическому, то и преподается исторія такимъ образомъ, чтобъ каждаго европейскаго государства исторія читалась особенно, то есть одна за другою. Сей порядокъ для облегченія памяти наблюдается почти во всѣхъ европейскихъ университетахъ, но для связи происшествій и для хронологіи долженствуетъ учитель замѣчать важныя единовременныя приключенія всего вообще міра. Россійская исторія по причинѣ важности своей для Россіи читается пространнѣе другихъ и въ особые часы.

Разумъ юноши просвѣтился и изострился уже теперь логикою, метафизикою и математикою; чувствіе его возбуждено и очищено нравственною философіею; воображеніе его оживлено и напитано естественною наукою и исторіею, обогащено вещами и примѣрами: теперь способенъ онъ познать происхожденіе и предметъ наукъ словесныхъ, проникнуть въ цѣль ихъ, и усвоить себѣ средства, коими онѣ дѣйствуютъ. Наилучшая стезя къ наставленію сему есть та, которая привела къ открытію средствъ оныхъ. Правила словесныхъ наукъ выведены изъ сочиненій лучшихъ писателей. Чтеніе классическихъ книгъ должно руковод-

ствовать къ познанію сихъ правилъ; предписанія же, примѣрами подкрѣпляемыя, запечатлѣвается лучше въ памяти, и разуму убѣдительнѣе.

Чтеніе греческихъ и латинскихъ классическихъ писателей начато было, яко приуготовленіе къ словеснымъ наукамъ, еще съ самаго начала философскаго ученія, и продолжаемо даже до третьяго годоваго теченія. Но говорить объ нихъ отложено было до сего мѣста, для того, что польза ихъ здѣсь виднѣе. Сверхъ упомянутаго нужнаго предуготовленія доставляетъ еще чтеніе классическихъ авторовъ двѣ другія выгоды, если къ тому избраны будутъ писанія, касающіяся до главныхъ предметовъ ученія въ каждомъ отдѣленіи. Если напримѣръ возьмутся для перваго отдѣленія, посвященнаго особливо теоретической философіи, философскія сочиненія Цицероновы и Гораціевы творенія, содержащія въ себѣ весьма глубокое свѣта и людей познаніе; если напримѣръ возьмется для втораго, гдѣ физика главнѣйшее мѣсто занимаетъ, натуральная Плиніева исторія и Виргиліевы георгики; и если еще для обоихъ отдѣленій изберется по одному греческому и латинскому историку, каковъ Ливій и Ѳукидидъ; то служатъ таковыя книги для главной науки нѣкоторымъ пріятнымъ повтореніемъ, изящнымъ толкованіемъ и соотвѣтственнымъ приложеніемъ. Учащійся привыкаетъ думать съ древними философами и имъ подобно; пріобрѣтенныя имъ знанія дѣлаются ему навсегда любезнѣйшими.

Польза, отъ сего происходящая, и тѣмъ велика, что чрезъ сіе латинскій языкъ будетъ въ употребленіи. Нѣкогда предоставлялось сему языку преимущество быть единственнымъ орудіемъ наукъ; всѣ науки преподавались на ономъ. Что латинское слово лишилось нынѣ сего преимущества, и что въ вышнихъ училищахъ или университетахъ преподаваться будутъ науки языкомъ народнымъ, тому есть важнѣйшая причина, нежели одно поправленіе языка россійскаго. Просвѣщеніе будетъ распространяться всегда тихими шагами, оно всегда будетъ оставаться между весьма малымъ числомъ учащихся, и никогда не

распространится между прочію частію народа, или въ цѣломъ государствѣ, пока науки преподаваться будутъ языкомъ мертвымъ. Всякому, желающему пріобрѣсти знаніе въ какихъ-либо художествахъ или рукодѣліяхъ, будетъ сіе преградою. Всякое изобрѣтеніе останется совершенно безполезнымъ для той части людей, для которой бы оно въ употребленіи служило дѣйствительною пользою.

Англичане и французы преимущество свое предъ прочими европейскими народами въ художествахъ и промыслахъ и вообще въ народномъ просвѣщеніи пріобрѣли болѣе тѣмъ, что науки были у нихъ преподаваемы на языкѣ народномъ, и что, какъ изъ того слѣдовало, хорошіе писатели, соединявшіе отъ самыхъ младыхъ лѣтъ языкъ свой съ науками, сообщали знанія свои отечеству природнымъ же своимъ языкомъ. Но между тѣмъ языку Цицерона, Ливія и Горація останется преимущество быть общимъ языкомъ наукъ навсегда неоспоримымъ. Сей языкъ соединяетъ ученыхъ мужей всего свѣта; содержитъ дальнѣйшіе краи міра сего между собою въ сообщеніи; имѣетъ во всякомъ родѣ наукъ, во всякомъ художествѣ, для образованія вкуса, прекрасныя, неоцѣненныя и несравненныя произведенія самыхъ великихъ людей, наполненныя тончайшими мыслями и самыми лучшими выраженіями. Слогъ латинскій имѣетъ въ себѣ по существу своему нѣчто мужественное, благородное и важное, и останется писателямъ всѣхъ народовъ въ нѣкоторомъ смыслѣ правиломъ, примѣромъ и образцемъ совершенства. Сіи качества нимало не унижаются употребленіемъ, каковое чинили изъ сего языка въ училищахъ; но дѣлаютъ оный навсегда прилежнѣйшаго угобженія достойнымъ, которое начинать наилучше съ точнаго познанія классическихъ писателей. Языкъ греческій, коему похвала въ равной степени съ языкомъ латинскимъ, или еще и въ высшей, прилично обращаетъ на себя вниманіе россіянъ по многимъ причинамъ, какъ-то: единообразнымъ исповѣданіемъ вѣры, книгами, до вѣры касающимися, сходствіемъ россійскаго слога со греческимъ, и наконецъ по завоеваніямъ Екате-

риною Второю областей, въ коихъ обитаетъ множество грековъ, и по преселеніямъ греческихъ народовъ въ области имперіи российской въ царствованіе ея величества.

Послѣ сего приготовленія, продолжающагося чрезъ первые два года будутъ учащимся преподаваемы чрезъ третій годъ правила стихотворства и краснорѣчія. Ученіе сіе будетъ основываемо на простыхъ примѣрахъ, объясняемо чтеніемъ самыхъ лучшихъ писателей разныхъ языковъ, а паче народныхъ, и утверждаемо упражненіемъ. Упражненіе въ краснорѣчіи, долженствующемъ научать хорошо во всѣхъ дѣлахъ изъясняться, состоитъ въ сочиненіяхъ; а опыты — стихотворенія въ переводахъ, поелику произведеніе піитовъ не можетъ быть цѣлью школьнаго ученія.

Учитель возбуждаетъ при всякомъ случаѣ въ юношѣ примѣчаніе на истинное и прекрасное, какъ въ мысляхъ, такъ и въ выраженіяхъ писателя находящееся, оживляетъ и укрѣпляетъ его чувствованіе безобразіемъ противныхъ тому погрѣшностей, и производитъ тѣмъ самымъ образованіе вкуса.

Сіе возвышеніе духа есть точный предметъ эстетики, которая послѣдуетъ ученію словесныхъ наукъ, обращаетъ произведенныя оными чувствованія къ правиламъ, прилагаетъ оныя къ художествамъ, и учитъ какъ судить объ оныхъ правильно.

Третій годъ ученія, коимъ философскія науки кончатся, содержитъ посему:

Практическую математику.

Стихотворство и краснорѣчіе съ эстетикою.

Исторію европейскую.

Исторію российскую.

Раздѣленіе учебнаго времени есть слѣдующее:

Въ первую половину третьяго годоваго теченія читаются:

Первая половина европейской исторіи.

Первая половина практической математики.

Первая половина словесныхъ наукъ.

Во вторую половину третьяго годоваго теченія читаются:

Вторая половина европейской исторіи.

Исторія россійская.

Вторая половина практической математики.

Вторая половина словесныхъ наукъ.

Коммиссія полагаетъ, чтобъ каждый профессоръ, окончавъ курсъ каждой науки въ назначенное время, начиналъ паки оную такъ, чтобъ въ каждый годъ всѣ назначенныя науки читались исправно, дабы студенты, вступающіе въ университетъ, ни малой въ ученіи остановки не имѣли, и могли бы начинать ученіе въ два или по крайней мѣрѣ въ одно время каждаго года, о чемъ университетское правленіе неусыпно пещись долженствуетъ.

Высшая математика и астрономія суть уже науки званія, коимъ мѣсто въ семъ отдѣленіи опредѣляется только по причинѣ ихъ непосредственной связи.

Высшая математика начинается тогда, когда учащіеся совершатъ курсъ философіи. Ученіе сихъ наукъ раздѣляется на три года.

Астрономія, занимающая два года, преподается на обсерваторіи, на которой также и при особенныхъ наблюденіяхъ и явленіяхъ присутствовать каждому позволяется, напримѣръ при затменіяхъ, при закрытіи луною звѣздъ или планетъ, при необыкновенномъ какомъ-либо ихъ стеченіи и прочее, о коихъ всегда извѣщаемо будетъ чрезъ прибитые на воротахъ университетскихъ листы.

13.

Число учителей.

Число учителей опредѣляется сообразно предметамъ ученія и раздѣленію онаго на три разные рода, сирѣчь: на тѣ науки, кои служатъ основаніемъ всѣмъ философскимъ наукамъ вообще; на тѣ, кои съ первыми по причинѣ ихъ связи раздѣлиться не могутъ, и способствуютъ или нужному пріуготовленію, или же

полезному оныхъ употребленію; и наконецъ на тѣ, кои преподаются яко знанія, прочимъ философскимъ наукамъ вспомогающія.

О сихъ послѣднихъ ничего еще сказано не было, не для того, чтобъ онѣ почитались излишними; но потому, что онѣ не столь важны въ разсужденіи всего ученія вообще, дабы случайнымъ своимъ небытіемъ могли остановить онаго успѣхи, и чтобъ потому долженствовали быть необходимо внесенными въ сіе предлагаемое наукъ распоряженіе яко существенныя части. Дипломатика съ геральдикою, древности съ нумизматикою, суть вспомогающія науки исторіи, которую онѣ повсюду освѣщаютъ. Технологія, или ученіе рукодѣлій и фабрикъ, показываетъ употребленіе пріобрѣтенныхъ въ физикѣ и математикѣ знаній. Сія наука вообще каждому полезна; но болѣе тѣмъ, кои готовятся отправлять то въ государствѣ служеніе, кое относится къ управленію промыслами и торговлею. Симъ наукамъ опредѣляются, по свойству ихъ съ главными ученія предметами, въ общемъ расположеніи слѣдующія мѣста. Дипломатикѣ съ геральдикою въ первомъ годѣ; древностямъ съ нумизматикою во второмъ, подлѣ исторіи; а технологіи въ третьемъ годѣ, яко употребленію физическихъ и математическихъ знаній.

При дипломатикѣ и геральдикѣ нѣтъ намѣренія учить симъ наукамъ во всемъ ихъ пространствѣ; но довольно преподать слушателямъ тѣ знанія, коими ученіе исторіи облегчается. И такъ въ дипломатикѣ преподается ко введенію двѣнадцать начальныхъ изъясненій, сокращенная дипломатики исторія, польза, вліяніе и начертаніе ея. Въ теоретической части берется изъ графики, семіотики и образцовой науки (formel-kunde) самое важнѣйшее и болѣе прочаго примѣчательное; а въ практической части изъ примѣровъ судныхъ дѣлъ что̀ ни есть легчайшее.

Такимъ же образомъ соединяется и преподается геральдика со сфрагистикою.

О дипломатикѣ и геральдикѣ сдѣланныя примѣчанія распространяются и на древности и нумисматику, кои не такъ какъ

особыя науки объемлютъ все пространство своихъ предметовъ; но какъ пособіе исторіи распространяютъ только большій свѣтъ на географію, на произведенія художествъ, на памятники, на богослуженія и обычаи древнихъ народовъ.

Пять предметовъ ученія перваго года, а именно: самая философія, математика, физика, исторія и словесныя науки, требуютъ особенныхъ каждой науки учителей.

Изъ трехъ предметовъ ученія втораго года, а именно: всеобщей естественной исторіи, практической математики и упражненій филологическихъ, будетъ сіе послѣднее ученіе, состоящее въ чтеніи классиковъ, преподаваться учителемъ словесныхъ наукъ; но первыя двѣ науки требуютъ особыхъ учителей. Учители физики, математики преподаваніемъ своимъ слишкомъ озабочены, и не могутъ сихъ наукъ принять на себя.

И такъ, философское ученіе имѣетъ десять учителей, а именно:

Одинъ учитель философіи, то есть логики, метафизики и нравственной философіи.

Одинъ — физики.

Одинъ — исторіи.

Одинъ — словесныхъ наукъ.

Одинъ — математики.

Одинъ учитель естественной исторіи.

Одинъ — практической математики.

Одинъ — дипломатики.

Одинъ — древностей.

Одинъ — технологіи.

Въ случаяхъ болѣзненныхъ, учители обязаны другъ друга заступать.

Всѣ сіи учители суть профессоры.

Впрочемъ, комиссія оставляетъ право факультетскому начальству распоряжать часы и дни лекцій по общему согласію, такъ однакожъ, чтобъ главное училищъ правительство всякій разъ о сихъ распорядкахъ вѣдало.

14.

Учебныя книги.

Учители не подвергаются принужденію, ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ. Свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ; но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо.

Нынѣ преподаваться будетъ ученіе по книгамъ, находящимся ниже сего въ спискѣ подъ № 4. Но ежели учитель или знаетъ другую книгу, которая ему кажется лучшею, или же въ состояніи написать свою; то представляетъ о томъ главному училищъ правительству, и ожидаетъ несумнѣнно утвержденія, ежели таковая перемѣна учебной книги служитъ къ пользѣ ученія.

Преподаваніе по рукописнымъ книгамъ навсегда запрещается, поелику переписка занимаетъ у учащихся много времени и производитъ превеликія въ ученіе неудобства.

15.

Качества учащихся.

Каждому въ качествѣ посѣтителя храмины философскаго ученія отворены. Но тотъ, кто желаетъ быть записанъ въ настоящіе слушатели преподаваемыхъ лекцій, долженствуетъ пріобрѣсти сіе право, какъ выше сего сказано, чрезъ свидѣтельство отъ главнаго народнаго училища или же чрезъ испытаніе въ университетѣ, хотя бы онъ обучался въ публичныхъ школахъ, хотя у себя въ домѣ.

16.

Качества учителей.

Въ учителѣ требуется основательныя знанія, ясность и пріятство въ преподаваніи, добронравіе и пріятное обхожденіе.

Здѣсь разсуждается въ учителяхъ подъ двумя видами, поелику ученіе въ разсужденіи разума, а благонравіе въ разсужденіи сердца учащихся суть весьма великой важности. Основательныя знанія и пріятное оныхъ преподаваніе суть необходимыя качества ученаго. Благонравіе есть существенное качество человѣка, коего дѣянія въ слушателяхъ впечатлѣваются по причинѣ самаго его положенія, и пріемлются предметомъ подражанія какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ. Пріятность обхожденія пріобрѣтаетъ учителю дружбу учащихся, а любовь оныхъ къ учителю производитъ любовь къ наукамъ. Ксенофонтъ, Эсхинъ, Платонъ и другіе извѣстные ученики Сократа, были его искреннѣйшіе друзья. Привлекательное обхожденіе учителей и потому весьма полезно, что ученость лишается онымъ грубости педантической, которая не только науки безобразитъ, но и дѣлаетъ ихъ для дѣлъ и свѣта менѣе употребительными.

Качества ученаго человѣка бываютъ довольно извѣстны или изъ его сочиненій, по общепризнанной славѣ его имени, и тогда призывается онъ на порожнее профессорское мѣсто, или же пріобрѣтаетъ онъ достаточныя доказательства о знаніяхъ своихъ и преподаваніи оныхъ, бывъ употребляемъ въ чрезвычайныхъ лекціяхъ, и тогда предлагаетъ университетское правленіе объ немъ прямо, или же наконецъ при созывѣ желающихъ заступить убылое профессорское мѣсто, причемъ день, часъ и мѣсто, гдѣ собранію онаго созыва быть, обнародывается. Ищущіе таковаго мѣста должны явиться къ надзирателю того отдѣленія.

Испытаніе явившихся чинится въ присутствіи университетскаго правленія и всѣхъ учителей того отдѣленія, къ коему принадлежитъ убылое мѣсто; также и другимъ ученымъ людямъ быть притомъ не возбраняется. Образъ испытанія относится къ потребнымъ ученымъ качествамъ, къ основательнымъ знаніямъ, къ письменному и словесному преподаванію учителя.

Что до письменнаго преподаванія надлежитъ, то испытуемымъ предлагаются вопросы, на которые долженствуютъ они написать отвѣты на мѣстѣ, въ присутствіи во все время нахо-

дящагося притомъ свидѣтеля; и такимъ образомъ доказывается способность ихъ въ сочиненіяхъ, которая во многихъ случаяхъ учителямъ необходима.

Для словеснаго преподаванія назначается какой ни есть предметъ, о которомъ испытуемому должно послѣ нѣкотораго срочнаго пріуготовленія толковать образомъ настоящаго ученія.

О достоинствахъ и преимуществахъ испытанныхъ голоса сбираются отъ правителя университетскаго и профессоровъ письменно; заключеніе изъ оныхъ представляется главному училищъ правленію. Самыя только важныя и на личныхъ недостаткахъ основанныя причины побудить могутъ къ отмѣнѣ голосовъ.

17.

Надзираніе за учащими и учащимися.

Тѣ университеты, коихъ предметомъ есть не столько образованіе отечественнаго юношества, сколько привлеченіе онаго изъ чужихъ краевъ, и кои потому въ разсужденіи государствъ, гдѣ они находятся, не столько почитаемы быть могутъ училищными учрежденіями, сколько средствами переводить изъ чужихъ земель деньги,—не имѣютъ нужды въ надзираніи ни надъ учащими, ни надъ учащимися. Въ таковомъ университетѣ, гдѣ правительство въ успѣхахъ учащихся столь же мало принимаетъ участія, сколь много имѣетъ оно отъ того прибыли, учители и учащіеся оставлены себѣ на волю. Таковыя независимости нельзя допустить въ государствѣ, гдѣ учебныя установленія по плану своему соединены со всеобщимъ народнымъ воспитаніемъ, яко существенная онаго часть; но какъ учители, такъ и ученики подвержены равно надзиранію, съ тѣмъ только различіемъ, что въ разсужденіи первыхъ простирается оно не далѣе общаго порядка; а въ разсужденіи послѣднихъ и до самаго ихъ прилежанія и успѣховъ. Правитель университета имѣетъ только смотрѣніе, читаютъ ли учители предписанныя имъ наставленія, и исполняютъ

ли въ прочемъ всякій свою должность. Ибо какъ о людяхъ ученыхъ и почетныхъ можно напередъ полагать, что они по должности своей жалобы на себя не подадутъ; что правитель есть для нихъ не столько надзирателемъ, сколько свидѣтелемъ ихъ трудовъ, на коего они всегда имѣютъ право ссылаться; а сей напротивъ того имѣетъ обязанность ихъ заступать.

Когда учитель боленъ, либо отсутственъ, или когда по другой какой причинѣ мѣсто профессорское праздно, тогда правитель университета и надзиратели факультетовъ имѣютъ стараться, дабы юношество между тѣмъ времени напрасно не теряло. Въ непродолжительныхъ отсутствіяхъ учительскихъ назначаютъ они въ тѣ должности другихъ; на мѣста же, упразднившіяся совсѣмъ, созываютъ желающихъ или представляютъ кого изъ людей способностьми извѣстныхъ.

18.

Доказательства успѣховъ.

Доказательства, какія обучающіеся о своихъ въ знаніи успѣхахъ представить могутъ, суть двоякія, а именно: при испытаніяхъ, бывающихъ по окончаніи каждой части науки, и называемыхъ обыкновенными испытаніями; и при тѣхъ, кои чинятся во всей наукѣ вообще, называемыя для отличенія отъ первыхъ строгими испытаніями: симъ подвергаются ищущіе магистерскаго достоинства.

Учитель испытываетъ въ теченіи своего ученія, когда ему заблагоразсудится, и сіи нечаянныя испытанія усугубляютъ въ ученикахъ его вниманіе, служатъ имъ всѣмъ вмѣсто повторенія, а учителю даютъ знать напередъ оныхъ способность и прилежаніе. Обыкновенныя испытанія долженствуютъ быть въ присутствіи правителя университета и сего отдѣленія надзирателя.

Образъ испытанія и разборъ учениковъ сходствуетъ во всемъ съ тѣмъ, что сказано о прочихъ училищахъ. Свидѣтельства на успѣхи даются въ частяхъ философіи отъ профессоровъ; во всемъ

же философскомъ ученіи отъ надзирателя, согласно съ данными отъ учителей. По окончаніи послѣдняго испытанія пріобрѣтаетъ испытуемый достоинство магистра философіи и право преподавать лекціи.

О строгихъ испытаніяхъ будетъ случай говорить подробнѣе при наукахъ званія.

19.

Ободренія.

Философское ученіе, единственно какъ пріуготовленіе, не можетъ представлять ученикамъ дальнихъ видовъ къ ободренію. Малозначущіе знаки отличія учащимся въ семъ классѣ также несовмѣстны потому, что тутъ пріучаютъ уже ихъ думать по образу совершенныхъ людей, и что мзду трудовъ своихъ должны уже они находить въ самыхъ пріобрѣтенныхъ ими знаніяхъ.

Ободреніе учителямъ расположены по ихъ состоянію: они ожидать имѣютъ тѣхъ же самыхъ воздаяній, которыя рачительною службою въ другихъ званіяхъ пріобрѣтаются, ибо всѣ профессоры, или учители университетскіе считаются въ дѣйствительной службѣ ея императорскаго величества.

20.

Пособія.

Философскій факультетъ долженъ имѣть для физики всякими инструментами къ познанію физическихъ опытовъ снабженный кабинетъ, также камеру съ нужными припасами, въ коей опыты частію уже приготовлены бываютъ, а частью дѣлаются предъ глазами слушателей.

Классъ естественной исторіи имѣть долженъ собраніе вещей натуральныхъ.

Классъ прикладной математики — разныя модели всякихъ машинъ.

Для астрономіи должна быть башня, всякими инструментами снабдѣнная.

Университетская библіотека по справедливости должна почитаться за главнѣйшее пособствующее средство, которымъ учащіеся, равно какъ и учащіе, во всѣхъ отдѣленіяхъ обще пользуются. Она да содержитъ богатое собраніе избранныхъ книгъ изо всѣхъ наукъ, на разныхъ языкахъ, и отъ времени до времени должна умножаема быть новыми сочиненіями, какія въ таковомъ книгохранилищѣ быть заслуживаютъ.

Она должна быть открыта каждый день, выключая субботу, воскресенье и праздники, предъ обѣдомъ отъ 9-ти до 12-ти, да послѣ обѣда еще по два часа, въ которое время каждому учащемуся ходить въ нее позволено; учителямъ же, кои того требуютъ, отпускаются книги на нѣсколько времени и на домъ съ распискою.

21.

Факультетъ медицинскій.

Лѣчебная наука есть основаніе всѣхъ до здравія касающихся заведеній, кои сами собою существеннѣйшую и обширнѣйшую часть всеобщаго государственнаго благоустроенія составляютъ.

22.

Предметы.

Лѣчебная наука раздѣляется на приготовленіе лѣкарствъ и на употребленіе ихъ.

Употребленіе бываетъ внутреннее или внѣшнее. По сему раздѣленію, части учебной науки суть:

Аптекарское, или лѣкарственное искусство.

Врачебная наука, или внутреннихъ болѣзней врачеваніе.

Лѣкарское искусство, или наружныхъ болѣзней, къ коему принадлежитъ и повивальное искусство.

Лѣченіе скота, которое для всеобщаго хозяйства и благосостоянія поселянъ между полезнѣйшими государственными учрежденіями почитаемо быть должно, по сходству своему съ лѣчебною наукою, къ ней и присовокупляется.

23.

Аптекарское искусство.

Приготовляетъ лѣкарства. Оно требуетъ знанія вещей, въ составъ лѣкарствъ входящихъ, и знанія наилучшаго способа къ приготовленію оныхъ.

Всеобщее познаніе вещей, въ лѣкарства употребляемыхъ, получается чрезъ естественную науку. Въ философскомъ отдѣленіи физика и исторія естественная преподавались вообще. Здѣсь подробное свѣдѣніе науки естественной, обращаясь на лѣкарственныя вещей свойства, дѣлаетъ ее посредницею, соединяющею лѣчебную науку съ философіею.

Наука естественная хотя въ семъ отдѣленіи учебнаго плана и заключаетъ въ себѣ также полезное наставленіе для другихъ состояній, для домостроительства, художествъ и промысловъ; однако же руководствуетъ наипаче къ такимъ знаніямъ, кои обучающихся лѣкарственному искусству могутъ наиболѣе ознакомить съ естествомъ вещей, къ ихъ будущему званію относящихся.

Главное или особливое свѣдѣніе о вещахъ, въ лѣкарство употребляемыхъ, преподаетъ въ разсужденіи сихъ происхожденія — ботаника; изъ чего они состоятъ — химія; какъ составляются — лѣкарственная наука.

Химія и присоединенное къ лѣкарственной наукѣ аптекарское искусство научаютъ особо употребленію вещей и ихъ приготовленію.

Врачебная наука [iatria] опредѣляетъ внутреннее употребленіе лѣкарственныхъ средствъ, то есть опредѣляетъ такое лѣ-

карство отъ такой болѣзни. Опредѣленіе таковое предполагаетъ себѣ основаніемъ обстоятельное свѣдѣніе человѣческаго тѣла вообще и всѣхъ онаго частей съ ихъ дѣйствіями.

Врачъ получаетъ свѣдѣніе о наружныхъ и внутреннихъ частяхъ человѣческихъ изъ анатоміи и физіологіи; изъ сихъ послѣдняя учитъ состоянію человѣческаго тѣла въ здравомъ положеніи, въ которое чтобъ привести опять больнаго попеченіе врача и есть.

Болѣзнь есть мгновенное склоненіе природы со здраваго положенія, причиняемое или отсутствіемъ нѣкоторой потребы, или присутствіемъ нѣкоторой помѣхи въ дѣйствіяхъ человѣческаго тѣла. Безконечное различіе сихъ склоненій толкуетъ всеобщая и частная патологія или болѣзненная наука. Первая разсматриваетъ состояніе болѣзней вообще съ причинами ихъ происхожденія; послѣдняя изслѣдываетъ каждую болѣзнь порознь, и разделяетъ ихъ на классы и на ряды.

Глазныя болѣзни составляютъ собственно токмо часть особой или частной науки. Имъ обучаютъ однако особо потому, что образъ лѣченія ихъ требуетъ особливаго вниманія, а самый обиходъ особливаго искусства рукъ.

За знаніемъ болѣзней слѣдуетъ знаніе лѣкарствъ, противу болѣзней употребительныхъ, къ чему руководствуетъ лѣкарственная наука (materia medica).

Сія начинаетъ со съѣстныхъ вещей, толкуетъ о ихъ вредности и безвредности, показываетъ простѣйшія начала лѣкарствъ, ихъ силу и дѣйствіе какъ однѣхъ, такъ и въ смѣшеніи, и заключаетъ ученіемъ образцовъ, или прямыхъ предписаній лѣкарствъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ рецептовъ.

Когда учащійся лѣчебной наукѣ всѣ части ея разумѣть будетъ, тогда остается ему видѣть клинику, или быть при больныхъ, гдѣ разсматриваетъ онъ болѣзни въ самомъ естествѣ; разбираетъ и наблюдаетъ ихъ признаки, дѣйствія, припадки и перемѣны; увѣряется о слѣдствіяхъ предписанныхъ имъ лѣкарствъ, и такимъ образомъ въ прежде выученныхъ теоретиче-

скихъ знаніяхъ опытами утвердясь, дѣлается разумѣющимъ практикомъ.

24.

Лѣкарское искусство или лѣченіе внѣшнихъ болѣзней.

Лѣкарское искусство требуетъ столько же знаній о строеніи человѣческаго тѣла, какъ и внутреннее врачеваніе. Сверхъ того нужно еще лѣкарю знать обстоятельнѣе въ каждой части всѣ мѣста, гдѣ болѣзнь обитаетъ: иначе операція его будетъ опасна, вредна и даже смертоносна. Посему лѣкарское искусство имѣетъ свою особую анатомію, въ которой тѣло раздробляется соотвѣтственно сему предмету. Лѣкарское искусство имѣетъ также теорію внѣшнихъ болѣзней, за которою слѣдуютъ лѣкарскія операціи со всѣми принадлежностьми, производимыя отъ учащихся собственными руками, сперва на мертвыхъ тѣлахъ, а потомъ на больныхъ, дабы тѣмъ пріобрѣтали они нужное въ рукахъ проворство, и мало по малу привыкали къ смѣлости, потребной въ семъ дѣлѣ, коль важномъ, столь и опасномъ.

Съ ученіемъ лѣкарскаго искусства сопряжено и показаніе таковыхъ лѣкарствъ, кои при пользованіи внѣшнихъ болѣзней, ранъ или другихъ хирургическихъ операцій, больнымъ даются. Составныя оныхъ части и ихъ приготовленіе толкуются въ естественной исторіи, ботаникѣ и химіи, кои слѣдовательно лѣкарю съ врачемъ должны быть общія. Сельскіе лѣкари должны сверхъ прочаго своего искусства знать и повивальное. Въ сей наукѣ наставляются также и бабки, коихъ невѣжество и неискусство государству и человѣчеству столько гибели приноситъ. Ни одной бабкѣ не позволяется повивать, естьли она въ принадлежащемъ къ сему знаніи не была испытана; а въ трудныхъ случаяхъ каждая обязана подъ наказаніемъ искать совѣта и помощи у ближайшаго лѣкаря, почему нарочнымъ закономъ впредь установлено быть долженствуетъ, дабы ни въ городахъ, ни въ деревняхъ въ лѣкари никого не опредѣлять, кто въ повивальниче-

ствѣ не освидѣтельствованъ. По таковому расположенію, предметы всего лѣчебнаго отдѣленія суть:

Для врачей.

Подробное знаніе естественной науки.

Ботаника.

Химія.

Врачебная анатомія.

Лѣкарственная наука (materia medica).

Физіологія.

Всеобщая и частная патологія.

Глазныя болѣзни.

Клиника или практическое врачеваніе.

Для лѣкарей.

Естественная наука, ботаника и химія, такъ какъ и для врачей.

Хирургическая анатомія.

Теоретическая хирургія.

Практическая хирургія надъ больными.

Физіологія, патологія и медическая практика—для деревенскихъ лѣкарей.

Для повивальныхъ бабокъ.

Повивальное искусство.

Для аптекарей.

Естественная наука.

Ботаника.

Химія, и особенно —

Аптекарское искусство въ лѣкарственной наукѣ.

25.

Порядокъ ученія.

Свойство предметовъ показываетъ само ученію порядокъ, каковому врачъ, лѣкарь, бабка и аптекарь слѣдовать должны.

При раздѣленіи учебныхъ часовъ надобно смотрѣть и на то, чтобъ учащіеся не препятствованы были дѣлать повторенія прошлогоднаго ученія. Сіи повторенія въ такой наукѣ необходимо нужны, гдѣ память столько же упражнена, сколько и разсужденіе, гдѣ на дѣлѣ и малѣйшая погрѣшность непростительна.

Особенная естественная наука, анатомія, химія и ботаника, яко предварительныя знанія, предписаны врачу въ первый годъ, почему ученіе оныхъ такъ расположено, чтобъ науки сіи одна другой не мѣшали.

Во второй годъ повторяетъ учащійся прошлогоднее ученіе, и прибавляетъ къ тому физіологію.

Въ третьемъ, сверхъ повторенія физіологіи, присоединяетъ патологію и лѣкарственную науку.

Въ четвертомъ годѣ, повторяя патологію и лѣкарственную науку, коими окончилъ онъ теоретическое свое ученіе, присоединяетъ клинику или практическое упражненіе надъ больными.

Пространство и важность послѣдняго ученія требуетъ однако, чтобы учащійся прибавилъ собственно для онаго еще одинъ, то есть пятый; симъ однако онъ столько не обременяется, дабы не имѣлъ еще свободнаго времени слушать наставленій о повивальномъ и лѣкарскомъ искусствѣ.

Обѣ сіи науки чрезвычайно врачу полезны, потому что въ сомнительныхъ случаяхъ имѣетъ онъ подать совѣтъ, а смотря по обстоятельствамъ, иногда и самъ руки приложитъ.

Сіе пятилѣтнее ученіе соразмѣрно обыкновенной способности, однако безъ всякаго утѣсненія острѣйшихъ дарованій и отмѣнной прилежности, ибо можно укоротить теченіе врачебнаго ученія, взявъ въ одинъ годъ большее число частей, лишь бы порядокъ оныхъ не нарушить.

Лѣкарь, который, имѣя случай учиться, пожелаетъ онымъ воспользоваться, долженъ посѣщать ученіе естественной науки, ботаники и химіи въ свободное только отъ своихъ часовъ учебныхъ время, къ чему часы нарочно такъ и расположены.

Хирургическое ученіе начинается также анатоміею, послѣ

которой преподается теоретическое, а потомъ и практическое лѣкарское искусство.

Практическое ученіе показывается сперва на мертвыхъ тѣлахъ. Назначенные отъ учителя ученики чинятъ свои операціи въ присутствіи его и при всѣхъ, дабы тѣмъ лучше привыкнуть къ смѣлости. Которые же надъ мертвыми тѣлами показали довольное искусство, тѣхъ заставляетъ учитель въ своемъ присутствіи, будучи увѣренъ о ихъ исправности, чинить операціи и надъ больными.

Заключеніе годоваго лѣкарскаго ученія дѣлается показаніемъ хирургическаго снаряду, инструментовъ, машинъ и перевязокъ.

Для деревенскихъ лѣкарей читаются сверхъ хирургическихъ наставленій, въ народной больницѣ, еще особливо физіологическія и патологическія, такъ какъ особыя же и въ практической медицинѣ.

Лѣкарю, желающему имѣть дѣйствительную отъ повивальной науки пользу, не приступать прежде къ оной, пока не получитъ приготовленія въ анатоміи. Но ученицы, пріуготовляемыя здѣсь въ повивальныя бабки, получаютъ при самомъ изъясненіи повивальнаго искусства и анатомическое наставленіе о женскомъ тазѣ, и о внутреннихъ и наружныхъ дѣтородныхъ частяхъ, въ отношеніи ко младенцу отъ самаго его зачатія даже до рожденія, такъ какъ и о всѣхъ возможныхъ тутъ случаяхъ и средствахъ. Къ сей теоріи присовокуплять и практику, показывая оную на заготовленной къ сему машинѣ или и на мертвомъ тѣлѣ. Получившимъ отъ учителя на пріобрѣтенное искусство свидѣтельство дозволено еще для усовершенія своего знанія упражняться, гдѣ случай будетъ.

Аптекари должны обучаться нѣсколько лѣтъ въ публичныхъ аптекахъ, поелику составленіе лѣкарствъ требуетъ такого искусства, котораго умомъ, ниже книжнымъ ученіемъ, пріобрѣсти не можно, но токмо частымъ собственнымъ упражненіемъ. Сверхъ сего наставленія въ аптекахъ, слушать имъ лекціи въ натуральной исторіи, химіи, ботаникѣ и лѣкарственной наукѣ тѣмъ порядкомъ, коимъ врачи и лѣкари.

Раздѣленіе часовъ и учебнаго времени предоставляетъ коммиссія медицинскому каждаго университета факультету. Надзиратель факультетскій долженствуетъ обще съ учителями положить сіе распоряженіе предъ начатіемъ учебнаго времени, но притомъ да наблюдается вышеобъявленный порядокъ. Впрочемъ, коммиссія также предоставляетъ факультету медицинскому заимствовать изъ устава санктпетербургскаго лѣкарскаго училища или хирургической академіи правила ученія и распоряженій, до лѣчебной науки касающихся, поколику оныя университетамъ могутъ быть свойственны.

26.

Число учителей.

Для каждаго учебнаго предмета, занимающаго учителя обширностію своею чрезъ цѣлый годъ, опредѣляется особливый учитель. Въ разсужденіи же тѣхъ частей, кои можно оканчивать скорѣе и потому одну съ другою совокуплять, приказано за благо, дабы имѣющихъ между собою связь, или по крайней мѣрѣ смежность, не отдѣлять. Въ слѣдствіе сего правила опредѣлено для врачебной науки девять учителей.

Одинъ учитель частной естественной науки.

Одинъ учитель химіи, которую оканчивать зимнимъ временемъ. Сей учитель долженъ преподавать весною начальныя основанія ботаники въ назначенной для слушанія оной храминѣ, и продолжать потомъ лѣтнимъ временемъ въ ботаническомъ саду практическое наставленіе ботаники.

Одинъ учитель анатоміи, который долженъ также преподавать ученіе о глазныхъ болѣзняхъ, и наставлять въ операціяхъ, какъ ихъ лѣченію принадлежащихъ.

Одинъ учитель физіологіи.

Одинъ учитель патологіи, который долженъ также преподавать всю лѣкарскую науку.

Одинъ учитель клиники, или практической лѣчебной науки, преподающій наставленія свои въ народной больницѣ.

Одинъ для хирургической анатоміи, по окончаніи которыя тотъ же учитъ и хирургіи.

Одинъ учитель повивальнаго искусства.

Одинъ учитель физіологіи, патологіи и практической лѣчебной науки, для наставленія уѣздныхъ и деревенскихъ лѣкарей.

27.

Учебныя книги.

Свобода въ разсужденіи сихъ книгъ и особливыхъ каждаго мнѣній есть таже, что и въ прочихъ отдѣленіяхъ; требуется только, чтобы перемѣна книгамъ дѣлалась съ согласіемъ главнаго училищнаго начальства. Преподаваніе по рукописаніямъ навсегда запрещается. Однакожъ и въ семъ случаѣ можетъ медицинскій факультетъ держаться тѣхъ правилъ, кои въ уставѣ лѣкарскаго училища предписаны.

28.

Качество учащихся.

Чтобъ быть допущену ко слушанію врачебныхъ наукъ, то надобно доказать свидѣтельствами, что желающій кончилъ ученіе всѣхъ частей философіи. Къ изученію же хирургіи хотя не всѣ, однако тѣ части философіи потребны, которыя приготовляютъ ученика къ оной непосредственно, а особливо логика и физика.

Къ изученію повивальнаго искусства допускать изъ женщинъ всѣхъ желающихъ оному обучаться. Хирургія и повивальная наука преподаются безденежно, поелику по намѣренію правительства нельзя быть въ сихъ наукахъ лишнымъ слушателямъ.

Посвящающіе себя аптекарскому искусству должны опредѣляться для ученія въ аптеки, и имѣть нѣкоторое знаніе латинскаго языка, дабы они разумѣли не только латинскіе рецепты, но и системы растеній, травники и цвѣтники, которые большею частью писаны на латинскомъ языкѣ.

29.

Качества учителя.

Тѣже самыя, что и учителей другихъ факультетовъ. Опредѣляются же на сіи мѣста точно такимъ образомъ, какъ и на мѣста прежде показаннаго отдѣленія.

30.

Надзираніе.

Лѣчебное отдѣленіе имѣетъ также своего надзирателя, котораго смотрѣніе столь же далеко простирается, и тѣ же имѣетъ предѣлы, какъ и смотрѣніе надзирателей прочихъ отдѣленій.

31.

Доказательство успѣховъ.

Что касается до обыкновенныхъ испытаній учениковъ по окончаніи каждой части науки для свидѣтельствованія успѣховъ ихъ, то поступать во всемъ такъ, какъ и при прочихъ отдѣленіяхъ, но врачамъ, лѣкарямъ, повивальнымъ бабкамъ и аптекарямъ не дозволяется еще и по окончаніи ученія своего имѣть практики, пока по особливому испытанію не будутъ признаны способными, и не получатъ дипломы отъ университетскаго правленія въ доказательство сея способности своей. Таковая предосторожность охраняетъ здравіе гражданъ противу невѣжества. Она основана на такомъ же правилѣ, по которому благоустроенная полиція наблюдаетъ, чтобъ жизнь гражданина не подвергать площаднымъ крикунамъ.

Когда врачъ желаетъ имѣть дозволеніе на практику, то долженъ онъ по окончаніи всѣхъ наукъ подвергнуть себя еще двумъ испытаніямъ, и показать сверхъ того на больныхъ употребленіе умѣнія своего.

При первомъ испытаніи предлагаются ему вопросы изъ анатоміи, химіи, ботаники, естественной исторіи, физіологіи, патологіи и лѣчебной науки.

Скорость и исправность его отвѣтовъ увѣряютъ испытателей, что онъ все касающееся до сихъ наукъ совершенно знаетъ.

Сіе испытаніе производитъ надзиратель съ учителями. Буде испытанный не удостоится единогласно, то велѣть ему слушать лекціи еще два года.

Ежели же при первомъ испытаніи окажетъ онъ довольное знаніе, то допустить его до втораго. На семъ испытаніи спрашивать его только о лѣченіи болѣзней въ особенности. Но вопросы должны быть такъ располагаемы, чтобъ они касались и до прочихъ частей лѣчебной науки, и подавали бы испытуемому случай показать обогащенную свою память купно съ основательнымъ и здравымъ своимъ разсудкомъ. При предложенныхъ ему въ примѣръ припадкахъ, долженъ онъ означать родъ болѣзни, опредѣлять мѣру лѣкарствъ и дѣйствительно прописывать рецепты.

При семъ испытаніи быть кромѣ надзирателя и учителей еще двумъ другимъ врачамъ. Ежели по отвѣтамъ испытуемаго будетъ сомнѣніе о способности его, то велѣть ему слушать еще практическія лекціи, и ходить въ больницы. Но тому, котораго искусство признано будетъ единогласно, назначить день, въ который онъ долженъ въ больницѣ, въ присутствіи учителя и слушателей, осмотрѣть нѣсколько изъ привезенныхъ вновь больныхъ, опредѣлить болѣзни ихъ и порядокъ лѣченія съ приличествующею къ тому пищею, и прописать наконецъ самыя лѣкарства.

Буде испытуемый удовлетворилъ сему, то остается ему еще описать исторію оныхъ болѣзней, показать ихъ теченіе и всѣ возможныя перемѣны, съ пристойными для каждой лѣкарствами, а наконецъ и самые признаки, выздоровленіе или смерть больнаго предсказующіе.

Сіе практическое испытаніе опредѣлено вмѣсто въ другихъ университетахъ бываемыхъ инаугуральныхъ диссертацій, и безъ

сомнѣнія отвѣчаетъ намѣренію гораздо лучше. Послѣ сего испытанія пріобрѣтаетъ испытуемый достоинство доктора и право преподавать лекціи.

Испытаніе лѣкарей, до котораго допускать только снабдѣнныхъ свидѣтельствами о довольномъ упражненіи въ больницахъ и гофшпиталяхъ, есть двойное-жъ.

Первое — изо всей анатоміи и хирургіи, при которомъ предлагать до хирургіи касающіеся случаи, коихъ признаки, причины, припадки и способы лѣченія, купно съ принадлежащими къ нимъ лѣкарствами, опредѣлять. На семъ же первомъ испытаніи свидѣтельствовать ихъ знаніе и въ разсужденіи такъ-называемый chirurgia forensis, то есть судебнаго осмотру и правилъ, при томъ наблюдаемыхъ, то есть какъ дать мнѣніе и какъ свидѣтельство.

Второе испытаніе есть практическое: ищущій лѣкарскаго достоинства долженъ показать искусство свое въ перевязкахъ и знаніе въ употребленіи машинъ; орудія, ему предложенныя, наименовать, и означить самые лучшіе способы употребленія ихъ. Потомъ задаются ему вторично особливые къ операціямъ хирургическимъ случаи, о коихъ способѣ производженія испытуемый толковать долженъ подробно.

При сихъ испытаніяхъ присутствуетъ надзиратель, учители хирургіи и двое искусныхъ лѣкарей, имѣвшихъ уже практику.

Лѣкарь, оказавшійся такимъ образомъ достойнымъ, получаетъ диплому, какъ магистеръ хирургіи. Когда онъ пожелаетъ въ доктора сего искусства, то долженъ подвергнуть себя еще двумъ испытаніямъ.

Первое испытаніе есть въ общей и частной хирургической патологіи, во врачебной и хирургической лѣкарственной наукѣ, и въ полномъ употребленіи практическомъ всѣхъ хирургическихъ инструментовъ, перевязокъ и машинъ.

При второмъ, показываетъ онъ напередъ искусство свое въ анатоміи на мертвомъ тѣлѣ, потомъ въ нѣкоторыхъ особенныхъ важныхъ операціяхъ, коихъ онъ разные образы производженія

и преимущество одного предъ другимъ изъяснить и показать долженъ.

Тутъ присутствуютъ еще, кромѣ профессора и доктора хирургіи, и принадлежащіе къ сей наукѣ учители, а поелику второе испытаніе заступаетъ мѣсто прежней инаугуральной диссертаціи, то дозволяется всѣмъ быть при ономъ, особливо же приглашать тогда учащихся лѣкарей и врачей, яко къ торжеству, служащему къ ихъ наставленію и ободренію. Для удостоенія въ доктора хирургіи надобно также свидѣтельствовать знаніе лѣкаря и въ повивальномъ искусствѣ. По окончаніи сихъ испытаній пріобрѣтаетъ магистеръ хирургіи достоинство доктора хирургіи и право преподавать лекціи.

Испытаніе повивальныхъ лѣкарей въ повивальномъ искусствѣ должно производить гораздо строже, нежели испытаніе повивальныхъ бабокъ.

Первые, долженствующіе быть всегда свидѣтельствованные уже врачи или лѣкари, призываются по большей части токмо въ трудныхъ родахъ, требующихъ больше знанія и искусства, а весьма часто и употребленія инструментовъ. Почему и должны они на испытаніяхъ изъяснять напередъ трудные, неестественные и опаснѣйшіе роды; потомъ означить нужныя, къ таковымъ случаямъ принадлежащія орудія, ихъ пользу, употребленіе и случай сего употребленія; наконецъ показать на машинѣ или на пріуготовленномъ къ тому тѣлѣ, какимъ образомъ поступать въ самой вещи.

Повивальныхъ бабокъ спрашивать о родахъ такимъ образомъ, чтобъ можно было изъ отвѣтовъ ихъ увѣриться о довольномъ ихъ знаніи. Потомъ требуется еще, чтобъ они доказали практическимъ образомъ свое искусство на машинѣ, объясняя притомъ всегда причины, для чего они поступаютъ тѣмъ или другимъ образомъ.

При семъ присутствуетъ надзиратель съ профессорами повивальной науки и съ двумя дѣйствительными лѣкарями.

Аптекари подвергаются четыремъ испытаніямъ:

Первое бываетъ въ ботаникѣ, гдѣ они должны показать, ко

торая часть растенія принадлежитъ къ составленію лѣкарствъ; въ которое время собирать ту или другую траву и пр.

Второе испытаніе бываетъ о такъ-называемыхъ матеріалахъ изо всѣхъ трехъ царствъ природы, причемъ испытуемый долженъ показать признаки оныхъ матеріаловъ; какія лѣкарства можно изъ оныхъ приготовлять, и который способъ приготовленія лучше прочихъ.

Третіе испытаніе бываетъ въ химіи и практическомъ аптекарскомъ искусствѣ, гдѣ испытуемому надобно доказать теоретическія свои знанія.

Четвертое есть испытаніе практическое, гдѣ свидѣтельствуемый приготовляетъ въ химической лабораторіи разныя лѣкарства самымъ дѣломъ.

При семъ присутствуетъ надзиратель съ учителями химіи и ботаники, и сверхъ того еще два аптекаря.

Во всемъ, что до испытаній и до успѣховъ учащихся касается, заимствуетъ медицинскій факультетъ также изъ устава с. петербургскаго лѣкарскаго училища тò, чтò университетамъ свойственно.

32.

Ободренія.

Лѣчебная наука въ каждомъ изъ отдѣленій своихъ доводитъ наконецъ учащагося до невозбранной практики, приносящей искусному врачу достаточное содержаніе, а весьма часто богатство и самое лестное отличіе.

Учители сей науки, кромѣ общихъ всѣмъ публичнымъ учителямъ ободреній, имѣютъ еще надежду къ полученію знатныхъ медическихъ мѣстъ въ провинціяхъ и при дворѣ.

33.

Пособія.

Пособія для науки лѣкарственной суть:

Собранія естественныхъ вещей.

Ботаническій садъ.

Полная химическая лабораторія.

Полный запасъ изготовленныхъ лѣкарствъ.

Для врачебной и хирургической науки:

Анатомическій театръ, снабдѣнный такъ называемыми препаратами — для костесловія, союзословія, мышецесловія, сосудесловія, науки о чувственныхъ жилахъ, желѣзословія и утробословія.

Особливые препарата—для науки о глазахъ.

Для повивальной науки:

Младенцы отъ самаго зачатія до самыхъ родовъ въ разныхъ положеніяхъ, трудные роды причиняющихъ.

Полное собраніе орудій для хирургическихъ операцій и для повивальнаго искусства.

Для клиники и практической хирургіи:

Больница.

Для повивальнаго искусства:

Родильный домъ.

Какъ больница, такъ и родильный домъ для университета, могутъ быть учреждены въ таковыхъ же заведеніяхъ, находящихся въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія, въ разсужденіи чего приказъ и имѣетъ сноситься съ университетомъ.

34.

Факультетъ юридическій.

Училища правъ заключаютъ въ себѣ науку правъ, по самому обширному знаменованію сего слова, то есть: заключаютъ науку общихъ правъ и должностей человѣка и гражданина вообще и порознь, и въ обращеніи на самого себя, государственнаго служителя разнаго званія порознь, и въ отношеніи къ прочимъ. Сіе отношеніе опредѣляютъ предметы юридическаго ученія.

35.

Предметы юридическаго ученія.

При воспитаніи и въ нравственной философіи пріобрѣлъ себѣ уже юноша нѣкоторыя понятія о человѣческихъ и гражданскихъ должностяхъ; но сіи понятія были только общія, здѣсь же изъясняются и опредѣляются оныя особенно въ частныхъ наукахъ.

Естественное право учитъ должностямъ человѣка.

Общее государственное право о должностяхъ гражданина.

Знаніе сихъ правъ, служащихъ основаніемъ всѣмъ прочимъ правамъ, потребно какъ къ образованію чиновника, при иностранныхъ дѣлахъ служащаго, такъ и при внутреннихъ.

Служащій при иностранныхъ дѣлахъ долженъ еще, сверхъ общаго государственнаго права, знать также и право народное, по которому народы другъ съ другомъ поступаютъ.

Еще долженъ онъ знать выгоды и недостатки другихъ государствъ, происходящую отъ того силу ихъ и слабость, настоящее ихъ положеніе и пользу, чему учитъ статистика.

Нѣмецкое въ государственное и ленное право преподается вкратцѣ въ статистикѣ, въ главѣ о нѣмецкой имперіи.

Внутреннія дѣла государства раздѣляются на суды и на дѣла политическія.

Суды исполняютъ по законамъ гражданскимъ и уголовнымъ.

Каждое государство имѣетъ теперь, по причинѣ разности правленія внутреннихъ своихъ обстоятельствъ, свои собственные гражданскіе законы. Но пока государства европейскія не достигли еще сей степени благоустройства, чтобъ имѣть свои собственные законы, то почитали за лучшее принять себѣ за правило собранные въ дигестахъ и въ кодексѣ отрывки римскихъ законовъ, нежели остаться безо всякихъ. Посему уложенія императора Юстиніана служили Европѣ оракуломъ. Всѣ почти народы установили по онымъ гражданскіе свои законы. Еще и понынѣ называютъ римское право общимъ правомъ, и рѣшатъ дѣ-

ла по оному, гдѣ собственные законы ничего не опредѣляютъ. Для сей причины нельзя нынѣ исключить права римскаго изъ училищъ, частію для историческаго о томъ свѣдѣнія, частію же и потому, что римское право служитъ каждому правовѣдцу великою въ дѣлахъ помощію, ибо всѣ части правовѣдѣнія приведены въ ономъ въ порядокъ и въ систему, и служитъ основаніемъ прочихъ законовъ.

Исторія римскаго права показываетъ изъ римскихъ древностей все то̀, что̀ служитъ къ изъясненію римскаго законодательства и законовъ; чего ради и служитъ она введеніемъ къ римскому правовѣдѣнію.

Подъ именемъ политическихъ дѣлъ заключается все, некасающееся до дѣйствительнаго отправленія правосудія. Къ познанію оныхъ приготовляются посредствомъ политическихъ наукъ, состоящихъ изъ трехъ частей, а именно: изъ познанія государственныхъ учрежденій, торговли и хозяйства.

Познаніе учрежденій въ пространномъ смыслѣ содержитъ наставленіе о внутренномъ устройствѣ государствъ и о взаимной связи учрежденій. Торговая наука учитъ о политической торговлѣ. Доходная жъ подаетъ правила къ хорошему распоряженію доходовъ.

Хотя всѣ сіи науки не суть собственныя части правовѣдѣнія; однако всѣ онѣ имѣютъ съ онымъ тѣсную связь, предполагаютъ знаніе онаго, и показываютъ сходство или несходство законовъ въ разсужденіи прочихъ частей правленія, совершая знаніе посвятившаго себя правамъ. Сего ради преподавать ихъ по окончаніи правъ, послѣ чего слѣдуетъ наставленіе въ слогѣ приказныхъ.

Предметы обыкновенныхъ юридическихъ лекцій суть слѣдующіе:

Естественное право.

Общее государственное право и народное.

Статистика или показаніе государствъ.

Римское гражданское право.

Политическія науки.

Наставленіе въ россійскихъ законахъ и въ приказномъ слогѣ.

36.

Порядокъ преподаванія.

На связь частей правовѣдѣнія взирать можно съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны обозрѣвается наука сія вообще, а частные ея предметы только въ отношеніи ко всему или цѣлому. Въ семъ видѣ раздѣляются всѣ права на двѣ части: на философскія и на историческія. Къ первымъ принадлежатъ тѣ, коихъ основаніе есть разумъ, и коихъ доказательства однимъ разумомъ постигнуть можно; сіи суть: право естественное, общее государственное право и часть права народнаго. Всѣ прочія части правъ принадлежатъ къ историческимъ, ибо они сказываютъ только, что̀ учреждено или къ чему то̀, по согласію, договорамъ или иному чему, притяжаніе имѣетъ, и доказываются единственно историческимъ событіемъ. Для сего философскія права должно преподавать напередъ. Въ семъ видѣ каждая историческая часть присоединяется сама собою къ приличной ей части правъ, и составляетъ съ оною одно цѣлое. Правовѣдѣніе соединяется съ философскими науками посредствомъ науки нравоучительной, которая есть основаніемъ всѣхъ правъ. Она продолжается въ естественномъ правѣ, гдѣ и употребленіе оной показывается.

Начало къ правовѣдѣнію полагаютъ ученіемъ естественнаго право, яко основаніемъ правъ: государственнаго, народнаго и гражданскаго. Ученіе правовѣдѣнія долженствуетъ занимать не болѣе двухъ лѣтъ.

Раздѣленіе часовъ къ расположенію юридическихъ наукъ предоставляетъ комиссія юридическому факультету, который, принявъ всѣ обстоятельства во уваженіе и разсмотрѣвъ все къ сему нужное, имѣетъ мнѣніе свое и расположеніе представить комиссіи.

37.

Число учителей.

Для юридическаго факультета полагается пять профессоровъ:

Учитель естественнаго права, который преподаетъ также исторію римскаго права и установленія (учитель пандектовъ).

Учитель общаго государственнаго права.

Учитель статистики и народнаго права.

Учитель политическихъ наукъ.

Учитель россійскихъ узаконеній и приказнаго слога.

38.

Учебныя книги.

По которымъ нынѣ обучать должно, показаны подъ № 6; въ разсужденіи же прочихъ книгъ обязаны только учители, чтобъ не отмѣнять оныхъ безъ вѣдома и благоусмотрѣнія главнаго училищнаго начальства. Свобода во мнѣніяхъ вообще учителямъ правовѣдѣнія совершенная.

39.

Качества учащихся.

Никому невозбранно слушать наставленій правовѣдѣнія. Надлежитъ токмо, чтобъ желающій оными пользоваться, кончилъ напередъ ученіе философскихъ наукъ предписаннымъ порядкомъ, буде хочетъ быть записанъ въ обыкновенномъ спискѣ и быть послѣ допущенъ до порядочнаго испытанія, по коему дается испытанному свидѣтельство, нужное каждому къ опредѣленію себя къ мѣсту.

40.

Качества учителей.

Къ достиженію учительскаго мѣста въ правовѣдѣніи требуется, дабы онъ былъ уже произведенъ въ доктора сея науки,

или-бъ по крайней мѣрѣ прошелъ строгія испытанія, къ полученію онаго достоинства предписанныя.

На порожнія учительскія мѣста опредѣляются здѣсь такимъ же образомъ, какъ и при философскомъ отдѣленіи.

41.

Надзираніе.

Такое-жъ, какъ и въ прежнемъ отдѣленіи.

42.

Доказательства успѣховъ.

Обыкновенныя испытанія для спознанія ежегодныхъ успѣховъ производятся такимъ же образомъ, какъ и въ философіи; и такимъ же образомъ даются свидѣтельства, какъ на изученіе всего правовѣдѣнія, такъ и на нѣкоторыя токмо части онаго.

Къ строгимъ испытаніямъ въ наукѣ сей для полученія докторскаго достоинства допускаются не токмо обучающіеся въ здѣшнихъ училищахъ, но и тѣ, кои учились въ иностранныхъ или также и дома.

Всѣ предметы раздѣлены на *три* испытанія.

Отъ подвергающагося первому испытанію зависитъ, скоро-ли онъ желаетъ втораго и третьяго.

На *первомъ* испытывается онъ въ правахъ: естественномъ, всеобщемъ государственномъ и народномъ.

На *второмъ* свидѣтельствуется знаніе его въ римскихъ правахъ и въ исторіи римскаго права.

На *третьемъ*—въ наукахъ политическихъ, статистикѣ, въ россійскихъ узаконеніяхъ и въ приказномъ слогѣ.

Испытателями при сихъ случаяхъ бываютъ: правитель, надзиратель и учители, которые предлагаютъ чрезъ цѣлые два часа поочередно вопросы, подающіе свидѣтельствуемому случай пока-

зать достаточно пріобрѣтенныя имъ знанія и при томъ разсудокъ свой, остроту ума, присутствіе духа и даръ изъясненія.

По каждомъ испытаніи рѣшать по большинству голосовъ.

Отвергнутый дважды не допускается впредь до испытаній.

Сверхъ сихъ словесныхъ испытаній, предписано еще и письменное, состоящее въ сочиненіи о которой-нибудь части правовѣдѣнія, по собственному выбору испытуемаго. Сіе сочиненіе сообщаетъ надзиратель напередъ тому учителю, до котораго науки оно наиболѣе касается, а потомъ и прочимъ учителямъ, отъ которыхъ напослѣдокъ возвращается оно къ надзирателю со мнѣніемъ каждаго учителя.

Наконецъ долженъ свидѣтельствуемый подвергнуть себя еще публичному пренію, на коемъ присутствуетъ надзиратель яко свидѣтель, а четверо ученыхъ, и по большой части изъ профессоровъ, должны быть на ономъ противуположниками.

43.

Ободренія.

Съ прилежаніемъ и съ успѣхами учащагося правовѣдѣнію совокуплено и будущее его опредѣленіе къ мѣсту, а потому открытъ и самый путь къ его счастію, какъ выше сего изъяснено пространно.

44.

Университетское правленіе.

Для смотрѣнія за учащими и учащимися, для управленія на мѣстѣ дѣлами университета, для наблюденія надъ университетомъ вообще и для сохраненія надлежащаго во всемъ порядка, необходимо нужно быть въ каждомъ университетѣ университетскому правленію.

Университетское правленіе составлять долженствуютъ:

Правитель университета, или ректоръ, избираемый ежегодно изъ профессоровъ.

Надзиратель философическаго факультета.

Надзиратель врачебнаго факультета.

Надзиратель юридическаго факультета.

Казначей университета, такъ же избираемый ежегодно изъ профессоровъ, какъ и вышесказанные члены правленія.

Правитель университета избирается ежегодно, по большинству голосовъ, всѣми профессорами, попремѣнно изъ каждаго факультета.

Каждый факультетъ избираетъ себѣ надзирателя ежегодно изъ профессоровъ своего отдѣленія.

Профессоры трехъ факультетовъ избираютъ казначея университетскаго ежегодно изъ профессоровъ каждаго факультета попеременно.

Слѣдовательно, всѣ члены университетскаго правленія смѣняются ежегодно другими.

Всѣ вышеозначенные члены университетскаго правленія долженствуютъ быть изъ профессоровъ.

Выборы долженствуютъ происходить въ каждый годъ предъ наступленіемъ новаго года, то есть въ исходѣ декабря мѣсяца.

Въ университетское правленіе опредѣляются два секретаря кураторомъ университета, по представленію университетскаго правленія, которые и не смѣняются.

Канцелярскіе и другіе университетскіе служители опредѣляются самимъ университетскимъ правленіемъ.

Университетское правленіе состоять долженствуетъ подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ главнаго училищъ правительства, именующагося нынѣ Комиссіею объ училищахъ.

45.

Попечитель или кураторъ университета.

Генералъ-губернаторъ или правящій его должность въ той губерніи, въ коей находится университетъ, яко главная той губерніи особа, долженствуетъ быть попечителемъ, или такъ назы-

ваемымъ кураторомъ университета, и во время пребыванія своего въ столицѣ присутствовать въ главномъ училищъ правительствѣ по дѣламъ, до университета касающимся.

46.

Должность попечителя.

Должность генералъ-губернатора, яко попечителя университета, имѣетъ состоять: въ пособіяхъ, нужныхъ университету и членамъ онаго отъ другихъ мѣстъ; въ попеченіи о точномъ исполненіи узаконеній, университету данныхъ. Попечитель сообщаетъ главному училищъ правительству обо всемъ, что̀ до университета касается, и даетъ университетскому правленію предложенія. Попечитель имѣетъ въ университетскихъ собраніяхъ первое мѣсто.

Въ небытность генералъ-губернатора въ губерніи, отправляетъ должность попечителя университета губернаторъ.

47.

Должность университетскаго правленія.

Университетское правленіе не имѣетъ въ вѣдомствѣ своемъ никакихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ университетскихъ. Управленіе профессорами и студентами относительно ихъ званію; распоряженіе университетскою казною; надзираніе надъ ученіемъ и надъ прочимъ, до сего касающимся, —суть дѣла, занимающія сіе правленіе. Чтожъ касается до уголовныхъ, гражданскихъ и полицейскихъ дѣлъ, между профессорами, студентами и университетскими служителями, тогда судятся они, гдѣ по законамъ надлежитъ, какъ и прочіе градскіе жители.

О выборахъ, о испытаніяхъ и обо всѣхъ, въ университетѣ случающихся, происшествіяхъ посылаетъ университетское правленіе рапортъ въ надлежащее время попечителю университета, и главному училищъ правительству.

Университетское правленіе не можетъ сдѣлать никакой отмѣны въ ученіи, ниже въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, безъ вѣдома главнаго училищъ правительства.

Университетское правленіе долженствуетъ почитаться въ намѣстничествѣ равнымъ съ палатами, однакожъ переписку ведетъ со всѣми мѣстами, хотя и нижними, находящимися въ губерніи, сообщеніями.

48.

Должность правителя университета, или ректора.

Правитель университета, или ректоръ, яко предсѣдатель университетскаго правленія, долженствуетъ имѣть смотрѣніе за всѣмъ университетомъ вообще. Онъ посѣщаетъ отъ времени до времени всѣ лекціи, какого бы онѣ факультета и какой бы науки ни были; наблюдаетъ, чтобы факультетскіе надзиратели исполняли свою должность, и чтобъ они почасту посѣщали лекціи, каждый въ своемъ факультетѣ. Правитель доноситъ ежегодно два раза, то есть въ началѣ генваря и въ началѣ іюля мѣсяцовъ, рапортомъ попечителю и главному училищъ правительству о состояніи университета, то есть о профессорахъ, студентахъ и о прочихъ, въ университетѣ находящихся особахъ, о прилежаніи учащихся, о ихъ успѣхахъ, о денежной казнѣ и о прочемъ, до университета касающемся.

Ежели профессоръ, докторъ, магистръ или студентъ впадетъ въ какой-нибудь проступокъ по своей должности или будетъ вести себя непристойнымъ образомъ, тогда правитель университета предлагаетъ о томъ университетскому правленію, и тогда, по общему согласію, призывается обвиняемый для отвѣта въ правленіе. Профессорамъ, докторамъ и магистрамъ правитель университета имѣетъ право чинить выговоръ наединѣ или же и въ собраніи университетскаго правленія. Студентовъ, какого бы они званія ни были, правитель имѣетъ право наказывать арестомъ, по общему согласію правленія. Нерадивыхъ и развратившихся, какого бы они званія ни были, правленіе изъ уни-

верситета исключаетъ, съ позволенія куратора, и доноситъ о томъ во извѣстіе главному училищъ правительству.

49.

Должность факультетскихъ надзирателей.

Факультетскіе надзиратели долженствуютъ вспомоществовать правителю университета по его дѣламъ и должности. Они обязаны неусыпное имѣть смотрѣніе, каждый въ своемъ отдѣленіи, надъ ученіемъ, надъ порядкомъ лекцій и надъ прилежаніемъ учащихъ и учащихся.

Какъ правитель университета, такъ и факультетскіе надзиратели, отъ преподаванія лекцій не освобождаются. Они обязаны оные преподавать такъ, какъ и другіе профессоры, а дабы присутствіе въ университетскомъ правленіи не было помѣхою преподаванію лекцій, то университетское правленіе долженствуетъ собираться въ такіе дни и часы, въ коихъ не бываетъ преподаванія.

50.

Объ университетской казнѣ.

Деньги на содержаніе университета, на жалованье профессорамъ и университетскимъ служителямъ и на прочіе университетскіе расходы, отпускаться долженствуютъ въ университетское правленіе, безъ малѣйшаго вычета. Выдачи, какого бы они рода ни были, чинятся по опредѣленію университетскаго правленія; но правленіе долженствуетъ выдачи чинить по штату, а ежели бы чрезвычайная какая выдача случилась, то правленіе напередъ докладываетъ о томъ попечителю и главному училищъ правительству.

Какъ опредѣленная на университетъ сумма отпускаться будетъ безъ вычетовъ, то и жалованье профессорамъ и университетскимъ служителямъ да выдается также безъ малѣйшихъ вычетовъ.

Казна университетская да хранится за ключемъ казначея и

за печатью правителя, но университетское правленіе долженствуетъ оную свидѣтельствовать въ каждый мѣсяцъ, равно какъ и шнуровыя, приходныя и расходныя, книги.

О приходѣ и расходѣ правитель рапортуетъ два раза въ годъ, какъ выше сего сказано, главному училищъ правительству и попечителю университета. Въ другое же мѣсто, какого бы оно званія ни было, счеты университетскіе не отсылаются.

Казначей присутствуетъ въ университетскомъ правленіи наравнѣ съ факультетскими надзирателями.

51.

Чиноположеніе университетскихъ профессоровъ.

Правитель университета, или ректоръ, считается, пока въ правительской должности находится, въ шестомъ классѣ.

Профессоры, буде чина выше не имѣютъ, считаются въ седьмомъ классѣ, пока пребываютъ въ университетѣ.

Докторы, буде чина выше не имѣютъ, считаются въ осьмомъ классѣ.

Магистры, буде чина выше не имѣютъ, считаются въ девятомъ классѣ.

Всѣ сіи университетскіе чиновники имѣютъ право пользоваться выгодами и преимуществами вышесказанныхъ классовъ, пока пребываютъ въ университетѣ.

Факультеты между собою считаются слѣдующимъ порядкомъ:

1) Факультетъ правовѣдѣнія.

2) Факультетъ врачебныхъ наукъ.

3) Факультетъ философіи.

Какъ при учрежденіи университетовъ не возможно всего, къ пользѣ университетовъ служащаго, предвидѣть, то комиссія полагаетъ, чтобъ какъ правитель университета, такъ и прочіе члены университетскаго правленія и профессоры дѣлали замѣчанія свои, и представляли бы о томъ главному училищъ правитель-

ству, дабы оное могло, при изданіи подробнаго университетамъ устава, сими замѣчаніями воспользоваться. Сей же планъ, послѣ утвержденія онаго ея императорскимъ величествомъ, имѣетъ быть напечатанъ, какъ подлинный россійскій, такъ и въ нѣмецкомъ переводѣ, дабы комиссія, при сочиненіи устава, могла и примѣчанія иностранныхъ ученыхъ людей употребить себѣ въ пользу.

До изданія же полнаго устава, имѣетъ сей планъ непремѣннымъ служить узаконеніемъ для заводимыхъ въ Россіи университетовъ. Уставъ университетамъ будетъ изданъ тогда, когда комиссія чрезъ опыты уже узнаетъ, чего, къ пользѣ университетовъ служащаго, въ семъ планѣ не достастъ, и что̀ прибавить, распространить или отмѣнить будетъ надобно.

VII.

Въ 1797 году, 28-го февраля Козодавлевъ «пожалованъ и учрежденъ» оберъ-прокуроромъ правительствующаго сената. Будучи оберъ-прокуроромъ третьяго департамента, онъ получилъ приказаніе принять должность и всѣ особыя порученія, возложенныя на оберъ-прокурора четвертаго департамента. По этому поводу онъ писалъ: «зная себя и слишкомъ заботливый въ дѣлахъ правъ мой, опасаюсь, чтобъ иногда не по силамъ возложенное бремя не навлекло мнѣ неудовольствія потому токмо, что дѣятельность, при всемъ моемъ усердіи, невсегда отъ меня единаго зависитъ».

Въ новомъ званіи своемъ Козодавлевъ работалъ неутомимо, не зная ни отдыха, ни развлеченій. Даже во время болѣзни его оберъ-секретари ежедневно бывали у него съ дѣлами; манифесты и указы печатались подъ его наблюденіемъ и въ праздники. Не прельщаясь соблазнами столичной жизни, Козодавлевъ упорно избѣгалъ всего того, что отвлекало его отъ работы. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ генералъ-прокурору князю Куракину онъ говоритъ [59]):

«Получа билетъ для пріѣзда сего числа въ Павловскъ, соби-

рался я туда ѣхать, и разсудя, что чрезъ сію отлучку мою многія дѣла по третьему департаменту останутся цѣлый мѣсяцъ неисполненными, рѣшился остаться здѣсь; ибо завтря есть послѣднее собраніе тѣхъ господъ сенаторовъ, кои въ іюнѣ присутствовали, а передо мною лежитъ кипа опредѣленій, кои надобно разсмотрѣть и, поправя, приготовить ихъ къ подписанію, дабы завтря-же они были подписаны, поелику завтря-же, какъ мнѣ извѣстно, многіе сенаторы, ежели не въ маетности, то по крайней мѣрѣ на дальныя дачи разъѣдутся. Сверхъ того и вся почти канцелярія сегодня въ Павловскѣ, то пребываніе мое здѣсь кажется не безполезнымъ. Съ одной стороны сіи обстоятельства, а съ другой милостивое вашего сіятельства ко мнѣ расположеніе увѣряютъ меня, что никто въ дурно не разтолкуетъ того, что я остался здѣсь, и не воспользовался праздникомъ. Примите, милостивый государь, искреннее увѣреніе мое, какъ въ желаніи моемъ совершеннаго вамъ на праздникѣ удовольствія, такъ и въ глубочайшемъ высокопочитаніи, съ каковымъ я на всю жизнь пребыть честь имѣю . . .»

На обязанности оберъ-прокурора лежала окончательная обработка и изложеніе хода и сути дѣлъ, восходившихъ на утвержденіе верховной власти. А дѣлъ въ сенатѣ накопилось многое множество и притомъ крайне запутанныхъ вслѣдствіе тогдашнихъ судебныхъ и административныхъ порядковъ. Какъ въ примѣненіи, такъ и въ толкованіи законовъ господствовалъ полнѣйшій произволъ и явное неуваженіе къ нравственнымъ началамъ долга и справедливости. Отъ судей не отставали и просители, частью по своекорыстнымъ разсчетамъ, частью-же и по наивности. Жена одного невѣрнаго мужа требовала, чтобы въ наказаніе за невѣрность признали его умершимъ, и выдѣлили ей часть, которая слѣдуетъ вдовѣ по смерти мужа. Просительница — говоритъ Козодавлевъ — «почитаетъ мужа своего мертвымъ единственно потому, что за прелюбодѣяніе опредѣляется, по малороссійскимъ законамъ, смертная казнь, а потому проситъ она опредѣлить ей равную съ наслѣдниками мужа ея часть. Но

мужъ ея находится въ живыхъ, да и смертію нынѣ въ Россіи никого не казнятъ, а тѣмъ менѣе еще за прелюбодѣяніе» [60]).

Ревностные труды оберъ-прокурора Козодавлева не оставались незамѣченными: ихъ цѣнили и награждали. Ему пожаловано пять тысячъ десятинъ земли. Онъ просилъ, чтобы это количество распредѣлить такимъ образомъ: около половины дать ему въ орловской губерніи (въ уѣздахъ: елецкомъ, мценскомъ и ливенскомъ); менѣе половины — въ курской (въ щигровскомъ и бѣлогородскомъ уѣздахъ); остальное — въ петербургской губерніи, при рѣкѣ Охтѣ, гдѣ встарину бывали вѣтряныя мельницы [61]).

Высочайшимъ указомъ 8-го декабря 1799 года Козодавлевъ назначенъ «къ присутствованію въ сенатѣ» т. е. сенаторомъ. Онъ числился по сенату присутствующимъ: съ 1799 по 1800 годъ въ первомъ департаментѣ, съ 1800 по 1808 годъ—въ третьемъ департаментѣ и съ 1809 по 1819 годъ—опять въ первомъ департаментѣ. Козодавлевъ былъ и *директоромъ герольдіи.*

Въ званіи сенатора Козодавлевъ призванъ былъ послужить прекрасному дѣлу — освобожденію отъ оковъ и ссылки многихъ несчастныхъ, пострадавшихъ во времена Павла I и ранѣе. Движимый чувствомъ справедливости и человѣколюбія, преемникъ Павла I учредилъ коммиссію для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Членомъ ея назначенъ и Козодавлевъ.

Изъ ряда дѣлъ, пересмотрѣнныхъ и перерѣшенныхъ этою коммиссіею, громкую и лестную для Козодавлева извѣстность получило дѣло объ отставномъ прапорщикѣ *Луполовѣ.* Въ 1798 году Луполовъ, судившійся за потворство ворамъ и за кражу, былъ лишенъ чиновъ и дворянства, и сосланъ въ Сибирь, въ тобольскую губернію, въ ишимскій округъ. Вмѣстѣ съ Луполовымъ отправились въ ссылку жена его и дочь. Когда вѣсть о томъ, что на Руси настали иныя времена, и что многіе изъ осужден-

ныхъ помилованы, достигла до отдаленныхъ краевъ Сибири, дочь Луполова, Прасковья Григорьевна, рѣшилась во что бы то ни стало дойти до Петербурга и вымолить прощеніе отцу. Нѣсколько тысячъ верстъ прошла она пѣшкомъ, подвергаясь всѣмъ невзгодамъ, лишеніямъ и опасностямъ. Въ борьбѣ съ препятствіями, почти неодолимыми, она не падала духомъ, и безропотно переносила тяжкія испытанія и бѣдствія. Во время своего долгаго странствованія она не разъ встрѣчалась со злыми людьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ наслышалась и о добрыхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежала и княгиня Дарья Александровна Трубецкая, къ которой и обратилась наша странница по прибытіи въ Петербургъ. Княгиня Трубецкая направила ее къ сенатору Козодавлеву. Козодавлевъ принялъ отъ Луполовой просьбу, и внесъ ее въ комиссію для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Комиссія вновь разсмотрѣла дѣло, и хотя и признала Луполова виновнымъ, тѣмъ не менѣе ходатайствовала о смягченіи его участи ради тѣхъ бѣдствій, которыя испытывала его семья, и того необыкновеннаго самоотверженія, которое показала его дочь. Государь согласился съ заключеніемъ комиссіи. Молодая дѣвушка, словно позабывъ о едва пережитомъ горѣ, считала себя счастливѣйшею въ мірѣ. Но радость ея была нѣсколько затемнена опасеніемъ, чтобы дарованная милость не обратилась въ своего рода наказаніе. Опасеніе это — живая черта времени и тогдашнихъ порядковъ. Дѣло въ томъ, что Луполовъ былъ освобожденъ, и ему дано право воротиться на *прежнее жилище*. Вотъ это-то обстоятельство и смущало дочь. Она боялась, чтобы отца ея, больнаго и дряхлаго, не отправили немедленно и насильно на *прежнее жилище*. 8-го апрѣля 1805 года Луполова подала императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ слѣдующее прошеніе [62]):

Всемилостивѣйшая Государыня!

Комиссія для пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ, разсматривая дѣло о несчастномъ родителѣ моемъ, бывшемъ прапорщикѣ Григорьѣ *Луполовѣ*, сосланномъ въ 1798 году, по ли-

шенія чиновъ и дворянства, въ Сибирь на поселеніе, имѣла счастіе Его Императорскому Величеству поднести всеподданѣйшій докладъ о возвращеніи онаго родителя моего на прежнее жилище, не возвращая ему чиновъ и дворянства. На ономъ докладѣ, прошлаго 1804 года декабря въ 27-й день, послѣдовала высочайшая конфирмація такова: *Согласенъ*. О семъ сего года, генваря 9-го числа, и указъ въ тобольское губернское правленіе посланъ. Но какъ родитель мой, будучи престарѣлыхъ лѣтъ, обремененъ болѣзнями, и нынѣшнее пребываніе его отъ прежняго жилища весьма въ дальнемъ разстояніи, то и повергаю себя ко стопамъ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшею моею просьбою о исходатайствованіи у милосердаго монарха всемилостивѣйшаго повелѣнія, дабы позволено было родителю моему жить гдѣ онъ пожелаетъ.

Всемилостивѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподанная
Прасковья Луполова.

8-го же апрѣля 1805 года, состоявшій при императрицѣ Маріи Ѳедоровны «у исправленія письменыхъ дѣлъ» Григорій Вилламовъ писалъ министру юстиціи князю Лопухину, что государыня «пріемля особенное, всемилостивѣйшее участіе въ жребіи дѣвицы Луполовой, удостоенной высочайшей ея милости и покровительства ради любви къ родителю», проситъ какъ можно скорѣе доложить государю прилагаемое прошеніе. «Опасается просительница, чтобы высочайшее рѣшеніе, заключающее въ себѣ милость монаршую къ ея несчастному отцу, не было принято за непремѣнное повелѣніе отправить его на прежнее жилище».

12 апрѣля 1805 года государь разрѣшилъ Луполову жить гдѣ хочетъ, кромѣ столицъ.

2 авг. 1805 г. Вилламовъ Лопухину: «Дочь бывшаго отставнаго прапорщика Луполова, приходившая сюда пѣшкомъ для

испрошенія отцу своему высочайшей милости, увѣдомляетъ нынѣ, что отецъ ея пріѣхалъ къ ней въ Нижній-Новгородъ».

Прекрасный подвигъ русской дѣвушки произвелъ сильное впечатлѣніе въ тогдашнемъ обществѣ. По свидѣтельству журналовъ того времени, въ Москвѣ и въ Петербургѣ разсказы о Луполовой переходили изъ устъ въ уста, приковывая всеобщее вниманіе. Память о ней не изгладилась и впослѣдствіи. Молва о «Парашѣ-сибирячкѣ», какъ названа Луполова въ драмѣ Полеваго, перешла и заграницу. Не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ, явилось нѣсколько повѣстей и разсказовъ, героиня которыхъ—Луполова [63]).

Комиссія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ открыла, что многіе изъ ссыльныхъ были жертвою несправедливости, вражды, лихоимства и того подавляющаго настроенія такъ называемыхъ органовъ правосудія, которое напоминаетъ мрачныя времена «слова и дѣла». Возмутительную картину, и въ цѣломъ и въ подробностяхъ, представляетъ собою судъ и приговоръ надъ несчастнымъ Роменскимъ [64]).

Мирный обыватель города Бахмута, Никифоръ *Роменскій* шелъ вечеромъ послѣ пробитія зари, и встрѣтился съ полицейскимъ, который спросилъ его, зачѣмъ онъ такъ поздно ходитъ. Роменскій отвѣчалъ, по показанію полицейскаго, довольно рѣзко, и за это взятъ подъ стражу, приведенъ на гауптвахту, и посаженъ подъ нары. Все это было бы полъ-бѣды, тѣмъ болѣе, что и судъ призналъ, что Роменскій былъ тогда «въ пьяномъ образѣ». Но бѣда въ томъ, что говоря несвязныя рѣчи, онъ между прочимъ сказалъ: «мнѣ въ этомъ случаѣ и самъ государь ничего не можетъ сдѣлать». Эти-то безсознательно произнесенныя слова и послужили поводомъ къ вопіющему дѣлу. Не спасли несчастнаго ни его молодость, ни безвыходное положеніе его семьи, ни единодушный добрый отзывъ о немъ всѣхъ его сограждань. Роменскому было 26 лѣтъ отъ роду; онъ былъ женатъ; имѣлъ пять дочерей, а имущества у него, кромѣ необходимой одежи, и то

ветхой, никакого не было. Бахмутскіе жители, числомъ тридцать, подъ присягою показали, что Роменскій — человѣкъ хорошій, и никто ничего дурнаго за нимъ не видѣлъ и про него не слышалъ.

Дѣло о Роменскомъ производилось въ новороссійской палатѣ суда и расправы. Палата признала его виновнымъ въ важномъ государственномъ преступленіи — въ произнесеніи вышеприведенныхъ словъ, и на этомъ основаніи подлежащимъ смертной казни, а такъ какъ смертная казнь временно, до новаго указа, отмѣнена, то судъ постановилъ: наказать Роменскаго кнутомъ, вырѣзать ноздри, и поставя на лицѣ указные знаки, сослать на работу въ Нерчинскъ. Приговоръ палаты представленъ былъ на утвержденіе новороссійскому губернатору Николеву. Повидимому, у Николева не хватило духа утвердить такое ужасное рѣшеніе. Онъ предложилъ палатѣ пріостановить исполненіе приговора, и обратился въ Петербургъ, къ генералъ-прокурору Обольянинову. Въ суровомъ, безжалостномъ отвѣтѣ Обольянинова слышится какъ бы укоръ Николеву за его малодушіе: «Ничего другаго не могу положить, какъ что взнесенному вамъ на утвержденіе опредѣленію палаты должны вы, по обыкновенному порядку, дать ваше мнѣніе, согласное съ прямымъ разумомъ законовъ, и о *исполненіи* онаго меня увѣдомить». Николевъ повиновался. Страшно читать донесеніе его Обольянинову: «По содержанію предписанія ко мнѣ вашего высокопревосходительства, входилъ я въ разсмотрѣніе приговора новороссійской палаты суда и расправы о губернскомъ регистраторѣ Роменскомъ, сужденномъ за произнесеніе въ пьянствѣ буйственныхъ словъ, и находя оный согласнымъ съ законами и обстоятельствами дѣла, предложилъ оной учинить по оному исполненіе».

Когда комиссія о пересмотрѣ уголовныхъ дѣлъ начала свои работы, членъ ея Козодавлевъ получилъ слѣдующее письмо отъ неизвѣстнаго [65]):

«Уединенный деревенскій житель, другъ человѣчества и обожающій своего человѣколюбиваго монарха, находитъ пріятный для себя случай представить вашему превосходительству одного

несчастнаго, который, по неумышленной винѣ своей, въ прошломъ февралѣ наказанъ и сосланъ въ каторжную работу. Къ представленію вамъ сего страдальца судьбы побудилъ меня всемилостивѣйшій указъ, который я, читая, оросилъ слезами, и по которому узналъ я, что ваше превосходительство избраны милосердымъ Александромъ въ коммиссію, коей препоручено отыскивать преступниковъ, наказанныхъ за ихъ погрѣшности неумышленныя, но преувеличенныя злобою, либо представленныя не въ настоящемъ ихъ видѣ. Проѣзжая недавно городъ Бахмутъ, узналъ я, что служившій въ уѣздномъ судѣ нѣкто губернскій регистраторъ *Роменскій* за ошибку свою неумышленную съ знаками безчестія сосланъ въ нерчинскіе заводы. Весь городъ свидѣтель его невинности. Не говорю о несчастной его женѣ, которая по сему печальному случаю осталась безъ пропитанія съ шестью малолѣтными дѣтьми. Я вамъ описывать не буду ни слезъ ея, коихъ я былъ свидѣтелемъ, ни крайняго состоянія, въ коемъ я ее нашелъ. Скажу вамъ только то̀, что тогда же я пособить желалъ несчастной поднесеніемъ отъ имени ея всеподданнѣйшей просьбы; но она къ тому меня не допустила изъ нѣкоторой врожденной боязни, сопутствующей непросвѣщенію. Ваше превосходительство, имѣя чувствительное сердце, удобно себѣ представить можете чувства мои въ семъ родѣ. Я ожидалъ времени, чтобъ дать помощь несчастной, и нашелъ его теперь, представляя вашему превосходительству жертвы скораго можетъ быть отчаянія, отъ коего вы сохранить удобно можете, избавляя несчастнаго страдальца внесеніемъ въ списокъ къ удостоенію всемилостивѣйшаго прощенія. Сострадая съ несчастными, я исполняю долгъ, какъ человѣкъ вамъ безызвѣстный, но чувствительный, и который, возсылая мольбы свои о долголѣтіи обожаемаго всѣми кроткаго монарха, сладостное чувствуетъ потрясеніе въ семъ для него пріятномъ случаѣ, въ которомъ и ваше превосходительство участникомъ быть можете. Прощенный несчастный благословлять будетъ имя ваше; въ семействѣ его вы почтены будете благодѣтелемъ, а въ сердцѣ моемъ отдана будетъ вамъ

справедливость, принадлежащая всегда отъ меня вашимъ чувствамъ, человѣколюбію и состраданію къ несчастнымъ. Извините ваше превосходительство моему дерзновенію. Въ новомъ вѣкѣ кротости всѣмъ должно быть кроткими» и т. д.

Съ участіемъ истинно человѣческимъ Козодавлевъ взялся быть ходатаемъ за Роменскаго и за его ни въ чемъ неповинное семейство. Предстательство Козодавлева увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, какъ видно по тѣмъ даннымъ, которыя сохранились въ архивѣ сената [66]):

— «Членъ коммиссіи для пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ, сенаторъ Козодавлевъ, получа въ прошломъ 1801 году въ октябрѣ мѣсяцѣ письмо отъ неизвѣстнаго о несчастномъ регистраторѣ Роменскомъ, жительствовавшемъ въ городѣ Бахмутѣ, и сосланномъ, по жестокомъ наказаніи кнутомъ, въ Нерчинскъ въ работу, представилъ сіе письмо коммиссіи, которая, истребовавъ изъ новороссійской уголовной палаты дѣло о Роменскомъ, и разсмотрѣвъ оное, нашла его совершенно невиннымъ, представила о семъ его императорскому величеству всеподданнѣйшимъ докладомъ, и удостоилась получить конфирмацію таковую: возвратя чины, освободить. А сверхъ того, всемилостивѣйшимъ указомъ, даннымъ кабинету отъ 4-го февраля 1802 года, повелѣно производить Роменскому по 300 рублей въ годъ пенсіи и выдать ему на проѣздъ изъ Нерчинска единовременно 1,000 рублей.

Объ освобожденіи Роменскаго изъ Нерчинска и объ отдачѣ ему 1,000 рублей военнымъ губернаторомъ въ Иркутскѣ есть давно здѣсь свѣдѣніе какъ въ сенатѣ, такъ и въ кабинетѣ; но о приходѣ его на прежнее жилище въ городъ Бахмутъ извѣстія нѣтъ. Сенаторъ Козодавлевъ получилъ нынѣ свѣдѣніе, что не только сей Роменскій не возвратился по сіе время восвояси, но что жена его и шестеро дѣтей не имѣютъ денной пищи, и претерпѣвая совершенную нищету, тщетно уже столь долгое время ожидаютъ прибытія Роменскаго къ себѣ. По симъ обстоятельствамъ сенаторъ Козодавлевъ, представляя сіе положеніе бѣдной семьи

милосердому взору его императорскаго величества, осмѣливается всеподданнѣйше просить о повелѣніи кабинету производить вышеупомянутую пенсію женѣ и дѣтямъ Роменскаго до его возвращенія, и отсылать оную къ бахмутскому городничему для врученія или самому Роменскому или же, буде онъ не возвратился, женѣ его».—Государь утвердилъ представленіе Козодавлева.

Въ сенаторской дѣятельности Козодавлева, въ его докладахъ и «мнѣніяхъ», представляемыхъ въ общее собраніе сената, ярко отражаются тѣ начала и стремленія, которыя одушевляли лучшихъ людей новой, наступившей тогда, эпохи въ нашей общественной жизни. Онъ былъ горячимъ защитникомъ свободы, полагая и доказывая, что она должна служить основою для законодательства и для всѣхъ, дѣйствительно полезныхъ, преобразованій и нововведеній. Вѣрнѣйшимъ отголоскомъ духа времени считалось, въ высшихъ слояхъ нашей администраціи и нашего общества, мнѣніе Козодавлева по дѣлу о русскихъ крестьянахъ-раскольникахъ, жившихъ въ прежней Польшѣ подъ именемъ *старовѣровъ* или *филипоновъ* (польск. filippony; по южнорусскому произношенію, *пилипоны*). Такое названіе дано имъ потому, что они принадлежали къ послѣдователямъ стрѣльца *Филипа*, основателя *Филипова согласія*. Филиповцы не признавали предержащихъ властей, и не хотѣли за нихъ молиться; фанатизмъ ихъ простирался до того, что они обрекали себя на самосожженіе.[67]) Убѣгая отъ властей, они пытались искать счастья заграницею, то въ той, то въ другой странѣ, и для поселковъ выбирали преимущественно мѣста, ближайшія къ русской окраинѣ. Въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ западномъ краю Россіи оказалось довольно много переселенцовъ, вышедшихъ въ Польшу или прямо изъ Россіи или изъ сосѣднихъ съ нею земель — изъ «Цесаріи», Пруссіи, Молдавіи, и т. д. Польскіе паны смотрѣли на русскихъ выходцовъ какъ

на своихъ крѣпостныхъ, облагали ихъ податями, требовали отъ нихъ непосильныхъ работъ, и не позволяли имъ вступать въ купеческое или мѣщанское званіе. Угнетаемые, лишенные всякой защиты, крестьяне жаловались правительству, что ихъ разоряютъ «двойными поборами, побоями и денноощнымъ утѣсненіемъ въ работѣ», и просили «пожалѣть объ изнуренномъ человѣчествѣ и избавить отъ небывалаго изъ вѣковъ ига»[68]). Добиваясь свободы, филиппоны обращались и въ мѣстные суды, и въ сенатъ, и къ самому государю. Александръ I повелѣлъ разсмотрѣть дѣло о филиппонахъ въ общемъ собраніи сената. Въ общемъ собраніи образовалось три мнѣнія: одно изъ нихъ принадлежало большинству, другое — меньшинству, третье — одному сенатору. Этотъ одинъ былъ Козодавлевъ.

Большинство (пятнадцать сенаторовъ) признало филипоновъ бѣглецами, заслуживающими скорѣе наказанія, нежели награды, и неимѣющими ни малѣйшаго права на освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, и на этомъ основаніи полагало, что филипоны должны быть утверждены за владѣльцами земель, на которыхъ они поселились.

По мнѣнію меньшинства, за тѣми изъ филиппоновъ, которые заключили условія съ помѣщиками, должны быть удержаны права и выгоды, выговоренныя въ условіяхъ; тѣ же изъ выходцовъ, которые поселились на помѣщичьихъ земляхъ безъ всякихъ условій, должны быть утверждены за помѣщиками.

Козодавлевъ въ своихъ доводахъ и соображеніяхъ руководствуется не только буквою законовъ, но и *духомъ* ихъ, и горячо отстаиваетъ то начало, что свобода есть право неотъемлемое и *человѣкъ свободный не можетъ и не долженъ быть рабомъ.* Мнѣніе сенатора Козодавлева изложено слѣдующимъ образомъ[69]):

«При разсмотрѣніи дѣла *о старообрядцахъ*, или такъ называемыхъ *пилипонахъ*, издавна зашедшихъ изъ сосѣдственныхъ земель въ области, отъ Польши къ Россійской имперіи присоединенныя, почитаетъ онъ (сенаторъ Козодавлевъ) нужнымъ прежде всего изслѣдовать, какимъ правомъ пользовались сіи старообряд-

цы въ польскихъ областяхъ прежде присоединенія оныхъ къ Россіи: пользовались ли они дѣйствительно правомъ гражданской свободы, и всѣ ли они имѣли одинакія права и одинакія обязанности.

По изслѣдованіи сего можно будетъ опредѣлительно сказать, какія права и обязанности сіи старообрядцы могутъ и долженствуютъ имѣть и подъ скипетромъ Россіи, яко новые сея имперіи подданные и имѣющіе право пользоваться въ полной мѣрѣ благотворными законами россійскихъ монарховъ, а паче законами, изданными отъ пріобрѣтательницы польскаго края, въ Бозѣ почивающей императрицы Екатерины Второй и ея преемниковъ, даровавшихъ и подтвердившихъ многія польскому краю преимущества. Потомъ можно будетъ также опредѣлить, къ какому сословію, россійскими законами утвержденному, нынѣ причислить слѣдуетъ сихъ старообрядцевъ, и всѣ ли они вообще въ одно которое-нибудь званіе записаны быть долженствуютъ или же права ихъ и обязанности, не будучи равными и одинакими, опредѣляютъ и принадлежность ихъ не къ одному и тому же сословію.

Изъ дѣла о пилипонахъ явствуетъ, что въ Польшу издавна зашли они изъ сосѣдственныхъ земель, какъ-то: изъ Россіи, Венгріи, Сербіи, Молдавіи, и селились на земляхъ казенныхъ или старостинскихъ, и на земляхъ, принадлежащихъ помѣщикамъ или частнымъ владѣльцамъ. Но какъ немалая часть изъ нихъ селились по письменнымъ условіямъ, заключаемымъ со владѣльцами земель и сохраняемымъ свято и ненарушимо съ обѣихъ сторонъ до позднѣйшихъ временъ, и какъ сими условіями предоставлялось пилипонамъ право, продавъ свои заведенія, переселяться и идти, куда хотятъ, то и нѣтъ сумнѣнія, что таковые старообрядцы или пилипоны, поселившіеся, по условіямъ, въ Польшѣ, пользовались правомъ свободныхъ людей, и не были крѣпостными крестьянами. Сіе тѣмъ наипаче достовѣрно, что право заключать добровольно условія со владѣльцами предполагаетъ всегда право гражданской свободы и право пріобрѣтать собственность, каковыхъ правъ въ рабствѣ находящіеся крестьяне имѣть не могутъ. Что таковые старообрядцы селились въ Польшѣ

на землях помѣщичьихъ по условіямъ, заключаемымъ съ помѣщиками или частными владѣльцами, и что потому пользовались они правомъ гражданской свободы, то доказывается документами, въ дѣлѣ о старообрядцахъ находящимися, и между прочимъ:

1-е. Условіемъ, заключеннымъ между княземъ Любомирскимъ и старообрядцами, поселившимися въ мѣстечкѣ Смѣломъ и слободѣ Новокняжей, принадлежащихъ нынѣ графу Самойлову. Въ семъ условіи именно сказано, что всякій изъ старообрядцевъ можетъ переселиться, куда хочетъ, да и другіе пункты сего условія право свободы тѣхъ старообрядцевъ, каковымъ они въ Польшѣ пользовались, также весьма ясно доказываютъ, на чемъ и черкасскій повѣтовый и главный кіевскій суды при разсмотрѣніи сего дѣла основали свое опредѣленіе, утверждающее право свободы сихъ пилипоновъ.

2-е. Свидѣтельствами отъ управлявшихъ имѣніями графа Хрептовича и помѣщицы Ленчевской, лежащими въ минской губерніи, что старообрядцы поселились у нихъ въ деревняхъ добровольно, изъ платежа за владѣемыя ими земли ежегодно чинша, равнымъ образомъ и контрактами управлявшаго имѣніемъ графа Хрептовича, въ каковыхъ контрактахъ именно названы сіи пилипоны вольными.

3-е. Свидѣтельствомъ борисовскаго нижняго земскаго суда, что живущіе въ томъ повѣтѣ у разныхъ помѣщиковъ старообрядцы подали ревизскія сказки особо отъ владѣльческихъ, и сами оплачивали и оплачиваютъ всѣ казенныя подати отдѣльно отъ помѣщичьихъ, и всегда земскою полиціею охраняемы были наравнѣ съ крестьянами казенными; а отъ владѣльцевъ, у коихъ они живутъ на землѣ по контрактамъ, имѣютъ они письменные документы, что они къ нимъ ни малѣйшаго притязанія не имѣютъ, и не суть ихъ крестьяне. Каковые документы тѣми жъ помѣщиками и въ борисовскомъ земскомъ судѣ предъявляемы были.

Сими и другими весьма многими документами, находящимися въ дѣлѣ о пилипонахъ, и въ запискѣ, извлеченной изъ сего дѣла, означенными, ясно доказывается, что пилипоны въ Польшѣ были

люди вольные и пользовались дѣйствительно правомъ гражданской свободы. Чтожъ касается до того, что всѣ ли пилипоны имѣли одинакія въ Польшѣ права и одинакія обязанности, то изъ дѣла видно, что какъ не всѣ пилипоны селились по письменнымъ условіямъ, а многіе селились безъ условій, то и права и обязанности ихъ, не могли быть одинакія. Одни, заключая со владѣльцами условія, были свободные люди. Другіе же, поселившись безъ всякихъ условій, добровольно, на земляхъ старостинскихъ и помѣщичьихъ, полагаясь на добрую волю помѣщика, сдѣлались хлѣбопашцами, къ землѣ приписанными, и потому не лишась тѣмъ права личнаго, и не перешедъ въ состояніе совершенныхъ рабовъ, неимѣющихъ, яко вещь, никакихъ личныхъ правъ, почитались они въ Польшѣ крестьянами, навсегда къ землѣ приписанными, яко поселившіеся безъ условій и навсегда.

Итакъ, старообрядцевъ или пилипоновъ было въ Польшѣ, какъ изъ дѣла видно, между крестьянами два рода. Одни были свободные хлѣбопашцы; другіе же—хлѣбопашцы, навсегда къ землѣ приписанные.

По присоединеніи польскаго края къ Россіи, данъ былъ высочайшій рескриптъ отъ 23 мая 1795 года генералу Тутолмину, управлявшему тогда минскою и другими польскаго края губерніями. Въ шестомъ пунктѣ сего рескрипта сказано: «при настоящей переписи поселянъ разнаго званія, держаться со всевозможною точностію, какъ общихъ государственныхъ узаконеній, такъ и особенно указа нашего, отъ 3 мая 1783 года о разныхъ губерніяхъ даннаго, по силѣ коихъ каждый долженъ написанъ быть въ званіи ему свойственномъ и остаться тамъ, гдѣ онъ по ревизіи внесенъ на основаніи помянутыхъ установленій. Тѣмъ людямъ, которые, не бывъ поселены, докажутъ законнымъ образомъ свою свободу, предоставить на волю избрать родъ жизни, какой они заблагоразсудятъ, записавъ ихъ потомъ въ надлежащее званіе».

Основываясь на семъ, генералъ Тутолминъ и учинилъ распоряженіе къ предстоявшей тогда ревизіи.

Пилипоны въ прошеніяхъ своихъ ссылаются на сіе распоряженіе, каковымъ онъ предписалъ подавать имъ ревизскія сказки самимъ отъ себя особыя, за подписаніемъ сельскихъ своихъ старшинъ, яко людямъ, живущимъ на земляхъ казенныхъ и владѣльческихъ по добровольному со владѣльцами условію. Инако генералу Тутолмину и поступить было невозможно, ибо слова рескрипта: *по силѣ коихъ, каждый долженъ написанъ быть въ званіи ему свойственномъ*, необходимо таковаго предписанія требовали. Почему пилипоны таковыя сказки и подали, и многіе изъ нихъ, какъ изъ дѣла видно, записались не токмо особо, не за помѣщиками, но перешли и въ мѣщанское званіе. Таковое распоряженіе генерала Тутолмина не только не могло быть неизвѣстно тогда царствовавшей государынѣ императрицѣ, но безъ сумнѣнія оное и учинено было съ высочайшаго ея соизволенія. *Разумъ законовъ ея доказываетъ ясно, что она всегда полагала, что человѣкъ свободный, или же воспользовавшійся единожды правомъ гражданской свободы, не долженъ никогда обращенъ быть въ рабство.* Манифестомъ 1775 года марта 17-го числа, 46-ю статьею, даровано право отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ впредь ни за кого не записываться, и при ревизіи должны они объявить, въ какое состояніе они войти пожелаютъ. Въ указѣ 1781 годя іюля 28-го написано: «по раз«смотрѣніи поданнаго намъ отъ сената доклада о находящихся «въ казанской губерніи польскихъ плѣнныхъ, воспріявшихъ пра«вославную вѣру греческаго исповѣданія и отданныхъ, по же«ланіямъ ихъ, отъ тамошней губерніи въ вѣчное услуженіе къ «разнымъ помѣщикамъ, отъ коихъ они просятъ свободы, все«милостивѣйше повелѣваемъ, въ сходство указа нашего отъ «10-го генваря 1773 года, всѣмъ таковымъ плѣннымъ, остав«шимся въ Россіи по принятіи православнаго нашего закона, съ «женами ихъ, хотя бы они и на крѣпостныхъ чьихъ-либо жен«щинахъ или дѣвкахъ женаты были, съ дѣтьми ихъ, быть сво«бодными, и дать имъ волю избрать имъ родъ такой жизни, ка-

«кой сами заблагоразсудятъ, на пользу общую и для своего соб-«ственнаго пропитанія».

Въ указѣ 1783 года октября 20-го изображено: «по раз«смотрѣніи доклада, отъ сената поданнаго, объ оказавшихся «при послѣдней переписи разныхъ народовъ вольныхъ людяхъ, «повелѣваемъ поступать со всѣми ими, безъ изъятія рода и зако«на, по точной силѣ указа нашего отъ 28-го іюля 1781 года, «оставляя имъ свободу избрать такой родъ жизни, какой сами они «заблагоразсудятъ, на пользу общую и для своего собственнаго «пропитанія. Слѣдственно, въ согласіе съ манифестомъ нашимъ «марта 17-го 1775 года, написать ихъ въ купечество, мѣщан«ство или службу государственную, кто куда пожелаетъ и спо«собенъ явится, а отнюдь ихъ ни за кѣмъ не укрѣплять». Указы сіи, а паче сей послѣдній, изданный не токмо послѣ указа 1783 года мая 3-го дня, но и вскорѣ послѣ онаго, доказываютъ неоспоримо, что и полагать невозможно, какъ тяжущіеся владѣльцы полагаютъ, чтобъ оный указъ 3-го мая, запрещающій 8-мъ пунктомъ токмо свободный и самопроизвольный переходъ и переселеніе крестьянъ изъ одного мѣста въ другое, относился къ пилипонамъ и порабощалъ людей свободныхъ помѣщикамъ. Да и возможно ли полагать, чтобъ мудростію, справедливостію и человѣколюбіемъ всегда водимая десница Екатерины Второй начертала узаконеніе, по коему свободные люди сдѣлались рабами! Каждая черта ея узаконеній доказываетъ невозможность сего. Что-жъ принадлежитъ до указа 1783 года мая 3-го дня, коимъ въ 8-мъ пунктѣ предписано: «для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ кіевскомъ, черниговскомъ и новогородскомъ-сѣверскомъ, и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селеніяхъ обитателей, каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа. Въ случаѣ же побѣговъ послѣ изданія сего указа, поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ. Сіе разумѣется,

какъ всякому ясно видно, о крестьянахъ, переходившихъ прежде сего изъ одного селенія въ другое, и отъ одного помѣщика къ другому. Симъ пунктомъ таковые крестьяне учинились приписанными навсегда къ землѣ, но распространенія другихъ правъ на кого-либо или какихъ съ чьей стороны другихъ обязанностей рабства—изъ сего пункта выводить невозможно, а тѣмъ менѣе относительно къ шилипонамъ, пользовавшимся изстари въ Польшѣ правомъ гражданской свободы, ибо они, какъ выше сего сказано, селились на владѣльческихъ земляхъ, яко люди свободные, по добровольному съ помѣщиками условію, и потому и ревизскія сказки вслѣдствіе распоряженія генерала Тутолмина подали особо и отъ крестьянъ помѣщичьихъ отдѣльно. Впрочемъ состояніе хлѣбопашцевъ, въ Польшѣ существующее, съ таковымъ же въ Россіи сравнивать не должно и не можно. Въ Россіи хлѣбопашцы были по сіе время по большой части крестьяне и крестьяне крѣпостные, неимѣвшіе собственности. Въ Польшѣ же хлѣбопашцы были и суть не одни крѣпостные крестьяне, но свободные люди, какъ-то: шилипоны и шляхта чиншовая. Они пашутъ землю и упражняются въ земледѣліи, точно такъ, какъ крестьяне; но токмо по добровольному условію поселились они на земляхъ старостинскихъ и помѣщичьихъ, не имѣя собственныхъ земель. Итакъ, буде бы осьмой пунктъ указа отъ 3-го мая 1783 года слѣдовало распространить на всѣхъ безъ изъятія хлѣбопашцевъ, на земляхъ старостинскихъ или помѣщичьихъ поселившихся, то и шляхту бы чиншовую слѣдовало обратить изъ шляхетства въ крѣпостныхъ крестьянъ, ибо и они на землѣ помѣщичьей при ревизіи оставались. Мы видѣли напротивъ и видимъ, что записанные въ ревизію: шляхта, казаки, или другіе свободные люди, не токмо не укрѣпляются за помѣщиками; но, по разсмотрѣніи документовъ, на коихъ они основываютъ право свободы, правительство, буде доказательства ихъ справедливы, возвращаетъ имъ сіе право, и дѣлаетъ ихъ свободными на основаніи узаконеній.

Равнымъ образомъ высочайшіе указы, данные: одинъ бывшему бѣлорусскому губернатору Жегулину отъ 25-го генваря

1798 года, а другой сенату отъ 23-го февраля 1799 года, по коимъ пилипоновъ укрѣпляютъ помѣщики за собою, нимало не порабощаютъ пилипоновъ помѣщикамъ, ибо въ нихъ говорится единственно о военныхъ дезертирахъ, бѣжавшихъ въ Польшу прежде присоединенія польскаго края къ Россіи. Сими указами дезертиры возвращаются паки въ состояніе крестьянъ помѣщичьихъ, но *на основаніи манифеста.* Ни слова не говорится въ сихъ указахъ о пилипонахъ, и дезертиры сіи не именованы *крѣпостными*, но *крестьянами на основаніи манифеста.* Какое же исполненіе учинено генераломъ Тутолминымъ по сему манифесту, о томъ уже говорено выше сего. Изъ сихъ указовъ невозможно вывести заключенія, чтобы пилипоны ими были укрѣплены за помѣщиками, яко крестьяне крѣпостные или рабы. Напротивъ, сіи высочайшіе указы свидѣтельствуютъ, что воля монаршая, ими объявленная, есть, чтобъ всѣ, и бѣжавшіе люди изъ Россіи въ Польшу и тамо поселившіеся, оставались въ томъ состояніи, въ коемъ они находились при присоединеніи польскаго края къ россійской имперіи: слѣдовательно, тѣмъ самымъ и побѣги ихъ преданы забвенію.

Итакъ, по изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ и по соображенію оныхъ съ законами, полагаетъ онъ (Козодавлевъ) мнѣніемъ:

1-е. Тѣхъ пилипоновъ или старообрядцевъ, которые *поселились на земляхъ старостинскихъ или помѣщичьихъ по письменнымъ условіямъ*, и условія тѣ были разсмотрѣны и освидѣтельствованы въ присутственныхъ мѣстахъ, *утвердить свободными и причислить ихъ къ званію свободныхъ хлѣбопашцевъ*, каковое званіе установлено въ россійской имперіи высочайшимъ указомъ отъ 20 февраля 1803 года. Почему и могутъ таковые свободные хлѣбопашцы жить на земляхъ, имъ непринадлежащихъ, какъ-то: на казенныхъ или помѣщичьихъ, не инако, какъ по добровольнымъ письменнымъ условіямъ, платя владѣльцу или казнѣ за нанимаемую землю подать деньгами или произведеніями, или же отправляя работу, какъ условіемъ положено будетъ, сверхъ узаконенной подушной подати и общихъ государственныхъ повинно-

стей, и таковыя условія долженствуютъ быть сохраняемы свято и ненарушимо, какъ о контрактахъ узаконено. По содержанію же манифеста 1775 года марта 17 и указовъ: 1781 года іюля 28 и 1783 года октября 20, никто таковыхъ свободныхъ людей за собою укрѣплять никогда и ни подъ какимъ видомъ не можетъ, а напротивъ они, яко свободные хлѣбопашцы, всегда могутъ пользоваться правами, имъ дарованными, и пріобрѣтать землю въ собственность свою, покупкою или другимъ законнымъ средствомъ, и владѣть ею, какъ законами повелѣно.

2-е. Тѣхъ пилипоновъ, которые *поселились на земляхъ владѣльческихъ безъ условій, оставить навсегда на той землѣ приписанными къ землѣ хлѣбопашцами*, яко вошедшихъ добровольно въ званіе крестьянъ, неимѣющихъ права перехода отъ одного владѣльца къ другому. Но какъ съ одной стороны пилипоны не сдѣлали никакихъ при поселеніи условій, такъ равно и съ другой отъ владѣльцевъ никакихъ же условій не было сдѣлано, то и требуетъ справедливость, чтобъ правительство охранило права и тѣхъ и другихъ, и оградило бы каждаго отъ могущихъ случиться притѣсненій. Поелику пилипоны поселеніемъ добровольнымъ на земляхъ помѣщичьихъ не могли лишиться права личнаго, и не перешли тѣмъ въ состояніе совершеннаго рабства, а сдѣлались токмо хлѣбопашцами, къ землѣ приписанными, то и не слѣдуетъ предоставлять владѣльцу надъ таковыми пилипонами неограниченнаго права, яко надъ рабами. Владѣлецъ можетъ пользоваться трудами ихъ и употреблять ихъ, яко земледѣльцевъ, пришедшихъ на землю его и поселившихся для земледѣлія, но изъ сего однакожъ не слѣдуетъ, чтобъ владѣлецъ могъ ихъ употребить на другое, земледѣлію несвойственное, дѣло или же и продать ихъ безъ земли. И потому, для точнѣйшаго означенія обоюдныхъ правъ и обязанностей, нужнымъ онъ почитаетъ предоставить г. министру внутреннихъ дѣлъ составить правила, на какихъ условіяхъ впредь помѣщикамъ владѣть тѣми пилипонами или и другими поселянами, кои поселились на земляхъ ихъ безъ

письменныхъ условій. Таковое предоставленіе почитаетъ онъ тѣмъ удобнѣе и нужнѣе, что и составленіе правилъ, на какихъ условіяхъ купцы, получившіе чины, могутъ владѣть деревнями, поручено ему же, г. министру внутреннихъ дѣлъ, высочайшимъ указомъ отъ 18 октября 1804 года.

3-е. Буде таковые пилипоны находятся въ селеніяхъ, пожалованныхъ именными высочайшими указами частнымъ лицамъ въ вѣчное и потомственное или же и во временное владѣніе, то буде въ указахъ не сказано точно и ясно, чтобъ находящихся въ пожалованныхъ селеніяхъ пилипоновъ или старообрядцевъ обратить въ крѣпостныхъ крестьянъ, то, ему кажется, должно оставить права ихъ ненарушимыми, и поступить точно такъ, какъ выше сего сказано, утвердивъ однихъ свободными хлѣбопашцами, а другихъ хлѣбопашцами, къ землѣ приписанными. Сіе кажется ему тѣмъ справедливѣе, что таковымъ узаконеніемъ всѣ владѣльцы, пріобрѣтшіе покупкою, наслѣдствомъ или пожалованіемъ такія селенія, въ коихъ находятся пилипоны, будутъ въ равномъ и одинакомъ положеніи, и отъ земли, яко своей собственности, будутъ они имѣть не меньшій же доходъ посредствомъ работы, отправляемой свободными земледѣльцами, какъ и отъ тѣхъ участковъ, кои обработываются крѣпостными крестьянами. Впрочемъ пожалованіе деревень частнымъ владѣльцамъ, безъ сумнѣнія, принимать должно въ томъ видѣ, что поселяне остаются на тѣхъ же самыхъ правахъ за помѣщикомъ, на коихъ они были и за казною, и буде въ пожалованныхъ селеніяхъ были хлѣбопашцы свободные, то они и на землѣ, владѣльцу пожалованной, долженствуютъ оставаться таковыми же. Буде же въ пожалованномъ имѣніи находились одни крестьяне, то разумѣется, что они перешли въ званіе помѣщичьихъ крестьянъ, по общимъ узаконеніямъ, ибо извѣстно, что и казенные крестьяне прежде сего въ Россіи не пользовались правомъ пріобрѣтать собственность и другими выгодами, даруемыми правомъ гражданской свободы. Многіе были примѣры, что въ селеніяхъ пожалованныхъ находились чиншовая шляхта и другіе свободные люди: таковые всегда ос-

тавляемы были свободными, и замѣняемы отъ казны другими крестьянами. Но онъ почитаетъ такую замѣну сугубымъ даромъ или прибавленіемъ къ пожалованному имѣнію, поелику и свободные люди, какъ-то шляхта и пилипоны, оставаясь на землѣ владѣльческой, приносятъ прибыль и доходъ владѣльцу работою или податью, какъ и крѣпостные крестьяне, ибо источникъ деревенскихъ доходовъ есть *земля*, которая, какъ опыты доказываютъ, *обработывается свободными людьми еще и къ большей выгодѣ помѣщиковъ, нежели каковую имѣютъ они отъ своихъ рабовъ.*

4-е. *Какъ изъ дѣла о пилипонахъ видно, что многіе изъ нихъ записаны были въ мѣщанское званіе, то буде таковая записка была учинена на законномъ основаніи, то и обратить тѣхъ пилипоновъ въ званіе мѣщанское.*

5-е. Между пилипонами большая часть состоитъ изъ раскольниковъ, зашедшихъ изстари въ Польшу изъ Россіи, почему и именуются они старообрядцами, и не имѣютъ законами утвержденнаго у себя богослуженія, такъ что во многихъ селеніяхъ старообрядческихъ нѣтъ ни священниковъ, ни церквей. Съ одной стороны полагая, что основаніе народной нравственности есть религія, а съ другой, что *источникъ старообрядческихъ заблужденій есть совершенный недостатокъ въ просвѣщеніи или, кратко сказать, совершенное невѣжество, почитаетъ онъ нужнымъ, чтобъ министерство народнаго просвѣщенія обратило попеченіе свое на скорѣйшее заведеніе школъ въ старообрядческихъ селеніяхъ,* а министерство внутреннихъ дѣлъ, по сношенію со святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ, чрезъ мѣстныхъ начальниковъ, употребило бы стараніе объ установленіи въ тѣхъ селеніяхъ церквей и объ опредѣленіи къ онымъ добропорядочныхъ священниковъ.

6-е. Въ заключеніе сего полагаетъ онъ (Козодавлевъ) мнѣніемъ: поднести отъ правительствующаго сената всеподданнѣйшій его императорскому величеству докладъ, представя въ подробности всѣ обстоятельства сего дѣла и мнѣніе его на высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе».

Мнѣніе Козодавлева, изложенное съ такою послѣдовательностью, не убѣдило его противниковъ, и только три сенатора согласились съ его доводами. Число недовольныхъ было весьма велико, и они рѣзко осуждали либеральнаго сенатора. Графъ Завадовскій писалъ графу Воронцову: «У насъ показался *новый Гракхъ — Козодавлевъ*. Я думаю сообщить тебѣ его мнѣніе о польскихъ *филипонахъ*: почувствуешь въ немъ запахъ, пріятный обонянію настоящаго времени»[70]). Но—что всего важнѣе и замѣчательнѣе—мнѣніе его вполнѣ одобрено императоромъ Александромъ I, и вслѣдствіе этого получило силу закона. Несомнѣннымъ доказательствомъ служитъ слѣдующій указъ, представляющій дословное сходство съ мнѣніемъ Козодавлева [71]):

— Разсмотрѣвъ поднесенный намъ докладъ сената и *мнѣніе сенатора Козодавлева* по дѣлу перешедшихъ въ давнія времена изъ Россіи и другихъ мѣстъ въ Польшу разнаго рода людей, именуемыхъ *пилипонами* или *старообрядцами*, повелѣваемъ:

1) Перешедшимъ изъ Россіи и другихъ мѣстъ въ польскія губернія людямъ, именуемымъ *пилипонами*, и *поселившимся на земляхъ помѣщичьихъ и старостинскихъ по письменнымъ условіямъ или договорамъ*, и понынѣ на тѣхъ земляхъ остающимся въ казенномъ или помѣщичьемъ владѣніи, *предоставить полное право пользоваться ихъ свободою* и тѣми выгодами, какія означены въ ихъ условіяхъ и договорахъ, сохраняя оные съ обѣихъ сторонъ во всей ихъ силѣ.

2) Тѣхъ же изъ оныхъ, которые поселились на земляхъ владѣльческихъ *безъ письменныхъ условій*, и вступя въ состояніе крестьянъ, понынѣ въономъ находятся, оставить навсегда *приписанными къ землѣ хлѣбопашцами*, наравнѣ съ прочими владѣльческими крестьянами.

3) *Какъ изъ дѣла о полипонахъ видно, что нѣкоторые изъ нихъ записаны были*, по присоединеніи польскихъ губерній къ россійской имперіи, *въ мѣщанское званіе, то буде таковая записка учинена была на законномъ основаніи, то и обратить таковыхъ въ званіе мѣщанское.*—

На Козодавлева, во время его сенаторства, возлагаемы были важныя порученія по дѣламъ, возбуждавшимъ особенное вниманіе и правительства и общества. При первомъ извѣстіи о появленіи чумы въ саратовской губерніи рѣшено было послать туда сенатора, давъ ему обширныя полномочія, и сосредоточивъ въ его рукахъ главное управленіе краемъ, которому угрожала опасность. Выборъ государя палъ на Козодавлева. Пребываніе Козодавлева въ саратовской и пензенской губерніяхъ послужило въ свое время предметомъ разнаго рода толковъ и предположеній. Свѣдѣнія шли изъ двухъ противоположныхъ источниковъ, и надо взвѣсить ихъ относительное достоинство, надо взглянуть на обѣ стороны медали, чтобы составить по возможности вѣрное понятіе о томъ, что происходило въ дѣйствительности.

Однимъ источникомъ является извѣстіе, оффиціальнаго свойства, обнародованное въ газетахъ. Оно въ своемъ родѣ весьма любопытно, представляя, и по тону и по содержанію, одинъ изъ яркихъ образцовъ тѣхъ статей и статеекъ, которыя печатались въ такомъ изобиліи по случаю различныхъ мѣропріятій попечительнаго начальства. Вотъ что̀ гласило газетное извѣстіе: [72]).

Изъ Саратова, отъ 3 марта:

Самыя надежнѣйшія и полныя мѣры, принятыя правительствомъ къ пресѣченію открывшейся въ саратовской губерніи заразительной болѣзни, имѣли успѣхъ совершенный. Едва показалась сія болѣзнь въ послѣднихъ числахъ истекшаго 1807 года въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сей губерніи и потомъ въ самомъ городѣ Саратовѣ, то и тогда встрѣтила она такой сильный отпоръ, мѣстнымъ начальствомъ сему злу противупоставленный, что не токмо распространеніе заразы было остановлено, но и къ искорененію оной такіе употреблены были способы, чрезъ которые и при самомъ ея здѣсь появленіи она очевиднымъ образомъ начала ослабѣвать. Когда же дошло сіе до свѣдѣнія монарха, коего сердце украшается паче всего безпредѣльною къ подданнымъ любовію, тогда министерство внутреннихъ дѣлъ, подъ непосред-

ственнымъ руководствомъ его императорскаго величества, показало всю ту необыкновенную дѣятельность, которая при таковыхъ случаяхъ нужна необходимо. Вся саратовская губернія заперта была крѣпкимъ кордономъ, и всякое сообщеніе съ нею другихъ губерній было въ мигъ пресѣчено. Повсюду учреждены были заставы и карантины, и все, что̀ по полицейской части найдено было нужнымъ, было приведено въ исполненіе со всевозможною поспѣшностію. Равнымъ образомъ и по части врачебной ничего не было упущено изъ виду. Искуснѣйшіе врачи, изъ Петербурга отправленные со всѣми для сего потребными лѣкарствами, съ неимовѣрною скоростію явились въ Саратовѣ. Главное начальство надъ саратовскою губерніею и надъ всѣми по сему случаю дѣлаемыми распоряженіями высочайше его императорскимъ величествомъ поручено г. тайному совѣтнику и сенатору Козодавлеву, который въ истекшемъ февралѣ мѣсяцѣ и прибылъ въ Саратовъ.

Жители саратовской губерніи, оживотворенные толикими попеченіями правительства, проливаютъ нынѣ предъ престоломъ Всевышняго слезы, извлекаемыя изъ очей ихъ не скорбію и болѣзнями, но чувствомъ признательности къ отцу Россіи, императору Александру.

Въ самомъ городѣ Саратовѣ съ 30 числа генваря не было ни одного человѣка, умершаго прилипчивою болѣзнію или зараженнаго оною; по послѣднимъ же донесеніямъ къ г. сенатору, здѣсь пребывающему, изъ уѣздовъ доставленнымъ, явствуетъ, что и въ тѣхъ селеніяхъ, кои по причинѣ заразительной болѣзни заперты, не было ни одного умершаго оною весьма давно, такъ что въ нѣкоторыхъ прошло уже тому восемь недѣль, и токмо въ одномъ изъ сихъ селеній таковый смертный случай былъ 9 февраля.

Въ прошедшее воскресенье, то есть во вторую недѣлю великаго поста, здѣшній протоіерей Николай сказывалъ въ соборѣ на литургіи приличную настоящему случаю и весьма трогательную проповѣдь.

Оттуда же, отъ 5 марта:

Изъ полученныхъ г. тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ Козодавлевымъ донесеній отъ начальниковъ губерній, съ саратовскою смежныхъ: пензенской, тамбовской, воронежской, симбирской и земли донскихъ козаковъ, кои относительно предосторожностей отъ заразительной болѣзни, въ саратовской губерніи открывшейся, высочайше государемъ императоромъ начальству его подчинены, явствуетъ, что въ сихъ губерніяхъ и признака прилипчивыхъ болѣзней не было и нѣтъ, и что все тамъ состоитъ, по милости Всевышняго, благополучно.—

Въ честь Козодавлева давались празднества; ему устраивались торжественные пріемы; подвигъ его восхваляли и стихами и прозою. При посѣщеніи Козодавлевымъ пензенской гимназіи ему поднесли стихи, въ которыхъ называютъ его россійскимъ Курціемъ: [73]).

Во дни преславныхъ дѣлъ царя вселенной — Рима
Отверста страшна хлябь была во градѣ зрима:
Тьмочисленный народъ Плутонъ въ ней пожиралъ,
Изъ челюстей ея огнь тартарскій сіялъ.
Жрецъ возгласилъ: «когда изъ римскія дружины
Кій витязь самъ падетъ въ средину той пучины,
То весь спасется градъ». И Курцій на конѣ
Какъ молнія паритъ. Герой уже въ огнѣ, —
Закрылась алчная Плутонова утроба;
Возвеселился градъ, отбросивъ страхи гроба.
Въ текущи времена подобный случай зримъ:
Саратовъ, росскій градъ, терзался рокомъ злымъ,
Съ нимъ купно и предѣлъ, ко Каспію лежащій,
Отъ язвы удрученъ, дни проводилъ стенящи.
Прекрасная страна въ унылу претворилась;
Планета мрачная, несчастій вождь, явилась.....
Монархъ — любовь и честь россійскаго народа,
Тотъ царь, что лучшаго не можетъ дать природа,

Рекъ Козодавлеву: «спѣши въ несчастный градъ,
Гони заразу прочь, разсыпь цвѣты отрадъ».
Въ пещеру смертную ты съ радостью стремился;
И что? отважности самъ тартаръ удивился:
Затрясся, заскрипѣлъ, изъ града вонъ бѣжитъ,
А Козодавлевъ лавръ неувядаемъ зритъ:
Градъ спасъ, и самъ спасенъ. За толь велико дѣло
Героемъ мирныхъ дней тебя зову я смѣло...

Это — одна сторона медали, а вотъ и другая. По словамъ современника Козодавлева, Вигеля, саратовская чума была ни болѣе, ни менѣе, какъ ловкое изобрѣтеніе саратовскаго вице-губернатора А. Д. Панчулидзева. Когда показалась какая-то повальная болѣзнь, Панчулидзевъ съ перепугу или для пущей важности назвалъ ее въ своемъ донесеніи чумою, а когда вслѣдствіе этого командированъ сенаторъ изъ Петербурга, то нельзя уже было идти на попятный дворъ, и потому стали увѣрять, что дѣйствительно появилась чума, но скорыя и мудрыя мѣры, принятыя начальствомъ, пресѣкли ее при первомъ появленіи. Не прилично же—замѣчаетъ Вигель—сенатору прокатиться даромъ, и, подобно синицѣ, надѣлавъ шуму, не зажечь моря. О Панчулидзевѣ онъ отзывается такимъ образомъ: главное его страстію было разсчетливое тщеславіе, но онъ не возставалъ и противъ честности, почитая ее весьма извинительнымъ заблужденіемъ ума, и т. п. Пребываніе Козодавлева въ пензенской губерніи Вигель объясняетъ желаніемъ князя Куракина дать возможность своему любимцу провести пріятно лѣто внѣ Петербурга, и старается увѣрить, что Козодавлевъ вовсе не занимался дѣлами, и думалъ только о томъ, чтобы доставлять удовольствія своему семейству, безцеремонно напрашиваясь на угощенія, и т. п. [74]).

VIII.

Мы съ намѣреніемъ привели два противоположныя извѣстія, сопоставили двѣ крайности. Подобныя противорѣчія весьма часто встрѣчаются въ сужденіяхъ о людяхъ, игравшихъ болѣе или

менѣе видную роль въ обществѣ. Съ одной стороны — приторныя похвалы заказныхъ статей, съ другой — безпощадное порицанье съ весьма замѣтною примѣсью личной вражды и личныхъ счетовъ. Отзывы современниковъ рѣдко бываютъ безпристрастны, и потому всегда требуютъ критической повѣрки. При этомъ должны быть приняты въ соображеніе и личныя свойства свидѣтелей, и прямыя и косвенныя причины ихъ показаній, и условія времени и быта, и трудность разгадать истинную цѣль поступковъ, и т. д. Слѣдуетъ также припомнить и ту психологическую истину, что и въ самыхъ прекрасныхъ дѣйствіяхъ, безспорно полезныхъ для общества, можетъ скрываться нѣкоторая доля и самолюбія, и честолюбія, и другихъ человѣческихъ слабостей. Словомъ, въ судѣ надъ историческими дѣятелями, какъ и въ судѣ надъ живыми людьми, необходимо обращать вниманіе и на такъ называемыя смягчающія обстоятельства.

Почти четверть вѣка Козодавлевъ жилъ и дѣйствовалъ въ такой средѣ, гдѣ всего менѣе расположены прощать чужіе успѣхи и отыскивать хорошія стороны въ поступкахъ своихъ противниковъ. Съ возшествіемъ на престолъ императора Александра I Козодавлевъ былъ на виду у всѣхъ. Молодой государь видимо отличалъ способнаго и дѣльнаго сенатора, обладавшаго рѣдкою въ то время образованностью и рѣдкимъ у насъ во всѣ времена, упорнымъ, настойчивымъ трудолюбіемъ. Блестящая служебная карьера Козодавлева возбуждала зависть въ его соперникахъ, явныхъ и тайныхъ, и давала поводъ злоязычникамъ толковать вкривь и вкось каждое его дѣйствіе, чуть не каждое его слово. Съ другой стороны, Козодавлевъ иногда не находилъ поддержки и тамъ, гдѣ повидимому могъ бы встрѣтить сочувствіе. Причина этому отчасти кроется въ разладѣ между двумя поколѣніями, дѣйствовавшими у насъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Люди, сходившіе съ поприща, невсегда охотно протягивали руку своимъ преемникамъ, и несовсѣмъ довѣрчиво относились къ ихъ начинаніямъ.

Графъ Завадовскій писалъ графу Семену Романовичу Воронцову, въ 1804 году: «Говорятъ, Козодавлевъ выходитъ въ матадоры: нечего дивиться, что таковыхъ спѣетъ путь». Ив. Ив. Дмитріевъ такъ отзывается о Козодавлевѣ: «Можетъ быть, нѣсколько искательный и привязчивый къ колесу фортуны, но за то примѣрный мужъ, родственникъ и господинъ въ отношеніи къ своимъ домочадцамъ». Карамзинъ также называетъ Козодавлева искательнымъ, но говоритъ: «въ немъ много добраго, не смотря на то, что вошелъ въ пословицу не съ хорошей стороны». Полагаютъ, что эта *нехорошая сторона* заключалась, быть можетъ, въ либерализмѣ Козодавлева [75]).

Державинъ называетъ Козодавлева вездѣсущимъ: «опредѣленіе сената подписано всемогущимъ Строгановымъ, *вездѣсущимъ Козодавлевымъ* и велемудрымъ Неплюевымъ, которые никакихъ болѣе замѣчаній по дѣламъ не принимали» [76]).

Съ желчнымъ негодованіемъ разсказываетъ Державинъ, въ своихъ запискахъ, слѣдующій случай, рисующій Козодавлева въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ: «Когда родился великій князь Михаилъ Павловичъ, то во время собранія при дворѣ знатныхъ особъ для поздравленія, графъ Заводовскій и господинъ Козодавлевъ между радостными разговорами, при таковыхъ случаяхъ бываемыми, говорилъ Державину, чтобъ онъ написалъ на день рожденія царевича стихи. Онъ имъ обѣщалъ, и въ первое собраніе привезъ съ собой оду, которой тому и другому отдалъ по письменному экземпляру, а какъ сія піеса имѣла нѣкоторыя въ себѣ рѣзкія выраженія, какъ-то между прочимъ:

Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать враговъ,
Но Богомъ на престолъ вѣнчанну
Любить ихъ должно какъ сыновъ;

то натурально и стала публика поговаривать, опасаясь, чтобъ сочинителя въ толь смутное время, каково было Павлово, не сослали въ ссылку или бы какого другаго ему огорченія не сдѣлали.

Державинъ, въ полномъ удостовѣреніи о своей невинности, всюду выѣзжалъ. Въ наступившее воскресенье, пріѣхавъ въ придворный театръ, встрѣтился въ дверяхъ съ Козодавлевымъ: сей, увидѣвъ его, поблѣднѣлъ, и бросился отъ него, какъ отъ язвы, опрометью прочь; въ театрѣ же, увидя его предъ собою на передней лавкѣ сидящаго, тотчасъ вскочилъ, и ушелъ въ толь отдаленное мѣсто, что его видѣть не могъ. Державинъ не зналъ, къ чему приписать такое отъ себя пріятеля удаленіе; но послѣ узналъ, что страшные разнесшіеся слухи, что будто императоръ гнѣвенъ за оду, были причиною трусости г. Козодавлева, чтобъ не почли его сообщникомъ въ сочиненіи оной. И такъ, презрѣвъ такую низость души, былъ спокоенъ. Но на первой недѣлѣ великаго поста, когда говѣлъ Державинъ съ своимъ семействомъ, посреди самой обѣдни входитъ въ церковь фельдъ-егерь отъ императора, и подаетъ ему толстый свертокъ бумагъ. Жена, увидѣвъ, помертвѣла. Между тѣмъ, открывъ свертокъ, находитъ въ немъ табакерку, осыпанную бриліантами, въ подарокъ отъ императора присланную за ту оду, при письмѣ г. статсъ-секретаря Нелединскаго, въ коемъ объявлено ему отъ его величества высочайшее благоволеніе. На другой день, поѣхавъ въ сенатъ, находитъ въ общемъ собраніи г. Козодавлева, показываетъ ему табакерку, который съ радостнымъ восторгомъ бросается ему на шею, и поздравляетъ съ государскою милостію. Державинъ, отступя отъ него, сказалъ: «Поди прочь отъ меня, трусъ. Зачѣмъ ты намедня отъ меня бѣгалъ, а теперь цѣлуешь». [77]).

Приведенное обвиненіе, несмотря на всю свою рѣзкость, заключаетъ въ себѣ и смягчающія вину обстоятельства. Самъ Державинъ говоритъ, что ода написана *по совѣту Козодавлева*, и что времена были тогда *смутныя*, слухи ходили *страшные*, и всѣ вѣрили этимъ слухамъ. Слѣдовательно, если бы ода была признана преступною, то Козодавлевъ явился бы участникомъ въ важномъ государственномъ преступленіи! Чтожъ удивительнаго, что Козодавлевъ, подъ вліяніемъ общей паники, боялся встрѣчи и бесѣды съ Державинымъ, за которую такъ легко могъ

подвергнуться ссылкѣ или другому какому-либо, подобному «огорченію». Притомъже Державинъ, какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный и невыносившій и тѣни притворства, могъ наложить черезчуръ густыя краски на картину, въ тѣ времена весьма обыкновенную, хотя въ существѣ своемъ все-таки нехорошую. Безпристрастный біографъ Державина не рѣшается безусловно обвинять Козодавлева, и дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Козодавлевъ во многихъ случаяхъ былъ полезенъ Державину, напримѣръ содѣйствовалъ успѣху при дворѣ оды Фелицѣ; но, послѣ многихъ лѣтъ взаимной пріязни, отношенія между ними измѣнились, и поэтъ въ своихъ запискахъ представляетъ Козодавлева человѣкомъ безхарактернымъ и малодушнымъ, готовымъ отвернуться отъ друга при первой перемѣнѣ обстоятельствъ. Можетъ быть это было отчасти и справедливо, но мы знаемъ также, что когда Державинъ былъ тамбовскимъ губернаторомъ, то Козодавлевъ не одобрялъ его образа дѣйствій; знаемъ, что Державинъ, желая угодить княгинѣ Дашковой, отвергъ рекомендованнаго ему Козодавлевымъ Грибовскаго, что слѣдовательно могли быть и другія причины охлажденія между пріятелями, и такимъ образомъ вина въ ихъ разладѣ не должна быть слагаема на одного Козодавлева»[78]).

Въ запискахъ Вигеля разсѣяно немало свѣдѣній о Козодавлевѣ. Вигель былъ человѣкъ «ядовитаго свойства», и съ особенною охотою подмѣчалъ и описывалъ темныя стороны нравовъ и дѣйствій своихъ современниковъ. Иронически отзывается онъ о супружескомъ счастьѣ Козодавлевыхъ. Осипъ Петровичъ и жена его Анна Петровна представляли собою двѣ плоти, соединенныя въ одну: на долю мужа достались кожа да кости, на долю жены — мясо и жиръ. Оба супруга отличались одинаковымъ безобразіемъ, впрочемъ довольно сноснымъ и отчасти даже «пріятнымъ!» Во всю жизнь свою нѣжные супруги не разлучались между собою ни на одни сутки, и если бы Козодавлевъ служилъ въ военной службѣ, то жена его навѣрное участвовала бы въ сраженіяхъ. Если вѣрить Вигелю, Козодавлевъ не прочь былъ

и пожить на чужой счетъ: пріѣхавши въ губернскій городъ въ качествѣ сенатора-ревизора, Козодавлевъ просилъ губернатора доставлять ему съѣстные припасы и вести имъ точный счетъ, а вина къ сенаторскому обѣду брались у отца Вигеля, которому обѣщано прислать цѣлый транспортъ винъ изъ Петербурга. Вигель лукаво умалчиваетъ о томъ, произведена ли уплата по счету, и пришелъ ли транспортъ съ винами, но чтобы не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи, замѣчаетъ, что подобная «неделикатность» со стороны Козодавлева, человѣка очень образованнаго и богатаго, объясняется дурными обычаями тогдашнихъ временъ. Въ обвиненіяхъ своихъ Вигель идетъ еще далѣе, набрасывая тѣнь на всѣ дѣйствія, на весь нравственный обликъ изображаемаго имъ человѣка. Онъ говоритъ [79]):

«Не знаю, подъ какими предлогами князя Куракина цѣлое лѣто держали въ Парижѣ. Во время его отсутстія происходили всѣ большія перемѣны въ его министерствѣ съ согласія и, говорятъ, съ участіемъ товарища его Козодавлева, которому въ награду за покорность обѣщано было его мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Козодавлевъ согласился бы управлять и отдѣленіемъ, еслибъ только оному было дано названіе министерства. По возвращеніи осенью, найдя министерство свое разсѣченнымъ, оборваннымъ, Куракинъ, не смотря на любовь свою къ власти и почестямъ, отказался отъ него, какъ товарищъ его сіе предусмотрѣлъ, и сей послѣдній получилъ его мѣсто. Приверженцы Куракина облагодѣтельствованнаго имъ преемника его обвиняли въ предательствѣ; но кто же себѣ добра не желаетъ?

Кажется, я уже познакомилъ читателя съ Осипомъ Петровичемъ: только боюсь, неумышленно не далъ ли я объ немъ худаго ему мнѣнія, котораго, право, я самъ вовсе не имѣлъ. Не все хорошо въ людяхъ, не все и худо. Слабость, которую раздѣлялъ онъ съ большею частію людей, занимающихъ въ Петербургѣ высшія мѣста, конечно, являлась въ немъ нѣсколько въ преувелученномъ видѣ: онъ любилъ дворъ до обожанія, и для по-

лученія милости царя или даже хорошаго расположенія его приближенныхъ, готовъ онъ все былъ сдѣлать. Знакомые его могли на немъ, какъ на барометрѣ, справляться о состояніи придворной атмосферы. Готовыя мнѣнія получалъ онъ прямо изъ дворца или изъ кабинета Сперанскаго, и никакихъ другихъ себѣ не позволялъ. Я помню сначала, какъ онъ съ женой не произносили никогда имени Наполеона безъ почтительнаго восклицанія. Нѣкоторое время, гораздо позже и то недолго, либеральныя идеи были въ модѣ при дворѣ: изъ раболѣпнаго подражанія находилъ онъ тогда холопскія чувства въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова. Что это все доказываетъ, если не вѣрноподданичество, которое съ нынѣшними испорченными понятіями только можетъ казаться страннымъ. Корыстолюбіе его, впрочемъ весьма умѣренное, никто не думалъ порицать: всякій зналъ, что онъ предается ему не съ намѣреніемъ обогатиться, не изъ алчности къ прибыли, а для поддержанія высокаго сана, на который онъ былъ поставленъ. Еслибъ императоръ Александръ былъ пощедрѣе къ своимъ министрамъ, то изъ нихъ нѣкоторымъ не нужно бы было прибѣгать къ средствамъ, несовсѣмъ одобряемымъ строгою нравственностію.

Козодавлевъ былъ литераторъ и членъ россійской академіи. Ему нужно было щегольнуть словесностію въ министерствѣ своемъ: для того учредилъ онъ при немъ газету подъ именемъ Сѣверной Почты, и самъ наблюдалъ за ея изданіемъ. Весьма мало заграничныхъ извѣстій помѣщалось въ сей газетѣ, все изъ опасенія, чтобы не провраться. За то всѣ столбцы ея наполнялись статьями о свекловицѣ, о кунжутѣ и о средствахъ ихъ сихъ растеній выдѣлывать сахаръ и масло. Послѣ того начали появляться въ ней мериносы, шерсть и суконныя фабрики: впослѣдствіи увеличили его министерство присоединеніемъ къ нему мануфактуръ-коллегіи, названной департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли. Запретительная система была тогда во всей своей силѣ, и онъ старался доказывать, сколь выгодно произведенія иностранной промышленности замѣнять отечественными. . .

Безъ всякаго притворства былъ онъ исполненъ религіозныхъ чувствъ; послѣ, конечно, это пригодилось ему, но онъ показывалъ набожность, когда она еще не была въ модѣ. Какъ было разгадать его? Онъ былъ уменъ, просвѣщенъ, добръ, христолюбивъ, а совсѣмъ тѣмъ... Можетъ быть, добротою сердца своего измѣряя пучину благости Господней, онъ болѣе надѣялся на милосердіе Его, чѣмъ на правосудіе. Со мною продолжалъ онъ быть ласковъ, когда сдѣлался министромъ; но, по наговору окружающихъ, почитая меня человѣкомъ неуживчивымъ, вѣчно недовольнымъ, слышать не хотѣлъ, чтобы имѣть меня подъ своимъ начальствомъ».

Во всемъ, что вылилось изъ-подъ желчнаго пера Вигеля, много преувеличеннаго, хотя безъ сомнѣнія есть и своя доля правды; но ко всему примѣшиваются личные счеты, подрывающіе довѣріе къ повѣствователю. Онъ обвиняетъ Козодавлева между прочимъ и за то, что онъ не далъ ему мѣста въ своемъ министерствѣ, какъ человѣку, который ни съ кѣмъ не могъ ужиться, и постоянно былъ всѣми недоволенъ. Но стоитъ только прочитать двѣ, три страницы въ запискахъ Вигеля, чтобы понять, на какомъ основаніи сложился подобный взглядъ на автора у Козодавлева и его окружающихъ.

Свѣдѣнія, черпаемыя изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, показываютъ, что Козодавлевъ не злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ, и не пользовался для своего обогащенія какими-либо предосудительными средствами. Въ его распоряженіи находились большія казенныя суммы, въ его главномъ завѣдываніи были фабрики и мануфактуры, и онъ ревностно старался о правильномъ употребленіи суммъ, и не желалъ принимать обычныхъ въ тѣ времена приношеній и подарковъ. Одинъ изъ московскихъ фабрикантовъ, зная до какой степени Козодавлевъ дорожитъ русскими издѣліями, прислалъ ему нѣсколько аршинъ вновь выдѣланнаго левантину. Козодавлевъ пишетъ по этому поводу: «Сей левантинъ былъ бы мнѣ весьма пріятенъ, если бы онъ доставленъ мнѣ былъ не въ видѣ подарка, а взяты были съ меня деньги,

ибо сіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть мнѣ пріятно, и несовмѣстно съ моими правилами» [80]).

При переѣздѣ своемъ въ министерскій домъ, Козодавлевъ хотя и получилъ «на разныя поправки и снабженіе нѣкоторыми мебелями» десять тысячъ рублей изъ почтовыхъ суммъ, оставшихся отъ прежнихъ лѣтъ, но увѣдомилъ министра финансовъ, что ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ изъ означенныхъ предѣловъ, т. е., другими словами, не будетъ просить о прибавкѣ. Одною изъ первыхъ заботъ Козодавлева, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, было сокращеніе расходовъ, и должно быть оно показалось весьма непріятною новостью для лицъ, занимавшихъ высокія и теплыя мѣста. Началась весьма любопытная переписка, рисующая тогдашніе нравы и понятія. Козодавлевъ настойчиво проводитъ ту мысль, что сокращеніе расходовъ должно начаться съ высшихъ степеней служебной іерархіи, которыя должны служить примѣромъ безкорыстія и честности для низшихъ. Цѣлый годъ уже управляю я министерствомъ,—пишетъ Козодавлевъ—и замѣчаю, что въ почтовомъ вѣдомствѣ расходы на дрова и канцелярскія принадлежности далеко превосходятъ норму, и крайне обременительны для казны вообще: поэтому ихъ необходимо ограничить. Обращаясь къ «первому лицу въ почтовомъ управленіи», Козодавлевъ говоритъ: «Въ томъ самомъ домѣ, гдѣ я живу, при соблюденіи нѣкоторой бережливости, вышло въ мартѣ, который былъ холоднѣе февраля, дровъ въ половину противъ обыкновеннаго, и тридцатью саженями даже меньше, нежели въ примѣрномъ расписаніи опредѣлено было. Посему обязываюсь я покорнѣйше просить васъ содѣйствовать мнѣ въ соблюденіи казеннаго интереса и показать своимъ подчиненнымъ какъ *собственнымъ похвальнымъ примѣромъ*, такъ и строгимъ наблюденіемъ за ними, что цѣли, предполагаемой въ соблюденіи экономіи, достичь нетрудно... Я знаю, сколько можетъ сдѣлать вліянія надъ подчиненными *примѣръ начальника и явная наклонность его къ достиженію какой-либо цѣли»* и т. д.

Требовательный въ отношеніи расходовъ на удобства пер-

выхъ лицъ въ разныхъ управленіяхъ, Козодавлевъ являлся ходатаемъ за тружениковъ, занимавшихъ самыя скромныя мѣста въ служебномъ мірѣ. Благодаря участію Козодавлева, одному изъ такихъ тружениковъ къ получаемому имъ пансіону по *сорока* рублей въ годъ *прибавлено* еще *сто* рублей въ годъ, и т. п. [81]).

Возвращаясь къ Вигелю и его запискамъ, замѣтимъ, что чѣмъ строже, чѣмъ безпощаднѣе его приговоры, чѣмъ болѣе расположенъ онъ видѣть во всемъ дурную сторону, тѣмъ сильнѣе и убѣдительнѣе свидѣтельство его о тѣхъ свѣтлыхъ чертахъ, которыя не ускользнули отъ его наблюдательности. Мы привели уже слова Вигеля, что Козодавлевъ былъ *уменъ*, просвѣщенъ, добръ. Державинъ говоритъ также, что Козодавлевъ обладалъ *блистательнымъ умомъ.* [82]). Представивъ характеристику Козодавлева, какъ человѣка, Вигель счелъ дѣломъ совѣсти прибавить: «Я не скрылъ его недостатковъ; послѣ того грѣшно было бы умолчать о его любезныхъ, въ столичномъ мірѣ рѣдкихъ свойствахъ. Онъ былъ поистинѣ добрѣйшій человѣкъ; *не зналъ ни злобы, ни зависти; надобно было видѣть его радость, когда узнавалъ онъ о чьемъ-либо повышеніи, о чьихъ-либо успѣхахъ. Когда же* самому *ему удавалось* выпрашивать награды, *спасать кого отъ бѣды, то онъ совершенно былъ счастливъ».*

Такой отзывъ въ устахъ неумолимаго обличителя пріобрѣтаетъ двойную цѣну и неоспоримое значеніе. И сказанное Вигелемъ относится не къ одному какому-либо случаю, а къ цѣлому ряду дѣйствій, къ основнымъ чертамъ души Козодавлева, которыя оставались неизмѣнными втеченіе всей его жизни, несмотря на всѣ превратности и колебанія въ окружавшей и поглощавшей его общественной средѣ.

IX.

Кругъ общественной дѣятельности Козодавлева постепенно расширялся, принося ему новыя заботы, и требуя отъ него новыхъ трудовъ. Что̀ бы ни говорили нѣкоторые изъ современни-

ковъ, и отчасти можетъ-быть соперниковъ, Козодавлева, факты показываютъ, что онъ не гонялся за мѣстами въ ущербъ дѣйствительной пользѣ дѣла, и если брался за какое-либо дѣло, то работалъ усердно и добросовѣстно. Какъ ни заманчива для многихъ придворная служба и возможность чаще появляться при дворѣ съ докладами, Козодавлевъ отклонялъ отъ себя эту честь, когда она сопряжена была съ упущеніемъ по другимъ, возложеннымъ на него, обязанностямъ. Около пяти лѣтъ онъ былъ почетнымъ опекуномъ, и умѣлъ заслужить особенное вниманіе императрицы Маріи Ѳедоровны. Но какъ только послѣдовало назначеніе его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ сейчасъ же просилъ уволить его отъ службы по опекунскому совѣту. Должность товарища министра Козодавлевъ получилъ отчасти при содѣйствіи имератрицы Маріи Ѳедоровны. Въ письмѣ своемъ къ Вилламову онъ говоритъ, что принесеніе благодарности императрицѣ основано «сверхъ вѣрноподданической обязанности и на томъ сладостномъ удостовѣреніи, что *я обязанъ настоящимъ счастіемъ моимъ* всемилостивѣйшимъ *отзывамъ обо мнѣ ея императорскаго величества, обратившимъ на меня довѣренность государя императора»* [83]). Но само собою разумѣется, что слова Козодавлева нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ. Расположеніе къ нему императора Александра I высказалось гораздо ранѣе, и легко объясняется какъ личными взглядами государя, такъ и настоятельною потребностью въ людяхъ, способныхъ повести дѣло преобразованія.

Жажда преобразованій достигла тогда самыхъ крайнихъ предѣловъ. Люди, окружавшіе государя, горячо доказывали, что необходимо во что бы то ни стало покончить съ старыми порядками и замѣнить ихъ новыми. Къ какимъ-бы послѣдствіямъ ни привела эта ломка и перестройка, жалѣть о прошломъ все-таки не будетъ поводовъ. Въ откровенномъ письмѣ къ Сперанскому графъ Викторъ Павловичъ Кочубей говоритъ: «можно, думаю, смѣло согласиться, что не можетъ уже ничего быть хуже того, что̀ есть». Порывистому, неудержимому стремленію къ чему-то

новому и лучшему надо было дать реальную основу. Для выхода изъ невыносимаго настоящаго недостаточно однихъ надеждъ на будущее, болѣе или менѣе сомнительное, а необходимо было искать опоры въ извѣстномъ уже прошедшемъ. Въ поискахъ своихъ новые люди обратились прежде всего ко временамъ Екатерины, которыя казались тогда тѣмъ свѣтлѣе, что вслѣдъ за ними наступилъ уже рѣшительный мракъ. Вступая на престолъ, императоръ Александръ I объявилъ, что онъ не только намѣренъ, но и считаетъ своею царственною обязанностію дѣйствовать по законамъ Екатерины II и по ея сердцу, т. е. по тѣмъ началамъ, которыя легли въ основу ея законодательства. Гдѣ же всего надежнѣе было выбирать сотрудниковъ, какъ не въ средѣ людей, жившихъ и дѣйствовавшихъ во времена Екатерины, но еще находившихся въ полномъ цвѣтѣ силъ, и неутратившихъ вѣры въ будущее. Козодавлевъ превосходно изучилъ на практикѣ законы Екатерины, и искренно сочувствовалъ ихъ духу. По своему воспитанію, по своей общественной дѣятельности, онъ принадлежалъ вѣку Екатерины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также искренно сочувствовалъ требованіямъ новаго порядка вещей, и сознавалъ его необходимость. Въ лицѣ Козодавлева соединялся просвѣщенный европеецъ, разумно усвоившій себѣ идеи свободы и равноправности, выработанныя наукою и цивилизаціею, и русскій человѣкъ, извѣдавшій на опытѣ безобразіе крѣпостнаго права и тогдашнихъ административныхъ порядковъ, и готовый потрудиться, и словомъ и дѣломъ, для освобожденія крестьянъ и для преобразованія администраціи. Такой сотрудникъ былъ необходимъ для царя-преобразователя, и Александръ I не имѣлъ повода раскаиваться въ своемъ выборѣ, отдавая всегда должную справедливость трудамъ и заслугамъ своего избранника. На это есть немало доказательствъ. Козодавлевъ до конца жизни своей оставался министромъ внутреннихъ дѣлъ; ему ввѣряемо было, временно, управленіе министерствомъ юстиціи и министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта при самомъ его учрежденіи, и т. д.

Въ рескриптѣ своемъ Козодавлеву, бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, императоръ Александръ I говоритъ: «На время отсутствія изъ Петербурга князя Голицына, поручаю вамъ исправленіе должности его, какъ по главному управленію духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, такъ и по министерству народнаго просвѣщенія, такимъ образомъ, чтобъ дѣла продолжали имѣть безостановочное теченіе. Впрочемъ вы будете съ нимъ сноситься во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужны окажутся какія новыя постановленія, для общихъ соображеній объ оныхъ. *По извѣстному мнѣ усердію вашему къ службѣ и къ пользѣ общей*, я увѣренъ, что вы, при прочихъ занятіяхъ вашихъ, совершите и сіе временное порученіе къ моему удовольствію» [84]).

Учрежденіе государственнаго совѣта было однимъ изъ самыхъ крупныхъ событій своего времени, и потому вызывало въ тогдашнемъ обществѣ разнаго рода толки, догадки и недоумѣнія. Многихъ смущала мысль, что такъ называемыя «свободныя начала» не поведутъ къ добру: боялись наплыва либеральныхъ идей, источникомъ которыхъ все еще, по старой памяти, считали Францію. Сподвижники Александра I старались разсѣять ложный страхъ, указывая на тò, что пора свободы давно уже миновала для Франціи, окончательно порабощенной Наполеономъ. Успокаивая встревоженные умы, графъ Кочубей писалъ: «Въ прежнія времена, когда революція французская всѣ перемѣны страшными представляла, ибо съ ними сопрягаемы всегда были мысли вольности и пр., всякое новое установленіе вводимо быть долженствовало у насъ съ самою большою осторожностію. Но нынѣ, когда императоръ Наполеонъ и Франціею и другими государствами деспотически управляетъ, никто упрекнуть государя не можетъ, чтобъ онъ, образуя свой совѣтъ нѣсколько на подобіе французскаго, имѣлъ тѣ правила, коими его обвиняли» и т. д.

Императоръ Александръ I возлагалъ большія надежды на государственный совѣтъ, и съ особеннымъ вниманіемъ выбиралъ его членовъ, которымъ ввѣрялось обсужденіе важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. До какой степени государь вникалъ

во всѣ подробности, можно видѣть изъ уцѣлѣвшихъ въ архивѣ собственноручныхъ его замѣтокъ, набросокъ и чертежей. Государь самъ назначилъ мѣсто въ собраніяхъ государственнаго совѣта для каждаго изъ его членовъ. Мѣста, которыя въ настоящее время занимаютъ предсѣдатели департаментовъ государственнаго совѣта и предсѣдатель комитета министровъ, назначены были государемъ для шести членовъ государственнаго совѣта, а именно: Мордвинова, графа Завадовскаго, князя Лопухина, Аракчеева, *Козодавлева* и Балашова.

Высочайшимъ указомъ 19 декабря 1808 года сенатору Козодавлеву повелѣно быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, «отдѣляя къ занятію его» главное почтовое управленіе и двѣ экспедиціи департамента внутреннихъ дѣлъ, именно: экспедицію государственнаго благоустройства и экспедицію государственной медицинской управы [85]).

Будучи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ участвовалъ въ различныхъ комиссіяхъ и комитетахъ, учреждаемыхъ по предметамъ особенно важнымъ и требующимъ коллегіальнаго обсужденія. Козодавлевъ былъ назначенъ и членомъ такъ называемаго еврейскаго комитета, имѣющаго неоспоримое значеніе въ ряду тѣхъ мѣръ, которыя принимались для устройства нормальнаго отношенія евреевъ къ мѣстному населенію. Много времени и труда потрачено Козодавлевымъ и другими государственными людьми при разсмотрѣніи нескончаемаго дѣла о евреяхъ, поселившихся въ Россіи, преимущественно въ ея западномъ краю.

Рѣшеніе еврейскаго вопроса представляло трудности неодолимыя. Судьба и люди словно сговорились для того, чтобы создать отношенія просто невозможныя. Въ крестьянскихъ массахъ, среди которыхъ поселились евреи въ подавляющемъ количествѣ, велась упорная борьба за существованіе. Всѣ невыгоды этой неровной борьбы тяготѣли надъ крестьянами. Долго и на-

прасно ожидали они избавителя: ни администрація, ни помѣщики не только не шли на помощь изнемогающимъ, а напротивъ того, становились иногда на сторону ихъ противниковъ. Правительству предстояла задача почти неразрѣшимая. Люди, желавшіе доискаться истины, встрѣчали на каждомъ шагу препятствія и затрудненія, запутываясь въ сбивчивыхъ показаніяхъ заинтересованныхъ сторонъ. Помѣщики обвиняли евреевъ въ непомѣрномъ корыстолюбіи и въ рѣшительномъ нежеланіи заниматься какимъ-либо полезнымъ трудомъ. Евреи, въ свою очередь, обвиняли помѣщиковъ въ разнаго рода несправедливостяхъ, притѣсненіяхъ и поборахъ. Только въ одномъ сходились враждующія стороны—въ равнодушіи и презрѣніи къ судьбѣ крестьянъ, находившихся такимъ образомъ подъ двойнымъ гнетомъ. Евреи выдавали себя за истинныхъ благодѣтелей крестьянъ, и для довершенія благодѣянія добивались для себя права покупать крестьянъ и отдавать ихъ на откупъ! По отзыву польскихъ помѣщиковъ, крестьяне даже и «не могутъ быть въ хорошемъ состояніи: *простолюдство ихъ есть причиною неспособности* къ заведенію порядочнаго хозяйства», и т. д.

Еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія получены, изъ мѣстныхъ источниковъ такого рода свѣдѣнія: «Евреи — народъ хотя и трезвый, но лѣнивый, обманчивый, сонливый, суевѣрный, къ нечистотѣ пріобыкшій. Живутъ обманомъ и трудами крестьянскими. Должны всѣмъ, у кого только занять можно было, а напослѣдокъ умышленно дѣлаются банкрутами. Сей народъ хитрымъ и ласкательнымъ вымысломъ входитъ въ милость и покровительство у знатнѣйшихъ здѣшняго мѣста жителей. Евреямъ дана вольность всякіе продавать напитки; гдѣ кабаковъ не имѣется, то ѣздя по деревнямъ шинкуютъ. Мѣшаютъ въ вино разныя травы, дабы тѣмъ въ безпамятство и пьянство привесть крестьянъ, покупающихъ у нихъ вино. Приведя въ такое состояніе крестьянина, всѣ деньги у него оберутъ, а сверхъ того и долгу напишетъ, сколько похочетъ, что̀ послѣ съ крестьянина конечно и сыщетъ, какъ деньгами, такъ и хлѣбомъ... Въ нынѣшнемъ не-

урожайномъ году взялъ крестьянинъ у жида на рубль соли; за то̀, что жидъ будетъ ждать до осени, принужденъ крестьянинъ дать ему проценту: конопли два четверика, овса тожъ число, или какого похочетъ хлѣба, что̀ и будетъ семьдесятъ копеекъ — проценты съ одного рубля за пять мѣсяцевъ, несчитая подарку куръ, и яицъ, и прочаго домашняго... Однимъ словомъ, имъ всѣ способы къ ихъ пропитанію, а къ изнищенію крестьянъ, доставлены...»

Въ 1802 году учрежденъ комитетъ о благоустроеніи евреевъ. Членами комитета назначены: графъ Зубовъ, графъ Кочубей, Державинъ, князь Чарторижскій и графъ Потоцкій. При обсужденіи дѣла имѣлись въ виду и мѣстныя условія различныхъ краевъ Россіи, и положеніе евреевъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, и дѣла, производившіяся въ сенатѣ, и мнѣнія различныхъ лицъ, доставленныя въ комитетъ. Вызваны были и депутаты отъ еврейскихъ обществъ. Сверхъ того, положеніе комитета разослано мѣстнымъ кагаламъ для разсмотрѣнія.

Кагалы высказались въ такомъ родѣ. Мелочная продажа вина приноситъ сколько же пользы евреямъ, сколько самимъ помѣщикамъ и ихъ крестьянамъ. Черезъ посредство евреевъ, и однихъ только евреевъ, производятся подряды и поставки въ казенныя мѣста, и сбываются продукты поселянъ, которые притомъ, въ случаѣ нужды, получали и получаютъ помощь отъ евреевъ. Большая часть евреевъ поселились на помѣщичьихъ земляхъ по настоянію самихъ помѣщиковъ, которымъ евреи доставляютъ большія выгоды, и не смотря на то помѣщики отягощаютъ и изнуряютъ евреевъ непомѣрными поборами. Въ заключеніе, евреи выражаютъ надежду, что имъ «позволено будетъ покупать земли *съ деревнями*, брать ихъ въ аренду и на откупъ». Въ числѣ «общихъ или однообразныхъ кагаловъ разсужденій» десятая статья озаглавлена: «*О предоставленіи права евреямъ покупать земли съ крестьянами*».

Сообразивъ всѣ обстоятельства, комитетъ пришелъ къ тому выводу, что укоризны, дѣлаемыя евреямъ за ихъ промыслы и способъ обогащенія, вполнѣ справедливы. Во всѣхъ дѣлахъ

и свѣдѣніяхъ, поступавшихъ въ комитетъ, находятся слѣды еврейскихъ злоупотребленій. По словамъ мѣстныхъ знатоковъ края, содержаніе арендъ и торгъ виномъ, производимый евреями, есть зло, истощающее силы народа, съѣдающее всѣ плоды трудовъ его, и самое жестокое орудіе корыстолюбія, угнетенія и бѣдствія.

Положеніе комитета хотя и было (9 декабря 1804 года) утверждено государемъ; но въ дѣйствительности оставалось закономъ только на бумагѣ. Существенное постановленіе комитета— о переселеніи евреевъ—не приводилось въ исполненіе: никто изъ евреевъ не трогался съ мѣста. Чтобы вполнѣ выяснить условія переселенія, и окончательно разобраться въ массѣ матеріаловъ и вопросовъ по дѣлу о евреяхъ, учрежденъ былъ, въ декабрѣ 1808 года, новый комитетъ, членомъ котораго назначенъ и Козодавлевъ, передававшій сочленамъ приказанія государя [86]). Предсѣдателемъ комитета быдъ Поповъ, членами комитета были: Алексѣевъ, Козодавлевъ, Корнѣевъ и Дружининъ. Подписи этихъ пяти лицъ находятся и на докладѣ, представленномъ государю 17 марта 1812 года.

Проэкту комитета, въ которомъ участвовалъ Козодавлевъ, не суждено было получить силу закона, хотя бы и на бумагѣ. Тѣмъ не менѣе проэктъ этотъ, заключающій въ себѣ много извлеченій изъ предшествовавшихъ работъ, знакомитъ съ общимъ ходомъ дѣла, и представляетъ въ цѣломъ весьма любопытную картину. Онъ показываетъ съ достаточною ясностью, какими началами руководствовались наши государственные люди при обсужденіи вопросовъ, имѣвшихъ самое прямое, непосредственное отношеніе къ народной жизни. Для насъ онъ интересенъ еще и потому, что въ немъ принималъ участіе, и едва ли не главное, Козодавлевъ, а въ предлагаемомъ обзорѣ общественной дѣятельности Козодавлева, мы постоянно имѣемъ въ виду не одну только личность его, но также и его время. Окончательнымъ результатомъ работъ новаго еврейскаго комитета, съ 1808 по 1812 годъ, былъ представленный государю, 17 марта 1812 года, докладъ слѣдующаго содержанія [87]):

— «Именнымъ высочайшимъ указомъ, въ 5-й день генваря 1809 г. на имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова даннымъ, вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть:

1) Разсмотрѣть въ совокупности всѣ встрѣтившіяся препятствія и затрудненія въ переселеніи евреевъ.

2) Изслѣдовать вытребованныя въ разныя времена отъ депутатовъ еврейскихъ обществъ мнѣнія о поправленіи ихъ участи, и

3) Изыскать мѣры, посредствомъ коихъ евреи, бывъ удалены отъ единственнаго промысла ихъ — продажи вина по селамъ, деревнямъ, постоялымъ дворамъ и шинкамъ, могли бы доставлять себѣ пропитаніе работою.

Приступивъ къ исполненію сей высочайшей воли, комитетъ прежде всего долгомъ счелъ обратиться къ тѣмъ началамъ, на коихъ было основано положеніе 1804 года, декабря 9-го дня.

Начала сіи, какъ изъясняется во всеподданнѣйшемъ докладѣ, при коемъ поднесено было положеніе 1804 г. на высочайшее вашего императорскаго величества утвержденіе, состояли въ слѣдующемъ:

«1) Извлечь евреевъ сколь можно изъ настоящаго унизительнаго ихъ состоянія, представя имъ способы и нравственную необходимость обратиться къ трудолюбію, снискивать себѣ пропитаніе способами честными и безвредными.

«2) Привести въ надлежащіе предѣлы особенное внутреннее ихъ управленіе, и соединить ихъ пользы подъ одно управленіе, всѣмъ подданнымъ общее.

«3) Открыть имъ всѣ способы къ просвѣщенію, представя имъ всѣ нужныя къ тому ободренія и надежды, и положивъ для нихъ необходимостію употреблять общій языкъ.

«4) Пресѣченіемъ мелкихъ злоупотребительныхъ промысловъ и ободреніемъ въ общеполезныхъ упражненіяхъ привлечь ихъ сколь можно къ земледѣлію, фабрикамъ, ремесламъ и общежительности».

При опредѣленіи свойства существа тѣхъ средствъ, коими предполагалось привести постепенно начала сіи въ дѣйствіе, комитетъ, въ журналѣ своемъ 1803 года сентября 20 дня, разсуждалъ,

«Что преобразованія, производимыя властію правительства, «вообще не прочны, и особенно въ тѣхъ случаяхъ малонадежны, «когда власть сія должна бороться съ столѣтними навыками, съ «закоренѣлыми заблужденіями, съ суевѣріемъ неумолимымъ; «что посему лучше и надежнѣе вести евреевъ къ совершенству, «отворяя только пути къ собственной ихъ пользѣ, надзирая изда-«лека за движеніемъ ихъ, и удаляя все, что̀ съ дороги сей со-«вратить ихъ можетъ, не употребляя впрочемъ никакой власти, «не назначая никакихъ особенныхъ заведеній, не дѣйствуя вмѣ-«сто ихъ, но раскрывая только собственную ихъ дѣятельность. «Сколь можно менѣе запрещенія, сколь можно болѣе свободы, «вотъ (изъяснялъ комитетъ) простыя стихї̈я всякаго устройства «въ обществѣ!»

«Въ исчисленіи вѣроятностей, опредѣляющихъ дѣйствіе че-«ловѣка, первымъ основаніемъ (изъяснялъ комитетъ) должно «всегда полагать частный прибытокъ—сіе внутреннее начало, ни-«гдѣ и никогда непрестающее, и отъ всѣхъ законовъ ускользаю-«щее, когда сіи законы для него стѣснительны. Что правитель-«ства, кои въ учрежденіяхъ политическихъ забывали или прене-«брегали сію истину, нерѣдко принуждены бывали послѣ вели-«кихъ издержекъ оставлять свои предпріятія. Что можно бы бы-«ло представить множество примѣровъ безплодныхъ въ семъ ро-«дѣ попытокъ: въ торговлѣ, въ ународованіи, въ просвѣщеніи, «вездѣ, гдѣ правительства мнили приказывать, вездѣ являлись «одни только призраки успѣховъ, кои, подержась нѣсколько вре-«мени на воздухѣ, исчезали вмѣстѣ съ началами, ихъ родившими.

«Что напротивъ во всѣхъ учрежденіяхъ, кои заводились не-«чувствительно, образовались частнымъ прибыткомъ, поддержи-«вались свободою, и были только покровительствуемы правитель-«ствомъ, была видима внутренняя сила, ихъ утверждающая, су-

«ществовало непоколебимое основаніе, временемъ и личною поль-«зою положенное».

«Всѣ сіи уваженія (изъяснялъ комитетъ) заставляютъ и въ «образованіи евреевъ предпочесть средства тихаго ободренія, «возбужденія собственной ихъ дѣятельности и пресѣченія толь-«ко тѣхъ препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ прави-«тельства, и сами собою пресѣчься не могутъ».

Соотвѣтственно симъ началамъ, по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, разосланы министромъ внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ губернскимъ начальствамъ циркулярныя отношенія, въ коихъ между прочимъ изъяснялось слѣдующее:

«При учрежденіи комитета о евреяхъ никакъ не было въ на-«мѣреніи стѣснять ихъ состояніе или умалить существенныя ихъ «выгоды; напротивъ того предполагается имъ лучшее устрой-«ство и спокойствіе, а потому оставались бы они въ твердой увѣ-«ренности къ правительству, пользу ихъ назидающему».

Руководствуясь сими началами, высочайшаго вашего императорскаго величества утвержденія удостоенными, комитетъ приступилъ къ исполненію возложенной на него указомъ 1809 года, генваря 5 дня, обязанности, разсмотрѣніемъ:

1) Донесеній губернскихъ начальствъ о затрудненіяхъ и препятствіяхъ, встрѣченныхъ въ переселеніи евреевъ.

2) Прошеній повѣренныхъ отъ еврейскихъ обществъ почти всѣхъ губерній, частію поданныхъ на имя предсѣдательствующаго въ комитетѣ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Попова, а частію обращенныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ тайнымъ совѣтникомъ Козодавлевымъ къ разсмотрѣнію комитета,—о поспѣшнѣйшемъ разрѣшеніи ихъ участи и избавленіи отъ угрожающаго имъ совершеннаго разоренія, и

3) Вытребованныхъ въ разныя времена, по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, мнѣній отъ депутатовъ еврейскихъ обществъ о поправленіи участи еврейскаго народа и перемѣнахъ въ положеніи 1804 года.

А) *Относительно препятствій, встрѣченныхъ въ переселеніи евреевъ и недостатка средствъ къ приведенію въ исполненіе 34-й статьи положенія 1804 года.*

Существо представленій губернскихъ начальствъ по сему предмету ясно и съ достаточною подробностію изложено уже было въ запискѣ, докладываемой вашему императорскому величеству 1808 года, декабря 23 дня, бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, княземъ Куракинымъ. Ваше императорское величество, во уваженіе совершенной невозможности привести 34-ю статью положенія въ дѣйствіе, высочайшимъ указомъ 1809 года, декабря 29 дня, высочайше повелѣть изволили «дѣйствіе 34-й «статьи положенія 9 дня декабря 1804 года, равно какъ и указа 19 октября 1807 года, остановивъ, евреевъ до дальнѣйшаго «впредь повелѣнія оставить на ихъ жительствахъ по прежнему».

Причины, кои побудили ваше императорское величество къ изданію сего высочайшаго указа, представлены въ вышепомянутой запискѣ слѣдующимъ образомъ:

«1) Евреи могли бы быть частію переселяемы въ города и «мѣстечки; но великое число сихъ мѣстечекъ носятъ только одно «имя: въ иныхъ изъ нихъ нѣтъ ни промысловъ, ни торговъ, и «никакихъ другихъ къ пропитанію способовъ. Переселяющіеся «не могутъ найти въ нихъ никакого убѣжища, а тѣмъ менѣе могутъ по бѣдности сами себѣ выстроить домы.

«2) Нѣкоторые города, какъ-то Брестъ-Литовскъ, и мѣстечки, какъ-то Тепликъ и проч., совсѣмъ выгорѣли. Они были наиболѣе обитаемы евреями. Сіи, лишась домовъ, нетолько другимъ не могутъ дать пристанища, но и сами должны онаго «искать по деревнямъ. Тамъ имъ въ томъ отказывается, такъ «что и жившіе прежде по деревнямъ, и погорѣвшіе, принуждены «бродить и скитаться.

«3) Казенныхъ фабрикъ нѣтъ таковыхъ, гдѣ бы изъявившіе «желаніе быть ремесленниками, могли быть опредѣлены на работы. Правительство не могло еще сдѣлать о семъ никакого «особаго распорядка, и слѣдственно, по нуждѣ надлежало бы та-

«ковыхъ евреевъ оставить по деревнямъ, пока открыты будутъ «способы доставить работою имъ пропитаніе.

«4) Частныхъ подобныхъ заведеній равнымъ образомъ или «совсѣмъ въ иныхъ мѣстахъ не находится, или же въ столь ма-«ломъ числѣ и видѣ, что только развѣ нѣсколько евреевъ могли «бы въ нихъ найти пристанище.

«5) Переселеніе ихъ на помѣщичьи земли и потому еще не «можетъ имѣть мѣста, что каждому, если бы на то и рѣшился, «потребно время къ хозяйственному устроенію, что̀ въ столь «краткій срокъ не могло быть сдѣлано. Оттого многіе, хотя и «изъявили желаніе перейти на помѣщичьи земли, но бывъ изъ «селеній высланы, все еще будутъ скитаться, пока найдутъ гдѣ «пристать.

«6) Многіе изъ нихъ съ давняго времени имѣютъ контракты «съ помѣщиками, и находятся у нихъ въ услуженіи по корч-«мамъ, при перевозахъ и проч. Всѣ они, какъ не постоянно посе-«ленные, должны оставить свои жилища, — чѣмъ и контракты «нарушатся, и они останутся безъ пропитанія.

«7) Удовлетвореніе требованій изъявившихъ желаніе перей-«ти на казенныя земли не только потому неудобно, что казна «должна бы была сдѣлать весьма знатное для сего пожертвова-«ніе въ виду невѣрнаго еще успѣха; но и совсѣмъ невозможно. «Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреи жительствуютъ, нѣтъ почти со-«всѣмъ казенныхъ свободныхъ земель, какъ напр. въ гродиен-«ской считается не болѣе 200 десятинъ, между тѣмъ какъ тамъ «въ первый годъ нѣсколько сотъ семействъ изъявили желаніе «перейти на казенныя земли. Въ другихъ губерніяхъ они еще «опредѣлительно не могли быть назначены; впрочемъ во всякомъ «случаѣ переселеніе въ одинъ годъ отъ 10 до 15 тысячъ семей «совершенно невозможно, и одни обѣщанныя ссуды, сверхъ про-«чихъ при семъ затрудненій, потребовали бы знатныхъ капита-«ловъ. Такимъ образомъ всѣхъ евреевъ, таковое желаніе изъ-«явившихъ, по необходимости надлежало бы оставить въ настоя-«щихъ ихъ жительствахъ, пока они были бы постепенно пересе-

«ляемы на казенныя земли, — къ чему потребно нѣсколько де-«сятковъ лѣтъ по несоразмѣрному ихъ количеству.

«Вообще ни сами они не могутъ имѣть способовъ, оставивъ «нынѣшнія жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти «себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ «имъ подать никакого пособія. Надлежитъ присовокупить къ се-«му чрезмѣрную дороговизну во многихъ изъ тѣхъ губерній, гдѣ «они обитаютъ, двойныя подати, кои они притомъ платить обя-«заны, и другія исправляемыя ими повинности».

Причины, изложенныя дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Куракинымъ, суть почти всѣ тѣже, кои еще въ 1807 году, февраля 10, представлены были вашему императорскому величеству бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ, кои съ большою подробностію изъяснены въ журналѣ комитета, состоявшаго изъ министровъ: иностранныхъ дѣлъ, генерала Будберга; внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея; юстиціи, князя Лопухина, и изъ тайныхъ совѣтниковъ: князя Чарторыскаго, графа Потоцкаго, Новосильцова, графа Чацкаго, высочайшаго утвержденія удостоенномъ.

Въ запискѣ 1807 года, 10 февраля, высочайше утвержденной, министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ нужнымъ «дать отсрочку къ переселенію евреевъ изъ деревень въ города и мѣ-«стечки, *поставивъ вообще націю сію въ осторожность противъ «намѣреній французскаго правительства».* При семъ случаѣ онъ изъяснялъ между прочимъ, что «сомнѣнія въ томъ никакого быть «не можетъ, что правительство всѣми мѣрами должно удержи-«вать постановленія свои; но нельзя отрицать, чтобы оно не мог-«ло найтись въ необходимости отступить иногда отъ правила се-«го и проч.».

Въ высочайшемъ рескриптѣ дѣйствительному тайному совѣтнику Алексѣеву, отъ 15 февраля 1807 года, между прочимъ сказано: «Нельзя не принять во вниманіе краткость остающаго-«ся срока къ переселенію евреевъ, военныя обстоятельства, на-«стоящее положеніе пограничныхъ губерній, и разореніе, како-

«вое евреи понести должны, если силою понуждены будутъ къ «переселенію».

Въ журналѣ комитета 1807 года, 19 сентября, высочайше утвержденномъ, между прочимъ сказано, что «невозможно, по «всѣмъ достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, въ столь краткій срокъ пере-«селить изъ деревень всѣхъ евреевъ, число коихъ, по объясненію «графа Чацкаго, въ шинкахъ и корчмахъ въ осьми губерніяхъ, изъ «края отъ Польши присоединеннаго составленныхъ, можетъ про-«стираться до 60 тысячъ семействъ. Что по представленіямъ «отъ разныхъ начальниковъ губерній замѣчать должно, что та-«кое принужденное въ столь короткое время переселеніе неми-«нуемо подвергло бы людей сихъ совершенному разоренію. Что «какія бы ни были побужденія, евреевъ отъ переселенія удер-«жавшія, правительству все неменѣе должно взять въ уваженіе, «есть ли возможность такъ большое количество народа пересе-«лить въ столь краткое время, и при таковомъ крутомъ оборотѣ «не лишится ли множество людей всякаго пропитанія, а вмѣстѣ «съ симъ не произойдетъ ли тѣхъ неудобствъ, что города и мѣ-«стечки наполниться могутъ нищими, и люди сіи отъ бѣдности «могутъ пуститься на разные безпорядки и между прочимъ на «грабежи и разбои».

«Что война во все почти продолженіе трехъ лѣтъ отвлекала, «съ одной стороны, все вниманіе владѣльцевъ на удовлетвореніе «разныхъ воинскихъ потребностей, и не дозволяла имъ за-«ниматься какими-либо посторонними или даже и собственными по «хозяйству распоряженіями; а съ другой, и самихъ евреевъ, «сверхъ платежа двойныхъ податей, во всѣхъ повинностяхъ при «проходѣ войскъ, нарядѣ подводъ и проч., со всѣми другими обы-«вателями участвовать долженствовавшихъ, лишала возможности «устроить дѣла ихъ и приготовиться къ переселенію».

«Что наконецъ и правительство равнымъ образомъ не могло «въ сіе время ни учредить фабрикъ или какихъ-либо другихъ «заведеній, гдѣ бы переселенные евреи могли работою себѣ «снискивать пропитаніе, ни принять мѣръ къ водворенію всѣхъ

«тѣхъ, кои въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а особенно въ минской, «изъявили желаніе перейти въ новороссійскія губерніи и обра-«титься въ земледѣльческое состояніе, и проч.».

Тѣже самыя причины комитетъ встрѣчаетъ и нынѣ, и въ доказательство, что невозможность приведенія 34-й статьи въ дѣйствіе заключается не въ упорствѣ евреевъ или не въ послабленіи начальства, но въ естественномъ и политическомъ положеніи тѣхъ губерній, въ коихъ пребываніе евреевъ ограничено, комитетъ считаетъ нужнымъ обратиться къ тѣмъ происшествіямъ, кои содѣйствовали къ приведенію евреевъ въ теперешнее ихъ положеніе.

По испроверженіи іудейскаго царства, евреи, разсыпанные повсемѣстно, сдѣлались повсюду странниками. Ненависть враговъ сего злополучнаго народа не угасла съ пламенемъ, обратившимъ въ пепелъ храмъ іерусалимскій. Бывъ изгоняемы изъ одного государства въ другое, и даже изъ одного города въ другой, и не имѣвъ ни отечества, ни земель для своего гдѣ-либо окорененія, евреи, сей издревле просвѣщенный и благоустроенный народъ, не могъ уже ни предаться постоянно нравственному образованію дѣтей своихъ, ни избрать ни одного изъ тѣхъ состояній, кои всѣмъ прочимъ дозволены законными установленіями, и для сохраненія своего существованія долженъ былъ довольствоваться тѣмъ только, что̀ было предоставляемо ему коренными жителями. Всѣ вѣтви народной промышленности отсѣчены были его трудолюбію; мелочная торговля сдѣлалась единственнымъ его удѣломъ.

Евреи накопились наиболѣе въ тѣхъ государствахъ, въ коихъ было болѣе терпимости и свободы, какъ-то: въ Англіи, Голландіи, Германіи, Италіи, въ Турціи и особливо въ Польшѣ. Въ семъ послѣднемъ краю, гдѣ все почти купечество составлено изъ евреевъ, и гдѣ почти всѣ ремесла находятся въ рукахъ евреевъ же, торговля и ремесла сдѣлались недостаточными для доставленія всѣмъ вообще евреямъ прокормленія. Необходимость понудила пришельцевъ сихъ обратиться къ другимъ средствамъ. Помѣщики, воспользовавшись ихъ прибытіемъ, пригласили ихъ

на свои земли, и употребили орудіями хозяйственныхъ своихъ оборотовъ.

Внутреннія безпокойства, частые военные раздоры, набѣги татаръ, и прочія тому подобныя произшествія, были причиною, что польскіе помѣщики не имѣли ни удобности, ни времени, заняться устроеніемъ прочнаго хозяйства, и принуждены были прибѣгнуть къ разнымъ легчайшимъ побочнымъ оборотамъ, какъ наприм. къ винокуренію, отдачѣ помѣстьевъ на аренды и проч. Хотя впослѣдствіи польское хозяйство приведено нѣсколько въ лучшее состояніе, однакоже несмотря на то, винокуреніе и арендное управленіе остались главнѣйшими отраслями помѣщичьихъ доходовъ. Такимъ образомъ евреи, сдѣлавшись необходимыми для помѣщиковъ, по собственному согласію ихъ заселили большую часть помѣстій, и бывъ во все время польскаго правленія лишены права пріобрѣтать покупкою земли, нашлись принужденными изъ угожденія помѣщикамъ, на земляхъ коихъ они были поселены, предаться исключительно продажѣ вина.

Въ семъ положеніи польскіе евреи перешли подъ россійскую державу.

Въ плакатѣ 1772-го года, по случаю присоединенія бѣлорусскаго края къ Россіи, сказано:

«Чрез торжественное выше сего обнадеженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ иму-«ществахъ цѣлости, само собою разумѣется, что и еврейскія об-«щества, жительствующія въ присоединенныхъ къ имперіи рос-«сійской городахъ и земляхъ, будутъ оставлены и сохранены при «всѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и иму-«ществъ своихъ пользуются, ибо человѣколюбіе ея император-«скаго величества не позволяетъ ихъ однихъ исключить изъ об-«щей всѣмъ милости и будущаго благосостоянія подъ благосло-«венною ея державою».

Въ опредѣленіи правительствующаго сената, 1786 года, на основаніи высочайшаго указа марта 10-го дня 1785 года, постановлено въ пунктахъ:

4-мъ, «На прежніе польскіе законы о различіи евреевъ противу «христіанъ не относиться, поелику они, войдя, по запискѣ своей «въ купечество и мѣщанство, въ равное съ прочими состояніе, «платятъ въ казну равныя подати, и сносятъ всѣ, наравнѣ съ «другими, тягости.

6-мъ, «Чтобы сдѣланное запрещеніе помѣщикамъ отдавать въ «деревняхъ винокуреніе и корчмы евреямъ на откупъ, яко не«согласующееся съ содержаніемъ именнаго 1783 года, мая 3-го «дня, указа, отмѣнить, а по точной силѣ онаго указа предоставить «помѣщикамъ въ полную свободу пользоваться тѣмъ въ дерев«няхъ и мѣстностяхъ своихъ по собственной ихъ волѣ безъ вся«каго препятствія. Записавшихся же въ купечество и мѣщан«ство, живущихъ въ мѣстечкахъ и деревняхъ, евреевъ безвре«менно селиться въ городахъ не принуждать; но, по заплатѣ «каждымъ слѣдующихъ податей, упражняться по уѣздамъ «въ промыслахъ и работахъ, съ дозволенія общества, по «даваемымъ паспортамъ, не запрещать, ибо и законами дозво«лено торгующимъ отъ городовъ ихъ отлучаться, лишь бы «они положенныя на нихъ подати платили бездоимочно; да и «неизвѣстно, могутъ ли они всѣ въ городахъ найти себѣ про«питаніе».

Сими привилегіями, свойственными правиламъ терпимости россійскихъ монарховъ и положенію государства, евреи пользовались до изданія положенія 1804 года.

Въ статьѣ 34-й сего положенія сказано:

«Никто изъ евреевъ, начиная съ 1-го генваря 1807 года, «въ губерніяхъ астраханской и кавказской, малороссійскихъ и «новороссійскихъ, а въ прочихъ начиная съ 1-го генваря 1808 «года, ни въ какой деревнѣ и селѣ не можетъ содержать ника«кихъ арендъ, шинковъ, кабаковъ и постоялыхъ дворовъ, ни «подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ, ни продавать въ нихъ «вина, и даже жить въ нихъ, подъ какимъ бы то ни было ви«домъ, развѣ проѣздомъ. Запрещеніе сіе распространяется так«же на всѣ шинки, постоялые дворы или другія заведенія, на

«большой дорогѣ стоящія, кому бы они ни принадлежали, обще-«ствамъ или частнымъ людямъ».

Цѣль правительства при установленіи сей чрезвычайной мѣры состояла, какъ кажется, главнѣйше въ отвращеніи крестьянъ отъ разоренія, которому причиною признано было чрезмѣрное употребленіе ими горячихъ напитковъ.

Крестьяне въ польскихъ, равно какъ и въ великороссійскихъ, губерніяхъ большою частію состоятъ во владѣніи помѣщиковъ. Продажа вина въ польскихъ губерніяхъ есть привилегія, всемилостивѣйше утвержденная дворянству. При избыткѣ производимаго въ сихъ губерніяхъ хлѣба и при недостаткѣ путей къ выгодному сбыту произведеній, помѣщики находятся принужденными обращать хлѣбъ въ вино для полученія доходовъ сколько отъ продажи вина, столько и отъ прокормленія въ зимнее время бардою скота, необходимо нужнаго для удобренія тамошнихъ земель. Евреи, по собственному согласію помѣщиковъ живущіе въ ихъ помѣстьяхъ, бывъ до 1804 года лишены права пріобрѣтать покупкою земли въ собственность, и ни чѣмъ другимъ никогда не промышлявшіе, издревле замѣняли крестьянъ, которые упражнялись въ хлѣбопашествѣ. Помѣщики получали отъ того двоякую пользу; евреи продавали вино, и платили аренду; крестьяне упражнялись въ земледѣліи.

Неоспоримо, что пресѣченіемъ сего промысла (когда бы евреи имѣли возможность безъ онаго обойтиться), можно бы было произвести въ семъ народѣ необходимость обратиться къ полезнѣйшимъ отраслямъ промышленности. Но равномѣрно неоспоримо, что превращеніемъ земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ нельзя уменьшить въ крестьянахъ склонности къ напиткамъ.

Превращеніе сіе не принесло бы никакой выгоды ни помѣщику, ни крестьянину, ни государству. Напротивъ, оно уменьшило бы доходъ и помѣщика — чрезъ лишеніе лучшихъ работниковъ, и государства — чрезъ отнятіе нужныхъ рукъ отъ земледѣлія, а крестьянинъ, въ пользу котораго мѣра сія признается

нужною, не только не поправился бы, но пришелъ въ вящшее оскудѣніе.

Крестьянинъ, привыкшій издревле продавать еврею произведенія свои на мѣстѣ, и чрезъ то сберегавшій какъ рабочій скотъ, такъ и время, которое могло быть употребляемо или на домашнія подѣлки или на произведеніе какихъ-либо издѣлій, долженъ нынѣ ѣхать въ городъ или мѣстечко, которое не лучше того же селенія, въ которомъ также живутъ евреи, продавать свои произведенія евреямъ же, и пропить вырученныя деньги евреямъ же, или, лучше сказать, въ нѣсколько поѣздокъ въ городъ пропить все, что̀ пропивалъ цѣлый годъ въ своемъ селеніи; ибо, въ статьѣ 40-й, дозволяется евреямъ заниматься винною продажею въ городахъ губернскихъ, уѣздныхъ и казенныхъ мѣстечкахъ, и даже въ помѣщичьихъ, по условіямъ съ помѣщиками.

Крестьянинъ, равнымъ образомъ, привыкшій доставать подъ руками всѣ домашнія необходимости, напр. косы, посуду, желѣзо, соль и проч., — ибо въ каждомъ селеніи можно было найти у еврея все тоже, что и въ мѣстечкѣ, — долженъ нынѣ при встрѣтившейся нуждѣ иногда въ самую рабочую пору ѣхать въ городъ покупать тоже у евреевъ, и пропивать деньги тоже евреямъ.

Крестьянинъ, въ случаѣ неурожая хлѣба, при недостаткѣ въ сѣменахъ, или въ какомъ-нибудь другомъ несчастномъ случаѣ, ненаходившій иногда во многихъ помѣстьяхъ пособія у помѣщика, прибѣгалъ къ пособію еврея: теперь крестьянинъ долженъ лишиться и сего пособія.

Польза, которую правительство извлекало изъ пребыванія евреевъ въ селахъ и деревняхъ, состояла въ томъ,

1) Что хлѣбопашество годъ отъ года приходило въ лучшее состояніе, сколько отъ умножавшейся нужды въ произведеніяхъ, столько и отъ того, что не отвлекались отъ земледѣлія полезные работники, и классъ производительный свободно размножался.

2) Что крестьяне уплачивали государственныя подати, и

3) Что 60 тысячъ семействъ имѣли вѣрное содержаніе, и удовлетворяли государственнымъ обязанностямъ.

Запрещеніе содержать шинки и постоялые дворы по большимъ дорогамъ лишило бы не только евреевъ, но и христіанъ, всѣхъ удобностей, необходимыхъ для проѣзжающихъ, и сверхъ того чрезвычайно ощутительно было бы для торговыхъ оборотовъ, казенныхъ поставокъ, и даже для самыхъ почтъ; ибо извѣстно, что никакая закупка, никакое отправленіе продуктовъ, и даже никакой наемъ фурщиковъ, въ польскихъ губерніяхъ не могутъ совершаться безъ содѣйствія евреевъ, и что исправнѣйшія почты содержатся евреями-корчмарями.

Не входя въ исчисленіе политическихъ причинъ, каждому въ настоящемъ положеніи дѣлъ ощутительныхъ; не останавливаясь на раздробленіи послѣдствій, вредныхъ для общественнаго кредита, отъ нарушенія правъ собственности и правъ личныхъ; не повторяя тѣхъ замѣшательствъ по контрактамъ и долгамъ, кои значатся въ представленіяхъ мѣстныхъ начальствъ, — въ доказательство необходимости оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ по прежнему можно сослаться на отзывы богатѣйшихъ помѣщиковъ, напр. князя Любомирскаго, и проч.

Во уваженіе всѣхъ сихъ препятствій и самой невозможности, комитетъ находитъ необходимымъ *оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ по прежнему:*

1) По неимѣнію въ польскихъ губерніяхъ земель, ни помѣщичьихъ, ни казенныхъ, на коихъ бы можно было водворить 60 тысячъ семействъ, неимѣющихъ никакой собственности.

2) По недостатку средствъ у самой казны къ водворенію евреевъ въ губерніяхъ отдаленныхъ, ибо одной денежной ссуды потребовалось бы многіе миліоны. Впрочемъ и при пожертвованіи денегъ, казна не въ силахъ была бы пріискать въ степяхъ ни нужнаго числа работниковъ, ни скота, ни орудій, ни матеріаловъ на обстройку и первоначальное обзаведеніе.

3) По закоренѣлой неспособности еврейскаго народа къ хлѣбопашеству. Для пріобученія новаго только поколѣнія къ сему

роду хозяйства, нужно было бы употребить нѣсколько лѣтъ и назначить для сего, на подобіе колонистовъ, множество особыхъ конторъ или комиссій. Ремесло земледѣльца требуетъ, такъ какъ и всякое другое ремесло, силъ и опытности.

4) Потому, что евреи, съ извѣстными и положительными ограниченіями, подъ надзоромъ помѣщиковъ, также могутъ быть терпимы въ селеніяхъ, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ.

Оставить евреевъ въ селахъ и деревняхъ безъ разрѣшенія продажи вина комитетъ признаетъ не только невозможнымъ, но и невыгоднымъ:

1) Потому, что классъ евреевъ, существовавшихъ одною продажею вина, будучи составленъ изъ людей самыхъ бѣднѣйшихъ, долженъ или пасть на содержаніе казны, или, не имѣя ни жилища, ни пропитанія, перемереть съ голоду, или ввергнуться въ отчаяніе, могущее произвести послѣдствія, вредныя для общественнаго спокойствія.

2) Потому, что недостатокъ пропитанія въ бѣлорусскихъ губерніяхъ происходитъ не отъ пребыванія евреевъ въ селахъ и деревняхъ. Состояніе христіанъ кіевской, подольской и волынской губерній, въ которыхъ также жительствуютъ евреи, и гдѣ въ скирдахъ болѣе сгниваетъ хлѣба, нежели родится въ Бѣлоруссіи, ясно доказываетъ, что недостатокъ пропитанія въ семъ послѣднемъ краѣ происходитъ не отъ продажи вина евреями, но отъ худаго удобренія земли и отъ..... вообще въ столь хорошаго..... Доколѣ у бѣлорусскихъ и польскихъ помѣщиковъ будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина; доколѣ помѣщики не перестанутъ, такъ сказать, покровительствовать пьянству; дотолѣ зло сіе, возрастая годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, и послѣдствія будутъ все тѣже, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ вина, еврей или христіанинъ. Въ доказательство ближе всего можно представить с.-петербургскую губернію, не говоря ни о Лифляндіи, ни о Эстляндіи, и проч. Коль же скоро со стороны правительства примутся надлежащія мѣры къ ограниченію сборовъ, происходя-

щихъ отъ продажи вина, тогда, съ уменьшеніемъ выгодъ по сей части, и упражняющіеся въ винной продажѣ обратятся сами собою къ другимъ занятіямъ, ремесламъ, мануфактурамъ, а можетъ быть со временемъ къ земледѣлію и скотоводству, особливо когда будутъ сами въ состояніи пользоваться всемилостивѣйше дарованнымъ правомъ — покупкою пріобрѣтать въ собственность земли.

3) Потому, что на мѣсто 60 тысячъ еврейскихъ семействъ необходимо должно оторвать отъ плуга по крайней мѣрѣ такое же число христіанскихъ семействъ, которые со всѣмъ тѣмъ не замѣнятъ евреевъ, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, евреи никогда не замѣнятъ крестьянъ, отъ хлѣбопашества отлученныхъ. Потеря сія тѣмъ будетъ чувствительнѣе для государства, что владѣльцы, для удержанія и обезпеченія своихъ интересовъ, должны будутъ опредѣлить къ винной продажѣ самыхъ лучшихъ людей и хозяевъ. Да и какую выгоду можетъ обѣщать превращеніе земледѣльцевъ въ цѣловальниковъ, а цѣловальниковъ въ земледѣльцевъ? Помѣщики, ищущіе прибытковъ въ продажѣ вина, не перестанутъ искать ихъ и въ то время, когда на мѣсто евреевъ будутъ имъ услуживать въ томъ христіане, которые, заступивъ мѣсто евреевъ, найдутся принужденными поступать такъ же, какъ и евреи. Извѣстно впрочемъ, что сіи послѣдніе никогда продажею вина не обогащались, а извлекали одно только пропитаніе и удовлетвореніе лежащихъ на нихъ повинностей.

4) Потому, что помѣщики, терпѣвшіе евреевъ въ своихъ селеніяхъ, не видя болѣе отъ нихъ никакой выгоды, не пожелаютъ болѣе держать ихъ себѣ въ отягощеніе, отъ чего легко могутъ возродиться гоненія, которыхъ слѣды, благодаря человѣколюбію и терпимости россійскихъ государей, начинали было изглаживаться изъ памяти.

Сдѣлать изъ всѣхъ евреевъ купцовъ и ремесленниковъ, по множеству ощутительныхъ причинъ, было бы также и невозможно и невыгодно, между прочимъ, потому:

1) Что мѣстечки и города не въ состояніи ни помѣстить всѣхъ евреевъ, ни доставить имъ упражненія и пропитанія.

2) Что отъ умноженія числа купцовъ и ремесленниковъ въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ и теперь находится число, превосходящее истинную потребность, и отъ наполненія городовъ народомъ нищимъ, ни къ какимъ ремесламъ непривыкшимъ, должны понесть потерю настоящіе купцы и ремесленники, и подвергнуть чрезъ то̀ упадку самую торговлю. Впрочемъ, все купечество и всѣ ремесла въ польскихъ губерніяхъ большею частію и безъ того наполнены евреями, а за тѣмъ къ винной продажѣ обращается одинъ только ихъ избытокъ.

Обращеніе евреевъ въ фабрикантовъ комитетъ признаетъ однимъ только обманчивымъ средствомъ, особливо когда фабрикъ не существуетъ ни у помѣщиковъ, ни у казны; когда евреи не имѣютъ еще сами ни капиталовъ для заведенія фабрикъ, ни желанія и выгоды быть фабрикантами. Если бы казна захотѣла употребить на заведеніе фабрикъ нѣсколько миліоновъ, то и тогда государство не получило бы отъ того никакой пользы; ибо фабрики учреждаются сами собою постепенно и по мѣрѣ надобности, и капиталы, употребляемые на насильственное устроеніе сего рода заведеній, суть капиталы, брошенные въ воду. Да и возможно ли столь многолюдный классъ народа осудить въ фабричные противъ его воли и безъ всякой вины, за то̀ только, что онъ прежде упражнялся въ продажѣ по деревнямъ и корчмамъ вина, законами однакожъ и обычаемъ страны всегда дозволенной. Опыты всѣхъ сихъ лѣтъ доказали, что при всѣхъ благотворныхъ попеченіяхъ правительства и при всѣхъ поощреніяхъ, изложенныхъ въ положеніи 1804 года, декабря 9 дня, съ одной стороны, бѣдность евреевъ, а съ другой, недостатокъ средствъ у самого правительства воспрепятствовали еврейскому народу воспользоваться правомъ дѣлать пріобрѣтенія въ земледѣліи, въ фабрикахъ и ремеслахъ, и цѣлый народъ не только остался въ томъ же бѣдномъ состояніи, въ которомъ и былъ, но подвергся вящшему разоренію отъ насильственнаго принужденія оставить и тотъ промы-

сель, которымъ онъ снискивалъ пропитаніе въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Повѣренные всѣхъ еврейскихъ обществъ,—съ большею или меньшею силою въ выраженіяхъ описывая крайне стѣсненное положеніе и совершенное разореніе цѣлаго еврейскаго народа, сколько отъ долговременнаго неустроенія его участи, столько отъ нарушенія его правъ, и особенно отъ произвольнаго растолкованія высочайшаго указа 1808 года, 29 декабря, разрѣшающаго продажу вина въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ,—просятъ о поспѣшнѣйшемъ подтвержденіи силы сего указа, и приводя въ подкрѣпленіе своихъ исканій высочайшее повелѣніе, коимъ евреи допущены уже въ казенныхъ селеніяхъ къ торгамъ на винные откупа, а посему и продажѣ вина, они заключаютъ, что безъ сего дозволенія бѣднѣйшая часть еврейскихъ семействъ, лишась единственнаго способа къ существованію, должны будутъ или сдѣлаться бродягами или совершенно погибнуть.

Комитетъ, убѣждаемый симъ положеніемъ цѣлаго народа, руководствуясь высочайшимъ указомъ 1808 года, декабря 29 дня, коимъ ясно разрѣшается продажа вина, и послѣдовавшими въ разныя времена на основаніи онаго указами правительствующаго сената, и особенно опасаясь, чтобы вящшимъ продолженіемъ насильственныхъ мѣръ, въ настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ, не ожесточить сей, уже до крайности стѣсненный, народъ, признаетъ необходимымъ:

Вмѣсто непрерывныхъ отсрочекъ, коимъ конца предвидѣть не можно, и кои кромѣ колеблемости правилъ и совершенной невозможности исполненія ничего болѣе не обнаруживаютъ, рѣшительнымъ образомъ пресѣчь существующія нынѣ замѣшательства оставленіемъ евреевъ на прежнихъ ихъ жительствахъ и дозволеніемъ промысловъ, статьею 34 остановленныхъ.

В) *Относительно мнѣній депутатовъ и повѣренныхъ еврейскихъ обществъ о перемѣнахъ въ прочихъ статьяхъ положенія 1804 года.*

Прошенія депутатовъ и повѣренныхъ еврейскихъ обществъ, сверхъ предметовъ, заключающихся въ 34 статьѣ, касаются:

1) До просвѣщенія еврейскихъ дѣтей.

2) До письма заемныхъ писемъ, векселей и всѣхъ сдѣлокъ, и до веденія бухгалтерскихъ книгъ.

3) До языка раввиновъ и членовъ магистрата.

4) До паспортовъ.

5) До одежды.

6) До отчетовъ въ употребленіи общественныхъ суммъ.

7) До переходовъ изъ одного мѣста жительства въ другое.

8) До сравненія въ платежѣ податей, и

9) До власти раввиновъ.

По подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ сихъ прошеній и соображеніи оныхъ съ цѣлію, предположенною при изданіи положенія 1804 года, комитетъ призналъ необходимымъ постановить на каждую статью слѣдующія разрѣшенія:

1) *Относительно просвѣщенія еврейскихъ дѣтей.*

По положенію 1804 года, дѣти еврейскія должны въ народныхъ училищахъ обучаться языкамъ: россійскому, нѣмецкому и польскому, и пріобрѣтать вообще равную съ прочими гражданами степень просвѣщенія.

Евреи находятъ сообразнѣйшимъ съ ихъ законами, чтобы ихъ дѣти до вступленія въ народныя училища обучались въ еврейскихъ школахъ какъ еврейскому языку, такъ и догматамъ вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ получали бы предварительныя наставленія въ *россійскомъ* языкѣ. Причиною, побудившею къ установленію сей мѣры, какъ видно изъ журнала предшествовавшаго комитета, 1803 года, сентября 20 дня, принято было невѣжество еврейскаго народа и недостатокъ общаго языка, для чего и признано было нужнымъ открыть ему всѣ способы къ просвѣщенію, соединя съ симъ понятіемъ ободренія, надежды, и даже принудивъ нравственнымъ образомъ къ сообщенію съ другими посредствомъ общаго языка.

Разсматривая всѣ статьи, касающіяся до просвѣщенія, изъ

сей точки зрѣнія, комитетъ признаетъ ихъ совершенно соотвѣтствующими главной цѣли, состоящей въ усовершеніи политическаго состоянія евреевъ между прочимъ чрезъ пріобщеніе ихъ посредствомъ языка паки къ тому обществу, отъ котораго они столь долгое время отсѣчены были преграждeніемъ всѣхъ способовъ къ полученію одинаковаго со всѣми воспитанія. Въ мѣрѣ сей комитетъ не находитъ ничего стѣснительнаго для гражданской свободы евреевъ. Она не только не отвлекаетъ отъ изученія догматовъ вѣры, но напротивъ того внушаетъ къ онымъ должное уваженіе.

Мѣра сія ничто другое есть, какъ только дозволеніе евреямъ участвовать въ милости, общей всѣмъ россійскимъ поданнымъ. Въ слѣдствіе чего комитетъ считаетъ сколько, съ одной стороны, полезнымъ для самихъ евреевъ, столько, съ другой, и необходимымъ для общаго благоустройства оставить всѣ статьи о просвѣщеніи въ точной ихъ силѣ.

2) *Относительно письма векселей и проч.*

Положенія 1804 года статьею 8-ю евреи обязываются, по прошествіи трехъ лѣтъ отъ изданія положенія, во всѣхъ публичныхъ актахъ, обязательствахъ, векселяхъ и всѣхъ вообще сдѣлкахъ между ими, употреблять языкъ россійскій, польскій или нѣмецкій, также вести на одномъ изъ сихъ языковъ бухгалтерскія книги.

Евреи находятъ, что приведеніе мѣры сей въ дѣйствіе разстроило бы ихъ торговлю, особливо заграничную, по которой всѣ сдѣлки и кореспонденція ведутся на языкѣ еврейскомъ. Почему одни просятъ о совершенной отмѣнѣ, другіе объ отсрочкѣ исполненія сего правила, а гродненскіе — о позволеніи писать на еврейскомъ языкѣ векселя въ суммѣ хоть до 100 рублей.

Сія статья, равно какъ и всѣ предыдущія, будучи основана на однихъ началахъ, равно должна быть сохранена въ ея силѣ для произведенія тѣхъ послѣдствій, кои признаны необходимыми для достиженія главной цѣли. Приведеніе оной въ дѣйствіе ни мало не можетъ разстроить не только внутренней торговли, но

которой евреи и безъ того должны употреблять который-либо изъ трехъ языковъ, но даже и заграничной, ибо всѣ вообще евреи, а особливо тѣ, съ коими россійскіе находятся въ торговыхъ сношеніяхъ, имѣютъ равную необходимость производить всѣ свои публичныя дѣла на которомъ-либо изъ языковъ: польскомъ или нѣмецкомъ. Слѣдовательно, отмѣна сей статьи ослабила бы только цѣлость тѣхъ средствъ, кои признаны необходимыми для усовершенія благосостоянія евреевъ. Просимая же отсрочка, по стеченію обстоятельствъ, остановившихъ исполненіе большой части статей положенія, произошла уже сама собою. Что же касается до дозволенія писать на еврейскомъ языкѣ хотя тѣ векселя, кои не будутъ превышать ста рублей, то удовлетвореніе сего исканія нарушило бы всю пользу общаго правила, ибо еврейскія сдѣлки весьма рѣдко простираются свыше ста рублей; большія же суммы евреи имѣли бы всегда средство раздроблять на сторублевыя и менѣе.

3) *Относительно языка раввиновъ и членовъ магистрата.*

Евреи, неумѣющіе читать и писать на одномъ изъ трехъ языковъ: россійскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ, по силѣ 9-й статьи положенія, не могутъ быть избираемы ни въ раввины, ни въ члены магистрата.

Депутаты еврейскихъ обществъ, представляя:

a) Что въ сіи званія избираются обыкновенно достойнѣйшіе, кои, по тщательности и прилежанію въ исполненіи своихъ обязанностей, не имѣютъ времени заняться изученіемъ языковъ;

b) Что раввины могутъ имѣть писарей, знающихъ одинъ изъ трехъ языковъ;

c) Что члены магистратовъ могутъ такъ же, какъ и русскіе, не умѣя читать и писать, слушать дѣла и прикладывать руки,

Просятъ — одни объ отсрочкѣ исполненія статьи сей, доколѣ дѣти еврейскія научатся на которомъ-либо изъ сихъ языковъ, а другіе объ отсрочкѣ на десять лѣтъ.

Пріемля во уваженіе, что и безъ того уже протекло слишкомъ семь лѣтъ отъ изданія положенія, и, признавая согласно

съ мнѣніями мѣстныхъ начальствъ, что время сіе достаточно было для изученія котораго-либо изъ означенныхъ языковъ, комитетъ находитъ равномѣрно нужнымъ оставить и сію статью въ ея силѣ.

4) *Относительно паспортовъ.*

Положенія 1804 года статьею 28-ю дозволяется фабрикантамъ, ремесленникамъ и купцамъ пріѣзжать, по дѣламъ ихъ комерческимъ, для усовершенія въ художествахъ или для показанія особливаго искусства въ ремеслахъ и фабрикахъ, на извѣстное время во внутреннія губерніи и даже въ столицы, но не иначе, какъ по паспортамъ губернаторовъ.

Повѣренные отъ еврейскихъ обществъ, признавая полученіе паспортовъ отъ губернаторовъ чрезвычайно стѣснительнымъ сколько потому, что они и безъ того обязаны брать по званію своему паспорты отъ магистратовъ, столько и потому, что поѣздками въ губернскій городъ, иногда за триста и болѣе верстъ, отвлекаясь отъ своихъ упражненій, они подвергаются напраснымъ убыткамъ, неприносящимъ пользы ни казнѣ, ни обществу, просятъ о дозволеніи отлучаться отъ своихъ городовъ на одинаковомъ со всѣми прочими основаніи.

Удержать и сію статью въ ея силѣ, тѣмъ болѣе, что она ни мало не стѣсняетъ переѣздовъ евреевъ въ дозволенныхъ имъ границахъ.

5) *Относительно одежды.*

Положенія 1804 года въ статьяхъ: 9-й предписывается, въ случаѣ выбора въ члены магистрата, а въ 28-й — во время пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ и столицахъ, носить евреямъ нѣмецкую одежду, безъ всякаго отъ другихъ отличія.

Депутаты и повѣренные еврейскихъ обществъ изъясняютъ, что по закону ихъ они бородъ не бреютъ, и потому почитаютъ гораздо приличнѣйшимъ ходить въ русскомъ платьѣ, по примѣру русскихъ купцовъ; въ нѣмецкомъ же платьѣ съ небритыми бородами они вящше могутъ послужить предметомъ поруганія и насмѣшекъ.

Неусматривая причины, побудившей къ предпочтенію нѣмецкаго платья, комитетъ не находитъ никакого препятствія дозволить евреямъ носить такую же одежду, какую носятъ и прочіе жители губерній, въ коихъ они будутъ имѣть временное пребываніе. Напротивъ, слѣдуя правилу, чтобы народъ сей вести къ усовершенію способами тихими, умѣренными, постепенными и на личной ихъ пользѣ основанными, комитетъ увѣренъ, что посредствомъ дозволенія носить русскую одежду гораздо скорѣе можно будетъ сблизить какъ понятія, такъ и пользы евреевъ съ понятіями и пользами, общими русскимъ.

6) *Относительно отчетовъ въ употребленіи общественныхъ суммъ.*

Положенія 1804 года статьею 54-ю предписывается кагаламъ въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ давать отчеты помѣщикамъ въ употребленіи общественныхъ суммъ.

Депутаты еврейскихъ обществъ изъясняютъ, что по послѣдней ревизіи сдѣлавшись купцами и мѣщанами, они, такъ какъ и городскія общества, обязаны подавать вѣдомости губернаторамъ, а отчеты казеннымъ палатамъ. Посему просятъ освободить ихъ отъ подачи еще отчетовъ помѣщикамъ, коимъ они ничѣмъ не обязаны, кромѣ исправнаго платежа того, что̀ постановлено въ ихъ контрактахъ.

Комитетъ, не усматривая равнымъ образомъ причины, побудившей къ установленію сей мѣры, полагаетъ, что, съ одной стороны, она находится въ противорѣчіи съ статьями 42-ю, 44-ю, 49-ю и всѣми тѣми, коими евреи охраняются отъ притѣсненій помѣщиковъ; а съ другой, что отчеты сіи ни къ чему другому послужить не могутъ, какъ только къ недоразумѣніямъ, непозволеннымъ поборамъ и тяжбамъ, кои гораздо труднѣе будетъ разбирать законнымъ порядкомъ, нежели предупредить предоставленіемъ кагаламъ давать отчеты на одинакомъ со всѣми прочими основаніи.

Общественные, купеческіе и мѣщанскіе, отчеты по всему государству принадлежатъ къ разсмотрѣнію губернаторовъ и

повѣркѣ казенныхъ палатъ. Поелику же евреи всѣ безъ исключенія состоятъ донынѣ записанными въ купечество и мѣщанство, то и отчеты ихъ не могутъ имѣть другаго направленія, какъ тоже самое, какое законами вообще установлено для равныхъ имъ состояній.

7) *Относительно переходовъ изъ одного мѣста жительства въ другое.*

Положенія 1804 года статьею 46-ю евреи обязаны при переходѣ съ одного мѣста на другое представлять свидѣтельства отъ помѣщиковъ, на земляхъ коихъ они жительство имѣли, что они удовлетворили всѣмъ обязанностямъ въ разсужденіи ихъ. По свидѣтельствамъ симъ земской полиціи предписано выдавать переселяющимся паспорты до того мѣста, куда евреи переселиться желаютъ.

Депутаты еврейскихъ обществъ, признавая мѣру сію чрезвычайно стѣснительною для ихъ гражданской свободы, изъясняютъ, что помѣщики, пользуясь симъ предлогомъ, могутъ дѣлать имъ разныя притѣсненія для того только, чтобы чрезъ переселеніе евреевъ изъ ихъ помѣстій не потерять своихъ выгодъ, и помощію сего удерживать ихъ отъ исполненія цѣли, правительствомъ для нихъ предназначенной. Въ слѣдствіе чего просятъ о дозволеніи переходить имъ по свидѣтельствамъ отъ земскихъ судовъ, которые не упустятъ удовлетворять помѣщиковъ, коль скоро бы встрѣтились на евреяхъ въ самомъ дѣлѣ какія-либо со стороны ихъ требованія.

Полученіе свидѣтельствъ, какъ отъ помѣщиковъ, такъ и отъ земской полиціи, комитетъ признаетъ равно неудобнымъ и несогласнымъ какъ съ самымъ положеніемъ 1804 года, такъ и съ общими на сей предметъ государственными постановленіями.

Положеніемъ 1804 года всѣ вообще евреи признаны свободными и отъ помѣщиковъ независимыми. Будучи записаны либо въ купечество, либо въ мѣщанство, они пребываютъ на помѣщичьихъ земляхъ по паспортамъ отъ магистратовъ, и слѣдственно безъ дозволенія магистратовъ не только изъ одной гу-

берніи въ другую, но даже изъ одного города въ другой переселяться не могутъ. Относительно контрактовъ, заключаемыхъ съ помѣщиками, евреи подлежатъ тѣмъ же законамъ, коимъ подлежатъ и всѣ прочіе подданные. Помѣщики ни въ какомъ случаѣ не могутъ потерпѣть убытка отъ перехода евреевъ, коль скоро евреи находятся у нихъ по паспортамъ. Предоставленіемъ же земскимъ судамъ права выдавать таковыя свидѣтельства, сверхъ причиненія напрасныхъ проволочекъ самимъ евреямъ, легко можно было бы произвести большія замѣшательства какъ въ народоисчисленіи, такъ и въ государственныхъ счетахъ по казенной части.

Въ слѣдствіе чего, и сообразуясь съ общими на сей предметъ постановленіями, комитетъ признаетъ приличнѣйшимъ и при переходѣ евреевъ руководствоваться тѣми же законами, кои предписаны къ наблюденію казенныхъ палатъ относительно всѣхъ, переселяющихся изъ одного мѣста въ другое вообще.

8) *Относительно сравненія въ платежѣ податей.*

Положенія 1804 года статьями 21-ю и 24-ю обѣщано фабрикантовъ и ремесленниковъ, кои въ фабричныхъ работахъ и ремеслахъ обращаться будутъ, освободить отъ платежа двойныхъ податей, коль скоро будутъ собраны о нихъ точныя свѣдѣнія.

Депутаты еврейскихъ обществъ изъясняютъ, что усматривая изъ всѣхъ почти статей положенія благотворную цѣль правительства поставить евреевъ на ряду со всѣми вѣрноподданными, просятъ въ слѣдствіе того сравнить ихъ и въ платежѣ въ казну податей со всѣми прочими гражданами одинакого съ ними званія.

Комитетъ находитъ, что послѣ всѣхъ преимуществъ и ободреній, кои разными статьями положенія 1804 года дарованы и обѣщаны въ томъ намѣреніи, чтобы представить евреямъ всѣ способы и нравственную необходимость выйти изъ настоящаго унизительнаго ихъ состоянія, различеніе ихъ отъ всѣхъ прочихъ единственно въ платежѣ податей дѣйствительно не согласно было

бы ни съ справедливостію, ни съ цѣлію, для которой преобразованіе евреевъ предпріемлется.

Опыты тѣхъ государствъ, гдѣ евреи, бывъ освобождены отъ сего постыднаго различія, допущены были на ряду со всѣми подданными до соучастія въ общественномъ уваженіи и выгодахъ, доказываютъ, что евреи, бывъ тронуты таковою справедливостію, обратили всѣ свои силы къ споспѣшествованію пользамъ тѣхъ государствъ. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы и въ Россіи, гдѣ католикъ, лютеранинъ, кальвинистъ, магометанинъ, и даже идолопоклонникъ, безъ различія въ вѣрѣ и мнѣніяхъ, разсматриваются всѣ какъ дѣти одного и того же семейства, пользуются одинакими правами, одинакою безопасностію и одинакимъ покровительствомъ законовъ; — нѣтъ сомнѣнія, чтобы евреи, бывъ сравнены во всѣхъ выгодахъ съ народами прочихъ исповѣданій, не убѣдились бы, что они такіе же подданные, какъ и другіе, не признали бы Россію истиннымъ своимъ отечествомъ; не устремились бы къ снисканію уваженія въ томъ обществѣ, отъ котораго они доселѣ удалялись; не обратили бы свойственныхъ имъ дѣятельности и проницательности къ пріобрѣтенію выгодъ не только въ торговлѣ, которая была имъ исключительно предоставлена, но и въ прочихъ отрасляхъ народной промышленности.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ департамента министерства финансовъ, оказывается, что евреи нынѣ въ платежѣ податей сравнены уже со всѣми прочими, носящими съ ними одинакое званіе. (Вслѣдствіе чего) вышепомянутыя статьи дѣлаются уже совершенно ненужными.

9) *Относительно духовной власти раввиновъ.*

Положенія 1804 года статьею 51-ю власть раввиновъ въ наказаніяхъ ограничена едиными увѣщаніями и выговорами; гражданскія дѣла судить раввинамъ воспрещено.

Депутаты еврейскихъ обществъ, находя мѣру сію противною тому духовному уваженію, которое они по закону обязаны имѣть, и представляя, что лишеніе раввиновъ сей, религіею данной имъ, власти, ослабивъ узы совѣсти, можетъ въ скоромъ вре-

мени довести ихъ до крайнаго разврата, просятъ оставить, на основаніи древнихъ правилъ, раввинамъ полную власть сужденія преступниковъ духовныхъ законовъ, и чиненія надлежащаго по духовнымъ законамъ взысканія.

Въ докладѣ, при коемъ поднесено было положеніе 1804 года, сказано, что правительство, охраняя спокойствіе совѣсти евреевъ, не дѣлая ни малѣйшаго прикосновенія къ ихъ религіи, щадя самые ихъ предразсудки, ищетъ только удостовѣрить и обезпечить состояніе ихъ законною промышленностію и пріобщить ихъ ко всѣмъ выгодамъ и уваженію, коими пользуются прочія состоянія подъ общимъ покровительствомъ законовъ, терпимости и благоустройства.

Соотвѣтственно разуму сихъ началъ, не слѣдовало бы вовсе касаться до обрядовъ религіи, малѣйшее неосторожное прикосновеніе къ которой потрясаетъ основанія нравственности, на коихъ утверждаются вѣрность къ государю и повиновеніе къ правительству. Еврейскія духовныя преступленія и слѣдующія за ними наказанія совершенно различны отъ преступленій и наказаній всѣхъ прочихъ народовъ. Всякое дѣяніе еврея подчинено какому-либо законному обряду религіи, упущеніе котораго почитается дѣйствительнымъ грѣхомъ. Сохраненіе сихъ обрядовъ положеніе 1804 года предоставляетъ, на основаніи еврейской религіи, раввинамъ; посему равнымъ образомъ нельзя не предоставить (имъ) и всѣхъ тѣхъ средствъ, кои споспѣшествовать могутъ къ обузданію евреевъ, (ибо евреи) никакихъ другихъ духовныхъ властій, напримѣръ: консисторій, коллегій, синодовъ и проч., не имѣютъ. Въ слѣдствіе чего комитетъ признаетъ необходимымъ исключить изъ 51-й статьи всѣ тѣ выраженія, кои могутъ подвергнуть духовную власть раввиновъ ослабленію, и именно означить только, что власть раввиновъ ограничивается соблюденіемъ обрядовъ и сужденіемъ споровъ, до религіи относящихся; что раввинамъ строго воспрещается входить въ сужденіе дѣлъ гражданскихъ, для коихъ установлены особенныя судебныя мѣста, и что за всякое отступленіе отъ сего пра-

вила раввины подвергнутся взысканію, въ статьѣ 51-й означенному.

Въ семъ заключаются общія примѣчанія депутатовъ и повѣренныхъ отъ еврейскихъ обществъ на статьи положенія 1804 года. Частныя примѣчанія, представленныя нѣкоторыми депутатами, о взысканіи долговъ, сдѣланныхъ крестьянами до изданія положенія 1804 года, и о дозволеніи евреямъ остаться въ селахъ и деревняхъ до окончанія срока ихъ контрактовъ, разрѣшатся сами собою, коль скоро евреи возстановлены будутъ паки въ то законное положеніе, относительно ихъ жительства и промысловъ, въ коемъ они находились до изданія положенія 1804 года.

Всѣ прочія статьи, заключающіяся въ положеніи 1804 года, до которыхъ сдѣланныя въ семъ докладѣ примѣчанія не простираются, комитетъ, полагая оставить въ полной ихъ силѣ, имѣетъ счастіе подвергнуть все на высочайшее усмотрѣніе и благосоизволеніе вашего императорскаго величества».—

---

28 января 1811 года Козодавлевъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ[88]). Но еще задолго до этого назначенія онъ былъ въ дѣйствительности главою министерства. Съ самаго вступленія его въ должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, князь Куракинъ оставался министромъ только по имени, находясь внѣ Россіи, и не принимая участія въ дѣлахъ своего вѣдомства. Управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ввѣрено было Козодавлеву въ періодъ наибольшаго проявленія преобразовательной дѣятельности. Въ правительственныхъ сферахъ обнаруживалось необыкновенное движеніе и велась усиленная работа. Обветшалое зданіе нашей администраціи требовало капитальныхъ исправленій; вслѣдствіе этого во всѣхъ частяхъ его происходили перестройки и передѣлки. Первыя дѣйствія Козодавлева по министерству внутреннихъ дѣлъ относятся ко времени учрежденія государственнаго совѣта и предпринятаго правитель-

ствомъ пересозданія министерствъ съ цѣлью доставить болѣе способовъ къ точному и скорому исполненію законовъ.

Рескриптомъ 25 августа 1810 года повелѣно Козодавлеву составить: 1) Проэктъ подробнаго образованія министерства внутреннихъ дѣлъ, по общимъ для производства дѣлъ правиламъ, съ ограниченіемъ или поясненіемъ этихъ правилъ, по усмотрѣнію Козодавлева, и 2) Проэктъ наказа министерству внутреннихъ дѣлъ. Занимаясь возложеннымъ на него трудомъ, Козодавлевъ велъ переговоры и переписку съ ближайшимъ на ту пору совѣтникомъ государя, Сперанскимъ. Существеннымъ требованіемъ со стороны Сперанскаго, какъ исполнителя воли государя, было то̀, чтобы устройство каждаго изъ министерствъ сообразовалось съ «общимъ министерскимъ учрежденіемъ».

О свойствѣ и значеніи проэктовъ, составленныхъ Козодавлевымъ, можно судить по слѣдующимъ чертамъ [89]).

Главный предметъ министерства внутреннихъ дѣлъ есть попеченіе о распространеніи и поощреніи земледѣлія и промышленности вообще, со всѣмъ тѣмъ, что ведетъ и способствуетъ къ достиженію этой цѣли.

Такимъ образомъ, въ кругъ вѣдомства и обязанностей министерства внутреннихъ дѣлъ входятъ:

1) Поощреніе земледѣлія и всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства.

2) Колоніи и внутреннія переселенія.

3) Фабрики.

4) Внутренняя торговля.

5) Почты.

6) Публичныя зданія.

По существу и по количеству дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію министерства, оно раздѣляется на три департамента:

1) Департаментъ хозяйственный, или департаментъ государнаго хозяйства и публичныхъ зданій, въ кругъ занятій котораго входятъ дѣла о поощреніи земледѣлія и сельскаго хозяйства, о народонаселеніи и о публичныхъ зданіяхъ.

2) Департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, и

3) Департаментъ почтовый.

Сверхъ того, учреждается министерская канцелярія, въ которую войдутъ, между прочимъ, дѣла о выборахъ, дворянскихъ и купеческихъ, и дѣла по грузинскому царскому дому. При канцеляріи же министра или того лица, которому поручится главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ, будетъ издаваться Сѣверная Почта, соединенная съ Комерческими Вѣдомостями. Изданія эти должны выходить «непремѣнно, такъ сказать, подъ глазами самого начальствующаго».

Главную обязанность хозяйственнаго департамента составляютъ заботы: о распространеніи и поощреніи всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства и народной промышленности; о достаточныхъ и удобныхъ средствахъ пропитанія, соотвѣтственно населенію различныхъ частей государства, и объ устройствѣ и сохраненіи, повсемѣстно, необходимыхъ общественныхъ зданій, какъ-то: больницъ, аптекъ, училищъ, соляныхъ магазиновъ, мостовъ, и т. п.

Предметы занятій хозяйственнаго департамента слѣдующіе:

Познаніе земель въ отношеніи ихъ къ хлѣбопашеству и сельскому хозяйству всякаго рода.

Попеченіе объ удобреніи земель неудобныхъ, какъ-то: топей, болотъ, песковъ и проч.

Собираніе свѣдѣній объ урожаѣ хлѣба и соображеніе того съ пространствомъ земли и «народосчисленіемъ или *налюдненіемъ*».

Собираніе свѣдѣній о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ, для сравненія различныхъ выгодъ мѣстоположенія.

Попеченіе о торфяныхъ копяхъ въ мѣстахъ, нуждающихся лѣсомъ.

Разведеніе, умноженіе и усовершенствованіе хозяйственныхъ и «художественныхъ» произрастеній. Сюда относятся, напримѣръ: крапъ, вайда, кунжутъ, хлопчатая бумага, табакъ, ленъ, пенька; виноградные, шелковичные и фруктовые сады.

Управленіе подвѣдомственными, по хозяйственной части, учрежденіями, какъ-то: астраханскою экспедиціею рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ, двумя виноградными училищами — въ Крыму и на Кавказѣ, и проч.

Переселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ и неудобныхъ мѣстъ на казенныя пустопорожнія земли, въ южныя и сибирскія губерніи.

Мѣры къ улучшенію состоянія поселянъ вообще и переселенцевъ въ особенности. Составленіе частныхъ положеній объ обязанностяхъ поселянъ.

Главный надзоръ надъ управленіемъ всѣхъ, поселенныхъ въ Россіи съ 1765 года, колонистовъ, и т. д.

Весьма естественно, что для успѣшнаго и дѣльнаго управленія государственнымъ хозяйствомъ необходимо имѣть основательныя свѣдѣнія о всѣхъ его частяхъ. Поэтому хозяйственный департаментъ обязанъ собирать точныя свѣдѣнія о каждой изъ губерній, о климатѣ, о естественномъ состояніи по отношенію къ тремъ царствамъ природы, и о той пользѣ, которую извлекаютъ жители изъ физическихъ условій ихъ мѣстности. По мѣрѣ полученія свѣдѣній, департаментъ долженъ составлять планъ для статистическаго описанія каждой губерніи, и сверхъ того непремѣнно долженъ имѣть ихъ въ виду во всѣхъ распоряженіяхъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ. Полезно также выписывать иностранные экономическіе журналы и вновь выходящія книги о разныхъ частяхъ сельской экономіи и промышленности. При помощи разнообразныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній, добытыхъ департаментомъ, ему удобно и легко уже будетъ примѣтить существующіе недостатки и непорядки, открыть ихъ дѣйствительныя причины, и сообразно съ этимъ «примыслить» способы къ исправленію, устройству и усовершенствованію. Главными препятствіями къ заведенію благоустроеннаго хозяйства служатъ невѣжество и бѣдность. Поэтому необходимы: съ одной стороны— приличныя наставленія, правила и руководства; съ другой — денежныя и другія пособія и поощренія. Благоустроенное сель-

ское хозяйство вознаградитъ съ лихвою за всѣ пожертвованія, которыя сдѣлаетъ для него правительство. Въ этомъ отношеніи надо крайне остерегаться только одного, именно, чтобы излишнимъ надзоромъ и многосложностію правилъ не стѣснить частной предпріимчивости. Указаніе собственной пользы, лучше всякихъ предписаній, откроетъ истинные пути для распространенія промышленности.

Совершенно таже мысль проводится и въ обязательномъ для каждаго изъ министровъ общемъ наказѣ министерствамъ. Тамъ сказано: «Во всѣхъ министерствахъ, особливо же въ тѣхъ, коихъ предметомъ есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, чтобы мѣрами излишняго надзора и многосложностію правилъ не стѣснить частной предпріимчивости. Истинные способы сего управленія должны состоять болѣе въ отвращеніи препятствій, нежели въ точномъ и понудительномъ предписаніи путей, коими должна шествовать промышленность. Здѣсь скорѣе найти и указать ихъ можетъ частная польза, нежели законъ» [90]).

Частная польза и—еще болѣе—священное право собственности служатъ сильнымъ побужденіемъ ко всякаго рода предпріятіямъ. Плодоноснѣйшія земли, выгоднѣйшія мѣстоположенія останутся всегда втунѣ или по крайней мѣрѣ не принесутъ ожидаемой пользы, если руки, ихъ воздѣлывающія, не будутъ вполнѣ обезпечены въ полученіи собственной, вѣрной прибыли; тѣмъ хуже еще, если увѣрены будутъ, что труды ихъ не принесутъ имъ ничего. Тутъ не помогутъ никакія принужденія, ни строгія мѣры, ни убѣдительнѣйшія наставленія. Департаментъ государственнаго хозяйства не можетъ ограничиться одною опекою надъ иностранными колонистами. Въ кругъ его занятій и попеченій входитъ вся «система *налюдненія* государственнаго, и преимущественно въ отношеніи къ наибольшей, и по предмету хозяйственнаго департамента важнѣйшей части народа». Равномѣрность въ распредѣленіи выгодъ поселянъ и ихъ обязанностей, и постепенное усовершенствованіе ихъ собственныхъ хозяйствъ способ-

ствуютъ населенію земли болѣе, нежели выписываніе иностранцовъ. Весьма полезно было бы облегчить способы пріобрѣтенія земель *всѣмъ состояніямъ*. Такъ какъ земля сотворена для людей, а не люди для земли, то надобно стараться, чтобы переселеніе было выгодно для переселенцовъ и, по возможности, желательно для нихъ, а не принужденно.—

Департаменту мануфактуръ и внутренней торговли поставляется главною обязанностію попеченіе о заведеніи, распространеніи, усиленіи и усовершенствованіи мануфактуръ всякаго рода и объ открытіи для всѣхъ избытковъ, какъ искусственныхъ, такъ и природныхъ, произведеній вѣрнаго и удобнаго сбыта въ чужія руки, для обращенія денегъ и умноженія чрезъ то̀ благосостоянія частнаго и богатства государственнаго.

Для достиженія цѣли, съ которою учрежденъ департаментъ мануфактуръ и торговли, на него возлагаются:

Собираніе свѣдѣній о выработкѣ всякаго рода издѣлій, о добротѣ ихъ, о количествѣ ихъ потребленія, о капиталахъ на то̀ нужныхъ и проч.

Попеченіе объ успѣхахъ фабрикъ и заводовъ доставленіемъ имъ возможныхъ удобствъ и устраненіемъ всѣхъ препятствій, останавливающихъ ихъ распространеніе и усовершенствованіе.

Стараніе о размноженіи заводовъ, въ которыхъ замѣчается особенная необходимость, какъ-то: селитреныхъ, кирпичныхъ и другихъ.

Вспоможеніе денежными ссудами и другими средствами какъ для поддержанія и распространенія существующихъ уже фабрикъ и заводовъ, такъ и для содѣйствія новымъ полезнымъ предпріятіямъ, и т. д., и т. д.

Недостатокъ свѣдѣній о состояніи промышленности служитъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій для ея распространенія и усиленія. Поэтому необходима «*гласность*» или обнародованіе всякаго общеполезнаго открытія и провѣренныхъ опытомъ свѣдѣній. Есть люди, готовые на всякое полезное дѣло изъ

одного усердія къ общей пользѣ; другіе же руководствуются исключительно своимъ собственнымъ прибыткомъ. Но ни тѣ, ни другіе не знаютъ иногда, какъ приняться за дѣло: имъ не достаетъ нужныхъ для этого познаній. Для пріобрѣтенія необходимыхъ знаній весьма полезно выписывать иностранныя сочиненія, заключающія описанія новыхъ изобрѣтеній, и доводить до всеобщаго свѣдѣнія «выдумки, или удачныя предпріятія», производимыя въ Россіи. Отнюдь не слѣдуетъ ограничиваться одними переводами съ иностранныхъ языковъ, ибо не все чужеземное пригодно и для нашей земли: не все соотвѣтствуетъ нашему климату и другимъ условіямъ. Слѣдуетъ стараться объ изданіи трудовъ, принадлежащихъ *русскимъ* людямъ, и заключающихъ въ себѣ вѣрныя свѣдѣнія о состояніи и успѣхахъ нашей *отечественной* промышленности.

На министерство внутреннихъ дѣлъ возлагается забота о снабженіи, по возможности, ремеслъ и мануфактуръ всѣми необходимыми первыми матеріалами *отечественнаго* произведенія, а торговли—избытками *домашнихъ* издѣлій, дабы уменьшить тѣмъ надобность въ товарахъ *иностранныхъ*.

Покровительство отечественнымъ произведеніямъ не должно распространяться на однихъ только «національныхъ промышленниковъ. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы произведенія возрождались только въ предѣлахъ нашего отечества; но въ чьихъ рукахъ, до того нужды нѣтъ. Еще лучше и общеполезнѣе будетъ, чтобы чужеземцы, какъ здѣсь уже живущіе, такъ и вновь пріѣзжающіе, распространяли нашу промышленность, и обогащали государство своими способностями».

Желая руководить народною промышленностію, правительство должно дѣйствовать отнюдь не *предписаніемъ* путей, а только *указаніемъ* ихъ. Если средства, указываемыя правительствомъ, поведутъ ко многимъ и важнымъ выгодамъ, то всякій самъ пожелаетъ ими воспользоваться: собственный интересъ будетъ для всякаго самымъ дѣйствительнымъ предписаніемъ. Но если бы правительство, въ видахъ такъ называемой *общественной* пользы, пожелало принудить частныхъ людей жертвовать

своими *собственными* выгодами, то усилія его остались бы, по меньшей мѣрѣ, безуспѣшными. «Промышленники и фабриканты, увидя, что дѣятельность и труды ихъ, вмѣсто ожидаемыхъ выгодъ, приносятъ имъ одни безпокойства и убытки, оставятъ безъ сомнѣнія и свои промыслы. Тогда и попеченія правительства, вмѣсто *общественной пользы,* обратятся въ *общественный вредъ».*

Въ торговлѣ принужденіе еще менѣе удобно, нежели въ ремеслахъ и мануфактурахъ: она устанавливается самою необходимостью и по мѣрѣ взаимныхъ нуждъ. Однако жъ есть возможность усилить и торговлю безъ всякаго принужденія. Стоитъ только какъ можно болѣе распространить свѣдѣнія объ избыткѣ произведеній въ однихъ мѣстахъ и недостаткѣ ихъ въ другихъ; открыть удобные способы доставлять произведенія туда, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются; облегчить денежные обороты, а главное—наблюдать, чтобы собственная выгода каждаго промышленника съ избыткомъ вознаграждала его за его предпріимчивость. Это будетъ гораздо дѣйствительнѣе всевозможныхъ наградъ и денежныхъ ссудъ.

Въ обширномъ проэктѣ устройства почтоваго департамента, заключающемъ въ себѣ множество подробностей относительно канцелярскаго порядка, обращаютъ на себя вниманіе общія начала, съ особенною рельефностью выдвинутыя Козодавлевымъ, какъ напримѣръ:

— Главное правило, какое департаментъ долженъ имѣть въ виду, есть то, чтобы за почты платили всегда тѣ, и только тѣ, которые ими пользуются, а отнюдь не тѣ, которые по почтѣ никогда не ѣздятъ. Почтовая гоньба устроена у насъ на невѣрныхъ началахъ. Проѣзжающіе, пользуясь всѣми удобствами почтовыхъ сообщеній, облегчены сверхъ того и въ платѣ за проѣздъ, а вся тяжесть падаетъ на крестьянъ, которые по почтѣ никогда не ѣздятъ.

— Первое и лучшее побужденіе подчиненныхъ къ исполненію ихъ долга есть то, когда начальствующее мѣсто подаетъ имъ примѣръ собою. Итакъ, почтовый департаментъ болѣе всего

обязанъ наблюдать за собственными своими дѣйствіями, которыя должны быть всегда сообразны съ закономъ и справедливостью, и т. д.

Поставленный во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ, со времени назначенія своего министромъ и до послѣднихъ дней своей жизни, неуклонно шелъ по пути, ведущему къ опредѣленной и ясно сознаваемой цѣли. Она заключалась въ томъ, чтобы довести до возможной степени развитія нашу народную промышленность и сельское хозяйство, понимаемое въ обширномъ смыслѣ. Главнѣйшею, поглощавшею его заботою было распространеніе и усовершенствованіе нашихъ фабрикъ и мануфактуръ. Необходимымъ, существеннымъ условіемъ для успѣха и прочности дѣла онъ признавалъ начало *свободы,* которое и старался проводить во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ по отношенію къ русской промышленности. Козодавлевъ желалъ, чтобы она была дѣйствительно *русская,* и чтобы русскія произведенія могли по праву замѣнять собою иностранныя. Для осуществленія любимой мысли Козодавлева надо было устранить много препятствій и затрудненій, возникавшихъ вслѣдствіе различныхъ причинъ.

Промышленность наша была еще въ зародышѣ; въ производствѣ работъ употреблялись способы первобытные; о нововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ многіе фабриканты и хозяева и слышать не хотѣли. Сенаторъ Аршеневскій, обозрѣвавшій фабрики болѣе нежели въ двадцати губерніяхъ, представилъ Козодавлеву свои соображенія о тогдашнемъ состояніи фабрикъ и о способахъ устранить многочисленные недостатки. Въ яркомъ свѣтѣ выставляетъ онъ все, что ему пришлось видѣть и наблюдать. Большая ярославская мануфактура бѣлила свои полотна, скатерти, салфетки и проч. солнцемъ на лугахъ, вмѣсто окисленнаго соленокислаго газа (gaze muriatique oxygené). Бумажные обои печатались на особой фабрикѣ, неимѣвшей типографскихъ прессовъ. Вмѣсто нихъ употреблялись деревянныя доски, на ко-

торыхъ вырѣзанъ былъ рисунокъ, и которыя подкладывались вмѣстѣ съ бумагою подъ длинную жердь, укрѣпленную съ одного конца, а на другой конецъ ея вспрыгивалъ мальчикъ, чтобы притиснуть бумагу къ doскѣ, и эти прыжки онъ долженъ былъ повторять при каждомъ подкладываніи вырѣзанной доски, и т. д.[91]).

Ко внутреннимъ неурядицамъ присоединилась внѣшняя бѣда. Нашествіе Наполеона оставило губительные слѣды; фабрики и заводы обращены въ развалины, машины истреблены, рабочіе разсѣялись по своимъ пепелищамъ. Но Козодавлевъ не отступалъ ни передъ какими трудностями, не останавливался на полупути, и не терялъ надежды, что его усилія не пропадутъ даромъ, и желаемая цѣль будетъ, раньше или позже, достигнута.

Козодавлевъ истощалъ всѣ доступныя ему средства для улучшенія земледѣлія, сельскаго хозяйства и преимущественно промышленности. Для того, чтобы освободить какъ производителей, такъ и потребителей отъ дани, платимой ими иностраннымъ заводчикамъ и фабрикантамъ, онъ усердно заботился о разведеніи въ Россіи растеній, обработка которыхъ происходила бы на русскихъ заводахъ. Если какое-либо предпріятіе онъ признавалъ полезнымъ, то ни подъ какимъ предлогомъ не выпускалъ его изъ рукъ, и съ удивительною настойчивостью добивался ожидаемыхъ результатовъ. Эта настойчивость, привлекавшая къ нему невольное уваженіе мыслящей части тогдашняго общества, не приходилась по сердцу людямъ, привыкшимъ вести дѣло спустя рукава. Она вызывала желчные пересуды, а подчасъ служила поводомъ для насмѣшекъ и остротъ. Къ числу предметовъ, о разведеніи которыхъ Козодавлевъ заботился съ особенною нѣжностью, принадлежалъ *кунжутъ*, изъ котораго добывалось масло, неуступавшее по своему достоинству ни одному изъ иностранныхъ продуктовъ въ этомъ родѣ. Хвалебныя статейки и объявленія о *кунжутномъ маслѣ* (l'huile de sesame oriental) попадались безпрестанно въ газетѣ Козодавлева — Сѣверной Почтѣ. Тамъ же помѣщались пространныя статьи о добываніи

масла изъ кунжутныхъ сѣмянъ и весьма подробныя описанія маслобойныхъ машинъ. Объявленія гласили, что превосходство кунжутнаго масла, и по вкусу и по выгодѣ употребленія, неоспоримы. На самыхъ пышныхъ азіатскихъ столахъ оно предпочитается оливковому; у насъ многими опытами найдено, что во всѣхъ постныхъ кушаньяхъ, вареныхъ и жареныхъ, и въ салатахъ, кунжутное масло гораздо лучше всякаго другаго, не исключая и прованскаго. Успѣхъ кунжутнаго масла радовалъ издателей Сѣверной Почты, какъ это видно изъ ихъ собственныхъ словъ, въ извѣстіи изъ Петербурга: «По неоднократномъ объявленіи о пользѣ и особенной добротѣ кунжутнаго масла, мы за удовольствіе себѣ поставляемъ сообщить къ свѣдѣнію прочихъ мѣстъ въ Россіи, что въ здѣшней столицѣ масло сіе вошло уже, можно сказать, во всеобщее употребленіе. Въ лучшихъ и знатнѣйшихъ домахъ считается оно необходимымъ запасомъ, и всѣ отчасу болѣе и болѣе удостовѣряются въ его изящности. Нѣтъ никакого сумнѣнія, что и во всякомъ другомъ городѣ было бы оно принято всѣми жителями съ удовольствіемъ», и т. д. [92]). Въ старой записной книжкѣ одного изъ современниковъ Козодавлева встрѣчается такая замѣтка: «Козодавлевъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, очень заботился о развитіи русской промышленности и о замѣненіи иностранныхъ произведеній своими, домашними. Въ газетѣ Сѣверная Почта, издаваемой при министерствѣ и при *личномъ* наблюденіи и *участіи самого министра*, часто и много толковали о кунжутномъ маслѣ. Когда Козодавлевъ умеръ, NN спрашивалъ, правда ли, что его соборовали кунжутнымъ масломъ» [93]).

Въ видахъ поощренія отечественной промышленности и торговли, щедро раздаваемы были, по ревностному ходатайству Козодавлева, привилегіи, ссуды, награды и т. п. за разнаго рода открытія, примѣненія, приспособленія и т. д. Множество данныхъ этого рода разсѣяно въ Сѣверной Почтѣ. Руководствуясь преимущественно этимъ, весьма важнымъ, источникомъ, а также полнымъ собраніемъ законовъ россійской имперіи, авторъ исто-

ріи министерства внутреннихъ дѣлъ указываетъ, изъ года въ годъ, что сдѣлано Козодавлевымъ, втеченіе его десятилѣтняго управленія министерствомъ, по отношенію къ фабрикамъ, заводамъ, торговлѣ, промышленности и земледѣлію [94]). Не повторяя данныхъ, приводимыхъ въ этомъ трудѣ, ограничусь общимъ замѣчаніемъ, что всѣ помыслы Козодавлева стремились къ тому, чтобы поставить русскую промышленность въ самыя благопріятныя условія, обезпечить ея дальнѣйшее развитіе, и возбудить въ русскомъ обществѣ сознательное предпочтеніе отечественныхъ произведеній иностраннымъ. Будучи въ теоріи горячимъ защитникомъ свободныхъ началъ, и примѣняя ихъ на дѣлѣ, Козодавлевъ предоставлялъ нашимъ фабрикантамъ и заводчикамъ многія льготы. Благодаря его дѣятельному участію, наши суконныя фабрики, бывшія прежде обязанными, обратились въ вольныя, и т. п.

Ратуя за самостоятельность русскихъ фабрикъ и мануфактуръ, онъ дѣйствовалъ вполнѣ искренно, какъ можно видѣть уже изъ того, что о предпочтеніи русскихъ товаровъ иностраннымъ онъ говорилъ не только въ офиціальныхъ бумагахъ, но и въ дружескихъ письмахъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ выражается такъ: «я положилъ себѣ ничего иного не употреблять, какъ нашего отечественнаго, русскаго произведенія» [95]). Выдающихся общественныхъ дѣятелей нельзя отрѣшать отъ той среды, въ которой они находились, отъ той нравственной атмосферы, въ которой они жили и дѣйствовали. А во времена Козодавлева любовь ко всему отечественному сказалась съ особенною силою. 1812-й годъ навсегда останется памятникомъ живѣйшаго возбужденія народнаго чувства и народнаго самосознанія. Въ то самое время, когда Козодавлевъ требовалъ замѣны иностранныхъ произведеній *русскими,* выросшими на *русской* землѣ и обработанными на *русскихъ* фабрикахъ и заводахъ, строители казанскаго собора, и во главѣ ихъ графъ Строгановъ, поставили своею задачею, чтобы въ сооруженіи знаменитаго храма участвовали исключительно *русскіе* художники и *русскіе* рабочіе. Зданіе это—

говоритъ газета Козодавлева — особенно замѣчательно потому, что оно все составлено изъ *русскихъ* матеріаловъ и руками *русскихъ* художниковъ, мастеровъ и работниковъ [96]).

Въ Петербургѣ былъ открытъ, въ 1811 году, купцомъ Кузнецовымъ магазинъ *русскихъ* суконъ и другихъ мануфактурныхъ издѣлій. Цѣль вновь открытаго магазина состояла именно въ томъ, чтобы въ немъ продавались исключительно *русскія* произведенія: поэтому и назывался онъ *русскимъ магазиномъ*. Вполнѣ сочувствуя цѣли учрежденія, Козодавлевъ всячески старался о его процвѣтаніи. «Мнѣ весьма пріятно было бы—пишетъ Козодавлевъ — если-бъ московскіе фабриканты почаще присылали издѣлія свои на продажу въ *русскій магазинъ* купца Кузнецова, который на сей единственно конецъ и учрежденъ, и можетъ весьма много способствовать къ скорѣйшей распродажѣ *русскихъ* издѣлій». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Препровождая при семъ еще нѣсколько образчиковъ иностранныхъ издѣлій, я покорнѣйше прошу васъ показать оные извѣстнѣйшимъ московскимъ фабрикантамъ и предложить имъ выработку таковыхъ издѣлій на ихъ фабрикахъ. Я увѣренъ, что они съ удовольствіемъ воспользуются симъ случаемъ, и приложатъ все стараніе свое, дабы *выработанныя ими издѣлія ни въ чемъ не уступали иностраннымъ: къ сему клонится все мое попеченіе*, а мнѣ пріятно будетъ увидѣть со временемъ, что гг. фабриканты и съ своей стороны вспомоществуютъ мнѣ къ достиженію сей цѣли» [97]).

Дѣятельное, неутомимое и разумное участіе, которое принималъ Козодавлевъ въ движеніи нашей промышленности, навсегда связало имя его съ образованіемъ у насъ такъ называемаго средняго сословія (tiers-état), въ рукахъ котораго находится торговля и промышленность. Историкъ министерства внутреннихъ дѣлъ говоритъ: «Средній классъ народонаселенія, о созданіи коего столько помышлялъ преобразователь Россіи, утвердился при Александрѣ I, и если не вполнѣ развился, то, по крайней мѣрѣ, пустилъ глубокіе корни въ государственномъ составѣ. Устремясь преимущественно на промышленность и торговлю, классъ этотъ

получилъ *самобытность* и большее или меньшее *сознаніе* ея. Осипъ Петровичъ Козодавлевъ былъ однимъ изъ тѣхъ министровъ, при которыхъ положено основаніе развитію средняго класса въ Россіи. Конечно, быть можетъ, вліяніе О. П. Козодавлева на образованіе у насъ средняго сословія было только косвенное, истекавшее изъ покровительства мануфактурамъ и торговлѣ, но тѣмъ не менѣе оно было рѣшительное. Министерство внутреннихъ дѣлъ, заботясь первоначально собственно о распространеніи промышленности, мануфактуръ и торговли, нашло основную опору для своихъ цѣлей въ купечествѣ и мѣщанствѣ; но эти состоянія до 1812 года существовали болѣе оффиціально, de jure, а на дѣлѣ, de facto, едва ли проявляли свою сословность. Отечественная война вызвала ихъ изъ скромной домашней и обыденной дѣятельности на служеніе престолу и народу, а служеніе это ставило нашихъ промышленниковъ и торговцевъ явно на ряду другихъ сословій имперіи. Мануфактурная и торговая промышленность привлекала на себя преимущественное, если не исключительное, вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Не случай и не прямая цѣль создать среднее сословіе въ Россіи руководили этого достопамятнаго министра, а стеченіе обстоятельствъ, война и соединенныя съ нею нужды правительства, было причиною, что сословіе это, незамѣтно для самого себя и для правительства, устанавливалось и укрѣплялось въ своемъ сословномъ значеніи. Задуманное правительствомъ въ началѣ восемнадцатаго вѣка, среднее сословіе обязано своимъ осуществленіемъ министру О. П. Козодавлеву» [98]).

Признавая необходимымъ и полезнымъ предоставлять возможно болѣе свободы промышленнымъ и торговымъ предпріятіямъ, Козодавлевъ не былъ сторонникомъ стѣснительныхъ мѣръ вообще, и, на сколько могъ, отклонялъ ихъ и въ отношеніи къ вопросамъ умственной и религіозной жизни. Онъ не считалъ справедливымъ подвергать дѣла совѣсти уголовной карѣ, и не

будучи въ состояніи измѣнить существующій законъ, старался по крайней мѣрѣ смягчить его суровость и обуздать излишнюю ревность мнимыхъ блюстителей правосудія. По дѣлу о такъ называемыхъ духоборцахъ Козодавлевъ внесъ въ комитетъ министровъ записку слѣдующаго содержанія:

— «Многіе такъ называемые духоборцы суждены были въ установленныхъ судебныхъ мѣстахъ, единственно за отпаденіе отъ православной вѣры и богохуленіе, на основаніи общихъ узаконеній, о преступленіяхъ сего рода существующихъ, и по силѣ оныхъ подверглись казни и ссылкѣ въ Сибирь. Въ числѣ же таковыхъ находилась даже одна беременная женщина, которая также съ прочими приговорена была къ наказанію, которое отложено было только до ея разрѣшенія... Но вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, по сношенію моему съ мѣстнымъ начальствомъ, освобождена отъ онаго, и оставлена на прежнемъ жительствѣ.

Изъ сего заключаю я, что несмотря на оказанное къ людямъ симъ со стороны правительства снисхожденіе и изъявленную уже многократно въ разныхъ повелѣніяхъ высочайшую волю, чтобы такъ называемымъ духоборцамъ отнюдь не было дѣлаемо никакихъ истязаній за образъ ихъ мыслей о религіи, судебныя мѣста и впредь могутъ присуждать ихъ къ уголовной казни, доколѣ прежнія о томъ узаконенія существовать будутъ.

Почему, въ отвращеніе сего и дабы отеческое милосердіе государя императора, къ людямъ симъ изъявленное, оставалось во всей своей силѣ, я считалъ бы нужнымъ существующія въ прежнихъ узаконеніяхъ статьи относительно духоборцевъ и другихъ подобныхъ имъ отпадшихъ отъ православія, и назначенныхъ въ оныхъ за сіе истязаній, пояснить надлежащимъ образомъ или же по крайней мѣрѣ постановить, чтобы судебныя мѣста приговоры свои о сихъ людяхъ представляли на утвержденіе правительствующаго сената» [99]).—

Выступая ходатаемъ за духоборцевъ и раскольниковъ, Козодавлевъ обнаруживаетъ едва ли не больше терпимости, чѣмъ Руссо, который, допуская государственную религію, утвер-

ждалъ, что хотя и нельзя никого заставить вѣрить общепринятымъ догматамъ, но правительство имѣетъ полное право изгонять, какъ государственнаго преступника, того, кто имъ не вѣритъ, и т. п.[100]).

Съ назначеніемъ Козодавлева министромъ внутреннихъ дѣлъ въ руки его перешло дѣло, конечною цѣлью котораго было паденіе крѣпостнаго права. Испытанный поборникъ свободныхъ началъ призванъ былъ потрудиться для свободы дѣйствительной, не въ отвлеченномъ и иносказательномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова,—для освобожденія живыхъ людей отъ тяготѣющихъ надъ ними произвола, насилія и гнета. Задумавъ освобожденіе крестьянъ, Александръ I избралъ своимъ сотрудникомъ Козодавлева, который и долженъ былъ, по мѣрѣ возможности, пролагать путь къ успѣшному достиженію цѣли. Выборъ государя и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ по отношенію къ Козодавлеву, можно назвать счастливымъ. Козодавлевъ соединялъ въ себѣ свойства, заслуживающія уваженія и сами по себѣ, и вполнѣ соотвѣтствовавшія возложенной на него не только юридической, но и нравственной, обязанности. Не только какъ министръ либеральнаго государя, но и какъ просвѣщенный человѣкъ, во глубинѣ души предпочитавшій свободу насилію и деспотизму, Козодавлевъ былъ достойнымъ ходатаемъ за угнетенныхъ и порабощенныхъ. Его христіанскія убѣжденія, его образованность, его дѣйствія въ отношеніи къ собственнымъ крѣпостнымъ крестьянамъ, ручались за то̀, что онъ не будетъ тормозить дѣла, которому и безъ того угрожали безчисленныя затрудненія и препятствія. По свидѣтельству современниковъ, Козодавлевъ принадлежалъ къ числу *примѣрныхъ* помѣщиковъ, принимавшихъ самое человѣческое участіе въ судьбѣ своихъ крѣпостныхъ. Даже люди, искоса посматривавшіе на блестящую служебную карьеру Козодавлева, отдавали ему полную справедливость за его попеченіе о крестьянахъ. Когда выгорѣла одна изъ его деревень, онъ не только освободилъ крестьянъ отъ всѣхъ повинностей, но не имѣя на ту пору собственныхъ де-

негъ, взялъ взаймы десять тысячъ рублей, и послалъ ихъ на вспоможеніе крестьянамъ [101]). Козодавлевъ былъ христіаниномъ не только по имени, но и по образу мыслей и по сердцу: вслѣдствіе этого онъ видѣлъ въ своемъ крѣпостномъ своего ближняго. Идеи свободы, развиваемыя въ сочиненіяхъ и лекціяхъ Платнера, Гоммеля, Геллерта и другихъ наставниковъ студента Козодавлева, не безслѣдно запали въ его впечатлительную душу, готовую принять доброе сѣмя. Житейская школа, житейскій опытъ, не истребили добрыхъ задатковъ, и дали только возможность, хотя бы и въ самыхъ скромныхъ и едва примѣтныхъ размѣрахъ, примѣнить къ дѣйствительности то̀, что̀ считалось такою неопровержимою истиною въ теоріи.

Въ ряду мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ, въ первой половинѣ нашего столѣтія, для постепеннаго освобожденія крестьянъ, видное мѣсто занимаетъ законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, т. е. объ увольненіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости по обоюдному условію ихъ съ помѣщиками [102]). Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ послѣдовалъ 20 февраля 1803 года, а непосредственно затѣмъ утверждены, 21 февраля 1803 года, правила для руководства министру внутреннихъ дѣлъ при разсмотрѣніи условій между помѣщиками и крестьянами, составленныхъ на основаніи этого указа.

По вступленіи Козодавлева въ должность министра, производство всѣхъ дѣлъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ возложено было преимущественно на него, вслѣдствіе особеннаго довѣрія къ нему государя. Съ отъѣздомъ Александра I не только внутрь Россіи, но и заграницу, не прекращались непосредственныя сношенія его по этимъ дѣламъ съ Козодавлевымъ. Козодавлевъ пишетъ государю: «Вашему императорскому величеству благоугодно было повелѣть мнѣ, дабы *дѣла, касающіяся до свободныхъ хлѣбопашцевъ, представляемы были мною попрежнему прямо вашему величеству»* [103]). При тогдашнемъ состояніи нашего законодательства, затрудненія встрѣчались на каждомъ шагу. Въ случаѣ возникавшихъ недоразумѣній, когда буква закона могла бы закрѣ-

постить крестьянъ, Козодавлевъ предлагалъ передать дѣло на коллегіальное обсужденіе. Государь соглашался съ Козодавлевымъ, и учреждалъ особый комитетъ, но самый выборъ членовъ показывалъ, что въ сущности все оставалось попрежнему въ рукахъ Козодавлева. Предсѣдатель комитета, престарѣлый графъ Румянцовъ, всецѣло передавалъ свои права и обязанности Козодавлеву.

Для нагляднаго знакомства съ внѣшнею стороною дѣла, съ пріемами, обязательными для министра внутреннихъ дѣлъ при разсмотрѣніи условій помѣщиковъ съ крестьянами, приводимъ одинъ изъ множества образцовъ, сохранившихся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ:

— «Правящій должность ярославскаго губернскаго предводителя дворянства, на основаніи высочайшаго указа, состоявшагося въ 20-й день февраля 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, представилъ мнѣ условіе, заключенное 20 февраля сего года тамошнимъ помѣщикомъ преміеръ-маіоромъ княземъ Сергіемъ Алексѣевымъ сыномъ Козловскимъ съ крестьянами его — ярославской губерніи и округи, въ селѣ Сидоровскомъ и деревняхъ: Селифонтовой, Кормилицыной, Бѣчихиной, Чуркиной, Лаптевой, Прасковьиной и Руденкахъ, въ коихъ показывалось по пятой ревизіи двѣсти двадцать девять душъ,—о увольненіи ихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, не исключая изъ того числа никого, кромѣ выбывшихъ уже по разнымъ законнымъ актамъ.

Условіе сіе состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Помѣщикъ, увольняя тѣхъ крестьянъ, доставшихся ему по наслѣдству послѣ отца его, уступаетъ имъ въ потомственное владѣніе всѣ земли и пустоши, примежеванныя къ упомянутому селу Сидоровскому, всего тысяча сто сорокъ три десятины, тысяча сто тридцать шесть квадратныхъ сажень, также одиннадцать отхожихъ пустошей, изъ коихъ однѣ были единственнаго его владѣнія, въ другихъ онъ имѣлъ извѣстныя доли, а въ нѣкоторыхъ состоялъ участникомъ безъ раздѣленія съ совладѣльцами, предоставляя изъ всѣхъ сихъ земель нѣсколько участковъ,

въ условіи подробно описанныхъ, въ частное владѣніе нѣкоторыхъ крестьянъ, тамъ поименованныхъ, прочіе же въ общій всѣмъ крестьянамъ раздѣлъ, для коего они предварительно составили разчисленіе по душамъ каждаго семейства, помѣщикомъ утвержденное. Сверхъ того, отдаетъ имъ господскій домъ въ селѣ Сидоровскомъ со всѣмъ строеніемъ.

2) Крестьяне, за даруемую имъ свободу и земли, обязываются заплатить помѣщику пятьдесятъ тысячъ рублей, изъ коихъ двадцать девять тысячъ взнесли уже, а остальныя двадцать одна тысяча разсрочиваются на семь лѣтъ, по равнымъ частямъ, а именно, на каждый годъ по три тысячи рублей, и притомъ, естьли въ теченіи сего времени помѣщикъ умретъ, то невыплаченныя еще крестьянами деньги прощаются имъ. Буде же бы крестьяне, или нѣкоторые изъ нихъ, въ неустойкѣ оказались, то таковые имѣютъ обратиться съ причитающеюся на нихъ землею паки въ крѣпость къ помѣщику и наслѣдникамъ его.

3) Дѣйствію сего постановленія начаться съ подписанія онаго, при чемъ крестьянамъ выдать всѣ документы на земли; за то̀ имъ уже принять на себя всѣ издержки по совершенію условія.

На основаніи высочайшаго указа 20 февраля 1803 года, соображалъ я условіе сіе съ правилами, въ руководство министра внутреннихъ дѣлъ по таковымъ случаямъ постановленными, и нашелъ слѣдующее:

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ПРАВИЛО 1.

1) Всѣ подробности, въ первомъ правилѣ предписанныя, въ условіи князя Козловскаго соблюдены, а именно:

a) Число увольняемыхъ крестьянъ и имена деревень означены.

b) Количество земли опредѣлено.

c) Цѣна положена.

d) Сроки платежа распредѣлены.

e) Свободность имѣнія удостовѣрена.

ПРАВИЛО 2 и 3.

2) Съ сими подробными означеніями условіе подписано самимъ помѣщикомъ, княземъ Козловскимъ, а со стороны крестьянъ утверждено подписью одного изъ нихъ, деревни Бечихиной крестьянина Григорія Кокина, по довѣренности, засвидѣтельствованной въ ярославскомъ уѣздномъ судѣ.

ПРАВИЛО 4.

3) Сверхъ сего, на томъ же самомъ условіи, обоюдное согласіе помѣщика князя Козловскаго и крестьянъ его засвидѣтельствовали ярославскіе уѣздный предводитель дворянства и земскій исправникъ.

ПРАВИЛО 5.

4) Къ условію приложено свидѣтельство гражданской палаты, означающее, что сіе имѣніе, въ коемъ показываетъ она двѣсти двадцать шесть душъ, подъ запрещеніемъ не состоитъ, и ни какихъ исковъ на немъ нѣтъ.

ПРАВИЛО 6.

5) Осторожность, въ шестомъ правилѣ предписанная, къ сему условію не относится, ибо помѣщикъ всѣхъ крестьянъ своихъ въ упомянутыхъ деревняхъ отпускаетъ на волю.

ПРАВИЛО 7 и 8.

6) Условіе помѣщика князя Козловскаго, при прошеніи на высочайшее имя, было представлено къ правящему должность ярославскаго губернскаго предводителя дворянства, который при донесеніи своемъ доставилъ ко мнѣ.

Получивъ оное къ моему разсмотрѣнію, я нашелъ:

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПРАВИЛО 1.

1) Что всѣ правила въ удостовѣреніе таковыхъ сдѣлокъ и въ охраненіе крестьянъ отъ подлога и притязанія соблюдены.

ПРАВИЛО 2.

2) Что оно принадлежитъ ко второму роду условій, въ пра-

вилахъ 21 февраля 1801 года означенныхъ, когда крестьяне и по увольненіи ихъ остаются еще въ нѣкоторомъ отношеніи къ помѣщику, не выплативъ всѣхъ слѣдующихъ ему денегъ, кои разсрочиваются имъ въ годы.

ПРАВИЛО 3 и 4.

3) Что удостовѣрено оно предписанными свидѣтельствами, и никакихъ распоряженій, общимъ законамъ противныхъ, въ себѣ не содержитъ.

ПРАВИЛО 5.

4) Что поелику помѣщикъ князь Козловскій отпускаетъ всѣхъ крестьянъ своихъ безъ исключенія, то первая часть сего правила къ условію сему не относится.

Вторая часть сего правила, возлагающая на помѣщика обязанность раздѣлить между крестьянами уступаемыя имъ земли, не въ точности исполнена, ибо помѣщикъ утвердилъ токмо разчисленіе крестьянъ, на сколько душъ какое семейство беретъ землю. Но обыкновенно при таковыхъ случаяхъ предоставлялось самимъ крестьянамъ раздѣленіе земель на участки.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ всѣ статьи сдѣланнаго помѣщикомъ княземъ Козловскимъ съ крестьянами его условія, я нахожу оныя сообразными съ высочайше утвержденными въ 21-й день февраля 1803 года правилами въ руководство министра внутреннихъ дѣлъ для разсмотрѣнія сдѣлокъ сего рода.

Донося о семъ вашему императорскому величеству, и представляя въ подлинникѣ, какъ прошеніе помѣщика князя Козловскаго и заключенное имъ съ крестьянами его условіе, такъ и данное ему изъ ярославской гражданской палаты на свободность его имѣнія свидѣтельство, вмѣстѣ съ прочими бумагами, къ дѣлу сему принадлежащими, повергаю на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе» [104]).—

Рамки, указанныя правилами для руководства министру внутреннихъ дѣлъ, были довольно тѣсны, и если бы правила эти достались въ руки министра, равнодушнаго къ судьбѣ крестьянъ, то

весь трудъ его ограничился бы исполненіемъ канцелярскихъ формальностей. Но не такимъ министромъ былъ Козодавлевъ. Онъ много разъ пытался выйти изъ указанныхъ ему предѣловъ и рѣшить дѣло не по буквѣ закона, а по его духу, по безусловно истиннымъ требованіямъ справедливости. Препятствія, встрѣчаемыя имъ при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, были двоякаго рода.

Съ одной стороны, люди вліятельные, имѣвшіе за себя большинство тогдашняго общества, упорно отстаивали права помѣщиковъ, и всячески противодѣйствовали освобожденію крестьянъ въ самомъ его зародышѣ. Они пугали правительство призракомъ возмущенія и бунта, и для предупрежденія ихъ считали необходимымъ удержать крѣпостное право во всей его силѣ. Во время войны съ Наполеономъ, въ Петербургѣ боялись не столько нашествія непріятеля, сколько возстанія крѣпостныхъ крестьянъ. По поводу предполагаемаго выѣзда министерствъ изъ Петербурга, высказывались подобныя соображенія: «Всякому извѣстно, кто только имѣетъ крѣпостныхъ служителей, что родъ людей сихъ обыкновенно недоволенъ господами, при самомъ лучшемъ обхожденіи съ ними, содержаніи и защищеніи ихъ отъ обидъ постороннихъ. Коль скоро правительство найдется въ необходимости оставить столицу, то прежде, нежели бъ могло послѣдовать нашествіе варваровъ, сіи домашніе люди, подстрекаемые буйными умами, безъ всякаго состоянія и родства здѣсь живущими, каковыхъ найдется здѣсь весьма довольно, въ соединеніи съ чернію, все разграбятъ, разорятъ, опустошатъ»[105]). Охотниковъ до крѣпостнаго права оказалось чрезвычайно много—отъ польскихъ и русскихъ сенаторовъ до мелкой шляхты и евреевъ-корчмарей.

Съ другой стороны, условія между крестьянами и помѣщиками представляли столько неопредѣленности въ юридическомъ отношеніи и путаницы во всѣхъ отношеніяхъ, что распутать и выяснить ихъ было нелегко даже для такого опытнаго законовѣда, какъ бывшій оберъ-прокуроръ нѣсколькихъ департаментовъ сената. Въ изложеніи дѣлъ по добровольнымъ условіямъ крестьянъ съ помѣщиками преобладаетъ канцелярская рутина и

канцелярское однообразіе; но тѣмъ не менѣе въ нихъ можно разглядѣть и слѣды личнаго участія Козодавлева. Оно обнаруживается въ неуклонномъ стремленіи отстаивать интересы крестьянъ, и, на сколько возможно по существующему законодательству, рѣшать дѣла въ ихъ пользу.

Вдова генералъ-поручика, графиня Подгоричани заявила, что сынъ ея сдѣлалъ словесное завѣщаніе, чтобы, въ случаѣ его смерти, крестьяне его были выпущены на волю и обращены въ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Графиня Подгоричани утверждала, что сынъ ея — послѣдній въ родѣ. Между тѣмъ явилось нѣсколько претендентовъ съ юридическими доказательствами своего происхожденія изъ того же рода и своихъ правъ на наслѣдство, т. е. на крестьянъ. Доводы графини Подгоричани были, въ юридическомъ отношеніи, весьма шатки, но они клонились къ освобожденію крестьянъ. Козодавлевъ представилъ такое заключеніе по этому дѣлу.

— На основаніи общихъ постановленій объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, крестьяне могутъ быть увольняемы не только въ благопріобрѣтенномъ, но и *въ родовомъ имѣніи*, и слѣдовательно независимо отъ наслѣдниковъ, то нѣтъ сомнѣнія, что сынъ графа Подгоричани *имѣлъ право при жизни своей сдѣлать* (*NB*. но не сдѣлалъ) *условіе съ крестьянами и отпустить ихъ на волю*. Притомъ имѣніе *пожаловано* генералъ-поручику графу Подгоричани, а онъ *здѣсь*, кромѣ жены и дѣтей, никого наслѣдниковъ не имѣлъ, то имѣніе это, какъ кажется, должно быть свободно отъ притязаній чужеродцовъ. На этомъ основаніи можно бы, кажется дозволить графини Подгоричани уволить крестьянъ, оставшихся послѣ сына ея, въ свободные хлѣбопашцы. — А такъ какъ обстоятельство это, *въ своемъ родѣ новое*, требуетъ особаго постановленія, то Козодавлевъ и предлагаетъ разсмотрѣть его въ особомъ комитетѣ, и т. д. [106]).

Тамбовская помѣщица Панова сдѣлала распоряженіе, чтобы крестьяне ея были, по смерти ея, отпущены на волю и обращены въ свободныхъ хлѣбопашцевъ, съ предоставленіемъ во владѣніе

ихъ разныхъ земель. Актъ этотъ составленъ въ надлежащемъ порядкѣ, и имѣлъ всѣ нужныя удостовѣренія. Но такъ какъ въ правилахъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ ничего не говорится объ увольненіи крестьянъ *по смерти* ихъ владѣльцевъ, то министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ. Государственный совѣтъ постановилъ, что подобныхъ посмертныхъ распоряженій дѣлать нельзя. На этомъ основаніи было предложено Пановой, черезъ губернскаго предводителя дворянства, не согласится ли она уволить крестьянъ своихъ при жизни. Пока шла переписка, Панова, женщина старая и болѣзненная, умерла. Если бы министръ, вѣдавшій крестьянскія дѣла, руководствовался одними только юридическими формальностями, то крестьяне Пановой не вышли бы изъ крѣпостной зависимости. Но Козодавлевъ не былъ формалистомъ. Вотъ его соображенія по дѣлу Пановой:

— Хотя въ постановленіяхъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ и нѣтъ разрѣшенія освобождать крестьянъ по смерти ихъ владѣльцевъ; но въ этихъ постановленіяхъ *нѣтъ также и запрещенія* отпускать крестьянъ на волю по смерти ихъ помѣщиковъ, если этого, при жизни своей, желали сами помѣщики.

— Положеніе государственнаго совѣта, запрещающее дѣлать подобныя распоряженія, *не было обнародовано*, а потому его и не имѣли въ виду при производствѣ дѣлъ о крестьянахъ.

— По своимъ лѣтамъ и болѣзнямъ, Панова, предчувствуя близкую смерть, просила поспѣшить окончаніемъ дѣла, и, безъ сомнѣнія, *согласилась бы* на требуемыя перемѣны въ условіяхъ.

Главный же доводъ Козодавлева въ пользу утвержденія акта, представленнаго Пановою, и необлеченнаго въ юридически-законныя формы, заключался въ слѣдующемъ:

— Если представленный актъ не будетъ утвержденъ, то *«сто пятьдесятъ пять душъ крестьянъ должны будутъ возвратиться въ крѣпостное состояніе, изъ коего надѣялись освободиться, такъ какъ указомъ 14 декабря 1807 года запрещено увольнять крестьянъ иначе, какъ по правиламъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ»* [107]).

Содержатель обязанной суконной фабрики отпустилъ на волю мастероваго, не имѣя на это никакого права. Несмотря на это, Козодавлевъ, вѣрный высказанному имъ убѣжденію, что человѣкъ, однажды получившій свободу, не долженъ быть рабомъ, ходатайствовалъ объ оставленіи на волѣ освобожденнаго, и ходатайство Козодавлева было уважено. Козодавлевъ указывалъ между прочимъ на то̀, что хотя бы мастеровой и отпущенъ на волю юридически-неправильно, но онъ отпущенъ за заслуги отца, который и теперь находится на фабрикѣ, и, сверхъ того, въ замѣнъ выбывшаго фабрика пріобрѣла уже другаго работника [108]).

Вездѣ, гдѣ могъ, Козодавлевъ являлся защитникомъ крестьянъ и ходатаемъ за расширеніе ихъ гражданскихъ правъ.

Нѣкоторые изъ помѣщиковъ не исполняли заключенныхъ ими условій, и подъ разными предлогами не отпускали крестьянъ своихъ на волю. Козодавлевъ представлялъ государю о необходимости оградить крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, чтобы «установленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, для общей пользы крестьянъ и помѣщиковъ изданное, *не обратилось въ средство къ угнетенію крестьянъ*» [109]).

По ходатайству Козодавлева, не только свободные хлѣбопашцы, но и помѣщичьи крестьяне пріобрѣли право учреждать фабрики и заводы. Онъ же испросилъ запрещеніе торговать крестьянами— покупать ихъ къ фабрикамъ и заводамъ, впредь до составленія новыхъ правилъ [110]). Временно исправляя должность министра духовныхъ дѣлъ, онъ входилъ съ представленіемъ, чтобы помѣщики ни подъ какимъ видомъ не заставляли крестьянъ своихъ исполнять господскія работы въ воскресные и праздничные дни. Государь приказалъ, чтобы доводить до его свѣдѣнія тѣ случаи, когда постановленіе это будетъ нарушено кѣмъ-либо изъ помѣщиковъ [111]).

Въ какомъ духѣ рѣшались, при Козодавлевѣ, дѣла, касавшіяся крестьянъ и дѣлаемыхъ имъ притѣсненій, можно судить по слѣдующему примѣру.

До правительства дошли слухи о томъ, что въ западномъ краѣ Россіи крестьяне угнетаются своими помѣщиками. Признано необходимымъ собрать точныя свѣдѣнія, изъ самыхъ достовѣрныхъ, мѣстныхъ, источниковъ. По изслѣдованіи на мѣстѣ открылось, что крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ минской губерніи, находясь въ бѣдственномъ положеніи отъ неурожая, скотскаго падежа и другихъ несчастій, «примѣшивали въ хлѣбъ мякину, солому и липовый листъ. При такомъ бѣдственномъ ихъ положеніи помѣщики и арендаторы не только мало обращали на нихъ вниманія, но еще стѣсняли ихъ отяготительными работами и многими другими распоряженіями, какъ-то: задерживали на господскихъ работахъ болѣе дней, нежели сколько положено, и т. п. Запрещалось крестьянамъ молоть хлѣбъ на собственныхъ жерновахъ, дабы они платили арендаторамъ положенную за помолъ плату. Запрещалось имъ также продавать на сторону собственные продукты, и сверхъ того, раздавалась крестьянамъ, въ отягощеніе ихъ, изъ господской экономіи соль въ большемъ количествѣ противу потребности и гораздо по высшей цѣнѣ, нежели по какой можно было покупать ее у вольнопромышленниковъ». Вслѣдствіе этого правительство постановило:

— Если у помѣщика или арендатора не будетъ доставать крестьянамъ хлѣба для продовольствія и сѣмянъ для посѣва, то они должны снабжать крестьянъ хлѣбомъ изъ собственныхъ запасовъ.

— Если у кого изъ крестьянъ не будетъ рабочаго скота, то владѣльцы обязаны засѣвать ихъ поля, производя работу въ господскіе рабочіе дни.

— Если крестьянинъ, будучи на крестьянской работѣ, заболѣетъ, то дней болѣзни его не считать незаработанными.

— Если случится дождь, препятствующій работѣ, и крестьянинъ отпущенъ будетъ отъ господской работы, то не переносить ея на другое время.

— Не запрещать крестьянамъ молоть хлѣбъ на своихъ жерновахъ, которые при хатахъ ихъ имѣются, и не принуждать

крестьянъ возить свой хлѣбъ на мельницы, арендуемыя евреями, и платить за это евреямъ деньгами или зерномъ.

— Уничтожить разорительную для крестьянъ экзекуцію со стороны владѣльцовъ за неотдачу долговъ евреямъ, отчего крестьяне вынуждены бываютъ продавать свое послѣднее достояніе.

— Разрѣшить крестьянамъ продажу своихъ продуктовъ, гдѣ пожелаютъ, безъ всякой платы евреямъ корчмарямъ.

— Отнюдь не стѣснять крестьянъ въ покупкѣ соли у вольныхъ продавцевъ.

— Евреямъ, арендующимъ корчмы, не позволять давать крестьянамъ въ ростъ деньги, на вѣру вино, и забирать у нихъ за это скотъ или что-либо другое, необходимое для крестьянина [112]).

Самымъ печальнымъ эпизодомъ въ исторіи крестьянскаго дѣла во времена Козодавлева служатъ положенія, составленныя остзейскими помѣщиками для остзейскихъ крестьянъ. Злую шутку сыграли остзейскіе дворяне и законники съ нашею администраціею: подъ видомъ улучшенія крестьянскаго быта, они улучшили свое собственное благосостояніе къ явному ущербу крестьянъ. Съ Козодавлевымъ повторилась старая исторія. Подобно тому, какъ вдохновляемый остзейскими баронами рьяный республиканецъ Лагарпъ предлагалъ освободить крестьянъ на такихъ началахъ, которыя въ дѣйствительности отняли бы у крестьянъ всякую свободу, такъ и Козодавлевъ, при всемъ своемъ либерализмѣ, не далъ отпора замаскированнымъ посягательствамъ остзейцовъ на свободу и человѣческія права крестьянъ. Положенія о крестьянахъ, выработанныя остзейскими помѣщиками, изложены весьма подробно и оцѣнены по достоинству историкомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ говоритъ: «Эти положенія представляютъ замѣчательный трудъ въ отношеніи обработки вообще и въ отношеніи юридическомъ; но въ нихъ крестьянамъ предоставлялась только личная свобода безъ земли. Результатъ положеній совершенно соотвѣтствовалъ мысли ихъ: помѣщичьи имѣнія возвысились въ цѣнѣ, устроились лучше противъ преж-

няго, обогатились доходами; между тѣмъ крестьяне обѣднѣли и подверглись многоразличнымъ обременительнымъ повинностямъ и работамъ, не имѣя притомъ никакого обезпеченія своего благосостоянія и достаточнаго вознагражденія за господскія работы» [113]).

Оставляя совершенно въ сторонѣ остзейскій край съ его исключительностями, и имѣя въ виду жителей всѣхъ другихъ краевъ Россіи, замѣтимъ, что при заключеніи условій съ крестьянами, и вообще отпуская крестьянъ своихъ на волю, помѣщики руководствовались различными побужденіями. Отсюда различіе и въ приводимыхъ основаніяхъ и въ самомъ тонѣ изложенія. Какъ на двѣ противоположности, какъ на два типа дѣлъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе Козодавлева, укажу на просьбы извѣстныхъ уже намъ графини Подгоричани и Пановой, любопытныя и по содержанію своему и по мотивамъ.

Графиня Подгоричани пишетъ: «Сынъ мой, полковникъ графъ Подгоричани, почти въ глазахъ моихъ омылъ кровію своею проступки молодости его: онъ палъ мертвъ на мѣстѣ сраженія за отечество. Извѣщенный по командѣ о высочайшемъ соизволеніи заслужить вины свои на полѣ чести, на другой же день былъ онъ готовъ къ тому, и прощаясь со мною, сказалъ: «Хотя на брани всякаго изъ военно-служащихъ жизнь подвержена опасности, но моею долженъ я болѣе другихъ рисковать, какъ для заглажденія моихъ проступковъ, такъ и во свидѣтельство глубочайшаго уваженія моего къ милосердію монарха. А потому, если паду я мертвъ, и какъ я въ родѣ отца моего послѣдній, коему за ревностную службу пожалованы тысяча душъ крестьянъ, то умоляю васъ испросить государя императора высочайшій указъ объ обращеніи оныхъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы послѣ смерти вашей. Они, найдя себя болѣе счастливыми въ единственномъ вѣдомствѣ общаго отца Россіи, моленіями своими о мнѣ, конечно, облегчатъ вины мои предъ Богомъ и успокоятъ душу мою» и т. д. Умилительная риторика просительницы не возбуждаетъ особеннаго довѣрія. Совершенно иное впечатлѣніе

производитъ своею простотою и правдивостью заявленіе Пановой. Она пишетъ Козодавлеву: «Со дня смерти мужа моего, помышляла я отпустить крестьянъ и дворовыхъ людей, всѣхъ безъ изъятія, чтобы они послѣ смерти моей включены были въ число свободныхъ хлѣбопашцевъ. Но болѣзнь моя долго останавливала меня исполнить сіе *Богу пріятное дѣло*. Имѣніе сіе свободно отъ казеннаго и партикулярнаго залога, ни съ кѣмъ не состоитъ въ спорѣ, и не имѣется на немъ никакихъ казенныхъ взысканій. Отпускаю ихъ со всею, по дачамъ того села, землею, лѣсами и прочими угодьи, не полагая на нихъ никакой за сіе увольненіе платы, и не дѣлая съ ними никакого условія. Зная ихъ ко мнѣ усердіе и вѣрность, надѣюсь, что они не сдѣлаютъ мнѣ при жизни никакого неудовольствія» и т. д.

Весьма любопытна переписка, происходившая между Козодавлевымъ и мѣстными властями, по поводу указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ и его ожидаемыхъ послѣдствій. Офиціальныя бумаги, при всемъ своемъ лаконизмѣ, рисуютъ иногда положеніе вещей гораздо живѣе и ярче, нежели самыя витіеватыя описанія.

Въ надеждѣ получить точныя и утѣшительныя свѣдѣнія о бытѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ, Козодавлевъ писалъ воронежскому губернатору: «Желалъ бы я знать, въ какомъ состояніи люди сіи нынѣ находятся, чѣмъ они промышляютъ, и вообще какъ дѣйствуетъ на нихъ *благодѣтельный* указъ 1803 года. Сообщеніемъ мнѣ подробныхъ по предмету сему свѣдѣній крайне меня обяжете, и доставите случай довести также о томъ и до свѣдѣнія его императорскаго величества, ибо сей предметъ благотворному сердцу государя императора весьма близокъ, и хотя *извѣстно уже, что сіи хлѣбопашцы, наслаждаясь гражданскою свободою, благодѣйствуютъ, и государству тѣмъ самымъ приносятъ пользу*, однакожъ нужно имѣть объ ономъ министерству внутреннихъ дѣлъ и обстоятельное свѣдѣніе».

Воронежскій губернаторъ отвѣчалъ Козодавлеву: «Хлѣбопашцы сіи *находятся и понынѣ въ подобномъ прежнему состояніи: казенныя подати и откупную за увольненіе сумму взносятъ,*

куда слѣдуетъ, бездоимочно. Занятіе ихъ и упражненіе есть хлѣбопашество, развозка, по подрядамъ, соли, провіанта и прочаго. Частію жъ нѣкоторые отпускаются для заработковъ въ постороннія мѣста, и симъ образомъ и продажею разныхъ своихъ избытковъ удовлетворяютъ свои потребности, собственно къ себѣ, помѣщикамъ и казнѣ относящіяся. Умолотъ хлѣба весьма худъ, такъ что выходитъ съ копны не болѣе какъ по одному четверику, и сіе самое, равно неурожай сѣна, причиною тому, что умалилось скотоводство. А у валуйскихъ урожай хлѣба таковой, что съ озимаго земледѣльцы едва могутъ получить высѣянныя сѣмена; яроваго жъ въ годовую пропорцію къ прокормленію достать можетъ» [114]).

Призванный императоромъ Александромъ I къ обширной государственной дѣятельности, и облеченный довѣріемъ правительства, Козодавлевъ постоянно оставался на высотѣ своего призванія, и не употреблялъ во зло довѣрія, выпавшаго на его долю. Труженикъ по природѣ своей, Козодавлевъ принялся за работу и велъ ее съ полнымъ сознаніемъ своихъ обязанностей и съ яснымъ понятіемъ о взаимномъ отношеніи и связи частей, составляющихъ то цѣлое, которое ввѣрено было его управленію. У него былъ опредѣленный взглядъ, опредѣленная программа, онъ руководствовался опредѣленными началами, отступить отъ которыхъ онъ не могъ, не измѣняя самому себѣ.

Существо власти министра—говоритъ Козодавлевъ—состоитъ не въ одномъ только наблюденіи за тѣмъ, чтобы подвѣдомственныя ему мѣста и лица строго исполняли существующіе законы и постановленія; но и въ начертаніи точнаго пути, по которому и должно слѣдовать неуклонно. Министръ, какъ главная дѣйствующая пружина, ведетъ всѣ частныя дѣйствія подчиненныхъ къ одной общей точкѣ зрѣнія, къ одной, поставленной имъ, цѣли. Онъ частію открываетъ своимъ сотрудникамъ и помощни-

камъ главные свои виды, частію же предоставляетъ ихъ до поры до времени самому себѣ, чтобы сообщать ихъ сотрудникамъ впослѣдствіи, когда найдетъ болѣе удобнымъ. Въ общемъ движеніи частей, глава министерства самъ направляетъ каждую часть къ ея прямой цѣли.

Главная цѣль управленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вообще заключается въ открытіи и пріумноженіи источниковъ государственнаго богатства посредствомъ развитія земледѣлія и промышленности и въ доставленіи государству и обществу выгодъ и удобствъ устройствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій.

Способы къ достиженію цѣли могутъ быть опредѣлены только тогда, когда министръ пріобрѣтетъ самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ частяхъ, ввѣренныхъ его управленію. Для этого ему необходимо знать: дѣйствительное положеніе каждой изъ этихъ частей, ихъ недостатки и нужды, причины тѣхъ и другихъ, и наиболѣе пригодныя средства къ устраненію первыхъ и къ удовлетворенію послѣднихъ. Вооруженный тщательно добытыми свѣдѣніями, министръ можетъ приступить къ дѣйствіямъ, въ основу которыхъ должны быть положены *истинныя начала*. *Истинныя начала непреложны*; они опредѣляются самимъ свойствомъ вещей и здравымъ о нихъ понятіемъ [115]).

Подъ именемъ *истинныхъ началъ* вообще Козодавлевъ понималъ непреложныя требованія разума и совѣсти въ примѣненіи къ житейскимъ нуждамъ и потребностямъ. Такимъ образомъ онъ находилъ, какъ мы видѣли, что устройство почтовой части у насъ «не основано на *истинныхъ началахъ*: вся тяжесть падаетъ на крестьянъ, которые по почтѣ никогда не ѣздятъ», и т. д.

Истинныя начала, здравыя понятія о свойствѣ вещей, должны руководить управленіемъ какъ отдѣльныхъ частей каждаго министерства, такъ и управленіемъ всѣхъ ихъ въ совокупности, т. е. всего государства, составляющаго одно великое цѣлое. Здравое понятіе о Россіи и русскомъ народѣ требуетъ, чтобы русское правительство дѣйствовало *поевропейски*, а не *поазіат-*

ски. Существеннымъ различіемъ между *европейскими* и *азіатскими* порядками Козодавлевъ считаетъ то̀, что европейскіе народы живутъ подъ властію и защитою *закона*, а въ азіатскихъ государствахъ все зависитъ отъ *произвола* правителей.

Взглядъ Козодавлева какъ нельзя болѣе совпадаетъ со взглядомъ Монтескье, выраженнымъ и Екатериною II въ ея наказѣ: русскіе, по существу своему, европейцы, и Петръ Великій, сближая Россію съ западною Европою, въ дѣйствительности «вводилъ нравы и обычаи *европейскіе* въ *европейскомъ* народѣ» и т. д. Такое же сходство съ наказомъ Екатерины II замѣчается въ строгомъ разграниченіи двухъ самостоятельныхъ областей— суда и администраціи, и въ признаніи полной свободы и независимости суда, безъ которой немыслимо правосудіе. Въ первоначальной редакціи наказа говорилось: «тамъ нѣтъ гражданской свободы и безопасности, гдѣ судебная власть не отдѣлена отъ законодательной» и т. д. Подобную же мысль высказываетъ и Козодавлевъ въ замѣчаніяхъ своихъ на проэктъ, составленный знаменитымъ Ермоловымъ касательно управленія ввѣреннымъ ему краемъ.

Алексѣю Петровичу Ермолову ввѣрено было управленію Грузіею и губерніями: астраханскою и кавказскою. Чтобы повести дѣло какъ слѣдуетъ, Ермолову нужно было выдержать упорную борьбу. Иныя мѣста онъ нашелъ, какъ самъ выражается, въ состояніи совершеннаго разрушенія; въ другихъ поразили его неурядицы, распущенность и явныя злоупотребленія. Въ одномъ изъ приказовъ своихъ по грузинскому корпусу онъ говоритъ: «Предупреждаю гг. начальниковъ, что не только не буду, подобно имъ, равнодушнымъ къ состоянію больныхъ солдатъ; напротивъ того, обращу ихъ строгими мѣрами къ ихъ обязанностямъ. Г. генералъ-маіору Мерлину даю способъ загладить вину нерадѣнія его предложеніемъ на лазаретъ собственнаго его дома, въ построеніи коего участвовали солдаты, которые въ то время съ большею пользою могли обращены быть, по крайней мѣрѣ, на построеніе прежде лазарета, о чемъ ожидаю донесенія. Лазаретъ такъ наполненъ,

что одного стѣсненія довольно, чтобы между людьми размножить и усилить болѣзни. Лѣкарь часто пьянъ и рѣдко бываетъ въ лазаретѣ; его, содержа подъ карауломъ, вытрезвить и расположить жить въ лазаретѣ, всегдашнимъ занятіемъ отнять праздность—причину пьянства. Больные размножаются отъ безпорядочнаго употребленія людей на службу, отъ несоблюденія очереди между ними» и т. д. Такой порядокъ вещей требовалъ мѣръ быстрыхъ и сообразныхъ съ обстоятельствами, а переписка съ Петербургомъ чрезвычайно усложняла и безполезно затягивала дѣло. Притомъ изъ Петербурга получались иногда отвѣты весьма странные, въ которыхъ видно было совершенное незнаніе мѣстныхъ условій. Ермоловъ никакъ не могъ допустить мысли, чтобы люди, находящіеся за три тысячи верстъ, могли видѣть лучше, нежели онъ, все то̀, что̀ происходитъ передъ его глазами. «Я требую трудовъ, — пишетъ онъ государю — и здѣсь все надобно доставать трудами. Но безполезно одобряю трудящихся: не внимаетъ начальство моимъ представленіямъ; не смѣю ручаться подчиненнымъ за справедливое воздаяніе трудовъ ихъ, а потому и довѣрія къ правительству внушить имъ не могу» [116]). Находя необходимымъ точнѣе опредѣлить права и обязанности управляющаго краемъ и оградить ихъ отъ посторонняго вмѣшательства, Ермоловъ представилъ свои соображенія въ видѣ проэкта, въ которомъ говоритъ:

— «1) Всѣ части управленія въ Грузіи, астраханской и кавказской губерніяхъ, ввѣрить вънепосредственное управленіе мое и отвѣтственность, поставивъ министерства въ сношеніе по симъ частямъ съ однимъ только мною. Прибывъ на мѣсто, я сдѣлаю распоряженіе, о чемъ подчиненныя мнѣ лица и мѣста должны мимо меня доносить министрамъ по дѣламъ срочнымъ или по экстренности; но всѣ предписанія ихъ тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, прямо сдѣланныя, чтобы сообщаемы были въ тоже время и мнѣ.

2) Опредѣленіе, отставку и отрѣшеніе чиновниковъ, зависящихъ отъ правительствующаго сената и министровъ, не иначе производить, какъ по представленію моему, или по крайней мѣрѣ

съ моего согласія; а тѣхъ, кои зависятъ отъ прочихъ мѣстъ и лицъ, мнѣ собственно предоставить, какъ равно и отпуски четырехмѣсячные всѣхъ чиновъ, кромѣ губернаторовъ, по отдаленности мѣста, возложить на мое усмотрѣніе.

3) Чтобы ни одинъ чиновникъ безъ моего вѣдома не былъ отвлекаемъ отъ должности подъ предлогомъ истребованія по дѣламъ службы или отпуска.

4) Всякое новое постановленіе и законъ на ввѣренный мнѣ край не иначе издавать, какъ по предварительномъ со мною сношеніи, могутъ ли они быть исполнены съ пользою.

5) Постановить, чтобы никакое лице изъ подчиненныхъ министрамъ ни въ какомъ случаѣ не могло сноситься съ главноуправляющимъ въ видѣ требованія отвѣта, предоставивъ право сіе только правительствующему сенату и гг. министрамъ.

8) Замѣчено мною и прежде, что люди злонамѣренные и корыстію влекомые подъ благовидною личиною испрашиваютъ себѣ званія, дающія имъ право отправляться въ губерніи временными обозрителями или въ другихъ подобныхъ наименованіяхъ. Здѣсь—не цѣль полезнаго и ревностнаго служенія, а однѣ личныя выгоды, существенный вредъ наносящія. Для различенія по мѣстной удобности добра отъ зла постановить, чтобы всякая такого рода командировка, буде оная необходима по частямъ мнѣ ввѣреннаго края, производима была не иначе, какъ присылкою ко мнѣ сказанныхъ господъ съ ихъ комиссіями, дабы я могъ разсмотрѣть и рѣшить, есть ли существенная надобность дѣйствовать упоминаемому лицу или нѣтъ, и въ послѣднемъ случаѣ отсылать обратно.

9) Дабы отнять зло, во всѣхъ мѣстахъ распространившееся—ябеду и доносы, множество ничтожныхъ дѣлъ творящіе, всемилостивѣйше повелѣть отнюдь не поручать никакому постороннему лицу обслѣдованія и ревизіи по доносамъ таковымъ, а предоставить оныя мнѣ, яко лицу, коему непосредственно ввѣренъ весь край. Я, по уваженію обстоятельства, самъ лично или порученностію, преимущественно во всякихъ случаяхъ чрезъ во-

инскихъ чиновниковъ, изслѣдую, и рѣшу истребленіемъ злоупотребленія по всей строгости законовъ. Въ противномъ же случаѣ, да дозволено мнѣ будетъ лжедоносчиковъ и ябедниковъ, нарушающихъ тишину и спокойствіе общаго управленія и порядка службы, предавать военному, а не гражданскому, суду.

11) Свѣдавъ, что съ 1803 года не исполнена высочайшая воля, о свободной рыбопромышленности по берегамъ Каспійскаго моря, и общія правила о рыболовствѣ въ себѣ заключающая, я испрашиваю позволенія прекратить всякую монополію въ семъ промыслѣ, независимо отъ того, какъ въ точное исполненіе приведенъ будетъ изъясненный указъ, дабы, исторгнувъ народъ изъ рукъ корыстолюбцевъ, показать съ самаго пріѣзда моего благодѣтельное вашего императорскаго величества попеченіе о благѣ подданныхъ вашихъ».—

По постановленію комитета министровъ, Козодавлеву поручено было разсмотрѣть представленный Ермоловымъ проэктъ, и именно тѣ его части, которыя относятся къ суду и администраціи. На обсужденіе Козодавлева препровождена была «выписка» изъ проэкта Ермолова, касающаяся министерства внутреннихъ дѣлъ и министерства юстиціи, которымъ также управлялъ тогда Козодавлевъ.

При всемъ уваженіи своемъ къ А. П. Ермолову, къ его умственнымъ и нравственнымъ достоинствамъ, Козодавлевъ не могъ согласиться съ тѣми требованіями, которыя противорѣчили его основнымъ понятіямъ о правахъ и предѣлахъ власти, о безопасности лица и имущества, и о независимости суда отъ администраціи. Приводимъ замѣчательное мнѣніе Козодавлева, весьма ярко выражающее взглядъ государственнаго человѣка временъ Александра I.

— «Прежде изложенія примѣчаній моихъ на сію выписку, нужнымъ я нахожу сказать, что я, уважая качества, способности и вообще достоинства, коими украшается генералъ-лейтенантъ Ермоловъ, нимало не отношу сихъ моихъ примѣчаній на его лице, но говорю вообще о власти, присвояемой сею запискою главноуправляющему въ поименованныхъ губерніяхъ. Обозрѣвая всѣ

статьи сей выписки вдругъ, нахожу я, что цѣль оной есть единоличное управленіе, то есть, предполагается ввѣрить въ самовластное управленіе три губерніи одному лицу, не ограничивая его существующими общими узаконеніями. Я слова не скажу о Грузіи, гдѣ образъ *азіатскаго* правленія еще изъ памяти не могъ выдти, и гдѣ, до присоединенія Грузіи къ Россіи, сами цари и вельможи, облеченные царскою довѣренностію, управляли землею, и однимъ лицемъ судили дѣла уголовныя и гражданскія, а потому и законъ, служащій суду таковому основаніемъ, былъ единственно воля судящаго, отъ коей и зависѣла участь судимаго. Я повѣрю, что въ Грузіи единоличному управленію никто не удивится, и на нѣкоторое время оно тамо терпимо быть можетъ. Но въ кавказской и астраханской губерніяхъ едва-ли совмѣстно будетъ предполагаемое въ сей выпискѣ управленіе, ибо сіи двѣ губерніи давно уже видятъ зарю цивилизаціи и управленія *европейскаго*. Я говорю *зарю* потому, что краткость времени не допустила еще, по предположеніямъ Петра перваго, Екатерины второй и нынѣ царствующаго Александра перваго, распространиться во всей яркости своей свѣту цивилизаціи въ томъ отдаленномъ краю. Нельзя однакожъ отрицать, чтобъ и тамъ, какъ администрація, такъ и судебная часть, не утвердились уже на основаніяхъ *европейскаго* управленія, а потому и обыватели того края знаютъ уже цѣну безопасности лица и имущества, охраняемой *законами*, а не единственною волею правителя губерніи.

Теперь приступаю я къ статьямъ выписки.

Ввѣрить въ непосредственное управленіе главноуправляющаго всѣ части по губерніямъ кавказской и астраханской должно, по мнѣнію моему, точно на томъ основаніи, какъ объ ономъ предписывается въ учрежденіи о губерніяхъ, гдѣ все къ общей пользѣ придумано; а сверхъ того, въ послѣдовавшихъ оному учрежденіи министерствъ и указахъ и инструкціяхъ, оное подтверждено и объяснено. Что жъ касается до отвѣтственности главноуправляющаго, то мудрено, чтобъ оная могла приведена быть когда-либо въ дѣйствіе, естьли никто ни писать, ни доно-

сить, ни въ отпускъ отпущенъ, ни по дѣламъ службы вызванъ быть не можетъ; равно когда никто осматривать губерній, ниже взглянуть на оныя окомъ любопытнымъ и проницательнымъ, безъ воли и согласія главноуправляющаго не имѣетъ права; когда даже и доносы и жалобы, на губернское начальство приносимыя, ему-же, начальнику губерніи, для обслѣдованія будутъ отдаваемы.

По почтовой части.

Буде почтовую часть, то есть, пересылку писемъ и посылокъ, отдать обще съ почтмейстеромъ и почтовыми чиновниками въ неограниченную власть главноуправляющаго, то не токмо почтмейстеръ, но и ни единый чиновникъ, въ губерніи служащій, и ни единый обыватель, не могутъ ничего во извѣстіе никуда писать, а тѣмъ менѣе еще приносить жалобы на мѣстное начальство или на самого главноуправляющаго. Когда почтмейстеръ будетъ совершенно зависѣть отъ главноуправляющаго, тогда безъ сумнѣнія онъ ни единаго письма никуда не отправитъ отъ лица, которое или недовольно начальникомъ губерніи или же кѣмъ-либо притѣсняемо. Одно есть—вѣрить всѣмъ безъ изъятія жалобамъ и доносамъ, и покровительствовать ябедникамъ и доносчикамъ, а другое—позволять писать жалобы, и не пресѣкать пути къ принесенію оныхъ. Первое не можетъ нигдѣ быть терпимо, а послѣднее во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должно быть наблюдаемо. Посему и полагаю я, чтобы опредѣленіе къ должности, отставка и отрѣшеніе отъ оной и отпуски почтовыхъ чиновниковъ зависѣли единственно отъ почтоваго, а не отъ губернскаго, начальства, на основаніи почтовыхъ правилъ, гдѣ впрочемъ предписывается имѣть почтовымъ конторамъ и чиновникамъ къ начальнику губерніи всякое уваженіе и приличное повиновеніе. Само собою разумѣется, что буде-бы почтовый чиновникъ сдѣлалъ какое преступленіе, то главноуправляющій не токмо можетъ, но и долженъ его удалить отъ должности и отдать къ суду, но немедленно долженъ сообщить о томъ министру, почтовою частію управляющему. Въ семъ отношеніи

почтовые, равно какъ и другіе, чиновники и прочіе обыватели, состоятъ подъ властію общихъ законовъ.

По фабричной и хозяйственной части.

Степень совершенства и пользы въ управленіи сими обѣими частями зависитъ отъ степени просвѣщенія, образованности и умныхъ и сердечныхъ качествъ начальника. Въ семъ отношеніи, я увѣренъ, что кавказская и астраханская губерніи, при управленіи г. генералъ-лейтенантомъ Ермоловымъ, быстрыми шагами относительно фабрикъ и хозяйства подвинутся впередъ къ совершенству. Но говоря о сихъ обѣихъ частяхъ вообще, думаю я, что единовластіе мѣстнаго начальства и въ семъ случаѣ неприлично и несовмѣстно. Опыты многихъ лѣтъ доказали сіе. Я приведу въ примѣръ одинъ случай, весьма извѣстный государю императору. При вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, обратилъ я попеченіе мое между прочимъ и на шотландскую колонію. Отъ мѣстнаго начальства получилъ я неудовлетворительныя свѣдѣнія, и вошелъ потому въ непосредственную переписку съ самыми старшинами колонистовъ. Открылось, что небреженіемъ мѣстнаго начальства колонія оставлена была безъ защиты отъ горскихъ народовъ, и претерпѣвала несносныя бѣдствія, да и вообще казалось, что сія, впрочемъ всякаго уваженія достойная, колонія не обращала на себя таковаго отъ мѣстнаго начальства. Я представилъ о семъ его императорскому величеству, и послѣдовавшимъ высочайшимъ рескриптомъ дано сему дѣлу такое движеніе, которое все привело въ возможный порядокъ. Сего безъ сумнѣнія не могло-бы послѣдовать, ежели-бы токмо мѣстное начальство колоніею, независимо отъ министерства, управляло, и я не имѣлъ бы права посылать туда для осмотра чиновниковъ, и вести переписку съ сими поселенцами.

Что касается до упоминаемаго въ концѣ выписки рыболовства, то обстоятельство сіе именно доказываетъ, сколько нужно, чтобъ мѣстное начальство по всѣмъ частямъ управленія состояло

въ сношеніи съ министрами, и исполняло бы немедленно предположенія ихъ, высочайшею волею утвержденныя, и отвѣчало бы въ точности и безъ отлагательства на вопросы, имъ предлагаемые. Я давно и весьма давно требовалъ по сему нужныхъ свѣдѣній, и наконецъ получа оныя, сіе дѣло было внесено въ государственный совѣтъ; оно тамо кончено, и удостоилось высочайшаго утвержденія.

Впрочемъ я весьма согласенъ, чтобъ главноуправляющій вошелъ, по мѣстному своему начальству, въ ближайшее всѣхъ сихъ обстоятельствъ разсмотрѣніе; но чтобъ безъ сношенія съ министерствомъ въ исполненіе ничего не приводилъ. Даже и министръ, сею частію управляющій, самъ собою не въ правѣ сего разрѣшить, а обязанъ представить объ ономъ или комитету г. г. министровъ или государственному совѣту, а особливо буде представленіе требуетъ новаго положенія.

И такъ, предоставляя фабричную и хозяйственную часть покровительству главноуправляющаго, я полагаю нужнымъ, чтобъ оставить мнѣ волю переписываться по прежнему съ тѣми лицами по сей части, съ которыми я почту сіе нужнымъ и полезнымъ. Что жъ касается до управленія сими частями, то я самъ обязанностію считаю сноситься во всѣхъ случаяхъ съ г. главноуправляющимъ, не сумнѣваясь, что и онъ сіе исполнять будетъ къ пользѣ управляемаго имъ края.

По части юстиціи.

Судебная часть относительно разбора и суда дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ предполагаетъ *свободу мыслей и независимость судей отъ вліянія на нихъ власти военной или полицейской. Сіе существуетъ во всей Европѣ, и всѣми законами утверждается.*

Единовластіе дѣламъ судебнымъ несвойственно. Судей нельзя имѣть менѣе трехъ. Въ учрежденіи о губерніяхъ и другихъ послѣдовавшихъ оному узаконеніяхъ, все по сей части придумано и узаконено къ пользѣ и безопасности общей и частной. Впрочемъ главноуправляющій, не будучи судьей, имѣетъ однако жъ

право представлять о дѣлахъ сенату. Словомъ, ему дана законами такая власть, какой больше дано быть не можетъ безъ стѣсненія частныхъ лицъ и безъ оскорбленія другихъ властей.

Прокуроры и установлены на то̀, чтобы наблюдать за порядочнымъ и на законахъ основаннымъ теченіемъ дѣлъ, и именно за тѣмъ, чтобы ни одно изъ лицъ, въ должностяхъ находящихся, не выступало изъ предѣловъ данной ему по законамъ власти. Слѣдовательно, нельзя и подумать, чтобъ прокуроровъ можно было подчинить главноуправляющему на такомъ основаніи, на какомъ онъ сіе въ запискѣ своей требуетъ о всѣхъ чиновникахъ вообще.

Примѣчаніе. Буде военный или гражданскій начальникъ будетъ мѣшаться въ дѣла судебной части и въ опредѣленіе къ должностямъ и въ удаленіе отъ оныхъ судей, въ отпуски ихъ, и вообще имѣть такую надъ ними власть, какая предполагается въ упомянутой выпискѣ, тогда свойственники и пріятели начальника губерніи, вѣроятно, будутъ имѣть преимущество въ производимыхъ судахъ и тяжбахъ. Хотя и предполагается, что судьи чужды лицепріятія; но слабость человѣческая часто заставляетъ судить дѣла или по крайней мѣрѣ натягивать сужденіе по обстоятельствамъ судимыхъ или тяжущихся лицъ. Таковое положеніе ужасно; а особливо тогда, когда судьи и мѣста судебныя не могутъ имѣть съ сенатомъ и министерствами никакой переписки безъ вѣдома главноуправляющаго, можетъ оно почитаться самымъ для жителей губерніи горестнѣйшимъ и тягостнѣйшимъ угнетеніемъ. Оно даже тягостнѣе будетъ извѣстнаго непотизма папъ римскихъ, по коему въ старину племянники папскіе выигрывали всѣ процессы, и получали самыя выгоднѣйшія въ правительственныхъ и судебныхъ мѣстахъ должности.

Въ заключеніе сего, нужнымъ я нахожу сказать, что я не нахожу ни малѣйшей причины — по кавказской и астраханской губерніямъ, облекать начальника губерніи другою властію или другими преимуществами, каковыми облечены главноначальствующіе по другимъ губерніямъ. Грузія-же, по изъясненнымъ выше сего причинамъ, можетъ быть исключена на нѣкоторое время

изъ общихъ правилъ; но и то однако съ нѣкоторымъ ограниченіемъ противъ всѣхъ требованій, въ запискѣ г. Ермолова изъясненныхъ» [117]).

X.

Весьма цѣнный и необходимый матеріалъ для знакомства съ государственною дѣятельностью Козодавлева, съ его идеями и стремленіями, представляютъ многочисленныя статьи газеты, выходившей подъ главною редакціею Козодавлева во все время управленія его министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Какъ человѣкъ просвѣщенный, какъ министръ-писатель, Козодавлевъ понималъ значеніе печатнаго слова, и видѣлъ въ немъ живую силу и лучшаго посредника между правительствомъ и обществомъ. Органу министерства дано было названіе: *Сѣверная Почта или Новая с.-петербургская газета.* Цѣль изданія Сѣверной Почты весьма ясно указана императоромъ Александромъ I въ письмѣ его къ Аракчееву. Приглашая Аракчеева доставлять Козодавлеву матеріалы по военной части, Александръ I говоритъ: «Небезызвѣстно вамъ, что отъ почтоваго департамента издаваться будутъ вѣдомости, подъ названіемъ *Сѣверная Почта или Новая с.-петербургская газета*, надъ коими *главный надзоръ поручилъ я въ особенности* товарищу министра внутреннихъ дѣлъ *Козодавлеву.* Главнѣйшая цѣль сего изданія есть та, чтобъ, сообщая публикѣ приличныя обстоятельствамъ времени свѣдѣнія, заслуживающія ея вниманія, содержать всегда умы народные въ томъ направленіи, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ благонамѣреннымъ видамъ правительства» [118]).

Трудно было найти лучшаго редактора. Обязанности, возлагаемыя на Козодавлева по редакціи газеты, вполнѣ соотвѣтствовали и его расположенію къ литературнымъ занятіямъ и его сочувствію къ тогдашнимъ видамъ правительства. Въ большинствѣ случаевъ онъ являлся не однимъ только истолкователемъ правительственныхъ намѣреній, но и выразителемъ своихъ собственныхъ, самостоятельныхъ и независимыхъ убѣжденій. Принимая на себя званіе редактора, онъ не отрѣшался отъ своего

личнаго образа мыслей, не измѣнялъ самому себѣ, а дѣйствовалъ въ кругѣ своихъ обычныхъ воззрѣній, которыя совпадали на ту пору со взглядами и цѣлями правительства. Если бы слова Козодавлева говорились съ чужаго голоса, то въ нихъ не было бы ни искренности, ни послѣдовательности: съ перемѣною взгляда сильныхъ міра, мѣнялись бы и мнѣнія ихъ прислужника. Не то̀ мы замѣчаемъ у Козодавлева. Временное настроеніе правительственныхъ сферъ служило только поводомъ къ изложенію тѣхъ мыслей, которыя постоянно занимали Козодавлева, и въ которыхъ сказывалось пробужденіе народнаго самосознанія. Онъ искренно и горячо отстаивалъ права отечественнаго языка и его значеніе въ умственной жизни народа. Такъ же искренно желалъ онъ успѣха нашей промышленности, охотно предпочитая русскія произведенія иностраннымъ. И онъ выступалъ ревностнымъ поборникомъ роднаго языка и всего отечественнаго во всѣ періоды своего общественнаго поприща, по своему внутреннему убѣжденію, независимо отъ какихъ-бы то ни было постороннихъ внушеній и вліяній.

Козодавлевъ смотрѣлъ на изданіе газеты какъ на одну изъ самыхъ серьезныхъ задачъ, выпавшихъ на его долю. Онъ былъ не только редакторомъ газеты, но однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ ея сотрудниковъ; помѣщалъ въ ней свои статьи; заботился о распространеніи ея въ различныхъ слояхъ общества; слѣдилъ за впечатлѣніемъ, которое производила она на читателей, и велъ обширную и оживленную переписку по поводу своего изданія.

Первый номеръ *Сѣверной Почты* вышелъ 3 ноября 1809 г. Съ тѣхъ поръ и до самой смерти Козодавлева Сѣверная Почта выходила два раза въ недѣлю, по средамъ и суботамъ. Она состояла изъ двухъ отдѣловъ: *Извѣстія внутреннія* и *Извѣстія иностранныя*. Къ нимъ часто присоединялся и третій отдѣлъ подъ названіемъ: *Смѣсь*.

Извѣстія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, сообщались не только по офиціальнымъ источникамъ, но и по частнымъ письмамъ. Въ различныхъ краяхъ Россіи, и отчасти также и заграницею, были у Козодавлева кореспонденты; то̀, что̀ сообщали они, появ-

лялось въ видѣ извлеченій изъ «партикулярныхъ писемъ». Для того, чтобы обезпечить скорое и исправное полученіе извѣстій, редакція Сѣверной Почты, издававшейся при почтовомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, считала необходимымъ привлечь къ дѣятельному участію въ ея предпріятіи почтовое вѣдомство. Съ этою цѣлію она находилась въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ мѣстными почтовыми чиновниками, нарушая даже нѣкоторые обычные пріемы служебной іерархіи. Почтмейстеры и почтовые экспедиторы должны были «доносить министру *прямо отъ себя* (слѣдовательно, минуя свое непосредственное начальство, т. е. почтдиректоровъ) о происшествіяхъ, въ мѣстахъ пребыванія ихъ случающихся, безъ малѣйшаго промедленія времени съ первою почтою». Преемникъ Козодавлева, въ докладѣ своемъ государю, говоритъ о Сѣверной Почтѣ: «Главнѣйшій источникъ внутреннихъ извѣстій, въ сей газетѣ помѣщаемыхъ, есть донесенія почтмейстеровъ, коимъ доставленіе оныхъ вмѣнено нѣкоторымъ образомъ въ обязанность» [119]).

Само собою разумѣется, что свѣдѣнія, добываемыя этимъ путемъ, составляли только часть того обширнаго, сравнительно съ другими изданіями, матеріала, которымъ располагала редакція. Глава редакціи, Козодавлевъ искалъ сотрудниковъ въ средѣ образованнаго общества, и обращался съ этою цѣлью къ извѣстнѣйшимъ писателямъ и ученымъ. Отъ свѣтила тогдашней литературы, Карамзина, онъ ожидалъ не только извѣстій о научныхъ трудахъ и предпріятіяхъ знаменитаго писателя, но и статей и замѣтокъ о происшествіяхъ, имѣющихъ интересъ дня [120]).

Будучи главнымъ начальникомъ почтоваго вѣдомства, Козодавлевъ переписывался съ своими подчиненными, прося ихъ доставлять ему свѣдѣнія о мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ. На вопросъ Козодавлева о томъ, какая изъ польскихъ газетъ, издающихся въ Варшавѣ, заключаетъ въ себѣ наиболѣе свѣдѣній о тамошнемъ краѣ, мѣстный почтдиректоръ отвѣчалъ, что, по его собственному замѣчанію и *по совѣту свѣдущихъ людей*, слѣдуетъ

предпочесть въ этомъ отношеніи газету, выходящую подъ названіемъ *Gazeta Warschawska* [121]).

Для редакціи Сѣверной Почты выписывались:

Сенатскія Вѣдомости,

С.-Петербургскія Вѣдомости,

Казанскія извѣстія,

Восточныя Извѣстія, издававшіяся въ Астрахани,

Харьковскія Извѣстія, и т. д.

Редакція Харьковскихъ Извѣстій, объявляя о продолженіи изданія, такъ очерчиваетъ ихъ содержаніе:

«Листы сіи содержатъ статьи, могущія удовлетворить любопытству читателей всякаго рода, и состоятъ изъ четырехъ отдѣленій.

Въ первомъ помѣщаются *внутреннія* и преимущественно здѣшняго края произшествія.

Ко второму относятся *заграничныя* извѣстія, какъ изъ многихъ россійскихъ, такъ и изъ иностранныхъ журналовъ и газетъ почерпнутыя, и заслуживающія вниманіе публики.

Въ третьемъ, т. е. въ *смѣси*, заключаются любопытные анекдоты, разныя замѣчанія, ученыя и художественныя открытія, и прочія мелкія сочиненія.

Въ четвертое входятъ объявленія.

Издатели, принося чувствительнѣйшую благодарность особамъ, благоволившимъ подписаться на сію газету, ласкаютъ себя надеждою, что вниманіе людей благомыслящихъ и любящихъ родную свою сторону дастъ прочное бытіе сему изданію».

Въ спискѣ иностранныхъ изданій, нужныхъ для редакціи Сѣверной Почты, находятся:

Hamburger Correspondent,

Berliner Zeitung,

Journal de Francfort,

Le Moniteur,

Journal des débats,

Le vrai liberal, и пр. [122]).

Въ редакцію Сѣверной Почты стекались извѣстія отовсюду.

За извѣстіями изъ Петербурга, Москвы, Нижняго-Новгорода, Казани, Тобольска, Бугульмы, Мещовска, Красноярска, Суздали, Ельни, Курмыша, Алапаева, Корочи, Василь-Сурска, и т. д. слѣдовали извѣстія изъ Лондона, Кельна, Копенгагена, Парижа, Вѣны, Франкфурта, Гамбурга, Монпелье, Реджіо, Праги, «Невь-Іорка» или «Новаго Іорка» и т. д.

Изъ провинціальной глуши доходили до столицъ подобнаго рода вѣсти:

Изъ *Мышкина*. Здѣшняго помѣщика г. Волынскаго, деревни Алпатовой, крестьянинъ Никита Щеголевъ, находившійся по своему промыслу въ Петербургѣ, услышавъ, что братъ его, имѣющій жену и малолѣтняго сына, назначенъ при нынѣшнемъ наборѣ въ рекруты, тотчасъ явился сюда, и съ полною охотою поступилъ на мѣсто брата въ военную службу.

Изъ *Фатежа*. Отставной чиновникъ Мозалевскій, человѣкъ весьма небогатый, при проѣздѣ изъ Курска въ Фатежъ, нашелъ на дорогѣ записную книжку, въ которой было пятьсотъ десять рублей деньгами и на восемь тысячъ пять сотъ рублей заемныхъ писемъ съ разными документами. Не желая воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ къ присвоенію себѣ находки, онъ рѣшился возвратить ее хозяину. Хозяиномъ оказался комисіонеръ питейныхъ сборовъ Витяговскій, который былъ очень обрадованъ находкѣ, и подарилъ честному человѣку двѣсти рублей.

Изъ *Кургана*. Живущій здѣсь отставной солдатъ Егоръ Саматовъ, трудами своими пріобрѣвшій порядочное состояніе, изъявилъ желаніе выстроить деревянную богадѣльню, въ двухъ связяхъ со всѣми службами, для помѣщенія въ ней шестнадцати человѣкъ изъ числа бѣдныхъ, лишенныхъ силы и способовъ къ снисканію себѣ пропитанія. Горожане, соревнуя усердію Саматова, положили навсегда снабжать означенное число бѣдняковъ пищею и всѣмъ необходимо нужнымъ. Но этотъ благотворительный поступокъ обратился въ пользу странниковъ, ибо «во всѣмъ здѣшнемъ городѣ отыскалось только четыре человѣка, нуждающихся бѣдностію».

Изъ *Устюга-Великаго.* Здѣшнее городское общество, соревнуя попеченіямъ правительства о народномъ просвѣщеніи, учредило, сверхъ находящагося здѣсь уѣзднаго училища, еще два приходскихъ, назначивъ на содержаніе ихъ по триста рублей ежегодно. Учениковъ поступило тридцать девять. Въ пособіе бѣднымъ ученикамъ, здѣшній купецъ Захаровъ выписалъ разныхъ учебныхъ книгъ и таблицъ на сто двадцать семь рублей. Другіе горожане внесли единовременно болѣе трехъ сотъ рублей.

Изъ *Витебска.* Нѣкоторыя благородныя особы давали, въ пользу бѣдныхъ, на здѣшнемъ театрѣ трагедію *Синавъ* и *Труворъ.* Это была первая русская пьеса, данная въ здѣшнемъ краю по присоединеніи его къ Россіи. Вырученная сумма препровождена въ тотъ же вечеръ для распредѣленія между бѣднѣйшими жителями, и т. д. [123]).

На страницахъ Сѣверной Почты встрѣчается немало извлеченій изъ писемъ заграничныхъ кореспондентовъ.

Изъ *Лондона* Козодавлевъ получилъ письмо, которымъ сейчасъ же подѣлился съ публикою, и въ которомъ говорилось между прочимъ слѣдующее: «Новая английская метода *скораго обученія* дѣтей изъ низшихъ классовъ народа весьма распространяется не только въ Великобританіи, но и въ другихъ земляхъ. Донесенія изъ разныхъ частей королевства свидѣтельствуютъ единогласно, что *заведеніе школъ въ народѣ* способствуетъ къ искорененію дурныхъ привычекъ между дѣтьми нижняго состоянія, и *есть наилучшее и надежнѣйшее средство предупреждать зло и преступленія.* Поистинѣ, можно теперь надѣяться, что время уже то недалеко, когда государственные люди и законодатели признаютъ въ надлежащемъ, по правиламъ религіи, нравственномъ образованіи существенную національную силу, и будутъ стараться болѣе о *предупрежденіи,* нежели о *наказаніи* зла..... Подобная же система воспитанія юношества введена уже и во Франціи. Историкъ будущаго времени признаетъ, безъ сумнѣнія, введеніе во Франціи сей новой системы ученія дѣтей достопримѣчательнѣйшимъ событіемъ, каковое токмо могло послѣдо-

вать за революціей, во время коей всѣ нравственныя средства къ обузданію страстей, кажется, искоренены совершенно. Нынѣ же вмѣсто того полагается совсѣмъ противоположное основаніе національному характеру воспитаніемъ народа въ правилахъ истины и христіанства» и т. д.[124]).

Изъ *Англіи* же Козодавлевъ получилъ отъ своего кореспондента описаніе паровыхъ машинъ, употребляемыхъ для перевозки тяжестей, и тотчасъ же подѣлился съ своими читателями извѣстіемъ объ открытіи, которому предстояла такая блестящая будущность. Онъ слѣдилъ за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла, и помѣщалъ въ своей газетѣ описаніе и рисунки машинъ. Изъ этого можно заключить, что Козодавлевъ принадлежалъ къ числу государственныхъ людей, понимавшихъ, что отъ примѣненія силы пара можно и должно ожидать чрезвычайно важныхъ послѣдствій для торговли, промышленности и т. д. А въ то время многіе, и въ числѣ ихъ Наполеонъ, были совершенно инаго мнѣнія, считая желѣзныя дороги небылицею. Извѣстіе, помѣщенное въ Сѣверной Почтѣ, весьма любопытно потому, что въ немъ слышится отголосокъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на современниковъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ открытій нашего столѣтія. Кореспондентъ Козодавлева пишетъ: «Недавно въ Англіи начали дѣлать движущіяся паровыя машины, кои употребляются особенно для возки угольевъ отъ мѣстъ добыванія ихъ къ рѣкамъ. Машины сіи движутся по чугунной дорожкѣ, таща за собою цѣлые обозы съ угольями, иногда изъ двадцати и болѣе возовъ состоящіе, и провозятъ по шести верстъ въ часъ. Я видѣлъ машину, которая можетъ перетаскивать до двадцати восьми возовъ, вѣсомъ каждый съ угольями около ста шестидесяти двухъ пудъ. Одинъ только человѣкъ, ѣздя на ней верхомъ, управляетъ ею, и поворачиваніемъ крана заставляетъ ее идти скорѣе или медленнѣе, подвигаться назадъ или останавливаться, какъ ему надобно. Искусственная сія лошадь не устаетъ никогда, если только подкармливать ее угольемъ и теплою водою. Можно думать, что силою таковой машины скоро поѣдетъ и почта изъ одного города въ другой»[125]).

Изъ *Праги* (выписка изъ партикулярнаго письма): «По всѣмъ извѣстіямъ, изъ Россіи получаемымъ, сколь ни бѣдственна была послѣдняя кампанія для нѣкоторой части жителей сего государства, столь славна и безконечно выгодна для онаго вообще. Всѣ благомыслящіе у насъ торжествовали, видя, что французскому многополетному орлу подстрѣлены крылья. Какъ бы лестно для меня теперь казалось быть русскимъ; но я доволенъ буду уже и тѣмъ, если могу называться сосѣдомъ сего народа. Что жъ бы я далъ за то, когда бъ могъ сражаться подъ знаменами великаго мужа *Смоленскаго!*» и т. д. [126]).

Частныя письма служили весьма обильнымъ матеріаломъ для изданія, какъ это заявлено самою редакціею. Въ заявленіи своемъ редакція указываетъ и тѣ предметы, которые, по ея мнѣнію, заслуживаютъ особеннаго вниманія кореспондентовъ. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ газеты говорится: «Издатели просятъ и частныхъ особъ о доставленіи къ нимъ извѣстій обо всемъ, что касается до распространенія *народной промышленности, о новыхъ открытіяхъ* въ сельскомъ хозяйствѣ, о *фабрикахъ и заведеніяхъ*, разныхъ *достопамятныхъ произшествіяхъ* и *похвальныхъ дѣяніяхъ* въ обширномъ *отечествѣ* нашемъ. Сообщенныя отъ нѣкоторыхъ *частныхъ особъ* таковыя новости и извѣстія приняты были издателями съ должною благодарностію, и весьма многія изъ нихъ помѣщены въ Сѣверную Почту. Почему и нынѣ снова приглашаются всѣ, кому бы то угодно ни было, снабжать газету подобными извѣстіями, о родѣ коихъ лучшее и яснѣйшее понятіе имѣть можно по вышедшимъ уже нѣсколькимъ нумерамъ Сѣверной Почты» [127]).

Извѣстія, появлявшіяся въ газетѣ Козодавлева, весьма разнообразны. Они относятся и къ движенію нашей торговли и промышленности, и къ успѣхамъ нашей умственной жизни, и къ нашему быту вообще. Особенно многочисленны извѣстія относящіяся къ промышленности и торговлѣ, къ фабрикамъ и мануфактурамъ. Связующимъ началомъ всѣхъ этихъ статей и замѣтокъ служитъ мысль, что намъ пора освободиться отъ чужезем-

наго ига, замѣняя русскими произведеніями то̀, что̀ привозится къ намъ изъ-заграницы къ явному ущербу русской торговли и промышленности. Русскія произведенія могутъ и должны быть предпочитаемы иностраннымъ. Издатели Сѣверной Почты слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми событіями русскаго промышленнаго міра, за всѣми попытками русскихъ людей къ самостоятельной дѣятельности, и тщательно отмѣчали изобрѣтенія и открытія, сдѣланныя русскими людьми въ той или другой отрасли. Въ Сѣверной Почтѣ помѣщались точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи русскихъ фабрикъ и мануфактуръ, приводились доказательства ихъ необходимости, и предлагались мѣры къ ихъ развитію и усовершенствованію.

На фабрикахъ князя Юсупова изготовлялись тонкія сукна и кашемировыя матеріи, неуступающія, по своей добро̀тѣ и отличной отдѣлкѣ, лучшимъ иностраннымъ произведеніямъ этого рода.

Большая ярославская мануфактура Яковлевыхъ выдѣлывала тонкія полотна, равняющіяся самымъ лучшимъ голландскимъ. Тамъ же приготовлена скатерть небывалыхъ доселѣ размѣровъ, длиною въ сорокъ аршинъ.

На фабрикахъ, находившихся въ калужской губерніи и состоявшихъ подъ управленіемъ Гончарова, выдѣлывались, годъ отъ году лучше, полотна и писчая бумага, и т. п.

Образцы всѣхъ этихъ издѣлій Козодавлевъ представлялъ государю, какъ «опыты постепеннаго усовершенствованія нашихъ отечественныхъ мануфактуръ» [128]).

Московскіе купцы, Шестовъ и Бреховъ, доставили въ Петербургъ пробы сахара, выдѣлываемаго на ихъ фабрикахъ изъ американскаго сахарнаго песка. Открытіе у насъ этой новой промышленности обѣщаетъ принести большую пользу. Доказательствомъ служитъ Гамбургъ, обогатившійся своими сахарными заводами, и снабжавшій сахаромъ многія страны, въ томъ числѣ и Россію. Для очищенія сахара Гамбургъ долженъ былъ выписывать изъ чужихъ краевъ глину, а у насъ, въ Гжельской волости, отыскано много такой глины, которую считаютъ въ выс-

шей степени пригодною отличные знатоки дѣла—гамбургскіе мастера. Да и все то̀, что̀, сверхъ цѣны, платимой за сахарный песокъ, переходило въ Гамбургъ за головчатый сахаръ, остается нынѣ въ Россіи [129]).

Нѣкоторыя фабрики доведены у насъ до такого совершенства, что издѣлія ихъ нимало не уступаютъ иностраннымъ. Къ числу такихъ заведеній надо отнести наши сургучныя фабрики. По предразсудку нашихъ торговцевъ, русскій сургучъ расходился доселѣ подъ видомъ иностраннаго, съ чужеземнымъ клеймомъ: London. Количество русскаго сургуча такъ велико, что нѣтъ ни малѣйшей надобности въ привозѣ иностраннаго. Для поддержанія этой отрасли промышленности государь повелѣлъ, чтобы во всѣхъ министерствахъ и во всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ никакого другаго, кромѣ русскаго, сургуча не употреблялось [130]).

Въ частномъ письмѣ изъ Москвы, писанномъ вскорѣ послѣ окончанія войны 1812 года, говорится: «Главнѣйшія заведенія и мануфактуры московскія возникли изъ-подъ пепла и развалинъ; работа возобновилась; начали подыматься новыя зданія. Отовсюду и въ обильномъ количествѣ доставляются матеріалы, машины, инструменты, и—что̀ всего удивительнѣе—число фабрикантовъ противу прежняго нарочито увеличилось. Издѣлія, вырабатываемыя на московскихъ фабрикахъ, суть: тонкія и среднія сукна, сахаръ, кожи, нанки, коленкоры, пике, миткали, ситцы, платки, ленты, атласы, бархаты, тафты, левантины, и прочее, и прочее. Всѣ сіи издѣлія отличаются весьма хорошею отдѣлкою, и къ чести нашихъ фабрикантовъ должно сказать, что они жертвуютъ большими капиталами, дабы довести свои заведенія до всевозможнаго совершенства. Къ общему однако жъ сожалѣнію, къ стыду нѣкоторыхъ покупщиковъ и ко славѣ нашихъ фабрикантовъ, многія изъ русскихъ издѣлій именуются въ лавкахъ отъ мелочныхъ торговцевъ, по древнему предубѣжденію и въ угодность иностранцамъ (такъ однако жъ, что фабриканты о томъ ничего не знаютъ) товарами *иностранными* самой лучшей доброты. Это не новое; но жаль, что вредное сіе предубѣжденіе не-

мало затрудняетъ успѣхи нашей торговли. Мудрено-ли, что послѣ сего говорятъ многіе, что нѣтъ русскихъ товаровъ, и что русскія фабрики не могутъ доставлять издѣлія свои въ достаточномъ количествѣ? Вмѣсто того, многіе носятъ *русское* сукно, а воображаютъ, вѣря лавочникамъ, что носятъ нѣмецкое или англинское. Многія дамы одѣваются въ тафты, левантины, атласы *русскіе*, и думаютъ, что одежда ихъ выткана въ теплыхъ климатахъ Италіи или Франціи. Впрочемъ между продавцами многіе, къ удовольствію русскихъ сердецъ, называютъ *русское русскимъ*. Кромѣ фабрикъ, возобновляется и вновь заводится въ окружности столицы по деревнямъ великое множество суконныхъ, бумажныхъ и шелковыхъ становъ» [131]).

Въ другомъ извѣстіи изъ Москвы: «Многіе здѣшніе фабриканты, занимающіеся выдѣлкой миткалей, ситцевъ и платковъ всякаго разбора, завели чесальныя и прядильныя для хлопчатой бумаги машины. Устройствомъ ихъ занимается воспитанникъ александровской мануфактуры, Егоръ Ивановъ. Онъ самъ изобрѣлъ уже многіе хорошіе способы къ облегченію производства работъ на фабрикахъ. Можно сказать, что здѣшнія мануфактуры находятся въ цвѣтущемъ состояніи; особливо шелковые и бумажные товары дѣлаются здѣсь наилучшимъ образомъ и съ большимъ вкусомъ. Цвѣты ихъ, вопреки всеобщему предубѣжденію, по большей части нелинючи. Духъ промышленности, свойственный русскому народу, видѣнъ наиболѣе въ трудныхъ и многостоющихъ опытахъ, чрезъ кои стараются они (фабриканты наши) довести заведенія свои до совершенства иностранныхъ. Торговцы здѣшніе не стыдятся уже теперь товаровъ своихъ, и охотно объявляютъ всѣмъ, что ихъ товары суть издѣлія *русскія*» [132]).

По тогдашнимъ понятіямъ, господствовавшимъ въ политической экономіи, фабрики и мануфактуры составляли и должны были составлять какъ-бы монополію нѣкоторыхъ только европейскихъ государствъ. Изъ числа ихъ европейскіе доктринеры заботливо исключали Россію. Не раздѣляя подобныхъ взглядовъ, Козодав-

левъ опровергалъ ихъ въ своей газетѣ. Въ одномъ изъ частныхъ писемъ сообщаются ходячія мнѣнія по вопросу, который казался болѣе или менѣе спорнымъ. Въ рукахъ автора письма было много новыхъ книгъ и брошюръ по политической экономіи, вышедшихъ во Франціи и наполненныхъ софизмами. Къ числу такихъ софизмовъ онъ относитъ и мнѣніе, что Россіи не слѣдуетъ вести свою собственную внѣшнюю торговлю, т. е. отвозить заграницу и привозить оттуда товары на своихъ собственныхъ корабляхъ, а надо предоставить и то̀ и другое иностраннымъ торговцамъ. Иностранные теоретики утверждаютъ, что Россія есть страна исключительно земледѣльческая, а потому ей должно отказаться отъ всякаго рода промышленности, и ограничиться воздѣлываніемъ земли и добываніемъ сырыхъ матеріаловъ. Излишка въ этомъ отношеніи нечего опасаться, ибо если бы у насъ увеличилось хлѣба вдесятеро, то—по разсчету метафизиковъ—непремѣнно увеличилось бы вдесятеро и число потребителей, т. е. родилось бы людей вдесятеро болѣе, чѣмъ рождается теперь!? Такія измышленія являются вслѣдствіе того, что метафизики ищутъ общихъ, отвлеченныхъ началъ политической экономіи, и сидя въ своихъ библіотекахъ, мечтаютъ управлять государствами не на основаніи опыта и знанія дѣйствительной жизни, а увлекаясь политическими софистами въ родѣ Тюрго, и забывая о такихъ дѣятеляхъ какъ Кольберъ, Сюлли, Питтъ, и др. Но послѣ Тюрго остались во Франціи только табакерки его имени (turgotines) да бѣдность, а послѣ Кольбера — фабрики и богатство, и т. д. [133]).

Московскій кореспондентъ Сѣверной Почты приглашаетъ скептиковъ пріѣхать въ Москву, и внимательно вникнувъ въ ходъ дѣла, рѣшить вопросъ, необходимы ли для Россіи фабрики и мануфактуры. Личныя наблюденія автора привели его къ такому выводу: «И земледѣліе и мануфактуры, и торговля и мореплаваніе, и скотоводство и винодѣліе, равно какъ и почти всѣ прочія отрасли сельскаго хозяйства и промышленности, могутъ и должны имѣть мѣсто въ той обширной полосѣ земнаго шара, которую мы называемъ Россіею. Рукъ и возможности у насъ станетъ на

все». Отъ обработки на русскихъ фабрикахъ бумажной пряжи, привезенной изъ Англіи и изъ Бухаріи, выручено въ годъ болѣе восьмидесяти миліоновъ рублей, которые ушли бы заграницу, если бы у насъ не было собственныхъ мануфактуръ. Epargner est gagner. Суконныя наши фабрики, употребляющія собственный, русскій матеріалъ, приносятъ еще болѣе выгодъ. Изъ тонкой шерсти цѣною, примѣрно, въ десять тысячъ рублей вырабатывается сукна болѣе, нежели на шестьдесятъ тысячъ рублей. На фарфоровомъ заводѣ, изъ матеріала, стоимостью въ какихъ-нибудь сто рублей, выдѣлывается вещей на пять тысячъ рублей. На зеркальномъ заводѣ, за выдѣлку матеріала въ двѣсти рублей выручается до десяти тысячъ рублей, и т. п. Опытъ удостовѣряетъ, что за незначительное количество матеріаловъ мы платимъ иностранцамъ огромныя суммы, и притомъ, множество иностранныхъ рабочихъ кормится на счетъ Россіи. Вотъ эта-то ежегодная дань иностранцамъ и служитъ причиною упадка курса, а отъ упадка курса зависитъ и та дороговизна, на которую мы постоянно жалуемся [134]).

При Козодавлевѣ и, безъ сомнѣнія, по его мысли, предпринято было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ежегодное изданіе *Вѣдомости о мануфактурахъ въ Россіи*. Свѣдѣнія, доставленныя на первыхъ порахъ, не отличались большою точностью. Это зависѣло частью отъ неумѣлости и небрежности мѣстныхъ собирателей, отчасти же и оттого, что сами фабриканты, подозрѣвая какія-то затаенныя цѣли въ собираніи свѣдѣній, умышленно давали невѣрныя показанія. Въ общемъ оказывается, что количество вырабатываемыхъ издѣлій *уменьшено*, а *отнюдь не увеличено*. Такъ число выдѣланныхъ на нашихъ фабрикахъ въ 1812 году шляпъ показано только 118000, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что вся Россія довольствуется единственно русскими шляпами, и сверхъ того, они вывозятся даже и въ другія государства. Несмотря на очевидныя невѣрности, редакція не желала исправлять ихъ единственно потому, чтобы кто не подумалъ, что число фабрикъ и издѣлій *прибавлено* произвольно [135]).

Въ тотъ самый день, когда появилось въ газетѣ извѣщеніе о книгѣ, изданной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ писалъ Руничу: «Яко усердному сотруднику и соучастнику моему въ попеченіи о пользѣ и распространеніи мануфактуръ, нужнымъ поставляю я препроводить къ вамъ экземпляръ напечатанной книги подъ заглавіемъ: *Вѣдомость о мануфактурахъ въ Россіи за 1812 годъ*, каковыя по высочайшему повелѣнію имѣютъ быть издаваемы каждогодно. Мнѣ весьма пріятно будетъ, если вы покажете сію книгу гг. московскимъ фабрикантамъ, и внушите имъ о неутомимомъ попеченіи правительства о поддержаніи и распространеніи ихъ заведеній. Прилагаю у сего также и листъ Сѣверной Почты № 23, въ коемъ помѣщена особая статья о сей вновь вышедшей книгѣ. Изъ оной вы увидите сами, и изъясните гг. мануфактуристамъ, что отъ нихъ требуется, чтобъ они доставляли правительству обстоятельныя описанія о состояніи и успѣхѣ ихъ заведеній, и что сіе нужно правительству токмо *для свѣдѣнія*, ибо оно имѣетъ въ виду пользу, отъ сего происходящую, дабы токмо показать, что у насъ много фабрикъ, и что можно количество вырабатываемыхъ на нихъ издѣлій довести до того, что оно для Россіи будетъ достаточно, и что *въ иностранныхъ издѣліяхъ ни малѣйшей нѣтъ нужды*. Буде кто-либо изъ гг. фабрикантовъ изъявитъ желаніе имѣть сію книгу, то оная продается въ здѣшнемъ экономическомъ обществѣ; цѣна оной 5 рублей» [136]).

Какъ о неслыханномъ для сѣвернаго края предпріятіи помѣщено было извѣстіе о томъ, что одинъ изъ жителей *Пскова* развелъ въ своемъ саду *горчицу*: она имѣетъ превосходный вкусъ, и многіе находятъ, что она ничѣмъ не уступаетъ иностранной. Надо надѣяться,—прибавляетъ редакція—что здѣшніе жители, слѣдуя благому примѣру, займутся разведеньемъ горчицы, и будутъ снабжать ею и сосѣднія губерніи: «тогда, къ особенному удовольствію нашему, увидимъ на банкахъ не *Лондонъ*, а *Псковъ*» [137]).

Членъ вольнаго экономическаго общества, Смирновъ, сдѣ-

лалъ весьма полезное открытіе—приготовленіе *масла* изъ растенія, извѣстнаго подъ именемъ *жабрика* (chambreule piquante, hanfnessel). Замѣтивъ въ сѣменахъ его нѣкоторое сходство съ конопляными, онъ собралъ нѣсколько пудовъ этихъ сѣмянъ, и добылъ изъ нихъ масло, вполнѣ годное къ употребленію въ пищу, здоровое и пріятное на вкусъ [138]).

Московскій купецъ и фабрикантъ Пантелеевъ открылъ способъ составлять *желтую краску* изъ русскаго растенія *серпы* или *серпухи*. Краска эта можетъ совершенно замѣнить иностранную, не уступая ей въ яркости, и несравненно превосходя ее въ прочности цвѣта. Сверхъ другихъ выгодъ, самое собираніе растенія послужитъ новымъ источникомъ промышленности для поселянъ. А тѣ изъ фабрикантовъ, которые, по дороговизнѣ вывозимой краски, не могли выдѣлывать хорошихъ ситцевъ, получаютъ теперь возможность улучшить свои произведенія, а слѣдовательно и увеличить свои доходы [139]).

Въ числѣ полезнѣйшихъ примѣровъ замѣны иностранныхъ произведеній русскими упоминается объ опытѣ, произведенномъ въ домѣ псковскаго помѣщика Пальчикова надъ выдѣлкою изъ льна *ваты*, которая едва ли въ чемъ разнится отъ обыкновенной бумажной. Усовершенствованіе выдѣлки и бѣленія льна поведетъ къ постепенной замѣнѣ хлопчатой бумаги [140]).

Петербургскій купецъ Кузьма Чурсиновъ изобрѣлъ *вощанку*, извѣстную по своей цѣлебной силѣ въ ревматизмахъ и другихъ болѣзняхъ, происходящихъ отъ простуды [141]).

Козодавлевъ довелъ до свѣдѣнія государя о полезномъ изобрѣтеніи свободнаго земледѣльца Ивана Земцова, придумавшаго дѣлать *пробки изъ оберточной бумаги*, и притомъ такимъ легкимъ способомъ, что одинъ человѣкъ нарѣзываетъ въ день до семи тысячъ. Очевиднымъ слѣдствіемъ этого изобрѣтенія было скорое пониженіе въ цѣнѣ привозныхъ корковыхъ пробокъ: съ шестидесяти пяти рублей за тысячу они упали на двадцать, на пятнадцать, и наконецъ на восемь рублей [142]).

Нижегородскій купецъ Переплетчиковъ изобрѣлъ *сновальную*

машину, посредствомъ которой, дѣйствуя одною лошадью при помощи двухъ человѣкъ, можно сновать канаты какой угодно толщины. Сверхъ прочихъ удобствъ, машина эта замѣняетъ собою десятерыхъ работниковъ [143]).

Серпуховскій купецъ, Матвѣй Воронинъ, изобрѣлъ *новый способъ бѣлить пеньку, ленъ* и пряжу изъ нихъ, а также парусныя полотна, холстъ, и проч. Способъ этотъ, по увѣренію изобрѣтателя, превосходитъ всѣ прочіе удобствомъ, простотою, скоростью, безвредностью для здоровья рабочихъ и всѣми экономическими выгодами. Онъ производится безъ огня, что̀ важно для сбереженія дровъ, безъ кислотъ, безъ поташа и золы, а только въ холодной водѣ, простыми русскими веществами, весьма скоро и во всякое время года, и т. д., и т. д. [144]).

Рядомъ съ извѣстіями о разныхъ открытіяхъ и приспособленіяхъ въ промышленности и земледѣліи, объ усовершенствованіяхъ и новыхъ пріемахъ въ выдѣлкѣ мануфактурныхъ произведеній и т. п., помѣщались въ Сѣверной Почтѣ извѣстія о явленіяхъ другаго рода — о хорошихъ поступкахъ, о примѣрахъ честности, безкорыстія, самоотверженія и т. д.

Бѣдняки находили большія суммы, и не хотѣли ими воспользоваться, а возвращали ихъ по принадлежности.

Въ Москвѣ, ночной сторожъ Тихоновъ нашелъ вдали отъ жилья крестьянина, лежавшаго безъ памяти въ обморокѣ. Ему подана была медицинская помощь, и когда онъ пришелъ въ себя, сторожъ возвратилъ ему всѣ его деньги. А денегъ при немъ было очень много, именно пять тысячъ семьсотъ пятнадцать рублей [145]).

Въ Петербургѣ, дворовый человѣкъ, именемъ Василій, нашелъ бумажникъ, и въ немъ девять тысячъ девятьсотъ рублей, и всю эту сумму въ цѣлости возвратилъ владѣльцу, котораго розыскалъ при помощи своего господина, прапорщика измайловскаго полка [146]).

Въ Рязани, чиновникъ Ивановъ точно также поступилъ съ найденнымъ имъ бумажникомъ и деньгами въ немъ (болѣе тысячи рублей). Поступокъ этотъ обратилъ на себя вниманіе потому, что Ивановъ былъ совершеннымъ бѣднякомъ, потерявши все свое имущество во время разоренія Москвы [147]).

Въ Харьковѣ, рядовой Никонъ Строкинъ, подвергая опасности свою собственную жизнь, спасъ утопающаго, едва незатертаго льдомъ. Услышавъ отчаянный крикъ, Строкинъ, давъ одинъ конецъ веревки держать стоящимъ на берегу, и взявши для поддержанія себя на льду небольшую доску, бросился на помощь. Частью идучи по льду, частью же пробираясь ползкомъ, приблизился къ несчастному, выбившемуся изъ силъ, набросилъ на него веревку, и вытащилъ его на ледъ. За подвигъ свой онъ не хотѣлъ принять ни малѣйшей награды [148]).

Въ городѣ Вязникахъ, во время переписи бродягъ и нищихъ, открылся замѣчательный примѣръ нищенства съ благотворительною цѣлью. По смерти одного изъ бѣднѣйшихъ тамошнихъ приказнослужителей и его жены, остался пятилѣтній сынъ, котораго все наслѣдство состояло въ старой крѣпостной нянькѣ. Любя горячо сироту, она стала ходить по міру, и на собранныя крохи не только содержала мальчика, но и отдала его для обученія въ школу [149]).

Какъ ни горька доля рекрута, но бывали случаи, и притомъ нерѣдко, что крестьяне добровольно шли въ солдаты, лишь бы не отрывать отъ семьи дорогаго имъ человѣка.

Рекрутскіе наборы во Псковѣ, въ Новгородѣ, въ Островѣ, въ Опочкѣ и въ другихъ мѣстахъ представляли наблюдателю много поразительныхъ примѣровъ семейнаго согласія и кровной любви между крестьянами. Многіе изъ молодыхъ и неженатыхъ крестьянъ убѣдительно просили взять ихъ въ солдаты вмѣсто ихъ братьевъ, имѣвшихъ семейство, и просили объ этомъ по чувству любви къ своимъ единокровнымъ и безъ всякихъ постороннихъ побужденій [150]).

Видное мѣсто въ газетѣ Козодавлева занимаютъ статьи и замѣтки, въ которыхъ рѣчь идетъ о предпріятіяхъ, успѣхахъ и заслугахъ русскихъ людей въ той или другой отрасли труда и знанія. Добродушно-восторженнымъ тономъ сообщаются извѣстія о каждомъ замѣчательномъ дарованіи, о каждомъ выдающемся явленіи въ области наукъ и искусствъ.

Сѣверная Почта считала своимъ долгомъ сообщить объ отличныхъ успѣхахъ одного изъ соотечественниковъ нашихъ по части медальернаго искусства. Питомецъ академіи художествъ, медальеръ Шиловъ пріобрѣлъ громкую извѣстность своими художественными работами, каковы: изображеніе Ахиллеса въ подражаніе славному древнему бюсту, портретъ графа Строганова, президента академіи художествъ, и наконецъ портретъ императора Александра I. Портретъ этотъ принятъ образцомъ для всѣхъ портретовъ государя на медаляхъ, изготовляемыхъ на петербургскомъ монетномъ дворѣ [151]).

Впечатлѣніе, произведенное *первою русскою ораторіею*, описывается, въ письмѣ изъ Москвы, такимъ образомъ: «Публика здѣшняя имѣла удовольствіе слышать *первую еще русскую ораторію*, подъ названіемъ: *Освобожденіе Москвы*, сочиненную г. Горчаковымъ, и положенную на музыку г. Дехтяревымъ, знаменитымъ и повсюду извѣстнымъ сочинителемъ церковной пѣвческой музыки. Сіе важное произведеніе отличныхъ талантовъ принято со всеобщимъ одобреніемъ и чрезвычайною похвалою. Оркестръ составленъ былъ почти изъ 200 однихъ только *русскихъ* музыкантовъ и пѣвцовъ, подъ управленіемъ самого г. Дехтярева. Сія пріятная новость должна составить важную эпоху въ исторіи нашей отечественной музыки. Теперь остается желать, чтобъ г. Дехтяревъ издалъ въ свѣтъ полную партитуру ораторіи, и тѣмъ *доказалъ иностраннымъ артистамъ, что онъ можетъ стать наряду съ первѣйшими геніями музыки*. Къ чести сочинителя ораторіи, г. Горчакова, можно сказать, что содержаніе оной, *взятое имъ изъ исторіи россійской*, заслуживаетъ большую похвалу. Пожарскій, Мининъ, Палицынъ и всѣ тѣ, кои участво-

вали въ достопамятномъ происшествіи освобожденія Москвы, достойны той славы, чтобъ поэты, риторы и музыканты передавали потомству безсмертныя ихъ дѣла» [152]).

Любовь ко всему отечественному неразрывно связана съ любовью къ отечеству вообще, а любовь къ отечеству развивается, крѣпнетъ и поддерживается любовью къ родному языку. Мысль эта высказывается и самимъ Козодавлевымъ и его сотрудниками. Въ своемъ проэктѣ устава русскихъ университетовъ и въ своихъ статьяхъ о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ Козодавлевъ опредѣлительно и ярко указываетъ права и значеніе отечественнаго языка. По поводу правительственной мѣры, которой Козодавлевъ придалъ гласность, напечатавши записку министра просвѣщенія въ своей газетѣ, говорится, въ письмѣ изъ *Выборга*: «Упражненіе въ природномъ языкѣ способствуетъ къ сохраненію духа народнаго, и возраждаетъ тѣмъ большую привязанность къ своему отечеству, — два свойства, коими единственно пріобрѣтается почтеніе отъ чужеземныхъ народовъ, и полагается навсегда незыблемое основаніе царствамъ. Да и почему жъ русскій языкъ не заслуживалъ бы предпочтѣнія между своими, когда оному отдаютъ должную справедливость и самые иностранцы, если кто изъ нихъ хотя нѣсколько постигаетъ свойства и силу онаго? Сіи послѣдніе сознаютъ, безъ всякаго сумнѣнія, что языкъ русскій не уступаетъ ни одному изъ живыхъ языковъ въ богатствѣ и полнотѣ выраженій, въ удобности составленія словъ и въ сей гибкости, которою облегчается изъясненіе всѣхъ различныхъ образовъ мыслей и понятій. Гибкость таковую почитаютъ за важнѣйшее преимущество языка. Какой же притомъ неизсякаемый источникъ для россійскаго слова представляетъ еще коренный онаго языкъ славянскій? И мы видимъ изъ самыхъ послѣдствій, коликаго усовершенствованія достигла наша словесность въ теченіи одного вѣка. Скорые успѣхи оной равняются токмо общимъ успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи. Нынѣ примѣчаемъ мы

съ радостнымъ удивленіемъ, что отъ того же духа отечественной любви возникаютъ у насъ повсюду искусства и промышленность всякаго рода: употребленіе собственныхъ способностей и дарованій открываетъ ежедневно новыя безчисленныя средства къ утвержденію насъ въ *счастливой независимости* отъ промышленности иностранной. Въ каждомъ листѣ Сѣверной Почты читаемъ мы подтвержденіе сего пріятнаго событія. Наконецъ, запечатлѣваются всѣ толь полезныя попеченія правительства вкорененіемъ природнаго языка въ грядущихъ по насъ поколѣніяхъ. Народъ воспользуется примѣромъ высшихъ. Тогда достоинство и имя россіянъ надолго пребудутъ непоколебимы» [153]).

Записка министра, о которой упоминается въ письмѣ выборгскаго кореспондента, весьма замѣчательна по своему содержанію. Она напоминаетъ отчасти статьи журналовъ Новикова и нѣкоторыя изъ произведеній Крылова, направленныя противъ иноземнаго начала въ дѣлѣ воспитанія. Представляя государю свою записку или свой докладъ, министръ народнаго просвѣщенія такими чертами изображаетъ тогдашнія понятія о воспитаніи: «Въ отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все неиностранное, неимѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, неможно безъ прискорбія взирать на зло, толь глубоко въономъ внѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ согражданъ моихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависитъ преломить духъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ *счастливое недовѣріе* къ чуждымъ воспитателямъ. Но, подъ высокимъ вліяніемъ монарха, я могу дѣйствовать орудіями, мнѣ предоставленными. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцемъ и для каждаго част-

наго гражданина. Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка, и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ *иностранца*. Сего недовольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что̀ усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники и мыслятъ и говорятъ поиноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ». Для прекращенія этого предлагалось, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ; чтобы вновь принимать учителей не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы они преподавали непремѣнно порусски и т. д. [154]).

Благодаря Козодавлеву и его образованности, газета министерства внутреннихъ дѣлъ не обратилась въ сборникъ однихъ только офиціальныхъ свѣдѣній по разнымъ вѣдомствамъ, но въ ней находимъ значительное количество данныхъ, относящихся къ русской литературѣ и наукѣ. Отъ времени до времени помѣщались извѣстія о новыхъ произведеніяхъ нашихъ ученыхъ и писателей, о научныхъ путешествіяхъ и открытіяхъ, объ училищахъ и библіотекахъ, о засѣданіяхъ учено-литературныхъ обществъ, съ обычными въ этихъ случаяхъ рѣчами и чтеніями, и т. п.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ, изъ самыхъ замѣчательныхъ и капитальныхъ произведеній нашей литературы и науки, появившихся въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія, была безспорно Исторія государства россійскаго, Карамзина. Понимая важное значеніе этого труда, просвѣщенный издатель Сѣверной Почты знакомилъ читателей съ ходомъ ученыхъ работъ и разы-

сканій исторіографа, извѣщая какъ о вышедшихъ уже томахъ, такъ и о приготовленныхъ къ печати.

8 декабря 1809 года:—Здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) теперь *заподлинно* извѣстно, что почтенный исторіографъ нашъ, г. Карамзинъ, *кончилъ уже описаніе временъ Димитрія Донскаго*, и намѣренъ издать трудъ свой тогда, когда дойдетъ до времени возведенія на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича. Друзья г. Карамзина разсказываютъ весьма много любопытнаго о *Волынской лѣтописи*, найденной имъ вмѣстѣ съ церковными правилами кіевскаго митрополита Іоанна, Несторова современника, и съ уставомъ князя Святослава Ольговича, жившаго въ двѣнадцатомъ столѣтіи; также *о русскихъ грамотахъ четырнадцатаго вѣка*, присланныхъ къ нему изъ Молдавіи [155]).

2 марта 1812 года появилось слѣдующее, по словамъ редакціи, *самое достовѣрное и никакому сомнѣнію неподверженное* извѣстіе:

Исторіографъ Карамзинъ пишетъ теперь *седьмой* томъ россійской исторіи.

Первый томъ служитъ введеніемъ и состоитъ изъ трехъ главъ: о народахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи, и о славянахъ вообще; о славянахъ и другихъ народахъ, составившихъ государство россійское; о физическомъ и нравственномъ характерѣ славянъ древнихъ.

Во второмъ томѣ — исторія государства россійскаго, отъ Рюрика до кончины Владимира.

Въ третьемъ — отъ Святополка до Мстислава Великаго.

Въ четвертомъ — отъ Мстислава до нашествія татаръ.

Въ пятомъ — отъ 1224 года до Димитрія Донскаго.

Въ шестомъ — отъ Димитрія до самодержца Іоанна Васильевича I.

Второй, четвертый и шестой томы заключаются обозрѣніемъ государственнаго и гражданскаго состоянія древней Россіи, какъ она была во времена св. Владимира, передъ нашествіемъ Батыевымъ и по сверженіи ханскаго ига. Тутъ собраны всѣ извѣстія

о правленіи, законахъ, торговлѣ, деньгахъ, художествахъ, ремеслахъ, словесности, нравахъ.

Кромѣ *лѣтописей* и *дипломатическихъ памятниковъ*, хранящихся въ русскихъ архивахъ, исторіографъ пользовался и другими источниками. Онъ получилъ множество весьма любопытныхъ бумагъ изъ кенигсбергскаго архива: *мирные договоры ливонскаго ордена съ Новымгородомъ, псковитянами и государями московскими; описаніе воинскихъ произшествій отъ четырнадцатаго до семнадцатаго столѣтія*, и проч. [156]).

2 февраля 1818 года извѣщалось, что Исторія государства россійскаго уже напечатана, въ восьми томахъ. Въ доказательство ея достоинства приводилось между прочимъ и то̀, что правительство признало нужнымъ разослать ее во всѣ русскія посольства и миссіи заграницей, и для пріобрѣтенія экземпляровъ этой книги отпущено въ министерство иностранныхъ дѣлъ тысячу четыреста рублей [157]).

Къ этому извѣстію прибавлено, 6 февраля 1818 года, что исторія Карамзина не только вышла изъ печати, но уже и продается—въ Петербургѣ, въ Захарьевской улицѣ, близъ Литейнаго двора, въ домѣ Баженовой, во флигелѣ у комисіонера Александра Косматова. Цѣна за всѣ восемь томовъ, съ родословными росписями и съ картою древней Россіи, пятьдесятъ рублей [158]).

Знаменитый трудъ Карамзина едва не прерванъ былъ навсегда вслѣдствіе того, что авторъ былъ на краю гибели. 3 февраля 1810 года писали изъ Москвы: Всѣ любителли наукъ, а особливо отечественной исторіи и литературы, были здѣсь *на сихъ дняхъ* въ превеликомъ прискорбіи и страхѣ. Нашъ исторіографъ былъ при концѣ жизни. Сильнѣйшая нервическая горячка едва не лишила насъ столь любимаго писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ ожидаемой отъ пера его отечественной исторіи [159]).

Изъ Харькова сообщали, что пріобрѣвшій европейскую извѣстность трудами своими по ботаникѣ баронъ Биберштейнъ приступилъ къ изданію своего сочиненія о южнорусской флорѣ, ко-

торое должно занять почетное мѣсто въ наукѣ, подобно «Россійской флорѣ» знаменитаго Палласа [160]).

Довольно подробное, для газетнаго объявленія, извѣстіе помѣщено о литературной новинкѣ того времени—о выходѣ книги подъ заглавіемъ: *Собраніе образцовыхъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и прозѣ.* Для составленія этой книги издатели воспользовались произведеніями нашихъ поэтовъ и прозаиковъ, многими журналами и собраніемъ русскихъ стихотвореній и образцовыми сочиненіями въ прозѣ, изданными Жуковскимъ и Воейковымъ [161]).

Изъ Москвы писали: Извѣстія, получаемыя здѣсь изъ многихъ губерній о ссорахъ, бывающихъ въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, послужили для одного изъ молодыхъ нашихъ авторовъ поводомъ къ сочиненію комической оперы, которая, какъ сказываютъ, выдетъ скоро въ свѣтъ, подъ заглавіемъ: *Губернскія ссоры* [162]).

Въ огромномъ количествѣ экземпляровъ печаталась и расходилась книга «природнаго нашего врача» Каменецкаго подъ названіемъ: *Краткое наставленіе, какъ поступать съ больными, гдѣ нѣтъ лѣкарей.* Правительство разослало по всему государству многія тысячи экземпляровъ этой книги, и по мѣрѣ отпечатанія не перестаетъ еще разсылать. Другое сочиненіе того же автора: *О лѣченіи болѣзней простыми средствами* отпечатано въ количествѣ болѣе тридцати тысячъ экземпляровъ, и потомъ вышло вторымъ изданіемъ [163]).

По обычаю того времени, отзывы о книгахъ состоятъ большею частью изъ однихъ только похвалъ, и притомъ самыхъ безцвѣтныхъ. Передъ невзыскательнымъ судомъ тогдашней критики вообще посредственность и бездарность становились рядомъ съ несомнѣннымъ и сильнымъ талантомъ, и пожинали одинаковые съ нимъ лавры. И Жуковскій и графъ Хвостовъ чествовались на одинъ и тотъ же ладъ; похвалы имъ воздаются почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Но въ Сѣверной Почтѣ все-таки дѣлалось по крайней мѣрѣ то различіе, что произведенія

Жуковскаго считались *украшеніемъ* нашей литературы, а стихи Хвостова—только ея *обогащеніемъ*, т. е. увеличеніемъ количества печатаемыхъ стихотвореній.

— Недавно вышло здѣсь изъ печати новое сочиненіе Д. И. *Хвостова*, писанное стихами, подъ названіемъ: *На вторичное вступленіе сыновъ Европы въ Парижъ, послѣ побѣды при мѣстечкѣ, Прекрасный Союзъ называемомъ.* Мы очень радуемся, что россійская литература вновь обогащается сочиненіемъ, заключающимъ въ себѣ толико пріятную для всѣхъ благомыслящихъ матерію, которая и выражена притомъ съ такимъ жаромъ чувства, что безъ сумнѣнія сочиненіе сіе принесетъ удовольствіе читателямъ [164]).

— На сихъ дняхъ вышло новое стихотвореніе графа Дмитрія Ивановича *Хвостова*, подъ названіемъ: *Благоденствіе Европы.* Содержаніе, пріятное для всякаго россіянина, умножитъ цѣну сего стихотворенія, обогащающаго россійскую литературу [165]).

— Извѣстно уже публикѣ прекрасное перо россійскаго стихотворца г. Жуковскаго. Теперь выходитъ въ свѣтъ изданіе стихотвореній его; въ первой части содержатся лирическія стихотворенія, романсы, пѣсни, посланія; во второй — баллады, смѣсь. Мы съ удовольствіемъ сообщаемъ читателямъ нашимъ о семъ изданіи, могущемъ служить украшеніемъ нашей отечественной литературы [166]).

О сочиненіи Львова, подъ заглавіемъ: *Похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу* замѣчено, что оно имѣетъ интересъ и для нашего времени, когда правительство старается, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, усовершенствовать начатое. При этомъ приводятся, какъ неоспоримая истина, слова автора: ничто такъ не дѣйствуетъ на сердца людей, какъ милосердое правленіе человѣколюбиваго государя [167]).

Ученое путешествіе Энгельгардта и Паррота вызвало нѣсколько статей полемическаго свойства. Впродолженіе почти цѣлаго года эти ученые нивелировали посредствомъ барометровъ

все пространство между Чернымъ и Каспійскимъ морями съ цѣлью опредѣлить, которое изъ нихъ выше. Вопросъ этотъ былъ важенъ не только въ научномъ, но и въ практическомъ отношеніи — въ виду тѣхъ выгодъ, которыя торговля наша могла бы извлечь отъ соединенія двухъ морей, Чернаго съ Каспійскимъ. Вслѣдъ за извѣстіемъ о путешествіи Энгельгардта и Паррота, появилась замѣтка, суть которой заключалась въ томъ, что вопросъ весьма удобно рѣшается и въ Петербургѣ, т. е. другими словами, что не для чего было ѣздить за тридевять земель. Принимая за аксіому, что воды текутъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ, можно утвердительно сказать, что Черное море выше Каспійскаго. Для достиженія цѣли, стоитъ только соединить между собою истоки рѣкъ Батума и Куры. Въ отвѣтъ на замѣтку прислано было возраженіе, нелишенное нѣкоторой ядовитости. Въ немъ говорится, что ученые путешественники имѣли въ виду геогнозію, а не торговлю, и что авторъ замѣтки былъ бы правъ только въ томъ случаѣ, если бы рѣка Кура вытекала прямо изъ Чернаго моря въ Каспійское; но въ дѣйствительности она беретъ свое начало въ горѣ *Чилдиръ*, что̀ порусски значитъ: *гора дураковъ*, и т. п. Помѣщая эти пререканія, редакція сочла нужнымъ оговориться, что она слѣдуетъ правилу, признающему споры ученыхъ лучшимъ средствомъ къ выясненію истины. При этомъ приводятся слова Вольтера:

Le public à profit met toutes nos querelles;
De nos cailloux frottés il sort des etincelles,
La lumière en peut naitre; et nos grands érudits
Ne nous ont éclairés qu'en étant contredits [168]).

Въ письмахъ и замѣткахъ многочисленныхъ сотрудниковъ и кореспондентовъ находятся свѣдѣнія: объ открытіи училищъ въ разныхъ мѣстностяхъ; объ испытаніи учениковъ; о театрѣ; о чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей россійскаго слова; объ актѣ въ харьковскомъ университетѣ; объ открытіи публичной библіотеки при казанской духовной академіи; о гробницѣ Ярослава въ Кіе-

вѣ; о древней надгробной надписи въ Оршѣ; объ университетахъ: лейпцигскомъ и геттингенскомъ, и т. д., и т. д.

Геттингенъ, во время учрежденія въ немъ университета (въ 1733 году), былъ похожъ болѣе на деревню, нежели на городъ. Профессора едва могли найти себѣ помѣщеніе; мѣстные жители считали ихъ за колдуновъ. Но черезъ тридцать лѣтъ послѣ своего основанія университетъ пользовался громкою извѣстностью и всеобщимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Видно, что не внѣшнее великолѣпіе зданій было предметомъ учредителей и правителей университета, а что-то другое составляло цѣль всѣхъ подобныхъ учрежденій, сдѣлавшихся разсадниками просвѣщенія въ Европѣ. По мнѣнію автора статьи, причина быстраго усовершенствованія геттингенскаго университета заключалась въ *разумной и неутомимой дѣятельности* первыхъ его учредителей и правительства, и въ томъ *коренномъ узаконеніи, освященномъ временемъ и обычаемъ*, что никто не можетъ получить въ государственной службѣ мѣста, не пріобрѣтя въ университетѣ необходимыхъ для этого знаній [169]).

О предметахъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, о различныхъ отросляхъ промышленности, о государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и т. п., сообщались свѣдѣнія довольно подробныя, преимущественно въ видѣ историческихъ очерковъ. Къ числу такихъ очерковъ принадлежатъ статьи: о началѣ и успѣхахъ инструментальныхъ заведеній въ Россіи по хирургической части; историческій отрывокъ о часовыхъ фабрикахъ; о почтахъ въ Россіи, съ извлеченіями изъ Герберштейна, и др. Отголоски общественнаго мнѣнія слышатся въ статьяхъ, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія, хотя бы и самыя краткія, о жизни и дѣятельности лицъ, обратившихъ на себя вниманіе общества, и потрудившихся на его пользу. Таковы статьи: о Дехтяревѣ, о Самборскомъ, и др.

По складу понятій того времени и отчасти также по самой цѣли изданія, въ немъ помѣщались извѣстія преимущественно о свѣтлыхъ явленіяхъ въ нашей общественной жизни. Изрѣдка

только являлись попытки, и притомъ весьма слабыя, раскрыть и другую, весьма непривлекательную сторону тогдашней дѣйствительности. Какъ на одну изъ первыхъ и довольно робкихъ попытокъ *гласности* можно указать на слѣдующую статью по поводу самоубійства:

— «Извѣстно, что въ Россіи — хвала и благодареніе Богу!— примѣры самоубійства весьма рѣдки, такъ что можно почти навѣрное полагать, что кромѣ самаго малаго числа совершенно безумныхъ, другихъ жертвъ толь несчастныя смерти у насъ не было. Мы почитаемъ потому занужное сообщить публикѣ извѣстіе о случившемся здѣсь (въ Петербургѣ) на сихъ дняхъ самоубійствѣ, какъ о происшествіи весьма необыкновенномъ. Сообщеніе онаго къ свѣдѣнію публики почитаемъ мы тѣмъ полезнѣе, что оно откроетъ пагубныя слѣдствія *небреженія, съ каковымъ, можетъ быть, нѣкоторые врачи пользуютъ иногда бѣдныхъ*, кои, страдая на одрѣ болѣзни, простираютъ слабую руку къ испрошенію у врача не только помощи, но и пищи.

Таковая бѣдственная кончина постигла здѣсь отставнаго коллежскаго асессора Самуила Засѣкина, на тридцать осьмомъ году его жизни. Онъ служилъ сначала въ арміи, и бывъ въ сумскомъ гусарскомъ полку штабсъ-ротмистромъ, перешелъ наконецъ въ статскую службу; но и оной за болѣзнію продолжать не могъ. Болѣзнь претерпѣвалъ онъ отъ полученныхъ имъ ранъ на сраженіяхъ, во время бывшей въ Италіи войны. Не взирая на полный пенсіонъ, который ему при увольненіи отъ воинской службы былъ пожалованъ, онъ претерпѣвалъ и бѣдность. Прибывъ сюда въ твердой надеждѣ найти вѣрное пособіе для поправленія своего здоровья и состоянія, ввѣрился онъ, хотя искусному, но такому врачу, который, озаботясь другими по званію своему занятіями, разсѣянностію и небреженіемъ приложилъ къ тѣлеснымъ ранамъ его раны сокровеннымъ прискорбіемъ истерзаннаго сердца. Таковыя обстоятельства поколебали всю твердость души его. Бѣдный страдалецъ, пришедъ наконецъ въ изступленіе, собралъ послѣднія силы, чтобъ прекратить бѣдственную жизнь. Онъ за-

стрѣлилъ себя изъ пистолета! По смерти осталась его руки записка, въ которой, жалуясь на своего лѣкаря, завѣщаетъ слѣдующее:

«Прошу и совѣтую людямъ добрымъ съ великою осторожностію ввѣряться лѣкарямъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ бѣдны наукою и надменны въ поступкахъ».

Мы не смѣемъ ничего сказать въ предосужденіе умершаго. *Мы скроемъ также имя и врача; но, отдавая впрочемъ справедливость его достоинствамъ и знаніямъ, не скроемъ праведнаго негодованія на его поступокъ.* Чувствительная душа возропщетъ на него, что онъ утаилъ отъ нея достойнѣйшій предметъ ея состраданія. И вы, друзья человѣчества, пролѣете слезу искренняго сожалѣнія, что наблюдательный взоръ вашъ не проникъ въ ту хижину, гдѣ скрытъ былъ отъ вашихъ благотвореній бѣдный страдалецъ!» [170]).

Въ заключеніе нашего обзора, для наглядной характеристики изданія, служившаго посредникомъ между правительствомъ и обществомъ, приводимъ нѣсколько чертъ, особенно ярко рисующихъ образъ мыслей министра-писателя. Беремъ эти черты изъ тѣхъ статей Сѣверной Почты, въ которыхъ опредѣлительно и ясно выражается основное убѣжденіе ея основателя и редактора. Козодавлевъ считалъ несомнѣнною истиною, что во всѣхъ отрасляхъ общественной дѣятельности, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, жизненное начало заключается въ *свободѣ* и въ возможно бо̀льшемъ расширеніи ея неоспоримыхъ правъ.

Въ Сѣверной Почтѣ помѣщенъ рядъ статей Козодавлева подъ названіемъ: «Мысли россіянина о внутреннемъ хлѣбномъ торгѣ». Авторъ является горячимъ защитникомъ свободы торговли и врагомъ всякой монополіи. Онъ говоритъ:

— «Свобода хлѣбнаго торга предохраняетъ совершенно оный не токмо отъ всеобщей монополіи, но даже и въ городахъ и въ селеніяхъ, гдѣ монополистъ скорѣе можетъ достигнуть своей цѣли, свобода дѣлаетъ всякую частную монополію весьма затруднительною. Гдѣ хлѣбъ вздорожаетъ, оттуда ни зерна не

повезутъ онаго на продажу въ тѣ мѣста, гдѣ оный дешевъ; а напротивъ, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ на хлѣбъ цѣны низки, повезутъ оный на продажу туда, гдѣ въ хлѣбѣ есть недостатокъ, и гдѣ потому цѣны на оный возвысились. Сіе есть теченіе вещей натуральное; ненадобно токмо въ теченіи семъ полагать препонъ хлѣбному торгу. *Сколь можно менѣе остановокъ и всякаго рода стѣсненій, и сколь можно болѣе свободы* — вотъ самое надежнѣйшее средство къ устраненію недостатка въ хлѣбѣ!

Просвѣщенныя правительства полагали, что въ торговлѣ, равно какъ и *во всякой* другой *отрасли государственнаго хозяйства, надлежитъ держаться того правила, чтобъ сколько можно менѣе было стѣсненій, и сколь можно болѣе свободы; чтобъ правительство сколь можно меньше мѣшалось* въ промышленность и торговлю частныхъ лицъ; чтобы оно наблюдало за ними только слегка, покровительствуя ихъ, и устраняя всѣ препятствія и стѣсненія, какія токмо имъ въ шествіи ихъ къ собственной пользѣ встрѣтиться могутъ» [171]).

Въ газетѣ Козодавлева проводилась, съ замѣчательною послѣдовательностью, та мысль, что въ основѣ всѣхъ дѣйствительно полезныхъ мѣръ и предпріятій правительства должны лежать «свободолюбивыя начала (principes liberaux)».

По словамъ одного изъ современныхъ Козодавлеву литераторовъ и журналистовъ, оппозиція Аракчееву, Голицыну и др. была тогда въ модѣ, и «самымъ либеральнымъ журналомъ была Сѣверная Почта, выходившая подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева».

Разсказываютъ, что на вопросъ, отчего иноземныя растенія отлично сохраняются въ нашихъ оранжереяхъ, а наши фабрики и мануфактуры не могутъ усвоить себѣ хорошихъ образцовъ и сравниться съ иностранными, Козодавлевъ отвѣчалъ: «оттого, что въ устройство оранжерей не вмѣшивается администрація» [172]).

То же начало свободы Козодавлевъ признавалъ необходимымъ и по отношенію къ печатному слову. Вотъ одно изъ доказательствъ этому. Въ Сѣверной Почтѣ помѣщались въ чрезвы-

чайномъ изобиліи витіеватыя статьи о собраніяхъ и дѣятельности библейскихъ обществъ. Такое изобиліе объясняется отчасти личнымъ настроеніемъ редактора, всего же болѣе—духомъ того времени. Козодавлевъ, по свидѣтельству даже враговъ его, былъ искренно религіозенъ, а потому естественно, что онъ принималъ къ сердцу заботы о распространеніи слова Божія. Но какъ ни высока идея, вызвавшая существованіе библейскихъ обществъ, дальнѣйшая судьба ихъ представляетъ множество уклоненій отъ той цѣли, къ которой они должны были стремиться. Фанатизмъ и лицемѣріе не замедлили проявить себя, и вмѣсто ожидаемыхъ вѣстниковъ свѣта пытались дѣйствовать враждебныя ему темныя силы. Ревнители нравственности и благочестія впадали въ крайности, и къ сожалѣнію духъ вѣка, т. е. духъ сильныхъ земли, благопріятствовалъ, повидимому, этимъ крайностямъ. При всемъ сочувствіи своемъ къ высокой цѣли библейскихъ обществъ, Козодавлевъ вооружался противъ такихъ средствъ для достиженія этой цѣли, которыя угрожали свободѣ мысли и печатнаго слова. Одинъ изъ членовъ библейскаго общества предложилъ, какъ онъ выразился, очистить ниву для сѣянія добраго сѣмени, и истребить на ней камни и волчецъ, т. е. сжечь книги, въ которыхъ прямо или косвенно отрицаются истины св. писанія. Мѣстный библейскій комитетъ нашелъ это предложеніе весьма благонамѣреннымъ, и испрашивалъ разрѣшенія привести его въ дѣйствіе. Камни и волчецъ, обреченные на сожженіе, и принадлежащіе Вольтеру, Руссо, Фонъ-Визину и другимъ писателямъ, были слѣдующіе:

Книги:

Черный Иванъ или нелюдимъ.—
Принцесса вавилонская. —
Разсужденіе о неравенствѣ между людьми.—
Повѣсть о двухъ туркахъ.
Кандидъ, или оптимизмъ.—
Задигъ, или судьба, восточная повѣсть. —

Человѣкъ въ сорокъ талеровъ.—
Философическія рѣчи о человѣкѣ.—
Тактика, Вольтера.—
Здравое разсужденіе, Гельвеція.—
Критическія письма.—
Исповѣдываніе вѣры.—
Общественная система.—
Система природы.—

Рукописи:

Сокращенное ученіе нравственныхъ философовъ.—
Бѣлый быкъ.—
Естественный законъ, поэма, 4 части.—
Поэма на разрушеніе Лиссабона.—
Энни или мудрецъ и атеистъ.—
Посланіе къ слугамъ моимъ.—
Библіотека здраваго разсудка, 2 тома.

Издатели Сѣверной Почты высказали рѣзкій протестъ противъ предлагаемой мѣры, находя, что она «невольно напоминаетъ о духѣ того времени, которое давно уже позабыто, и въ которое въ Европѣ не токмо многія книги, яко вредная пища ума, но и составлявшіе и вкушавшіе оную, были предаваемы огню. Духъ того времени не имѣлъ однакожъ нигдѣ въ достиженіи цѣли своей успѣха, а напротивъ, *истребляя со плевелами и пшеницу*, препятствовалъ распространяться свѣту. Костры, тогда пылавшіе, смраднымъ пламенемъ своимъ едва и совершенно не погасили искры народнаго просвѣщенія, и, безъ сомнѣнія, много способствовали послѣдовавшему потомъ невѣрію и разврату.... Библейское общество *не мѣшается въ цензуру или, отъ чего Боже сохрани, въ приговоры къ сожженію какихъ-либо книгъ*».

По убѣжденію Козодавлева, библейскія, какъ и всякія другія, общества не должны посягать на свободу мысли и совѣсти. Онъ выражаетъ твердую надежду, что враги просвѣщенія и по-

борники невѣжества не будутъ имѣть успѣха въ Россіи, гдѣ «Александръ, водимый перстомъ Божіимъ, распространитъ и слово Вождя своего, и промышленность и фабрики, подкрѣпляя благо подданныхъ своихъ благоразумною *свободою и либеральными мыслями*» [173]).

Сѣверная Почта имѣла большой успѣхъ въ тогдашнемъ читающемъ обществѣ. Число подписчиковъ до того увеличилось, что газета, основанная на суммы министерства, могла издаваться на свои собственныя средства. При учрежденіи Сѣверной Почты, въ 1809 году, всѣ издержки на ея изданіе и на жалованье чиновниковъ отнесены на счетъ доходовъ почтоваго вѣдомства. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1814 году, признано возможнымъ продолжать изданіе не на казенный счетъ, а единственно на тѣ суммы, которыя получались отъ подписки на газету, въ то время имѣвшую уже весьма обширный кругъ читателей [174]).

Руководителемъ и душою изданія былъ безспорно *Козодавлевъ*. Не стало Козодавлева, и газета должна была покончить свое существованіе. Прекращеніе ея является однимъ изъ признаковъ той перемѣны въ образѣ мыслей, которая послѣдовала въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Императоръ Александръ I, допускавшій нѣкогда необходимость и пользу литературнаго органа, служащаго посредникомъ между правительствомъ и обществомъ, измѣнилъ впослѣдствіи свой взглядъ, и судьба газеты заранѣе была рѣшена. По смерти Козодавлева, государь поручилъ преемнику его, графу Кочубею, управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и князу Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ вѣдомство котораго перешла почтовая часть, сообразить, какое распоряженіе сдѣлать съ Сѣверною Почтою. Давая такое порученіе, государь «отозвался, что его величеству не весьма кажется приличнымъ, чтобъ издаваема была газета отъ министерства, ибо *изъ сего происходятъ разные толки; заключаютъ, что правителство желаетъ дѣлать внуше-*

нія, и пр. Государь императоръ признавать изволитъ, что удобнѣе всегда газету издавать отъ какихъ-либо частныхъ лицъ и пр.». Вслѣдъ за этимъ, какъ и надо было ожидать, представленъ былъ, за подписью обоихъ министровъ, докладъ, въ которомъ они говорили, что «они обратились *прежде всего* къ той мысли, какую и его величество изволилъ изъяснить на счетъ изданія газетъ отъ министерства. Они не признали удобнымъ издавать Сѣверную Почту ни министру внутреннихъ дѣлъ, ни министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, какъ по уваженію того, что таковая, отъ министерства непосредственно издаваемая, газета можетъ быть предметомъ разныхъ неосновательныхъ заключеній, такъ и по причинѣ многосложныхъ занятій обоихъ министерствъ, непозволяющихъ начальникамъ оныхъ принимать на себя занятія посторонція». На этомъ основаніи графъ Кочубей и князь Голицынъ признавали удобнымъ:

1) Изданіе Сѣверной Почты прекратить.

2) Свѣдѣніе о внутреннихъ происшествіяхъ помѣщать въ газетѣ, издаваемой отъ академіи наукъ. Посредствомъ этого академическая газета — полагали они — сдѣлается занимательнѣе, число подписчиковъ увеличится, и публика не лишится удовольствія читать попрежнему тѣже свѣдѣнія о внутреннихъ происшествіяхъ.

Представленная государю записка о Сѣверной Почтѣ составлена графомъ Кочубеемъ. Единственное измѣненіе, сдѣланное въ ней княземъ Голицыномъ, состояло въ пропускѣ нѣсколькихъ словъ. Князь Голицынъ «находилъ приличнѣе не помѣщать словъ: *не принося никакой существенной пользы*, ибо, какъ въ той же запискѣ полагается внутреннія извѣстія вмѣсто Сѣверной Почты помѣщать въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, то безъ сомнѣнія признаются онѣ *полезными:* иначе слѣдовало бы, обще съ тою газетою, прекратить изданіе и тѣхъ извѣстій. Причинъ же есть достаточно и безъ того, для чего прекратить изданіе Сѣверной Почты» [175]).

Издатели Сѣверной Почты извѣщали публику, что съ окон-

чаніемъ 1819 года прекратится изданіе этой газеты, замѣняемой, по отношенію ко внутреннимъ извѣстіямъ, Санктпетербургскими Вѣдомостями, редакція которыхъ приметъ на себя попеченіе «украсить и обогатить» свои листы всѣми любопытнѣйшими предметами и свѣдѣніями, относящимися къ нашему отечеству [176]).

Просвѣщеннѣйшіе изъ современниковъ Козодавлева, люди науки, дорожили его газетою, находя въ ней въ большомъ количествѣ свѣдѣнія, которыхъ напрасно было бы искать въ другихъ тогдашнихъ изданіяхъ. Академикъ Кеппенъ помѣщаетъ Сѣверную Почту въ числѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи и источниковъ для исторіи русской «словесности», понимаемой въ самомъ обширномъ смыслѣ. Онъ говоритъ: «По докладу, высочайше утвержденному въ 30 день іюня 1809 года, подъ главнымъ управленіемъ *Осипа Петровича Козодавлева*, началось изданіе Сѣверной Почты или Новой с.-петербургской газеты. Важнѣйшій предметъ оной составляютъ извѣстія о самой Россіи. Къ крайнему сожалѣнію, нѣтъ нигдѣ обозрѣнія Сѣверной Почты, коимъ руководствуясь, можно бы пользоваться статьями, объ отечествѣ нашемъ въ оной сообщаемыми. Съ удовольствіемъ проходилъ я первые сто двадцать номеровъ сихъ вѣдомостей, вышедшіе въ продолженіе 1809 и 1810 годовъ, и составилъ онымъ систематическое оглавленіе. Недостатокъ времени не дозволяетъ мнѣ заняться продолженіемъ труда сего, неоставшагося безъ вознагражденія, ибо я посредствомъ онаго получилъ познаніе о многихъ такихъ вещахъ, о коихъ въ другихъ сочиненіяхъ нельзя почерпнуть удовлетворительныхъ свѣдѣній» [177]).

XI.

Наука и литература имѣли высокое значеніе въ глазахъ Козодавлева. Онъ принималъ непосредственное участіе въ литературной дѣятельности своего времени, и находился въ сношеніяхъ, болѣе или менѣе близкихъ, съ замѣчательнѣйшими изъ нашихъ писателей и ученыхъ. Литературныя связи его были довольно обширны и не ограничивались одною случайностью. Имена Дер-

жавина, Фонъ-Визина, Карамзина и другихъ писателей необходимо должны быть упоминаемы въ его біографіи.

Будучи свидѣтелемъ первыхъ шаговъ Карамзина на литературномъ поприщѣ, Козодавлевъ не могъ не оцѣнить новаго и блестящаго таланта, хотя, повидимому, сохранилъ свое сочувствіе къ произведеніямъ Хераскова, преимущественно къ его повѣстямъ. Впрочемъ самъ Карамзинъ, вспоминая свою молодость, отчасти объясняетъ причину, почему повѣсти Хераскова, т. е. собственно ихъ направленіе и основная мысль, такъ сильно дѣйствовали на тогдашнія поколѣнія читателей. Карамзинъ говоритъ, что чтеніе повѣстей назидательнаго свойства, въ которыхъ добро и правда всегда одерживаютъ побѣду надъ зломъ съ его безчисленными орудіями, оставляло глубокіе слѣды въ его душѣ, укрѣпляя въ ней убѣжденіе въ несокрушимости нравственныхъ началъ и въ необходимости согласоваться съ ними и въ своихъ понятіяхъ и въ своихъ дѣйствіяхъ. Писателемъ истинно великимъ Карамзинъ является въ своей исторіи. Сознавая значеніе этого труда для науки и для Россіи, Козодавлевъ сообщалъ о немъ, какъ мы видѣли, точныя и подробныя свѣдѣнія въ своей газетѣ.

Сближаясь съ писателями, Козодавлевъ отчасти вызывалъ ихъ на новыя литературныя предпріятія, и нерѣдко содѣйствовалъ появленію въ свѣтъ выдающихся произведеній тогдашней словесности.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ея представителей, Державинъ, писалъ Козодавлеву: «*Вы всегда поощряли меня къ поэзіи*, и выхваляли малыя мои способности, данныя мнѣ одною природою, и *вами только примѣченныя*» [178]).

Извѣстно, что ода Фелица, составившая славу Державина въ современномъ ему обществѣ, явилась въ печати благодаря тому обстоятельству, что обладавшій литературнымъ вкусомъ и чутьемъ Козодавлевъ прочиталъ ее въ рукописи, и вполнѣ оцѣнилъ это замѣчательное произведеніе русской лирики восемнадцатаго столѣтія. Фелица и напечатана впервые въ томъ журналѣ, редакторомъ котораго былъ Козодавлевъ.

Выборъ произведеній, привлекавшихъ особое вниманіе Козодавлева, нельзя объяснять простою случайностью. Въ выборѣ этомъ обнаруживается, до нѣкоторой степени, преобладающій образъ мыслей самого Козодавлева, его уваженіе къ правамъ человѣчества и къ началу свободы, одинаково благодѣтельной, по его мнѣнію, какъ для умственной, такъ и для общественной жизни народа. Поэтическій образъ, начертанный перомъ Державина, возбуждалъ сочувствіе въ душѣ Козодавлева особенно потому, что, говоря стихами самого Козодавлева,—

Фелица милуетъ грядущи къ ней народы,
Даетъ имъ чувствовать пріятности *свободы*....

Фелица, говоря также словами Козодавлева, полагаетъ, что истинное величіе земныхъ владыкъ требуетъ,

Чтобъ *мыслилъ и писалъ* ихъ подданный *свободно*....

Лелѣя въ душѣ своей идеалъ свободы, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо зная наши общественные порядки и наше дѣлопроизводство прежняго, весьма недавняго, времени, Козодавлевъ понималъ настоящій смыслъ и жизненную правду стиховъ Державина, обращенныхъ къ Фелицѣ:

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ—и въ явь, и подъ рукой —
И знать и мыслить позволяешь....
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ....
Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить....»

Полагаютъ, что и трагедія Княжнина *Вадимъ*, послужившая поводомъ къ обвиненію автора въ революціонныхъ замыслахъ, появилась въ печати также благодаря Козодавлеву, которому

будто бы поручено было разобрать трагедію, какъ въ литературномъ, такъ и въ цензурномъ отношеніи. Свѣдѣніе объ этомъ заимствовано изъ весьма достовѣрнаго, повидимому, источника. Оно взято нашими библіографами изъ записокъ княгини Дашковой, которая, въ качествѣ директора академіи наукъ, разрѣшила напечатать *Вадима* въ академической типографіи и помѣстить его въ академическомъ изданіи. Хотя, при ближайшемъ знакомствѣ съ ходомъ дѣла, свидѣтельство Дашковой оказывается неточнымъ, тѣмъ не менѣе оно, какъ и вообще все тò, что говорилось и писалось о злосчастной трагедіи, какъ Дашковою, такъ и другими лицами, весьма живо рисуетъ тогдашнія времена и понятія. Поэтому, а также для выясненія участія, приписываемаго Козодавлеву, считаемъ умѣстнымъ сообщить нѣсколько данныхъ, относящихся къ любопытному эпизоду изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго прошлаго.

Въ трагедіи Княжнина главное вниманіе обращаютъ на себя два противоположные типа, выставленные авторомъ въ особенно яркомъ свѣтѣ. Два дѣйствующія лица *Рюрикъ* и *Вадимъ* олицетворяютъ собою два непримиримыя начала — монархическое и республиканское. Скорѣе земля соединится съ небомъ, — говоритъ Вадимъ — нежели республиканецъ подчинится монархической власти. Видя, что монархія одержала окончательную побѣду, онъ рѣшается покончить съ жизнію, утратившею для него все свое значеніе. Въ приливѣ негодованія и безсильной злобы, онъ укоряетъ своихъ собесѣдниковъ въ малодушіи, и высказываетъ имъ такого рода мысли: Свободный человѣкъ гнушается блескомъ вѣнца на главѣ повелителей, ибо видитъ въ немъ орудіе рабства, искажающаго небесную красоту свободы; кто пожертвовалъ своею свободою, тотъ лишилъ себя отечества; люди, недобывающіе сами себѣ свободы, ожидая ее отъ посторонней помощи, составляютъ не общество, а стадо, и т. п. [179]):

Къ мученью моему, все мой являетъ стыдъ,
Свободы требуетъ, утраченныя мною.

Сей воздухъ, чѣмъ дышу; земля, гдѣ я стою,
И стѣны вопіютъ, кленя здѣсь жизнь мою:
Ужъ нѣтъ отечества, а ты на свѣтъ взираешь,
Не могъ его спасти, а ты не умираешь....
(Дѣйств. V, явл. 2).

Что̀ право подаетъ тебѣ надеждой льститься —
Когда ты побѣдилъ, со мною примириться?
Не сей ли на главѣ блистающій вѣнецъ,—
Сіе гнушеніе свободныхъ всѣхъ сердецъ?
Хоть иго днесь твое побѣдой оправданно,
Презрѣнно право мной, одною силой данно.
Побѣда можетъ ли вѣнца закрасить зло....
На мѣсто вольности небесной красоты
Ты своеволія являя намъ черты.... (Д. V, явл. 3).

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться,
И въ *стадѣ* человѣкъ безъ славы пресмыкаться?
Но боги дали намъ—свободу возвратить,
И сердце, чтобъ дерзать, и руки, чтобъ разить!
Ихъ помощь—въ насъ самихъ. Какой еще хотите?
Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите....
(Д. I, явл. 2).

Новгородскій посадникъ, Пренестъ, побуждаемый и любовью къ свободѣ и любовью къ дочери Вадима, собираетъ гражданъ, и всячески старается удержать ихъ отъ покорности передъ самодержавною властью Рюрика. Чтобы доводамъ своимъ придать особенную убѣдительность и силу, онъ нападаетъ не только на лицо властителя, но и на самую идею власти, и говоритъ (Дѣйствіе II, явленіе 4):

Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
Величья своего отравой упоенъ,
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращенъ?
Самодержавіе, повсюда бѣдъ содѣтель,
Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,

И невозбранные пути открывъ страстямъ,
Даетъ свободу быть тиранами царямъ.
Воззрите на владыкъ вы всякихъ странъ и вѣковъ:
Ихъ власть есть власть боговъ, а слабость человѣковъ....

Подобныя тирады чрезвычайно встревожили императрицу, испуганную революціоннымъ движеніемъ во Франціи. Началось розыскное дѣло о трагедіи Княжнина, съ обычными въ этихъ случаяхъ дознаніями, отобраніемъ свидѣтельскихъ показаній, и т. п. Она была напечатана въ типографіи академіи наукъ. Академическая канцелярія сдѣлала, еще въ 1783 году, слѣдующее распоряженіе: «На книгахъ, печатаемыхъ на счетъ академіи, печатать впредь внизу: *иждивеніемъ императорской академіи наукъ*. На тѣхъ же, которыя печатаются на счетъ ея императорскаго величества кабинета или комнаты, также и частныхъ какихъ-либо особъ, печатать: *при императорской академіи наукъ*. Если же кто изъ частныхъ людей отдаетъ напечатать какую книгу, недостойную вниманія, то на ней ничего, кромѣ *Санктпетербурга* и *года*, не печатать, дабы публика свѣдома была, какія точно книги печатаются въ академической типографіи. Что же касается до дурныхъ книгъ, то поелику сіе иногда составляетъ интересъ академіи, то ихъ хотя и печатать, то чтобъ извѣстно было, что тò не на академическій счетъ чинится, на таковыхъ книгахъ означать, что оныя напечатаны *на счетъ сочинителя*». [180]) На заглавномъ листкѣ трагедіи Вадимъ обозначено, что она напечатана *при императорской академіи наукъ*. Сверхъ того, она помѣщена и въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ»—собраніи русскихъ театральныхъ сочиненій, печатавшихся также *при императорской академіи наукъ*. Такимъ образомъ доля отвѣтственности падала и на академическое начальство. Директоромъ академіи наукъ была въ то время княгиня Дашкова. Совершенно неожиданно получила она отъ Екатерины II собственноручную записку слѣдующаго содержанія: Il vient de paraitre une tragédie Вадимъ Новгородскій dont *le titre porte qu'elle est imprimée à*

l'académie; on la dit très mordante contre l'autorité souveraine. Vous ferez bien d'en arrêter la vente jusqu'à ce que je l'aye lue. L'avez vous lue? Дашкова отвѣтила, что она не прочитала трагедіи, и не знавши содержанія ея, дала разрѣшеніе ее напечатать. При встрѣчѣ съ Дашковою, императрица сказала ей: Qu'ai-je fait pour que vous imprimiez des injures et atrocités contre moi? Et vous dites encore que je n'ai rien à craindre. Savez-vous ce que je ferai? Je ferai bruler par la main du bourreau cette tragédie, et *le titre porte qu'elle a été imprimée à l'académie.*

Застигнутая врасплохъ, Дашкова давала показанія неопредѣленныя, отдѣлываясь общими мѣстами. Она говорила, что не прочла трагедіи вслѣдствіе полнѣйшей увѣренности, что не найдетъ въ ней ничего, кромѣ изліяній влюбленныхъ сердецъ, потому что въ трагедіяхъ вообще вся суть заключается въ изображеніи любовной страсти, хотя во многихъ изъ нихъ и встрѣчаются весьма рѣзкія выходки противъ властей. Имени цензора она не объявила, и всю вину взяла на себя, чтобы вполнѣ успокоить императрицу. Могла ли Екатерина II предполагать какой-либо злой умыселъ въ своемъ испытанномъ другѣ, княгинѣ Дашковой, разрѣшившей напечатать трагедію и т. п. Впослѣдствіи, при спокойномъ изложеніи дѣла, Дашкова назвала и цензора, именно Козодавлева. Въ запискахъ своихъ Дашкова говоритъ, что она передала трагедію на разсмотрѣніе совѣтнику академіи наукъ Козодавлеву. Выборъ свой она объясняетъ тѣмъ, что Козодавлевъ, будучи самъ писателемъ, обладалъ глубокимъ знаніемъ отечественнаго языка, и имѣлъ вѣрное понятіе объ условіяхъ и требованіяхъ печатнаго слова. Прочитавши трагедію, Козодавлевъ нашелъ, что ее можно напечатать, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего противозаконнаго, и она оканчивается торжествомъ монархической власти надъ покоренною вольницею и подавленнымъ бунтомъ. Вотъ подлинныя слова Дашковой:

A year and a half after the retirement of my brother, the widow of one of our most famous tragic poets (M. Kniejnine) beg-

ged of me to have printed, for the benefit of his children, the last tragedy he had composed, which as yet had not been published. As it was one of the counsellors of the chancery of the academy who made this application, (M. Kasadawleff), I told him I would give the orders he desired as soon as he had himself looked over the work, and could assure me that it contained nothing offensive, either to our laws or our religion, and that I charged him so much the more readily with this commission, as being himself an author perfectly conversant in our native language, and a very competent judge of what was or was not fit to be published in it. This gentleman made his report that the tragedy was founded on some historic facts which had happened at Novogorod, that he perceived nothing reprehensible in the sentiments or language, and that the denouement of the piece was the triumph of a Russian monarch, with the submission of Novogorod and the rebels.

Upon this report I ordered the work to be printed, and in such a way as to put the widow of its author to as little expense as possible. It would puzzle ingenuity itself to conceive how this little affair could give rise to the absurdities it really occasioned...

.... With regard to some opinions passed on it, I begged to observe, they were nothing to me, who had subjected it to the inspection and censorship of one of the academic council (Kazadawleff) before permission was given to the widow of its author to have it published for her profit; and therefore I sincerely hoped to hear nothing more on such a subject [181]).

Но въ то время Козодавлевъ былъ не совѣтникомъ академіи наукъ, а членомъ коммиссіи о народныхъ училищахъ, и уже болѣе девяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ академію. Слѣдовательно, ему ни въ какомъ случаѣ не могла быть поручаема, по службѣ, цензура академическихъ изданій. Нельзя допустить также, чтобы Дашкова, минуя своихъ офиціальныхъ помощниковъ, частнымъ образомъ просила Козодавлева дать отзывъ о Вадимѣ Княжнина. Да ей и въ голову не приходило, что трагедіи этой придадутъ такое важное, политическое значеніе.

Для того, чтобы понять, какимъ образомъ могла, по выраженію Дашковой, повторенному Екатериною, *проскочить* трагедія съ революціонной подкладкой, надо обратиться къ тогдашнимъ порядкамъ, принятымъ въ академіи наукъ при печатаніи книгъ въ ея типографіи.

Авторы или издатели представляли рукописи академическому начальству. Директоромъ академіи или его именемъ давалось приказаніе печатать, и рукописи поступали въ академическую типографію. Обязанность разсматривать ихъ въ цензурномъ отношеніи возлагаема была директоромъ или на совѣтника академіи наукъ, завѣдовавшаго хозяйственною частью учрежденія или на инспекторскаго помощника, которому ввѣрялся непосредственный надзоръ за типографскими работами. Совѣтникомъ на ту пору былъ Чихачевъ, инспекторскимъ помощникомъ—Миллеръ.

Николай Матвѣевичъ Чихачевъ началъ службу свою въ преображенскомъ полку сержантомъ; былъ въ томъ же полку подпоручикомъ, адъютантомъ, капитанъ-поручикомъ, капитаномъ, и выпущенъ къ штатскимъ дѣламъ въ чинѣ бригадира. Въ октябрѣ 1792 года онъ опредѣленъ, въ помощь директору, совѣтникомъ въ академіи наукъ [182]). Ни предшествующая служба, ни другія данныя, не внушаютъ предположенія ни о глубокихъ познаніяхъ Чихачева въ отечественномъ языкѣ, ни о его компетентности въ вопросахъ литературныхъ. Кругъ дѣятельности его по академіи ограничивался хозяйственными дѣлами, какъ можно судить по слѣдующему наказу или инструкціи:

— Имѣетъ надзираніе господинъ совѣтникъ, Николай Матвѣевичъ, надъ нижеписанными дѣлами:

1) Надъ всѣми доходами, академіи наукъ принадлежащими, съ отдаваемыхъ въ наемъ казенныхъ покоевъ, погребовъ и прочаго. Равно за собираніемъ на содержаніе въ гимназіи пансіонеровъ отъ родственниковъ ихъ денегъ, чтобы оныя вносимы были въ слѣдующіе сроки. А притомъ за требованіями и взысканіями всѣхъ должныхъ академіи наукъ денегъ.

2) За производимыми въ академическихъ домахъ, свѣтлицахъ

и палатахъ, необходимо нужнѣйшими починками и передѣлками, дабы на оныя принимаемы и употребляемы были матеріалы, въ дѣло годные, и все бы производилось по предписаніямъ въ точности.

3) За покупками и поставками для всѣхъ департаментовъ типографіи и палатъ разнаго званія бумаги и другихъ матеріаловъ, инструментовъ и вещей, а для воспитывающихся въ гимназіи— всѣхъ потребностей, какъ-то: одежды, бѣлья, обуви и прочаго[183]).—

Двоюродный братъ академическаго совѣтника П. Я. Чихачевъ, зять Княжнина и опекунъ его дѣтей, продалъ оставшіяся по смерти писателя сочиненія, и въ томъ числѣ трагедію *Вадимъ* и комедію *Чудаки*, книгопродавцу Глазунову, который и представилъ ихъ въ академію наукъ для напечатанія. Весьма естественно, что въ дѣлѣ этомъ принималъ участіе и академическій совѣтникъ Чихачевъ, какъ землякъ и свойственникъ Княжнина. Княжнинъ родился во Псковѣ; Чихачевы были псковскіе помѣщики. Совѣтникъ Чихачевъ присутствовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ канцеляріи академіи наукъ; всѣ академическія дѣла проходили черезъ его руки, и вносились въ журналъ, или въ дневную записку, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находилъ болѣе удобнымъ. Всѣ журналы подписывались обыкновенно Дашковою и Чихачевымъ, и скрѣплялись секретаремъ. Каждый журналъ непремѣнно начинался такимъ образомъ:

— Господинъ совѣтникъ, бригадиръ Николай Матвѣевичъ Чихачевъ, въ присутствіе прибылъ до полудня въ такомъ-то часу (большею частью въ восемь).

Ея сіятельство, ея императорскаго величества статсъ-дама, академіи наукъ директоръ и кавалеръ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова изволила приказать записать слѣдующее. —

Въ письмѣ своемъ къ брату, графу Александру Романовичу Воронцову, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возникшей исторіи, Дашкова говоритъ, что она дала словесное приказаніе академическому совѣтнику *Чихачеву* прочитать трагедію — j'ai demandé excuse de l'inadvertance de n'avoir pas ordonné de la lire, quoique au fond je n'ai pas même cela à me reprocher, car

j'avais dit de bouche à Чихачевъ de la lire. Самъ Чихачевъ заявилъ на слѣдствіи, что княгиня Дашкова поручила ему прочитать трагедію, но что у него не было на это времени [184]).

Въ журналѣ академіи наукъ 4 іюня 1793 года записано: «По просьбѣ книгопродавца Ивана Глазунова, трагедіи *Вадимъ Новгородскій*, въ стихахъ, сочин. Княжнина напечатать тысячу двѣсти двѣнадцать экземпляровъ, получа отъ него впередъ за наборъ, печатаніе и бумагу деньги, за каждый листъ по одиннадцати рублей по двадцати копеекъ, да на задѣльныя двѣнадцать рублей, которыя и вносить въ канцелярію при репортѣ. *По наборѣ жъ каждаго листа оной піесы, отпечатывать и въ Россійскій Ѳеатръ, противу вышедшихъ томовъ, для избѣжанія вторичнаго набора.* Въ число жъ слѣдующей впредь суммы принять нынѣ отъ Глазунова двадцать рублей, и о семъ внесть въ дневную записку» [185]).

Желая оправдать себя въ глазахъ Екатерины, Дашкова ссылается на распоряженіе свое о предварительномъ просмотрѣ комедіи того же автора — *Чудаки*. Она говоритъ: «О комедіи *Чудаки* помысливъ, что можетъ быть сатиру на кого-нибудь содержитъ, я приказала оную разсмотрѣть». Дѣйствительно, въ журналѣ академіи наукъ 30 іюля 1793 г. отмѣчено: «представленную отъ Глазунова комедію *Чудаки*, въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ, разсмотрѣть инспекторскому помощнику Миллеру, и *если въ ней ничего противнаго не найдется*, напечатать оной въ книжной типографіи 1212 экземпляровъ» [186]). Федоръ Миллеръ, сынъ плотничнаго и стропильнаго дѣла мастера, учился въ академической гимназіи, былъ переводчикомъ, затѣмъ опредѣленъ въ книжную типографію для исправленія письменныхъ дѣлъ, и наконецъ назначенъ инспекторскимъ помощникомъ [187]). Нашелъ ли Миллеръ въ комедіи Княжнина какія-либо противности, и подмѣтилъ ли въ ней сатирическіе намеки на кого-либо изъ современниковъ,—неизвѣстно. Можетъ статься, что онъ также исполнилъ письменное приказаніе, какъ Чихачевъ словесное, т. е. не прочитавши рукописи, отдалъ ее въ типографію для

набора. По крайней мѣрѣ, въ донесеніи его нѣтъ ни малѣйшаго слѣда, чтобы онъ читалъ комедію: онъ рапортуетъ только, что «*по выпискѣ* отъ 30 іюля сего 1793 года, напечатано на счетъ книгопродавца Глазунова комедіи *Чудаки* 1212 экземпляровъ»[188]).

Какимъ же образомъ, вмѣсто Чихачева или Миллера, явилось, въ запискахъ Дашковой, имя Козодавлева? По всей вѣроятности, это произошло вслѣдствіе того, что Дашкова писала свои мемуары уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда память значительно измѣняла ей, не удерживая въ точности ни именъ дѣйствующихъ лицъ, давно уже сошедшихъ со сцены, ни многихъ подробностей изъ того, что было и былью поросло. Уклоненіе отъ прежняго разсказа о томъ же предметѣ можно до нѣкоторой степени объяснить и самою цѣлью, съ которою были писаны мемуары. Дашкова разсчитывала на то, что записки ея «явятся въ свѣтъ», и вызовутъ различные толки и пересуды, а потому она, безъ сомнѣнія, желала устранять, по возможности, все то, что могло служить поводомъ къ нареканіямъ и обвиненіямъ. Изъ письма Дашковой къ брату оказывается, что она забыла сдѣлать необходимое распоряженіе о рукописи или сдѣлала его вскользь, словесно, да и то, если вѣрить показанію другаго лица; цензоръ въ свою очередь забылъ или не успѣлъ исполнить даннаго ему приказанія, да притомъ же онъ приходился кумомъ и сватомъ автора, и т. п. Такая идиллическая картина не давала бы особенно выгоднаго понятія о тѣхъ порядкахъ, которые завела Дашкова въ управленіи академическими дѣлами. То обстоятельство, что въ типографіи академіи наукъ, на глазахъ у ея директора, печатаются книги революціоннаго, по мнѣнію правительства, содержанія, могло бросить нѣкоторую тѣнь на Дашкову, безпрестанно повторявшую о своей преданности правительству, а между тѣмъ такъ небрежно исполнявшую свои служебныя обязанности. Какъ бы предчувствуя подобное обвиненіе, Дашкова, въ запискахъ своихъ, излагаетъ дѣло такимъ образомъ, что вполнѣ выгораживаетъ себя, возлагая всю отвѣтственность на цензора: съ своей стороны она сдѣлала все, что могла и должна была сдѣлать; вы-

бранный ею цензоръ соединялъ въ себѣ всѣ требуемыя условія; лучшаго, просвѣщеннѣйшаго, болѣе компетентнаго судьи невозможно было отыскать въ тогдашнемъ обществѣ. Дашкова помнила, что она поручила разсмотрѣть рукопись совѣтнику академіи наукъ. Но кто же изъ совѣтниковъ былъ вполнѣ компетентнымъ судьею въ литературныхъ вопросахъ? Безъ всякаго сомнѣнія, Козодавлевъ. Если въ памяти Дашковой врѣзалось имя *Козодавлева*, то, разумѣется, потому, что изъ всѣхъ совѣтниковъ, бывшихъ въ академіи и до него и послѣ него, онъ особенно выдавался своею обширною образованностью и своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ. Къ нему, и именно къ нему, а отнюдь не къ кому другому, относится замѣчаніе Дашковой, что отдала трагедію на судъ писателя, отличавшагося и глубокимъ знаніемъ роднаго языка и несомнѣннымъ литературнымъ тактомъ. Убѣдиться въ этомъ она имѣла много случаевъ во все время существованія Собесѣдника, настоящимъ издателемъ котораго былъ въ сущности Козодавлевъ. Забывши имя совѣтника, Дашкова твердо и вѣрно сохранила въ своей памяти тѣ черты, которыя безспорно принадлежатъ Козодавлеву, и которыми онъ такъ ярко отличается отъ своихъ многочисленныхъ сослуживцевъ.

Какъ ни сбивчивы показанія Дашковой, данныя ею въ первыя минуты допроса, въ нихъ есть своего рода правда; они показываютъ тогдашніе нравы, ходячія понятія о литературныхъ произведеніяхъ и т. п. Въ этомъ отношеніи любопытна и переписка генералъ-прокурора Самойлова по поводу *Вадима* Княжнина. Дашкова увѣряла, что тирады, направленныя противъ властей, совершенно безвредны и не производятъ ни малѣйшаго вліянія, потому что въ трагедіяхъ ищутъ и отъ нихъ требуютъ единственно только любовной интриги, и ничего болѣе — il était tout naturel de ne point penser d'une tragédie autre chose sinon que les effets de l'amour y étaient dépeints... Au reste s. m. n'avait pas à craindre aucune influence plus majeure que les tirades d'une tragédie... Je crois qu'il n'y a pas dix tragédies de 100 qui

ne contiennent des tirades contre les princes... Генералъ-прокуроръ обвиняетъ автора въ томъ, и только въ томъ, что въ его трагедіи помѣщены «дерзкія слова» и «нелѣпыя выраженія» [189]).

Съ тою же критикою словъ и съ тѣми же требованіями отъ трагедіи, о которыхъ говоритъ Дашкова, выступили и литературные обвинители посмертнаго произведенія Княжнина. Единственный современный критикъ Вадима, изложивъ содержаніе каждаго изъ пяти дѣйствій трагедіи, и отмѣтивъ «*сцену, наполненную любви, кроющейся въ сердцахъ* Рурика и Рамиды», высказываетъ такого рода соображенія: «Всю трагедію составляютъ три только дѣйствующія лица: Рурикъ, Вадимъ и дочь его Рамида. Рурикъ есть кроткій, милосердый и *благоразумный* государь. Вадимъ—строгій, предпріимчивый, изступленный и, можно сказать, *безумный* республиканецъ. Самыя его покушенія на возвращеніе вольности новгородцамъ тогда, когда они добровольно вручили и власть и корону Рурику, не есть ли покушеніе безразсудное? Желаніе обратить ихъ въ прежнее безначаліе не есть ли желаніе самаго лютѣйшаго ихъ зла? Не для того ли хотѣть низвергнуть съ престола Рурика, дабы самому обладать республикой, и сдѣлавшись идоломъ народа, повергнуть ихъ въ мучительныя цѣпи рабства, что̀ всего чаще дѣлается въ республикѣ. Рамида — пылкая, *благоразумная*, но послушная отцу республиканка. *Забыть любовника обожаемаго;* въ то же время хотѣть вручить себя тому, кто свергнетъ съ престола кроткаго и мудраго Рурика, который *взаимно обожаетъ ее;* потомъ заколоться безъ малѣйшей причины — вотъ поступокъ и повиновеніе къ отцу, могущіе показаться естественными только развѣ въ трагедіи. Не лучше ли бы было, ежели бы г. сочинитель сдѣлалъ въ развязкѣ переломъ характера Вадима? *Не лучше ли бы было, когда бы Вадимъ призналъ въ Рурикѣ благотворителя новогородцевъ, и сочеталъ съ нимъ Рамиду.* Кажется, сіе дѣйствіе было бы живѣе, неожиданнѣе, *благоразумнѣе* и правоучительнѣе. Что̀ почерпнетъ для сердца и разума зритель и читатель изъ развязки настоящей? Или—презрѣніе къ непреклонности *безумца респуб-*

ликанца, или—ничего. Но въ другомъ случаѣ онъ увидѣлъ бы два великія дѣйствія: первое—снисхожденіе Рурика, и другое—*благоденствіе семейства* Вадима и новгородцевъ. Самый Вадимъ могъ бы съ своею неустрашимостію быть еще преполезнымъ гражданиномъ, а теперь онъ болѣе ничего не дѣлаетъ, какъ умираетъ,—а это весьма обыкновенно. Стихи въ трагедіи есть хорошіе, прекрасные; есть мѣста, гдѣ мысли растянуты, и оттого теряютъ красоту свою; и наконецъ есть стихи, которые критиковать должно, напримѣръ:

Свершивъ къ отцу *мои я* должности жестоки....
И *въ стадѣ человѣкъ* безъ славы пресмыкаться....

Въ первомъ стихѣ мѣстоименіе *я*—вставка непростительная, а стеченіе *о, и, я* дѣлаетъ весьма дурную музыку. Въ послѣднемъ стихѣ мысли темны, и *въ стадѣ человѣкъ* — погрѣшность весьма чувствительная: вмѣсто множественнаго *людей* сказано въ единственномъ *человѣкъ;* имя собирательное *стадо* для людей низко» и т. д. [190]).

Трагедію Княжнина *Вадимъ Новгородскій*, по ея духу и направленію, Екатерина II сближала съ сочиненіемъ Радищева, изданнымъ подъ названіемъ: *Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву.* Она называла эти книги двумя зловѣщими событіями, и съ ужасомъ ожидала чего-либо третьяго въ этомъ же родѣ. Дѣло, возникшее по поводу книги Радищева, грозило непріятными послѣдствіями и для Козодавлева. Ходили слухи, что Козодавлевъ принималъ участіе въ составленіи революціонной книги. Только счастливый случай и отчасти скромность Державина и Дашковой отклонили бѣду, которая, быть можетъ, ожидала Козодавлева. По свидѣтельству Дашковой, когда Козодавлевъ назначенъ былъ членомъ коммиссіи о комерціи, то Державинъ «сказалъ при многихъ: Вотъ какой я души человѣкъ, что я не сказалъ *о Козодавлевѣ, что онъ участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева.* Козодавлевъ противъ меня неблагодаренъ, меня злословитъ. Вышеупомянутая рѣчь — прибавляетъ Дашкова — мнѣ пересказана

отъ честнаго и нелживаго человѣка, отъ Богдановича, при которомъ онъ говорилъ». Самъ Радищевъ показалъ, при допросѣ и въ повинной, то онъ далъ Козодавлеву два экземпляра своего Путешествія: одинъ—для самого Козодавлева, другой—для передачи Державину [191]).

Замѣтимъ, что Козодавлевъ былъ товарищемъ Радищева по лейпцигскому университету; что знакомство ихъ шло со студенческой скамьи, и что, въ молодости по крайней мѣрѣ, у нихъ были общіе идеалы и общіе боги. Во взглядахъ того и другаго есть немало общихъ чертъ. Стоитъ только сравнить тѣ мѣста въ сочиненіяхъ обоихъ авторовъ, гдѣ рѣчь идетъ о борьбѣ разума съ невѣжествомъ и суевѣріемъ, о свободѣ печатнаго слова, и т. п. Различіе заключается въ томъ, что Козодавлевъ излагаетъ свои мысли гораздо спокойнѣе, сдержаннѣе и послѣдовательнѣе, не впадая въ экстазъ, и не дѣлая лирическихъ отступленій. Козодавлевъ былъ постоянно защитникомъ свободы печати, и въ этомъ отношеніи сходился съ своимъ университетскимъ товарищемъ, пріобрѣвшимъ впослѣдствіи, черезъ нѣсколько поколѣній, такую громкую извѣстность въ нашей литературѣ.

Въ Путешествіи своемъ Радищевъ помѣстилъ «краткое повѣствованіе о происхожденіи цензуры». Онъ говоритъ: «Проходя протекшія времена и столѣтія, мы вездѣ находимъ ужасныя черты власти; вездѣ видимъ силу, возстающую на истину, а иногда суевѣріе, ополчающееся на суевѣріе. Къ вящшему сожалѣнію о жребіи человѣческаго умствованія, скажемъ, что мысль великая рождала иногда невѣжество. Книгопечатаніе явило цензуру. Древнѣйшее о цензурѣ узаконеніе, доселѣ извѣстное, находимъ въ 1486 году, изданное въ самомъ томъ городѣ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Монашеское правленіе предузнавало, что оно (т. е. книгопечатаніе) будетъ орудіемъ сокрушенія ихъ власти, что оно ускоритъ разверженіе общаго разсудка, — и могущество, на мнѣніи, а не на пользѣ общественной, основанное, обрящетъ въ книгопечатаніи свою кончину. Велѣно было разсмотрѣть всѣ реэстры книгамъ, и всѣ печатныя книги, которыя

содержать что̀-либо противное католическому исповѣданію— сжечь. Цензура изобрѣтена на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшіе предѣлы; изобрѣтена властію, недовѣрчивою къ своему могуществу, на продолженіе невѣжества и мрака нынѣ, во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродныя ему оковы суевѣрія; когда истина блистаетъ паче и паче; когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества; когда старанія правительствъ стремятся къ истребленію заблужденій и къ открытію разсудку путей къ истинѣ. Постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущей власти принято нынѣ повсемѣстно, укоренено и почитается надежною преградою заблужденія. Неистовые! осмотритесь: вы хотите изъ превратности сдѣлать для истины опору; вы хотите заблужденіемъ просвѣщать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. Какая вамъ польза, что властвовать будете надъ невѣждами, тѣмъ паче загрубѣлыми, что отъ недостатка пособій къ просвѣщенію невѣжды пребыли бы въ невѣжествѣ природномъ или паче въ естественной простотѣ, но сдѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенію, остановлены въ шествіи и обращены вспять, во тьму гонимы! Какая вамъ польза бороться самимъ съ собою и исторгать шуйцею, что̀ десницею насадили! Книгопечатаніе, до перемѣны, 1789 года во Франціи послѣдовавшей, нигдѣ столько стѣсняемо не было, какъ въ семъ государствѣ. Въ бастильскихъ темницахъ томились несчастные, дерзнувшіе охуждать хищность министровъ и ихъ безпутство. Но все, что̀ не дерзало явиться во Франціи, было обнародываемо въ другихъ мѣстахъ. Тако сила, кичащаяся мышцами, была осмѣяна, и никто оной не боялся; тако челюсти, пѣнящіяся свирѣпствомъ, оставались праздны, и слово твердое ускользало отъ нихъ непоглощенно! Но дивитесь несообразности разума человѣческаго. Нынѣ, когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необязанность и безначаліе дошли до края возможнаго, — цензура не уничтожена! Мы читали недавно — да восплачутъ французы объ участи своей и съ ними человѣчество — мы читали недавно, что народное собраніе, поступая столько жъ

самодержавно, какъ доселѣ ихъ государи, взяло насильственно печатную книгу, и отдало сочинителя оной подъ судъ за то̀, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафаетъ былъ исполнителемъ сего приговора. О Франція! ты еще ходишь близъ бастильскихъ пропастей» и т. д. [192]).

Ту же въ сущности мысль о происхожденіи и вредѣ цензуры высказываетъ и Козодавлевъ, весьма опредѣленно и безъ риторическихъ прикрасъ, въ статьѣ своей о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ. «Тисненіе — говоритъ Козодавлевъ—не могло, при началѣ своемъ, приносить плодами своими толикія пользы народному просвѣщенію, коликую приноситъ сіе искусство въ нынѣшнемъ столѣтіи. Невѣжество тѣхъ вѣковъ произвело, вмѣсто цензуры, предохраняющей тисненіе отъ злоупотребленія, пристрастное и на суевѣріи основанное разсмотрѣніе каждой книги. Таковое разсмотрѣніе книгъ было тогда, во всѣхъ государствахъ римскаго исповѣданія, въ полной власти у монаховъ. Цензоръ могъ каждую книгу поправлять по своей волѣ, и вычеркивать все, что̀ ему не нравилось. Почти всѣ книги выходили тогда въ свѣтъ изуродованными. Всякое сочиненіе, къ просвѣщенію служащее, почиталось опаснымъ, хотя бы оное ни единаго вреднаго слова въ себѣ не замыкало. Невѣжество и суевѣріе почитаетъ все вреднымъ, что̀ подаетъ способы къ просвѣщенію. *Всякъ бо, дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть* (Іоан. гл. III). Цензоры тѣхъ вѣковъ нимало не различали цензуру отъ критики, и думали, что заблужденія въ наукахъ не инымъ чѣмъ истребляются, какъ запрещеніемъ оныя печатать. Они не вѣдали, что заблужденія въ наукахъ истребляются единственно критикою, открывающею путь къ истинѣ, и что книги запрещенныя еще скорѣе распространяются, и возбуждаютъ въ читателяхъ бо́льшее любопытство, нежели таковыя, кои не запрещены.

Критика есть единственный способъ къ истребленію заблужденій. Исторія каждой науки служитъ сему доказательствомъ. Географія, физика и всѣ науки вообще были при началѣ

своемъ наполнены заблужденіями, и мало-по-малу очищались отъ оныхъ критикою и взаимными ученыхъ людей опроверженіями. Пристрастное разсмотрѣніе и запрещеніе книгъ въ Ишпаніи и многихъ другихъ государствахъ причиною невѣжества народнаго» и т. д.[193]).

Козодавлевъ потрудился для русской литературы изданіемъ памятниковъ, переводами съ иностранныхъ языковъ или подражаніемъ иностраннымъ писателямъ, и своими собственными произведеніями, появлявшимися въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Мы уже говорили объ изданіи сочиненій Ломоносова. Козодавлевымъ же издано описаніе жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей своего времени — патріарха Никона, составленное современникомъ знаменитаго патріарха и ближайшимъ свидѣтелемъ всѣхъ превратностей его судьбы. Козодавлевъ имѣлъ вѣрное понятіе объ изданіи памятниковъ литературной старины и древности: онъ не позволялъ себѣ произвольныхъ перемѣнъ и подновленій, которыя считались когда-то вполнѣ умѣстными въ подобнаго рода изданіяхъ. Самъ Козодавлевъ говоритъ:

«Издаваемое нынѣ житіе святѣйшаго патріарха Никона писано вскорѣ послѣ смерти сего, въ исторіи россійской прославившагося, церкви нашей пастыря. Сочинитель сея книги былъ нѣсколько лѣтъ клирикомъ святѣйшаго патріарха Никона; участвовалъ, какъ изъ житія сего видно, во всѣхъ премѣнахъ его жребія, и до конца жизни своего благотворителя былъ ему преданъ. *Любителямъ россійскихъ древностей, конечно, будетъ пріятнѣе видѣть сіе сочиненіе точно таковымъ, какъ оно сочинителемъ написано, нежели съ поправками, сообразными съ чистотою языка, почему и издается оно безъ малѣйшей перемѣны, какъ въ разсужденіи повѣствуемаго, такъ и въ разсужденіи слога.*

Рукописаніе сіе дошло ко мнѣ отъ нѣкотораго ближняго моего свойственника, которому оно подарено было въ 1757 году иверскаго монастыря отцемъ архимандритомъ Дамаскинымъ. Списокъ сей заслуживаетъ, въ разсужденіи точности, болѣе прочихъ уваженія, потому что онъ достался мнѣ изъ того монастыря, въ которомъ дѣянія святѣйшаго Никона весьма извѣстны, и въ которомъ имя его, яко создателя той обители, пребываетъ и доднесь незабвеннымъ»[194]).

Академія наукъ съ большимъ сочувствіемъ отнеслась къ труду Козодавлева, и поспѣшила оказать ему свое содѣйствіе. Въ академической канцеляріи, распоряжавшейся матеріальными средствами учрежденія, состоялось постановленіе: Книгу *Житіе Никона*, напечатанную на счетъ *Козодавлева*, купить у него въ количествѣ тысячи двухъ сотъ экземпляровъ, за триста рублей наличными, а сверхъ того выдать ему на пятьдесятъ рублей книгъ, по его выбору; печатаніе принять на счетъ академіи[195]).

Изданіемъ жизнеописанія патріарха Никона Козодавлевъ оказалъ большую услугу нашей исторической литературѣ, пополнивъ въ ней весьма ощутительный пробѣлъ. Одинъ изъ образованнѣйшихъ современниковъ Козодавлева говоритъ по этому поводу: Unter den elf patriarchen, welche der russischen kirche vorgestanden haben, ist niemand, dessen name so allgemein bekannt ist, als *Nikon;* gleichwohl haben wir *von ihm bisher noch keine monographie gehabt. Jeder liebhaber der geschichte wird es daher* dem herrn ritter und collegienrathe von *Kasodawlew ungemein verdanken*, dass er eine ausgabe von dem leben dieses patriarchen bey der kayserlichen academie der wissenschaften in St. Petersburg im jahre 1784 besorgt hat.[196])

Козодавлевъ и впослѣдствіи съ величайшею и неизмѣнною готовностью откликался на всякое предпріятіе по изданію древнихъ памятниковъ и актовъ. Дорожить памятниками родной старины онъ считалъ нравственною обязанностью просвѣщеннаго человѣка, и въ изданіи ихъ видѣлъ выраженіе не только любви къ наукѣ, но и любви къ своему отечеству. Онъ принималъ, между

прочимъ, самое горячее и дѣятельное участіе въ изданіи историческихъ документовъ, относящихся къ нашему прибалтійскому краю, и находящихся въ кенигсбергскомъ архивѣ. Въ запискѣ, препровожденной къ Аракчееву, Козодавлевъ говоритъ: «Узналъ я случайно отъ *короткаго моего пріятеля исторіографа Карамзина о патріотическомъ* подвигѣ остзейскихъ дворянъ и объ *угрожавшей* онымъ необходимости *оставить* еще *много драгоцѣнностей историческихъ въ неизвѣстности*» и т. д. [197]).

По волѣ императрицы Екатерины II Козодавлевъ перевелъ съ французскаго «Учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ прихожанъ церкви св. Сульпиція въ Парижѣ». Общество или приходское братство, учрежденное при церкви св. Сульпиція, обратило на себя вниманіе новостью и разумностію началъ и пріемовъ въ дѣлѣ благотворительности, ведущихъ къ уменьшенію жертвъ нищеты со всѣми ея ужасными послѣдствіями. И человѣческое чувство, и благо общества, требуютъ помощи нуждающимся. Самымъ нагляднымъ и первобытнымъ способомъ этой помощи служила и служитъ милостыня. Идущій съ незапамятныхъ временъ и весьма похвальный самъ по себѣ обычай раздавать милостыню до того выродился съ теченіемъ времени и отъ людскихъ злоупотребленій, что рѣшительно не достигаетъ своей благой цѣли. Милостыня достается не тому, кому ее назначаютъ, и кто имѣетъ на нее неоспоримое право: зачастую она попадаетъ въ руки ловкихъ обманщиковъ и попрашаекъ, а дѣйствительные бѣдняки остаются безъ призрѣнія и помощи.

Для избѣжанія подобной несправедливости, общество св. Сульпиція придумывало различныя мѣры, и между прочимъ оно предложило продавать хлѣбъ по самой низкой цѣнѣ, но отнюдь не раздавать его безденежно. Фунтъ хлѣба продавался бѣднякамъ, и только *бѣднякамъ*, по шести ліардовъ (каждый ліардъ составлялъ около шести нашихъ полушекъ). Даровая же раздача хлѣба

уничтожена по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, она была въ сущности только средствомъ для наживы подрядчикамъ, которые пекли такъ называемый *хлѣбъ бѣдныхъ* изъ самой дурной муки, что̀ и служило поводомъ, и весьма основательнымъ, къ жалобамъ и неудовольствіямъ. Вовторыхъ, бѣдные, пріучаясь ѣсть хлѣбъ даровой, а не выработанный ихъ собственнымъ трудомъ, все болѣе и болѣе уклонялись отъ работы, и предавались праздности и неизбѣжнымъ ея спутникамъ — порокамъ. Кто не былъ въ состояніи, по преклоннымъ лѣтамъ и болѣзненности, добыть себѣ и шести ліардовъ на покупку хлѣба, тому назначалось небольшое денежное пособіе, чтобы онъ могъ себѣ *купить* хлѣба и не брать его *даромъ*.

Матерямъ, у которыхъ грудныя дѣти, выдавалось молоко и мука. Непремѣннымъ условіемъ было поставлено, чтобы матери сами кормили дѣтей своихъ, и никакъ не отдавали ихъ постороннимъ кормилицамъ. Строгость требованія простиралась до того, что еслибы кто за неплатежъ кормилицѣ посаженъ былъ въ тюрьму, то общество ни за что̀ не выкупило бы его, хотя оно постоянно отдѣляло часть изъ своихъ средствъ именно для выкупа бѣдняковъ, содержащихся въ тюрьмѣ за долги.

Дѣятельность приходскаго общества св. Сульпиція состояла: въ доставленіи работы нуждающимся и въ снабженіи ихъ необходимыми для работы орудіями, а также одеждою, постелью и т. п.; въ отдачѣ дѣтей въ школы для обученія; въ оказаніи пособія, болѣе или менѣе значительнаго, добросовѣстнымъ торговцамъ, которыхъ постигло какое-либо несчастіе; въ призрѣніи больныхъ и въ доставленіи имъ всего нужнаго какъ во время болѣзни, такъ и въ періодъ выздоровленія, и т. д.

Обязанность посѣщать больныхъ и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ принимали на себя *старицы призрѣнія*—soeurs de la charité. Лишались права на полученіе пособія: родители, которые не хотѣли посылать дѣтей своихъ въ школы; бродяги, просившіе милостыню съ ящиками и кружками; всѣ, работавшіе для театра, какого бы они мастерства ни были; ходившіе по ка-

бакамъ и игравшіе тамъ, или на улицахъ, на инструментахъ; жившіе въ подозрительныхъ домахъ, и всѣ тѣ, которые извѣстны были по своему дурному поведенію, и т. д.

Обширность прихода и множество находившихся въ немъ бѣдныхъ заставили общество учредить нѣсколько отдѣловъ, или «правленіи», изъ которыхъ на долю каждаго приходилось по нѣскольку улицъ. Каждое правленіе состояло «изъ четырехъ священниковъ того *братства* и изъ четырехъ *мѣщанскихъ женъ* (femmes bourgeoises), надъ коими первенствовать будутъ двѣ *благородныя* женщины, усердствующія благотворенію». Возникшее во времена сословной розни, общество св. Сульпиція стремилось хоть сколько-нибудь ослабить ее, и призывало къ единодушію во имя высокой, христіанской цѣли учрежденія: «Какое благополучіе для общества, какое торжество вѣры, какой примѣръ цѣлой Франціи, ежели благородныя женщины сей столицы благоволятъ участвовать въ семъ распоряженіи! Единое только евангеліе можетъ сближить всѣ людскія состоянія». Въ христіанствѣ исчезаетъ различіе между знатными и незнатными, между богатыми и бѣдными. Всѣ находятся во взаимныхъ другъ къ другу отношеніяхъ, съ тѣмъ только преимуществомъ для богатыхъ, что удовольствіе дарить и помогать, испытываемое богатыми, есть чувство гораздо болѣе сладкое, нежели то, которое испытываютъ бѣдные при полученіи даровъ и вспоможеній, и т. д. [198]).

Съ нѣмецкаго языка Козодавлевъ перевелъ трагедію Гете *Клавиго* и поэму Тюммеля *Вильгельмина*.

Содержаніе трагедіи *Клавиго* заимствовано изъ записокъ Бомарше. Пьеса изобилуетъ эффектными сценами и рѣзкими переходами дѣйствующихъ лицъ изъ одного настроенія въ другое. Всѣхъ ярче обрисовываются роли Клавиго и Бомарше. Отецъ героя трагедіи—Бомарше, обремененный семействомъ, отдаетъ двухъ дочерей своихъ на воспитаніе богатому испанскому купцу, съ которымъ

находился въ торговыхъ сношеніяхъ. Въ младшую сестру Марію влюбляется *Клавиго*, и покоряетъ себѣ навсегда сердце довѣрчивой дѣвушки. Она любитъ своего жениха беззавѣтно; ей и въ голову не приходитъ мысль о холодности и—еще менѣе—объ измѣнѣ. Свадьба откладывается до полученія женихомъ мѣста, обезпечивающаго его общественное положеніе. Добиваясь имени и извѣстности, онъ предпринялъ еженедѣльное изданіе подъ названіемъ *Размышляющій* (der Denker), въ родѣ *Англійскаго Зрителя*. Изданіе пріобрѣтаетъ громадный успѣхъ; новый журналъ читается нарасхватъ мадритскимъ обществомъ; король выражаетъ особенное благоволеніе свое счастливому издателю. Клавиго получаетъ мѣсто королевскаго архиваріуса, открывающее виды на самую блестящую карьеру. Совершенно предавшись честолюбивымъ замысламъ и мечтамъ, Клавиго забываетъ о своей любви къ увлеченной имъ дѣвушкѣ. Несчастная, отвергнутая жертва не въ силахъ вынести поразившаго ее удара: она изнемогаетъ подъ тяжестью своего горя, не имѣя ни защитника, ни мстителя. Онъ является наконецъ въ видѣ преданнаго ей брата ея *Бомарше*, прибывшаго изъ-за моря, чтобы отомстить за поруганную честь сестры. Безхарактерный Клавиго то сознаетъ свою вину и даетъ Бомарше слово жениться на Маріи, то, подчиняясь коварнымъ совѣтамъ Донъ-Карлоса, обманываетъ Бомарше и позоритъ себя доносомъ на него и клеветою. Подавленная непосильнымъ горемъ, Марія умираетъ. Совѣсть пробуждается въ душѣ Клавиго; онъ бросается къ гробу Маріи, и не желая защищаться, падаетъ подъ ударами мстителя-брата. Онъ испускаетъ духъ, держа руку умершей Маріи, прощая врагамъ своимъ, и прося всѣхъ простить и его.

Русскій переводъ трагедіи появился въ одномъ и томъ же, 1780-мъ, году въ двухъ изданіяхъ; второе хотя и называется исправленнымъ, но всѣ поправки ограничиваются замѣною или перестановкою нѣсколькихъ словъ [199]).

Въ предисловіи ко второму изданію переводчикъ говоритъ:

«Сочинитель сея, переведенныя мною, трагедіи пріобрѣлъ не

только въ Германіи, но и во всемъ ученомъ свѣтѣ великую славу своими сочиненіями. *Страданія младаго Вертера*, сіе прекрасное произведеніе его пера, сравняло его съ лучшими нѣмецкими писателями, такъ какъ и прочія его творенія заслужили весьма великую отъ всѣхъ знающихъ людей похвалу. Г. Гете во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ подражалъ единой натурѣ, и не слѣдовалъ правиламъ, удаляющимъ оную отъ глазъ писателей, и полагающимъ весьма тѣсные духу ихъ предѣлы. О таковыхъ драмахъ, какова есть сія трагедія, писанныхъ непринужденнымъ и естественнымъ слогомъ, многіе изъ славнѣйшихъ писателей предложили свои мысли въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ, и я за излишнее почитаю здѣсь оныя повторять. Приключеніе господина де Бомарше, служившее основаніемъ слѣдующей трагедіи, случилось въ Испаніи въ 1764 году; расположеніе и слогъ ея соотвѣтствуютъ тогдашнему состоянію дѣйствующихъ лицъ и мѣсту дѣйствія. Я перевелъ сію драму въ угодность нѣкоторымъ пріятелямъ моимъ, и почту за трудъ мой себя награжденнымъ, если оный и любители драматическихъ сочиненій благосклонно примутъ». *К....*

Упоминая о взглядѣ знаменитыхъ писателей на драматическія произведенія, подобныя Клавиго Гете, Козодавлевъ имѣлъ въ виду Лессинга, Дидро, Мармонтеля и самого Гете, какъ можно судить по слѣдующему перечню:

Poétique française par M. Marmontel.
Discours sur la poésie dramatique par Diderot.

Les Bijoux indiscrets par Diderot, part. II. ch. V. *Entretien sur les lettres* (col. com. des Oeuv. de Diderot, Londres 1773. 8. Tom. IV. pag. 159—165).

Du Theatre ou nouvel Essai sur l'art dramatique.
Hamburgische Dramaturgie von Lessing.
Göthes Schriften, 4ter theil. Fragmente.

Послужившее источникомъ для трагедіи Гете «Путешествіе г. Бомарше въ Испанію» помѣщено въ одномъ изъ журналовъ нашихъ прошлаго столѣтія, заслуживающихъ, по мнѣнію Козодавлева, особенной похвалы, именно въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ. Въ томъ же журналѣ упоминается о двухъ литературныхъ новостяхъ, о появленіи въ русскомъ переводѣ двухъ произведеній, изъ которыхъ первое—*Клавиго, трагедія г. Гете*, а второе—*Ельфрида, трагедія г. Бертуха*: «Подлинники обѣихъ сихъ театральныхъ сочиненій пріобрѣли сочинителямъ своимъ похвалу. Россійскій оныхъ переводъ сдѣланъ и напечатанъ съ отличнымъ тщаніемъ. Для опыта онаго сообщаемъ мы одну монологу изъ книги первой трагедіи». Монологъ этотъ состоитъ изъ криковъ отчаянія и восклицаній [200]).

Приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ перевода Козодавлева, по второму изданію, помѣщая въ скобкахъ слова, находившіяся въ первомъ изданіи и замѣненныя другими во второмъ:

Clavigo.	Клавиго.
Es waren gute zeiten, Carlos, die nun vorbei sind. Ich gestehe dir gern, ich schrieb damals mit offenerm herzen, und wahr ist's, sie hatte viel antheil an dem beifall, den das publicum mir gleich anfangs gewährte. Aber in der länge, Carlos, man wird der weiber gar bald satt.	То было хорошое (доброе) время, Карлосъ, но оно миновалось. Я тебѣ охотно признаюсь, что я тогда писалъ съ откровеннѣйшимъ сердцемъ, и то правда, что она имѣла великое участіе въ похвалѣ, которою публика меня съ начала удостоила. Но наконецъ женщины наскучаютъ.
Carlos.	**Карлосъ.**
Du wärst versauert. Sie sind gar zu einförmig. Nur, dünkt mich, wär's wieder zeit, dass du dich nach einem neuen plan um-	Тебѣ бы она конечно наскучила (надоѣла). Все одно, да одно. Теперь, я думаю, время тебѣ подумать о новомъ распо-

sähest, es ist doch auch nichts, wenn man so ganz auf'm sand ist.

ложеніи твоей жизни; на одномъ-то мѣстѣ стоять, кажется, невесело.

Clavigo.

Mein plan ist der hof, und da gilt kein feiern. Hab' ich's für einen fremden, der ohne stand, ohne namen, ohne vermögen hierher kam, nicht weit genug gebracht? hier an einem hofe! unter dem gedräng von menschen, wo es so schwer hält, sich bemerken zu machen? Mir ist's so wohl, wenn ich den weg ansehe, den ich zurückgelegt habe...

Lass es gut seyn. Wenn wir nicht für so viele leute arbeiteten, wären wir so viel leuten nicht über den kopf gewachsen.

Клавиго.

Цѣль моихъ расположеній есть дворъ, а тутъ дремать ненадобно. Не довольно ли скоро я произошелъ для чужестраннаго, прибывшаго сюда безъ чина, безъ имени, безъ достатка? Здѣсь у двора, между толпою людей, гдѣ очень трудно быть примѣтну? Я чрезвычайное удовольствіе чувствую, какъ посмотрю на прошедшее... (Д. I. стр. 2—3).

Не тужи! Ежели бы мы не за многихъ работали, то бы толь многихъ и не обошли (Д. I. стр. 7).

Marie.

Ich will stille seyn! Ja, ich will nicht weinen. Mich dünkt auch, ich hätte keine thränen mehr! Und warum thränen? Es ist mir nur leid, dass ich euch das leben sauer mache. Denn im grunde, worüber beklag' ich mich? Ich habe viel freude gehabt, so lang' unser alter freund noch lebte. Clavigo's liebe hat mir viel freude gemacht,

Марія.

Я успокоюсь и не буду плакать. Мнѣ кажется, у меня и слезъ болѣе нѣтъ. Да и на что̀ мнѣ слезы? Мнѣ только чувствительно, что я жизнь вашу огорчаю. Истинно, о чемъ сокрушаюсь я? Много имѣла я удовольствія, какъ еще старый нашъ другъ живъ былъ. Клавигова любовь меня очень льстила, можетъ быть болѣе, нежели моя

vielleicht mehr als ihm die meinige. Und nun — was ist's nun weiter? Was ist an mir gelegen? an einem mädchen gelegen, ob ihm das herz bricht? ob es sich verzehrt und sein armes junges leben ausquält?

его. А нынѣ—чтожъ? Что ему нужды до меня? Что ему нужды, что сердце мое страдаетъ, и бѣдная младая жизнь моя истекаетъ.

Bedauern! Ich mag nicht von dem menschen *bedauert* seyn.

Сожалѣть! Нѣтъ, такимъ человѣкомъ я не хочу быть *сожальема* (Д. I. стр. 9—10).

Auf einmal war das gutherzige französische mädchen wieder da, das keine *liebestränke* kennt, und keine dolche zur rache. Wir sind übel dran! *Vaudevilles*, unsere liebhaber zu unterhalten, fächer, sie zu strafen, und wenn sie untreu sind?

Вдругъ явилась я опять добросердечною француженкою, невѣдающею ни *напитокъ, возбуждающихъ любовь* (ни яду для любви), ни кинжаловъ къ мщенію. Мы въ дурномъ положеніи! Для увеселенія любовниковъ у насъ *пьніи*, а для наказанія развѣ только одни вѣеры, и когда они намъ невѣрны! Д. I. стр. 11).

Clavigo.

Клавиго.

Es ist wunderbar, ein mensch, der sich über so vieles hinaussetzt, wird doch an einer ecke mit zwirnsfäden angebunden.— Weg! — Und wär' ich Marien mehr schuldig als mir selbst? und ist's eine pflicht, mich unglücklich zu machen, weil mich ein mädchen liebt.

Удивительно, что человѣкъ, пренебрегающій толикое множество предразсужденій, совсѣмъ тѣмъ не можетъ иной мысли избавиться.—Пустое!—Развѣ я Маріи болѣе долженъ, нежели самому себѣ? Развѣ я долженъ себя сдѣлать несчастливымъ для того, что она меня любитъ (Д. II, 17).

Beaumarchais.

Das arme mädchen fiel auf diese nachricht in convulsionen, die ihr den tod drohten. In der tiefe ihres jammers schreibt die älteste nach Frankreich die offenbare beschimpfung, die ihnen angethan worden. Die nachricht bewegt ihren bruder aufs schrecklichste, er verlangt seinen abschied, um in so einer verwirrten sache selbst rath und hülfe zu schaffen, er ist im fluge von Paris zu Madrid, und der bruder—bin ich! der alles verlassen hat, vaterland, pflichten, familie, stand, vergnügen, um in Spanien eine unschuldige, unglückliche *schwester* zu *rächen*.

Es ist ihre convenienz und meine, dass sie Marien nicht heirathen, und sie fühlen wohl, dass ich nicht gekommen bin, den komödienbruder zu machen, der den roman entwickeln und seiner schwester einen mann schaffen will. Sie haben ein ehrliches mädchen *mit kaltem bluthe* beschimpft, weil sie glaubten, in einem fremden lande sey sie ohne beistand und rächer. So handelt ein niederträchtiger, ein nichtswürdiger....

Бомарше.

Бѣдная сія дѣвица, услыша сіе, такъ занемогла, что жизнь ея была въ крайней опасности. Въ глубочайшей ихъ горести, старшая *отписала* во Францію о явномъ безчестіи, имъ учиненномъ. Сіе извѣстіе поразило ихъ брата толь сильно, что онъ пошелъ въ отставку, дабы въ семъ дѣлѣ сестрамъ своимъ самолично помощь подать, и изъ Парижа въ Мадритъ прискакалъ, и сей братъ — я, который все оставилъ: отечество, должность, родню, имѣніе, веселія, дабы въ Испаніи *отмстить* невинную и несчастную *сестру*.

Какъ ваши, такъ и мои обстоятельства не дозволяютъ вамъ жениться на сестрѣ моей, и вы, я думаю, чувствуете, что я сюда не затѣмъ пріѣхалъ, чтобы представить, какъ въ комедіи, брата, который оную окончитъ, выдавъ сестру свою замужъ. Вы *съ холодною кровію* оскорбили честную дѣвицу, для того, что почитали ее въ чужой землѣ безпомощною и безъ мстителей. Такъ поступаютъ безчестные люди и бездѣльники (II, 28—29, 31)....

Clavigo.

Aufsehen wird's machen.

Carlos.

Des Clavigo hochzeit! das versteht sich. Wie manches mädchen in Madrid harrt auf dich, hofft auf dich, und wenn du *ihnen* nun diesen *streich spielst?....*

Wärst du nie gestiegen, um nie zu fallen! Mit welchen augen werden sie das ansehn! Da ist der bruder, werden sie sagen! das muss ein braver kerl seyn, der *hat ihn ins bockshorn gejagt;* er hat sich nicht getraut, ihm die spitze zu bieten. Ha! werden unsre schwadronirenden hofjunker sagen, man sieht immer, dass er kein cavalier ist. Pah! ruft einer, und rückt den hut in die augen, *der franzos hätte mir kommen sollen!* und patscht sich auf den bauch, ein kerl, der vielleicht nicht werth wäre, dein reitknecht zu seyn.

Клавиго.

Шуму много сіе надѣлаетъ.

Карлосъ.

Клавигова свадьба! всеконечно. Множество дѣвицъ въ Мадритѣ тебя ожидаютъ, на тебя надѣются, а ты *имъ* такъ *подшутишь?....* (IV, 63).

Я бы желалъ, чтобы ты никогда не возвышался, дабы никогда не упадать! Какими глазами всѣ будутъ на тебя смотрѣть? Вотъ ея братъ! скажутъ всѣ; надобно, чтобъ онъ былъ храбрый человѣкъ! какъ *онъ его доѣхалъ*! онъ не осмѣлился съ нимъ и драться. А! — скажутъ наши придворные господчики — видно, что онъ не дворянинъ. Па! вскричитъ иной, надѣвъ шляпу, и ударивъ себя по брюху, *насунулся бы этотъ французъ на меня!* А это скажетъ, можетъ быть, человѣкъ, недостойный быть у тебя конюхомъ. (IV, 73—74).

Произведенія *Тюммеля* (Moritz August von Thümmel, 1738—1817) пользовались въ свое время большою извѣстностью въ литературномъ кругу и въ обществѣ. Комическая поэма Тюммеля *Вильгельмина* привлекала къ себѣ многочислен-

ныхъ читателей. Она написана вслѣдствіе спора, своего рода пари, между авторомъ и его другомъ Бозе, однимъ изъ учениковъ Геллерта. Бозе утверждалъ, что въ отношеніи поэтической прозы (poetische prosa) французская литература несравненно выше нѣмецкой: при кажущемся богатствѣ нѣмецкой литературы, въ ней нѣтъ ни одного произведенія, которое можно бы поставить на ряду съ Телемакомъ Фенелона. Возражая своему другу, Тюммель доказывалъ, что нѣмецкій языкъ въ такой же степени способенъ къ поэтической прозѣ, какъ и французскій, и въ подтвержденіе словъ своихъ обѣщалъ представить наглядный образецъ своего собственнаго издѣлія. Черезъ двѣ недѣли образецъ былъ готовъ: Тюммель написалъ комическую поэму, въ прозѣ, подъ названіемъ: *Вильгельмина* — Wilhelmine, ein prosaisch komisches gedicht. Героиня поэмы, сельская красавица *Вильгельмина*, дочь приказчика (verwalter), до шестнадцати лѣтъ жила въ деревнѣ, между крестьянами, вдали отъ всѣхъ соблазновъ и искушеній. Слухъ о ея красотѣ дошелъ до гофмаршала, большаго цѣнителя женскихъ прелестей, и въ судьбѣ дѣвушки послѣдовалъ неожиданный переворотъ. Не долго думая, гофмаршалъ является въ деревню, и, съ согласія сговорчиваго родителя, увозитъ Вильгельмину съ тѣмъ, чтобы «возвести ее на блестящую степень придворной комнатной дѣвицы» — in den glänzenden posten einer fürstlichen kammerjungfer erheben. Крестьяне съ недоумѣніемъ, разиня ротъ, смотрѣли, какъ ихъ ровня сдѣлалась вдругъ такою важною барыней, и сѣла въ великолѣпную карету, рядомъ съ важнымъ господиномъ, пріѣхавшимъ изъ столицы. Одинъ только изъ присутствовавшихъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, что̀ происходило. Это былъ деревенскій пасторъ Себальдусъ (Sebaldus), неуклюжій педантъ, имѣвшій неосторожность влюбиться по уши въ Вильгельмину, но не обладавшій достаточнымъ мужествомъ, чтобы открыть свою страсть и просить руки дѣвушки. Нѣсколько лѣтъ томился онъ мучительнымъ воспоминаніемъ о потерянномъ счастьи, какъ вдругъ является ему во снѣ Мартинъ Лютеръ, и предсказываетъ, что

Вильгельмина будетъ женою Себальдуса, если только у него хватитъ храбрости сдѣлать ей предложеніе, какъ только она пріѣдетъ навѣстить своего отца. Для вящшаго ободренія робкаго коллеги, Лютеръ напоминаетъ ему о своемъ собственномъ любовномъ подвигѣ — о томъ, какъ онъ, первый изъ духовныхъ, рѣшился вкусить сладости брачной жизни, и похитилъ изъ монастыря красотку-монахиню. Появленіе Мартина Лютера въ комической роли нѣсколько озадачило пуританъ, благоговѣвшихъ передъ его памятью, и, въ угоду имъ, авторъ замѣнилъ Лютера Амуромъ. Повѣривъ заманчивому сновидѣнію, Себальдусъ ждалъ-недождался пріѣзда Вильгельмины къ ея отцу. Вопреки скептикамъ, сонъ сбылся. Вильгельмина приняла предложеніе пастора; гофмаршалъ не только не прекословилъ, но и щедро одарилъ новобрачную, возбуждая своимъ вниманіемъ къ ней двусмысленныя улыбки у тѣхъ изъ посѣтителей, кто былъ посмышленѣе. Свадебный пиръ продолжался черезчуръ долго, и только находчивый Амуръ, произведя фальшивую тревогу, разогналъ гостей по домамъ, къ истинному удовольствію Себальдуса.

Тюммель написалъ свою поэму въ 1762 году, но долго не рѣшался печатать ее, передавая рукопись на судъ извѣстнѣйшихъ писателей и критиковъ того времени. Первое изданіе вышло въ 1764 году. Появившись въ печати, поэма Тюммеля произвела самое пріятное впечатлѣніе въ читающемъ обществѣ, что̀ и весьма понятно при тогдашнемъ состояніи нѣмецкой литературы. Такіе представители ея, какъ Вейссе, Геллертъ, Цахаріэ, Рабенеръ и многіе другіе писатели осыпали похвалами произведеніе молодаго, взыскательнаго къ себѣ, автора. Легкій, шутливый тонъ разсказа былъ тогда новинкою, да и самое содержаніе нравилось между прочимъ и потому, что въ немъ мелькали тамъ и сямъ черты дѣйствительной жизни, намеки на тогдашніе нравы двора и высшаго общества. На этомъ отчасти основаніи и послѣдующая, современная намъ, критика отдаетъ произведенію Тюммеля преимущество въ сравненіи съ другими попытками въ этомъ же

родѣ [201]). Тюммель зналъ столичное общество не по наслышкѣ; онъ самъ былъ придворнымъ, и находился въ ближайшихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ принцомъ, впослѣдствіи герцогомъ, Эрнстомъ-Фридрихомъ саксенъ-кобургскимъ, при которомъ состоялъ камеръ-юнкеромъ. Онъ окончилъ свою службу дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и министромъ.

Литературная извѣстность Тюммеля распространилась и за предѣлами Германіи. Поэма его переведена на языки: французскій, итальянскій, голландскій, англійскій и русскій [202]). На русскій языкъ она переведена по указанію императрицы Екатерины II, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Козодавлевъ въ письмѣ своемъ къ автору. О впечатлѣніи, которое произвела на Екатерину поэма Тюммеля, можно заключить изъ собственныхъ словъ Екатерины въ письмѣ ея къ Гримму: J'ai fait ce printemps deux lectures allemandes qui m'ont beaucoup plu: la première, *Wilhelmine*, poëme en prose; *cela est charmant*. Oh, *comme on écrit bien en allemand*, malgré les dépréciations de la littérature allemande [203]).

Повинуясь желанію императрицы, и будучи любителемъ и знатокомъ нѣмецкой литературы, Козодавлевъ принялъ на себя переводъ поэмы Тюммеля. Обращаясь къ автору ея, Козодавлевъ говоритъ:

— При общемъ сочувствіи, которымъ Вильгельмина пользуется въ Германіи, и при особенномъ удовольствіи, съ которымъ она читается во Франціи, нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ Россіи знатоки нѣмецкой литературы съ нетерпѣніемъ ожидали перевода этого превосходнаго произведенія. Гораздо пріятнѣе будетъ вамъ узнать, что сама монархиня, посвящающая немногіе часы досуга чтенію произведеній великихъ писателей, не только прочла Вильгельмину въ подлинникѣ, но и выразила настоятельное желаніе видѣть ее въ русскомъ переводѣ. Я тѣмъ охотнѣе принялъ на себя это порученіе, что нѣмецкая литература составляетъ, со времени возвращенія моего изъ Лейпцига, одно изъ любимѣйшихъ моихъ занятій. Въ знакъ высокаго благово-

ленія монархини, переводившій получилъ отъ нея золотую табакерку, украшенную бриліантами [204]).—

Награда, полученная переводчикомъ раньше, нежели вспомнили объ авторѣ, нѣсколько опечалила автора. Другъ его Вейссе утѣшалъ его тѣмъ, что знаменитый Винкельманъ долженъ былъ ограничиться скромнымъ гонораромъ, по три талера съ листа, за свою исторію искусства, между тѣмъ какъ переводчикъ ея получилъ богатые подарки, также отъ Екатерины, и сверхъ того отъ курфирстовъ: саксонскаго и пфальцскаго. Вещественнымъ утѣшеніемъ Тюммелю послужили присланные ему Екатериною: драгоцѣнная табакерка, большая золотая медаль на открытіе памятника Петру Великому и портретъ императрицы, въ видѣ Минервы.

Переводъ Козодавлева вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ литературной критики своего времени. Въ тогдашнихъ журналахъ нашихъ находимъ такого рода отзывы: «Извѣстны читатели *о прекрасномъ переводѣ Вильгельмины*, въ которомъ г. *Козодавлевъ свойственною ему кистью выразилъ превосходно* всѣ красоты нѣмецкаго подлинника». Фонъ-Визинъ писалъ Козодавлеву: «Позвольте васъ искренно поздравить какъ съ табакеркою, такъ и со *всеобщею похвалою вашему переводу*, котораго экземпляръ получивъ отъ васъ, читалъ я съ большимъ удовольствіемъ» [205]).

Въ началѣ книги помѣщено нѣсколько строкъ «отъ переводчика»:

«Издавая переводъ сея поемы, почитаю нужнымъ предложить читателямъ нѣкоторое приономъ объясненіе. Сія поема сочинена сообразно нравамъ и обычаямъ той земли, въ которой сочинитель её писалъ. Хотя она писана и языкомъ нѣмецкимъ, однакожъ не только внѣ Германіи, но и въ нѣкоторыхъ областяхъ той самой имперіи кажется она многимъ читателямъ весьма странною. Влюбленный священникъ Себалдусъ, женившійся на своей любовницѣ, въ глазахъ австрійскихъ епископовъ, есть твореніе неестественное, тогда, когда саксонскіе пасторы, читая его приключенія, сердятся на сочинителя, описавшаго въ нихъ

собственныя ихъ похожденія. Со всѣмъ тѣмъ, сія поема читается по всей Германіи съ великимъ удовольствіемъ, поелику слогъ и замыслы господина Тиммеля плѣняютъ и такого читателя, которому обычаи, имъ описуемые, и неизвѣстны. Искусное перо господина Губера, коего знакомство я съ удовольствіемъ и благодарностію воспоминаю, перевело сію поему и на французскій языкъ, съ таковымъ же успѣхомъ, съ каковымъ переведены имъ и многія другія славныхъ нѣмецкихъ писателей сочиненія.— Вильгельмина и французами читается съ удовольствіемъ. — Я льщу себя, что читатели, принявъ во уваженіе встрѣтившіяся мнѣ при переводѣ сея книги затрудненія, будутъ меня судить благосклонно. — Одобреніе ихъ я почту совершенною за трудъ мой себѣ наградою.—Осипъ Козодавлевъ».—

Для сравненія перевода Козодавлева съ подлинникомъ, приводимъ отрывокъ изъ пятой пѣсни поэмы Тюммеля [206]).

Strenge dich an, Muse! und hilf mir das gewühl der vornehmen beschreiben, die sich itzt in das haus des pfarrherrn sammelten. Zuerst erschien der lackirte schlitten des hofmarschalls, an der spitze vieler andern. Vier deutsche hengste, chinesisch geschmückt, zogen ihn, und ein vergoldeter Jupiter regierte den schnurbärtigen kutscher. — Ein musicalisches silbergeläute hüpfte auf dem rücken der pferde, indem unter ihren stampfenden füszen die fröhliche erde davon flog. Schon von ferne erkannte der zitternde pfarrherr seinen gönner, und an seiner rechten die geputzte braut. Mit

Муза! потщись описать стеченіе знатныхъ, собирающихся въ домъ нашего пастора. Прежде всего явились лакомъ покрытыя сани гофмаршала предъ множествомъ другихъ саней. Четыре жеребца нѣмецкіе, убранные покитайски, везли оныя, и позлащенный Юпитеръ управлялъ усастымъ кучеромъ. — Серебреныя гремушки трепетали на лошадиной спинѣ, и производили звонъ; а радостная земля, изъ подъ ногъ бодрыхъ коней вылетая, разсыпалась по воздуху. Издалека уже узналъ дрожащій пасторъ своего милостивца, и по правую руку сидящую съ нимъ свою невѣсту.

unbedachtsamer höflichkeit ging er dem fliegenden schlitten entgegen—aber sein wilder führer schwengte die knallende peitsche und wendete mit seinen vier schimmeln im vollen trabe um, dasz der magister, mit verzerrtem gesichte, eilig wieder zurück sprang. Mit majestätischem anstande stieg nun die einnehmende Wilhelmine von dem sammtenen sitze, und da verrieth sich zugleich auf einige süsze augenblicke für den entzückten bräutgam, ihr kleiner vorgestreckter fusz bis an die höhe des seidenen strumpfbands, auf welchem mit pünctgen von silber ein zärtlicher vers des Voltaire gestickt war; Ach wohin weis doch nicht ein französischer dichter zu schleichen! Gesteht es nur, ihr deutschen! Bis dahin ist noch keiner von euern grözten geistern gedrungen.

Ein anderer schlitten, unter dem zeichen des Mars, der (eine seltsame erfindung des witzigen bildhauers) auf einem ladestock ritt, lieferte zween aufgedünstete müsziggänger am hofe, kammerherren genannt. Einst hatten sie in ihrer jugend als hitzige krieger einen einzeln furchtsa-

Съ неосторожною учтивостію пошелъ онъ летящимъ санямъ на встрѣчу; но проворный кучеръ, хлопнувъ бичемъ, поворотилъ на всей рыси сѣрую четверню, такъ что пасторъ принужденъ былъ, розиня ротъ, отскочить назадъ. Прелестная Вильгельмина воздымалась потомъ въ величественномъ видѣ съ бархатной подушки, и тогда, на нѣсколько пріятныхъ минутъ для восхищеннаго жениха, открылась маленькая протянутая ея ножка до самой шелковой подвязки, на коей серебреными точками вышитъ былъ нѣкоторый нѣжный стихъ Вольтера—куда не подкрадется французскій стихотворецъ!—Признайтесь, нѣмецкіе піиты, что до того мѣста ни единый изъ остроумнѣйшихъ вашихъ писателей не достигалъ.

Другія сани подъ знаменованіемъ Марса, который (о прекрасная выдумка остроумнаго художника!) ѣхалъ верхомъ на шомполѣ, привезли двухъ пышныхъ, въ праздности живущихъ царедворцевъ, камергерами именуемыхъ. Нѣкогда во младости своей побѣдили они, яко

men räuber verjagt, und sich und dem geängsteten prinzen das leben gerettet. Zur belohnung hatten sie sich dieses unthätige leben erwählt', genossen einer feistmachenden pension, erzählten immer die grosze that ihres soldatenstandes — und gönnten gern ihre lärmende gegenwart einem jeglichen schmause. So lebten einst die erhalter des Capitols, jene berühmten gänse, von den wohlthaten der dankbaren römer; ohne furcht, geschlachtet zu werden, fraszen sie den ausgesuchtesten waizen von Latiums feldern, für einen wichtigen dienst, den eine jede andere schnatternde gans mit eben der treue verrichtet hätte. Der flüchtige Mercur und vier schnaubende rappen brachten die pigmäische figur eines affectirten kammerjunkers gefahren. Stolz auf einen eingebildeten guten geschmack, ersetzten seine reichen kleider den mangel seines verstandes. Zuversichtlich besah er heut eine glänzende weste, die, wie die weisse wamme eines drollichten eichhörnchens, unter seinem rothplüschnen rocke hervorleuchtete; und fröhlich dacht' er an

храбрые воины, единаго только робкаго разбойника, и тѣмъ спасли свою жизнь, и жизнь испугавшагося государя. Въ награжденіе избрали они себѣ праздность, пользовались большимъ жалованьемъ, разсказывали непрестанно о своей храбрости, и удостоивали всякій пиръ шумнымъ своимъ присутствіемъ. Тако жили нѣкогда, пользуясь благодѣяніями благодарныхъ римлянъ, славные гуси, избавившіе Капитолію; не опасаясь быть убіенными, ѣли они лучшую съ латинскихъ полей пшеницу, въ награжденіе за то важное дѣло, которое бы всякій другой громогласный гусь отправилъ съ таковымъ же усердіемъ. Летящій Меркурій и вороная четверня привезли жеманнаго, пигмею подобнаго камеръ-юнкера. Гордяся мнимымъ хорошимъ вкусомъ, замѣнялъ онъ недостатки разума своего богатою одеждою. Важнымъ взглядомъ осматривалъ онъ тогда блестящій свой камзолъ, сіяющій изъ подъ краснаго бархатнаго кафтана, и съ удовольствіемъ воспоминалъ о тѣхъ, кои остались въ его гардеробѣ, и кои гораздо сего бо-

die verdienste der weit kostbarern zurück, die sich noch in seiner garderobbe befanden. Ein paar blitzende steinschnallen, und eine dose von Saint-Martin erschaffen, waren ihm das, was einem rechtschaffenen manne ein gutes gewissen ist — sie machten ihn zufrieden mit sich selbst, und dreust in jeder gesellschaft. Itzt lief er gebückt in die pfarre hinein; gebückt, als ob sein kleiner körper befürchtete, an die altväterische hausthüre zu stoszen, die gothisches schnitzwerk verbrämte.

Nun aber kam unter der anführung einer gefälligen Minerva ein einzelner vernünftiger mann gefahren, der, wenig geachtet von den weisen des hofs, den befehlen seines herzens mit strengem eigensinne folgte. Nie erniedrigte er sich zu der schmeicheley, und nie folgte er der mode des hofes, die das hauptlaster des fürsten zu einer tugend erhebt, und durch nachahmung billigt; vergebens — (konnt' es wohl anders sein?) hofft er in diesem getümmel ein nahes glück, hier wo man nur durch seine ränke gewinnt, und wo die blicke der groszen mehr

гатѣе. Пряжки съ блистающими каменьями, и табакерка, сотворенная славнымъ господиномъ Сентъ-Мартенъ, были ему то̀, что̀ честному человѣку есть чистая совѣсть: — онѣ дѣлали его довольнымъ самимъ собою и смѣлымъ во всякой бесѣдѣ. Онъ, нагнувшись, вбѣжалъ въ пасторскую комнату; нагнувшись, какъ будто опасаясь, чтобы низенькое тѣло его не ударилось о старинную притолоку, украшенную готоской рѣзьбой.

Наконецъ пріѣхалъ, подъ предводительствомъ пріятныя Минервы, человѣкъ разумный, который мало придворными мудрецами будучи почитаемъ, слѣдовалъ всегда съ непреклонною твердостію велѣніямъ своего сердца. Онъ никогда не унижалъ себя ласкательствомъ, и никогда не слѣдовалъ обычаю придворному, возвышающему любимый порокъ государя на степень добродѣтели, и подражаніемъ оный ободряющему. Тщетно— (да и возможно ли быть сему иначе?) — тщетно уповалъ онъ спискать себѣ счастіе среди толпы, въ которой все ухищреніемъ

gelten, als ein richtiger verstand und tugend und wahrheit. Er war es, der Wilhelminen, zuerst mit glimpflichen worten, vor der weiten gefahr warnte, in die ihr leichtsinn, und die verjährte list eines wollüstigen hofs ihre jugend verwickelte, der ihr zuerst den gedanken erträglich und wünschenswerth machte, wiederum die heitere gesundere luft ihres geburthsorts zu athmen. Mit innrer befriedigung sah er, dasz der heutige tag seine bemühung krönte und dieses frohe gefühl beschäfftigte ihn einzig in dem taumel einer thörichten gesellschaft. Ungern sah ihn der hofmarschall in dem kreys seiner lust. Er aber ertrug ungekränkt diese ehrende verachtung und gab sich gern einem unruhigen tage preis, um ein verirrtes mädchen in einer glücklich entschlossenen tugend zu stärken. Zischt ihn aus—ihr lieblinge und weisen des hofs! Was helfen ihm alle seine verdienste? Das sie einst vielleicht, in stein gehauen, auf seinem grabmaale sitzen und weinen? O wie thöricht! den gebothen des himmels zu gehorchen, wo ein fürst befiehlt, und auf dem

пріобрѣтается, и гдѣ взоръ вельможи почитается болѣе, нежели разумъ, добродѣтель и истина. Сей-то мужъ былъ первый, который ласковыми словами открылъ Вильгельминѣ ту опасность, въ которую ее привлекли собственное ея легкомысліе и закоренѣлыя ухищренія сладострастнаго двора. Онъ первый возбудилъ въ ней желаніе возвратиться въ свою отчизну, и вкушать чистый и здоровый воздухъ. Онъ ощущалъ внутреннее удовольствіе, видя, что сей день увѣнчаетъ его стараніе, и единственно сею утѣшающею мыслію занимался въ безумной толпѣ сея бесѣды. Гофмаршалъ не весьма былъ доволенъ, видя его посреди своихъ веселій; однакожъ добродѣтельный мужъ безобидно сносилъ сіе, честь ему дѣлающее, пренебреженіе, и охотно жертвовалъ собою безпокойному дню, дабы заблудшую дѣвицу утвердить въ пути добродѣтели. Смѣйтесь надъ нимъ, любимцы и мудрецы двора! На что̀ ему добродѣтели его и заслуги? — Развѣ на то̀, чтобъ нѣкогда быть высѣченными изъ камня надъ его гробницею, и сидя надъ

einsamen wege der tugend zu wandeln, wo noch kein hofmann eine fette pfründe erreicht hat. Wenn eine falsche schwankende uhr des stadthauses den vorurtheilen der bürger gebiethet, so betriegt uns oft unsere wahre kenntnisz der zeit um ihren gebrauch: denn hier, wo ein jedes dem allgemeinen irrthume folget, den eine summende glocke ausbreitet, und die entfernte sonne für nichts achtet, was hilft es hier dem gewissen sternseher, dasz er sich alleine nach ihren befehlen richtet — und den wahn der stadt verlachet — und seine stunden nach der natur miszt? Mit allen seinen calendern wird er bald sein mittagsmahl—bald den besuch bey seiner geliebten und den thorschlusz versäumen.

нею, проливать слёзы? Какое безуміе! Повиноваться велѣніямъ небесъ тамъ, гдѣ повелѣваетъ государь! Итти уединеннымъ путемъ добродѣтели, по которому ни единый царедворецъ не пріобрѣлъ себѣ богатства! Когда испорченные часы съ городской башни управляютъ дѣйствіями гражданъ, тогда нерѣдко истинное познаніе времени обманываетъ насъ въ употребленіи онаго; ибо тамъ, гдѣ всякій слѣдуетъ общему заблужденію, распространяющемуся громкимъ звономъ часовъ, и не уважающему солнечнаго теченія, пользуетъ ли вѣрному въ дѣлѣ своемъ астроному тò, что онъ во всемъ сообразуется съ теченіемъ солнца, безумству гражданъ смѣется, и измѣряетъ часы свои уставомъ природы? Со всѣми своими мѣсяцословами прогуляетъ онъ или обѣдъ, или посѣщеніе своей любезной, и во всемъ ошибется.

Zween würdige gesellschafter beschlossen den einzug in einem alten schlitten, den ein unscheinbares bildnisz beschwerte. Ob es einen nervigten Vulcan oder einen aufgeblähten Midas vorstellte, war für die

Великолѣпное шествіе замыкалось двумя достойными той бесѣды участниками, ѣдущими въ старенькихъ саняхъ, на коихъ украшеніе было такъ ветхо, что знатоки не могли разобрать, великомощнаго ли Вулкана, или

kunstrichter ein räzel. Ein halbgelehrter patritius, ehemaliger hofmeister des marschalls, am stande, so wie an wissenschaft, *weder pferd noch esel*—nahm die eine hälfte des bretternen sitzes ein, und auf der andern sasz ein graugewordener hofnarr, der mühsam den ganzen weg hindurch auf einfälle dachte, in versen und prosa, die hohe gesellschaft zu erlustigen: aber sein leerer kopf blieb ohne erfindung. Oft weinte der arme, dasz sein alter ihm das ruder aus den händen wand, das er so lange glücklich regieret, und um welches sich itzt der fürstliche läufer, der oberschenk und eine dicke tyrolerinn rissen.

надутаго Мидаса оно изображало. Полуученый и полублагородный, бывшій учитель гофмаршала, родомъ и наукою *ни рыба, ни мясо*, занималъ половину досчатаго сидѣнья, а подлѣ него сидѣлъ посѣдѣвшій придворный шутъ, трудившійся во всю дорогу надъ выдумками, какъ бы въ стихахъ и въ прозѣ увеселить знаменитое общество; но пустая голова его ничего не могла выдумать. Бѣдный шутъ нерѣдко проливалъ слезы о томъ, что старость лишила его той пружины, которою онъ съ толикою славою дѣйствовалъ, и за которою теперь гонялись: государевъ скороходъ, нѣкоторая толстая италіянка и одинъ изъ придворныхъ вельможъ.

Козодавлевъ написалъ для сцены, или—выражаясь точнѣе—передѣлалъ на русскій ладъ, двѣ комедіи: *Перстень* и *Нашла коса на камень*.

Содержаніе первой пьесы состоитъ въ томъ, что французъ Ворвиль продаетъ перстень, который очень желала бы купить г-жа *Извѣстова;* ухаживающій за нею князь Нарциссовъ направляетъ француза къ мужу Извѣстовой; ничего неподозрѣвающій мужъ покупаетъ перстень; Извѣстова, обдѣлывающая свои дѣлишки при помощи плутоватой горничной, торжествуетъ. Но вдругъ пріѣзжаетъ братъ Извѣстова, выдающій дочь замужъ, и Извѣстовъ даритъ перстень племянницѣ-невѣстѣ. Такимъ образомъ, Извѣстова жестоко ошиблась въ своемъ разсчетѣ.

Въ пьесѣ соблюдены обычные пріемы старинныхъ комедій. Выведенный на сцену французъ говоритъ, для пущаго смѣха, ломанымъ русскимъ языкомъ, и т. п.

Комедія *Перстень* не переведена, а *передѣлана*, и причину этого такъ объясняетъ самъ Козодавлевъ:

«Нѣмецкая комедія господина Енгеля, въ одномъ дѣйствіи, называемая *Бриліантъ* (Der Diamant, ein lustspiel in einem aufzuge, nach dem französichen des Collé, von Engel. Leipzig. 1773) пріобрѣла въ Германіи отъ любителей драматическихъ сочиненій великую похвалу, и многократно представлена была почти на всѣхъ нѣмецкихъ театрахъ съ великимъ успѣхомъ, съ каковымъ она еще и по сіе время на оныхъ представляется. Успѣху сей маленькой комедіи, кажется, причиною забавное приключеніе, на которомъ она основана, и хорошее и естественное ея расположеніе — достоинство, которое и во мнѣ возбудило желаніе перевести ее на россійскій языкъ. Но какъ въ ней встрѣтилось мнѣ *многое, несогласное съ нашими обычаями*, то и разсудилъ я лучше издать на россійскомъ языкѣ подражаніе сей комедіи, нежели точный ея переводъ. Въ подлинникѣ продаетъ перстень *жидъ*, но *въ Россіи жиды необыкновенны*, и для того представилъ я, на мѣсто его, торгующаго *француза*. Таковыхъ *французовъ* у насъ такъ же много, какъ и въ Германіи *жидовъ*. Нѣкоторыя мѣста я также совсѣмъ перемѣнилъ, а нѣкоторыя, нашимъ обыкновеніямъ не противныя, перевелъ я точно съ нѣмецкаго. Названіе *Перстень*, кажется мнѣ, приличнѣе содержанію сей комедіи *Бриліанта*, и я, издавая подражаніе, а не переводъ, имѣлъ право наименовать ее по моей волѣ» [207]).

О непривычкѣ русскихъ читателей видѣть *жида* или *жидовина* въ качествѣ дѣйствующаго лица въ комедіи или въ повѣсти Козодавлевъ упоминаетъ и въ другомъ своемъ трудѣ, и при этомъ ссылается на удачный, какъ оказалось, опытъ замѣны *жида французомъ* въ комедіи *Перстень*. Изъ словъ Козодавлева, между прочимъ, видно, что комедія его имѣла успѣхъ на сценѣ. Въ Вильгельминѣ Тюммеля появляется, въ числѣ другихъ лицъ, и не-

избѣжный въ Германіи *жидъ*. Тамъ говорится о героѣ поэмы, пасторѣ Себальдусѣ: er würde gewiss den endzweck seiner reise verschlafen haben, hätte ihn nicht die käufliche stimme eines bärtigen *juden* erweckt, der dreimal schon vergebens an die stubenthüre klopfte. Переводъ свой этого мѣста: «онъ конечно бы и цѣль своего путешествія проспалъ, ежели бы корыстолюбивый гласъ уже троекратно попустому въ двери стучавшаго *жида* его отъ сна не возбудилъ» Козодавлевъ сопровождаетъ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Читателямъ, незнающимъ нѣмецкихъ обычаевъ, сіе мѣсто покажется, можетъ быть, страннымъ, поелику въ Россіи жиды по домамъ съ товарами не ходятъ. Въ Германіи сіе очень обыкновенно: *жиды тамъ точно такимъ же образомъ торгуютъ, какъ въ Петербургѣ французы*. По сей причинѣ представилъ я, въ комедіи моей, называемой *Перстень*, написанной подражаніемъ нѣкоторой комедіи нѣмецкой, въ которой продаетъ перстень *жидъ*, торгующаго *француза*, дабы зрителямъ и читателямъ моимъ, привыкшимъ видѣть французскихъ разносчиковъ, *жидовинъ* не показался лицемъ неприличнымъ. Я имѣлъ въ томъ успѣхъ, ибо почтенная *публика удостоила представленіе сей*, впрочемъ ничего незначущей, *комедіи своимъ одобреніемъ*»[208]).

Сюжетъ комедіи: *Нашла коса на камень* заимствованъ Козодавлевымъ изъ сказки Лафонтена: *A femme avare galant escroc* и изъ комедіи Колле: *Le galant escroc*. Дѣйствующія лица: *Скучкинъ*; жена его; племянница ихъ *Пріятова*; князь; пріятель его, графъ; дворецкій; лакей. Скучкина и графъ желаютъ взаимнаго сближенія, и оба съ одною и тою же, тщательно скрываемою, цѣлью, именно, чтобы имѣть у кого брать взаймы деньги. Скучкина увѣряетъ графа, что проиграла, тайкомъ отъ мужа, значительную сумму. Обѣщая выручить ее изъ бѣды, графъ беретъ деньги взаймы у мужа, и вручаетъ ихъ женѣ, говоря, при свидѣтеляхъ, что онъ отдаетъ ей свой долгъ ея мужу. Она полагаетъ, что это милая шутка, и въ знакъ благодарности соглашается на бракъ племянницы съ пріятелемъ графа—княземъ. Но скоро все объяснилось, и къ великой досадѣ своей Скучкина увидѣла,

что въ искусствѣ притворяться и обманывать она должна уступить болѣе ловкому противнику. Пьеса оканчивается словами графа: «она хотѣла меня провести — *нашла коса на камень*»[209]).

По распоряженію академіи наукъ, куплено у Козодавлева четыреста экземпляровъ его комедіи: *Нашла коса на камень*, за которые и положено выдать ему тридцать рублей изъ экономической суммы, да сверхъ того книгъ на пятьдесятъ рублей[210]).

Козодавлевъ принималъ весьма видное участіе въ нѣсколькихъ повременныхъ изданіяхъ, выходившихъ у насъ въ послѣдней четверти восемнадцатаго и въ первой четверти девятнадцатаго столѣтія, а именно: въ Растущемъ Виноградѣ, въ Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова и въ Сѣверной Почтѣ. Подробному обозрѣнію Сѣверной Почты, издававшейся подъ главнымъ наблюденіемъ Козодавлева, съ 1809 по 1819 годъ, посвящена въ нашемъ очеркѣ особая глава. Въ настоящемъ отдѣлѣ, мы остановимся на участіи Козодавлева въ двухъ журналахъ восемнадцатаго столѣтія: въ Растущемъ Виноградѣ и въ Собесѣдникѣ.

Растущій Виноградъ издавался, какъ извѣстно, главнымъ народнымъ училищемъ въ Петербургѣ. Въ журналѣ этомъ Козодавлевъ помѣстилъ рядъ статей подъ общимъ названіемъ: *Разсужденіе о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ*[211]). По плану автора, трудъ его долженъ былъ принять весьма значительные размѣры. Обращаясь къ издателямъ журнала, Козодавлевъ говоритъ:

«Желая участвовать въ полезномъ вашемъ предпріятіи, и не имѣя теперь никакого особеннаго сочиненія, препровождаю къ вамъ нѣкоторую часть разсужденій моихъ о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ. Ежели оныя благосклонно будутъ приняты читателями, то я стану сообщать вамъ помѣсячно и продолженіе, а потомъ, обратя критику просвѣщенной публики на мое сочиненіе себѣ въ пользу, издамъ оное особою книгою. Сіе сочиненіе раздѣляется на введеніе и три отдѣленія:

Отдѣленіе первое повѣствуетъ о распространеніи въ Европѣ просвѣщенія—отъ разрушенія древнія римскія имперіи до нашихъ временъ.

Отдѣленіе второе показываетъ, что первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія есть языкъ народный.

Отдѣленіе третіе говоритъ о прочихъ, къ сему служащихъ, способахъ, какъ-то: о школахъ, университетахъ, академіяхъ, и прочее».

Всего помѣщено пять статей, изъ которыхъ три относятся къ первому отдѣленію и двѣ—ко второму. Обѣщаннаго продолженія не послѣдовало; не появилось ни одной статьи, относящейся къ намѣченному авторомъ третьему отдѣленію его труда.

Основная мысль автора заключается въ томъ, что просвѣщеніе есть величайшее благо, доступное человѣчеству, и вѣрнѣйшій залогъ истинной славы и могущества народовъ и государствъ. Никакіе навѣты и обвиненія, взводимые на науку со стороны ея враговъ, не въ состояніи поколебать ея несокрушимой силы и ея благотворнаго вліянія на умственную и нравственную жизнь народовъ. Самымъ лучшимъ защитникомъ науки и просвѣщенія является правдивая и безпристрастная исторія. Она представляетъ безчисленныя доказательства той неоспоримой истины, что съ развитіемъ наукъ и просвѣщенія возвышается и нравственный уровень общества и политическое благосостояніе народа. Напротивъ того, съ паденіемъ просвѣщенія, падаютъ нравы, и разрушаются, медленно или быстро, обширныя государства, созданныя силою меча. Въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ средневѣковой Европы авторъ изображаетъ мрачную картину умственнаго застоя, нравственной распущенности и общественныхъ неурядицъ. Съ нашествіемъ варваровъ Европа покрылась мракомъ невѣжества; понятіе о законѣ исчезло; всюду свирѣпствовали необузданный произволъ и самое грубое насиліе; народныя массы дѣлались жертвою суевѣрія, предразсудковъ и оскорбленія человѣческихъ правъ. Только нѣкоторые изъ правителей, какъ напримѣръ, *Карлъ* и *Альфредъ*, ненапрасно прозванные *великими*, пытались

внести лучъ свѣта въ мрачную область невѣжества, и ихъ усилія не пропали даромъ, хотя и долго, очень долго, пришлось ожидать плодовъ отъ того добра, которое посѣяно знаменитыми поборниками просвѣщенія. Сильнымъ, почти непреодолимымъ препятствіемъ для распространенія свѣта истины служили дѣйствія римскихъ папъ, захватившихъ въ свои руки мирскую власть и житейскія выгоды. Главнѣйшими врагами науки и просвѣщенія являются два изобрѣтенія католическаго духовенства—инквизиція и цензура. Только въ пятнадцатомъ столѣтіи ярко обнаружилась перемѣна къ лучшему: «разумъ человѣческій, бывшій нѣсколько вѣковъ угнетаемъ невѣжествомъ, началъ новыми открытіями пріобрѣтать свои силы». Въ сжатомъ очеркѣ излагаетъ авторъ возрожденіе и дальнѣйшій ходъ европейской образованности, называя имена замѣчательнѣйшихъ ученыхъ и писателей въ различныхъ странахъ Европы.

По мнѣнію автора, французамъ безспорно принадлежитъ пальма первенства въ словесныхъ наукахъ и въ обработкѣ отечественнаго языка, въ которой они опередили всѣ другіе народы. Въ философіи, математикѣ и нѣкоторыхъ другихъ наукахъ, преимущество остается на сторонѣ англичанъ. «Англія произвела величайшаго и разумомъ славнѣйшаго изъ смертныхъ *Невтона*. Сей мудрый мужъ, каковаго *ни въ какой землѣ никогда не было*, открылъ завѣсу природы, показалъ ея законы, и основалъ оптику, коей основанія, равно какъ и физики, были неизвѣстны. Великій *Невтонъ* превзошелъ не только ученыхъ французовъ, но и ученыхъ людей всего свѣта, какъ древнихъ, такъ и новыхъ временъ. *Брадлей*, *Галлей* и множество другихъ математиковъ и физиковъ помрачили тогда современниковъ своихъ, живших во Франціи. *Локъ* почитается и донынѣ великимъ философомъ. Но стихотворство и вообще науки словесныя возведены были Людвигомъ на высочайшую степень совершенства. Языкъ французскій сдѣлался при немъ общимъ языкомъ въ Европѣ, а французскіе стихотворцы и прочіе писатели сдѣлались примѣромъ хорошаго вкуса и чистоты въ сочиненіяхъ всякаго рода. Здѣсь было бы лишнее

пространно говорить о писателяхъ, жившихъ во Франціи подъ покровительствомъ Людвига Великаго. *Боссюетъ*, *Фенелонъ*, *Расинъ*, *Моліеръ*, *Боало* и прочіе суть всякому довольно извѣстны, и въ такой же пребываютъ памяти, какъ и *Демосѳенъ*, *Цицеронъ*, *Еврипидъ*, *Теренцій*, *Горацій*, и прочіе писатели, сотворившіе себя безсмертными». Вѣкъ Людовика XIV по справедливости считается блестящимъ вѣкомъ французской литературы. Французскіе писатели не имѣли тогда соперниковъ. Но впослѣдствіи, когда нѣмцы принялись за разработку своего роднаго языка, нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей не только сравнялись съ современными имъ французскими, но отчасти даже и превзошли ихъ.

Истинную славу Германіи составляютъ университеты и училища: «Заведенныя по всей нѣмецкой землѣ школы и университеты возвели народное просвѣщеніе до такой степени, что *нѣмцы почитаться могутъ самымъ просвѣщеннымъ народомъ Европы*». Слова эти невольно напоминаютъ, что авторъ—питомецъ германскаго университета, вскормленный нѣмецкою литературою, и усвоившій себѣ, въ большей или меньшей степени, взгляды нѣмецкихъ ученыхъ.

Весьма любопытенъ отзывъ нашего автора о самомъ блестящемъ изъ литературныхъ свѣтилъ своего вѣка—о Вольтерѣ. Для вѣрной оцѣнки этого отзыва надо имѣть въ виду, что Козодавлевъ, и по своимъ личнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, и по сочувствію къ идеямъ Геллерта, видѣвшаго въ религіи лучшее проявленіе и драгоцѣнную святыню души человѣческой, не могъ быть сторонникомъ Вольтера въ нападкахъ его на религію, тѣмъ болѣе, что по слѣдамъ Вольтера пошли писатели, уступавшіе ему въ дарованіяхъ и исказившія до безобразной крайности тѣ яркія черты, которыя набросаны смѣлою рукою художника. Но вооружаясь противъ невѣжественныхъ поклонниковъ Вольтера и его подражателей, Козодавлевъ отдавалъ должную справедливость просвѣтительнымъ стремленіямъ Вольтера, принесшимъ существенную пользу въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни. Козодавлевъ говоритъ:

«Вольтеръ и множество другихъ извѣстныхъ сочинителей составляютъ славу нынѣшняго вѣка. Но сколь полезны новые французскіе писатели были словеснымъ наукамъ и хорошему вкусу, столько же вредными сдѣлались они благочестію и благонравію. Хотя между древними и новыми другихъ народовъ писателями многіе издавали книги, наполненныя философическими заблужденіями, но таковыя не весьма успѣшно распространялись, поелику они были вразумительны только людямъ ученымъ. Французы напротивъ того проповѣдывать начали правила свои слогомъ не только каждому вразумительнымъ, но и пожирающимъ сердца человѣческія пламенемъ поэзіи. Сѣмена невѣрія распространились изъ того государства, въ которомъ не весьма давно мудрые и истину проповѣдавшіе люди почитались еретиками, а изобрѣтатели способовъ, служащихъ къ просвѣщенію, волшебниками. Народъ, предавшій огню метафизику Аристотеля, яко ученіе ереси, и потомъ повелѣвшій почитать и признавать ту же самую книгу лучшимъ ученіемъ и порицаніемъ (прорицаніемъ?) истины, произвелъ писателей всякаго рода, стремящихся всѣми силами своими къ искорененію вѣры и къ истребленію сѣменъ благонравія и добродѣтели. Народъ, сожегшій первые плоды тисненія, яко произведенія волшебства, произвелъ книги, проповѣдующія безбожіе. Таковое въ мысляхъ и дѣяніяхъ противорѣчіе показалось бы весьма страннымъ, ежели бы причины сего противорѣчія изъ исторіи не были извѣстны. Не чужеземные историки, водимые иногда ненавистью, но сами французскіе писатели свидѣтельствуютъ, что французскій народъ въ мысляхъ и дѣяніяхъ своихъ бываетъ всегда управляемъ новостію, или такъ называемою модою. Не удивительно, что ихъ же писатели, судящіе по происшествіямъ прошедшимъ о происшествіяхъ будущихъ, заключаютъ, что глубочайшее суевѣріе весьма скоро заступитъ во Франціи мѣсто невѣрія, которое, какъ кажется, достигло уже до самой вышней степени чрезъ книги, проповѣдавшія оное столь успѣшно, стихами и прозою.

Разсмотримъ теперь, какимъ образомъ распространилось не-

вѣріе отъ французскихъ писателей по прочимъ европейскимъ государствамъ. Вольтеръ, гремѣвшій славою чрезъ большую половину столѣтія, и могущій поистинѣ называться великимъ писателемъ, есть безъ сомнѣнія главною сему причиною, хотя онъ и менѣе прочихъ заслуживаетъ названіе философа. Во всѣхъ концахъ вселенныя читаются его творенія. Онъ слишкомъ полстолѣтія царствовалъ, яко восточный деспотъ, надъ мыслями и сердцами человѣческими. Тысячи народовъ покланялись ему съ рабскимъ подобострастіемъ; творческая десница его произращала повсюду цвѣты, покрывавшіе его самовластіе, коему всѣ повиновались раболѣпно. Никто не дерзалъ и мыслію противорѣчить его волѣ. Орудіе, острѣйшее меча, всегда подъято было въ десницѣ его къ низложенію противныхъ. Не глубокими знаніями пріобрѣлъ сей великій человѣкъ довѣренность и безпредѣльное уваженіе отъ своихъ современниковъ; не основательными какими-либо философическими сочиненіями ввелъ онъ новый образъ мыслей, и опровергъ во многихъ обществахъ ученіе истины: пламенное перо поэзіи и искуство употреблять всякое обстоятельство себѣ въ пользу возвели его на сію степень великости. Будучи одаренъ природою всѣми качествами великаго піиты, онъ употреблялъ оныя главнымъ къ достиженію своей цѣли орудіемъ. Онъ писалъ такъ, какъ никто изъ предшественниковъ его не писывалъ; сочиненія его читались всякаго рода читателями, и пожирали всѣ пламенемъ поэзіи. Будучи отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ въ большомъ свѣтѣ, пріобрѣлъ онъ знанія, сдѣлавшіяся ему полезнѣйшими, нежели глубокія науки. Онъ узналъ, какимъ образомъ заставить читать свои сочиненія царей и рабовъ, священниковъ и женщинъ, словомъ, онъ умѣлъ угодить людямъ всякаго состоянія и всякаго народа. Острымъ и пріятнымъ перомъ, каковое конечно сильнѣе дѣйствуетъ, нежели тяжелое перо глубокомыслящаго учителя, распространилъ онъ частію свои правила, частію же и таковыя, о коихъ онъ и не помышлялъ, но писалъ объ нихъ или для шутки, или же чтобъ сказать что̀ ни есть необыкновенное. Нерѣдко онъ себѣ и проти-

ворѣчилъ; нерѣдко, по незнанію наукъ исторіи, выдавалъ ложное за истину; но обо всемъ писалъ съ таковымъ жаромъ и съ таковою пріятностію, что ничто не могло ему противустоять. Онъ многое, къ блаженству смертныхъ служащее, разрушилъ единою шуткою; ничего не доказалъ и доказывать не старался, но тщился только утвердить свои разсужденія остротою. Имѣя во власти сердца большей части читателей, ибо пламенному перу великаго піиты ничто противустоять не можетъ, склонилъ онъ ихъ къ легкомыслію, къ сомнѣнію въ томъ, что̀ составляетъ основаніе добродѣтели, и наконецъ тысящи совратилъ съ пути, ведущаго къ истинѣ. Словомъ, Вольтеръ поколебалъ вселенную, и ничѣмъ инымъ, какъ острымъ и пламеннымъ перомъ поэзіи. Ежели бы душа его наполнена была добродѣтелію, коликую бы пользу принесли великія его дарованія человѣчеству!

Однакожъ, хотя ядъ невѣрія, проистекшій изъ пера сего славнаго писателя, и распространился между большею частію читающаго міра, но́ съ другой стороны, пріобрѣлъ родъ человѣческій и нѣкоторую пользу отъ его сочиненій. Вольтеръ озарилъ свѣтомъ многое, пребывавшее доселѣ во тьмѣ. Онъ открылъ многія заблужденія, подъ коими родъ человѣческій стоналъ въ слѣпотѣ своей. Суевѣріе, невѣжество, взаимная ненависть разновѣрцовъ, были главные предметы гоненія сего писателя, и онъ въ истребленіи сихъ, человѣчество угнетающихъ, золъ, имѣлъ нарочитые успѣхи. Перо его распространило почти во всей Европѣ терпимость иновѣрцовъ.....

О чемъ Вольтеръ говорилъ шуткою, и что̀ утверждалъ единою остротою, то̀ другіе Французскіе писатели старались приводить въ системы и доказывать логическимъ порядкомъ. Несчетное множество новыхъ софистовъ стремились пріятнымъ и острымъ слогомъ опровергнуть основаніе человѣческаго блаженства. Нѣкоторые изъ нихъ, полагая *корысть* основаніемъ дѣяній человѣческихъ и добродѣтелей, и доказывая, что преимущество человѣка предъ прочими животными состоитъ только въ пальцахъ, и что пальцы суть источники человѣческаго разума, сдѣлалися

любимыми большаго свѣта философами. Они распространяли правила свои слогомъ, наполненнымъ остроты, легкости и пріятности, и тѣмъ самымъ пріобрѣли большее уваженіе, нежели другихъ земель такого рода сочинители. Въ весьма скоромъ времени произвела сія новая философія множество поборниковъ. Корысть и въ пальцахъ обитающій разумъ плѣнили и таковыхъ читателей, которые никогда не думали сдѣлаться философами.

Современникъ Вольтера, Руссо, проникнувшій человѣка окомъ безпристрастнымъ и безпрестанно стремившимся сквозь мрачность заблужденій своихъ къ истинѣ, проповѣдывалъ добродѣтель; но плоды мудрости его заглушены были сладострастіемъ дышущими цвѣтами сочинителя Дѣвы Орлеанской, и софизмами Гельвеція, Дидерота и другихъ ласкателей страстей и слабостей человѣческихъ» [212]).

Цѣлый отдѣлъ сочиненія своего Козодавлевъ посвятилъ изложенію данныхъ, доказывающихъ, что *просвѣщеніе* и его необходимое орудіе — *языкъ* находятся въ тѣсной, неразрывной связи между собою: развитіе и усовершенствованіе отечественнаго языка служитъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ распространенія образованности въ народѣ. «Въ Европѣ — говоритъ Козодавлевъ — нѣсколько вѣковъ сряду преподавались науки языкомъ латинскимъ, и для того пребывали онѣ только между учителями и монахами, а народъ покрытъ былъ мракомъ невѣжества. Священный чинъ римскаго исповѣданія, господствовавшаго тогда почти по всей Европѣ, отправляя богослуженіе на языкѣ латинскомъ, упражнялся въ немъ по долгу званія своего, и слѣдственно имѣлъ способъ онымъ пріобрѣсти и знанія въ наукахъ,—почему монахи и священники составляли самую большую часть ученыхъ людей того времени, а міряне, даже и благородные, незнающіе языка латинскаго, слѣдственно и способовъ къ наученію лишенные, не имѣли ни самого перваго о наукахъ понятія. И такъ просвѣщеніемъ нынѣ славящіеся народы, какъ-то: нѣмцы, англичане, французы и многіе другіе, погружены были въ невѣжество, —хотя въ областяхъ ихъ было немалое число уче-

ныхъ людей, и заведены были училища,—до самыхъ тѣхъ временъ, пока науки не начали преподаваться языкомъ народнымъ. Равнымъ образомъ и древнихъ народовъ исторія служитъ немалымъ истины сея доказательствомъ. Греки были въ невѣжествѣ, пока у нихъ отправляли торговлю, и слѣдственно упражнялись въ нужныхъ къ тому знаніяхъ, финикіяне и египтяне. У римлянъ науки не процвѣтали, пока онѣ преподавались только языкомъ греческимъ. Языки суть — яко сосуды, сохраняющіе человѣческія мысли и знанія. Итакъ не страннымъ ли покажется, когда какой-либо народъ мысли и знанія свои сохранять будетъ въ сосудахъ, принадлежащихъ народу чуждому, и возможно ли ожидать, чтобъ просвѣщеніе изливалось на него изобильно? Таковой *народъ пребудетъ подъ игомъ языка чуждаго, и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно.*

Въ древнія времена греки и римляне, а въ новѣйшія — англичане и французы, со тщаніемъ обращали попеченіе свое на вычищеніе языковъ своихъ. Просвѣщеніе распространилось между ими несравненно скорѣе прочихъ народовъ, а языки ихъ содѣлались языками просвѣщеннаго міра.

Слѣпое въ Германіи знатныхъ и ученыхъ людей прилѣпленіе къ языку французскому произвело въ нихъ *презрѣніе къ языку природному*, изъ коего родилось и *презрѣніе къ отечеству.* Языкъ нѣмецкій, яко единственное орудіе, служащее къ распространенію въ Германіи наукъ, художествъ и хорошаго вкуса, оставался въ нечистотѣ и грубости. Словомъ, Германія была подъ игомъ языка чуждаго до тѣхъ поръ, пока провидѣніе не произвело великихъ людей, обратившихъ вниманіе свое на вычищеніе и обогащеніе языка нѣмецкаго. Въ Германіи были Лейбницъ, Вольфъ и множество другихъ великихъ людей; но ученіе ихъ оставалось между учеными. Отечество ихъ получало не болѣе пользы отъ нихъ, какъ и отъ писателей иностранныхъ. Германія покрыта была мрачнымъ покровомъ педанства и невѣжества, пока Геллертъ, Лессингъ, Виландъ, и множество другихъ, не возвели языка нѣмецкаго на степень совершенства. Нѣмцы узрѣли

красоту языка народнаго, низвергли съ себя иго языка чуждаго, и науки, художества и хорошій вкусъ въ короткое время распространились въ Германіи»[213]).

Статьи Козодавлева о народномъ просвѣщеніи появились въ то время, когда вопросъ о просвѣщеніи, о народномъ образованіи, сдѣлался живымъ вопросомъ для мыслящей части русскаго общества. Комиссія о народныхъ училищахъ вырабатывала учебные планы и проэкты, и открывала училища въ различныхъ краяхъ Россіи. Историческій очеркъ, составленный Козодавлевымъ, знакомилъ читателей съ сущностію дѣла, начинавшаго привлекать къ себѣ вниманіе общества. Основныя воззрѣнія автора сближаютъ его съ лучшими, просвѣщеннѣйшими русскими людьми, жившими и дѣйствовавшими въ періодъ пробужденія у насъ народнаго самосознанія. Козодавлевъ является писателемъ, родственнымъ по духу Новикову, Болтину и другимъ замѣчательнымъ представителямъ русской литературы и русскаго общества. Въ своемъ историческомъ очеркѣ Козодавлевъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы представить читателямъ доказательства, что Россія не только принимала участіе въ общемъ движеніи европейской образованности, но порою находилась въ болѣе счастливыхъ, въ этомъ отношеніи, обстоятельствахъ, нежели другія страны Европы. «Въ Россіи—говоритъ онъ — знаемы были науки и художества тогда, когда прочіе европейскіе народы погружены были въ бездну золъ, каковыя влекутъ за собою невѣжество и суевѣріе. Междоусобныя брани, насилія, грабительства, возмущенія свирѣпствовали почти во всей Европѣ. Папы, священники, вассалы возжигали всюду брани и возмущенія. Европа сдѣлалась вертепомъ разбойниковъ—плодъ невѣжества и суевѣрія» и т. д.

Большое значеніе придаетъ Козодавлевъ тому историческому событію, что христіанство принесено въ Россію изъ Греціи, а Греція была въ то время единственною въ Европѣ страною, въ которой хранились еще слѣды просвѣщенія. «*Остатки ученія* пребывали только въ имперіи восточной, въ православной греческой церкви, и у престола греческихъ императоровъ, откуда *пе-*

решли они съ грекохристіанскою вѣрою *въ Россію. Просвѣщеніе народное въ Россіи* воспріяло при Владимирѣ свое начало, и *распространялось* при нёмъ и преемникахъ его *до самаго нашествія татаръ».* При этомъ упоминается о Ярославѣ, умножившемъ на Руси училища; о дочери князя Всеволода, обучавшей дѣвушекъ чтенію и письму, и т. д.

Упомянувъ о томъ, что, благодаря Вольтеру, вѣротерпимость распространилась въ Европѣ, Козодавлевъ замѣчаетъ, что только одна страна не нуждалась въ проповѣди Вольтера, именно Россія, потому что въ Россіи, слишкомъ за сто лѣтъ до рожденія Вольтера, «всѣ исповѣданія вѣры христіанской были уже терпимы, и ни единаго за вѣру гоненія никогда не было. Всему свѣту извѣстно, что нѣтъ ни единаго царства, въ коемъ бы иновѣрцы пользовались толикою свободою, какъ въ Россіи. Истинное ученіе Христово, любовь и милосердіе къ ближнему суть главные предметы россійскія церкви. Благополучные подданные Екатерины хвалятъ разными языками единаго Бога. До такого состоянія не достигло еще ни единое европейское царство».

Говоря о вредѣ, производимомъ цензурою, втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ различныхъ странахъ Европы, Козодавлевъ указываетъ, какъ на замѣчательную противоположность, на появленіе у насъ книги, строго осужденной западно-европейскою цензурою. «Пристрастное книгъ разсмотрѣніе во Франціи и понынѣ служитъ немалымъ распространенію сочиненій препятствіемъ. Въ наши времена даже Мармонтель добродѣтельнымъ своимъ Велисаріемъ возбудилъ противу себя гоненіе нѣкоторыхъ членовъ сорбонны и парламента. Читателямъ небезъизвѣстно, какъ, *напротивъ того,* Велисарій принятъ былъ въ Россіи, какимъ обществомъ, на рѣкѣ Волгѣ, переведена сія книга на языкъ россійскій, и что переводъ сей посвященъ благочестивому и добродѣтельному архипастырю. Переводъ Велисарія останется въ россійской исторіи безсмертнымъ»....

Не вступая, подобно Болтину, въ полемику съ иностранными писателями, Козодавлевъ обращался иногда, хотя и весьма сдер-

жанію, къ обычнымъ пріемамъ Болтина—къ сопоставленію чертъ, взятыхъ изъ народныхъ нравовъ и историческихъ событій. По поводу варооломеевской ночи Козодавлевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Писатели сказываютъ, что въ ту ночь погибло слишкомъ тридцать тысячъ невинныхъ христіянъ отъ рукъ собратіи своихъ римскаго исповѣданія. Самъ король изо дворца своего стрѣлялъ по тѣмъ несчастнымъ, кои въ бѣгствѣ искали себѣ спасенія. Сіе страшное приключеніе произошло не отъ взволновавшейся черни, водимой всегда заблужденіями, и неимѣющей никакого о добрѣ и злѣ понятія; но оно было приготовлено чрезъ весьма долгое время королемъ, хитрой его матерью и знатнѣйшими ихъ двора особами. Сіе ужасное приключеніе, какого *никогда и нигдѣ не бывало*, случилось въ такомъ государствѣ, которое *другихъ народовъ исторію называетъ исторіею варварства и невѣжества*»[214]).

Въ статьяхъ своихъ Козодавлевъ пользовался различными пособіями, которыя представляла ему какъ русская литература, такъ и иностранныя: французская, нѣмецкая, англійская. Нѣкоторыми изъ этихъ пособій пользовался и Болтинъ въ своихъ возраженіяхъ Леклерку. Козодавлевъ ссылается на слѣдующія сочиненія:

Исторія россійская, Татищева.—

Исторія россійская, сочин. князя Мих. Щербатова.—

Записки касательно россійской исторіи.—

Voltaire: Essai sur l'histoire générale et sur les moeurs et l'esprit des nations.—

Histoire de l'académie française depuis son établissement jusqu'à 1652, par Pellisson.—

Histoire de la ville de Paris, composée par Felibien et mise au jour par Lobineau (*in fol.* Paris. 1725).

Fabricii: Abriss einer allgemeinen historie der gelehrsamkeit.—

Dav. Hume: the History of England.—

Robertson: the History of the reign of emperor Charles V.— и др.

Въ Растущемъ Винградѣ помѣщено также письмо Козодавлева къ автору Вильгельмины *Тюммелю*, и письмо Тюммеля къ Козодавлеву. Переписка между ними происходила по поводу одного изъ важнѣйшихъ событій нашей внутренней жизни—учрежденія и устройства училищъ на основаніи общей системы народнаго образованія. Комиссія о народныхъ училищахъ, учрежденная Екатериною, постоянно имѣла въ виду систему, принятую въ Австріи. Поэтому всѣ нападки на положеніе школьнаго дѣла въ Австріи касались, въ большей или меньшей степени, и русскихъ училищъ, заводимыхъ, какъ полагали иностранцы, совершенно на австрійской ладъ. Австрійская система подверглась рѣзкому осужденію въ нѣмецкомъ журналѣ: Allgemeine deutsche bibliothek. Авторъ статьи порицаетъ, и притомъ не косвенно, а совершенно опредѣленно и прямо, тѣ основанія, которыя приняты у насъ при устройствѣ училищъ. Защитниками нашихъ училищъ и принятой у насъ системы народнаго образованія выступили академикъ Эпинусъ и Козодавлевъ.

Въ возраженіяхъ своихъ Эпинусъ отклоняетъ упреки въ допущенныхъ въ русскія училища механическихъ пріемахъ, школьномъ деспотизмѣ и подавляющемъ однообразіи. На основаніи опыта и при помощи такихъ авторитетовъ, какъ Loккъ, Эпинусъ старается доказать, что такъ называемый механизмъ, или—что̀ то̀ же самое—*навыкъ* (ex usu), играетъ и долженъ играть весьма важную роль при обученіи дѣтей, содѣйствуя достиженію цѣли гораздо скорѣе, нежели всѣ другіе пріемы. Допуская *свободу* преподаванія въ высшихъ училищахъ, Эпинусъ полагаетъ, что указаніе для низшихъ училищъ *опредѣленнаго* круга предметовъ и *одинаковой методы* преподаванія не только не повредитъ дѣлу, а напротивъ того значительно облегчитъ его и для учащихъ и для учащихся. Что касается общаго руководства учебнымъ дѣломъ, то учрежденіе однообразнаго порядка вовсе не лишаетъ учредителей свободы и возможности измѣнять его къ лучшему. Если главнокомандующій вводитъ однообразныя воинскія упражненія въ армію, то этимъ онъ связываетъ руки только второстепен-

нымъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, но отнюдь не самому себѣ. Такъ точно и комиссія, управляющая всѣми народными училищами въ Россіи, можетъ дѣлать въ нихъ всевозможныя измѣненія, какія только окажутся дѣйствительно полезными и своевременными, и т. д. [215]).

Козодавлевъ не входитъ въ разсмотрѣніе доводовъ обличительной статьи, направленной главнымъ образомъ противъ австрійской, съ выходками также и противъ русской, училищной системы. Онъ не придаетъ особенной важности различнымъ теоретическимъ тонкостямъ, и достоинство училищъ опредѣляетъ тѣми плодами, которые они приносятъ. Въ огражденіе русской училищной комиссіи отъ несправедливыхъ упрековъ и нареканій, Козодавлевъ главнымъ образомъ указываетъ на то̀, что она вовсе не увлекается слѣпымъ подражаніемъ австрійскому образцу, и никогда не упускаетъ изъ виду условій русской жизни и ея прямыхъ потребностей.

Письмо Козодавлева къ Тюммелю отчасти вызвано извѣстіемъ, появившимся въ журналѣ Шлецера Stats-Anzeigen. Въ этомъ журналѣ помѣщались отъ времени до времени статьи о русскихъ училищахъ, принадлежащія Эпинусу, который принималъ непосредственное участіе въ дѣятельности комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ февральской книжкѣ 1785 года (Staats-Anzeigen, Heft XXV) напечатана статья Эпинуса, въ которой онъ излагаетъ основныя начала системы, принятой въ Россіи для народныхъ училищъ. Статья эта названа лебединою пѣснью Эпинуса (не въ мѣру при этомъ превознесеннаго) въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ письма, полученнаго будто бы изъ *Ревеля*. «Mit dem russischen normal-national-schulwesen ist eine klägliche revolution vorgegangen. Das schreiben des hrn. statsrat *Aepinus*, das sie in heft XXV haben abdrucken lassen, ist sein schwanen-gesang. Die ganze sache hat einen gang genommen, dass schon seit geraumer zeit, und vermutlich auch künftighin, die herrlichen ideen dieses einsichtsvollen mannes, und seine art dieses geschäfte anzusehen, darauf keinen einfluss mehr haben

werden. Er sieht selbst sie schon wie eine sache an, die ihn weiterhin gar nichts angeht. Also wiederum ein *zerronnenes project*» [216]).

Въ письмѣ къ Тюммелю Козодавлевъ говоритъ:

«Ложное изъ Ревеля написанное извѣстіе о заводимыхъ въ Россіи народныхъ училищахъ, напечатанное въ журналѣ господина Шлецера, меня такъ же поразило, какъ и васъ. Сочинитель сего извѣстія говоритъ, что здѣшнія новыя школы постигла жалостная перемѣна, жалостная потому, что одинъ изъ господъ членовъ коммиссіи объ учрежденіи училищъ пекущейся, взираетъ нынѣ на заведеніе школъ, какъ на дѣло, до него болѣе не касающееся, и что будто отъ равнодушныхъ его на училища взоровъ, школьное заведеніе въ Россіи нынѣ ничто иное есть, какъ безплодное предпріятіе, или, по точнымъ словамъ помянутаго сочинителя, *сгьвшійся проектъ*. Вы, любезный другъ, удивляетесь, какъ могъ найдтиться человѣкъ, осмѣлившійся произнести клеветы свои противу заведенія, толикую уже пользу принесшаго и непрестанно оную распространяющаго. Когда вы, не будучи очевидцемъ успѣховъ здѣшнихъ училищъ, сему столько удивляетесь, то кольми паче ложь сего, какъ вы говорите, неудачнымъ конечно успѣхомъ происковъ своихъ недовольнаго человѣка, поразила меня—меня, яко очевиднаго свидѣтеля пользы, отъ здѣшнихъ школъ ежедневно распространяющейся! Сія клевета, безъ всякаго сомнѣнія, есть плодъ неуспѣвшаго въ проектахъ своихъ школьнаго учителя, предпочитающаго самую малѣйшую частную пользу пользѣ общественной. Лишнее было бы подробно отвѣтствовать ему на его порицанія; лучшимъ опроверженіемъ клеветѣ его и нелѣпымъ заключеніямъ служить будетъ самое дѣло. Заведенныя въ санктпетербургской губерніи народныя училища не только утверждены на незыблемомъ основаніи, но и распространяютъ уже пользу, каковой въ толь краткое время и ожидать почти было невозможно, ежели бы великая монархиня моя дѣятельною своею премудростію симъ заведеніямъ не споспѣшествовала. Въ сей столицѣ находящееся главное народное училище

произвело уже многихъ учителей для вышнихъ классовъ, которые въ исходѣ сего года посланы будутъ по губерніямъ сея пространныя имперіи, для заведенія въ нихъ главныхъ и малыхъ училищъ. Сіе уже исполнилось, и въ двадцати пяти губерніяхъ открыты училища 22 сентября сего года. Сіи учители взяты, не съ большимъ три года тому назадъ, изъ учениковъ духовныхъ семинарій, и хотя они имѣли уже нѣкоторое ученіе, однакожъ большая часть наукъ, нужныхъ для главныхъ училищъ, какъ-то: математика, физика, естественная исторія и многія другія, имъ были неизвѣстны. Нынѣ пріобрѣли они превеликія въ сихъ наукахъ свѣдѣнія, и доказали оныя чрезъ многократныя, самыя строжайшія испытанія, при которыхъ присутствовали многіе ученые люди и знатныя особы.

Господинъ Николаи, коего я впрочемъ отъ всего сердца моего почитаю, разсуждая, въ своей *Всеобщей нѣмецкой библіотекѣ*, объ австрійскихъ училищахъ весьма неблагосклонно, говоритъ почти такимъ же образомъ и о порядкѣ ученія, принятомъ въ училищахъ россійскихъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе разнообразныхъ способовъ преподавать ученіе, «о коихъ написано, а наче въ Германіи, столько, что изъ однихъ таковыхъ книгъ, диссертацій и романовъ можно составить нарочитую библіотеку, скажу только, что не образъ ученія единственно составляетъ достоинство училища; я думаю напротивъ, что каждая степень школы, каждая наука требуетъ особаго распорядка въ ученіи. Мнѣ кажется, полезнѣе выбирать лучшее и обстоятельствамъ приличнѣйшее изъ каждаго школьнаго начертанія, нежели къ которому-либо изъ оныхъ прилѣпляться пристрастно, а другія всѣ почитать негодными. Вотъ правило, которому слѣдуетъ учрежденная монархинею моею коммиссія объ установленіи училищъ. Она не держится пристрастно и слѣпо начертанія австрійскаго, а *выбираетъ* изъ онаго *лучшее, Россіи приличнѣйшее и полезнѣйшее*. Каждая школьная книга сочиняется подъ руководствомъ комиссіи, потомъ ею разсматривается, и не печатается безъ одобренія самой моей императрицы. Вотъ какимъ

образомъ поступается въ Россіи при заведеніи и распространеніи училищъ. Хотя издатель нѣмецкой библіотеки и имѣетъ какія-нибудь, мнѣ неизвѣстныя, причины быть австрійскимъ образомъ ученія несовсѣмъ довольнымъ въ разсужденіи Германіи; однакожъ, что касается до порядка, принятаго въ училищахъ россійскихъ, то я осмѣлюсь сказать, что успѣхъ, отъ онаго происходящій, совсѣмъ противорѣчитъ мнѣнію о томъ сего славнаго сочинителя.

Въ прочемъ я не думаю, чтобъ можно было опредѣлить цѣну училища и пользу, отъ онаго произойдти могущую, по однимъ умствованіямъ и разсужденіямъ о томъ, какимъ образомъ преподавать ученикамъ азбуку. Я думаю, что судить о школахъ должно по успѣхамъ учащихся; въ противномъ случаѣ сужденіе будетъ невѣрно.

Не всякое начертаніе, показавшееся на бумагѣ полезнымъ, было таковымъ же и на самомъ дѣлѣ; опыты достаточно сіе доказали, а паче въ Германіи» [217]).

Тюммель выражаетъ полнѣйшее сочувствіе мысли объ учрежденіи въ Россіи университетовъ. Изъ переписки съ Козодавлевымъ онъ узналъ о намѣреніи русскаго правительства учредить университеты въ трехъ городахъ: въ Пензѣ, въ Черниговѣ и въ Кіевѣ. Когда представишь себѣ — говоритъ Тюммель — какого-нибудь самоѣда студентомъ пензенскаго университета, то кажется, что видишь не болѣе, какъ пріятный сонъ; но вѣдь и всѣ великія событія новаго времени были въ сущности также исполненіемъ сновидѣній вѣковъ предшествовавшихъ. Тюммель считаетъ университеты благородною роскошью народа, обладающаго уже всѣмъ существенно-необходимымъ, а *пока нѣтъ пахатника, до тѣхъ поръ не будетъ и бархатника.* По убѣжденію Тюммеля, для Россіи наступило время открывать университеты. Въ письмѣ къ Козодавлеву онъ высказываетъ такую мысль: Нынѣ, — когда любовь къ наукѣ и литературѣ сдѣлалась, такъ сказать, естественнымъ климатомъ русскаго престола и его окружающихъ; когда всякое дарованіе можетъ быть увѣрено, что его замѣтятъ

и оцѣнятъ; когда земледѣліе, ремесла, торговля и промышленность распространяются и совершенствуются, — нынѣ завелись *пахатники*, будутъ и *бархатники*: откроются университеты, и изъ нихъ, какъ изъ большихъ водоемовъ, разольются ручьи просвѣщенія по всей русской землѣ.... [218]).

Въ исторіи нашей журналистики, какъ и вообще въ литературѣ нашей прошлаго столѣтія, видное и почетное мѣсто принадлежитъ *Собесѣднику любителей россійскаго слова*—журналу, предпринятому по мысли княгини Дашковой, и выходившему, при ея непосредственномъ участіи, подъ редакціею О. П. Козодавлева. Самъ Козодавлевъ говоритъ, что ему ввѣрено было «попеченіе объ изданіи Собесѣдника», т. е. онъ принялъ на себя всѣ обязанности редактора. Многое въ этомъ замѣчательномъ изданіи принадлежитъ перу Козодавлева. По обычаю того времени, онъ писалъ и прозою и стихами. Произведенія его были весьма цѣннымъ вкладомъ въ тогдашнюю періодическую литературу. Одни изъ нихъ напечатаны съ его подписью, полною или сокращенною: *Осипъ Козодавлевъ*; О. К.; К........въ. Другія приписываются ему по различнымъ соображеніямъ, какъ-то: по указаніямъ и намекамъ въ произведеніяхъ, обозначенныхъ его именемъ; по содержанію — по тѣмъ чертамъ, которыя относятся къ автору, къ различнымъ обстоятельствамъ его жизни; по изложенію—по особенностямъ слога и по легкости и плавности стиха; и наконецъ,— по связи тѣхъ или другихъ статей и замѣтокъ съ *редакторскою* дѣятельностію автора.

Общій характеръ произведеній Козодавлева заключается въ изображеніи темныхъ сторонъ нашего общества, съ неизбѣжнымъ указаніемъ и свѣтлыхъ—какъ бы съ тою цѣлью, чтобы посредствомъ такой противоположности подѣйствовать на нравственное чувство, и осмыслить впечатлѣніе, производимое описаніемъ человѣческихъ неправдъ и заблужденій. Само собою разумѣется,

что цѣль эта не есть что-либо предвзятое, а является какъ необходимое и невольное выраженіе господствовавшаго тогда склада литературныхъ понятій. Въ одномъ изъ писемъ иногороднаго корреспондента къ издателямъ Собесѣдника сказано между прочимъ: «Если не писать о слабостяхъ, человѣку сродныхъ, то другихъ и описывать нечего. Когда слабости и пороки не будутъ порицаемы, тогда и добродѣтель похвалена быть не можетъ: чрезъ познаніе первыхъ, послѣдняя познается. Если кто себя узнаетъ въ порочномъ изображеніи, онъ самъ подвергнулъ себя или подобрелъ подъ оное. Здравый разсудокъ повелѣваетъ ему исправиться, а не сердиться. Требуется ли отъ кого, чтобы въ украшенныхъ убранствомъ комнатахъ зеркала были разбиты для того, чтобъ дурные лицемъ себя въ нихъ не узрѣли?» [219]). Въ этихъ словахъ заключается какъ бы суть общаго направленія повѣстей, которыя появились и будутъ появляться въ Собесѣдникѣ. Въ такомъ же духѣ и разсказъ Козодавлева подъ названіемъ *Пріятное путешествіе.*

«Живучи въ большомъ свѣтѣ,—говоритъ авторъ—имѣлъ я знакомство съ однимъ весьма богатымъ человѣкомъ; онъ называлъ меня своимъ другомъ, а себя почиталъ моимъ благодѣтелемъ. Благодѣянія же его состояли только въ томъ, что онъ всегда раздѣлялъ со мною свои веселія: напримѣръ, когда онъ ѣзжалъ по деревнямъ своимъ или на охоту, то всегда бралъ меня съ собою. Я, видя въ немъ желаніе быть со мною вмѣстѣ, также и отмѣнныя его ко мнѣ ласки во всѣхъ случаяхъ, принужденъ былъ дѣлать ему съ моей стороны всевозможныя услуги, и наконецъ радовался, что нашелъ въ немъ человѣка, который со временемъ можетъ сдѣлать благополучіе дѣтей моихъ, тѣмъ паче, что онъ въ свѣтѣ носилъ имя отмѣнно честнаго человѣка. Но вотъ какое обстоятельство уничтожило мою надежду, и меня съ симъ весьма обыкновеннымъ человѣкомъ разлучило, наполнивъ сердце мое къ нему презрѣніемъ. Онъ имѣлъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города великолѣпный домъ, въ который, какъ онъ говаривалъ, уѣзжалъ онъ отдохнуть отъ городскихъ суетъ. Въ немъ забавлялся онъ не инымъ чѣмъ, какъ городскими же уве-

селеніями, то есть сзывалъ туда великое множество гостей, давалъ великолѣпные обѣды, игралъ въ карты, и тѣмъ доказывалъ ложное свое понятіе о деревенскихъ увеселеніяхъ. Сіе иначе и быть не можетъ; подобные ему люди другими удовольствіями наслаждаться не могутъ, и никакихъ прелестей въ простой природѣ не обрѣтаютъ, которая увеселяетъ только души добродѣтельныя».

«Однажды случилось мнѣ быть съ нимъ въ томъ загородномъ домѣ, куда онъ привезъ съ собою до тридцати человѣкъ гостей. Домъ сей построенъ въ наилучшемъ вкусѣ, и положеніе его могло бы сдѣлать великое удовольствіе душѣ чувствительной; но мой мнимый благодѣтель, пребывая почти непрерывно въ комнатахъ, онымъ не пользовался. Внутреннее украшеніе сего дома дѣлаетъ честь вкусу хозяина, а великолѣпіе соотвѣтствуетъ его богатству. Единый сосудъ, украшающій каминъ его, достаточенъ бы былъ къ составленію благополучія цѣлой семьи, угнетенной бѣдностію».

«Во время обѣда, когда уже драгоцѣнныя вина оживотворять начинали роскошью разслабленныя мысли бесѣдующихъ, увидѣлъ великолѣпіемъ дышущій мой хозяинъ изъ окошка идущую въ домъ его женщину, бѣдно въ печальное платье одѣтую. Сіе зрѣлище бѣдности и прискорбія произвело въ немъ неудовольствіе; онъ началъ роптать на безпокойствіе, каковое ему дѣлаютъ бѣдные люди просьбами своими, даже и въ его загородномъ домѣ—въ семъ его отъ наглости ихъ убѣжищѣ. Сіе безчеловѣчное роптаніе меня раздражило; однакожъ я ему ничего не отвѣчалъ. Скоро потомъ вошла къ намъ сія бѣдная женщина; наружный ея видъ совершенно изъявлялъ страданіе ея души. Она, обливаяся слезами, подошла къ мнимому моему благодѣтелю; но онъ не только что не былъ тронутъ ея состояніемъ, но еще и показывая свое неудовольствіе, проворчалъ нѣсколько словъ, изъявляющихъ чорствую его душу. Я лишилась мужа, говорила она ему, который вамъ... Тутъ рыданіе прервало рѣчь ея. Мужъ ея не только былъ ему знакомъ, но и дѣлалъ ему еще и разныя

благодѣянія. Наконецъ, сія женщина разсказала причину своего несчастія и своего къ нему приходу. У нея было пятеро малолѣтныхъ дѣтей; послѣ мужа остался долгъ, а имѣніе весьма малое. Мужъ ея былъ человѣкъ весьма честный, и въ нѣкоторое время удалось ему избавить отъ бѣды сего богача, бывшаго тогда еще въ скудости. Богачъ сей, носившій въ свѣтѣ имя отмѣнно честнаго человѣка, самъ очень часто разсказывалъ о полученномъ благодѣяніи отъ мужа сей несчастной женщины; но онъ изъявлялъ свою благодарность благодѣтелю своему только словами. Едва выслушавъ просьбу жены его, сказалъ ей сухо: «я сожалѣю, сударыня, что я вамъ никакой помощи подать не могу; я самъ имѣю нужду въ деньгахъ: издержки мои и безъ подаянія велики». Хотя сія несчастная вдова и просила его только о покровительствѣ ея дѣтямъ и о вспоможеніи по долгамъ ея, обѣщая ему со временемъ все то̀, что̀ онъ ей дастъ, возвратить; но онъ, отказавъ ей, не хотѣлъ даже и отпустить ее безъ огорченія: требуемую ею помощь называлъ онъ уничижительнымъ словомъ *подаянія*. Сія несчастная женщина едва чувствъ своихъ не лишилась, услышавъ такой отвѣтъ отъ человѣка, отъ котораго она имѣла право ожидать дружескаго вспоможенія. Она, взглянувъ на него глазами, изъявляющими благородное чувствованіе и презрѣніе къ низкой его душѣ, вышла вонъ, не сказавъ ему ни слова. Я, преисполненный омерзеніемъ противу сего недостойнаго человѣка, едва не выговорилъ ему всего, что̀ я противу него ощущалъ; но будучи слишкомъ разгоряченъ, отъ онаго воздержался, дабы рѣчи мои не сочтены были дѣйствіемъ вспыльчивости, а притомъ, желая скорѣй подать руку помощи, по возможности своей, страждущему человѣчеству, всталъ я изъ за стола, сказавъ что я занемогъ. Я ту женщину, несчастіемъ и стыдомъ отягченную, достигъ, и вручилъ ей всѣ деньги, которыя у меня тогда въ карманѣ случились (мнѣ помнится три ста рублей), сказавъ ей, что я такою суммою долженъ былъ покойному ея мужу. Она отъ сего отрицалась, говоря, что въ его бумагахъ она никакихъ доказательствъ тому не видала. Мнѣ

много труда стоило убѣдить ее къ принятію сихъ денегъ; потомъ спѣшилъ я отъ нея сокрыться. Удалившись отъ нея, благодарилъ я провидѣніе, что оно подало мнѣ случай сдѣлать доброе дѣло. Я былъ совершенно доволенъ самимъ собою, осушивъ слезы матери страждущей, и удовлетворивъ желанію сердца моего. Воображая радость, которую она ощущать будетъ, увидѣвши дѣтей своихъ, я восхищался проливая слезы, извлекаемыя симъ пріятнымъ воображеніемъ изъ глазъ моихъ. Къ недостойному тому богачу, къ коему я преисполненъ сдѣлался презрѣніемъ, я уже не возвратился; взялъ лошадей, и уѣхалъ въ городъ. Потомъ, успокоившись отъ досады на сего нечувствительнаго человѣка, ощущалъ я подобно Виландову Діогену, состраданіе къ богатымъ людямъ. Я сожалѣлъ объ нихъ, что самое тò, чтò бы долженствовало ихъ творить благополучными, лишаетъ ихъ наисладчайшаго того удовольствія, которое проистекаетъ отъ благотворенія. Несчастные люди, богатствомъ отягченные! вы, которые имѣете столько надобностей для удовлетворенія вашихъ чувствъ, вашихъ желаній, вашихъ пышностей, вашихъ прихотей, вамъ уже къ исполненію должностей человѣчества ничего не остается. Сколь вы, въ глазахъ моихъ, лишеніемъ сего божественнаго удовольствія несчастны!» [220]).

Въ посланіи къ *Державину*, или въ письмѣ къ мурзѣ, сочинившему оду къ премудрой Фелицѣ, Козодавлевъ изображаетъ мрачными красками то общество, въ которомъ господствуетъ *невѣжество* и его приспѣшники—*суевѣріе* и *рабство* [221]):

Есть островъ на морѣ, проклятый небесами,
Заросшій весь кругомъ дремучими лѣсами,
Покрытый искони густѣйшимъ мракомъ тучъ,
Куда не проницалъ ни разу солнца лучъ.
Исчадье мерзкое подземна бога тамъ
Построило себѣ желѣзный мрачный храмъ:
Невѣжествомъ оно издревле нареченно...
При входѣ въ сей чертогъ, два стража вѣчно бдятъ,

И глупость на челѣ, и подлость показуютъ:
Ихъ *суевѣріемъ* и *рабствомъ* именуютъ.
На тронѣ изъ свинца *невѣжество* сидитъ,
И взоромъ внизъ тупымъ недвижимо глядитъ.
Оттуда *гадовъ тьма* всечасно выползаетъ,
Которая *ту мысль повсюду разсѣваетъ,*
Что будто смертному считаются стихи
Самой Минервою за тяжкіе грѣхи,
И *что съ владычествомъ земныхъ владыкъ несходно,*
Чтобъ мыслилъ и писалъ ихъ подданный свободно...

Какъ яркую противоположность, выставляетъ Козодавлевъ образъ дѣйствій воспѣтой Державинымъ Фелицы:

Фелица мудрая народъ свой просвѣщаетъ—
Училища въ градахъ и селахъ учреждаетъ...
Исторію сама сего народа пишетъ,
И хочетъ доказать намъ истины перомъ,
Что славенъ сей великими дѣлами,
Правленья мудростью и храбрости вѣнцами...
Фелица милуетъ грядущи къ ней народы;
Даетъ имъ чувствовать пріятности свободы...

Авторъ дружески укоряетъ Державина, что онъ давно уже ничего не пишетъ, и совѣтуетъ ему не внимать голосу невѣждъ, и снова приняться за перо, дорожа приговоромъ только людей просвѣщенныхъ:

Не слушай ты невѣждъ,—возьмись опять за лиру,
Старайся угождать лишь просвѣщенну міру...

Въ связи съ посланіемъ къ Державину находится посланіе къ *Ломоносову*, заключающее въ себѣ ясные признаки того, что оно принадлежитъ одному и тому же автору [222]):

Изъ новыхъ здѣсь творцовъ послѣдователь твой,
Любимецъ музъ и *другъ нелицемѣрный мой,*

Россійской восхитясь премудрою царицей,
Назвавъ себя мурзой, ее назвавъ Фелицей,
На верхъ Парнаса намъ путь новый проложилъ,
Великія дѣла достойно восхвалилъ.
Но онъ къ несчастію работаетъ лѣниво.
Я самъ къ нему писалъ стихами такъ учтиво,
Что, кажется, нельзя на тò не отвѣчать,
Но и теперь еще изволитъ онъ молчать...

Ломоносову пришлось жить въ общественной средѣ, неспособной оцѣнить его великаго таланта, и раболѣпно склонявшейся передъ сильными міра. Обращаясь къ Ломоносову, авторъ говоритъ:

Божественнымъ лучемъ ты свыше озаренъ,
Къ Парнасу путь открылъ намъ творческой рукою...
Елисавета лишь стихи твои прочла,
То слава всюду ихъ съ восторгомъ разнесла.
Придворные узнать лишь только тò успѣли,
Читать стихи твои ужъ наизусть умѣли,
И всякій ихъ таскалъ съ собою во дворецъ.
Кто лишь писать умѣлъ, тотъ сдѣлался творецъ
Иль пѣсень, или одъ; и всѣ къ тому стремились,
Чѣмъ, изумясь, тогда вельможи веселились.
Но цѣну вѣдалъ ты придворныхъ знатоковъ:
Обычай при дворѣ всегда бывалъ таковъ,
Чтобъ подражать тому, превознося хвалами,
Чтò въ моду введено большими господами.
По дудочкѣ чужой привыкшіе плясать,
И собственнымъ умомъ отнюдь не разсуждать,
Не дѣлали тебѣ хвалой своею чести:
Честь дѣлаетъ хвала, которая безъ лести...

Сѣтуя о томъ, что Ломоносовъ не дожилъ до нашихъ дней, Козодавлевъ противополагаетъ царедворцамъ былаго времени

тотъ избранный кругъ мыслящихъ людей, во главѣ котораго стоитъ Екатерина II, проникнутая сочувствіемъ къ *просвѣщенію* и *свободѣ:*

Теперь-то бы тебѣ межъ нами и пожить:
Ты восхищался бы великою душою,
Которая творитъ намъ счастіе собою.
Драгихъ ей подданныхъ желая *просвѣтить*,
Въ иноплеменниковъ не тщится превратить.
Къ отечеству любовь въ ихъ души вкореняя,
И мракъ невѣжества наукой истребляя,
Старается изъ нихъ содѣлати *гражданъ*,
Дѣтей *отечества*, счастливыхъ россіянъ.
Чтобъ истину открыть любимому народу,
И мыслить, и писать даетъ она свободу.
И словомъ, здѣсь *уму препонъ постыдныхъ нѣтъ.*
Она *училища народу учреждаетъ*,
И *мыслящихъ людей* изъ россовъ сотворяетъ...

Въ одѣ на смерть фельдмаршала князя Голицына, уснащенной обычными старинной лирикѣ метафорами и другими фигурами, есть и такія строфы [223]):

Коварства онъ терпѣть не могъ,
И въ вѣкъ *не осквернялся лестью*;
Къ себѣ во всѣхъ дѣлахъ былъ строгъ,
Наполненъ былъ единой честью.
Несчастныхъ жребій облегчалъ,
И никогда не могъ обидѣть;
Желалъ людей въ блаженствѣ видѣть,
И милосердіемъ дышалъ...
 О Боже мой! Царю царей!
Подаждь отечеству имъ равныхъ
Во добродѣтеляхъ людей.
Да въ подвигахъ Россія славныхъ

Увидитъ сихъ сыновъ своихъ
Въ младыхъ вельможахъ и герояхъ.
Да узримъ мы въ совѣтахъ, въ бояхъ,
Сей знакъ къ намъ милости твоей!

Если Козодавлевъ авторъ Пріятнаго путешествія и стиховъ Клеліи, то ему несомнѣнно принадлежитъ и стихотвореніе: *Къ другу моему*, въ которомъ онъ совѣтуетъ другу затушить въ себѣ любовную страсть [224]):

Я въ пѣсняхъ не люблю хвалами
Вельможей пышныхъ забавлять...
Мурза, въ стихахъ своихъ къ Фелицѣ,
Одну лишь истину писалъ;
Не льстя премудрой сей царицѣ,
Что̀ сдѣлала она, сказалъ...
Стихи лишь истиной плѣняютъ,
И наши души восхищаютъ
Неложной повѣстью своей...
Итакъ, простыми я стихами
Тебя намѣренъ забавлять;
Не льстя тебѣ, мой другъ, хвалами,
Хочу къ тебѣ о томъ писать,
Къ чему ты склонность ощущая,
И часто отъ чего страдая,
Себя ввергаешь въ горьку часть.
Твоей душою обладаетъ,
И сердце нѣжное терзаетъ
Лютѣйшая любовна страсть...

Стихи *Клеліи* замѣчательны по своей легкости и плавности [225]):

Опредѣленъ судьбой къ мученью,
Покоя тщетно я ищу;
Любви предавшися волненью,
Безъ утѣшенія грущу...

Твой взоръ, которымъ мнѣ открылся
Источникъ счастья моего,
Которымъ духъ мой восхитился,
Лишась покоя своего, —
Твой взоръ надеждою пустою
Меня, несчастнаго, прельщалъ;
Я видѣлъ послѣ, что мечтою
Мое я сердце обольщалъ...
И ночь, блестящая звѣздами,
Душѣ покоя не даетъ...
Луна, скорбящихъ услажденье,
Печально на меня глядитъ,
И зря жестокое мученье,
За облака уйдти спѣшитъ...
Ничто уже не утѣшаетъ
Меня въ несчастной жизни сей;
Меня одна лишь смерть прельщаетъ,
Мое блаженство чту я въ ней.
Благотворящею рукою
Меня она туда ведетъ,
Гдѣ страсти душу не терзаютъ,
Гдѣ всѣ земныя суеты
На вѣкъ изъ мыслей исчезаютъ,
Какъ сна пріятныя мечты.

По замѣчанію Добролюбова, изъ произведеній писателей, участвовавшихъ въ Собесѣдникѣ, особеннаго вниманія заслуживаютъ стихи *Козодавлева*, какъ по своей легкости, такъ и по мастерскому, поэтическому изображенію предмета [226]). Добролюбовъ полагаетъ, что Козодавлеву принадлежитъ и шуточная пьеса *Сновидѣніе*, которая напоминаетъ его и по стиху, и въ которой тоже говорится о *Клеліи* [227]):

Однажды лѣтнею порой,
Клитонъ влюбленный и несчастный

Повсюду *Клелію* искалъ.
Сей трудъ былъ трудъ ему напрасный:
Въ тотъ день ея онъ не видалъ.
Онъ бросился въ театръ, но тщетно:
Ее тамъ нѣтъ. Потомъ онъ — въ садъ;
Въ саду всѣмъ сдѣлалось примѣтно,
Что жизни былъ Клитонъ не радъ.
Онъ тамъ слезящими глазами
Жестокую искалъ вездѣ,
Между алеями, кустами;
Но не видалъ ея нигдѣ.
И наконецъ, обремененный
Клитонъ несносною тоской,
Надежды зрѣть ее лишенный,
Въ уныніи пошелъ домой.
Такой жестокою напастью
Онъ не былъ мучимъ никогда.
Пришедъ домой, горящій страстью,
Въ постелю легъ страдать. Тогда
На облакѣ вечернемъ аломъ
Заря спустилась въ бездну водъ,
И лѣтней ночи покрываломъ
Одѣлся чистый неба сводъ...

Козодавлеву безпорно принадлежитъ статья о появленіи и дальнѣйшей судьбѣ Собесѣдника, помѣщенная въ послѣдней книжкѣ этого журнала. Въ статьѣ говорится, что Собесѣдникъ основанъ начальницею русскаго Парнасса, которая пригласила къ участію въ журналѣ мурзу и *молодаго россіянина*, который съ восьми лѣтъ служилъ при дворѣ, и отправленъ Фелицею учиться за тридевять земель, а потомъ опредѣленъ на службу при русскомъ Парнассѣ. Русскій Парнассъ—академія наукъ; начальница его — княгиня Дашкова, директоръ академіи наукъ; мурза— Державинъ; молодой россіянинъ — Козодавлевъ, поступившій

въ пажи восьми лѣтъ отъ роду, отправленный Екатериною въ лейпцигскій университетъ, и, по возвращеніи изъ-заграницы, прослужа нѣсколько времени въ сенатѣ, получившій мѣсто совѣтника при академіи наукъ. Приводимъ статью Козодавлева, заключающую въ себѣ весьма любопытныя данныя для исторіи нашей литературы прошлаго столѣтія.

«Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги, во всѣхъ концахъ россійскія имперіи въ 1783 году славившейся, и по столичнымъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ городамъ той имперіи до сего дня читаемой, но не столько, какъ прежде, покупаемой, а именно: *Собесѣдника любителей россійскаго слова.*

Глава I.

Сочинитель сихъ разсужденій кидаетъ на нѣсколько минутъ взоръ свой на исторію россійскаго Парнасса.

Лѣтъ съ тридцать тому назадъ россійскій Парнассъ былъ во владѣніи двухъ славившихся тогда стихотворцовъ. Одинъ изъ нихъ, одаренъ будучи обширнымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ, и глубокими знаніями въ наукахъ, получилъ, при размежеваніи россійскаго Парнасса, самую большую часть онаго въ вѣчное себѣ владѣніе. Другой, не имѣя совсѣмъ послѣдняго качества, а первыми двумя хотя и былъ снабденъ довольно, но съ товарищемъ своимъ не могъ въ оныхъ равняться, почему и владѣнія его были не столько обширны, какъ перваго. Они оба старались угостить у себя, какъ возможно лучше, жителей Олимпа, и для того почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ просили баснословныхъ боговъ къ себѣ въ гости, и часто были ими посѣщаемы. У читателей были сіи сочинители въ великой чести, и слава ихъ распространилась повсюду. Наконецъ, общимъ опредѣленіемъ судебъ, преселились они въ вѣчное жилище, не оставивъ здѣсь законныхъ по себѣ наслѣдниковъ. Недвижимое ихъ имѣніе раздвинулось, и раздѣлилось на разныя мелкія части. Вступившіе во владѣніе

россійскаго Парнасса стихотворцы, подражая имъ, прибѣгнули также къ богамъ; но частыми, къ статѣ и не къ статѣ приносимыми просьбами такъ имъ наскучили, что въ общемъ Олимпа собраніи состоялось опредѣленіе, по которому скука долженствовала быть дѣйствіемъ каждаго сочиненія незаконныхъ сихъ двухъ сочинителей наслѣдниковъ. Буде-же кто на россійскомъ Парнассѣ поселиться захочетъ и завести новый промыселъ, то таковымъ не только не чинить въ томъ препятствія, но и стараться ободрять ихъ награжденіями. Сіе опредѣленіе прочтено было въ Олимпѣ, и нѣкоторое время спустя, учинилось по оному исполненіе. Оды, наполненныя именами баснословныхъ боговъ, начали на читателей наводить скуку, и наконецъ служили онѣ и нынѣ служатъ пищею мышамъ и крысамъ. На Парнассѣ россійскомъ поселились потомъ другіе сочинители, и издавать начали, хотя и понемногу, другаго рода сочиненія; но читатели, отвращенные отъ россійской литературы скучными одами, мало ихъ читали.

Глава II.

Рожденіе Собесѣдника любителей россійскаго слова.

Жившій въ Петербургѣ по дѣламъ своимъ нѣкоторый татарскій мурза, знающій весьма хорошо россійскій языкъ, сочинилъ въ исходѣ 1782 года оду къ премудрой киргискайсацкой царевнѣ Фелицѣ. Сіе сочиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, писано совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писывались. Мурза прочелъ сію оду другу своему, нѣкоторому молодому россіянину, который также, какъ и онъ, наполненъ благоговѣніемъ къ сему примѣру земныхъ царей, а сверхъ того и благодарностію за изліянныя Фелицею на воспитаніе его щедроты, которыми онъ, будучи хотя россіяниномъ, но служа при ея дворѣ съ осьми лѣтъ своего возраста, пріобрѣлъ нѣкоторыя человѣку нужныя знанія, ибо Фелица посылала его учиться за тридевять земель въ десятое царство. Истина, изображенная въ семъ прекрасномъ произведеніи татарскаго пера, восхитила его до

слезъ, и онъ, будучи знакомъ со многими покровителями и любителями наукъ, взялъ сію оду къ себѣ, и нѣкоторымъ изъ оныхъ далъ съ нея копіи; но она довольно долгое время пребывала въ карманахъ тѣхъ господъ, и не доходила до ушей Фелицы за неимѣніемъ—можетъ быть—курьера, который бы могъ ее доставить въ назначенное мѣсто.

Въ началѣ 1783 года помянутый россіянинъ опредѣлился въ какую-то должность при россійскомъ Парнассѣ. Сіе подало ему случай показать сіе сочиненіе начальницѣ Парнасса, которая, красоты и истины, находящіяся въ сей одѣ, почувствовавъ, рѣшилася приказать ее напечатать; а дабы чрезъ то подать случай и другимъ сочинителямъ изощрять свои дарованія, вздумала она издавать книгу, подъ заглавіемъ: *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова.* Для исполненія предпріятія своего пригласила она мурзу, помянутаго россіянина, и нѣкоторыхъ другихъ сочинителей. Вотъ рожденіе Собесѣдника, а возвышеніе его на высочайшую степень знатности слѣдуетъ за симъ.

Глава III.

Историческое показаніе о возвышеніи Собесѣдника любителей россійскаго слова.

Лишь первый листъ сей книги, содержащій оду къ премудрой Фелицѣ, напечатался, то издатели читали оный каждому, желавшему слушать сіе татарскаго мурзы стихотвореніе, и говорили встрѣшнему и поперешнему о красотахъ, находящихся почти въ каждомъ отдѣленіи сей оды. Болтливая богиня Слава вытвердила ее наизусть, и распространила по всему городу. Къ премудрой Фелицѣ полетѣлъ листокъ по почтѣ, и лишь первая часть Собесѣдника печатаніемъ окончилась, то мурза получилъ изъ Оренбурга пакетъ, заключающій въ себѣ золотую, бриліантами осыпанную табакерку, наполненную червонцами. Первая часть Собесѣдника вышла, и лишь о рожденіи сего изданія публика извѣстилась, то у каждаго, порусски читать умѣющаго, очутилась она въ рукахъ. Каждый восхищался сею новорожденною

книжкою, и хотя нѣкоторыя сочиненія и показались многимъ слишкомъ солоны, однако же читались какъ грамотными, такъ и безграмотными читателями. Слухъ о щедромъ награжденіи, полученномъ мурзою отъ руки, награждать и ободрять дарованія умѣющія, поощрилъ хорошихъ сочинителей къ дальнѣйшимъ трудамъ, а въ дурныхъ возбудилъ зависть. Начали браниться. Дурные стихотворцы и ихъ пріятели ополчились на издателей. Пустословы или любословы начали писать критики—загорѣлась война; но война сія болѣе еще возвысила Собесѣдника. Онъ явился въ Москву и въ многіе другіе города россійской имперіи, гдѣ уже слухъ о немъ давно распространился, и повсюду увеличивалъ свою славу.

Собесѣдникъ не только таковымъ читателямъ былъ пріятенъ, которые читаютъ книги только увеселительныя, но и таковымъ, которые хотятъ пріобрѣсти знанія. Первая онаго часть обѣщала любителямъ Россіи *Записки касательно россійской исторіи*, а вторая часть сіе обѣщаніе исполнила. Сіи записки, собранныя рукою истиннаго и нелицемѣрнаго любителя россійскаго народа, дали сему изданію нѣкоторую степень важности, и сотворили оное книгою, полезною каждому россіянину. Всякій, умѣющій писать, старался помѣщать въ Собесѣдника свои сочиненія, и разнообразныя творенія увеселяли читателей.

Появились *Были и Небылицы*. Дѣдушка—острыми и краткими изреченіями; друзья его, одинъ, который болѣе плачетъ, нежели смѣется,—горчайшими слезами, а другой, который болѣе смѣется, нежели плачетъ, — громогласнымъ смѣхомъ, сдѣлали Собесѣдника знакомымъ съ знатными и модными дамами, и каждая изъ нихъ читала его съ удовольствіемъ. Архангелогородская кума послала нѣсколько книгъ сего изданія въ Архангельскъ. Ординарецъ, пріѣзжавшій за дѣдушкой, купилъ для генерала своего по дюжинѣ каждой, вышедшей тогда части. Словомъ, сія книга распространилась весьма скоро повсюду, нравилась почти каждому, а кому она и не полюбилась, тотъ ее читалъ изъ любопытства. Иной находилъ тутъ сучки, видимые во очахъ брата своего, другой встрѣ-

чалъ тутъ бревна, видимыя другими въ собственныхъ его глазахъ; иной не хотѣлъ сего примѣтить, другой на издателей гнѣвался.

Вотъ краткая исторія возвышенія Собесѣдника, а философическія разсужденія о разнообразныхъ причинахъ сего возвышенія предлагаются въ слѣдующей главѣ, во удовольствіе тѣмъ, которые болѣе смѣются, нежели плачутъ. (Продолженіе, впредь, ежели читателямъ угодно» [228]).

Предисловіе или *предувѣдомленіе*, помѣщенное въ самомъ началѣ первой части, написано, вѣроятно, также Козодавлевымъ. Оно заключаетъ въ себѣ объявленіе объ изданіи, о времени выхода книжекъ и объ условіяхъ присылки статей. Судя по слогу, а равно и потому, что подобныя вещи писались обыкновенно Козодавлевымъ, и только просматривались Дашковою, можно полагать, что и предувѣдомленіе къ Собесѣднику вышло изъподъ пера Козодавлева. Заслуживаетъ особеннаго вниманія намѣреніе редакціи ограничиться исключительно *подлинными* сочиненіями *русскихъ* авторовъ и отнюдь не помѣщать переводовъ. При этомъ сдѣлана оговорка, что если и явится что̀-либо подъ названіемъ *перевода*, то это значитъ, что авторъ, желая остаться неизвѣстнымъ, нарочно назвалъ оригинальное *сочиненіе* свое *переводомъ*. Такая оговорка ясно указываетъ на оду *Къ Фелицѣ*, которая названа переводомъ съ арабскаго языка, и которая была уже въ рукахъ издателя Собесѣдника—Козодавлева [229]).

Козодавлеву же, какъ *издателю Собесѣдника*, принадлежитъ, по всей вѣроятности, письмо къ Капнисту, съ эпиграфомъ изъ Тома (Thomas):

Reveille-toi, mortel, deviens utile au monde,
Sors de l'indifferenee, où languissent tes jours.

Авторъ письма приглашаетъ Капниста передѣлать свою сатиру, помѣщенную въ Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ, и *прислать ее въ Собесѣдникъ — къ великому удовольствію его издателей*. Съ подобными приглашеніями къ сотрудничеству могли

обращаться только издатели журнала. А изъ двухъ издателей Собесѣдника, Дашковой и Козодавлева, авторомъ письма къ Капнисту едва-ли можно считать Дашкову уже потому, что оно переполнено похвалами Дашковой, которая названа русскимъ Меценатомъ и т. п.

«Прочитавъ вашу сатиру, напечатанную въ пятой части Санктпетербургскаго Вѣстника, льстился я, что вы, милостивый государь, наименовавъ ее первою, напишите и вторую, а можетъ быть потомъ и третію; но я, какъ видно, въ томъ ошибся, ибо послѣ той сатиры никто уже ни единой строки вашего сочиненія въ печати не видалъ, исключая прекрасной вашей оды *Надежды*, которая также слишкомъ уже давно питаетъ любителей россійскаго слова тщетною надеждою, что вы какое-нибудь произведеніе вашего пера отдадите напечатать. Ода сія, какъ многіе знатоки говорятъ, не только доказываетъ вашъ хорошій вкусъ и великія дарованія, но и послужить можетъ хорошимъ примѣромъ въ семъ родѣ стихотворенія. Въ сатирѣ же открыли вы любовь вашу къ россійскому слову, ибо осмѣивая пороки, показали вы также сколь предосудительны дурные стихотворцы нашей, еще только раждающейся, поэзіи. Позвольте жъ, милостивый государь мой, васъ спросить, что̀ тому причиною, что вы не продолжаете болѣе услаждать вашими сочиненіями любителей хорошихъ стихотвореній? Неужели толпа нелюбимыхъ музами стихотворцевъ и прочіе, кои противу васъ за сатиру вашу возстали, вамъ въ томъ препятствуютъ? Или не недостатокъ-ли въ періодическихъ изданіяхъ, въ которыя бы вы стихи ваши помѣщать хотѣли, тому виною? Я бы весьма желалъ, чтобъ только сіе послѣднее было преградою изданію вашихъ сочиненій: сія преграда нынѣ разрушилась. Всеавгустѣйшая наукъ покровительница избраніемъ нынѣшняго академіи директора даровала россійскому стихотворству новаго мецената. Вамъ не безъизвѣстно, въ какомъ состояніи находятся науки и стихотворство тамъ, гдѣ онѣ обрѣтаютъ себѣ покровителей. Въ Россіи таковые покровители еще нужнѣе, нежели въ другихъ государствахъ,

поелику публика наша не очень еще охотно читаетъ россійскія стихотворенія: *Душенька*, и многія другія сочиненія въ стихахъ лежатъ въ книжныхъ лавкахъ не проданы тогда, когда многіе переведенные романы печатаются четвертымъ тисненіемъ. Посему стихотворцы наши не могутъ еще безъ покровителей надѣяться на ободреніе публики; имъ надобны защитники. Вы, думаю, помните стихи Ломоносова, къ Меценату его времени писанные:

Довольно таковыхъ родитъ сыновъ Россія,
Лишь были бъ завсегда защитники такіе,
Каковъ ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для счастія наукъ въ отечествѣ рожденъ.

Во всѣхъ государствахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ временъ, опытами доказано, что стихотворство безъ покровителей процвѣтать не можетъ.

Il est vrai, que du Roi la bonté secourable
Jette enfin sur la muse un regard favorable,
Et reparant du sort l'aveuglement fatal
Va desormais tirer Phebus de l'hopital.
On doit tout esperer d'un monarque si juste
Mais sans un Mecenas à quoi sert un Auguste?
Et fait comme je suis au siecle d'aujourd'hui
Qui voudra s'abbaisser à me servir d'appui?
Boileau Sat. 1.

Нынѣ имѣемъ мы мецената, стараніемъ котораго и издается сей Собесѣдникъ любителей россійскаго слова: *я думаю, вы не отречетесь прислать какое-либо произведеніе вашего пера для помѣщенія въ сіе изданіе. Я наслышался отъ пріятелей вашихъ, что вы сатиру вашу хотѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣлать; ежели вы сіе уже исполнили, то бы вы присылкою оной сдѣлали великое удовольствіе издателямъ сего Собесѣдника.* Неужели вы не будете обще съ нами торжествовать возстановле-

нія россійскихъ музъ? Въ надеждѣ, что я въ мысляхъ моихъ въ разсужденіи сего не ошибаюсь, пребываю съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ» и т. д. [230]).

Письмо Козодавлева произвело желаемое впечатлѣніе, какъ можно заключить изъ того, что въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Собесѣдника появилась сатира Капниста, съ нѣкоторыми измѣненіями и передѣлками [231]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что Козодавлевъ былъ дѣятельнымъ помощникомъ, правою рукою княгини Дашковой при изданіи Собесѣдника. Вся переписка, довольно сложная и обширная, всѣ сношенія съ сотрудниками и другими лицами, всѣ счеты и разсчеты по изданію, велись почти исключительно Козодавлевымъ. Въ академическомъ архивѣ уцѣлѣло нѣсколько черновыхъ бумагъ, писанныхъ рукою Козодавлева, и разосланныхъ въ свое время, отъ имени и за подписью Дашковой, различнымъ сотрудникамъ Собесѣдника. При помощи этихъ бумагъ могутъ быть отчасти выяснены нѣкоторые изъ библіографическихъ вопросовъ и недоразумѣній.

Весьма трудно бываетъ иногда съ точностью опредѣлить автора той или другой безыменной, или подписанной только начальными буквами, статьи, помѣщенной въ какомъ-либо изъ журналовъ прошлаго столѣтія. Поводомъ къ догадкамъ послужили между прочимъ буквы *М. Х.*, которыми подписаны нѣсколько произведеній, помѣщенныхъ въ Собесѣдникѣ. Всего скорѣе можно было видѣть здѣсь подпись извѣстнѣйшаго въ свое время и чрезвычайно плодовитаго писателя *Михаила* (Матвѣевича) *Хераскова*. По свидѣтельству знаменитаго вождя русскихъ библіографовъ, митрополита Евгенія, Херасковъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ Собесѣдника. Тò же говорятъ и другіе знатоки нашей старинной литературы. Но при внимательномъ переборѣ всего содержанія Собесѣдника, замѣчено было, что стихи, помѣщенныя въ этомъ журналѣ и приписываемыя Хераскову, отличаются бóльшею плавностью сравнительно съ другими стихотвореніями этого писателя. Не отрицая авторскихъ

правъ Хераскова, Добролюбовъ, въ статьѣ своей о Собесѣдникѣ, говоритъ: «По многимъ извѣстіямъ, здѣсь были также статьи *Хераскова*, и дѣйствительно, въ Собесѣдникѣ находимъ нѣсколько прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, подписанныхъ буквами *М. Х.* Проза весьма сильно напоминаетъ Хераскова; но стихи плавнѣе, нежели обыкновенно у него. *Въ полномъ собраніи сочиненій Хераскова нѣтъ ни одной изъ этихъ статей»* [232]).

Приводя эти строки, извѣстный нашъ библіографъ М. Н. Лонгиновъ дѣлаетъ такой выводъ: «Дѣйствительно, всѣ эти статьи написаны не *Михаиломъ Матвѣевичемъ Херасковымъ*, а *Михаиломъ Васильевичемъ Храповицкимъ*. Михаилъ Васильевичъ Храповицкій (род. 1758, ум. 1819) былъ родной братъ Александра Васильевича (род. 1749, ум. 1801).... Изъ всего можно заключить, что Херасковъ дѣйствительно совсѣмъ не участвовалъ въ изданіи Собесѣдника, что̀ подтверждается еще и тѣмъ, что онъ жилъ въ то время въ Москвѣ, гдѣ былъ кураторомъ университета съ 1778 по 1803 годъ» [233]).

Уцѣлѣвшая черновая рукопись Козодавлева служитъ положительнымъ доказательствомъ, что стихотворенія, по крайней мѣрѣ два изъ нихъ, подписанныя буквами: *М. Х.*, принадлежатъ *Михаилу Матвѣевичу Хераскову*, а не Михаилу Васильевичу Храповицкому.

Въ шестой части Собесѣдника помѣщены стихи «Княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой» [234]):

Призывающему гласу
Я послѣдовать хощу —
Ко священному Парнасу
Прежняго пути ищу.
Сладко мнѣ повиноваться
Предсѣдательницѣ музъ,
Только долженъ я признаться,
Что къ стихамъ исчезъ мой вкусъ....
Мнѣ не лиру, но цѣвницу

Свойственно теперь имѣть; —
Пусть мурза поетъ Фелицу:
Можетъ онъ со вкусомъ пѣть....
Кто россійской громкой славы
Не удобенъ въ рогъ звучать,
Тотъ *испорченные нравы*
Постарайся обличать.
Пусть вѣщаетъ и вострубитъ,
Въ прозѣ и стихахъ своихъ,
Кто Россію прямо любитъ,
Не заемлетъ свойствъ чужихъ....
Пойте, росски музы, пойте, —
Есть наперсница у васъ;
Восхищайтесь, лиры стройте:
Ввѣренъ Дашковой Парнасъ.

Стихотвореніе это служило, очевидно, отвѣтомъ на *призывный голосъ предсѣдательницы музъ*, т. е., говоря обыкновеннымъ языкомъ, на приглашеніе княгини Дашковой, предсѣдателя академіи, участвовать въ Собесѣдникѣ. Указаніе сюжетовъ для писателей и требованіе самостоятельности, незаимствованія чужихъ свойствъ, для русскаго общества, напоминаетъ отчасти похвалы Екатеринѣ II въ стихахъ Козодавлева и приведенный нами отрывокъ изъ письма иногороднаго кореспондента, заключающій въ себѣ какъ бы програму для сотрудниковъ Собесѣдника.

Седьмая часть Собесѣдника открывается одою: *Вѣчность* [235]):

Покрыта мракомъ безконечность,
Порфира Божія и храмъ,
Непостижима смертнымъ Вѣчность
Явилася моимъ очамъ!
Въ ней вѣки, временами полны,
Колеблются, какъ въ морѣ волны,

Родятся, исчезаютъ въ ней....
Вообразивъ кончину міра
Смущаюся и трепещу;
Дрожитъ рука моя и лира,
Я пѣснь мою прервать хощу.
Но радость духъ мой ощущаетъ,
Мнѣ нѣкто съ высоты вѣщаетъ:
Земныя будто сѣмена
Въ благословенномъ зрѣютъ лѣтѣ,
Такъ все явится въ лучшемъ цвѣтѣ,
Когда минуютъ времена....

Оба стихотворенія — *Княгинѣ Дашковой* и *Вѣчность*—подписаны буквами: *М. Х.* Въ академическомъ архивѣ сохранилось слѣдующее, писанное рукою Козодавлева, черновое письмо княгини Дашковой:

«Государь мой Михайло Матвѣевичь.

Стихи вашего превосходительства, писанные ко мнѣ, я къ удовольствію моему получила, и чрезъ сіе васъ за оные покорнѣйше благодарю. Они напечатаны будутъ, къ удовольствію публики и къ чести *Собесѣдника, въ шестой онаго части.* Присемъ покорнѣйше прошу одолжить присылкою еще какихъ-либо *стиховъ пера вашего*, такъ, *чтобъ оными начать можно было седьмую часть нашего изданія*, и для того желала бы я оные имѣть къ 8 числу октября мѣсяца. Исполненіемъ сей моей просьбы вы меня крайне одолжите. Въ прочемъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, государя моего» [236]).

Какъ отчество *Матвѣевичъ*, такъ и титулъ *превосходительство*, показываютъ, что письмо писано къ *Хераскову*, а не къ Храповицкому. Оно относится къ 1783 году, а Храповицкій, и десять лѣтъ спустя, былъ *коллежскимъ асессоромъ*: въ Мѣсяцословѣ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ на 1794

годъ, значится предводителемъ въ Вышнемъ-Волочкѣ коллежскій асессоръ Михаилъ Васильевичъ Храповицкій. Храповицкій провелъ почти всю свою жизнь въ уединеніи, въ имѣніи своемъ, тверской губерніи вышневолоцкаго уѣзда [237]).

Херасковъ хотя и жилъ въ Москвѣ, но находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ петербургскими литераторами и сочленами своими по россійской академіи, а въ числѣ ихъ и съ Дашковою. Въ одно время съ кураторомъ московскаго университета Херасковымъ избраны въ члены россійской академіи профессора московскаго университета: Барсовъ и Десницкій. Сохранилось черновое, писанное также рукою Козодавлева, письмо Дашковой, какъ предсѣдателя россійской академіи, къ Хераскову:

«Государь мой Михайло Матвѣевичь.

Ея императорскому величеству угодно было всемилостивѣйше утвердить поданный отъ меня докладъ объ учрежденіи здѣсь императорской россійской академіи, о чемъ и указъ я имѣла щастіе получить, съ котораго при семъ препровождаю къ вашему превосходительству копію, прося васъ принять на себя званіе члена сей раждающейся академіи и тѣмъ сдѣлать ей честь. Также прошу отъ меня предложить о семъ господамъ профессорамъ Десницкому и Барсову, и меня по первой почтѣ о согласіи вашемъ увѣдомить. Впрочемъ пребываю съ почтеніемъ

вашего превосходительства

государя моего» [238]).

Въ такъ называемомъ *полномъ* собраніи сочиненій Хераскова не достаетъ многаго изъ того, что помѣщено авторомъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, какъ это давнымъ давно замѣчено. Вдова Хераскова, въ письмѣ къ президенту россійской академіи Нартову, говоритъ: «На сихъ дняхъ отправила я во ввѣренную вамъ академію копію съ портрета покойнаго мужа моего Михайла Матвѣевича, также *всѣ изданныя и напечатанныя сочиненія его, состоящія въ четырнадцати томахъ*,

кромѣ мелкихъ сочиненій, помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ» и т. д. [239]).

Что касается вообще до участія Козодавлева въ изданіи Собесѣдника, то справедливость требуетъ сказать, что Козодавлевъ весьма много содѣйствовалъ успѣшному ходу этого литературнаго предпріятія, и что Козодавлевымъ собственно и держался издаваемый имъ Собесѣдникъ. Къ такому заключенію невольно приводитъ то обстоятельство, что какъ только Козодавлевъ вышелъ изъ редакціи, такъ прекратилось и самое изданіе. Выходя изъ академіи наукъ, и слагая съ себя вслѣдствіе этого обязанности редактора Собесѣдника, Козодавлевъ представилъ академическому начальству *пять* листовъ печатавшейся тогда *шестнадцатой* части журнала. Этими пятью листами и завершилось изданіе. Послѣдняя, шестнадцатая часть Собесѣдника заключаетъ въ себѣ всего около пяти съ половиною печатныхъ листовъ; изъ нихъ пять — тѣ, о которыхъ упоминаетъ Козодавлевъ, а остальныя страницы, около полулиста, заняты его-же статьею, представленною имъ, вѣроятно, въ рукописи.

Статья Козодавлева написана по поводу вопроса, поднятаго въ средѣ *россійской академіи*. Мы помѣщаемъ эту статью въ слѣдующей за симъ главѣ нашего труда, въ которой идетъ рѣчь объ участіи Козодавлева въ дѣятельности россійской академіи.

XII.

Россійская академія, и по времени своего учрежденія и по своей цѣли, находится въ связи съ Собесѣдникомъ любителей россійскаго слова. Главное назначеніе россійской академіи заключалось въ томъ, чтобы совокупными трудами ученыхъ и писателей «усовершить и возвеличить *слово* наше» и содѣйствовать успѣхамъ нашего *просвѣщенія*. Цѣль изданія Собесѣдника состояла въ усиленіи литературной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ для пользы *«россійскаго слова* и вообще *просвѣщенія»*. Писатели, участвовавшіе въ Собесѣдникѣ, призывались къ участію и въ трудахъ россійской академіи. Литературныя знамени

тости того времени: Державинъ, Фонъ-Визинъ, Херасковъ, Княжнинъ, Богдановичъ, были и сотрудниками Собесѣдника и членами россійской академіи. Въ числѣ лицъ, намѣченныхъ Дашковою, въ предварительныхъ совѣщаніяхъ ея съ Екатериною II, для избранія въ члены открываемой академіи, находимъ и *Козодавлева* — одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ Собесѣдника. Съ самаго учрежденія россійской академіи Козодавлевъ былъ ея членомъ. Въ ряду первыхъ членовъ россійской академіи, имена которыхъ провозглашены въ первомъ ея собраніи, 21 октября 1783 года, помѣщенъ «*Осипъ Петровичъ Козодавлевъ*, въ канцеляріи академіи наукъ коллежскій совѣтникъ». Въ одномъ изъ первыхъ академическихъ собраній Козодавлевъ предложилъ въ члены россійской академіи ревностнаго сотрудника Собесѣдника, автора *Душеньки*, Богдановича.

Изданіемъ Собесѣдника опредѣляется и время дѣятельнаго участія Козодавлева въ трудахъ и предпріятіяхъ россійской академіи. Пока существовалъ Собесѣдникъ, до тѣхъ поръ и Козодавлевъ работалъ для академіи. Онъ всего усерднѣе посѣщалъ академію въ 1783 и въ 1784 г., т. е. именно въ тѣ года, когда издавался и Собесѣдникъ. Съ прекращеніемъ Собесѣдника прекратились и посѣщенія Козодавлева. Въ 1785 году онъ былъ всего два раза; въ 1787 году — только одинъ; и затѣмъ почти вовсе не бывалъ въ академіи. Только изрѣдка появлялся онъ въ академическихъ собраніяхъ, и притомъ въ торжественныхъ, въ качествѣ почетнаго гостя. Въ 1804 году онъ присутствовалъ въ двухъ торжественныхъ собраніяхъ, 12 іюля и 7 декабря, вмѣстѣ съ графомъ Завадовскимъ, первымъ въ Россіи министромъ народнаго просвѣщенія. Въ торжественномъ собраніи россійской академіи 5 декабря 1818 года присутствовали: министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, и т. д. Труды по учрежденію и устройству народныхъ училищъ, а потомъ обязанности оберъ-прокурора, сенатора и, наконецъ,

министра лишали Козодавлева возможности участвовать въ литературномъ обществѣ, членомъ котораго онъ былъ когда-то не по одному только имени.

Въ эту-то пору, въ 1783 и 1784 годахъ, Козодавлевъ и принималъ на себя работы, налагаемыя на членовъ россійской академіи по принятому въ средѣ ихъ раздѣленію труда. Сношенія съ иногородными членами академіи происходили также при помощи Козодавлева, какъ доказываютъ сохранившіяся въ академическомъ архивѣ черновыя бумаги, писанныя рукою Козодавлева.

Учрежденіе *россійской академіи* Козодавлевъ считалъ знаменательнымъ событіемъ въ исторіи нашей образованности. «Россія — говорилъ онъ — можетъ льститься надеждою, что нынѣ, *часу ея просвѣщенія пришедшу*, науки, художества, хорошій вкусъ, и словомъ *просвѣщеніе*, распространится въ ней весьма скоро языкомъ россійскимъ, яко единственнымъ къ тому способомъ. Языкъ россійскій имѣетъ безъ всякаго сумнѣнія преимущество предъ прочими нынѣшними европейскими языками тѣмъ, что онъ, будучи богатствомъ и красотою равенъ древнимъ греческому и латинскому языкамъ, удобенъ къ изъясненію всякой мысли и всякой вещи, не заимствуя словъ чужеязычныхъ. На немъ всякаго рода науки могутъ преподаваться ясно и съ толикою же удобностію, какъ и языкомъ гомеровымъ или цицероновымъ. До сего времени созданнаго вышнею властію общества въ пользу россійскаго слова еще не было. Сіе также провидѣніемъ предоставлено было попеченію Екатерины вторыя. Она установила *россійскую академію*, коей главный предметъ есть вычищеніе и установленіе правилъ россійскаго слова. Посему академія и обратила прежде всего вниманіе свое на сочиненіе россійской грамматики и толковаго словаря славено-россійскаго языка. Хотя до сего времени и сочинены были нѣкоторыя россійскія грамматики, но онѣ или касаются только до древняго славянскаго языка, или не содержатъ всего, что̀ въ грамматикѣ быть долженствуетъ. Составленія же толковаго словаря и ожи-

дать было невозможно прежде учрежденія такого общества, каковое нынѣ попеченіемъ и щедротами монаршими въ Россіи основалось» [240]).

Главныя усилія академиковъ направлены были, какъ извѣстно, къ составленію словаря русскаго языка. Первымъ шагомъ на этомъ пути было собираніе словъ, по порядку буквъ, которыя и раздѣлены были между членами, изъявившими готовность участвовать въ трудѣ. Пособіями при этомъ должны были служить не только появившіяся въ печати, но и «многія рукописныя собранія» словъ. На долю Козодавлеву досталась буква *С*, и онъ представилъ въ академію собранныя имъ слова, начинающіяся звукомъ, изображаемымъ на письмѣ буквою *С* [241]).

При распредѣленіи работъ по словарю, предпринятому россійскою академіею, Козодавлевъ, по его согласію, назначенъ членомъ такъ называемаго *издательнаго* отдѣла или *отряда*, который долженъ былъ заботиться «о соблюденіи порядка, чистоты и исправности при изданіи» словаря. Сочленами Козодавлева по *издательному отряду* были: Державинъ, Богдановичъ, и др. [242]).

Начертаніе общаго плана для словаря послужило поводомъ къ оживленному обмѣну мыслей между академиками. Главную роль играли при этомъ умныя и дѣльныя замѣчанія Болтина, обсужденію которыхъ посвящено нѣсколько академическихъ засѣданій [243]). Въ приговорѣ академиковъ замѣтно было нѣкоторое колебаніе: они то безусловно соглашались съ своимъ знаменитымъ сочленомъ, то отступали не только отъ его мнѣній, но отчасти даже и отъ своихъ собственныхъ. Мнѣніе Дашковой, высказанное весьма рѣшительно, оказало также нѣкоторое вліяніе на окончательный выводъ. Въ трехъ засѣданіяхъ судили и рядили о томъ, что̀ принять и что̀ отвергнуть изъ предлагаемаго Болтинымъ. При обсужденіи спорныхъ вопросовъ касательно плана, мастерски поставленныхъ Болтинымъ, присутствовало: въ первомъ засѣданіи девятнадцать академиковъ, во второмъ — восемнадцать, и въ третьемъ — двадцать два; изъ нихъ только одиннадцать—во всѣхъ трехъ засѣданіяхъ. Самъ Болтинъ при-

сутствовалъ въ первомъ и во второмъ засѣданіи, но не былъ въ третьемъ, въ которомъ и покончено дѣло. Козодавлевъ былъ во всѣхъ трехъ засѣданіяхъ. Въ одномъ изъ засѣданій *всъми* присутствовавшими, а въ томъ числѣ и Дашковой, было утверждено, чтобы имена святыхъ, даваемыя при крещеніи, вносить въ словарь какъ по тѣмъ причинамъ, которыя указываетъ Болтинъ, такъ и по другимъ соображеніямъ. Затѣмъ, передумавъ дѣло, Дашкова категорически заявила, что считаетъ совершенно излишнимъ помѣщать въ словарѣ собственныя имена: «собраніе, сходно съ мнѣніемъ ея сіятельства, опредѣлило оныя исключить» по различнымъ причинамъ, которыя при этомъ и исчислены. Такимъ же образомъ, предложеніе вносить въ словарь всѣ безъ изъятія, какія только отыскаться могутъ, названія, употребляемыя въ наукахъ, ремеслахъ, художествахъ и промыслахъ, было единогласно принято, а впослѣдствіи, и весьма скоро, оно если и несовершенно отвергнуто, то чрезвычайно ограничено, и т. п. Какъ замѣчанія Болтина, такъ и выводы, къ которымъ пришли академики, подробно изложены нами при обозрѣніи дѣятельности Болтина.

По поводу замѣчаній Болтина представлено было письменное мнѣніе *Козодавлева*, какъ удостовѣряетъ въ этомъ положительное свидѣтельство академическаго протокола. Въ одномъ изъ засѣданій было постановлено, чтобы всѣ мнѣнія о планѣ словаря доставлены были предварительно секретарю академіи, которому вмѣнялось въ обязанность «сообразя все, представить академіи *въ выпискѣ*». И дѣйствительно, въ ближайшемъ засѣданіи была прочитана секретаремъ «*выписка* изъ мнѣній на примѣчанія И. Н. Болтина», присланныхъ слѣдующими членами: Иннокентіемъ, архіепископомъ псковскимъ; Ушаковымъ, *Козодавлевымъ*, Румовскимъ, Протасовымъ и Озерецковскимъ. Выписки этой, къ сожалѣнію, не приводится въ академическомъ протоколѣ, въ которомъ изложено только, по пунктамъ, коллективное мнѣніе академиковъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи.

Быть можетъ, общее собраніе академіи измѣнило свое преж-

нее рѣшеніе отчасти вслѣдствіе тѣхъ отзывовъ, которые получены отъ членовъ россійской академіи, находившихся въ Москвѣ. На такое предположеніе наводитъ какъ письмо Фонъ-Визина, бывшаго на ту пору также въ Москвѣ, къ *Козодавлеву*, такъ и письмо Ив. Ив. Мелиссино къ непремѣнному секретарю россійской академіи, Лепехину.

Письмо Фонъ-Визина, въ высшей степени любопытное, не назначалось для печати, и только благодаря Козодавлеву, понимавшему важность подобныхъ матеріаловъ для исторіи литературы, оно появилось въ свѣтъ, и долгое время служило главнымъ источникомъ и для знакомства съ надѣлавшими въ академіи столько тревоги, критическими замѣчаніями Болтина. Отыскавши въ бумагахъ своихъ письмо Фонъ-Визина, Козодавлевъ сообщилъ его издателю Вѣстника Европы, Карамзину, при слѣдующихъ строкахъ: «Мнѣ кажется, что это письмо стариннаго моего пріятеля, какъ *по интересному своему содержанію*, такъ и потому, что оно есть произведеніе *знаменитаго русскаго писателя*, достойно быть напечатано». Фонъ-Визинъ пишетъ Козодавлеву: «Теперь лежатъ у меня передъ глазами *примѣчанія* Ивана Никитича Болтина на *начертаніе* нашего словаря. Я въ сіе дѣло не мѣшаюсь, потому что академія представленія его почти всѣ уже приняла: начертаніе перемѣнено, и слѣдственно все дѣло кончено. Почитаю рѣшеніе академіи; но чтобъ имѣть удовольствіе съ вами болѣе побесѣдовать, хочу сообщить здѣсь мнѣніе мое о сихъ перемѣнахъ. Какъ *примѣчанія*, такъ и резоны, для которыхъ академія рѣшилась ихъ принять и апробованное начертаніе перемѣнить, не произвели во мнѣ, признаюсь вамъ, никакого убѣжденія. Чтобъ меня удобнѣе понять, пожалуйте прочтите напередъ тѣ *примѣчанія* и письмо, при которомъ г. секретарь академіи препроводилъ оныя къ Ивану Ивановичу Мелиссино, а потомъ уже продолжайте, если вамъ угодно, читать то̀, что̀ теперь писать стану. Главнѣйшее примѣчаніе осталось, какъ слышу, безъ рѣшенія, то есть: расположить словарь аналогическимъ ли порядкомъ или этимологическимъ? Резоны

противъ *начертанія* кажутся мнѣ нимало неосновательны» и т. д. Въ поясненіе словъ Фонъ-Визина, что почти всѣ примѣчанія Болтина окончательно приняты академіею, Козодавлевъ дѣлаетъ такую оговорку: «Сочинитель былъ тогда въ Москвѣ, и по *неосновательному* слуху заключилъ, что академія положила принять сіи примѣчанія. Но вмѣсто того, она опредѣлила *прочитать* только *ихъ въ публичномъ собраніи*, не перемѣняя ни мало общаго плана» [244]).

Кто же правъ въ этомъ случаѣ, Фонъ-Визинъ или Козодавлевъ, — приняты или отвергнуты академіею замѣчанія, представленныя Болтинымъ на *начертаніе*, или планъ, академическаго словаря? И тотъ и другой заимствовали свои свѣдѣнія изъ самаго достовѣрнаго источника — изъ постановленія академіи, скрѣпленнаго подписью предсѣдателя и секретаря. Противорѣчіе между извѣстіями объясняется тѣмъ, что Фонъ-Визину сообщено было постановленіе перваго засѣданія, а Козодавлевъ имѣлъ въ виду постановленіе третьяго засѣданія, въ которомъ послѣдовало *перерѣшеніе* вопроса.

Въ собраніи россійской академіи, происходившемъ 30 января 1784 года, приняты были почти всѣ замѣчанія Болтина. Въ собраніи этомъ присутствовалъ и самъ Болтинъ, умѣвшій отстаивать свои мнѣнія и отражать нападки противниковъ. Только одинъ и существенный вопросъ, затронутый Болтинымъ, остался нерѣшеннымъ. Въ протоколѣ академическаго собранія сказано: «Главнѣйшее примѣчаніе г. Болтина осталось еще безъ рѣшенія, а именно: каковому словарю быть надлежитъ, — расположенному ли по чину азбучному (аналогическій) или по кореннымъ словамъ (этимологическій). Иванъ Никитичъ Болтинъ, какъ то̀ изъ его мнѣнія видѣть можно, и согласные съ нимъ утверждаютъ нужду болѣе словаря, по чину азбучному расположеннаго. Другіе же, напротивъ того, настоятъ, чтобы быть ему расположенному по кореннымъ словамъ, какъ и прежде положено было» и т. д.

О постановленіи академіи, состоявшемся 30 января 1784

года, непремѣнный секретарь Лепехинъ сообщилъ Ив. Ив. Мелиссино, чрезъ котораго преимущественно происходили сношенія академіи съ членами ея, жившими въ Москвѣ. На письмо свое Лепехинъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ Мелиссино: «По требованію императорской россійской академіи, которое мнѣ чрезъ письмо ваше отъ февраля мѣсяца сообщено было, и по моему въ слѣдствіе того приглашенію, члены оной академіи, пребывающіе здѣсь въ Москвѣ, сего мѣсяца 21 дня имѣли въ университетской аудиторіи общее собраніе. По прочтеніи какъ письма вашего, такъ и приложенныхъ примѣчаній г. Болтина, оное собраніе опредѣлило: прочія статьи, поелику оныя *рѣшены уже академіею*, и отъ васъ только *для вѣдѣнія* сообщаются, оставить въ своей силѣ, хотя, правда, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ при томъ членовъ желали бы, чтобъ глаголы въ словарѣ во первыхъ означаемы были неокончательнымъ наклоненіемъ — какъ бы наименованіемъ каждаго глагола вообще, содержащимъ въ себѣ всѣ три лица и оба числа. Но оставя сіе, какъ *рѣшеное дѣло*, а приступивъ къ послѣдней, числомъ 7 означенной, статьѣ, собственно заключающей въ себѣ требованіе академіи, то есть о способѣ расположенія словаря — этимологическимъ ли порядкомъ оный сочинять или аналогическимъ, упомянутое собраніе, нашедши доводы, предложенные съ стороны перваго изъ сихъ двухъ порядковъ, убѣдительнѣйшими и съ намѣреніемъ сего словаря сходственнѣйшими, опредѣлило единогласно, что лучше слѣдовать въ томъ способу этимологическому. Которое мнѣніе и можете вы донесть императорской россійской академіи въ отвѣтъ на ея требованіе» [245]).

Что касается извѣстія о постановленіи академіи прочитать замѣчанія Болтина въ публичномъ собраніи, то указаній на это не встрѣчается въ протоколахъ россійской академіи. Изъ нихъ, напротивъ того, видно, что замѣчанія Болтина не были читаны въ *публичномъ* собраніи академіи 1784 года; въ началѣ этого года обсуждались они въ обыкновенныхъ академическихъ засѣданіяхъ. Да и вообще это, такъ называемое *публичное*, собраніе происходило

весьма скромно и совершенно семейно. Въ домѣ предсѣдателя, княгини Дашковой, собралось всего одиннадцать членовъ; собраніе открылось чтеніемъ протокола предшествующаго засѣданія, и затѣмъ послѣдовало чтеніе отчета за минувшій годъ. Академическій актъ окончился врученіемъ непремѣнному секретарю золотой медали и обычною раздачею жетоновъ. Ничего другаго, кромѣ протокола и отчета, читано не было [246]). Впрочемъ, весьма возможно, что Болтину предлагали прочитать свои замѣчанія публично, но, по какимъ-либо причинамъ, онъ уклонился отъ этого. Во всякомъ случаѣ, подобное предложеніе совершенно въ духѣ того времени. Члены россійской академіи чрезвычайно дорожили лестнымъ для ихъ самолюбія правомъ читать свои произведенія въ публичныхъ собраніяхъ академіи. Въ доказательство можно привести слѣдующее письмо академика Озерецковскаго къ президенту россійской академіи Нартову:

«Милостивый государь
Андрей Андреевичъ!

О Катилининой войнѣ перевелъ я болѣе тридцати главъ, изъ которыхъ первыя изволили вы видѣть, и если переводъ мой кажется вамъ не дуренъ, то не можно ли сдѣлать мнѣ сей милости, чтобъ нѣсколько изъ онаго прочиталъ я въ будущемъ публичномъ собраніи? Въ иностранныхъ академіяхъ подобные переводы, въ годовыхъ собраніяхъ, читаютъ какъ доказательства трудовъ академіи. Честь дороже награжденія: потому всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство извинить мое желаніе» и пр. [247]).

Разсмотрѣвъ замѣчанія Болтина, Козодавлевъ представилъ о нихъ свое письменное мнѣніе, которое и прочитано было, въ извлеченіи, въ одномъ изъ академическихъ засѣданій. Академія постановила, чтобы всѣ мнѣнія членовъ, относящіяся къ плану словаря, доставляемы были заблаговременно непремѣнному секретарю, которому вмѣнено въ обязанность «сообразя все, представить академіи *въ выпискѣ*». На этомъ основаніи непремѣнный

секретарь, въ собраніи 30 января 1784 года, читалъ «выписку изъ присланныхъ къ нему мнѣній отъ его преосвященства Иннокентія, архіепископа псковскаго и рижскаго, и отъ господъ: Ушакова, *Козодавлева*, Румовскаго, Протасова и Озерецковскаго — на примѣчанія Ивана Никитича Болтина, касающіяся до начертанія о сочиненіи толковаго словаря славенороссійскаго» [248]).

Къ величайшему сожалѣнію, мнѣніе Козодавлева не сохранилось въ академическомъ архивѣ. По всей вѣроятности, оно осталось у непремѣннаго секретаря академіи Лепехина, и, послѣ смерти его, погибло вмѣстѣ съ другими рукописями этого замѣчательнаго ученаго.

Такая же судьба ожидала и другое мнѣніе, представленное Козодавлевымъ въ академію, если бы автору не пришла счастливая мысль помѣстить его въ Собесѣдникѣ.

Мнѣніе Козодавлева вызвано было спорнымъ вопросомъ объ употребленіи въ сложныхъ словахъ буквъ *З* и *С*. Одни изъ академиковъ полагали, что если въ составѣ словъ находятся предлоги: *из*, *воз*, *раз*, *без* и т. п., то во всѣхъ этихъ словахъ слѣдуетъ писать *С*, а не *З*, въ концѣ предлоговъ. Другіе же совѣтовали держаться словопроизводства и не давать безграничной свободы выговору: въ противномъ случаѣ — говорили они — у всякаго явится свое собственное правописаніе. Многіе члены находили, что надо сообразоваться съ правописаніемъ церковныхъ книгъ, въ которыхъ передъ мягкими и плавными согласными употребляется *З*, а передъ твердыми — *С*: *воЗбудить*, *воЗложить* и *воСкликнуть*, и т. д. [249]).

Въ собраніи россійской академіи, 9 августа 1784 года, читано было секретаремъ «*мнѣніе* члена академіи господина *Козодавлева* о употребленіи буквъ *З* и *С*, для коего г. Козодавлевъ троякое раздѣленіе полагаетъ:

I. *Мягкія*, каковы суть: Б, Г, Д, Ж и З.

II. *Твердыя*, къ коимъ относитъ: К, П, Т, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Ѳ.

III. *Среднія*, или *умѣренныя*, къ коимъ: В, Л. М, Н, Р, С.

Предъ *мягкими*, согласно съ церковнымъ писаніемъ, полагаетъ *З*; предъ жесткими же—*С*, а предъ *умѣренными* — то *З*, то *С*, смотря по выговору.

Но какъ сіе предложеніе, въ разсужденіи отдѣленія *среднихъ*, или *умѣренныхъ*, буквъ, *совсѣмъ новое*, и господами членами точнаго о семъ рѣшенія не послѣдовало, поелику оное зависитъ отъ многаго собранія словъ и примѣровъ, то и положено: какъ сіе мнѣніе, такъ и предшедшія, разсмотрѣть въ особливомъ отдѣлѣ, и представлять для совершеннаго ихъ утвержденія собранію академическому» и т. д. [250]).

Не дожидаясь приговора академическаго судилища, Козодавлевъ помѣстилъ въ Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова—

«Мнѣніе о раздѣленіи россійскихъ согласныхъ буквъ, въ разсужденіи произношенія предъ ними З и С, и о правописаніи по сему раздѣленію.

Россійскія согласныя буквы раздѣляются, въ разсужденіи произношенія предъ ними *З* и *С*, по мнѣнію моему, на три рода: на *мягкія*, *твердыя* и *среднія*, или *умѣренныя*.

Мягкія буквы суть: Б. Г. Д. Ж. З.

Твердыя суть: К. П. Т. Ф. Х. Ц. Ч. Ш. Ѳ.

Среднія, или *умѣренныя*, суть: В. Л. М. Н. Р. С.

Мягкія буквы суть таковыя, предъ которыми *З* въ выговорѣ не перемѣняется, а буква *С* выговаривается какъ *З*, и выговариваться инако, по составу человѣческаго языка, не можетъ, напримѣръ, вмѣсто: *сбирать*, *сгорать*, *сдѣлать*, *сжимать* и проч., выговаривается: *збирать*, *згорать*, *здѣлать*, *зжимать* и проч.

Твердыя буквы суть таковыя, предъ которыми *С* въ выговорѣ не перемѣняется, а буква *З* выговаривается какъ *С*, и выговариваться инако не можетъ, напримѣръ, вмѣсто: *изключить*, *изправить*, *изтребить*, *изходъ*, *изцарапать*, *изчадіе*, *возшумѣть*, и проч., выговаривается: *исключить*, *исправить*, *истребить*, *исходъ*, *исцарапать*, *исчадіе*, *восшумѣть*, и прочее.

Среднія, или *умѣренныя*, буквы суть таковыя, предъ которыми

какъ *З*, такъ и *С*, выговариваются чисто, и въ выговорѣ не перемѣняются, напримѣръ: *извожу*, *свожу; изліять*, *сломить; измѣрить*, *смягчить; изнурить*, *снарядъ*; *изрѣзать*, *срѣзать*; *изсякнуть*, *ссунуть*, и прочее.

По сему раздѣленію, кажется мнѣ, можно сдѣлать общее правило правописанію словъ, въ коихъ находится *З* или *С*.

Мнѣ кажется, писать должно букву *З* предъ *мягкими* буквами, когда она случится съ начала или въ срединѣ какого-либо слова, или же когда предлогъ сливается съ глаголомъ, именемъ и проч. напримѣръ: *збирать*, *здѣлать* и проч.

Букву *С* должно писать передъ *твердыми* буквами въ вышепоказанныхъ же случаяхъ, напримѣръ: *истребить*, *исполнить* и проч.

Передъ *средними* же, или *умѣренными*, буквами должно писать по производству, каковое и произношеніемъ наблюдается, напримѣръ: *изліять*, *слазить; изнурять*, *снарядить*, и проч.

Когда же предлоги отъ словъ отдѣляются, и съ оными не сливаются, то само собою разумѣется, что каждый предлогъ, составляя особое слово, въ писаніи никогда не перемѣняется, а пріемлетъ только безгласную букву *ъ*, напримѣръ: *безъ*, *низъ*, *со* или *съ*, *изъ*.

Предлоги, въ коихъ находится *З* или *С*, суть: *со*, *съ*, *воз*, *раз*, *изъ*, *безъ*, *низъ*.

Предлоги *безъ* и *низъ* изъ вышесказаннаго правила исключаются, и всегда писать должно *З*, ибо они и безъ другихъ слоговъ знаменованіе свое имѣютъ. *Безъ* значитъ *sine*, *кромѣ*, а *низъ* — тò же, что *исподъ*. *Изъ* хотя также знаменованіе свое имѣетъ, и значитъ *ex*; но поелику въ сліяніи съ другимъ какимъ-либо словомъ, слѣдующіе послѣ *изъ* слоги въ нѣкоторыхъ словахъ теряютъ смыслъ, напримѣръ: *искуство*, *исключить*, *изнурить* и проч., *куство*, *ключить*, *нурить* ни какого смысла въ себѣ не замыкаютъ. Напротивъ же того, напримѣръ: *безсовѣстно*, *безчеловѣчно*, *низпослать*, *низвести*, и при раздѣленіи не теряютъ смысла.

Слова, начинающіяся съ *из*, *воз*, *раз*, наприм.: *возмездіе*, *исключить*, *разговоръ* и многія другія, суть не раздѣлимы и несложныя, но только сложнымъ подобны, почему и должействуютъ писаться всѣ слова, начинающіяся съ сихъ буквъ, по вышесказанному правилу.

Многіе изъ новыхъ писателей пишутъ слова по самопроизвольному производству, напримѣръ, вмѣсто: *здѣлать*, *зборъ*, *исключить*, *исполнить* и проч., пишутъ они: *сдѣлать*, *сборъ*, *изключить*, *изполнить*. Но таковая орѳографія со всѣмъ противится россійскому произношенію, основанному на естествѣ человѣческаго языка, ибо каждый человѣкъ передъ *мягкою* буквою, по вышесказанному раздѣленію, — *С*, а передъ *твердою*—*З*, выговаривать не можетъ. Сверхъ того, сія орѳографія дѣлаетъ каждому великія затрудненія. Иной пишетъ *зданіе* отъ *созидаю*; другой пишетъ *зданіе* отъ *зижду*, а *прозьба* и не знаетъ какъ писать, потому что глаголъ *прошу* въ неопредѣленномъ времени *просить*, а не *прозить*. Нѣкоторые говорятъ, что глаголъ *здвинуть*, когда онъ значитъ *здвинуть съ мѣста*, должно писать *здвинуть*, а *здвинуть вмѣстѣ* писать надлежитъ *сдвинуть*, забывая, что сей глаголъ происходитъ отъ *содвинуть*, и въ первомъ смыслѣ выпускается только *съ мѣста*, а въ другомъ—*вмѣстѣ*, ибо можно сказать: *содвинуть съ мѣста* и *содвинуть вмѣстѣ*. Посему и должно писать сей глаголъ одинаковымъ образомъ, а по правилу вышесказанному — *здвинуть*. Также, пишущіе всѣ слова по производству пишутъ: *вспомнить*, а не *взпомнить*, хотя сей глаголъ и происходитъ отъ *воспомнить*. Инако сего и писать нельзя, ибо существо россійскаго языка того требуетъ: слѣдственно, они сами себѣ противурѣчатъ. Безпристрастнымъ читателямъ конечно покажется орѳографія сія съ существомъ россійскаго языка несогласною. Господа: *Тредьяковскій*, *Ломоносовъ* и *Сумароковъ*, хотя и были во многихъ правилахъ россійской грамматики между собой несогласны, но въ семъ случаѣ писали одинаково по вышесказанному правилу, и ежели бы они раздѣлили россійскія буквы на три, а не на два рода, то я думаю и затрудненій бы имъ не

встрѣчалось. Въ церковныхъ книгахъ пишется всегда: *исполнить*, *исповѣдать*, а не *изполнить*, *изповѣдать*; въ нѣкоторыхъ, а не во всѣхъ, пишется: *сбудется*, а не *збудется*; но въ семъ случаѣ и справщики, не весьма хорошо знающіе правописаніе, погрѣшаютъ, ибо во многихъ древнихъ книгахъ пишется: *збудется*, а не *сбудется*» [251]).

Мы уже замѣтили, что изданіе Собесѣдника совпадаетъ, по времени, съ участіемъ Козодавлева въ академической жизни и дѣятельности. Всѣ данныя, говорящія объ этомъ участіи, относятся ко времени существованія Собесѣдника. По прекращеніи этого журнала только однажды упоминается, въ академическихъ лѣтописяхъ, о трудахъ Козодавлева на пользу академіи, да и то какъ воспоминаніе о прошломъ. Въ очеркѣ дѣятельности членовъ россійской академіи, со времени ея основанія до изданія второй части словаря, читанномъ въ собраніи 14 декабря 1790 года, сказано: «Осипъ Петровичъ *Козодавлевъ* сообщилъ академіи собранныя имъ слова на *букву С*, и *втеченіе перваго года* участвовалъ въ собраніяхъ» [252]).

Въ собраніи россійской академіи 2 августа 1819 года «возвѣщено о кончинѣ члена академіи, министра внутреннихъ дѣлъ Осипа Петровича Козодавлева, воспослѣдовавшей минувшаго іюля 24 дня» [253]).

Въ борьбѣ съ предсмертнымъ недугомъ Козодавлевъ не покидалъ своихъ обычныхъ занятій, и не смотря на крайній упадокъ силъ, рѣшился предпринять путешествіе съ цѣлію лично ознакомиться съ дорогимъ для него предметомъ — съ дѣйствительнымъ состояніемъ мѣстной промышленности и торговли. Въ письмѣ изъ Ямбурга, 21 іюня 1819 года, говорится: «Въ минувшій вторникъ, 17 числа, ввечеру прибылъ сюда министръ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, для осмотра находящихся здѣсь мануфактуръ и другихъ частей, состоящихъ въ вѣдомствѣ

ввѣреннаго ему министерства. Вчерашняго числа онъ отбылъ обратно въ Петербургъ» [254]).

Прошло около мѣсяца по возвращеніи Козодавлева изъ Ямбурга и на страницахъ Сѣверной Почты появилось слѣдующее извѣстіе: «Въ минувшій четвергъ, 24 іюля, скончался здѣсь, къ общему сожалѣнію, министръ внутреннихъ дѣлъ, г. дѣйствительный тайный совѣтникъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, послѣ тяжкой болѣзни, продолжавшейся около мѣсяца» [255]).

Въ метрическихъ книгахъ почтамтской церкви показано, что Козодавлевъ умеръ отъ чахотки [256]).

Тѣло Козодавлева бальзамировалъ Илья Васильевичъ Буяльскій [257]).

Въ газетахъ появились некрологи. По общему-ли свойству некрологовъ, или потому, что въ тѣ времена не считали возможнымъ касаться общественной дѣятельности министра, похвалы покойному ограничивались указаніемъ его нравственныхъ качествъ, и преимущественно его христіанскаго образа мыслей и дѣйствій.

Въ Сѣверной Почтѣ говорилось объ умершемъ Козодавлевѣ: «Кроткія христіанскія добродѣтели, просвѣщенный обширными познаніями въ наукахъ разумъ, отличныя свѣдѣнія въ государственныхъ дѣлахъ, и неутомимые подвиги на пользу общую, суть такіе памятники преставльшемуся, которыхъ никакое время не можетъ разрушить. Онъ до послѣдней минуты жизни сохранилъ христіанскія правила и чувствованія» [258]).

Во французской газетѣ, издававшейся въ Петербургѣ, помѣщенъ слѣдующій некрологъ:

«Mr. de *Kosodawleff*, conseiller-privé-actuel, membre du conseil-d'état, sénateur, chevalier des ordres de St.-Alexandre-Newsky, de S-te Anne de la première classe etc. et ministre de l'intérieur, est mort le 24 à l'âge de 66 ans. Homme public, ses services rendus à l'état pendant le cours de son administration, son zèle à encourager les différentes branches de l'industrie nationale, ses travaux pour en vivifier et multiplier les produits, seront

autant de monumens qui honorèront sa mémoire. Homme privé, son caractère, ses vertus personnelles excitent les vifs regrets de ses amis et de ses subordonnés dont il était le protecteur et l'appui. La religion dont son coeur était pénetré, a adouci ses longues souffrances et recueilli ses derniers soupirs. — Ses obsèques ont eu lieu aujourd'hui en grande pompe dans l'église du monastère de Newsky, où son corps a été déposé»[259]).

Въ письмѣ къ издателю Сына Отечества приводятся реальныя доказательства правдивости тѣхъ сочувственныхъ отзывовъ, которые слышались надъ могилою одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей своего времени. Объ одной изъ приводимыхъ чертъ, рисующихъ нравственный обликъ Козодавлева, мы упомянули, говоря объ участіи, которое онъ принималъ въ судьбѣ крестьянъ и въ дѣлѣ ихъ освобожденія. Современникъ и почитатель Козодавлева пишетъ слѣдующее:

«Всѣ здѣшнія вѣдомости объявляютъ о кончинѣ министра внутреннихъ дѣлъ Осипа Петровича Козодавлева; на французскомъ языкѣ выдаваемыя входятъ въ нѣкоторыя подробности и о почтенныхъ его качествахъ; но жаль, что онѣ мало упоминаютъ о его благотворительности. Имѣвъ счастіе его съ сей стороны знать, я почитаю долгомъ покорнѣйше васъ просить напечатать въ вашемъ журналѣ слѣдующіе два случая, изъ коихъ первый и до меня нѣсколько касается.

Въ первые годы царствованія государя императора, Осипъ Петровичъ присутствовалъ въ комиссіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, и въ сіе время душа его, конечно, уготовила себѣ мѣсто успокоенія: множество людей, коихъ облегчилъ онъ участь во времени, доставитъ ему блаженную участь въ вѣчности! Между прочими, приходскій мой священникъ просилъ его о освобожденіи сына его, сосланнаго въ Нерчинскъ на каторжную работу: Осипъ Петровичъ тотчасъ вытребовалъ изъ чухломскаго уѣзднаго суда дѣло, и несчастный вскорѣ получилъ отъ работы свободу. Получивъ оную, онъ писалъ къ отцу, и просилъ исходатайствовать ему возвращеніе къ семейству, но

отца его не было уже на свѣтѣ. Живъ тогда въ деревнѣ, и узнавъ о семъ письмѣ, я осмѣлился писать къ Осипу Петровичу отъ себя: онъ не только все по моему письму исполнилъ, но поручилъ городничему меня благодарить, что подалъ ему случай сдѣлать доброе дѣло; потомъ меня отыскалъ, и почтилъ своимъ знакомствомъ, которымъ я съ тѣхъ поръ всегда имѣлъ честь пользоваться.

Въ прошедшемъ году выгорѣла одна изъ его деревень. Онъ не только освободилъ крестьянъ отъ всѣхъ повинностей, но не имѣя тогда собственныхъ денегъ, занялъ 10,000 рублей, и послалъ имъ на вспоможеніе.

И онъ имѣлъ недоброжелателей! Кто же не имѣетъ ихъ? Есть люди, которые говорятъ, что дѣлая добро, онъ побуждался особыми къ тому причинами; но наше-ли дѣло судить о тайныхъ побужденіяхъ къ дѣйствіямъ? Намъ-ли испытывать глубину сердца человѣческаго? Иные говорятъ также, что онъ получалъ столько дохода, что не могъ оставить долга; но кто считалъ его расходы? О вспоможеніи, сдѣланномъ имъ своимъ крестьянамъ я узналъ случайно: почему же можемъ мы заключить, что не было у него и другихъ издержекъ, единому Сердцевѣдцу свѣдомыхъ. О, когда станемъ мы стараться въ себѣ только открывать и исправлять погрѣшности» [260])!

Извѣстность замѣчательныхъ людей, какъ и право суда надъ ними, переходитъ отъ современниковъ къ потомству. Жаль только, что иногда приходится чрезвычайно долго ожидать охотниковъ воспользоваться этимъ правомъ. Ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ смерти Козодавлева явился въ нашей литературѣ первый опытъ изложенія трудовъ и заслугъ Козодавлева, какъ министра внутреннихъ дѣлъ. Авторъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣвшій полную возможность подробно ознакомиться съ дѣятельностью труженика-министра, и сравнить его съ его предшественниками и преемниками, говоритъ о Козодавлевѣ: «Не оцѣнило его потомство, почти уже забывшее объ этомъ великомъ государственномъ сановникѣ. Онъ забытъ потом-

ствомъ и исторіею, а между тѣмъ Россія, со смертію его, потеряла одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ государственныхъ мужей, промыслы и мануфактуры — новаго Сюлли, среднее сословіе — *посредника между правомъ и дѣйствительностію, между закономъ и его примѣненіемъ»* [261]).

Козодавлевъ похороненъ въ александро-невской лаврѣ, 28 іюля 1819 года. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти умерла и его жена, неразлучная спутница его при жизни. На могильномъ памятникѣ надпись: «Дѣйствительный тайный совѣтникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, скончался 24 іюля 1819 года, на 65 году отъ рожденія, и супруга его, Анна Петровна Козодавлева, урожденная княжна Голицына, кавалерственная дама ордена св. Екатерины меньшаго креста. Скончалась 29 марта 1820 года, на 64 году отъ рожденія». Могила Козодавлева находится *на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ*, на правой сторонѣ отъ входа, въ четвертомъ ряду отъ входныхъ воротъ. Памятникъ состоитъ изъ глыбы финляндскаго гранита, имѣющей форму Голгоѳы, и водруженнаго на ней креста, изъ бѣлаго мрамора, съ темно-бронзовымъ изображеніемъ Распятія. Надпись помѣщена на южной сторонѣ гранитной глыбы.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Въ нашей литературѣ не появлялось ни полной біографіи, ни біографическаго очерка Козодавлева. Нѣсколько біографическихъ данныхъ собрано членомъ россійской академіи, а впослѣдствіи академикомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, Василіемъ Алексѣевичемъ Полѣновымъ (1766—1851), авторомъ напечатанныхъ въ Трудахъ россійской академіи біографическихъ очерковъ митрополита Гавріила и академика Лепехина. В. А. Полѣновъ избранъ въ члены россійской академіи 5 мая 1828 года. Онъ былъ моложе Козодавлева только двѣнадцатью годами, и вступилъ въ академію въ то время, когда въ средѣ ея было немало сверстниковъ и давнихъ сочленовъ Козодавлева. Онъ могъ получать свѣдѣнія изъ непосредственнаго источника, могъ записать иное со словъ самого Козодавлева. Поэтому-то замѣтки В. А. Полѣнова пріобрѣтаютъ особенную цѣну. Приводимъ ихъ въ томъ видѣ, какъ сохранились онѣ въ единственной, черновой рукописи: *)

— Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ; членъ: государственнаго со-

---

*) Считаю обязанностью выразить искреннѣйшую признательность Ивану Петровичу Хрущову, давшему мнѣ возможность пользоваться какъ рукописями родственника его В. А. Полѣнова, такъ и нѣкоторыми другими матеріалами, относящимися къ Козодавлеву, и сохранившимися у его наслѣдниковъ и родственниковъ.

вѣта, комиссіи пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ и россійской академіи; кавалеръ орденовъ: св. Александра Невскаго, св. Анны 1 класса, св. Владиміра 3 степ., и св. Іоанна Іерусалимскаго командоръ.

Родился 29 марта 1754 года, и еще въ дѣтствѣ лишился родителя своего лейбъ-гвардіи коннаго полка секундъ-ротмистра Петра Осиповича Козодавлева, который скончался въ 1757 году октября 4, на 30-мъ году отъ рожденія своего. Въ 1762-мъ году былъ принятъ въ пажи къ высочайшему двору, при которомъ и родитель его до выпуска въ конную гвардію служилъ пажемъ и камеръ-пажемъ. Государыня Екатерина II посылала нѣкоторыхъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и Осипа Петровича, по усмотрѣнію въ немъ природныхъ дарованій и склонности къ наукамъ, на иждивеніи двора, учиться въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ, подъ руководствомъ Геллерта и другихъ славныхъ ученыхъ мужей, составлявшихъ лейпцигскій университетъ, пріобрѣлъ рѣдкія познанія въ наукахъ и языкахъ. По возвращеніи въ Россію, онъ служилъ въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената протоколистомъ, потомъ экзекуторомъ, и съ 1783 г. съ чиномъ надворнаго совѣтника въ с.-петербургской академіи наукъ при директорѣ оной, княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, совѣтникомъ. Былъ членомъ бывшихъ комиссій объ учрежденіи народныхъ училищъ и о коммерціи, и потомъ оберъ-прокуроромъ въ первомъ сената департаментѣ. При покойномъ государѣ Павлѣ I сдѣланъ оберъ-прокуроромъ 1-го сената департамента; пожалованъ: тайнымъ совѣтникомъ, въ 1799 году, декабря 8; сенаторомъ въ 3-й департаментъ, и директоромъ герольдіи. Въ семъ званіи занимался онъ составленіемъ общаго россійскихъ дворянскихъ родовъ гербовника, и управлялъ *юнкерскою школою* подъ главнымъ вѣдомствомъ генералъ-прокурора.

По вступленіи на престолъ государя Александра I сдѣланъ членомъ комиссіи пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ, при которой ознаменовалъ себя: избавленіемъ наказаннаго и сослан-

наго въ 1800 г. безвинно на работу въ Нерчинскъ бывшаго въ бахмутскомъ уѣздномъ судѣ губернскаго регистратора Роменскаго; исходатайствованіемъ прощенія бывшему прапорщику Луполову, сосланному въ Сибирь въ 1798 году; призрѣніемъ дочери его, пришедшей въ 1804 году изъ Тобольска въ С.-Петербургъ пѣшкомъ для спасенія отца, и другими человѣколюбивыми дѣяніями.

Еще онъ былъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта почетнымъ опекуномъ, а съ 1809 года товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и въ отсутствіи министра князя Алексѣя Борисовича Куракина управлялъ министерствомъ.

Въ семъ же году ноября съ 3-го началась издаваться подъ его дирекціею Сѣверная почта или Новая С.-Петербургская газета, содержащая въ себѣ многія любопытныя и общеполезныя извѣстія.

Въ слѣдующемъ 1810 году онъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Ученыя его упражненія находятся въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ, а сверхъ сего напечатаны въ С.-Петербургѣ въ 1781 году:

Нашла коса на камень. Комедія въ одномъ дѣйствіи, представленная съ С.-Петербургѣ въ томъ же году.

Переводы его съ нѣмецкаго языка:

Клавиго. Трагедія Г. Гете, вторымъ исправленнымъ изданіемъ 1780 года.

Вильгельмина. Поэма въ 6 пѣсняхъ. Г. Тюммеля. 1781 года.

Съ французскаго языка:

Учрежденіе для призрѣнія бѣдныхъ прихожанъ церкви св. Сильпиція въ Парижѣ. Переведено имъ по высочайшему повелѣнію и напечатано 1782 г. въ С.-Петербургѣ.

Разсужденіе о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ; напечатано въ Растущемъ Виноградѣ, ежемѣсячномъ сочиненіи, которое издавалось отъ с.-петербургскаго главнаго народнаго училища.

Въ семъ же ежемѣсячномъ сочиненіи, 1786 года, находится письмо г. коллежскаго совѣтника Козодавлева изъ С.-Петербурга къ тайному совѣтнику Ф. Тюммелю (сочинителю вышепоказанной поэмы Вильгельмина) въ Готу касательно нѣкоторыхъ учрежденій по части учебной въ Россіи, и выписка изъ письма г. Ф. Тюммеля изъ Готы отъ 12 мая 1786 года къ г. Козодавлеву, — переводы съ нѣмецкихъ подлинниковъ.

Другая выписка изъ письма г. Козодавлева къ г. Тюммелю напечатана въ Зрителѣ міра, а подлинное нѣмецкое въ гамбургскомъ политическомъ журналѣ (Politisches Journal, 1786, 9-tes stück). Сіе нѣмецкое письмо доказываетъ, что онъ нѣмецкій языкъ знаетъ не хуже природнаго русскаго. —

На особомъ листѣ находятся писанныя тою же рукою наброски, выписки и замѣтки:

— Осипъ Петровичъ! Управленіе ваше министерствомъ юстиціи во время болѣзни д. т. сов. Трощинскаго обращаетъ на васъ благоволеніе мое . . . . 14 августа 1816.

Отрывки, касающіеся до нѣкоторыхъ частей государственнаго хозяйства, сочиненіе Россіянина. Спб. 1815, 8, 51 стр. Содержаніе: 1. Внутренній торгъ хлѣбомъ (О. П. К.), 2 и 3 статьи отъ другихъ.

Вильгельмина, поэма въ 6 пѣсняхъ, сочиненная въ прозѣ г. Ф. Тюммелемъ. Перевед. съ нѣм. (въ прозѣ же) Спб. 1783. Переводчикъ подписался: О. Козод.

Er ist gebohren d. 29 märtz 1753 oder 1754.

Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ, съ описаніемъ каждаго выгравированнаго герба и съ изъясненіемъ происхожденія каждой фамиліи. 4 части, 1803—1809, Спб. 4.

Изъ опыта библіографіи:

Перстень. Ком. въ 1 дѣйств. Козодавлева. Спб. 1781. 8.

Избавленіе древнихъ суконныхъ фабрикъ отъ лежавшей прежде на нихъ обязанности и открытіе вольныхъ торговъ на поставку въ казну армейскихъ суконъ — дѣйствительно могутъ составить эпоху въ успѣхахъ суконнаго въ Россіи промысла и оживотворить всѣ отрасли онаго ко благу государства (спасибо О. П.).

Продаются изданныя отъ министерства внутр. дѣлъ слѣдующія книги въ пользу фабрикъ.

Указъ отъ 8 декабря 1799 г.: 1 сената (департамента?) оберъ-прокурора Козодавлева жалуя въ наши тайные совѣтники, повелѣваемъ ему присутствовать въ 1 сената департаментѣ, продолжая порученное ему составленіе гербовника, и управляя юнкерскою школою подъ главнымъ вѣдомствомъ ген.-прокурора.

Указъ отъ 14..... 1800 г. Вапенрихтера поручаемъ въ дирекцію сенатора Козодавлева, подъ именемъ директора герольдіи.

Приносимъ искреннюю благодарность Платону Ивановичу Баранову, начальнику сенатскаго архива въ Петербургѣ, сообщившему намъ изъ собираемыхъ имъ матеріаловъ для біографическаго словаря сенаторовъ, слѣдующія данныя о Козодавлевѣ, преимущественно о его службѣ:

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ.

Согласно россійскому гербовнику (т. I, ст. 67), родъ Козодавлевыхъ происходитъ отъ мекленбургской древней благородной фамиліи, отъ коей предокъ Козодавлевыхъ, «Косъ-фонъ-Даленъ» въ древнія времена выѣхалъ изъ Германіи въ Россію. Выписями разряднаго архива доказывается, что Козодавлевы служили россійскому престолу многія дворянскія службы, и въ 1606, а также и въ послѣдующихъ годахъ, жалованы были помѣстьями и чинами.

О. П. Козодавлевъ родился въ 1755-мъ году.

Будучи пажемъ высочайшаго двора и отличавшійся успѣхами въ наукахъ, О. Козодавлевъ, въ 1765 году, былъ отправленъ, въ числѣ 12 молодыхъ людей, въ лейпцигскій университетъ, для усовершенствованія ихъ въ правовѣдѣніи. Командировка эта имѣла въ виду предполагавшееся императрицею Екатериною учрежденіе комиссіи составленія проэкта новаго уложенія, которая и была открыта самою государынею 31 іюля 1767 года.

По высочайшему повелѣнію, 28 ноября 1774 года, обучавшійся въ лейпцигскомъ университетѣ, пажъ О. Козодавлевъ опредѣленъ въ сенатъ протоколистомъ.

Высочайшимъ указомъ 28 іюня 1783 г. состоящій въ академіи наукъ, въ должности совѣтника, надворный совѣтникъ Осипъ Козодавлевъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники.

Высочайшимъ указомъ 7 мая 1793 г. коллежскій совѣтникъ О. П. Козодавлевъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники.

21 іюня 1793 года высочайше повелѣно ему присутствовать въ комиссіяхъ: о народныхъ училищахъ и о коммерціи.

20 декабря 1796 года статскій совѣтникъ О. Козодавлевъ назначенъ къ отправленію должности оберъ-прокурора 3-го департамента сената.

3 января 1797 года высочайше повелѣно освободить правящаго должность оберъ-прокурора 3-го деп., статскаго совѣтника Козодавлева отъ присутствованія въ комиссіи объ учрежденіи училищъ.

22 февраля 1797 года исправляющій должность оберъ-прокурора 3-го деп. статскій совѣтникъ Козодавлевъ утвержденъ оберъ-прокуроромъ того же департамента.

26 сентября 1797 года назначенъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента сената.

1 января 1798 г. пожаловано ему 5 т. десятинъ земли изъ казенныхъ дачъ.

Высочайшимъ указомъ 8 декабря 1799 года оберъ-прокуроръ 1-го департамента Козодавлевъ былъ произведенъ въ тай-

ные совѣтники, съ назначеніемъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, въ 1-мъ департаментѣ, и поручено продолжать возложенное на него составленіе гербовника (онъ былъ директоромъ герольдіи и сенаторомъ) и управленіе юнкерскою при сенатѣ школою, подъ главнымъ вѣдѣніемъ генералъ-прокурора.

12 января 1800 г. высочайше повелѣно ему присутствовать во временномъ апеляціонномъ департаментѣ сената, а 27 января 1800 года перемѣщенъ къ засѣданію въ 3-й департ. сената; 4 сентября 1800 г. оставленъ присутствующимъ въ 3-мъ департаментѣ.

Высочайшимъ указомъ 4 февраля 1802 года повелѣно, въ вознагражденіе усердной и ревностной службы, производить ему, изъ экономической по герольдіи собираемой суммы, столовыхъ денегъ по 300 руб. въ мѣсяцъ.

12 сентября 1802 г. высочайше повелѣно приглашать его, какъ директора герольдіи, къ присутствованію въ общемъ собраніи 1-го департамента, назначеннаго указомъ 10 сентября 1802 года, для разсмотрѣнія основаній существованія герольдіи и постановленія правилъ, по коимъ ей впредь въ дѣлахъ ея поступать.

13 августа 1803 г. онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта.

По высочайшему повелѣнію 29-го января 1805 г. оставленъ присутствующимъ въ 3-мъ апеляціонномъ департаментѣ сената.

Вслѣдствіе манифеста 30 ноября 1806 г. о сборѣ милиціи, 20 декабря 1806 года повелѣно командировать его для осмотра губерній.

24 января 1808 года высочайше повелѣно командировать его въ Саратовъ, по случаю открывшейся тамъ заразы, а потомъ въ Пензу, для разсмотрѣнія и изслѣдованія нѣкоторыхъ дѣлъ.

21 апрѣля 1808 года высочайше повелѣно командировать его въ пензенскую губернію, для производства изысканія по дѣлу о пропущенныхъ въ ревизіи 5 т. душъ крестьянъ и о виновныхъ въ явномъ пренебреженіи должностныхъ лицахъ.

Высочайшимъ указомъ 19 декабря 1808 г. назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ отдѣленіемъ къ занятію его главнаго почтоваго правленія, 2-й и 3-й экспедицій департамента внутреннихъ дѣлъ.

5 января 1809 года повелѣно товарищу министра внутр. дѣлъ присутствовать въ 1-мъ департ. сената.

1 января 1810 года назначенъ къ присутствованію въ государственномъ совѣтѣ.

Высочайшимъ указомъ 28 января 1811 года назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

30 марта 1813 г. разрѣшено ему отлучиться въ Ревель, Ригу и Митаву, съ порученіемъ во время этого проѣзда осмотрѣть все то̀, что̀ входитъ въ части ввѣреннаго ему министерства внутр. дѣлъ. Возвратился 25 іюля 1813 года.

Высочайшимъ указомъ 24 апрѣля 1816 г. поручено ему управленіе министерствомъ юстиціи по случаю болѣзни министра Трощинскаго; вступилъ 27 апрѣля и управлялъ до 7 августа 1816 года.

Высочайшимъ указомъ 25 августа 1817 года поручено ему, на время отсутствія министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, отправленіе его должности по главному управленію духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а также и по министерству народнаго просвѣщенія.

Высочайшимъ указомъ 20 февраля 1818 года произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

По уваженію болѣзненнаго его состоянія, 6 мая 1819 г. уволенъ на все лѣто отъ присутствованія въ государственномъ совѣтѣ, сенатѣ и комитетѣ министровъ.

Умеръ 24 іюля 1819 года, и погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ.—

Нѣсколько отрывочныхъ, бѣглыхъ и случайныхъ, замѣтокъ о жизни и дѣятельности Козодавлева встрѣчается преимуще-

ственно на страницахъ различныхъ повременныхъ изданій. Имени Козодавлева не находится ни въ словарѣ достопамятныхъ людей, ни въ словаряхъ русскихъ писателей, за исключеніемъ Геннади. Но оно извѣстно и заграницею. Въ Biographie universelle, въ краткомъ извѣстіи о Козодавлевѣ приводится любопытная черта, рисующая его взглядъ на общественныя дѣла:

Kosadavlev, sénateur russe et conseiller intime de l'empereur, fit de brillantes études à l'université de Leipsick, où il reçut des leçons du célèbre Platner. Plus tard il acquit des connaissances très étendues dans la science administrative, et sut se concilier la bienveillance de l'empereur Alexandre, qui, en 1816, le nomma ministre de l'intérieur. C'est sur son rapport que la czar rendit, dans la même année, un ukase portant abolition de la servitude personnelle des paysans de l'Esthonie, mesure que la noblesse de cette province sollicitait elle-même depuis 1814. On cite de ce ministre un mot spirituel: quelqu'un demandant pourquoi les fruits et les plantes exotiques réussissent mieux en Russie que les manufactures: «c'est que, dit-il, l'administration ne se mèle pas des serres chaudes». Kosadavlev mourut en 1819 (Biographie universelle, Michaud. T. XXII, стр. 141).

2) Дѣла архива департамента герольдіи, № 67. — Прошеніе въ герольдмейстерскую контору подано О. П. Козодавлевымъ 23 октября 1797 года. Въ апрѣлѣ того же года Козодавлевъ просилъ о выдачѣ ему родословной съ описаніемъ.

Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ всероссійскія имперіи, начатый въ 1797 году. Часть первая, л. 67—67 об.: «Родъ *Козодавлевыхъ* происходитъ отъ *мекленбургской* древней благородной фамиліи, отъ коей предокъ Козодавлевыхъ *Косъ-фонъ-Даленъ* въ древнія времена изъ Германіи выѣхалъ въ Россію. Выписями изъ разряднаго архива, хранящимися въ герольдіи, доказывается, что Козодавлевы служили россійскому престолу многія дворянскія службы, и въ $\frac{7114}{1606}$ и другихъ годахъ жалованы были помѣстьями и чинами, что явствуетъ и изъ многихъ книгъ, до исторіи россійской касающихся».

Дѣла архива с.-петербургскаго дворянскаго собранія:

Дворянская родословная книга с.-петербургской губерніи, за трехлѣтіе съ 1815 года по 1818 годъ:

— По предложенію бывшаго санктпетербургскаго губернскаго предводителя дворянства, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Алексѣя Алексѣевича *Жеребцова*, въ коемъ изъяснено, что всемилостивѣйше пожалованною дворянству грамотою, 90 ст., повелѣно: вновь получившихъ имѣніе въ уѣздѣ, буде о благородствѣ нѣтъ сомнѣнія, вносить безъ справокъ въ родословную книгу, а какъ извѣстно его превосходительству, что изъ числа невнесенныхъ въ родословную книгу дворянства санктпетербургской губерніи, тайный совѣтникъ, сенаторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и кавалеръ *Осипъ Петровичъ Козодавлевъ*, имѣетъ въ Санктпетербургѣ домъ, и какъ о дѣйствительности дворянства его превосходительства, происходящаго изъ древней фамиліи, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то, по силѣ вышеприведеннаго узаконенія, и слѣдуетъ внести въ родословную дворянскую книгу здѣшней губерніи.—

Опредѣленіе санктпетербургскаго дворянскаго депутатскаго собранія о внесеніи въ шестую часть дворянской родословной книги санктпетербургской губерніи тайнаго совѣтника, сенатора, министра внутреннихъ дѣлъ Осипа Петровича *Козодавлева*, состоялось 24 апрѣля 1817 года.

Протоколы с.-петербургскаго дворянскаго собранія 1817 года:

— 1817 года, апрѣля 24 дня. По указу его императорскаго величества, с.-петербургское дворянское депутатское собраніе, слушавъ *словесное* предложеніе г. санктпетербургскаго губернскаго предводителя дворянства, коимъ присутствію сего собранія предлагалъ, что всемилостивѣйше жалованной благородному дворянству грамоты 90 статьею повелѣно вновь получившихъ имѣніе въ уѣздѣ, буде о благородствѣ нѣтъ сомнѣнія, вносить безъ справокъ въ родословную книгу; а какъ извѣстно его превосходительству, что

изъ числа невнесенныхъ въ родословную книгу дворянства санктпетербургской губерніи, имѣютъ во оной и вновь пріобрѣли недвижимыя имѣнія нѣкоторые изъ гг. членовъ государственнаго совѣта, какъ-то: министръ военныхъ морскихъ силъ, маркизъ Ив. Ив. де-Траверсе; министръ полиціи, Александръ Дмитріевичъ Балашовъ; министръ финансовъ, Дмитрій Александровичъ Гурьевъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, Козодавлевъ (Гурьевъ и Козодавлевъ домы въ Петербургѣ), и какъ о дѣйствительности дворянства ихъ, происходящаго изъ древнихъ фамилій, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, то, по силѣ вышеприведеннаго узаконенія, и слѣдуетъ ихъ внести въ родословную дворянскую книгу здѣшней губерніи.». Приказали: вышепоименованные дворянскіе роды, высочайше его императорскимъ величествомъ удостоенные первѣйшихъ должностей и отличныхъ почестей, имѣющіе въ здѣшней губерніи недвижимыя имѣнія, доходъ приносящія, по точнымъ словамъ всемилостивѣйше жалованной благородному дворянству грамоты 81, 82 и 90 статей, внесть въ дворянскую родословную книгу с.-петербургской губерніи, Траверсе въ пятую, а прочихъ въ шестую часть. —

Тогда же положено истребовать, черезъ предводителя дворянства, списокъ о родѣ Козодавлева.

ГРАМОТА

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Отъ губернскаго предводителя дворянства и уѣздныхъ дворянскихъ депутатовъ, собранныхъ для составленія дворянской родословной книги, данная дворянину, тайному совѣтнику, члену государственнаго совѣта, сенатору, министру внутреннихъ дѣлъ, комиссіи пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ члену и кавалеру Осипу Петровичу Козодавлеву.

Разсмотрѣвъ, на основаніи всемилостивѣйше пожалованной отъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыни

императрицы Екатерины II, въ 1785 году апрѣля 21 дня, дворянству грамоты, предъявленныя отъ него, Козодавлева, о дворянскомъ его достоинствѣ доказательства, признали оныя согласными съ предписанными на тò правилами, въ слѣдствіе коихъ, по силѣ восемьдесятъ второй статьи объявленной грамоты, онъ и родъ внесенъ въ дворянскую родословную санктпетербургской губерніи книгу, въ шестую ея часть. Во свидѣтельство чего мы, губернскій предводитель дворянства и депутаты, во исполненіе всевысочайшаго его императорскаго величества соизволенія, дали ему сію грамоту, за подписаніемъ нашимъ, утвердивъ оную печатью дворянскаго собранія санктпетербургской губерніи. Августа 9-го дня 1817 года. Губернскій предводитель дворянства Алексѣй Жеребцовъ.

Приводимъ нѣсколько документовъ, относящихся къ имуществу Козодавлевыхъ и къ переходу его отъ предковъ Осипа Петровича Козодавлева къ нему самому и къ наслѣдникамъ его и его жены. Документы эти сохранились въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

Въ книгѣ Вотчинной Конторы по городу Новгороду за № 61, въ дѣлѣ 6, написано:

«Полковника и коменданта Чемесова полка подполковникъ *Степанъ Васильевъ Козодавлевъ*, челобитьемъ отъ 15 декабря 1716 года, просилъ дать ему изъ новгородской приказной палаты выпись на помѣстныя и вотчинныя его, а также и отцовскія дачи; по которому челобитью учинена слѣдующая выпись:

Въ помѣстной сдаточной выпискѣ Обонежской пятины, за приписью дьяка Ивана Иванова, 1700 года марта 6, написано: *Степанъ Васильевъ сынъ Козодавлевъ* помѣстнымъ окладомъ не верстанъ, а помѣстья дано ему въ 700 году сдаточнаго, тестя его Григорьева помѣстья Боранова, въ Обонежской пятинѣ, въ

нагорной половинѣ, въ Воскресенскомъ Лученскомъ погостѣ, дер. Орѣхово, 10 чети со всѣми крестьяны, которые въ той деревнѣ живутъ.

Въ помѣстной мѣновной выпискѣ Обонежской пятины, 1700 г. іюня 8, написано: *Степанъ Васильевъ Козодавлевъ* въ 700 г. промѣнилъ полюбовно, по заручной челобитной, изъ помѣстья отца своего Василья Козодавлева Семену Амирову въ Обонежской пятинѣ, въ Спаскомъ Кожельскомъ погостѣ, въ пуст. Перхи, а въ волости зовутъ Якуткино, пол-четверика. А противъ того онъ, Степанъ Козодавлевъ, вымѣнилъ въ помѣстьѣ отца своего у него, Семена Амирева, въ той же Обонежской пятинѣ, въ Дмитріевскомъ Капетцкомъ погостѣ, пуст., что была деревня Устькапша, 20 чети да жеребей въ пуст. Орефановѣ 2 чети съ осминою; всего 22 чети съ осминою.

Да въ отказныхъ книгахъ Обонежской пятины отдѣльщика Василья Харламова, 709 года октября 24, написано: отдѣлено въ помѣстье ингермоланской губерніи брегадира Томосова полка Фразера маіору *Степану Козодавлеву* сдаточнаго, бабки его Степановой родной вдовина Марьина Ивановской жены Козодавлева, прожиточнаго ея жеребья, въ Обонежской пятинѣ, въ Егорьевскомъ Пашскомъ Кожельскомъ погостѣ, въ усадищѣ въ Кривомъ Наволокѣ на его, Степанову, выть 3 чети съ третникомъ, въ пуст. Манинѣ 3 чети съ третникомъ, въ пуст. на Пудролѣ въ Широчовѣ осмина съ пол-пол-третникомъ, въ пуст. Кривомъ Наволокѣ 3 чети съ третникомъ, да въ Воскресенскомъ Липенскомъ погостѣ, въ пуст. Котелевѣ, пол-четверика съ полмалымъ третникомъ. Всего отдѣлено въ усадищѣ и въ пустошахъ 10 чети съ осминою и съ четверикомъ и съ пол-малымъ третникомъ.

Въ помѣстной мѣновной выпискѣ Обонежской пятины, за приписью дьяка Дмитрія Якимова, 709 г. іюня 8, написано: *Степанъ Васильевъ Козодавлевъ* промѣнилъ полюбовно Степану Телепневу, изъ помѣстья отца своего, въ Обонежской пятинѣ, въ Нагорной половинѣ, въ Воскресенскомъ Липенскомъ погостѣ, пуст.

Струпино 20 чети да сдаточную свою пустую деревню Орѣхово 10 чети; всего 30 чети. А противъ того онъ, Степанъ Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Телепнева, въ той же Обонежской пятинѣ, въ нагорной половинѣ, въ Спаскомъ Кожельскомъ Егорьевскомъ погостѣ, въ пуст. Машковѣ, въ пуст. Бересковѣ, въ пуст. Огурцовѣ, пуст. Чернышевшинѣ, въ пуст. Грибановшинѣ, въ пустоши, что въ волости зовутъ Чаврына, въ пуст. Горкѣ, въ пуст. Новинѣ, да въ Никольскомъ Явосельскомъ погостѣ, въ пуст. Горушкѣ, его, Степана Телепнева, выть, всего 14 чети съ осминою.

Въ помѣстной мѣновной выпискѣ Обонежской пятины, за приписью дьяка Дмитія Якимова, 712 г. мая 2, написано: маіоръ *Степанъ Козодавлевъ* промѣнилъ полюбовно Филипу Захарьеву сыну Муравьеву въ Обонежской пятинѣ, въ Липенскомъ погостѣ, въ пуст. Котелевѣ, пашни четверикъ. А противъ того онъ, Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Муравьева, въ Вотцкой пятинѣ, въ Городенскомъ погостѣ, въ пуст. Остовинѣ, въ Замошьѣ, Кузнецовѣ тожъ, и съ припускною пустошью Новинкою, пашни 14 чети съ третникомъ; и прибыло ему въ той мѣнѣ пашни 14 чети съ пол-третникомъ и съ пол-четверикомъ.

Въ помѣстной дачѣ Обонежской пятины, которая по челобитью Чемесова полка подполковника *Степана Васильева Козодавлева* о справкѣ отца его помѣстья, жилаго и пустаго, за приписью дьяка Дмитрія Якимова, 714 года апрѣля 17, написано: дано въ помѣстье подполковнику Степану Васильеву сыну Козодавлеву отца его, Васильевскаго помѣстья Козодавлева, пашни 207 четвертей съ пол-третникомъ и съ пол-пол-третникомъ, со крестьяны.

А по дачамъ и по отказнымъ книгамъ, за его, *Степановымъ, отцомъ*, за *Васильемъ Козодавлевымъ* помѣстья, а имянно:

Изъ даточныхъ книгъ Обонежской пятины, за приписью дьяка Ивана Зиновьева, 166 года, написано: вдова *Марья Ивановская жена Козодавлева* съ дѣтьми, *Васильемъ* да *Савою*, помѣстья дано имъ на прожитокъ во 166 году свекра ея, Марьина, а ихъ, Васильева и Савина, *дѣда Иванова* помѣстья *Козодавлева*,

вопче съ *Григорьемъ Козодавлевымъ*, по ихъ полюбовнымъ записямъ, на ея вдовьину Марьину выть съ дѣтьми, того помѣстья 217 чети съ осминою.

Въ даточныхъ книгахъ Обонежской пятины, за приписью дьяка Ивана Рубцова, 178 г., написано: дано въ помѣстье *Василью Иванову сыну Козодавлеву*, во 178 году, *дяди* его *Григорьева* помѣстья *Козодавлева*, по полюбовному договору и по заручной челобитной, въ Обонежской пятинѣ, въ Никольскомъ Явосемскомъ погостѣ, въ дер. Чутцкой, и со крестьяны, его, Григорьевы, дачи, половина со всѣми угодьи; да въ Петровскомъ Мелечежскомъ погостѣ, въ дву пустошахъ Жилотугахъ, 3 обжи безъ четверти, да въ Лученскомъ погостѣ, въ пуст. Подлипьѣ, 10 чети, въ пуст. Нудомлѣ 5 чети; всего 47 чети съ осминою.

И въ томъ же 178 году изъ того своего помѣстья *Василій Козодавлевъ* промѣнилъ полюбовно Никитѣ Селивачеву въ Обонежской пятинѣ, въ Воскресенскомъ Лученскомъ погостѣ, въ пуст. Подлипьѣ 10 чети, въ пуст. Нудомлѣ 5 чети; всего 15 чети. А противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Селивачева, въ Обонежской пятинѣ, въ Егорьевскомъ Коленскомъ погостѣ, пуст. Засопье, Сорожно тожъ, пол-3 обжи, въ пуст. Судеповѣ 2 чети съ осминою, въ пуст. Симановѣ четверть, въ пуст. Подролѣ Стогоничахъ пол-3 обжи, въ пуст. Чечафорки Окулова пол-3 обжи, да въ Воскресенскомъ Лученскомъ погостѣ, пуст. Падеино 2 чети съ осминою, пуст. Полежаевшина 3 чети безъ четверика; всего 14 чети безъ четверика.

Въ даточныхъ книгахъ Обонежскіе пятины, за приписью дьяка Ивана Дмитріева, 181 года, написано: *Василій* да *Сава Ивановы* дѣти *Козодавлева*, помѣстья дано имъ, во 166 году, *дѣда ихъ Иванова* помѣстья *Козодавлева*, вопче съ *матерью* ихъ, со вдовою *Марьею Ивановскою* женою *Козодавлева*, по раздѣлу съ *дядею* ихъ *Григорьемъ Козодавлевымъ*, на ихъ выть 217 чети съ осминою. Изъ того числа, во 179 году, по полюбовному дѣлу и договору ихъ съ матерью ихъ, со вдовою Марьею Ивановскою женою Козодавлева, дано ей на прожитокъ 55 чети; а въ остаткѣ

за ними дѣда ихъ помѣстья 162 чети съ осминою; да Василью дано поступнаго дяди его, Григорьева помѣстья Козодавлева, во 178 году, въ Обонежской пятинѣ 46 чети съ осминою безъ четверика; и во 181 году, изъ того дѣда ихъ помѣстья снято съ нихъ, Василья и Савы, въ Обонежской пятинѣ, въ Никольскомъ Явосемскомъ погостѣ, пуст. за болотомъ, а Заболотье тожъ, 5 чети, что та пустошь во 161 г. дана въ помѣстье Ивану Исакову сыну Селивачеву. И за ними осталось того дѣда ихъ помѣстья 157 чети съ осминою, по 79 чети безъ полуосмины въ помѣстье человѣку.

Да имъ же, *Василью и Савѣ*, дано, во 181 г., выморочнаго дѣда ихъ *Давыдова* помѣстья *Козодавлева*, въ Обонежской пятинѣ, въ Никольскомъ Явосемскомъ погостѣ, пуст. на рѣкѣ Рыбежнѣ, у броду 15 чети, пуст. Горушка на Рыбежнѣ 5 чети, пуст. Погорѣлецъ на Рыбежнѣ, Сомовская, 4 чети съ третникомъ, да въ Егорьевскомъ Кожельскомъ погостѣ, въ пуст. Нашемушкѣ, въ усадищѣ его, выть 20 чети. Всего 44 чети съ третникомъ, по 22 чети съ пол-третникомъ человѣку.

Да въ даточныхъ книгахъ Обонежскіе пятины, за приписью дьяка Льва Ермолаева, 191 года, написано: дано въ помѣстье *Василью да Савѣ Козодавлевымъ*, во 191 году, изъ порозжихъ земель Богдановскаго да Фадеевскаго Васильевыхъ дѣтей, да Петровскаго Иванова сына, да Прокофьевскаго Козмина сына *Козодавлевыхъ*, помѣстей, въ Обонежской пятинѣ, въ Егорьевскомъ Кожельскомъ погостѣ, пустошь Ваепсово на рѣкѣ Пашѣ, а Погорѣлецъ тожъ, 25 чети, сѣна 20 копенъ, да Васильевскаго помѣстья Севринова сына Апрѣлева пуст. Чернева, а въ волости зовутъ Чернышевшина, 10 чети, сѣна 15 копенъ. Всего 35 чети, по 17 чети съ осьминою въ помѣстье человѣку.

Да въ томъ же, во 191, году они, Василій и Сава Козодавлевы, по полюбовному договору и по сдѣлочнымъ записямъ, тѣ свои прежнія помѣстныя дачи полюбовно подѣлили, а по полюбовному договору досталось *Василью Козодавлеву дѣда и отца его помѣстья* и новыхъ дачъ на его, Васильеву, выть въ Обо-

нежской пятинѣ, въ Никольскомъ Явосемскомъ погостѣ, въ дер. Чутцкихъ 5 чети, да на той землѣ крестьянъ (писаны поименно), да въ Егорьевскомъ погостѣ на Пашѣ, на Кожелѣ, пуст. Усадище на Семушкѣ 20 чети, да въ пуст. Пудролѣ въ Стоговицахъ четверть съ осминою и съ пол-третникомъ, пуст. Заполье-Сторожно, а въ волости зовутъ Новинка, четверть съ осминою и съ пол-третникомъ; въ Воскресенскомъ Лученскомъ погостѣ, пуст. Падьино 2 чети съ осминою, пуст. Полежаевшина 3 чети безъ четверика, въ пуст. Быковѣ 5 чети, пуст. Подолъ 20 чети; да въ Петровскомъ Мелегежскомъ погостѣ въ дву пуст. Жилутогахъ 27 чети съ осминою; да въ Егорьевскомъ Кожельскомъ погостѣ, въ пуст. Огурцовѣ, да въ пуст. Жерятницахъ, Погорѣлецъ тожъ, да въ пуст. Новинѣ на острову, да въ пустоши, что былъ починокъ надъ Сапою рѣкою, а Грибановшина тожъ, четверть съ осминою и съ пол-третникомъ, пуст. Машкова надъ Пашею рѣкою 11 чети съ осминою, въ пуст. Черневѣ, а въ волости зовутъ Черневшина, вопче съ братомъ его Савою на его, Васильеву, выть 35 чети съ пол-пол-третникомъ. Всего 121 четь съ полуосминою и малъ третникъ.

И въ томъ же, 191, году изъ того своего помѣстья *Василій Козодавлевъ*, по заручной челобитной, промѣнилъ полюбовно Никитѣ Селивачеву, въ Обонежской пятинѣ, въ Воскресенскомъ Лученскомъ погостѣ, пуст. Подолъ 20 чети; а противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Селивачева, въ той же пятинѣ, въ Никольскомъ Явосемскомъ погостѣ, пуст. за мхомъ у болота, а въ волости зовутъ Заболотье, 10 чети.

Да въ даточныхъ книгахъ Обонежскіе пятины, за приписью дьяка Гаврила Федорова, 193 г., написано: *Василій Козодавлевъ* во 193 г. промѣнилъ полюбовно, по заручной челобитной, Савѣ Селивачеву въ Обонежской пятинѣ, Воскресенскомъ Лученскомъ погостѣ, пуст. Быково 5 чети, въ пуст. Подлипьѣ 2 чети съ осминою, пуст. Падьино 2 чети съ осминою, пуст. Полежаевшина 3 чети безъ четверика; всего 13 чети безъ четверика. А противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Сели-

вачева, въ той же Обонежской пятинѣ, въ Воскресенскомъ Липенскомъ погостѣ, пуст. Струнино 20 чети.

Да ему-жъ, Василью Козодавлеву, дано изъ порозжихъ земель во 193 году въ Обонежской пятинѣ, въ Дмитріевскомъ Кременицкомъ погостѣ, что осталось за дачами разныхъ помѣщиковъ, въ пуст. Глухомъ Загорьѣ, а въ волости зовутъ Крутикъ, 15 чети, да въ Дмитріевскомъ Капецкомъ погостѣ Тимофеевскаго помѣстья Оберпибѣсова пуст. Репница Власово 5 чети съ четверикомъ, сѣна 18 копенъ, что осталось за дачею у Игнатья Култашева, пуст. другое Власово, Андреевская тожъ, 2 чети, сѣна 12 копенъ, что осталось за дачею у Семена Бестужева пуст. Сидоровская, на Пиндѣ жъ горѣ, 7 чети безъ третника, всего 14 чети безъ полуосмины.

Да въ даточныхъ книгахъ Обонежскіе пятины, за приписью дьяка Ефима Чорнаго, 200 году, написано: *дано въ помѣстье Василью Иванову сыну Козодавлеву*, въ 200 году, изъ порозжихъ земель въ Обонежской пятинѣ, въ Егорьевскомъ Кожельскомъ погостѣ, Земетцкаго Константина Никифорова да Григорья Пентелеева пустошь, что была деревня въ Шоголобѣ, а въ волости зовутъ Архизовшина, 10 чети, сѣна 20 копенъ.

И изъ того своего помѣстья Василій Козодавлевъ, въ 200 году, промѣнилъ полюбовно Козмѣ Иванову сыну Аничкову въ Обонежской пятинѣ, въ Дмитріевскомъ Капецкомъ погостѣ, въ пуст. Репницѣ Власова четь съ осминою. А противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Козмы Аничкова, въ той-же Обонежской пятинѣ, въ Егорьевскомъ Пашскомъ Кожельскомъ погостѣ, пуст. Часовенскую-Аверкіевшина, на рѣчкѣ на Сапѣ, 15 чети со всѣми угодьи.

Да онъ же, Василій Козодавлевъ, промѣнилъ полюбовно Захарью Григорьеву сыну Козодавлеву въ Обонежской пятинѣ, въ Дмитріевскомъ Капетцкомъ погостѣ, въ пуст. Репницы-Власово 1 четь; а противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Захарья Козодавлева, въ той же Обонежской пятинѣ, въ Егорьевскомъ Кожельскомъ погостѣ, пуст. Осиновое, да къ ней-

же припущена пуст. Ивановская, въ обоихъ пустошахъ 20 чети.

Да въ даточныхъ книгахъ Обонежской пятины, за приписью дьяка Ефима Чорнова, 201 года, написано: *Василій Козодавлевъ* промѣнилъ полюбовно въ 201 году Михаилу Ларіонову сыну Мордвинову въ Обонежской пятинѣ, въ Дмитріевскомъ Копетцкомъ погостѣ, въ пуст. Власовѣ, Андреевская тожъ, пашни четверикъ. А противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Мордвинова, въ той же Обонежской пятинѣ, въ Егорьевскомъ Пашскомъ Кожельскомъ погостѣ, въ пуст. Горкѣ, на рѣкѣ Сапѣ, 1 четь съ полуосминою.

Да онъ же, Василій Козодавлевъ, промѣнилъ Михею Сиверицыну въ Обонежской пятинѣ, въ Дмитріевскомъ Капетцкомъ погостѣ, въ пуст. Власовѣ-Репницѣ 1 четь съ осминою. А противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Сиверицына, въ той же Обонежской пятинѣ, въ Климетцкомъ Полбѣжскомъ погостѣ, въ выставкѣ Пярдомли, въ пуст. Корповѣ, Новинки тожъ, на рѣчкѣ на Лоннѣ, на его Михееву выть, 8 чети безъ пол-третника.

Да въ даточныхъ книгахъ Обонежскіе пятины, за приписью дьяка Ефима Черново, 203 года, написано: *Василій Козодавлевъ* въ 203 г. промѣнилъ полюбовно Тимофею Кобылину въ Обонежской пятинѣ, въ Егорьевскомъ Кожельскомъ погостѣ, пуст. Шохоболо, а въ волости зовутъ Архизовшина, 10 чети. А противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Тимофея Кобылина, въ томъ же Егорьевскомъ Кожельскомъ погостѣ, пуст. на Сапѣ рѣкѣ, пуст. Пальцова, да пуст. Горку на той же рѣкѣ: въ обѣихъ 19 чети безъ полуосмины.

Да онъ же, Василій Козодавлевъ, промѣнилъ полюбовно Захарью Козодавлеву въ Обонежской пятинѣ, въ Дмитріевскомъ Кременицкомъ погостѣ, въ пуст. Глухомъ Загорьѣ, а въ волости зовутъ Крутикъ, 15 чети. А противъ того онъ, Василій Козодавлевъ, вымѣнилъ у него, Захарья Козодавлева, въ той же пятинѣ, въ Егорьевскомъ Кожельскомъ погостѣ, пуст. Перхино, а въ во-

лости зовутъ Якуткино, 7 чети безъ третника, пуст. Насемушка Новинку 2 чети безъ третника, пуст. Кокорино 10 чети; всего 18 чети съ третникомъ.

Всего за *Васильемъ Ивановымъ сыномъ Козодавлевымъ*, по вышеписаннымъ даточнымъ книгамъ и по мѣновнымъ роспискамъ, имѣется въ дачѣ помѣстья по наличію 207 четвертей съ полутретникомъ и съ пол-полтретникомъ; и тѣ 207 чети, по вышепомянутой дачѣ 714 года, справлены *за его, Васильевымъ, сыномъ*, за подполковникомъ *Степаномъ Козодавлевымъ*.

Да въ отказныхъ книгахъ Обонежской пятины земскаго Козмы Зайцова 714 года написано: отказано въ помѣстье ему-жъ, *Степану*, прожиточное помѣстье и вотчины въ Обонежской пятинѣ, въ Воскресенскомъ Лученскомъ погостѣ, въ усадищѣ Выглатковѣ, да пуст. Жировыково, 9 чети, а на той землѣ (здѣсь описаны дворъ помѣщиковъ и все строеніе, а также весь домашній скотъ, дворовые люди поименно, хлѣбъ, мельница); въ пуст. Игнашевѣ осмину, въ дер. Шипковѣ осмину, въ пуст. Глазидовѣ 1 четь, въ дер. Каменномъ острову Матаскино 3 чети, на той землѣ крестьянинъ, въ пуст. Песку четь, въ дер. что былъ починокъ Чиковъ, Новинка тожъ, четь съ полуосминою, на той землѣ крестьянинъ, въ пуст. Губинѣ четь, въ пуст. Кухновѣ четь, въ пуст. Млочалищѣ осмина, въ пуст. Позалѣ 2 чети, въ пуст. Лазаревѣ осмина, въ пуст. Подлишьѣ Ставишинѣ четь, въ Дымскомъ погостѣ, въ усадищѣ Дымѣхъ, четь, да въ дер. Турповѣ 5 чети, а на той землѣ крестьянъ, въ пуст. Скорновѣ 7 чети съ осминою, въ пуст. Спурашковѣ 7 чети съ осминою да сѣнные покосы; Колбельскаго погоста, выставки Пердомли, въ дер. Дубицыно Горки 8 чети и, по волостному прозванію, Задорьѣ 8 чети, на той землѣ крестьянъ, въ пуст. Горшки четь, въ пуст. Зяблющахъ четь, въ пуст. Запольѣ четь; да изъ купленые вотчины Артемьевскіе въ Шелонской пятинѣ, въ Ручьевскомъ погостѣ, пуст. Воробьево 20 чети; да въ Дремятцкомъ погостѣ, въ пуст. Клобукахъ, 11 чети со крестьяны; и всего 31 четь. И всего вышеписанной усадьбы въ деревняхъ и въ пустошахъ четвертные

пашни помѣстья и вотчины 86 чети, и вышеписанныхъ дворовыхъ людей и крестьянъ съ женами и дѣтьми и съ ихъ крестьянскими животы, съ хоромнымъ строеніемъ, съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи и съ посѣяннымъ всякимъ хлѣбомъ.

Да въ отказныхъ книгахъ откащика Козьмы Зайцова 714 года написано: отказано въ вотчину *полуполковнику Степану Козодавлеву* поступной вотчины, которою ему поступилась дѣвка Марья Васильева дочь Путилова въ Бѣжецкой пятинѣ, въ Егорьевскомъ Минитцкомъ погостѣ, въ усадищѣ Бревновѣ, что прежъ сего была деревня, 11 четвертей съ полуосминою, на той землѣ бобыля да двороваго человѣка, въ пуст. Жиглевѣ 9 четвертей безъ полуосмины, въ пуст. Подручьѣ 5 чети, въ пуст. Подмошьѣ 5 чети; да изъ помѣстной земли въ томъ же Егорьевскомъ Минитцкомъ погостѣ, въ пуст. Хвостовѣ, четь съ полуосминою, въ пуст. Глазовѣ 5 чети; да въ Ильинскомъ Мегринскомъ погостѣ, въ пуст. Столбовѣ, 2 чети съ осминою; да въ Егорьевскомъ Минитцкомъ погостѣ, въ пуст. Федоринѣ, 4 чети, въ пуст. Лебедевѣ 5 чети, сѣна по Сясѣ рѣкѣ 5 копенъ, въ пуст. Медвѣдевѣ, а Бородино тожъ, 2 чети съ осминою, сѣна 5 копенъ; въ пуст. Гришинѣ 3 чети съ осминою, въ пуст. Дошевникѣ, а Дождевникъ тожъ, 9 чети безъ полуосмины, въ пуст. Колобовѣ 1 четь, въ пуст. Опалевѣ да въ пуст. Кошавинѣ 2 чети съ осминою, въ пуст. Сельцѣ 4 чети безъ полуосмины; въ Бѣжецкой же пятинѣ, въ Петровскомъ Козмодемьянскомъ погостѣ, въ Кушелевѣ, въ пуст. Собокинѣ 2 чети, да въ Ильинскомъ погостѣ на Сясѣ въ пуст. Погорѣльѣ 1 четь; да въ Егорьевскомъ же Минитцкомъ погостѣ, въ пуст. Кошавинѣ 4 чети, въ томъ Минитцкомъ погостѣ въ пуст. Заболотьѣ 2 чети, въ Прокопьевскомъ большомъ погостѣ, въ дер. Минчицы четь, въ пуст. Заглубовьѣ пол-осмины, въ пуст. Тесовкѣ четь, на той землѣ бобылька, въ пуст. Горки Ануфріевы 2 чети; да въ Миницкомъ же погостѣ, въ пуст. Жуковѣ 2 чети. И всего въ вышеписанной Бѣжецкой пятинѣ, въ разныхъ погостахъ, въ усадьбѣ Бревневѣ, что была деревня, въ деревняхъ и въ пустошахъ вотчинной земли

30 четвертей да помѣстной 53 четверти, обоего 83 четверти, съ вышеписанными людьми и со крестьяны и съ женами ихъ и съ дѣтьми, и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи.

И всего за полуполковникомъ Степаномъ Козодавлевымъ, по вышеписаннымъ дачамъ, помѣстья четвертные пашни 357 чети безъ пол-пол-третника, вотчины 61 четь, всего 418 чети безъ пол-пол-третника.

По городу *Владиміру* молодыхъ лѣтъ за № 37, дѣло 4, л. 51. Челобитная изъ дворянъ Прав. Сената протоколиста *Осипа Петрова сына* да сестры его родной дѣвицы Елизаветы Петровой дочери *Козодавлевыхъ*, отъ 10 августа 1775 года, о томъ: въ прошлыхъ, 1757 отецъ нашъ лейбъ-гвардіи коннаго полка секундъ-ротмистръ Петръ Осиповъ сынъ Козодавлевъ, а мать наша Аграфена Григорьева дочь Петрово-Соловово въ 1774 годѣхъ волею Божіею скончались; а недвижимаго за онымъ отцомъ нашимъ имѣлось, а имянно: состоящій въ Москвѣ, въ Земляномъ городѣ, за Арбатскими вороты, въ 3-й полицейской части, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что на Пескахъ, дворъ съ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ, да въ Новогородскомъ уѣздѣ, въ Обонежской пятинѣ, въ Пошеегорьевскомъ погостѣ, въ сельцѣ Кривомъ Наволокѣ, съ деревнями, да въ Ясемскомъ погостѣ, въ деревнѣ Чуцкой съ пустошьми, а за матерью нашею въ Володимірскомъ уѣздѣ, въ Муромскомъ стану, въ сельцѣ Филисовѣ, съ деревнями и съ пустошьми жъ, да въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Великосольской волости, въ деревнѣ Шишеловѣ Басовѣ, да въ Шухомвской волости, въ деревнѣ Некрасовѣ и Панковѣ, съ пустошьми жъ, съ людьми и со крестьяны; изъ коего недвижимаго, такожъ и московскаго двора и движимаго имѣнія, надлежало мнѣ, Елисаветѣ, послѣ вышеприписанныхъ отца и матери моей, указная часть, а за тою указною частью, оставшему всему оному имѣнію, по законному наслѣдству, слѣдуетъ быть за мною *Осипомъ Козодавлевымъ*. И мы, Осипъ и дѣвица Елизавета Петровы дѣти Козодавлевы, то отца своего и матери движимое и недвижимое имѣніе раздѣлили полюбовно. А по сему на-

шему полюбовному раздѣлу, я, дѣвица Елизавета, вмѣсто указной моей части, взяла себѣ за движимое и недвижимое имѣніе предъявленныхъ отца и матери моей деньгами 10,000 рублевъ, да изъ дворовыхъ людей безъ земли: Андрея Андреева сына Фуфаева, Ермолая Титова сына Репьева, да дѣвокъ: Дарью Иванову, Татьяну Иванову, Евпраксу Никифорову дочь Копытову, изъ коихъ означенный Андрей Фуфаевъ и дѣвки Дарьи отецъ Иванъ Дмитріевъ, по нынѣшней 3-й мужеска пола душъ ревизіи, въ подушномъ окладѣ положены въ Володимірскомъ имѣніи въ сельцѣ Филисовѣ, а дѣвки Татьяны отецъ же Иванъ Силинъ по той же ревизіи написанъ въ Костромскомъ уѣздѣ въ дер. Шишиловѣ, а Ермолай Титовъ сынъ Репьевъ и дѣвка Евпракса, что достались по купчей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка отъ капитана, князь Петра Александрова сына Меншикова; а *мнѣ, Осипу Козодавлеву*, по сему жъ нашему полюбовному раздѣлу, досталось въ наслѣдство вышепрописанный московскій дворъ со всѣмъ, что въ немъ есть, и вышепомянутыя послѣ отца и матери нашей движимыя и недвижимыя имѣнія съ людьми и со крестьяны, съ женами ихъ и съ дѣтьми, со внучаты и съ братьями и племянники и съ пріимыши, съ помѣщиковыми съ людскими крестьянскими дворами, со скотомъ, хлѣбомъ и строеніемъ, съ усадебною и четвертною пашнею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы, съ рыбными ловли, и со всѣми угодьи, и съ принадлежащими къ тѣмъ имѣніямъ примѣрными землями, пустошами и по крѣпостямъ дачами, такожъ и съ бѣглыми людьми и крестьяны, и съ пожилыми и заработными за нихъ деньгами, и какія подлежатъ же, все безъ остатку; и впредь намъ, Осипу и Елизаветѣ, и наслѣдникамъ нашимъ сего нашего полюбовнаго раздѣла ничѣмъ не спорить, такожъ изъ недвижимыхъ и движимыхъ отца и матери нашей имѣній о людяхъ и крестьянахъ указной части мнѣ, дѣвицѣ Елизаветѣ, не просить и ни чѣмъ не нарушить, а быть обоимъ намъ симъ полюбовнымъ нашимъ раздѣломъ довольнымъ вѣчно. И дабы повелѣно было противъ сего нашего раздѣльнаго челобитья насъ обоихъ въ подтвержденіе при свидѣтеляхъ до-

просить и потомъ за мною, Осипомъ Козодавлевымъ, вышеименованныя недвижимыя имѣнія справить и объ отказѣ куда надлежитъ послать указы.

1777 года сентября 1 дня въ госуд. Вотчинной Коллегіи во 2-мъ департаментѣ по экспедиціи неспорныхъ дѣлъ, по слушаніи дѣла по челобитью Прав. Сената изъ дворянъ протоколиста, который нынѣ экзекуторомъ, *Осипа Петрова сына Козодавлева* о справкѣ и объ отказѣ за него послѣ матери его, вдовы Аграфены Григорьевой дочери, лейбъ-гвардіи коннаго полка секундъ-ротмистра Петровой жены Козодавлева, недвижимаго Володимірскаго и Костромскаго имѣнія, которое, по справкѣ въ Коллегіи по дачѣ 754 іюля 29 и отказнымъ того-жъ года ноября 29 и 755 годовъ генваря 30 чиселъ книгамъ, состоитъ за оною матерью его, просителевою, вдовою Аграфеною секундъ-ротмистра Петровою женою Козодавлева, опредѣлено: 3) вышепоказанное ея, вдовы Аграфены Козодавлевой, Володимірское и Костромское имѣніе, а имянно: въ *Володимірскомъ* уѣздѣ, въ стану Муромскомъ Сельцѣ, сельцо, что была деревня Филисова, 114 четвертей и 6 четвериковъ, дер. Волохово 43 четверти, пуст. Писнинская 20 четвертей, пуст. Бутково, Бутеево тожъ, 22 четверти, пуст. Липова Поляна 25 четвертей, пуст. Лужа, Фонино тожъ, 15 четвертей, пуст. Старое Подсвятье 14 четвертей; въ Шепнской Кроминѣ дер. Якушевича 23 четверти, пуст. Орловская 15 четвертей, пуст. Пасимъ 10 четвертей, пуст., что была дер. Лихарева, 20 четвертей, дер. Тяпино, Новое тожъ, 25 четвертей, дер. Барсуки, Каменское тожъ, 25 четвертей, дер. Барсуки, Мысово тожъ, 29 четвертей съ осминою; итого во всѣхъ 425 четвертей и 6 четвериковъ; въ *Костромскомъ* уѣздѣ, въ Великосольской волости, дер., что была пуст. Стародубская, 23 четверти, дер., что была пуст. Еродомцовская, Шишилово тожъ, 49 четвертей, дер., что была пуст. Возинская, Басово тожъ, 26 четвертей, починокъ Дягилевъ, Ананьино тожъ, 19 четвертей, въ пустоши Аникеевы, Путятино тожъ, 4 четверти съ осминою, деревня Некрасово 60 четвертей, дер. Большое Еремеево, Панково тожъ, 40

четвертей, пол-деревни Малой Еремеевой, Карабиха тожъ, 9 четвертей, пуст. Мякина съ припущенною въ пашню пустошью Гавриловою 4 четверти, пуст. Исаевская 6 четвертей съ третникомъ; итого во всѣхъ 240 четвертей и 6 четвериковъ съ половиною и съ шестою долею четверика; а во обоихъ уѣздѣхъ 666 четвертей съ осминою съ двумя четвертыми и съ шестою долями четверика; по смерти же Аграфены Козодавлевой, по силѣ уложенныхъ 1 и 2 пунктовъ и имяннаго 1731 г. марта 17 указа, *справить и отказать* за онымъ проситслемъ, сыномъ ея, Аграфенинымъ, Прав. Сената экзекуторомъ *Осипомъ Петровымъ сыномъ Козодавлевымъ*, съ людьми и со крестьяны и съ принадлежащими къ тому имѣнію всякаго званія угодьями.

Означенныя имѣнія за Осипомъ Петровичемъ Козодавлевымъ отказаны: Владимірское 6 октября, Костромское 3 ноября 1777 года, и отказныя книги находятся въ этомъ же дѣлѣ на стр. 88—100 и 110—113.

Въ книгѣ за № 426, л. 1181: «лѣта 1775 августа въ 12 день изъ дворянъ Правит. Сената протоколистъ *Осипъ*, дѣвица Елисаветъ *Петровы* дѣти *Козодавлевы*, въ родѣ своемъ не последніе, продали они его сіятельству генералъ-аншефу, дѣйствительному камергеру и разныхъ орденовъ кавалеру графу Ивану Симоновичу Гендрикову недвижимое свое имѣніе, доставшееся имъ по наслѣдству послѣ покойной матери ихъ лейбъ-гвардіи коннаго полка секундъ-ротмистра Петра Осиповича Козодавлева жены его, вдовы Аграфены Григорьевны, въ Костромскомъ уѣздѣ, въ Шухомовской волости, двѣ деревни Некрасово и Панково, съ людьми и со крестьяны, написанными въ тѣхъ деревняхъ по 3-й ревизіи и послѣ оной вновь рожденными, съ женами ихъ и съ дѣтьми, съ братьями и со внучаты обоихъ половъ, съ наличными, бѣглыми, съ пожилыми и заработными за нихъ деньгами и со всякимъ строеніемъ, со скотомъ и пожитки, съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и въ землѣ посѣяннымъ, да пашенной и непашенной земли 119 четвертей съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, съ лѣсы и проч., все безъ остатка, кромѣ

только выбылыхъ до сей купчей изъ того имѣнія крестьянъ, взятыхъ во дворъ: Федора Козмина, Семена Иванова, которыхъ имъ изъ подушнаго оклада выключить и приписать за себя въ подушный окладъ въ другихъ ихъ деревняхъ, да проданнаго Григорья Семенова. А взяли они, Осипъ и Елисавета, у него, графа, за все вышеписанное свое имѣніе денегъ 5400 рублей».

Въ книгѣ 771, л. 1010: «лѣта 1775 декабря въ 1 день Правит. Сената протоколистъ *Осипъ Петровъ сынъ Козодавлевъ*, въ родѣ своемъ не послѣдній, продалъ онъ, Осипъ, отъ арміи генералъ-маіору и кавалеру Авраму Степановичу Лопухину дворъ свой со всякимъ въ немъ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ, съ садомъ и огородомъ, состоящій за Арбатскими вороты, въ земляномъ городѣ, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца, что на Пескахъ, на бѣлой землѣ; который дворъ достался ему по наслѣдству послѣ покойнаго отца его лейбъ-гвардіи коннаго полка секундъ-ротмистра Петра Осипова сына Козодавлева; а подъ тѣмъ его дворомъ, по полицейской мѣрѣ, земли явилось длиннику по обоимъ сторонамъ по 67 сажень, поперешнику въ обоихъ концахъ по 30 сажень и по одному аршину; въ межахъ оный дворъ, идучи въ него по правую сторону, дворъ и садъ вдовы подполковницы Федосьи Наумовны Ржевской и дворъ артиллеріи подполковника Василья Александровича Зыкова; по лѣвую сторону, переулокъ проѣзжій, а позади дворъ и садъ капитана Василья Иванова сына Кудрявцова. А взялъ онъ, Осипъ, у него, Аврама Степановича Лопухина, за тотъ свой дворъ, со всѣмъ означеннымъ, денегъ 3500 рублей, и съ оной суммы пошлины платить его превосходительству».

Въ книгѣ за № 443, л. 91: «лѣта 1782 мая въ 17 день С.-Петербургской губерніи гражданской палаты совѣтникъ *Осипъ Петровъ сынъ Козодавлевъ*, въ родѣ своемъ не послѣдній, продалъ онъ, Осипъ, лейбъ-гвардіи подпоручику Алексѣю Иванову сыну Кологривову крѣпостное свое недвижимое имѣніе, со крестьяны, доставшееся ему по наслѣдству послѣ покойной матери его, лейбъ-гвардіи секундъ-ротмистра Петра Осиповича Козо-

давлева жены Аграфены Григорьевны, состоящее Костромского намѣстничества, въ Нерехоцкой округѣ, деревни Шишелову и Басову и съ принадлежащими къ тѣмъ деревнямъ пустошьми, а имянно: пустошь Горку, пол-пустоши Никитина, въ пуст. Уткинѣ, а Путятино тожъ, часть, да подлежащую ему часть же сѣнныхъ покосовъ въ лугахъ, называемыхъ: въ лугу въ Большомъ Порѣцкомъ, въ лугу Попелищахъ, въ кононивой заводѣ, въ лугу другомъ Попелищѣ, въ лугу Щадрицѣ, въ лугу Маломъ Порѣцкомъ, въ лугу Загривьѣ, въ лугу Сабуровѣ; а въ тѣхъ деревняхъ Шишеловѣ и Басовѣ, по 3-й ревизіи въ подушномъ окладѣ написанныхъ за покойною бабкою его родною, а матери его матерью Натальею Ивановою дочерью Петрово-Солововой мужеска пола крестьянъ 155 душъ, съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ новорожденными, съ усадебною дворовою, огородною, огуменною, полевою пашенною и непашенною землею, съ лѣсы, съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, и дошедшими къ предкамъ его всякими землями, по всякимъ сдѣлкамъ и крѣпостямъ, и что явится по дачамъ, по писцовымъ межевымъ и отказнымъ книгамъ въ госуд. Вотчинной коллегіи и по нынѣшнему межеванію къ тѣмъ деревнямъ утверждается, которое недвижимое имѣніе и со крестьяны за нимъ, Козодавлевымъ, въ прошломъ 777 году справлено и отказано, не оставливая жъ Осипъ въ вышеписанной Нерехоцкой округѣ изъ показанныхъ деревень дворовыхъ людей и крестьянъ мужеска и женска пола ни единыя души, а земли ни единого четверика и всякихъ угодей ничего, но все безъ остатка, окромѣ взятыхъ имъ во дворъ крестьянскихъ дѣтей: Дениса Иванова, Якова Иванова, Павла Прохорова и Андрея Кирилова холостыхъ, вдову Федосью Кузмину и съ трехъ-лѣтнимъ сыномъ Дмитріемъ и съ дочерью ея Прасковьею, да дѣвокъ Татьяну Иванову и Настасью Федорову, да окромѣ жъ проданныхъ напредь сего брегадиру, князь Николаю Михайлову сыну Голицыну крестьянина Потапа Григорьева съ женою его Прасковьею Ивановою, секундъ-маіору барону Петру Исаеву сыну Шафирову крестьянина жъ Ивана Дмитріева съ

женою его Анисьею Ефимовою и съ новорожденнымъ ихъ сыномъ Иваномъ; да Григорья Семенова холостаго, и окромѣ жъ женокъ и дѣвокъ, кои нынѣ въ замужствѣ въ другихъ его деревняхъ, или отданы въ постороннее владѣніе съ отпускными, или безъ отпускныхъ, до коихъ ему, Алексѣю, и наслѣдникамъ его дѣла нѣтъ и невступаться. А взялъ онъ, Осипъ, съ него, Алексѣя Кологриваго, за то свое вышеписанное недвижимое имѣніе, со всѣмъ означеннымъ, денегъ 12,500 рублей, съ коихъ пошлины платить ему, Алексѣю». —

Запись. «Лѣта 1798 ноября въ 15 день Правит. Сената 1-го департамента оберъ-прокуроръ и кавалеръ *Осипъ Петровъ сынъ Козодавлевъ*, въ родѣ своемъ не послѣдній, на основаніи всемилостивѣйше дарованной въ 1785 году апрѣля 21 дня благородному россійскому дворянству грамоты 22-й статьи, учинилъ я сію запись въ томъ, 1-е, собственный мой домъ, состоящій въ С.-Петербургѣ, въ Московской части, во 2-мъ кварталѣ, подъ № 136, въ приходѣ церкви Владимірскія Богоматери, близь Троицкаго подворья, со всѣмъ при немъ строеніемъ и землею, доставшійся мнѣ по купчей крѣпости въ 1786 году августа 3 дня двора его импер. величества отъ гофъ-штабъ-квартермейстера Ивана Павлова сына Купріянова, а также и все, что я впредь пріобрѣту, и словомъ, какое послѣ меня останется благопріобрѣтенное мною имѣніе, въ какомъ бы оное званіи и количествѣ ни состояло, все оное по смерти моей отдаю въ полное владѣніе и распоряженіе женѣ моей, Аннѣ Петровой дочери, урожденной княжнѣ Голицыной, съ тѣмъ однако жъ, что если мною во время жизни моей разсуждено будетъ что̀-либо продать или заложить, оное остается въ моей волѣ, а ей, женѣ моей, симъ правомъ воспользоваться уже, какъ выше сказано, по смерти моей, и тогда она можетъ сіе, ей отъ меня данное имѣніе, яко ея благопріобрѣтенное, продать, отдать или завѣщать кому она похочетъ. Оставшимся жъ по мнѣ наслѣдникамъ — въ томъ моемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи, въ чемъ бы оно ни состояло, никакого и ни подъ какимъ видомъ участія не имѣть и не вступаться, и сего

моего положенія не нарушать». (Книга записная дворовая 1798 г. статья 356).

9) Запись. «Лѣта 1798 декабря въ 1 день Прав. Сената 1-го департамента оберъ-прокурора и кавалера Осипа Петрова сына Козодавлева жена, Анна Петрова дочь, урожденная княжна Голицына, въ родѣ своемъ не послѣдняя, учинила я сію запись въ томъ первое: какъ я имѣю недвижимое имѣніе, доставшееся мнѣ послѣ покойной матери моей генералъ-маіорши княгини Марьи Семеновны Голицыной по наслѣдству и по раздѣлу съ сестрами моими: княжною Еленою Голицыной, Марфой Собакиной, Катериной Деболи и княгинею Елизаветой Хилковой, ибо другихъ ближе къ тому имѣнію наслѣдниковъ, кромѣ ихъ, сестръ моихъ, не было, состоящее Владимірской губерніи и той же округи въ полуселѣ Андреевскомъ, деревнѣ Тартышевѣ и въ селѣ Красномъ, писанныхъ за мною по нынѣшней пятой ревизіи крестьянъ мужеска 358 душъ; но поелику *я нынѣ никого изъ дѣтей не имѣю*, которымъ бы могло то имѣніе итти въ ближайшее наслѣдство, то, на основаніи состоявшагося въ 1714 году марта 23 дня указа, избираю тому недвижимому моему имѣнію, съ людьми и со крестьяны, пашенною и непашенною землею, съ лѣсы, съ сѣнными покосы и со всѣми принадлежащими ко оному угодьи, полною наслѣдницею изъ вышеозначенныхъ сестръ моихъ младшей, то есть подполковницы княгини Елизаветы Петровны Хилковой дочь, а мою родную племянницу, дѣвицу княжну Анну Хилкову; но съ тѣмъ однако жъ, чтобъ въ распоряженіе того моего имѣнія вступить ей не прежде, какъ по смерти моей; а до того она во ономъ ни малѣйшаго участія имѣть не должна, а напротивъ того, если мною во время жизни моей разсуждено будетъ что̀-либо изъ того имѣнія продать, заложить или кого изъ людей на волю отпустить, оное все оставляется моей волѣ. Второе: буде и въ теченіе жизни моей какое-либо имѣніе мною куплено или, по какимъ крѣпостямъ или наслѣдству, дойдено будетъ, то и тому всему быть наслѣдницею ей же, княжнѣ Аннѣ Хилковой, на вышеписанномъ же основаніи. Третіе: оставшіеся

по мнѣ долги и справедливые иски платить ей, княжнѣ Аннѣ, безъ всякаго прекословія; и наконецъ, четвертое: учинивъ сіе положеніе, никому изъ наслѣдниковъ моихъ по смерти моей въ то мое имѣніе, въ чемъ бы оное ни состояло, не вступаться и никакого прекословія не имѣть, и сей моей воли не нарушать». (Книга записная сдѣлочнымъ записямъ 1798 года статья 49).

3) Рукописи Государственнаго Архива. XI. № 509 (1732 года). Письмо Козодавлева 10 августа 1732 года. Тамъ же находятся два слѣдующія письма Осипа Козодавлева (оба помѣчены: «Муръ-мыза»), изъ которыхъ первое писано 1 мая, а второе — 2 мая того же 1732 года:

Сіятельнѣйшій графъ

Милостивый государь и высокій патронъ,

Хотя и не по достоинству моему, беру сію смѣлость трудить ваше графское сіятельство чрезъ сіе покорнѣйшее прошеніе, рабски просить показать со мною, нижайшимъ, свою высокую милость, чтобъ я былъ вашимъ, уже мнѣ извѣстнымъ, предстательствомъ и нынѣ не оставленъ былъ, понеже пермскаго драгунскаго полку, въ которомъ и я, нижайшій, служу, тогожъ полку подполковникъ Масловъ, по предложенію государственной военной коллегіи, нынѣ удостоенъ въ полковники. То хотя и не по заслугѣ моей, однаковожъ въ надѣяніе вашей ко мнѣ, нижайшему, высокой милости, чрезъ сіе покорнѣйшее мое рабское прошеніе, всепокорно прошу, чтобъ я, нижайшій, по вашей древней высокой милости ко мнѣ, нынѣ произведенъ былъ на его мѣсто въ подполковники. *А что уже оприче вашего сіятельства никакого надъянія не имъю, то уже вашему сіятельству и самимъ извъстно.* И за что̀, по должности моей, за вашу высочайшую фамилію долженъ Бога молить.

Вашего графскаго сіятельства

милостиваго государя и патрона

всепокорнѣйшій рабъ

Осипъ Козодавлевъ.

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый государь и древній благодѣтель.

Чрезъ сіе мое покорнѣйшее прошеніе дерзнулъ, въ надѣяніе вашей ко мнѣ древней милости, поздравить ваше сіятельство и въ покорности моей напомнить вашему сіятельству ваше противо меня милостивое обѣщаніе въ неоставленіи меня въ своей высокой милости, чтобъ я и нынѣ не былъ оставленъ вашимъ милостивымъ стараніемъ и предстательствомъ, съ прошеніемъ обо мнѣ, нижайшемъ, у родителя вашего, государя, а моего высокаго патрона, чтобъ я, по вашему милостивому обо мнѣ, нижайшемъ, старательству и по милостивому предстательству государя родителя вашего, и по милостивой рекомендаціи дяди вашего, а моего милостиваго патрона, къ родителю вашему, и нынѣ неоставленъ былъ въ моемъ рабскомъ прошеніи, и произведенъ былъ въ подполковники въ томъ же полку, гдѣ я и нынѣ, *по милости родителя вашего*, маіоромъ служу. Понеже подполковничья ваканція будетъ, для того что подполковникъ, по предложенію государственной военной коллегіи, атестованъ въ полковники. А что же хотя и не по заслугѣ моей, однаково въ надѣяніи вашей ко мнѣ милости, сіе дерзнулъ покорнѣйше просить, и подлинно надѣясь, что ежели будетъ ваше милостивое стараніе, то оную милость получить могу. *А что же я опричь вашей высочайшей фамиліи надежды никакой не имѣю, то уже вашему сіятельству и самимъ не безызвѣстно.* И за что̀ долженъ вѣчно Бога молить.

Вашего графскаго сіятельства
милостиваго государя моего
покорный слуга
Осипъ Козодавлевъ.

Тонъ «рабскаго прошенія» Осипа Козодавлева не представляетъ ничего особеннаго для того времени, когда не только армейскіе маіоры, но и лица высокопоставленныя и знатныя, князья и графы, писали Бирону такого рода письма: «Вашей высоко-

княжеской свѣтлости, чрезъ сіе мое всенижайшее, примаю дерзновеніе принесть къ высочайшимъ стопамъ вашей высококняжеской свѣтлости... Не по заслугамъ моимъ, токмо по высочайшей вашей высококняжеской свѣтлости милостивѣйшему предстательству, за что̀ припадая къ высочайшимъ стопамъ вашей высококняжеской свѣтлости, и рабственное благодареніе всенижайше приношу» и т. д., и т. д. (Историческія бумаги XVIII вѣка, стр. 206—208 и др.).

Что служившій въ *пермскомъ драгунскомъ полку* Осипъ Козодавлевъ былъ дѣдъ нашего Осипа Петровича Козодавлева, видно между прочимъ изъ слѣдующаго документа: «Лѣта 1757 февраля въ 17 день контръ-адмирала Артемья Ильина сына Толбугина жена его Марья Панкратьева дочь продала астраханскаго пѣхотнаго полка подпоручику Николаю Гаврилову сыну Толбугину изъ недвижимаго своего имѣнія, что̀ мнѣ досталось на указную часть послѣ перваго мужа моего, полковника *Степана Васильева сына Козодавлева*, по раздѣлу съ пасынкомъ моимъ, *пермскаго драгунскаго полка* капитаномъ *Осипомъ Степановымъ сыномъ Козодавлевымъ*, въ новгородскомъ уѣздѣ, въ Обонежской пятинѣ» и т. д. (Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. По городу Новгороду молодыхъ лѣтъ за № 22, дѣло 28. Купчая).

4) Исторія лейбъ-гвардіи коннаго полка, составленная Анненковымъ. 1849. Часть IV, стр. 38: «*Козодавлевъ, Петръ.* 1751 г. 26 мая, изъ камеръ-пажей въ конн. гвард. поручикомъ».

Отецъ Осипа Петровича Козодавлева похороненъ въ Александровской лаврѣ, на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ; на памятникѣ слѣдующая надпись: «Подъ камнемъ симъ погребены тѣла рабовъ Божіихъ: гвардіи коннаго полку секундъ-ротмистра Петра Осиповича Козодавлева, родившагося 1727 года, декабря 21 дня, и скончавшагося 1757 года, октября 4 дня, и сестры его родной Анны Осиповны, супруги покойнаго гвардіи капитана Ивана Емельяновича Бобрищева-Пушкина, родившейся 1722 года, іюля 3 числа, и скончавшейся 1798 года, декабря 31 числа».

5) Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. По го-

роду Зубцову, молодыхъ лѣтъ, въ книгѣ за №. 5, дѣло 1, на стр. 421, находится родословная матери Осипа Петровича Козодавлева, Аграфены Григорьевны Петрово-Соловово.—л. 395:—Указъ изъ государственной вотчинной коллегіи зубцовской воеводской канцеляріи, отъ 30 сентября 1754 года. Въ 1753 году, мая 24 дня, въ указѣ изъ правительствующаго сената въ вотчинную коллегію написано: онаго де мая 16 дня въ указѣ написано: Ея Императорское Величество указали: послѣ смерти камергера Григорья Петрово-Соловаго недвижимое имѣніе, по согласному дѣтей его между собою договору, раздѣлить и во владѣніе за ними отказать, а именно: дочери, Аграфенѣ Петрово-Солового, которая нынѣ въ замужествѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка за поручикомъ Козодавлевымъ, изъ дѣдовскаго въ шацкомъ уѣздѣ село Коверино 77, изъ приданыхъ матери ея въ костромскомъ уѣздѣ деревни Шишилово и Басово 140; ей же, Аграфенѣ, всемилостивѣйше пожаловали въ вѣчное потомственное владѣніе изъ приданыхъ первой отца ея жены, Агафьи Симоновой дочери Гендриковой, въ володимирскомъ уѣздѣ сельцо Филисово съ деревнями 245, въ костромскомъ — деревню Некрасову, Панково тожъ, 83; всего 545 душъ, и т. д.

6) Русскій архивъ. 1870. стр. 1775—1776.

7) Русскій Вѣстникъ. 1858. Т. XVIII. Статья: Александръ Николаевичъ Радищевъ (стр. 140). Она составлена А. Корсуновымъ по разсказамъ сына Радищева.

8) Geschichte der universität Leipzig von ihrem ursprunge bis auf unsre zeiten, herausgegeben von M. Heinrich Gottlieb Kreussler. Dessau. 1810, стр. 6—10, 13—19, 24 и др.

9) Geschichte der entstehung und entwickelung der hohen schulen unsers erdtheils, von C. Meiners, 1802—1805. Часть I, стр. 29—72. Часть IV. стр. 160—201.

Ueber die verfassung und verwaltung deutscher universitäten, von C. Meiners. 1802. Ч. II. стр. 292—312 и др.

Geschichte des deutschen studententhums von der gründung der deutschen universitäten bis zu den deutschen freiheitskriegen.

Ein historischer versuch von Oskar Dolch. 1858. стр. 23—39, 175—182 и др.

10) Leipzig und seine universität vor hundert jahren. Aus den gleichzeitigen aufzeichnungen eines leipziger studenten jetzo zuerst an's licht gestellt. Leipzig. 1879. стр. 51—52.

Большая часть рукописныхъ, а также и печатныхъ, матеріаловъ, относящихся къ лейпцигскому университету, которыми я пользовался во время пребыванія своего въ Лейпцигѣ, находятся въ библіотекѣ и въ архивѣ университета. Приношу глубокую благодарность профессору и главному библіотекарю лейпцигскаго университета г. Крелю (Dr. Ludolph Krehl) за разрѣшеніе пользоваться университетскою библіотекою, даже и въ то время, когда она закрыта была для посѣтителей, и за просвѣщенное содѣйствіе въ разысканіяхъ моихъ въ тамошнихъ архивахъ.

11) Abriss einer geschichte der leipziger universität im laufe des achtzehnten jahrhunderts nebst rückblicken auf die früheren zeiten. Aus *handschriftlichen* und gedruckten nachrichten verfasst von M. Johann Daniel Schulze. 1802. стр. 70—72.

Внесеніе дѣтей знатныхъ особъ въ университетскую книгу сопровождалось иногда пожеланіями, облеченными, для пущей важности, въ стихотворную форму, какъ напримѣръ внесенъ (21 іюня 1768 года) S. P. J. Comes ab Einsiedel Georgius —

Te pater, ac pulcrae virtus te plurima matris
Excitet, aeternisque decus memorabile fastis
Majorum, et studium musae, rectique piique.
Incipe, magne puer, nomen laudesque parentis
Implere: ac felix in publica commoda vive!

12) Русскій Архивъ. 1870. стр. 1775—1776. Свѣдѣнія о Козодавлевѣ сообщены академику Я. К. Гроту графинею А. М. Толстою. Графиня Анна Михайловна Толстая, рожденная княжна Хилкова, племянница и наслѣдница жены О. П. Козодавлева, воспитывалась въ его домѣ, на правахъ дочери. По

словамъ графини Толстой, *семилѣтній* Козодавлевъ отправленъ заграницу по ходатайству тетки его, Бобрищевой-Пушкиной, пробылъ заграницею *пятнадцать* лѣтъ; въ университетѣ жилъ у профессора *Якоби*; другимъ учителемъ его былъ *Тюммель*, описавшій путешествіе по южной Франціи, въ которой никогда не бывалъ.

Въ мѣстныхъ архивахъ мы не нашли свѣдѣній ни о времени *выхода* Козодавлева изъ лейпцигскаго университета, ни о томъ, что онъ жилъ у профессора Якоби. Воспитателями и руководителями *русскихъ* молодыхъ людей, учившихся въ Лейпцигѣ, называютъ: Шота, Гелера и др. Въ біографіи Гелера (Dr. Joh. Samuel Traugott *Gehler*, 1751—1795, oberhofgerichtsbeisitzer und senator in Leipzig) говорится: Verschiedene vorschläge zu auswärtigen verbindungen lehnte er aus vorliebe zu Leipzig ab. Endlich übertrug ihm der nun verstorbene oberhofgerichtsassessor *Schott* die führung von *drei jungen russischen edelleuten, welche ganz unter Schotts aufsicht standen, in seinem hause wohnten und an seinem tische speisen*. Gehler übernahm diese von michaelis 1773 bis zum *abgange der jungen leute zu michael 1774*. (Nekrolog auf das jahr 1795, von Fr. Schlichtegroll. Gotha. 1798. Sechster jahrgang. Zweiter Band. s. 129).

13) Matricula Academiae Lipsiensis — такъ называются фоліанты, въ которые вносились имена студентовъ. Фоліантъ, въ которомъ находится имя Козодавлева, заключаетъ въ себѣ списки студентовъ за шестьдесятъ лѣтъ: Matricula Academiae Lipsiensis. 1720—1780.

Извѣстія императорской академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. 1860—1861. Т. IX. Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ Я. К. Грота во время заграничнаго путешествія. стр. 150—151.

14) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго Александра Николаевича Радищева. Москва. 1811. Часть V, стр. 64.

Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Книга Правительствующаго Сената, за № 6476, л. 294—295.

Растущій Виноградъ. 1786. Ноябрь. стр. 42.

15) Самый ранній указатель лекцій, читанныхъ въ лейпцигскомъ университетѣ, сохранившійся въ библіотекѣ лейпцигскаго университета, относится къ 1774 году:

Catalogus lectionum tum publicarum, tum privatarum in universitate Lipsica per hiemem 1774 ad aestatem usque 1775 habendarum.

Въ этомъ «каталогѣ» лекціи профессоровъ обозначены по факультетамъ, какъ напримѣръ:

Въ философскомъ факультетѣ (lectiones philosophorum):

Gotlob *Boehmius* — publice enarrabit historiam imperii Germanii recentiorem, inde a Maximiliani I temporibus ad hanc nostram aetatem. Privatim persequetur historiam europaeam duce Achenuallo; neque deerit iis, qui rerum italic., hung., turcic. rell. commemorationem desiderent. — Juris publici germanici Compendium Schmaussianum explicabit.

Carolus Gunterus *Ludovici*—Organ. Arist., praecepta logices exponit atque exemplis illustrabit.

Carolus Andreas *Bel* — publice exstantiora loca Virgilii interpretabitur. Privatim — primaria capita historiae literariae ad ordinem chronologicam proponet. Historiam Italiae omnis traditurus est.

Christianus Augustus *Clodius* — historiam poetarum litterariam et criticam, antiquiorem et recentiorem, duce Battesio, editionis Ramlerii.

Henricus Theophilus *Franke* — diversas rerum publicarum formas; jus publicum imperii Germanici; Saxoniae statisticam; jus feodale, etc.

Daniel Gotfridus *Schreber* — collegium camerale elaboratorio-practicum, и т. д.

Въ юридическомъ факультетѣ (lectiones ictorum):

D. Car Ferd. *Hommel* — jus canonicum.

D. Frid. *Zoller* — artem referendi acta duce Hommelio et ad conficiendam relationem acta judicialia communicabit; doctri-

nam pandectarum duce Ludovico; jus criminale praeeunte Gaertnero.

Io. Tob. *Richter* — processum judiciarium, duce Gribnero.

Io. Iac. *Hermann* — processum judiciarium ex Hoffmanni modo procedendi, etc.

Car. Frid. *Treitschke*—in Puitteri novam Epitomen processus imperii commentabitur.

Henr. Mich. *Hebenstreit* — Struvii Jurispr. romano-germanicam forensem explicabit.

Christ. Gottl. *Richter* — histor. juris romanae ex Bachio.

Io. Gottfr. *Sammet* — jus publicum universale ex Boehmero; historiam juris ex Heineccio.

Christ. Henr. *Breuning* — jus naturae; jus georgicum ex positionibus suis, etc.

D. Gottfr. *Wilke* — jus cambiale ex Sigelis, etc.

Car. Gottfr. *Zitzmann*—jus cambiale duce Selchovio, и т. д.

Въ медицинскомъ факультетѣ (lectiones medicorum):

D. *Ernestus Platner*, M. P. E. — publice physiologiae historiam literarium docebit; privatim: ipsam physiologiam, chirurgiam, ducta quidem b. Ludwigii utramque; materiam denique medicam praeeunte Poernero; logicen et metaphysicen secundum libellum suum, qui inscribitur *Philosophische Aphorismen* tradet, и т. д.

16) Abriss einer geschichte der Leipziger Universität im laufe des achtzehnten jahrhunderts nebst rückblicken auf die frühern zeiten, von M. Johann Daniel Schulze. 1802. стр. 77—87.

17) Такъ какъ до 1774 года не сохранилось ни одного указателя лекцій (index lectionum), то необходимо обратиться къ другимъ источникамъ, чтобы узнать, *какіе предметы и кѣмъ* читались въ лейпцигскомъ университетѣ въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ.

О числѣ профессоровъ и преподавателей въ 1870 году можно судить по числу подписей на отношеніи, при которомъ разослано было требованіе правительства, чтобы профессора

точнѣе исполняли свои обязанности. Въ университетскомъ архивѣ уцѣлѣлъ слѣдующій рескриптъ:

Von Gottes Gnaden, Friedrich August, Herzog zu Sachssen, Jülich, Cleve, Berg, Engern und Westphalen etc.

Chur-Fürst etc., etc.

Würdige, hochgelahrte, liebe, andächtige und getreue. Demnach Uns, als ob von einigen derer professorum zu Leipzig die vorlesungen theils zu späte angefangen, theils dabey oftmahls stunden ausgesetzet, auch in der folge die collegia zu zeitig geschlossen, und dieserwegen selbige in dem dazu bestimmten resp. halben und ganzen jahre nicht zu ende gebracht würden, verschiedentlich hinterbracht worden, dadurch aber die studiosi in ihren studiis sehr zurücke gesetzet und gehindert, auch viele, sich nach Leipzig zu begeben, abgeschrecket werden.

Als ist hiermit Unser begehren, ihr wollet sämmtlichen professoribus auf Unserer dasiegen universität zu erkennen geben, wie man sich zu ihnen versähe, dass insonderheit diejenigen, welche zeither hierunter ihre schuldigkeit verabsäumet, hinführo nach dem rühmlichen beyspiele der übrigen fleissigen docenten, ihre sowohl öffentlichen als priuat-vorlesungen, mit behöriger einschränkung der academischen ferien und mit ununterbrochenem fleisse dergestalt halten würden, damit sie solche, nach beschaffenheit und erfordernis der materie, in einem halben, oder längstens ganzen jahre behörig zu ende bringen. Daran geschiehet Unsere meynung.

Datum Dresden, am 18. May 1770.

Hannss Gotthelff von Globig.
Friedrich August Just. S.

Препровождая рескриптъ герцога, ректоръ университета писалъ своимъ товарищамъ-профессорамъ:

Hochwürdige, hochedelgebohrne, hochgelahrte herren,
Hochgeehrteste herren und collegen,

Beykommendes gnädigstes rescript habe ich die ehre, meiner obliegenheit gemäss, denenselben zu communiciren. Die gnädigste gesinnung unseres durchlauchtigsten churfürstens für den flor der universität leuchtet aus demselben herfür; und die sorgfältig gewählten ausdrücke lassen keinen zweifel übrig, dass es nicht willigst und pflichtschuldigst befolgt werden sollte. Ich binn, wie allemahl, mit der vorzüglichsten hochachtung unausgesetzt,

Eu hochw. und hochedelgeb.
gehorsamster diener
D. Carl Andreas Bel.

По этому поводу дали свой отзывъ слѣдующія лица:

— Bel. — Crusius. — Stemler. — Burscher. — Dathe. — Hommel. — Zoller. — Seger. — Bauer. — Richter. — Breuning. — Ludwig. — Plaz. — Pohl. — Bose. — Rüdiger. — Krause. — Boehme. — Woog. — Ludovici. — Francke. — Gehler. — Bortz. — Bosseck. — Püttman. — Schott. — Reichel. — Platner. — Fischer. — Schwabe. — Klausing. — Ernesti. — Morus. — Lösner. — Froriep. — Eck. —

18) Allgemeine Encyclopädie der wissenschaften und künste, herausg. von Ersch und Gruber. 1833. Ч. X. стр. 266—270.

19) Lexicon der vom jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen schriftsteller, ausgearbeitet von Johann Georg Meusel. 1802. Ч. I. стр. 467—470.

20) Московскій Журналъ. 1791. Ч. II. Книжка 3-я. Іюнь. стр. 306, 314.—Ч. III. Книжка 1-я. Іюль. стр. 46—47.

21) Denkmäler verdienstvoller Deutschen des 18-ten und 19-ten jahrhunderts. Leipzig. 1829. Drittes bändchen. s. 57—76.

Leipzig und seine universität vor hundert jahren. 1879. стр. 57—58.

22) Memoriam Henrici Theophili Franckii die VI mens. aug. anni MDCCCLXXX hora X in auditorio sexto borneriani solemni

oratione celebrandam indicit Maximilianus *Heinze* ph. d. ord. philos. h. t. decanus. Praemissa est Maximiliani *Heinzii* commentatio patrio sermone scripta: *Ernst Platner als gegner Kants:*

— Ernst Platner nahm unter den philosophen zu ende des vorigen und zu anfang des jetzigen jahrhunderts eine äusserst geachtete stellung ein. Stäudlin nennt ihn einen der verdientesten philosophen Deutschlands; Buhle, der für die ganze richtung Platners nicht eingenommen sein konnte, bezeichnet ihn als einen der geistvollsten und gelehrtesten neueren philosophen. Seine drei hauptwerke, meint Buhle, seien in ihrer art classisch und müssten von jedem, der sich für philosophie interessierte, studiert werden. Auch Krug, Platners mehrjähriger college in Leipzig, erkennt an, dass dieser *durch seine schriften vielfach anregend auf seine zeitgenossen eingewirkt* und so dem studium der philosophie weit mehr als mancher apodiktisch-dogmatische philosoph genützt habe.... Man mag sich nun mit der art des philosophierens bei Platner nicht einverstanden erklären, ein ausgebreitetes wissen, namentlich gründliche kenntnisse in den naturwissenschaften, vor allem in der physiologie, und ebenso genaue, offenbar auf selbstständigen studien beruhende bekanntschaft mit dem alterthum und dessen philosophie, sowie überhaupt mit der geschichte der philosophie, eine gute beobachtungsgabe, wie sie sich aus seinen vielfach treffenden psychologischen bemerkungen ergiebt, und scharfsinn wird man ihm nicht absprechen können.... Die verbindung des mediciners und des philosophen in seiner person zeigt er durch seine bemühungen, die anatomie und physiologie auf die philosophie oder genauer die psychologie anzuwenden. In dieser beziehung gebührt Platner zu seiner zeit eine hervorragende stellung.... Seine belesenheit in den schriften früherer philosophen ergiebt sich besonders aus den *historischen excursen der Philosophischen Aphorismen; es haben diese geschichtlichen erörterungen heutigen tages noch werth.* Sehr häufig zeigt sich in denselben ein selbstständiges und richtiges urtheil über frühere lehren, namentlich alter philosophen....

23) Философскіе Афоризмы Платнера, еще до появленія своего въ свѣтъ, служили руководствомъ для университетскихъ лекцій автора; въ объявленіи о лекціяхъ 1774 года сказано, что профессоръ Платнеръ будетъ преподавать логику и метафизику по своей книгѣ: Философскіе Афоризмы — secundum libellum suum, qui inscribitur *Philosophische Aphorismen*. Впервые изданы они для публики въ 1776 году. Вотъ заглавіе перваго изданія: Ernst Platners Philosophische Aphorismen nebst einigen anleitungen zur philosophischen geschichte. Leipzig. 1776. Въ предисловіи авторъ говоритъ между прочимъ: Ich bin gewohnt *mit der untersuchung der philosophischen begriffe die geschichte derselben zu verbinden*. Um das wesentlichste der ausführlichern historischen erläuterungen dem gedächtniss meiner zuhörer zu erhalten, habe ich die literarischen anmerkungen aufgesetzt, и т. д.

24) Въ архивѣ лейпцигскаго университета находится слѣдующій рескриптъ курфирста:

Von Gottes Gnaden, Friedrich August, Herzog zu Sachssen, Jülich, Cleve, Berg, Engern und Westphalen etc.

Chur-Fürst etc., etc.

Würdige, hochgelahrte, liebe, andächtige und getreue.

Da auf Unsern universitäten, wie auch zur gnüge bekannt, sowohl bei edirung derjenigen schriften, welche religion und sitten betreffen, als auch bey derer docenten mündlichen vortrage der dahin gehörigen lehren, jederzeit die sorgfältigste obsicht zu führen seyn will, damit keine denen grundsätzen der christlichen religion und der erhaltung guter ordnung und sitten zuwieder laufende meynungen divulgiret, noch der studirenden jugend dergleichen dem gemeinen wesen schädliche principia beygebracht werden mögen, und dann verschiedenes in des professoris medicinae extraordinarii, Dr. Ernst *Platners*, herausgegebenen Philosophischen Aphorismen, inhalts derer daraus sub № I. und II. hier angefügten, Uns zugekommenen auszüge, von einigen anstössig befunden worden; Als begehren Wir hier-

mit gnädigst, ihr wollet besagte auszüge dem Dr. Platner sofort zufertigen und ihm dabey andeuten, dass er deren beantwortung, und die von ihm punctweise abzustossende schriftliche und unumwundene erklärung, sowohl wie er sothane ausstellungen von sich abzulehnen oder zu vertheidigen vermeyne als auch, wie er diesfalls künftig in schriften und collegiis zu lehren gedenke, an Uns zu Unserm kirchen-rathe und ober-consistorio einsenden solle. Daran geschiehet Unsere meynung.

Datum Dressden, am 26. November 1777.

Hanns Gotthelf von Globig.
Johann Heinrich Heyder, S.

25) Отъ Платнера потребовали объясненія слѣдующихъ мѣстъ его книги:

§ 708.

Gleichwie die geometrische evidenz in der wesentlichen einrichtung der menschlichen natur gegründet ist, so ist es auch die moralische — ursache dieser benennung. — Die subjective gewiszheit der geschichte beruhet auch auf der moralischen evidenz.

§ 709.

Dennoch ist bey aller evidenz der sinnlichen und vernünftigen erkenntniss unleugbar:

8) Dass der historischen wahrheit grosse hindernisse entgegenstehen, welche theils in dem schein der dinge selbst theils in dem verstande, theils in dem sittlichen charakter der menschen zu suchen sind.

§ 710.

Diese allgemeine und besondere relativität unserer ideen ungeachtet, ist dennoch die menschliche denkart nicht betrügerisch. Denn sie zeigt dem menschen die wahren verhältnisse der dinge, theils zu der menschlichen natur überhaupt, theils zu eines jeden individuellen natur insbesondere.

Der allgemein historische skepticismus, welcher nicht etwa

nur einzelne zweifel, wider einzelne theile, umstände, oder zeitrechnungen der geschichte, sondern allgemeine durchdachte raisonnements über die ungewissheit des historischen erkenntnisses überhaupt aufstellt, scheint erst in den neuern zeiten, vielleicht aus dem zusammenhange der geschichte mit der religion entstanden zu seyn. Wenigstens ist von der alten skeptikern nichts sonderliches dieser art bekannt. Der aufsatz in Sextus adu. Mathemat. Lib. 1. cap. XII. enthält nur dunkle spuren davon. Montaigne, le Vayer, und Bayle, besonders der letztere, haben die allgemeine εποχην in ansehung der historie vielleicht zuerst aufgebracht. Eine besondere abhandlung über die ungewissheit der geschichte stehet in der Philosophie de bon Sens p. M. d'Argens. Hieher gehört auch das bekannte buch: La Philosophie de l'Histoire.

§ 724.

Das gegentheil des möglichen ist unmöglich. Demnach ist alles mögliche nothwendig. Denn nothwendig ist das, dessen gegentheil unmöglich ist.

§ 735.

Ich denke, und indem ich denke, bin ich mir meiner ideen ausser mir bewusst, und empfinde, dass ich die kraft bin, welche die ideen schaut und vergleicht. Ich wirke also, und dieses gefühl meiner wirksamkeit ist kein anderes, als das gefühl meiner existenz.

§ 736.

Ich empfinde klar, dass dinge ausser mir sind, die meinen zustand verändern, die also in mich wirken. Weil ich wirke, so sage ich, dass ich existire. Die aussendinge wirken; also sage ich, sie existiren.

§ 737.

Der allgemeine begriff der existenz ist demnach abgezogen von der empfindung der wirksamkeit meiner selbst, und der dinge, die ausser mir sind.

§ 738.

Demnach heisst existiren nichts anders, als wirken. Alles, was da existirt, das wirkt, und alles, was da wirkt, das existirt. Nicht wirken heisst nicht seyn.

§ 894.

Freye thätigkeiten, welche nicht nothwendige wirkungen bestimmender ursachen wären, sind unmöglich. Das folgt aus den obigen gesetzen. Jedennoch heben diese gesetze weder die freiheit noch die moralität auf.

§ 895.

1. Nicht die freyheit. Denn wo kein zwang ist, da ist freiheit. Eine substanz wirkt gezwungen, wenn die bestimmenden ursachen ihrer thätigkeit ausser ihr sind. Nun sind aber die bestimmenden ursachen von den thätigkeiten freier substanzen gegründet, in ihren unveränderlichen bestimmungen, in den durch vorige einflüsse erworbenen fertigkeiten und in ihrem nächstvergangenen zustande, folglich in ihnen selbst. Demnach sind es freye thätigkeiten.

§ 896.

Wolfs anwendung des unterschiedes unter bedingter und unbedingter nothwendigkeit trägt zur aufklärung des unterschieds unter freiheit und zwang wenig bey. Denn auch die bewegungen der körper sind bedingt nothwendig. Und die 'eintheilung selbst ist nur in unserer vorstellungsart gegründet.

§ 899.

Die obige erklärung der freiheit, ist der innern empfindung und dem sprachgebrauche nicht zuwider.

§ 900.

Ich empfinde keinen zwang—weil ich selbst wirke, und weil nichts ausser mir ist, was meine wirksamkeit bestimmt. Ich

empfinde die nothwendigkeit nicht, aus welcher meine wirkung entsteht, — weil die nothwendigkeit in dem innersten meines selbst ist.

§ 901.

In der disjunktiven empfindung von können und wollen ist eine täuschung der sprache. Wollen ist nur eine andere art des könnens. Beides aber ist ein vermögen, etwas zu thun, oder zu lassen. Können heisst das vermögen, eine idee auszuführen; Wollen das vermögen, sich die idee als ein gut vorzustellen.

§ 902.

Wenn gesagt wird, die bewegungsgründe seien die bestimmenden ursachen der willenshandlungen, so ist das nur in so fern richtig, in wie fern man unter bewegungsgründen nicht etwa nur die von aussen in der seele physisch einwirkenden ideenbilder, sondern auch zugleich die anlagen und erworbenen fertigkeiten in der seele selbst versteht.

§ 903.

2. Nicht die moralität. Die moralität einer handlung ist ihr werth. Ein anderer ist der werth des erfolgs, ein anderer der werth des grundes.

§ 904.

Der werth des erfolges einer willenshandlung besteht in der glückseligkeit, die sie wirkt. Der werth des grundes liegt in der güte und ungemeinheit der bewegungsgründe, aus denen die handlung entstand.

§ 912.

Schicksal im weitesten verstande, ist nichts anders, als die reihe der in der welt auf einander folgenden veränderungen: im engern verstande ist es die beziehung dieser veränderungen auf den zustand der lebendigen. In rücksicht auf die abhängigkeit

dieser veränderungen von dem rathschluss eines höchsten wesens, ist es verhängniss; mit voraussetzung göttlicher endzwecke für die glückseligkeit, ist es vorsehung, nach der menschlichen denkart von endzweck und zufall, ist es glück.

§ 919.

Sind die begebenheiten der welt nicht nothwendige folgen zureichender, bestimmender ursachen, so ist derer vorherwissen in dem göttlichen verstande unmöglich. In diesem satze wird nicht gesagt, dass der göttliche verstand durch mittelbare schlüsse zu einer erkenntniss gelange.

Crusius Metaphysik. § 272.

§ 921.

Die grösste schwierigkeit ist die vereinigung der göttlichen vorherwissenheit mit der zufälligkeit der begebenheiten, und vornehmlich mit der moralität freier handlungen. Daher das sophisma pigrum (λογος ἀργος). Sie wird durch folgende betrachtungen, obwohl nicht gehoben, jedennoch erleichtert.

1) Dass alle zukünftige dinge in dem göttlichen geiste als geschehene sachen vorgestellt werden.

2) Dass der ausgang und erfolg derselben mit voraussetzung der bestimmenden gründe, und also bedingt vorher bestimmt ist.

3) Dass selbstanstrengung, mittel, maassregeln, gebet und andere ausübungen der religion und tugend, nichts von ihrer nützlichkeit und kraft verlieren, weil alle diese dinge in die zahl der bestimmenden gründe gehören, aus denen der erfolg, das schicksal, die göttliche billigung, als die summa resultirt.

4) Dass ermahnungen, abmahnungen und selbstanstrengung mittel sind, deren sich die göttliche vorsehung zur bewirkung des besten erfolgs in dem zusammenhang der dinge bedient.

5) Dass die in dem sophismate pigro ausgedrückte art zu denken und zu handeln, der menschlichen natur ganz entgegen gesetzt ist.

§ 923.

Der inbegriff aller endlichen substanzen, ihre unveränderlichen bestimmungen oder ursprünglichen anlagen, und ihrer erworbenen fertigkeiten mit zuziehung der gesetze ihrer kausalverbindung, macht zusammen die natur aus, und alle veränderungen oder begebenheiten der welt, in wiefern sie darinn gegründet sind, sind natürlich.

§ 924.

Eine übernatürliche begebenheit wäre eine solche, die entweder nicht in den kräften der substanzen, oder zwar in diesen, jedoch aber nicht in den gesetzen ihrer kausalverbindung gegründet wäre. Im ersten fall würde sie durch eine übernatürliche kraft allein, im andern falle auch durch eine solche, jedoch vermittelst natürlicher kräfte aber mit aufhebung der gesetze der kausalverbindung, hervorgebracht.

§ 925.

Leibnitz und Wolf nehmen den begriff des wunders in der ersten, Hollmann * in der andern bedeutung.

* Philos. Prim. § 38. 39.

§ 926.

Nach dem ersten begriffe ist nach einem jeden wunder ein so genanntes miraculum restitutiouis allerdings nöthig, wenn die wirkungen desselben sich nicht weiter in der welt erstrecken sollen.

Wolfs deutsche Met. § 636.

§ 927.

Einige sagen, in wiefern die wunder als mittel göttlicher endzwecke betrachtet werden, so bestehe deren wesen in ihrem endzweck, naemlich in den eindruck auf die überzeugung, oder

auf den willen der vernünftigen geschöpfe, nicht aber in der aussernatürlichkeit ihrer wirkenden ursache.

Rüdiger Physica diuina p. 54.

§ 928.

Diesem begriff zufolge wären wunder nicht aussernatürliche, sondern nur ausserordentliche begebenheiten.

Diess sagt nicht nur Rüdiger und Hobbes, (Leviathan p. 25) sondern auch Clark in dem V. Br. an Leibnitz. Recueil de des-Maiseaux. Spinoza leugnet die wunder in jedem verstande. Tr. Theol. Pol.

§ 929.

Was auch die wirkende ursache eines wunders seyn mag, so setzt es wichtige endzwecke der Gottheit voraus.

§ 978.

Der beweis aus der unmöglichkeit einer unendlichen kausalreihe ist grossen schwierigkeiten ausgesetzt, wegen des angrenzenden begriffs der unendlichkeit überhaupt, und der göttlichen ewigkeit insbesondere.

Vornehmlich Wollaston hat diesen beweis sehr überzeugend zu machen gesucht. s. dessen Religion of nature delineated. p. 76. — Reimarus N. Th. 1 Abhandl. § 7, ff. — Clarke (Daseyn Gottes s. 45) und viele andere schriftsteller, welche sich dieses bekannten beweises bedienen, glauben ihn in den bekannten sätzen des Aristoteles, το πρωτον κινѹν ἀκινητον — oder ѹτε δυνατον την ἀρχην της κινησεως ἐιναι εις ἀπειρον, zu finden. Aber nicht zu gedenken, dass ein solcher beweis seinem system von der ewigkeit der welt und ihren bewegungen gerade zu widerspräche, so ist aus dem ganzen VIII b. seiner Physik, besonders kap. IV in verbindung mit dem letzten kapitel des letzten buchs der Metaphysik ganz klar, dass Aristoteles gar nicht vom anfange, sondern von dem grunde der bewegung rede. Denn in welchem zu-

sammenhange könnte er denn da die Pythagorischen Zahlen, die Platonischen Ideen, und die Democritischen Atomen bestreiten? Aristoteles will also so viel sagen: Alles was bewegt wird, empfängt die bewegung von einem andern dinge. Das ist eine erfahrung. Folglich müssen die einfachen theile der welt allesammt von etwas bewegt werden. Dieses erste bewegende wesen muss unbeweglich seyn. Denn wäre es selbst beweglich, so müsste es wieder von einem andern bewegt werden; und so wäre es nicht das Erste Principium. Dieses erste bewegende wesen nun ist die durch die ganze welt verbreitete kraft, von welcher ein theil in jedem einfachen dinge, als die ἐντελεχεια oder form subsistirt. So werden also die körper bewegt, kraft der substanziellen formen oder entelechien ihrer einfachen theile — nicht aber durch ihre alleinige figur oder schwere nach dem system des Democrit, auch nicht durch Zahlen, oder Ideen, nach den hypothesen des Pythagoras und Plato. — Man siehet hieraus beyläufig, wie sehr man irrt, wenn man aus dem satze des Aristoteles παντα τα κινȣμενα, ὑπο τινος και ὑπ᾽ ἀλλȣ κινεισθαι den fatalismus folgert. Selbst Cicero scheint in seinem aufsatz de Fato diesen satz im sinne zu haben, wenn er das system des Aristoteles über das schicksal dem system des Heraclit an die seite setzt, da es doch offenbar zu dem system des Chrysipp und des Karneades gehört.

§ 981.

Die beweise der wirklichkeit Gottes aus der zufälligkeit der welt beruhen auf schwankenden kriterien der zufälligkeit der welt.

§ 999.

Der göttliche verstand stellt sich alle mögliche welten, und die, welche die grösste glückseligkeit enthält, als die vollkommenste vor. Nun aber wird der göttliche verstand Wille genannt, inwiefern er sich die grösste vollkommenheit der welt als ein gut vorstellt. Folglich will Gott die allervollkommenste welt. Die göttliche macht aber ist uneingeschränkt in der äusserung jedes

willens. Folglich muss die wirkliche welt, in beziehung auf den göttlichen endzweck, folglich in ihrem wesen selbst die allervollkomenste seyn; folglich die allergrösste mögliche glückkseligkeit der lebendigen enthalten.

§ 1000.

Ein wichtiger einwurf wider diesen beweis des optimismus ist Leibnitzens selbsteigener: Kann in beziehung auf den unendlichen verstand, der unendliche reihen von welten denkt, und ihre vollkommenheiten ins unendliche vergrössert, eine der möglichen welten die allervollkommenste seyn, ohne möglichen zusatz der vollkommenheit in dem unendlichen verstande?

s. Moses Mendelsohns Philos. Schriften 1. Th.; III Gespräch.

§ 1001.

Wer auf diesem einwurf (1000) beharret, hat zweyerley zu erweisen: 1) dass das unendliche kein bestimmter gegenstand des göttlichen verstandes sey; 2) dass das unermessliche in der unendlichen reihe vollkommener welten, welches der unendliche verstand im ganzen übersiehet, noch ausser sich eines zusatzes der vollkommenheit fähig sey.

§ 1009.

Der göttliche verstand, in andern beziehungen betrachtet, wird gerechtigkeit genannt. Der wesentliche endzweck der welt ist die glückseligkeit der lebendigen, und die mittel dieses endzwecks sind alle endliche wesen. Je nach dem ein endliches wesen diesen endzweck mehr oder weniger befördert, desto mehr hat es in dem göttlichen verstande werth und wenn es ein freyes wesen ist, moralischen werth — des erfolgs, oder des grundes.

§ 1010.

Gott schätzt den moralischen werth aller handlungen freyer, vernünftiger wesen vollkommen richtig, weil er die entstehung

derselben aus den anlagen und verhältnissen derselben aufs allerdeutlichste erkennt. So ist also die göttliche gerechtigkeit die allerrichtigste schätzung des moralischen werths aller handlungen freyer, vernünftiger geister—folglich nur eine andere bestimmung des göttlichen verstandes.

§ 1013.

Gott will und gebeut die tugend nicht in beziehung auf seine heiligkeit, sondern aus weisheit, als ein mittel des endzwecks der vollkommenheit und glückseligkeit unter den lebendigen, und also aus wohlgefallen an vollkommenheit.

§ 1014.

Alle untugend entsteht zunächst aus irrthümern des verstandes, und die irrthümer des verstandes zunächst aus mangel der aufmerksamkeit auf das wahre und gute. In wiefern physische übel die aufmerksamkeit reizen, in sofern erleuchten sie den verstand, und bewirken die moralische besserung, z. b. die strafen eines vaters.

§ 1017.

Aus der übertreibung der § 1011 erwähnten analogie, in verbindung mit falschen begriffen von der göttlichen heiligkeit, sind entstanden viele falsche und trostlose lehrsätze von der strafgerechtigkeit Gottes.

§ 1018.

Es ist weder eine beleidigung noch eine ahndung göttlicher majestätsrechte möglich. Die beleidigung der majestät ist entweder eine verletzung oder eine verleugnung der macht, welche eine bürgerliche gesellschaft ihrem erwählten beherrscher, als ein nothwendiges mittel zur bewirkung der bürgerlichen glückseligkeit übergiebt — in wiefern und wie lange er sie zu diesem endzweck allein gebraucht.

§ 1019.

Die ahndung der gekränkten majestätsrechte gründet sich nicht auf eine absolute wichtigkeit der person des beherrschers, sondern auf den endzweck des staats und auf das unvermögen des beherrschers, ohne die zureichende macht den endzweck der allgemeinen glückseligkeit zu befördern.

§ 1020.

Gott kann weder in seiner majestät, noch auf irgend eine weise, gleich einem menschen beleidigt werden. Denn es kann weder die majestät noch irgend eine vollkommenheit Gottes verletzt werden. Demnach sind göttliche strafen, als ahndungen der beleidigten majestät ohne endzweck.

§ 1022.

Die barmherzigkeit Gottes ist nichts anders als die gerechtigkeit und der allervollkommenste verstand in andern beziehungen betrachtet. Sie darf nicht verglichen werden 1) mit der barmherzigkeit eines menschen: denn sie ist ohne menschartige empfindungen des mitleidens, und unabhängig von periodischen gemüthszuständen; 2) nicht mit der nachsichtigen gnade eines gesetzgebers, theils aus den nämlichen ursachen, theils weil sie weder auf gewisse willkührliche gegenstände gerichtet ist, noch von der allgemeinen regel in einzelnen fällen und aus politischen ursachen abweicht, sondern allenthalben und unveränderlich auf dem allerdeutlichsten urtheile des verstandes beruhet, und allein durch den werth der moralischen wesen bestimmt wird.

Von der gerechtigkeit und barmherzigkeit Gottes, und überhaupt von den göttlichen eigenschaften, in beziehung auf die moralität und bestimmung des menschen, lese man vornehmlich Eberhards Apologie des Socrates.

§ 1024.

Die gewöhnliche dreyfache eintheilung des übels, drückt nicht aus drey wesentlich verschiedene arten des übels. Alles übel

ist leiden der lebendigen, und also physisches übel. Alles übel ist in beziehung auf den rathschluss der vorsehung, und auf die nothwendigkeit der göttlichen begriffe, und der davon abhangenden nothwendigkeit der wesentlichen beschaffenheit der dinge nothwendiges und also metaphysisches übel. Aber einiges übel entsteht aus der unvollkommenheit der materie, einiges aus der unvollkommenheit der endlichen geister. Das geistige übel entsteht theils aus der endlichkeit des verstandes, theils aus der davon abhangenden unvollkommenheit des willens: irrthum, untugend — logisches, moralisches übel.

§ 1025.

Irrthum und untugend sind keine übel, als nur in der nämlichen beziehung — nicht aber in beziehung auf eine absolute, zwecklose wahrhaftigkeit, oder heiligkeit Gottes, noch weniger die untugend in beziehung auf göttliche majestätsrechte.

Leibnitzens Theodicee s. 134.

§ 1026.

So ist also die frage von der grösse des übels die frage von der grösse und menge der leiden der lebendigen.

§ 1027.

Unsere begriffe von der grösse und menge der leiden in der welt gründen sich theils auf erfahrungen in diesem weltkörper, theils auf muthmassungen über das elend in andern weltkörpern, welches theils die menschen, theils andere geister darinnen betreffe. Die trostlosesten begriffe von dem übel gründen sich auf diese muthmassungen, und diese muthmassungen richten sich nach unsern begriffen von der heiligkeit und strafgerechtigkeit Gottes.

§ 1028.

Wenn es auch nicht überall entschieden ist, dass das ewige, allerpeinlichste elend, höchstunvollkommener geister, ausserchristlichen menschen, ungläubiger oder untugendhafter chris-

ten und ungetaufter christenkinder, der vernunft, d. h. unumstösslichen begriffen von der weisheit und güte Gottes widerspricht, so ist dennoch zugestanden, dass die wirklichkeit dieses elends nicht aus der vernunft erkannt werde — also der beweis davon kein gegenstand der philosophie sey.

Viele haben diese lehre dem Augustin zugeschrieben, welche vorher nicht allein vom Origines, sondern sogar von den allerersten kirchenlehrern hin und wieder bestritten worden ist, unter welchen in der theologischen geschichte Justin, Arnobius, Irenäus u. a. m. angeführt worden. Die meynungen des Origines besonders aus seinem b. de Principiis, hat sehr weitläuftig ausgeführt Huet in den seiner ausgabe vorgesetzten Origenianis lib. II. quaest. XI. Man lese über diese materie vornehmlich Eberhards Apologie des Socrates.

§ 1050.

Die unendlichkeit der göttlichen eigenschaften ist, nach den forderungen des ontologischen begriffs vom unendlichen, nothwendigen, höchstvollkommenen Wesen, das zusammenseyn aller beysammen möglichen realitäten. In wiefern kann die idee der unendlichen vollkommenheit Gottes aus der vollkommenheit der welt entstehen? Ist diese idee in dem allgemeinen begriffe des nothwendigen, unendlichen dinges, in beziehung auf das in dem begriffe enthaltene prädicat der existenz, anschauend und hinlänglich bewährt?

§ 1051.

In wiefern ist der schluss von der unendlichkeit eines wesens auf dessen unveränderlichkeit richtig? Wird zu dem beysammenseyn aller möglichen realitäten erfordert, dass alle mögliche realitäten auf einmal und zugleich in ihrer äusserung oder nur auf einmal und zugleich in ihrer anlage, unabhängig von den einflüssen anderer dinge beysammen seyn? Wird das unendliche wesen veränderlich, wenn die äusserungen der in ihm zugleich bestehenden allmöglichen realitäten nach und nach auf einander

folgen? Wird es veränderlich, durch äusserliche zustände, bey denen der innere zustand, d. h. die beschaffenheit und die grösse unverändert bleibt?

§ 1052.

1. Unendlichkeit des göttl. verstandes. Bestehet dieselbe in dem gleichzeitigen beysammenseyn aller möglichen ideen? oder in dem beysammenseyn aller möglichen geistigen realitäten, durch welche alle mögliche ideen hervorgebracht werden können? Sind ideen geistige realitäten? oder nur äusserungen der unendlichen geistigen realitäten? Wenn das göttliche wesen nicht veränderlich, und also nicht endlich wird, durch die succession der wirkungen seiner macht, warum wird es veränderlich oder endlich, durch die succession der wirkungen seines verstandes? Sind nicht ideen so wie machtäusserungen, zufällige bestimmungen einer kraft?

§ 1053.

Wie kann man aber mit diesen zweifeln vereinigen, 1) die vorherwissenheit? 2) die wahl der allervollkommensten welt? Wären allgemeine wahrheiten, und weite vorhersehungen zur vorherwissenheit, zur wahl der vollkommensten welt, und zur vollkommensten anwendung und regierung derselben hinreichend?

Diess ist die grosse schwierigkeit in dem system der socinianer.

§ 1054.

Wenn aber in dem unendlichen verstande Gottes alle mögliche ideen zugleich beysammen sind, wären nicht alsdann die göttlichen ideen, wenigstens in dem göttlichen verstande bestimmbar und bestimmt? Und ist das, was bestimmbar und bestimmt ist, noch unendlich? Und wenn der inbegriff der ganzen möglichkeit in dem göttlichen verstande bestimmbar und unendlich ist, ist alsdann etwas unendliches möglich?

§ 1055.

Oder ist es hinreichend zur unendlichkeit des göttlichen verstandes, dass ausser den ideen, die er befasst, keine andern ideen gedenkbar sind? So wäre aber doch der inbegriff aller möglichkeiten, d. h. aller möglichen ideen wenigstens dem unendlichen verstande ermesslich.

§ 1056.

Wie mag das wirklich unermessliche und unendliche von dem unendlichen geiste ermessen und bestimmt erkannt werden? Gehört das vielleicht zum unerforschlichen wesen des unendlichen geistes?

§ 1057.

In wiefern widerspricht der unendlichkeit des göttlichen verstandes die form des menschlichen?—in beziehung auf allgemeine und geschlossene wahrheiten.

s. Wolfii Th. N. in dem kapitel de intellectu Dei. Kaestner v. d. allgemeinen begriffen in dem göttlichen verstande.

§ 1058.

Warum ist bey allen zweifeln über die form des göttlichen verstandes, dennoch zuverlässig die wahrheit der obigen lehrsätze von der allervollkommensten weisheit und güte — so wie die unmöglichkeit menschartiger empfindungen?

§ 1059.

II. Unendlichkeit der göttlichen macht bestehet in dem beysammenseyn aller möglichen realitäten der existenz und der wirksamkeit — und schliesst in sich 1) den begriff der unermesslichkeit, 2) den begriff der ewigkeit, 3) den begriff der durchgängigen abhängigkeit der endlichen substanzen, von der macht Gottes. Wiederholung des schlusses des 1052 §.

§ 1060.

1) Die unermesslichkeit Gottes. Wie ist sie möglich, wenn die welt endlich ist?

§ 1061.

Oder ist die welt unendlich, unermesslich? Ist eine unendliche, unermessliche ausdehnung möglich? Ist Wolfs beweis ihrer unmöglichkeit aus der wesentlichkeit der figur bündig? Kann das weltall, wenn es von nichts begrenzt wird, eine figur haben? Kann das weltall begrenzt seyn, wenn auser ihm nichts endliches mehr ist? Ist das weltall unendlich, wenn es nicht begrenzt ist? Besteht es nicht, in wiefern alle seine einfachen theile zugleich sind aus einer bestimmbaren vielheit von theilen? Kann nicht diese vielheit durch das hinzuthun andrer vermehrt werden? Nöthigen diese zweifel zu dem begriffe eines ausserweltlichen, unendlichen raums?

Descartes nennt die welt unbegrenzt, um sie nicht unendlich zu nennen.

§ 1062.

2) Die ewigkeit Gottes ist eine anfang- und endlose dauer. Dauer ist die fortsetzung der existenz. Die existenz ist die wirksamkeit einer substanz. Welchen begriff soll man sich von der göttlichen ewigkeit machen?

§ 1071.

Kann die göttliche ewigkeit eine anfang- und endlose zeit genannt werden? Oder widerspricht der unveränderlichkeit die succession? Wie ist aber eine feststehende unbewegliche existenz, eine dauer ohne succession, eine ewigkeit als ein moment nach dem sinne des Boetius[1]) gedenkbar?

§ 1072.

Wie mag die existenz Gottes ohne succession seyn, wenn die äusserungen seiner macht und also seiner wirksamkeit, und folglich seiner existenz nach einander folgen?

§ 1073.

Ist aber eine ewige folge von veränderungen nicht eine unendliche kausalreihe? Und wäre eine unendliche kausalreihe — sie

---

[1] de Consolatione Philos.

werde gedacht unter dem bilde einer linie oder eines cirkels, nicht eine reihe von wirkungen ohne eine erste ursache? — Aber sind die schwierigkeiten bey einer ewigen existenz ohne succession geringer?

§ 1074.

Ist die unmöglichkeit einer unendlichen kausalreihe völlig erwiesen? und giebt sie einen evidenten beweis wider die ewigkeit der welt, und für die ewigkeit Gottes ohne succession?

§ 1075.

3) Die durchgängige abhängigkeit der endlichen wesen von der macht Gottes. Abhängig seyn heisst den grund eines zustandes, in irgend einer beziehung, in der kraft eines andern dinges haben.

§ 1076.

Der jedesmalige zustand eines endlichen wesens wird bestimmt theils durch seine grundanlagen, theils durch seine verhältnisse, d. h. durch die einwirkungen anderer dinge.

§ 1077.

Wenn die ersten grundanlagen, d. h. die attribute, oder die grundbestimmungen der beschaffenheit und der grösse in einem unendlichen wesen gesetzt werden, so wird auch seine existenz gesetzt. Wenn also ein endliches wesen von dem unendlichen abhängt in ansehung seiner ersten grundbestimmungen, so hängt es von ihm ab in seiner existenz — ist von ihm hervorgebracht, und kann von ihm vernichtet werden.

§ 1078.

1. Folgt diese abhängigkeit der existenz aus dem allgemeinen begriffe der zufälligkeit endlicher wesen, und aus dem begriffe des nothwendigen unendlichen wesens. Wiederholung einiger anmerkungen über diese begriffe.

§ 1079.

Eine einfache substanz kann weder entstehen noch zerstört werden. Das ist an sich klar. Was heisst aus nichts entstehen? vernichtet werden? — Wenn die existenz der endlichen wesen abhängig ist von der kraft des unendlichen, wie soll man sich ihre entstehung, ihre schöpfung aus nichts, ihre vernichtung denken?

Loke (liv. III. chap. LX) hält die idee für begreiflich.

§ 1080.

Soll man die schöpfung der endlichen wesen als einen ausfluss der unendlichen kraft, und ihre vernichtung als eine rückkehr in die fülle der unendlichen kraft betrachten? — So fällt der begriff der schöpfung mit dem begriffe von der ewigkeit der materie, d. h. der endlichen substanzen in einen zusammen. Diese war, mit ausnahme des Plato und Zeno, von jeher die herrschende meinung.

§ 1081.

Sind vielleicht die endlichen wesen ewige aussersubstanzielle, zugesellte kräfte des endlichen wesens, nach der meinung der stoiker? — So vermengt man wiederum die Gottheit mit der materie, und kehrt zu dem begriff ihrer ewigkeit zurück.

§ 1082.

Wie mag aber der alleinige wille des unendlichen wesens die wirkende ursache von dem wirklichwerden eines dinges seyn? Kann man jedoch die schöpfung aus nichts eine unmöglichkeit nennen? Fehlt es diesem begriffe zu seiner begreiflichkeit vielleicht nur an einem bilde in der phantasie — so wie dem begriffe der immaterialität?

Viele der ältern und neuern theologen finden, aus missverstand gewisser ausdrücke, den begriff, der schöpfung aus nichts, bey den griechischen weltweisen s. Clemens Alexandr. Stromat. lib. VI. cap. XIV. Cudworth. Syst. Intell. p. 752 ff. Huetii Quaest. Alner. lib. II. cap. VII. — Der Ausdruk το μη ον hat zweierlei philo-

sophische bedeutungen. Erstens heisst το μη ον so viel als die formlose materie. Und in diesem verstande, sagen also die griechischen weltweisen, die welt sey ἐκ τȣ μη ὀντος gemacht worden. — Anderns heisst es besonders beym Plato und Aristoteles so viel als accidenz — vorübergehende beschaffenheit, im gegensatz des ὀντος des selbstständigen, substanziellen. Wenn also Aristoteles von philosophen redet, welche sagen: παντα ἐν τȣ μη ὀντος γενεσϑαι, so bestreitet er nicht die schöpfung aus nichts, sondern die zu seiner zeit so gewöhnliche meinung, dass die veränderungen der dinge nur in den vorhergehenden veränderungen, nicht in einzelnen substanziellen entelechien gegründet wären. s. Aristot. de Xenophane cap. 1. Phys. lib. 1. cap. X. — Origenes bewies die ewigkeit der materie aus der ewigen wirksamkeit Gottes. — Ueber die art und weise, wie aus der materie die welt entstehen konnte, hatte besonders vor den zeiten des Socrates, beynahe jede schule ihr physiologisches system. Kosmogenien der alten völker findet man im Grotius de U. R. C. lib. 1. Die neuern, z. b. Burnet, Dikinson, Whiston, Buffon, schränken sich nur auf unsern planeten ein. — Die meinung von der ewigkeit der geformten welt ist besonders vom Ocellus und vom Aristoteles bekannt. Plutarch de Plac. lib. II. cap. IV und Stobaeus. Ecl. Phys. lib. 1 cap. XXIV schreiben dieselbe auch den eleatikern, und Censorin de D. N. C. IV (ich weiss nicht aus welchem grunde) den pythagoräern zu. Anlangend die eleatiker, so ist dieses ihren lehren von der durch das feuer gewirkten erzeugung der thiere, gerade entgegen. Aristoteles scheint vornehmlich die ewige bewegung des himmels im sinne zu haben. Ueber die ewigkeit der menschen und thiergeschlechter drückt er sich nicht so deutlich aus, als Ocellus, s. Aristot. Metaph. lib. XII. Phys. lib. VIII. Ocellus Lucanus de Uuiverso cap. IV. Philo und andere platoniker sind dieser meinung auch sehr geneigt s. Philo de Aeternit. mundi. Opp. p. 941. — Hume (Essays on several subjects) und der verf. des buchs: le Monde, son origine u s. w. scheinen nur ein sehr grosses alter der welt gegen die

geschichte Mosis behaupten zu wollen. — Uebertriebene chronologien der alten völker, und überlieferungen von ihrem ursprunge aus der erde, oder aus dem wasser u. d. g. hat Gassendi in grosser anzahl gasammelt, Phys. Sect. 1. cap. IV und nach ihm Reimarus N. Th. 1 abhandl.

§ 1083.

Wäre dann aber eine ewige schöpfung möglich? Ist in dieser frage auch wirklich ein gedanke? so wie in einer andern: warum Gott die welt nicht früher erschaffen habe?

§ 1084.

Hängt die fortsetzung der existenz der endlichen wesen von einer unmittelbaren fortwirkenden kraft Gottes, oder von ihren ersten anlagen ab?

§ 1085.

2) Abhängigkeit in den verhältnissen. Wenn die verhältnisse der endlichen wesen aus ihrer stellung in der welt entstehen, und ihre stellung von Gott bestimmt ist, und aus der stellung aller endlichen wesen zusammen, die ordnung und form, und der jedesmalige zustand der welt entspringt, so ist diese abhängigkeit ausser zweifel.

§ 1086.

Hängt der jedesmalige zustand der endlichen wesen, und dann der ganzen welt ab, allein von den ursprünglichen anlagen und von der ersten stellung der endlichen wesen, und von der ersten anordnung der welt, oder von einer fortwirkenden kraft Gottes?

§ 1087.

Erfordert diese fortgesetzte wirksamkeit Gottes eine räumliche allgegenwart. Allgegenwärtig seyn heisst in alles unmittelbar wirken. Auf welche weise — wie nahe oder wie fern mag Gott in die welt wirken?

§ 1091.

Wenn die unsterblichkeit der seele nur allein auf der fortsetzung der zum geistigen leben nöthigen verhältnisse beruhet,

diese verhältnisse aber bey der unerschöpflichen möglichkeit der stellungen und verbindungen der dinge, in ewigkeit statt finden können; so ist die unsterblichkeit der seele so gewiss, als jede andere aus den beweisfähigen eigenschaften Gottes, und aus dem endzweck und wesen der welt gefolgerte wahrheit.

Die stärksten beweise der u. d. s. beruhen ohne zweifel auf der weisheit und güte Gottes, bey welchen man andere beweise, dergleichen Canz in seinen Meditatt. Philosof. in dem kap. de animae immortalitate angeführt hat, beynahe entbehren kann. Aber darum eben ist der scepticismus über die weisheit und güte so gefährlich, so vernünftig er über die andern eigenschaften Gottes ist, die weniger beziehung auf die welt haben, und keiner klaren begriffe fähig sind. Wenn man jenen scepticismus aufs höchste getrieben sehen will, so lese man Sexti Emp. Pyrrh. Hypot. lib. III. cap. 1 und adv. Math. lib. IX. pag 551 seqq. Robinet de la Nature. tom. II. part. V. Den einfluss des glaubens der u. d. s. hat Kästner in seinem beweise v. d. u. d. s. in einigen kurzen anmerkungen sehr deutlich gezeigt.

26) Московскій журналъ. 1791. Ч. II. Книжка 3-я. Іюнь. Письма рускаго путешественника стр. 311—314. Карамзинъ пишетъ изъ Лейпцига *16 іюля 1789 года:* «*Нынѣ* поутру слушалъ я эстетическую лекцію доктора Платнера» и т. д.

27) *Ernst Platners* Vorlesungen über Aesthetik. In treuer auffassung *nach geist und wort* wiedergegeben von dessen dankbarem schüler M. Moriz Erdmann Engel. Zittau und Leipzig. 1836. стр. 86, 85, 84, 89, 35—38, и др.

— Unter den händen des genies werden alle kenntnisse zu *philosophie*, alle arbeiten zu einem gewissen eigentlich-menschlichen enthusiasmus, und von kunstwerken versteht es sich von selbst, was sie unter solchen händen werden müssen...

Wenn er (*Leibnitz*) alle klöster und bibliotheken in fast ganz Teutschland und Italien durchwühlte, um die verhältnisse des *Braunschweig-Lüneburgischen* hauses zu bestimmen, so behandelte er dies alles mit geist und immer in rücksicht auf die berichti-

gung der verhältnisse dieser fürstlichen familie, wodurch für so manche länder und menschen zugleich grosse vortheile erwachsen konnten...

Welcher unterschied findet statt zwischen *Franklin* und einem gewöhnlichen tact- und verfassungsmässigen politiker. Alle seine politischen schritte kommen sichtlich aus seiner grossen und warmen theilnehmung an den angelegenheiten seines vaterlandes und der ganzen menschheit her, da hingegen der tact- und verfassungsmässige, nur gemeine politiker alles thut, veranlasst durch kleine ideen über die grosse wichtigkeit kleiner dinge, durch rechte oder vortheile des landes, wol gar des fürsten, oder seines eigenen individuums...

Man nehme einen schriftsteller wie *Jerusalem*, und lese seine *Betrachtungen über die Religion*, besonders aber den abschnitt, worin er von der christlichen religion handelt, und man thue dann alles dasjenige hinweg, was durch seine philosophische theilname an der grossen und wichtigen angelegenheit der menschheit entstand, und man wird nichts übrig behalten, als ein gemeines gerippe der christlichen dogmatik...

28) Собраніе сочиненій А. Н. Радищева. 1811. Ч. V. стр. 68—69.

Біографическія замѣтки В. А. Полѣнова, помѣщенныя въ первомъ приложеніи.

29) Vie de Gellert, par mr. Jean André Cramer; traduite de l'allemand. стр. 75, 102, 105—106, 78—84, 147—152.

30) Abriss einer geschichte der Leipziger Universität im laufe des achtzehnten jahrhunderts, von J. D. Schulze. стр. 177—275.

31) Хронологическій перечень повременныхъ изданій, выходившихъ въ Лейпцигѣ въ прошломъ столѣтіи (Schulze, 140—176, 429—433).

1702 г.

Unschuldige Nachrichten von alten und neuen theolog. sa-

chen, büchern, urkunden, controversien, veränderungen, vorschlägen etc.

Europäische Fama, welche den gegenwärtigen zustand der vornehmsten höfe entdecket.

1707 г.

Fama Academica, intimans disputationes, in academiis germanicis, ac quibusdam exteris, habitas.

1710 г.

Neuer Bücher- Saal der gelehrten welt, oder ausführliche nachricht von allerhand neuen Büchern, und andern, zur heutigen historie der gelehrsamkeit gehörigen, sachen.

1711 г.

Gelehrte Fama, welche den gegenwärtigen zustand der gelehrten welt, und sonderlich derer deutschen universitäten entdecket.

1712 г.

Deutsche Acta Eruditorum, oder geschichte der gelehrten, welche den gegenwärtigen zustand der litteratur in Europa begreifen.

1713 г.

Neuer Schauplatz der gelehrten welt, oder auszüge von allerhand neuen und zur gelehrsamkeit gehörigen schriften.

Unpartheyischer Bibliothecarius, welcher die urtheile derer gelehrten von gelehrten und ihren schriften aufrichtig entdecket.

1714 г.

Aufrichtige und unpartheyische Gedanken über die journale, extracte und monats- schriften.

1715 г.

Neue Zeitungen von gelehrten sachen, oder gesammelte nachrichten von allem, was ein jahr über in der gelehrten welt ruhm- und merkwürdiges vorgefallen (nebst einer kurzen einleitung in die litterär-geschichte jedes jahres).

1716 г.

Miscellanea Lipsiensia, ad incrementum rei litterariae edita.

1718 г.

Nova litteraria in Supplementum Actorum eruditorum divulgata, observationibusque historicis, physicis et mathematicis distincta.

1721 г.

Historie der Gelehrsamkeit unserer zeiten, darinnen nachrichten von neuen büchern, leben gelehrter leute, und andere dergleichen merkwürdigkeiten ertheilt werden.

1723 г.

Acta Lipsiensium Academica.

1724 г.

Leipziger Sokrates.

1726 г.

Lipsia litterata, relationes continens dissertt. in acad. lips. evulgatarum.

1727 г.

Nova Literaria, quae disputationes aliasque commentatiunculas theologicas, juridicas, medicas et philosophicas in praecipuis Germaniae academiis et gymnasiis novissime evulgatas recensent, et earum occasionem, finem et usum notis hinc inde annexis ostendunt.

1732 г.

Beyträge zur critischen historie der deutschen sprache.

1733 г.

Gründliche Auszüge aus denen neuesten theologisch-philosophisch- und philologischen disputationibus, welche auf den hohen schulen in Deutschland gehalten worden.

Acta Academica, praesertim academiarum, societatum litterariarum, gymnasiorum et scholarum statum illustrantia.

1737 г.

Gründliche Auszüge aus den neuesten juristisch-medicinisch-historisch-physikalisch- und mathematischen disputationibus, welche auf den hohen schulen, sonderlich in Deutschland, gehalten worden.

Juristischer Bücher-Saal, oder gründliche nachrichten von den besten juridischen büchern, der berühmtesten rechtsgelehrten leben, und andern zur rechtsgelahrheit dienenden sachen.

1738 г.

Allerneueste Nachrichten von juristischen büchern, academ. abhandlungen, deductionen und verordnungen grosser herren, leben der berühmtesten verstorbenen und noch lebenden rechtsgelehrten, nebst andern zu der rechtsgelehrsamkeit gehörigen sachen (Продолженіе предыдущаго: Juristischer Bücher-Saal).

1739 г.

Nützliche Nachrichten von den bemühungen der gelehrten in Leipzi

1740 г.

Zuverlässige Nachrichten von dem gegenwärtigen zustande, veränderung und wachsthum der wissenschaften.

1742 г.

Miscellanea Lipsiensia Nova, ad incrementum scientiarum,

ab his, qui sunt in colligendis Eruditorum Novis Actis occupati, per partes publicata. Edendi consilium suscepit, sua nonnulla passim addidit, praefationem, qua instituti ratio explicatur, praemisit Frid. Otto Menckenius.

1745 г.

Vollständige Nachrichten von dem ordentlichen inhalte derer kleinen und auserlesenen academischen schriften, welche vornemlich in die gottesgelahrheit, weltweisheit, und schönen wissenschaften einschlagen, und in neulicher zeit an das licht gekommen.

Neuer Bücher-Saal der schönen wissenschaften und freyen künste.

1746 г.

Gründliche Auszüge aus denen neuesten theol., philosoph. und philolog. disputationen.

1750 г.

Unpartheyische Critick über juristische schriften in- und ausserhalb Deutschland.

Nachrichten von alten und neuen kleinen exegetischen schriften.

Oekonomische Nachrichten.

1751 г.

Das Neueste aus der anmuthigen gelehrsamkeit.

Nachrichten von kleinen erläuterungsschriften der göttl. offenbahrung.

1752 г.

Commentarii de rebus in scientia naturali et medicina gestis.

1753 г.

Commentarii Lipsienses litterarii.

1754 г.

Das Merkwürdigste aus den kleinen deutschen theologischen und philosophischen schriften.

1757 г.

Bibliothec der schönen wissenschaften und der freyen künste.

1760 г.

Neue Theologische Bibliothek.

1763 г.

Neue Oekonomische Nachrichten.

1765 г.

Neue Bibliothek der schönen wissenschaften.

1768 г.

Der Jude (eine wochenschrift von Gottfr. Selig).

Unparteyische Kritik über die neuesten juristischen schriften.

1771 г.

Ernesti Neueste theol. Bibliothek.

1772 г.

Juristisches Wochenblatt, von A. F. Schott.

Journal für liebhaber der litteratur, Joh. Glo. Pohl.

1773 г.

C. E. Kapp. Sammlung auserlesener abhandlungen zum gebrauch praktischer ärzte.

Der Professor, eine wochenschrift von *Ernst Platner.*

1775 г.

A. F. Schott Magazin für rechtsgelehrte und geschichtsforscher.

1778 г.

Joh. Karl und Joh. Sam. Traug. Gelehr Sammlungen zur physik und naturgeschichte.

1779 г.

Magazin des Kunst- und Buchhandels.

1780 г.

Joh. Geo. Eck Leipziger gelehrtes Tagebuch.

1781 г.

Chp. Bened. Funk Leipziger Magazin zur naturkunde, mathematik und ökonomie.

1782 г.

Joh. Chp. Adelung Magazin für die deutsche sprache.

Ernst Benj. Gottl. Hebenstreit und Karl Glo. Kühn Neue Sammlung der auserlesensten und neuesten abhandlungen für wundärzte.

1783 г.

Geo. Nik. Brehm Alterthümer, Geschichte, und neuere Statistik der gelehrten republik überhaupt, und der universitäten und akademien besonders.

Fried. Lebr. Schönemann Journal für studirende auf universitäten und in den obern klassen der schulen.

A. F. Schott Bibliothek der neuesten juristischen literatur.

1784 г.

Gottfr. Aug. Arndt Archiv der sächsischen geschichte.

Chn. Aug. Günther (nachher prof. in Helmstädt) und C. F. Otto (nachher rath- und amt-mann zu Lobenstein), Leipziger Magazin für rechtsgelehrte.

Odeum (eine monatsschrift von Chn. Aug. Clodius).

1785 г.

Karl Adolph Cäsar Denkwürdigkeiten aus der philosophischen welt.

1786 г.

Karl Friedr. Hindenburg und Joh. Bernouilli, Leipziger Magazin der reinen und angewandten mathematik.

Ephemerides Lipsicae.

1787 г.

Karl Adolph Cäsar Philosophische Annalen.

1788 г.

Chn. Dan. Erhard Amalthea, zeitschrift für wissenschaft und geschmack.

1789 г.

Friedr. Glo. Born und Joh. H. Abicht Neues philosophisches Magazin zur erläuterung des Kantischen systems.

1790 г.

C. M. Koch Sammlung auserlesener abhandlungen zum gebrauch für praktische ärzte, in einen auszug gebracht.

1792 г.

Karl Glo. Kühn Magazin für die arzneymittellehre.

K. G. Kühn u. K. Weigel Italienische medicinisch-chirurgische Bibliothek, oder übersetzungen und auszüge aus den neuern schriften italienischer ärzte und wundärzte.

1794 г.

K. F. Hindenburg Archiv der reinen und angewandten mathematik.

Karl Heinr. Ludw. Pöliz Ceres für bildung des geschmacks. Eine quartalschrift.

Christian Ernst Weisse Museum für die sächsische geschichte, literatur und staatskunde.

Commentationes Theologicae, collectae et ed. a G.. A.. Ruperti, Joh. Conr. Velthusen et Chn. Gli. Künöl.

1795 г.

Friedr. Gottl. Leonhardi Oekonomische Hefte, oder sammlung von nachrichten, erfahrungen und beobachtungen für den stadt- und landwirth.

1796 г.

Allgemeiner Litterarischer Anzeiger, oder annalen der gesammten literatur für die geschwinde bekanntmachung verschiedener nachrichten aus dem gebiete der gelehrsamkeit und kunst.

1797 г.

Erdm. Hannibal Albrecht Magazin für schullehrer, erzieher, eltern und kinderfreunde.

Karl Heinr. Heydenreich Philosophie über die leiden der menschheit.

Friedr. Glo. Leonhardi Magazin für das jagd- und forstwesen.

1798 г.

K. H. Heydenreich Kleine Monatsschrift für freunde der religion und feinde des aberglaubens.

Fried. Rochliz Allgemeine musikalische Zeitung.

C. G. Thomas Unpartheyische Kritik der vorzüglichsten, zu Leipzig aufgeführten, grossen kirchen-musiken, concerte und opern, wie auch anderer, die musik betreffenden, gegenstände.

1799 г.

Karl Heinr. Heydenreich: Vesta, kleine schriften zur philosophie des lebens, besonders des häuslichen.

Chr. Gotthelf Hübner und Karl Aug. Tittmann Bibliothek kleiner juristischen schriften.

1800 г.

Leipziger Jahrbuch der neuesten Literatur.

Rhadamanthus. Eine zeitschrift für kritiker, antikritiker und ihre freunde.

Chn. Ernst Weisse Neues Museum für die sächsische geschichte, literatur und staatskunde.—и т. д.

32) Московскій Журналъ. 1791. Ч. III. Книжка 1-я. Іюль. стр. 55.—

33) Московскій главный архивъ министерства юстиціи. Кн. прав. сената за № 6476, л. 294—295.

34) Грамоты, выданныя Козодавлеву по разному поводу, находятся въ настоящее время у баронессы Анастасіи Сергѣевны Вревской, дочери княгини Анны Михайловны Щербатовой (впослѣдствіи графини Толстой), племянницы и наслѣдницы жены Козодавлева. Приносимъ глубочайшую благодарность почтенной владѣтельницѣ этихъ документовъ за дозволеніе пользоваться ими, данное намъ при обязательномъ посредничествѣ Ивана Петровича Хрущова.

35) Московскій главный архивъ министерства юстиціи. Книг. прав. сената, № 6316, л. 274.

36) Московскій главный архивъ министерства юстиціи. Кн. прав. сената, № 6333, л. 665.

37) Московскій главный архивъ министерства юстиціи. Кн. прав. сената, № 6345, л. 135.

38) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 556. Журналъ академіи наукъ 21 марта 1784 года, № 269.

39) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 333. Рапортъ Козодавлева княгинѣ Дашковой 19 іюля 1783 года.

40) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 554. Журналы и дневныя записки академіи наукъ; 16 іюня 1783 года, № 644.

41) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 333;—26 іюня 1783 года.

42) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 555. Журналы и дневныя записки академіи наукъ 1783 г., вторая половина, № 249.

43) Русскій Вѣстникъ. 1858. Т. XVIII. Статья: «Александръ Николаевичъ Радищевъ» стр. 400—401. Статья эта составлена по разсказамъ и воспоминаніямъ сына Радищева. Вообще къ свидѣтельству сына Радищева о событіяхъ, о которыхъ онъ слышалъ еще въ дѣтствѣ, надо относиться критически; иное написано имъ очевидно подъ позднѣйшимъ вліяніемъ, и потому требуетъ строгой провѣрки (ср. Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ описанная Я. Гротомъ. 1880. стр. 692—697).

П. Пекарскаго: Исторія академіи наукъ въ Петербургѣ. 1873. Т. II. стр. 259—260.

44) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 340; — 22 августа 1784 года.

45) Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще ненапечатанныхъ твореній. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ императорской академіи наукъ. 1784.

Сравнивая это изданіе, вышедшее подъ редакціею Козодавлева, съ изданіемъ архимандрита Дамаскина, находимъ между

ними совершенное сходство, почти тожество. Вся первая книга изданія Дамаскина вошла цѣликомъ въ первую часть изданія Козодавлева, за исключеніемъ только «Поздравительнаго письма, на благополучное возвращеніе изъ Финляндіи, его сіятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, іюля 19 дня, 1764 года» (Дамаск. I, 268—272). Ода тринадцатая въ изданіи Козодавлева (на день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, 18 декабря 1757 года) помѣщена Дамаскинымъ во второй книгѣ его изданія. Четырнадцатая ода у Козодавлева соотвѣтствуетъ тринадцатой у Дамаскина; пятнадцатая—четырнадцатой, и т. д. Вторая часть академическаго изданія, приготовленнаго къ печати Козодавлевымъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія сочиненія Ломоносова:

1) Петръ Великій, героическая поэма.

2) Трагедія: Тамира и Селимъ.

3) Трагедія: Демофонтъ.

4) Письмо о пользѣ стекла.

5) Слово похвальное государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

и 6) Слово похвальное государю Петру Великому.

Текстъ этихъ сочиненій представляетъ полное сходство съ изданіемъ Дамаскина.

46) Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ. 1865. Матеріалы, представленные С. Пономаревымъ въ академію наукъ по случаю празднованія памяти Ломоносова 6 апрѣля 1865 года. стр. 9. (изд. какъ *рукопись*).

47) П. Пекарскаго: Исторія академіи наукъ въ Петербургѣ. Т. II. стр. 259.

Въ числѣ трудовъ члена россійской академіи Михаила Ивановича Веревкина († 1795), въ запискѣ, имъ самимъ составленной, находится:

Жизнь Михайлы Васильевича Ломоносова, предъ новѣйшимъ изданіемъ его сочиненій, печатанныхъ въ типографіи с.-петербургской академіи наукъ (Москвитянинъ. 1842. Ч. VI. № 12, стр. 401).

48) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. №№ 554 и 555.

Журналы и дневныя записки академіи наукъ 1783 года: 17 февраля № 99;—5 іюля № 18;—6 сентября, № 287.

Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1869. т. V. стр. 617.

49) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1867. Генварь—мартъ. Книга первая. Смѣсь. стр. 16—17.

50) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія: Картонъ 1, № 36,720. Журналы комиссіи объ учрежденіи училищъ: 27 августа 1784 года, ст. 1 и 2;—10 сентября 1784 года, ст. 3.

51) Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи, уложенный въ царствованіе императрицы Екатерины II. Въ Санктпетербургѣ. 1786. стр. 39—40, § 69.

52) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Карт. I, № 36,722. Журналъ комиссіи объ учрежденіи училищъ 28 іюня 1786 года, ст. 14.

53) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Карт. 1278, № 38494. Прилагаемъ донесенія Козодавлева объ училищахъ въ губерніяхъ: новгородской, тверской, московской, тамбовской и рязанской (16 марта — 27 іюня 1788 года).

1.

При осмотрѣ училищъ слѣдуя во всемъ данному мнѣ отъ комиссіи наказу, объявилъ, по прибытіи моемъ, чрезъ городъ Тихвинъ и село Чудово, 21-го числа февраля мѣсяца, въ *Новгородъ* (что̀ составляетъ 479 верстъ отъ Санктпетербурга), господину директору, что я главное народное училище осматривать буду 23-го числа того же мѣсяца.

Господинъ коллежскій совѣтникъ новгородскій вице-губернаторъ, директоръ училищъ и ордена святаго Владимира третьей степени кавалеръ Василій Андреевичъ Приклонскій, подавъ мнѣ въ самый часъ пріѣзда моего въ Новгородъ краткую о состояніи училищъ вѣдомость, все къ осмотру надлежащимъ образомъ пріуготовилъ.

При осмотрѣ заставилъ я, въ силу 2-й статьи наказа, при мнѣ и господинѣ директорѣ экзаменовать всѣхъ учащихся, и нашелъ, что ученики всѣ преподаваемые имъ предметы весьма хорошо знаютъ. Нѣкоторыхъ спрашивалъ я и самъ, и старался разными вопросами узнать, знаютъ ли ученики выученное; на всѣ вопросы мои получилъ я желаемые отвѣты. Расторопность, способность и прилежаніе учителей, равно какъ и неусыпное попеченіе господина директора произвели, что учащіеся, какъ въ главномъ народномъ училищѣ въ Новѣгородѣ, такъ и по уѣзднымъ городамъ въ малыхъ училищахъ, успѣваютъ въ преподаваемыхъ имъ предметахъ весьма скоро и такъ, что лучшихъ успѣховъ и желать невозможно.

Въ губернскомъ городѣ находится одно главное народное училище, а въ заведеніи частныхъ еще нынѣ, по числу учащихся и по расположенію города, и нужды не настоитъ. Въ главномъ училищѣ заведены три класса по причинѣ, что учащіеся не дошли еще до предметовъ четвертаго.

Число учащихъ и учащихся, имена ихъ и успѣхи комиссія усмотритъ изъ вѣдомостей подъ № 1, 2 и 3 здѣсь прилагаемыхъ. Въ вѣдомости же подъ № 4 описано подробное состояніе народныхъ училищъ новгородскаго намѣстничества. Что касается до части хозяйственной, какъ-то до счётовъ, книгъ и домовъ училищныхъ, то комиссія все нужное увидитъ изъ прилагаемаго свѣдѣнія приказа общественнаго призрѣнія подъ № 5.

По всѣмъ училищамъ всѣ ученики снабдены книгами, какъ достаточные, такъ и бѣдные, но поелику приказъ общественнаго призрѣнія новгородскаго намѣстничества не имѣетъ инаго дохода, и съ нуждою можетъ содержать свои заведенія, а особливо нынѣ, ибо съ одной стороны доходы приказа по причинѣ уменьшенія процентовъ умалилися, а съ другой и цѣна всѣмъ вещамъ возвысилася, то приказъ и принужденъ при раздачѣ и продажѣ учебныхъ книгъ принять такія мѣры, коими бы не претерпѣвалъ онъ убытковъ, могущихъ препятствовать распространенію училищъ и порядочному оныхъ содержанію. Посему

приказъ положилъ, чтобъ книги продавались ученикамъ достаточнымъ съ надбавкою по пяти копеекъ на рубль противу положенной цѣны. Сію надбавку полагаетъ приказъ на обертку, укладку и пересылку книги. Пересылка учебныхъ книгъ по уѣзднымъ городамъ въ новгородскомъ намѣстничествѣ не малыхъ стоитъ издержекъ, по причинѣ весьма дальняго разстоянія уѣздныхъ городовъ отъ губернскаго, какъ напримѣръ Бѣлозерскъ разстояніемъ отъ Новгорода 532 версты. Комиссія, уваживъ сіи обстоятельства, думаю, приметъ сію почти непримѣтную надбавку за благо, и предоставитъ, для пользы училища, продажу книгъ собственному распоряженію приказа общественнаго призрѣнія, который принуждаемъ къ сей малой надбавкѣ и тѣмъ еще, что книгъ, кромѣ учениковъ, никто не покупаетъ, почему и торгу книжнаго въ Новгородѣ завести еще не возможно. Со временемъ, когда между безграмотнымъ новгородскимъ купечествомъ и мѣщанствомъ грамота и просвѣщеніе распространятся, тогда приказъ можетъ завести книжный торгъ, и вѣтвь сего дохода обратить въ пользу училищъ: тогда и учебныя книги по всѣмъ городамъ продаваемы быть могутъ безъ надбавки. Хотя школы уѣздныя содержатся городовыми доходами, однакожъ и сіи доходы, на школы опредѣленные, не такъ велики, чтобы начальство могло другія мѣры въ употребленіе оныхъ принять, нежели каковыя нынѣ онымъ приняты. Въ прочемъ уѣздныя школы недостатка ни въ чемъ не имѣютъ, и содержатся исправно.

Хотя комиссія изъ приложеннаго свѣдѣнія, подъ № 5, и узнаетъ все нужное о домахъ училищныхъ, однакожъ я не могу не донести ей, что домъ новгородскаго главнаго училища такъ устроенъ, что лучше расположить и устроить училищнаго дома невозможно. Какъ комнаты ученія, такъ и жилища учителей и прочія принадлежности устроены сходственно уставу народныхъ училищъ. Сей домъ снабденъ всѣмъ, къ училищу принадлежащимъ, какъ-то: шкафомъ для книгъ, математическими фигурами и прочимъ. Въ четвертомъ классѣ находится портретъ Ея Императорскаго Величества въ золотыхъ рамахъ, на коихъ вырѣ-

зана книга съ надписью: Уставъ народнымъ училищамъ, конфирмованный августа 5-го дня 1786 года. На рамахъ находится еще слѣдующая надпись: Ея десницею и сей насажденъ вертоградъ.

Что касается до поведенія учителей, то какъ начальники, такъ и жители ими весьма довольны и сказанное объ нихъ въ вѣдомости подъ № 4—справедливо. Они, а особливо Назареевъ и Волынскій, достойны всевозможнаго ободренія.

По силѣ 9-й статьи наказа, имѣю честь донести комиссіи, что его превосходительство господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ, отправляющій должность генералъ-губернатора новогородскаго и тверскаго, Николай Петровичъ Архаровъ, избралъ директоромъ народныхъ училищъ новогородскаго намѣстничества, съ самаго оныхъ открытія, господина колежскаго совѣтника новогордскаго вице-губернатора и кавалера Василія Андреевича Приклонскаго. Онъ, г. Приклонскій, учившійся въ юности своей въ московскомъ университетѣ, изъ числа тѣхъ рѣдкихъ людей, подъ управленіемъ коихъ всякое дѣло успѣваетъ совершенно. Онъ имѣетъ всѣ нужныя директору училища качества и знанія, и исполняетъ должность свою по уставу. Попеченія его объ училищахъ столь велики, что хотя ему сверхъ весьма трудной должности вице-губернатора поручено и строеніе новой дороги, однакожъ со всѣмъ тѣмъ, по успѣхамъ учащихся и по весьма хорошему состоянію училищъ, нимало не примѣтно, чтобъ онъ другою должностью былъ занятъ, кромѣ директорской.

Народъ, обитающій въ новогородскомъ намѣстничествѣ, хотя и не весьма расположенъ къ порядочному ученію по причинѣ множества раскольниковъ; однакожъ, неусыпнымъ попеченіемъ и распоряженіями его превосходительства Николая Петровича Архарова и г. директора, число обучающихся со дня на день умножается, и охота къ ученію примѣтнымъ образомъ возрастаетъ.

Въ Тихвинѣ примѣтилъ я, что многіе ученики пріобрѣли у себя дома знаніе, хотя и безпорядочное, нѣкоторыхъ предметовъ втораго класса, почему я и совѣтовалъ г-ну директору открыть въ семъ городѣ и второй классъ, что̀ и будетъ въ скоромъ времени исполнено.

Въ селѣ Чудовѣ жители, противившіеся прежде сего заведенію училища, а нынѣ совершенную пользу онаго чувствуютъ, и охотно къ ученію дѣтей своихъ посылаютъ.

Въ городѣ Валдаѣ находящееся училище заслуживаетъ всевозможную похвалу, какъ по успѣхамъ учащихся, такъ и по старанію гражданъ о привлеченіи юношей къ ученію.

Вообще объ училищахъ новогородскаго намѣстничества сказать можно, что просвѣщеніе отъ нихъ въ скоромъ времени по новогородскому намѣстничеству неминуемо распространится, ибо стараніе отправляющаго должность генералъ-губернатора и г. директора о распространеніи училищъ и о наблюденіи въ нихъ всего предписаннаго столь велико, что и мыслить невозможно, чтобъ не произошло совершеннаго отъ сихъ заведеній успѣха.

Что касается до жалованья, то г. директоръ и учители главнаго народнаго училища получаютъ оное по штату, другіе же получаютъ меньше для того, что они недавно вышли изъ семинаріи, и не получая полнаго жалованья, тѣмъ прилежнѣе исполняютъ свою должность, дабы заслужить скорѣе полное; а начальство имѣетъ чрезъ сіе удобный способъ къ поощренію учителей къ прилежанію. Впрочемъ всѣ учители вообще, и неполучающіе полнаго жалованья, довольны своимъ состояніемъ, и нужды никакой не претерпѣваютъ.

Книги записныя во всѣхъ училищахъ въ порядкѣ, равнымъ образомъ и дѣла училищныя въ приказѣ общественнаго призрѣнія вносятся въ протоколъ и хранятся порядочно, и все исполняется по уставу.

Исторіи новогородскаго намѣстничества не только сдѣлано начало, но и продолжается она порядочно, и для сего сдѣлана книга, въ сафьянномъ переплетѣ, которая и хранится въ главномъ народномъ училищѣ.

Въ заключеніе сего доношу, что я сообщилъ письменно г. директору, чтобъ онъ благоволилъ комиссіи доставлять нужныя къ географическому описанію извѣстія, о новогородскомъ намѣстничествѣ, такъ какъ мнѣ въ третьей-на-десять статьѣ наказа предписано.

2.

Осмотрѣвъ народныя училища въ *тверскомъ* намѣстничествѣ, имѣю честь симъ донести, что по случаю осмотра моего было въ главномъ тверскомъ народномъ училищѣ открытое испытаніе, на которомъ я увидѣлъ, что учащіеся преподаваемые имъ предметы весьма хорошо знаютъ, и успѣваютъ въ ученіи такъ, что лучшихъ и скорѣйшихъ успѣховъ и желать невозможно. Не могу при семъ случаѣ не донести и того, что первый ученикъ третьяго класса Иванъ Глушковъ, изъ тверскихъ мѣщанскихъ дѣтей, расторопностію своею въ отвѣтахъ и вообще знаніями своими меня и всѣхъ при испытаніи присутствовавшихъ привелъ въ удивленіе; онъ, хотя и тринадцати лѣтъ отъ рожденія, однакожъ по уму своему и по знаніямъ могъ бы быть и самъ учителемъ. Онъ есть плодъ тверскаго главнаго народнаго училища, ибо онъ прежде нигдѣ ничему не обучался. Отправляющій должность генералъ-губернатора тверскаго Николай Петровичъ Архаровъ, примѣтя, при открытіи училища, дарованія и способности сего Глушкова, подарилъ изъ собственныхъ своихъ денегъ бѣдному отцу его 100 рублей, дабы онъ посылалъ сына въ училище, поелику отецъ по бѣдному своему состоянію отдалъ было сына своего за малую плату другому мѣщанину во услуженіе.

Въ губернскомъ городѣ находится одно главное народное училище, а въ заведеніи частныхъ, по числу учащихся и по расположенію города, еще и нужды не настоитъ. Въ главномъ училищѣ заведено три класса по причинѣ, что учащіеся не дошли еще до предметовъ четвертаго; нынѣ же, послѣ испытанія, имѣетъ открыться и четвертый разрядъ.

Число учащихъ и учащихся, имена ихъ и успѣхи, комиссія усмотритъ изъ вѣдомостей подъ № 1, 2, 3, здѣсь прилагаемыхъ. Въ вѣдомости же подъ № 4 описано подробно состояніе народныхъ училищъ тверскаго намѣстничества. Что касается до части хозяйственной, какъ-то: до счётовъ, книгъ и домовъ училищныхъ, то комиссія все нужное увидитъ изъ прилагаемаго свѣдѣнія приказа общественнаго призрѣнія подъ № 5.

По всѣмъ училищамъ, всѣ ученики снабдены учебными книгами, какъ достаточные, такъ и бѣдные. Поелику граждане городовъ тверскаго намѣстничества довольно достаточны, то для большаго поощренія дѣтей къ ученію, они даютъ книги всѣмъ ученикамъ безденежно. Сіе положеніе сдѣлано и потому, что учащіеся по большой части суть дѣти гражданъ, содержащихъ и училище, то и издержка сія гражданамъ не чувствительна. Книги, коихъ еще въ училищѣ нѣтъ, скоро будутъ изъ Петербурга выписаны.

Хотя коммиссія изъ приложеннаго свѣдѣнія, подъ № 5, и узнаетъ все нужное о домахъ училищныхъ, однакожъ я съ моей стороны доношу, что домъ тверскаго главнаго народнаго училища такъ устроенъ, что лучше расположить и устроить училищнаго дома невозможно. Какъ комнаты ученія, такъ и жилища учителей и прочія принадлежности устроены сходственно уставу народныхъ училищъ. Сей домъ снабденъ всѣмъ, къ училищу принадлежащимъ, какъ-то: шкафами для книгъ, математическими фигурами и прочимъ.

Равнымъ образомъ и уѣздныя училища ни въ чемъ недостатка не имѣютъ.

Что касается до поведенія учителей, то я имѣю честь донести, что учители главнаго тверскаго народнаго училища, равно какъ и новогородскаго, ведутъ себя такъ порядочно и хорошо, что желать токмо остается, чтобъ всѣ учители въ училищахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ коммиссіи, имъ подражали. Въ обѣихъ губерніяхъ, его превосходительствомъ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ управляемыхъ, дворянство, начальники, судьи и прочіе порядочные жители имѣютъ къ учителямъ главнаго народнаго училища нѣкоторое уваженіе, и обходятся съ ними, какъ съ людьми, обществу полезными и нужными. Сіе произвело въ учителяхъ то самое любочестіе, коего, какъ извѣстно, въ нихъ недоставало, и безъ коего обыкновенно люди ихъ состоянія ведутъ себя не весьма пристойнымъ образомъ. Учитель тверскаго главнаго народнаго училища Барсовъ былъ въ бытность свою въ санктпетербург-

ской учительской семинаріи не весьма хорошаго поведенія, и за піянство былъ многократно наказываемъ: нынѣ же онъ такъ перемѣнился, что и безъ всякихъ угрозъ никогда не бываетъ піянымъ, и ведетъ себя весьма хорошо и порядочно.

Директоръ народныхъ училищъ тверскаго намѣстничества есть господинъ коллежскій совѣтникъ, тверскій вице-губернаторъ и ордена святого Владиміра четвертой степени кавалеръ, Игнатій Антоновичъ Тейльсъ. Онъ, учившійся въ юности своей въ московскомъ университетѣ, имѣетъ всѣ нужныя директору училищъ качества и знанія. Попеченія его объ училищахъ столь велики, что и объ немъ тоже самое сказать можно, что и о новогородскомъ господинѣ директорѣ мною сказано,—что по успѣхамъ учащихся и по весьма хорошему состоянію училищъ нимало и непримѣтно, чтобъ онъ какою иною должностью былъ занятъ, кромѣ директорской. Господа попечители, ихъ превосходительства: новгородскій—Петръ Ѳедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ, и тверскій — Григорій Михайловичъ Осиповъ, равнымъ образомъ съ своей стороны употребляютъ всевозможныя средства къ наблюденію надлежащаго въ училищахъ порядка. Отправляющій же должность генералъ-губернатора новогородскаго и тверскаго, господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Николай Петровичъ Архаровъ, покровительствомъ своимъ, дѣятельными пособіями и неусыпными стараніями, довелъ училища въ управляемыхъ имъ губерніяхъ до самаго лучшаго состоянія, какъ по части учебной, такъ и хозяйственной. Избраніе имъ вице-губернаторовъ въ директоры такъ же не мало способствуетъ къ содержанію училищъ въ цвѣтущемъ состояніи и къ распространенію просвѣщенія по новогородскому и тверскому намѣстничествамъ, поелику сіи господа директоры и сверхъ того, что они суть люди знающіе, по важному вице-губернаторскому званію, могутъ удобно привлекать учениковъ въ училища и содержать школы въ должномъ порядкѣ и уваженіи.

Народъ, обитающій въ тверскомъ намѣстничествѣ, хотя и былъ прежде сего не весьма расположенъ къ порядочному ученію, но

причинѣ множества раскольниковъ, однакожъ нынѣ, неусыпнымъ попеченіемъ и распоряженіями начальствующихъ, число учащихся со дня на день умножается, и охота къ ученію примѣтнымъ образомъ возрастаетъ даже между раскольниками.

Какъ господинъ директоръ, такъ и учители получаютъ жалованье по штату.

Книги записныя во всѣхъ училищахъ въ порядкѣ; равнымъ образомъ и дѣла училищныя въ приказѣ общественнаго призрѣнія вносятся въ протоколъ и хранятся порядочно, и все исполняется по уставу.

Исторія училищъ тверскаго намѣстничества пишется тамъ, какъ въ уставѣ положено.

Вѣдомости по хозяйственной части и другія, кои уставомъ предписаны, отъ директора и отъ приказа общественнаго призрѣнія въ скоромъ времени комиссіи будутъ доставлены.

Еще осмотрѣлъ я, по волѣ его превосходительства Николая Петровича Архарова, находящееся въ Твери и къ пользѣ тверскаго дворянства процвѣтающее дворянское училище. Оно состоитъ подъ вѣдѣніемъ же директора училищъ, и во всемъ учреждено сообразно уставу народныхъ училищъ. Предметы ученія и имена учащихся увидитъ комиссія въ вѣдомостяхъ подъ № 4, 6 и 7. Живущіе и воспитывающіеся въ дворянскомъ училищѣ благородные юноши платятъ ежегодно за воспитаніе, содержаніе и ученіе по 100 рублей, ежели они изъ дворянъ тверскаго намѣстничества, ежели же изъ другой губерніи, то по 150 рублей. Приходящіе же платятъ около 50 рублей въ годъ. Его превосходительство Николай Петровичъ Архаровъ содержитъ своимъ собственнымъ иждивеніемъ одиннадцать бѣдныхъ дворянъ и платитъ ежегодно въ училище 1100 рублей. Содержаніе и ученіе въ семъ училищѣ находится въ совершенномъ порядкѣ, и вообще заведеніе сіе заслуживаетъ всевозможную похвалу. Сіе училище заведено было еще за нѣсколько лѣтъ до учрежденія народныхъ училищъ, но послѣ пришло оно въ упадокъ и наконецъ и совсѣмъ разрушилось. При открытіи народныхъ, возобновилось и дворян-

ское училище. Ея императорское величество пожаловать изволила на сіе заведеніе 50,000 рублей, да дворянство тверской губерніи собрало знатную сумму, что̀ и составляетъ капиталъ, изъ доходовъ котораго и содержится сіе весьма полезное и славу тверскому дворянству приносящее училище. Пространное описаніе и планъ подробный онаго обѣщалъ господинъ директоръ ко мнѣ доставить, который получа, я не оставлю препроводить въ коммиссію.

Въ заключеніе сего доношу, что я сообщилъ письменно господину директору, чтобы онъ благоволилъ коммиссіи доставить нужныя къ географическому описанію извѣстія о тверскомъ намѣстничествѣ, такъ какъ мнѣ въ 13 статьѣ наказа предписано.

3.

Съ 20-го числа прошедшаго марта мѣсяца осматривалъ я народныя *московской* губерніи училища и пенсіоны, и потому имѣю честь донести слѣдующее.

При осмотрѣ московскихъ народныхъ училищъ, происходили въ каждомъ училищѣ испытанія въ преподаваемыхъ юношеству учебныхъ предметахъ, такъ какъ во 2 статьѣ даннаго мнѣ отъ коммиссіи наказа предписано. Какъ въ главномъ, такъ и въ прочихъ училищахъ, учебный порядокъ наблюдается самый тотъ, который уставомъ и руководствомъ учительскимъ предписанъ. Ученики успѣваютъ въ преподаваемыхъ предметахъ скоро и хорошо, и все, что̀ до учебной части касается, состоитъ въ порядкѣ.

Въ сей столицѣ находится одно главное народное училище и шесть малыхъ, по разнымъ частямъ города заведенныхъ. Поелику Москва есть городъ весьма пространный и заключающій въ себѣ великое число жителей, то, въ разсужденіи пространства сей столицы и количества обитателей, училищъ заведено весьма мало; нужно по крайней мѣрѣ открыть въ каждой части города по одному училищу. Равнымъ образомъ и одного главнаго народнаго училища для Москвы недовольно; нужно

сверхъ онаго по крайней мѣрѣ въ двухъ частныхъ училищахъ завести по третьему и четвертому классу. Въ противномъ случаѣ, ежели сего исполнено не будетъ, то нѣкоторая токмо часть жителей, да и то самая малѣйшая, будетъ имѣть случай пользоваться наставленіями 3-го и 4-го класса, а прочіе онаго лишаются за весьма дальнимъ разстояніемъ. Обо всемъ, до сего касающемся, сообщилъ я господину попечителю училищъ генералъ-маіору и кавалеру Петру Васильевичу Лопухину, и сослался на § 64 и 65 устава народныхъ училищъ въ россійской имперіи. Число учащихъ и учащихся, имена ихъ и успѣхи, комиссія усмотритъ изъ вѣдомостей подъ № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 здѣсь прилагаемыхъ. Въ вѣдомости же подъ № 1 описано состояніе народныхъ училищъ московской губерніи. Что касается до части хозяйственной, какъ-то: до казны, на училища опредѣленной, до книгъ и домовъ училищныхъ, то комиссія увидитъ все нужное изъ прилагаемаго свѣдѣнія приказа общественнаго призрѣнія подъ № 10.

Книги учебныя продаются въ приказѣ общественнаго призрѣнія и въ главномъ народномъ училищѣ учителями, по назначенной отъ комиссіи цѣнѣ; но продажа сія происходитъ весьма неудобнымъ образомъ, ибо не заведено книжной лавки. Весьма удивительно, что здѣшнее начальство не обратитъ вниманія на заведеніе оной при главномъ народномъ училищѣ; ибо чрезъ сіе доходъ бы училищный прибавился по причинѣ, что приказъ, покупая книги съ уступкою, могъ бы при продажѣ оныхъ въ большомъ количествѣ имѣть немалую прибыль. Бѣднымъ ученикамъ, коимъ и списокъ при свѣдѣніи подъ № 10 прилагается, даются книги безденежно. О запрещеніи книгопродавцу Водопьянову и другимъ продавать изданныя отъ комиссіи книги не по указанной цѣнѣ сообщилъ я, какъ мнѣ въ 6-й статьѣ наказа предписано, господину попечителю.

О домахъ училищныхъ имѣю честь донести слѣдующее. Домъ главнаго московскаго народнаго училища, о коемъ упоминается въ приложеніи подъ № 10, весьма тѣсенъ. Комнаты уче-

нія хотя и изрядны, однакожъ не довольно просторны и дурно расположены. Жилище учителей, находящееся въ нижнемъ жильѣ того же дома, весьма сыро и къ помѣщенію учителей неудобно. Мѣсто, на коемъ сей домъ находится, довольно хорошо; однакожъ, поелику домъ самъ собою для училища не годится, то весьма бы было полезно, ежели бы здѣшнее начальство оный перемѣнило и исходатайствовало бы для училища казенный домъ изъ праздныхъ домовъ, оставшихся отъ уничтоженныхъ старыхъ присутственныхъ мѣстъ. Сіе было бы и потому выгодно, что приказъ, отдѣлавъ однажды порядочное училище, не платилъ бы за неудобный домъ денегъ и не имѣлъ бы лишней издержки. Что до частныхъ училищъ касается, то я къ крайнему прискорбію донести принужденъ, что строенія, въ коихъ частныя училища помѣщены, такъ дурны, что и не заслуживаютъ названіе домовъ. Сіи такъ называемые училищные домы построены на землѣ со сводами, какъ объ нихъ и въ прилагаемомъ свѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія сказано. Они, какъ приказъ объявляетъ, перестроены изъ бывшихъ богодѣленъ, но вся перестройка состоитъ въ починкѣ кровель и оконъ, въ подбѣленіи изнаружи стѣнъ и въ задѣлкѣ щелей на испорченномъ полу. Въ нѣкоторыхъ, и особливо въ заяицкомъ училищѣ, сырость чрезвычайно велика. Каждое изъ сихъ училищъ состоитъ изъ двухъ покоевъ: въ одномъ ученики учатся, а въ другомъ живетъ учитель со сторожемъ. По нѣкоторымъ уѣзднымъ городамъ училищные домы построены вновь деревянные, однакожъ не весьма пространные, но со всѣмъ тѣмъ лучше тѣхъ, кои находятся въ здѣшней столицѣ. Обо всемъ, до домовъ училищныхъ касающемся, сообщилъ я письменно господину попечителю и сослался на § 94, 95, 96, 97, 98 и 100 устава народнымъ училищамъ.

Директоръ училищъ московской губерніи есть господинъ коллежскій совѣтникъ, московской гражданской палаты предсѣдатель и ордена святаго Владимира 4-й степени кавалеръ, Тимофей Григорьевичъ Миславскій. Онъ, учившійся въ юности своей въ кіевской духовной академіи, имѣетъ нужныя директору

училищъ званія. Поведеніе его безпорочно и прилежаніе къ должностямъ, на него возложеннымъ, весьма велико. Учебная часть въ училищахъ доказываетъ, сколь онъ попечителенъ о прилежаніи учащихъ и учащихся, ибо ученики успѣваютъ въ преподаваемомъ весьма хорошо и скоро.

Дѣла, до училищъ касающіяся, хотя и вносятся въ протоколъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія порядочно, однакоже не все по училищной части исполняется по уставу; ибо хотя въ § 69 устава и сказано именно, чтобъ директоръ засѣдалъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія по дѣламъ, до училищъ касающимся, но онъ хотя и сказываетъ что засѣдаетъ, однакожъ ходитъ токмо въ оный, когда нужда случится, съ представленіями и ожидаетъ резолюцій. Сего засѣданіемъ назвать нельзя, ибо онъ ни единаго журнала, ни опредѣленія по училищнымъ дѣламъ не подписываетъ, а подписываютъ оныя и резолюціи даютъ другіе приказа члены. Даже смотрѣніе за училищными домами и вообще часть хозяйственная препоручена отъ приказа члену онаго, дворянскому засѣдателю, надворному совѣтнику Бахметеву, хотя точно уставомъ, въ § 100, предписано имѣть смотрѣніе за домами директору училищъ.

Объ учителяхъ донести честь имѣю, что они ведутъ себя весьма хорошо и суть весьма прилежны, но одобренія таковаго и уваженія, каковое имѣютъ учители новогородскіе и тверскіе, московскіе отнюдь не имѣютъ. Шпагъ носить имъ не дозволяется, хотя каждый студентъ московскаго университета шпагу носитъ, равно какъ и всякій иностранный учитель, какъ бы онъ дуренъ ни былъ, симъ правомъ пользуется. Словомъ сказать, здѣшніе учители ничѣмъ отъ начальства не одобряемы, и тѣхъ преимуществъ не имѣютъ, каковыми пользуются учители новогородскіе и тверскіе, даже и мундировъ губернскихъ не носятъ. Хотя сіе само собою и не весьма важно, однакожъ всѣмъ таковымъ учители весьма и весьма унижаются, а особливо, когда частныхъ училищъ учители еще сверхъ того и принуждены жить со сторожами.

Что касается до жалованья, то господинъ директоръ и учители главнаго народнаго училища получаютъ оное по штату, другіе же учители по 100 рублевъ. Однакоже скоро и сіи получать будутъ жалованье штатное, какъ мнѣ объявилъ господинъ директоръ.

Книги записныя въ училищахъ въ порядкѣ; равнымъ образомъ и исторія училищъ пишется такъ, какъ уставомъ опредѣлено.

О пенсіонахъ, въ Москвѣ находящихся, доношу, что комиссія о состояніи ихъ узнаетъ чрезъ вѣдомости, здѣсь прилагаемыя подъ № 1 и 11. Лучшій пенсіонъ есть иностранца Борденова, поелику содержатель—самъ человѣкъ, имѣющій немалыя знанія, и весьма о хорошемъ воспитаніи и ученіи ввѣреннаго ему юношества попечителенъ. Училище господина Войтеховскаго не есть пенсіонъ, но весьма хорошая артиллерійская школа, и заслуживаетъ особливое вниманіе и ободреніе.

Въ заключеніе сего доношу, что я обо всемъ нужномъ сообщилъ господину попечителю и сослался во всемъ на уставъ народныхъ училищъ и на данный мнѣ отъ комиссіи наказъ.

4.

По случаю осмотра главнаго народнаго училища въ *Тамбовѣ*, іюня 3-го дня было открытое въ томъ училищѣ испытаніе, на которомъ я увидѣлъ, что учащіеся преподаваемые имъ предметы весьма хорошо знаютъ и успѣваютъ въ ученіи такъ, что лучшихъ и скорѣйшихъ успѣховъ и желать невозможно. Тамбовское главное народное училище состоитъ изъ четырехъ классовъ, да сверхъ оныхъ обучается нѣкоторое число учениковъ церковному пѣнію, какъ въ уставѣ училищъ, въ § 82, предписано. Сей пѣвческій классъ произвелъ уже нѣсколько пѣвчихъ, которые однакоже въ училище приходятъ какъ для усовершенія пѣвческаго искуства, такъ и для окончанія наукъ, преподаваемыхъ въ главномъ народномъ училищѣ. Вообще сказать можно о тамбовскомъ главномъ народномъ училищѣ, что оно находится въ совершенномъ порядкѣ и въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Число учащихъ и учащихся, имена ихъ и успѣхи, и состояніе училищъ, коммиссія увидитъ изъ вѣдомостей подъ № 1 и 2; въ вѣдомости же подъ № 3 и 4 показаны книги и счеты.

Въ уѣздныхъ городахъ: въ Козловѣ, въ Лебедяни, въ Шатскѣ, въ Моршанскѣ и въ Елатьмѣ находятся малыя народныя училища, и состоятъ въ порядкѣ. При осмотрѣ козловскаго училища нашелъ я, что первоклассный учитель не весьма къ учительской должности способенъ, почему и сообщилъ я, куда надлежитъ, о его смѣнѣ. Въ лебедянскомъ училищѣ достойно вниманія прилежаніе учащихся. Въ прочихъ городахъ равнымъ образомъ училища распространяютъ просвѣщеніе примѣтнымъ образомъ.

По всѣмъ училищамъ недостатокъ въ книгахъ весьма примѣтенъ, но сіе происходитъ не отъ небреженія начальствующихъ, но отъ скудости приказа общественнаго призрѣнія, который однакожъ при первомъ случаѣ изъ Санктпетербурга нужныя книги выпишетъ.

Директоръ народныхъ училищъ тамбовскаго намѣстничества есть господинъ капитанъ, тамбовской гражданской палаты ассесоръ, Андрей Андреевичъ Жоховъ. Онъ, учившійся и воспитывавшійся въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ по выпускѣ изъ онаго во флотѣ, но не въ состояніи будучи сносить по свойству тѣла своего мореплаванія, опредѣлился въ гражданскую службу. Онъ человѣкъ отмѣнныхъ дарованій, и имѣетъ всѣ нужныя директору училищъ знанія и качества. Его превосходительство господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ, правящій должность генералъ-губернатора рязанскаго и тамбовскаго, Иванъ Васильевичъ Гудовичь, примѣтя дарованія и знанія сего господина Жохова, избралъ его директоромъ, и въ избраніи своемъ нимало неошибся; ибо сей господинъ директоръ исполняетъ должность свою точно по уставу и съ превеликимъ усердіемъ и успѣхомъ. Попеченія объ училищахъ тамбовскихъ господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, тамбовскаго губернатора и кавалера, *Гаврила Романовича Дер-*

жавина, равно какъ и любовь его къ наукамъ столь велика, что и мыслить невозможно, чтобъ училища, въ тамбовской губерніи заведенныя, не были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи и не произвели бы совершеннаго отъ себя успѣха.

Домъ главнаго народнаго училища снабденъ всѣмъ, для училища потребнымъ, и состоитъ въ порядкѣ.

Учители ведутъ себя пристойнымъ образомъ, и начальство поведеніемъ ихъ и прилежаніемъ весьма довольно. Книги записныя и исторія училищъ пишутся по надлежащему порядку, равнымъ образомъ и все прочее исполняется, какъ въ приказѣ общаго призрѣнія, такъ и въ училищахъ, по уставу. Господинъ директоръ и всѣ учители получаютъ жалованье по штату.

Народъ, обитающій въ тамбовскомъ намѣстничествѣ, хотя и не былъ прежде сего расположенъ къ ученію, поелику грубые невѣжды обыкновенно уклоняются отъ просвѣщенія; однакожъ неусыпныя попеченія отправляющаго должность генералъ-губернатора, господина генералъ-поручика и кавалера, Ивана Васильевича Гудовича, также и губернатора и директора, произвели, что охота къ ученію между народомъ примѣтнымъ образомъ возрастаетъ, и число учащихся очень умножается.

Въ заключеніе сего доношу, что географическія свѣдѣнія о тамбовскомъ намѣстничествѣ въ скоромъ времени будутъ отъ господина попечителя коммиссіи доставлены.

5.

По случаю осмотра главнаго народнаго училища въ *Рязани*, іюня 12 дня было открытое въ томъ училищѣ испытаніе, на которомъ я увидѣлъ, что учащіеся преподаваемые имъ предметы весьма хорошо знаютъ и успѣваютъ въ ученіи такъ, что лучшихъ и скорѣйшихъ успѣховъ и желать невозможно. Вообще сказать можно о рязанскомъ главномъ народномъ училищѣ, что оно находится въ совершенномъ порядкѣ и въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Число учащихъ и учащихся въ главномъ народномъ училищѣ,

имена ихъ и успѣхи, состояніе училищъ, реестры книгъ учебныхъ и счеты, увидитъ коммиссія изъ прилагаемыхъ при семъ репортѣ вѣдомостей. Пространное же описаніе училищъ и вѣдомости объ училищахъ уѣздныхъ, хотя мнѣ и поданы отъ господина директора, однакожъ я не отправляя ихъ въ коммиссію, оставилъ у себя за тѣмъ, что господинъ попечитель училищъ рязанской губерніи, генералъ-поручикъ и кавалеръ, Алексѣй Андреевичъ Волковъ, и господинъ директоръ объявили мнѣ, что они незадолго предъ пріѣздомъ моимъ въ Рязань препроводили точно такую же вѣдомость и описаніе въ коммиссію, что̀, надѣюсь, уже оная и получила.

По всѣмъ уѣзднымъ городамъ рязанской губерніи открыты уже малыя народныя училища, а именно въ Зарайскѣ, въ Михайловѣ, въ Пронскѣ, въ Скопинѣ, въ Данковѣ, въ Ряжскѣ, въ Сапожкѣ, въ Спаскѣ, въ Касимовѣ, въ Егорьевскѣ, въ Раненбургѣ. Всѣ сіи училища содержатся градскими обществами и состоятъ въ порядкѣ.

По всѣмъ училищамъ ученики снабдены книгами. Бѣднымъ ученикамъ, коимъ и списокъ прилагается, даются книги безденежно; достаточные же покупаютъ оныя по указной цѣнѣ. Тѣ книги, въ коихъ рязанскія училища имѣютъ недостатокъ, будутъ скоро изъ Санктпетербурга выписаны.

Директоръ народныхъ училищъ рязанскаго намѣстничества есть господинъ коллежскій ассесоръ и гражданской палаты ассесоръ, Афанасій Афанасьевичъ Дохтуровъ. Онъ, учившійся въ юности своей у себя дома и въ кадетскомъ сухопутномъ корпусѣ, имѣетъ всѣ нужныя директору училищъ качества и знанія, и попеченія его объ училищахъ весьма велики.

О домахъ училищныхъ коммиссія увидитъ все нужное изъ посланной г. директоромъ вѣдомости, я же съ моей стороны доношу, что домы всѣ устроены порядочно.

Что касается до поведенія учителей, то они ведутъ себя весьма хорошо и должность исправляютъ порядочно. Книги записныя и исторія училищъ пишутся по надлежащему порядку;

равнымъ образомъ и все прочее исполняется по уставу. Какъ директоръ, такъ и учители получаютъ жалованье по штату.

Народъ, обитающій въ рязанскомъ намѣстничествѣ, хотя и не былъ прежде сего расположенъ къ ученію, однакожъ попеченіями начальствующихъ охота къ ученію возрастаетъ примѣтнымъ образомъ. Вообще сказать можно, что отправляющій должность генералъ-губернатора рязанскаго и тамбовскаго, генералъ-поручикъ и кавалеръ, Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, равнымъ образомъ и губернаторъ рязанскій, генералъ-поручикъ и кавалеръ, Алексѣй Андреевичъ Волковъ, попеченіями своими довели народныя училища въ рязанской губерніи, и особливо главное, до самаго цвѣтущаго состоянія.

Еще осматривалъ я дворянское училище, находящееся въ Рязани. Оно учреждено сообразно уставу народныхъ училищъ и состоитъ подъ вѣдѣніемъ директора училищъ рязанской губерніи. Описаніе сего училища находится въ вѣдомости, посланной отъ господина директора въ коммиссію. Сіе училище состоитъ въ порядкѣ и со временемъ можетъ великую принести пользу рязанскому дворянству.

Въ заключеніе сего доношу, что географическія извѣстія о рязанской губерніи скоро коммиссіи доставлены будутъ отъ господина директора.

---

54) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Карт. 1278, № 38491. — Копія съ указа, полученная въ коммиссіи 1 іюля 1793 года. — Отношеніе князя Куракина къ Завадовскому 2 января 1797 года.

55) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія:

Карт. I, № 36722. Журналы коммиссіи объ учрежденіи училищъ: 10 февраля 1786 года, ст. 1; 21 марта 1786 года, ст. 10. — Карт. I, № 36723. Журналъ коммиссіи 27 февраля 1787 года, ст. —Карт. 1281, № 38515.

56) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Карт. I, № 36723.

Растущій Виноградъ. 1785. Августъ. Статья Козодавлева: Разсужденіе о народномъ просвѣщеніи въ Европѣ, стр. 1 и др.

57) Московскій архивъ министерства юстиціи. Кн. прав. сенат. № 6678, л. 504—509. — Прошеніе Козодавлева императрицѣ, 7 января 1793 года:

Всемилостивѣйшая Государыня!

Коллежскимъ совѣтникомъ состою я съ 1783 года іюня 28 числа. Находясь съ 1784 года при комиссіи объ учрежденіи училищъ, былъ я употребленъ при всѣхъ ея заведеніяхъ. Сверхъ того сочинилъ я пространный планъ учрежденію въ Россіи университетовъ, который и поднесенъ въ 1787 году вашему императорскому величеству. Въ 1788 году посланъ я былъ осмотрѣть на мѣстѣ въ десяти губерніяхъ заведенныя училища. Окончавъ и сіе дѣло съ успѣхомъ, представилъ я комиссіи мои замѣчанія и рекомендовалъ отличившихся директоровъ. По представленію комиссіи, ваше императорское величество удостоить изволили высочайшаго вашего благоволенія рекомендованныхъ мною директоровъ училищъ, изъ коихъ двое, по представленію начальника губерніи, тогда же пожалованы статскими совѣтниками, будучи коллежскими совѣтниками гораздо моложе меня. Хотя начальникъ мой и представилъ о награжденіи меня слѣдующимъ чиномъ; но я онымъ не только не награжденъ, но сверхъ помянутыхъ директоровъ весьма многими по гражданской службѣ былъ обойденъ. Сіе самое побудило меня, въ февралѣ мѣсяцѣ истекшаго 1792 года, подать вашему императорскому величеству всеподданнѣйшее мое прошеніе о пожалованіи мнѣ чина статскаго совѣтника съ повелѣніемъ присутствовать мнѣ въ помянутой комиссіи. Тогда объявлено мнѣ было, что ваше императорское величество, снисходя на всеподданнѣйшую просьбу мою, всемилостивѣйше указать изволили при первомъ производствѣ учинить исполненіе и по всеподданнѣйшему моему прошенію. Нынѣ, когда я не только въ бывшія съ того времени производства не пожалованъ, но и паки младшими обойденъ, осмѣливаюсь я вторично

повергнуть себя къ стопамъ вашего императорскаго величества со всеподданнѣйшею просьбою о совершеніи высочайшей вашей надо мною милости. Всемилостивѣйшая Государыня, вашего императорскаго величества вѣрный подданный Осипъ Козодавлевъ.

С. Петербургъ. Генваря дня 1793 года.

— Ея императорское величество приказать соизволила объясниться съ графомъ Александромъ Андреевичемъ Безбородкою и съ Александромъ Николаевичемъ Самойловымъ — были ли кто въ нынѣшнюю перемѣну произведены, менѣе 10 лѣтъ въ одномъ чинѣ состоящіе, и почему Козодавлевъ въ числѣ ихъ не помѣщенъ, и немедленно доложить ея величеству.

— Коллежскаго совѣтника Козодавлева обошли между многими другими нижеслѣдующіе: въ 1786 году пожалованы статскими совѣтниками Илья Хатовъ и Захаръ Хитровъ — первый въ заемномъ, а второй ассигнаціонномъ банкѣ совѣтникомъ правленія; они нѣсколько лѣтъ моложе Козодавлева. Въ 1786 году въ ассигнаціонномъ банкѣ совѣтники Василій Львовъ и Иванъ Рубанъ. Львовъ былъ ассесоромъ здѣшней гражданской палаты тогда, когда Козодавлевъ былъ въ самой той же палатѣ совѣтникомъ, а Рубанъ былъ тогда стряпчимъ. Въ 1788 коллежскіе совѣтники Приклонскій и Тейльсъ, рекомендованные Козодавлевымъ, яко отличные директоры училищъ, пожалованы статскими совѣтниками, будучи гораздо моложе Козодавлева. Многіе другіе здѣсь и по намѣстничествамъ обошли Козодавлева. Послѣ уже поднесенія письма обошелъ его оберъ-секретарь синода Рудановскій. —

— Записка изъ прошенія Козодавлева. «Въ прошеніи вашему императорскому величеству коллежскій совѣтникъ Козодавлевъ прописываетъ: 1) что многіе по гражданской службѣ въ награжденіи чинами обошли его; 2) коллежскіе совѣтники Приклонскій и Тейльсъ, рекомендованные имъ отличными директорами училищъ, пожалованы статскими совѣтниками; 3) въ 1792 году въ поднесенномъ прошеніи вашему императорскому величеству, объясняя вышепрописанныя обстоятельства, просилъ о награжденіи его

чиномъ, и удостоенъ былъ всемилостивѣйшаго соизволенія при первомъ производствѣ исполнить по его прошенію. Обойденъ онъ по статской службѣ тѣми, кои пожалованы по всевысочайшимъ имяннымъ вашего императорскаго величества указамъ за извѣстныя ихъ заслуги, на что онъ и ссылаться не можетъ, а что рекомендованные отъ него по той же самой службѣ, въ которой и онъ находится, пожалованы чинами, а паче по всевысочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, при первомъ производствѣ наградить его чиномъ должно его тѣмъ пожаловать; но какъ въ послѣднее производство пожалованы тѣ только, которые въ настоящихъ чинахъ 10 лѣтъ выслужили, а ему въ десятилѣтнее время семи мѣсяцевъ не доставало, потому въ послѣднюю перемѣну и не пожалованъ. Старѣе его 15 коллежскихъ совѣтниковъ не вошло въ послѣднее производство. Поднесенъ былъ указъ, и высочайшаго подписанія не послѣдовало.

— Ея императорское величество высочайше повелѣть соизволила: находящемуся въ вѣдомствѣ комиссіи о народныхъ училищахъ, статскому совѣтнику Осипу Козодавлеву, присутствовать какъ въ сей комиссіи, такъ и въ комиссіи о коммерціи.—

58) Помѣщаемъ проэктъ устава русскихъ университетовъ въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ рукописномъ приложеніи къ журналу комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ 27 февраля 1787 года. (Карт. I, № 36723, ст. 5).

59) На Козодавлева, съ назначеніемъ его оберъ-прокуроромъ сената, возложено было устройство и управленіе такъ называемою *юнкерскою школою*, учрежденною при сенатѣ. Юнкерская школа открыта 22 февраля 1797 года: Козодавлевъ назначенъ оберъ-прокуроромъ сената 28 февраля того же года. Козодавлевъ управлялъ школою болѣе трехъ лѣтъ. Указъ объ увольненіи Козодавлева, по его просьбѣ, отъ завѣдыванія юнкерскою школою объявленъ сенату 10 іюня 1800 года. Въ сенатскомъ архивѣ уцѣлѣло нѣсколько данныхъ, показывающихъ, что Козодавлевъ былъ очень доволенъ успѣхами «юнкеровъ»; видно также,

что въ школѣ заведено было примѣрное разбирательство судебныхъ дѣлъ, и т. п.

17 іюня 1797 года Козодавлевъ представилъ генералъ-прокурору, князю Куракину: списокъ юнкеровъ, донесеніе о занятіяхъ въ классѣ практической юриспруденціи и отчетъ о трудахъ преподавателей.

Въ «спискѣ юнкерамъ» они раздѣлены на два разряда: одни изъ нихъ назывались *коллегіи юнкеры*, другіе — *титулярные юнкеры*. Коллегіи юнкеровъ было, въ 1797 году, только три, а титулярныхъ юнкеровъ — восемьдесятъ четыре.

«Въ классѣ практической юриспруденціи производится уголовное дѣло — слѣдствіе надъ титулярнымъ совѣтникомъ Веряевымъ. Оное входитъ изъ опекунскаго совѣта въ губернское правленіе, продолжается въ надворномъ судѣ, потомъ въ палатѣ суда и расправы, доходитъ наконецъ до сената.

Въ качествѣ чиновниковъ означенныхъ присутственныхъ мѣстъ, изъ господъ юнкеровъ суть слѣдующіе:

1) Губернское правленіе.

Губернаторъ: Николай Гурьевъ.
Совѣтники: Павелъ Ильинскій.
» Александръ Искрицкій.
Секретарь: Григорій Пожогинъ-Отрошкевичъ.
Протоколистъ: Иванъ Алферьевъ.

2) Надворный судъ.

Судья: Иванъ Искрицкій.
Засѣдатели: Иванъ Алферьевъ.
» Дмитрій Горденинъ.
Секретарь: Аѳанасій Ромашевъ.
Протоколистъ: Павелъ Ильинскій.
Повытчикъ: Алексѣй Ниротморцевъ.

3) Палата суда и расправы.

Предсѣдатель: Павелъ Ильинскій.

Совѣтники: Николай Гурьевъ.
» Алексѣй Мордвиновъ.
Асессоры: Аѳанасій Ромашевъ.
» Алексѣй Ниротморцевъ.
Секретарь: Александръ Искрицкій.
Протоколистъ: Григорій Пожогинъ-Отрошкевичъ.
Повытчикъ: Алексѣй Самсоновъ.

4) Правительствующій сенатъ.

Сенаторы: Александръ Искрицкій.
» Иванъ Алферьевъ.
» Алексѣй Мордвиновъ.
» Аѳанасій Ромашевъ.
» Григорій Пожогинъ-Отрошкевичъ.
Оберъ-прокуроръ: Алексѣй Ниротморцевъ.
Оберъ-секретарь: Павелъ Ильинскій.
Экзекуторъ: Алексѣй Самсоновъ.
Секретарь: Дмитрій Горденинъ.
Протоколистъ: Иванъ Искрицкій.
Расходчикъ: Доримедонтъ Свистуновъ.
Переводчикъ: Николай Гурьевъ.

5) Подсудные.

Титулярный совѣтникъ Веряевъ:—Алексѣй Самсоновъ.
Подпоручикъ Ковалевскій:—Доримедонтъ Свистуновъ».—

Козодавлевъ писалъ князю Куракину: «Вашему сіятельству извѣстно, сколь явнымъ образомъ учащіеся въ юнкерской школѣ доказали, до какой степени доведено ученіе, въ оной преподаваемое, и съ коликимъ успѣхомъ сіе преполезное заведеніе образовало уже многихъ юнкеровъ, ко опредѣленію въ гражданскую службу преспособныхъ, показавъ публикѣ *ученіе и образованіе благородныхъ гражданскихъ чиновниковъ, совсѣмъ прежде сего здѣсь небывалое*. Успѣхи сіи тѣмъ болѣе примѣча-

тельны, что школа сія существуетъ токмо съ 22 февраля сего года, и *предметы, въ оной преподаваемые, даже и въ самыхъ нижнихъ классахъ, таковы, каковыхъ ни въ домахъ, ни въ пансіонахъ здѣсь не преподаютъ, по крайней мѣрѣ не* (преподаютъ) *на русскомъ языкѣ.* Слѣдовательно, юнкеры пріобрѣли всѣ оныя знанія въ юнкерской школѣ. Учители заслуживаютъ потому, за подъятые ими труды, соразмѣрное награжденіе и къ дальнѣйшимъ подвигамъ ободренія. Искренно осмѣливаюсь вашему сіятельству донести, что *успѣхи учащихся удивили всѣхъ,* школу по временамъ нечаянно посѣщавшихъ».

«Инспекторъ школы и старшій учитель четвертаго или юридическаго класса есть присланный изъ московскаго университета бакалавръ Михайло Цвѣтковъ».... Учитель третьяго класса Павелъ Острогорскій «ввелъ ученіе логики, и стараніемъ своимъ предуспѣлъ и въ другихъ имъ преподаваемыхъ предметахъ образовать въ совершенствѣ учениковъ своего разряда».

Ближайшимъ и ревностнымъ помощникомъ Козодавлева по юнкерской школѣ былъ служащій въ третьемъ департаментѣ сената губернскій секретарь *Яковъ Поспѣловъ.* Козодавлевъ говоритъ о *Поспѣловѣ:* «Находясь при мнѣ, исправляетъ какъ оберъ-прокурорскія дѣла, такъ и по юнкерской школѣ, весьма и весьма порядочно, съ великимъ усердіемъ и всегдашнею исправностію, и исполняетъ все, на него возложенное, въ точности. *По юнкерской школѣ труды его столь велики,* что хотя онъ и весьма занятъ по дѣламъ оберъ-прокурорскимъ, но *все, имъ исполняемое по школѣ, во многихъ случаяхъ служило мнѣ весьма великимъ пособіемъ*». (Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣло департамента министерства юстиціи. Началось 17 іюня 1797 г. По описи № 138).

О предварительной подготовкѣ поступавшихъ въ юнкерскую школу можно судить по слѣдующимъ прошеніямъ.

Всеволодъ Аплечеевъ, 27 января 1800 года: «Обучался я въ университетскомъ пансіонѣ: закону Божію, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, грамматикѣ, рисованью, французскому языку. Отъ роду имѣю пятнадцать лѣтъ. Въ службу же нигдѣ не

определенъ. Нынѣ же имѣю желаніе опредѣлиться въ учрежденную при правительствующемъ сенатѣ юнкерскую школу», и т. д.

Петръ Кармалинъ, 29 января 1800 года: «Обученъ я россійской грамотѣ, читать и писать, также понѣмецки и пофранцузски, и отчасти ариѳметикѣ. Отъ роду имѣю семнадцать лѣтъ. Въ службу никуда не опредѣленъ, а какъ я имѣю желаніе опредѣлиться въ учрежденную при правительствующемъ сенатѣ юнкерскую школу, то и прошу», и т. д.

Петръ Шишкинъ, 4 февраля 1800 года: «Обученъ я, иждивеніемъ родителя моего: россійскому и нѣмецкому языку, естественной и математической географіи до глобуса, ариѳметикѣ и исторіи. Отъ роду имѣю пятнадцать лѣтъ»; и т. д.

Николай Енько, 5 февраля 1800 года: «Обучался я, въ Саксоніи, въ городѣ Галле: математикѣ, исторіи, философіи, латинскому языку и рисовать. Отъ роду имѣю шестнадцать лѣтъ» и т. д. (Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣла 1800 года. №№ 417, 475 и 476).

---

6 іюня 1800 года, Козодавлевъ обратился къ генералъ-прокурору Обольянинову съ просьбою объ увольненіи, изложенною въ слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивый государь
Петръ Хрисанѳовичъ!

Милостивое вашего высокопревосходительства ко мнѣ расположеніе и довѣренность, доказанная выборомъ вашимъ меня въ *директоры герольдіи*, обязываетъ меня вѣчною къ вамъ признательностію. Я всѣ силы употреблю оправдать вашъ выборъ, и чрезъ краткое время дѣла по герольдіи, а паче часть дворянская, найденныя мною въ крайнемъ запущеніи, будутъ приведены въ порядокъ, и безъ сумнѣнія усугубятъ ваше ко мнѣ благорасположеніе, а предстательствомъ вашимъ обратятъ на меня и монаршее благоволеніе. Но озабоченъ будучи выше мѣры сею частію, а сверхъ того и дѣлами по сенату, не могу продолжать

управленіе юнкерскою школою, ибо она требуетъ особливаго попеченія, *безъ коего она совсѣмъ разстроится.* Она съ начала поручена мнѣ была потому, что я былъ тогда оберъ-прокуроромъ третьяго департамента. *Нынѣ оберъ-прокуроръ въ семъ департаментѣ такой, что и знанія его и способности заставляютъ желать, чтобы онъ заступилъ мое мѣсто въ управленіи школою.* Я съ нимъ о семъ говорилъ, и онъ съ особливымъ удовольствіемъ сіе пріемлетъ, лишь бы воля ваша на сіе послѣдовала. Посему всеусерднѣйше прошу ваше высокопревосходительство обратить милостивое вниманіе на мою просьбу, и поручить школу *Алексѣю Николаевичу Оленину.* Прилагая при семъ записку, съ глубочайшемъ почтеніемъ и усердною преданностію честь имѣю быть,

милостивый государь,
вашего высокопревосходительства
всепокорнѣйшимъ слугою
Осипъ Козодавлевъ».

Въ приложенной запискѣ сказано:

«Учрежденіе юнкерской школы въ началѣ 1797 года и управленіе ею поручено было оберъ-прокурору третьяго департамента, которымъ тогда былъ нынѣшній сенаторъ *Козодавлевъ.* Потомъ, хотя онъ былъ переведенъ въ томъ же званіи въ первый департаментъ, но управленіе школою оставляемо было у него, и нынѣ, будучи и сенаторомъ, управляетъ школою онъ же, Козодавлевъ. Но какъ высочайшимъ указомъ отъ 27 мая поручена ему въ дирекцію герольдія, то озабоченъ будучи приведеніемъ сей части въ порядокъ, и занимаясь дѣлами по сенату и по герольдіи, не можетъ онъ продолжать управленіе школою съ таковымъ успѣхомъ, какъ бы онъ хотѣлъ, или какъ бы надлежало, и по сей причинѣ проситъ онъ поручить сіе управленіе другому.

Прилично будетъ поручить управленіе школою нынѣшнему оберъ-прокурору третьяго департамента, *Оленину*, такъ какъ и прежде сіе управленіе было поручено сего же департамента оберъ-прокурору».

Просьба Козодавлева была немедленно исполнена. 10 іюня 1800 года управленіе юнкерскою школою было передано Алексѣю Николаевичу Оленину (Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣла 1800 года. № 1988).

Будучи *директоромъ герольдіи*, Козодавлевъ занимался не одними только текущими дѣлами, но и составленіемъ *Гербовника русскихъ дворянскихъ родовъ*. Трудъ этотъ возложенъ былъ на Козодавлева именно потому, что Козодавлевъ считался, и совершенно справедливо, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей тогдашняго служебнаго міра.

Вообще, въ какомъ бы вѣдомствѣ ни находился Козодавлевъ, онъ никогда не обращался въ чиновника, и рядомъ съ исполненіемъ чисто-служебныхъ обязанностей, шли у него работы, доказывающія его просвѣщенный умъ, немирившійся съ интересами и понятіями, преобладавшими въ бюрократической средѣ. Вопреки закоренѣлому обычаю, онъ постоянно обращался къ печатному слову. Директоръ герольдіи издалъ гербовникъ; совѣтникъ академіи наукъ издавалъ произведенія русскихъ писателей; министръ внутреннихъ дѣлъ издавалъ газету — Сѣверную Почту, и т. д. —

Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣла 1797 года. № 475/127. Письмо Козодавлева князю Алексѣю Борисовичу Куракину, 29 іюня 1797 года.

60) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣла 1797 года. № 475—127. Донесеніе Козодавлева 10 сентября 1797 года: онъ представляетъ генералъ-прокурору рапортъ правительствующаго сената по дѣлу *Апостоловой*, слѣдующій къ поднесенію государю императору.

61) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣла 1797 года, № 387.—1 января 1798 года.

62) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣла 1805 года, № 4029.

Въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ появлялись извѣстія

и замѣтки о П. Г. Луполовой. Отмѣтимъ статьи, помѣщенныя въ Другѣ Просвѣщенія и въ Москвитянинѣ. Въ Другѣ Просвѣщенія, по свидѣтельству редакціи, помѣщены «свѣдѣнія *самыя достовѣрныя*, потому что сообщены *по устному сказанію самой* дѣвицы *Луполовой»*. Свѣдѣнія эти собраны по горячимъ слѣдамъ, когда только-что освобожденъ былъ отецъ Луполовой. Въ Москвитянинѣ напечатано свѣдѣніе о Луполовой, *найденное въ бумагахъ покойнаго О. П. Козодавлева.*

«Мы, во удовольствіе читателей нашихъ, сообщаемъ здѣсь съ нѣкоторыми подробностями то происшествіе, которое занимаетъ по справедливости обѣ столицы. Двадцати лѣтъ молодая дѣвушка, желающая изъ несчастія исторгнуть отца своего и ополчающаяся на всѣ трудности, оказала подвигъ добродѣтельный и примѣръ достойный подражанія. Сіе совершила въ наши дни Парасковья Григорьевна Лупалова. Отецъ ея—родомъ венгерецъ, служилъ въ венгерскомъ и въ черномъ гусарскихъ полкахъ; былъ при взятьѣ Очакова, гдѣ и раненъ, а потомъ по несчастію онъ находился въ ссылкѣ въ Сибирѣ; мать—малороссіянка. Героиня наша родилася въ Елизаветградѣ, и 13-ти лѣтъ повезена на мѣсто, назначенное отцу ея въ Сибирѣ. Тамъ утѣшала родителей своихъ и помогала имъ своими трудами. Три года неотступно молила ихъ объ отпускѣ ея въ С.-Петербургъ для попеченія о ихъ несчастной участи, и наконецъ отпущена ими была, на 21 году возраста своего, съ однимъ рублемъ, съ образомъ Божіей Матери, и съ родительскимъ благословеніемъ. Сто верстъ ѣхала на наемныхъ благотворителями подводахъ; потомъ претерпѣла многія несчастныя приключенія среди продолжительнаго и опаснаго пути. Кромѣ голода, послѣдствія нищеты, и разныхъ непріятностей и досадъ отъ людей, она имѣла нападеніе отъ собакъ, принуждена была ночевать въ степи, и наконецъ тонула. Въ Екатеринбургѣ остановилася отъ Рождества до Святой Пасхи, гдѣ жила въ монастырѣ и начала учиться русской грамотѣ. Оттолѣ до Вятки плыла водою, а отъ Вятки до Казани шла пѣшкомъ, гдѣ также продолжала учиться, и кончила въ Нижнемъ

Новѣ-городѣ, пробывъ въ ономъ ровно мѣсяцъ. Въ Москву пришла къ г-жѣ Стрекаловой и жила двѣ недѣли. Наконецъ достигнула С.-Петербурга 1804 года августа 5 дня. Она, среди злополучій, была подкрѣплена теплою вѣрою и надѣяніемъ на Бога. Молитва ея: «Живъ Богъ, жива душа моя!» Вѣра ея получила награду. Она изъ дому почтенной княгини Трубецкой досталася въ руки добродѣтельной г-жи Лабзиной, которая поручила ее чрезъ племянника своего Донскаго благотворнымъ Виламову и Віоліе. Они представили ее сострадающей о несчастныхъ матери, государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Се! по благости Божіей, источникъ благополучія Лупаловой. У государя императора предстательствовалъ великодушный Николай Ѳеодоровичъ Хитровъ, съ которымъ ее познакомила почтенная княгиня Авдотья Ивановна Голицына. Теперь сія добродѣтельная странственница имѣетъ 4,300 руб. денегъ, и отъ вдовствующей императрицы пенсію сто рублей. По приходѣ въ С.-Петербургъ сколько она была блѣдна и уныла, столько теперь въ духѣ бодра. Ожиданіе писемъ отъ родителей и спасеніе несчастнаго семейства дали ей румянецъ, бѣлизну, пригожство и красоту. Всѣ ею занимаются, и пишутъ портретъ во весь ея ростъ» (Другъ просвѣщенія. Журналъ литературы, наукъ и художествъ, на 1805 годъ. Часть вторая. Мѣсяцъ апрѣль. № IV, стр. 39—41).

«1798 года іюля 20 дня, высочайше конфирмованъ докладъ правительствующаго сената о лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства и ссылкѣ на житье въ Сибирь отставнаго прапорщика Григорья Луполова, за сдѣланныя имъ разныя кражи и за покровительство ворамъ. Онъ сосланъ былъ тобольской губерніи въ ишимскій округъ. Жена его и дочь за нимъ туда же слѣдовали. Дочь сія, по имени Прасковья, услышавъ, что многіе, одной участи съ отцомъ ея подвергнувшіеся, получили всемилостивѣйшее отъ государя императора Александра I-го прощеніе, рѣшилась, изъ дѣтской горячности къ отцу своему, предпринять

подвигъ сколько трудный, столько же опасный. Безъ всякой помощи отъ родителей, по претерпѣніи невѣроятныхъ затрудненій, пришла она пѣшкомъ, въ 1804 году, изъ Тобольска въ С.-Петербургъ, пройдя около 4000 верстъ. Дорогою узнала она о добродѣтеляхъ и христіанской любви къ неимущимъ покойной княгини Дарьи Александровны Трубецкой, и потому, тотчасъ по прибытіи своемъ въ С.-Петербургъ, дѣвица Луполова къ ней явилась. Княгиня Трубецкая, принявъ участіе въ ея бѣдствіяхъ, рекомендовала ее сенатору *Козодавлеву*, который, взявъ отъ нея просьбу о исходатайствованіи всемилостивѣйшаго прощенія отцу ея, представилъ оную въ коммиссію пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ, коей онъ былъ членомъ. Коммиссія, разсмотрѣвъ дѣло о Григорьѣ Луполовѣ, хотя и нашла, что онъ былъ справедливо обвиненъ, но притомъ, уважая старость его лѣтъ и что его жена и дочь вмѣстѣ съ нимъ терпѣли несчастіе, а послѣдняя оказала столь рѣдкій подвигъ дѣтской любви, всеподданнѣйше представила всемилостивѣйшему государя императора благоусмотрѣнію мнѣніе свое по сему предмету, состоящее въ томъ, чтобы Луполова, отца просительницы, возвратить на прежнее жилище, не возвращая ни чиновъ, ни дворянства. Въ 27 день декабря 1804 г. докладъ коммиссіи высочайше конфирмованъ. Дѣвица Луполова похвальнымъ поступкомъ своимъ обратила на себя, сверхъ возвращенія отца ея, милосердое воззрѣніе ихъ императорскихъ величествъ тѣмъ, что государь императоръ пожаловалъ ей 2000 рублей, государыня императрица Елисавета Алексѣевна 500 руб., и императрица Марія Ѳедоровна единовременно 300 руб., да ежегодной пенсіи по 100 рублей. Всѣ сіи деньги положены въ ломбардъ; а она сама, по обѣщанію, пошла въ монастырь и находится нынѣ въ дѣвичьемъ монастырѣ новгородской епархіи». (Москвитянинъ, 1853, № 13, іюль, книга первая. Смѣсь, стр. 31—32).

63) *Полеваго*: Параша Сибирячка. Русская быль (Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полеваго. 1842. Ч. I. стр. 145—236).

Елисавета Л. или несчастіе семейства, сосланнаго въ Сибирь и потомъ возвращеннаго. Истинное происшествіе. Сочиненіе госпожи *Коттенъ.* 1810. Второе изданіе.

Молодая Сибирячка. Истинное происшествіе. Переводъ съ французскаго, А. Попова. 1840.

Параша Лупалова. Сочиненіе графа *Ксавье-де-Местра.* Переводъ съ французскаго (того же переводчика). 1845. Отступленія отъ подлинника въ описаніи обычаевъ, религіозныхъ чувствъ русскаго народа, и т. п.

Повѣсти Коттенъ и де-Местра, описывающія судьбу Прасковьи Григорьевны Луполовой, выдержали, въ русскомъ переводѣ, нѣсколько изданій.

64) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣла 1800 года, № 2045:

— Новороссійской губерніи Палаты суда и расправы первый департаментъ, слушавъ дѣло, присланное на ревизію при рапортѣ изъ бахмутскаго уѣзднаго суда объ отставномъ губернскомъ регистраторѣ Никифорѣ Роменскомъ, сужденномъ за произнесеніе дерзкихъ словъ, относящихся къ особѣ его императорскаго величества и за другіе поступки.

Въ Бахмутѣ, 23 апрѣля 1800 года, въ 10 часовъ вечера, послѣ пробитія вечерней зари, дежурный унтеръ-офицеръ, ходившій обходомъ для наблюденія тишины и порядка, встрѣтясь съ Роменскимъ, спросилъ его, кто онъ таковъ и зачѣмъ такъ поздно ходитъ, на что̀ Роменскій отвѣчалъ бранными и весьма поносительными словами, то Ивановъ, дежурный унтеръ-офицеръ, взялъ его подъ караулъ, и провелъ на гаубвахту, гдѣ Роменскій началъ на Кудрявцева (стоявшаго на караулѣ поручика) кричать, и, по довольнымъ грубостямъ, сказалъ ему: «ты шумишь, но скоро лишишься чина». Противу чего, когда Кудрявцевъ спросилъ его, почему онъ могъ сіе сказать, то Роменскій отвѣчалъ Кудрявцеву между прочимъ, что ему *и самъ государь въ такомъ случаѣ ничего сдѣлать не можетъ.* Почему Левшинъ (дежурный маіоръ) Роменскаго приказалъ отправить, по приказанію полковаго командира, подполковника

Деропа, къ бахмутскому городничему Миронову, коему оный Деропъ особо учинилъ отношеніе, что, по изслѣдованіи имъ о томъ, нашлось, что дѣйствительно Роменскій употребилъ таковыя слова, въ чемъ засвидѣтельствуютъ унтеръ-офицеръ Протопоповъ и рядовые: Юхновичь и Бабенко. Равно и поручикъ Кудрявцевъ городничему Миронову, сверхъ перваго своего доноса, письменно пояснилъ, что Роменскій по приводѣ унтеръ-офицеромъ Ивановымъ на гаубвахтъ былъ въ пьяномъ образѣ, и дѣлалъ разныя дебоши. Въ какомъ случаѣ напомянулъ онъ, Кудрявцевъ, ему, Роменскому, что, ежели не утишится, велитъ посадить подъ пары; тогда онъ, Роменскій, произнесъ означенныя въ первомъ его, Кудрявцева, доносѣ дерзкія слова. Противу чего регистраторъ Роменскій при допросахъ у бахмутскаго городничаго и въ тамошнемъ уѣздномъ судѣ показалъ, что апрѣля 23 числа ввечеру шолъ онъ, Роменскій, съ приказчикомъ помѣщиковъ малолѣтнихъ Воиновыхъ Семеномъ Орловымъ, по собственной своей надобности, въ домъ губернскаго регистратора Гордѣя Барилкина, и не доходя до онаго, встрѣтившимися на улицѣ имени гарнизоннаго генералъ-маіора Повалишина полку солдатами взятъ со онымъ Орловымъ безвинно подъ караулъ, и приведенъ на гаубвахту, гдѣ оный Орловъ поручикомъ Кудрявцевымъ съ подъ онаго выпущенъ, а его, Роменскаго, онъ же, Кудрявцевъ, съ произношеніемъ ему, Роменскому, разныхъ ругательныхъ рѣчей, велѣлъ посадить подъ пары, и бывшіе тамъ солдаты, сажавшіе туда, толкали его, Роменскаго, по бокамъ и по другимъ мѣстамъ, и когда онъ, Роменскій, видя таковой надъ собою нанесенный отъ онаго Кудрявцева поступокъ, лежа подъ парами, выговаривалъ таковыми словами: «за таковую вами причиненную мнѣ обиду буду жаловаться вашимъ начальникамъ; буде же они въ семъ меня не защитятъ, то принужденъ буду жаловаться государю». А не такъ, какъ оный Кудрявцевъ въ своемъ рапортѣ, поданномъ тогожъ полку маіору Левшину, донесъ; пьянъ же онъ, Роменскій, при томъ случаѣ не былъ. Спрошенные жъ въ бахмутской полиціи подъ присягою,

упомянутые подполковникомъ Деропомъ: унтеръ-офицеръ Протопоповъ и рядовые: Юхновичь и Бабенко, на коихъ Кудрявцевъ имѣлъ ссылку, утвердили:

Первый, Протопоповъ, что въ бытность его на гаубвахтѣ привелъ туда унтеръ-офицеръ Ивановъ подсудимаго Роменскаго и другаго, ему, Протопопову, неизвѣстнаго малороссіянина, изъ которыхъ стоящій тамъ же на караулѣ поручикъ Кудрявцевъ послѣдняго малороссіянина, такъ какъ Ивановъ доносилъ ему, что онъ никакой обиды не учинилъ, освободилъ, а Роменскаго велѣлъ задержать подъ стражею, поелику Ивановъ ему, Кудрявцеву, докладывалъ, что его бранилъ. Послѣ чего въ скорости онъ, Протопоповъ, вышелъ изъ горницы на дворъ, и побывъ тамъ мало времени, при самомъ входѣ его въ горницу, слышалъ, что подсудимый Роменскій Кудрявцеву говорилъ сіи слова: «мнѣ не только поручикъ, но и самъ государь въ этакомъ случаѣ ничего не можетъ сдѣлать». Изъ чего Роменскій Кудрявцеву сіи слова сказывалъ, онъ, Протопоповъ, не знаетъ, и при семъ самомъ Кудрявцевъ велѣлъ солдатамъ, какому имянно не припомнитъ, Роменскаго взять и посадить подъ нары, куда онъ и посаженъ.

Второй, Юхновичь, что по приводѣ унтеръ-офицеромъ Ивановымъ регистратора Роменскаго и другаго, ему неизвѣстнаго, человѣка на гаубвахтъ, докладывалъ поручику Кудрявцеву, что Роменскій его обругалъ, а Роменскій, божясь и крестясь предъ иконою, говорилъ, что онъ его, Иванова, не ругалъ. Поручикъ же Кудрявцевъ приведеннаго съ Роменскимъ человѣка велѣлъ отпустить, который и отпущенъ въ тожъ самое время, а о Роменскомъ приказывалъ сими словами: «пойдите къ маіору Левшину и доложите ему, что на гаубвахтъ приведенъ арестантъ»; но ходилъ ли или нѣтъ, и кто именно, ко оному Левшину, не знаетъ, а между тѣмъ, когда Роменскій сѣлъ на состоящей въ той же горницѣ кровати, тутъ вдругъ Кудрявцевъ, Роменскаго назвавъ грубіяномъ, сказалъ, какъ онъ смѣлъ сѣсть на кровати, и паки говорилъ, чтобы пошли къ маіору. Тутъ Роменскій, вставши

съ кровати, сказалъ сіи слова, что «и самъ государь мнѣ ничего не сдѣластъ», но кчему онъ сіе сказалъ, настояще не знаетъ, поелику онъ при сихъ ихъ разговорахъ выходилъ съ офицерской въ солдатскую горницу. Чтобъ же Роменскій Кудрявцева бранилъ, и говорилъ, что онъ не будетъ офицеромъ, не слышалъ; а Кудрявцевъ ему говорилъ: «когда ты и меня бранишь, слѣдовательно ты и унтеръ-офицера Иванова бранилъ», и при семъ самомъ разговорѣ велѣлъ его, Роменскаго, посадить подъ нары, подъ которыя онъ и посаженъ.

Третій, Бабенко, что въ бытность его на гаубвахтѣ на часахъ, провелъ мимо его въ средину гаубвахтнаго строенія унтеръ-офицеръ Ивановъ подсудимаго Роменскаго и другаго, неизвѣстнаго ему, человѣка; послѣ чего въ скорости изъ нихъ малороссіянинъ отпущенъ, а Роменскій тамо оставленъ. А когда онъ, Бабенко, смѣнившись съ часовъ, пошелъ въ офицерскую горницу для взятья тамо на ужинъ хлѣба, и при самомъ туда входѣ слышалъ, что Роменскій говорилъ слова: «мнѣ самъ государь въ такомъ случаѣ ничего сдѣлать не можетъ». Но напротиву чего онъ сіе говорилъ и къ кому, онъ не знаетъ, поелику онъ въ скоромъ времени оттоль и паки на дворъ вышелъ; равно и того не видѣлъ, чтобы Роменскій былъ посаженъ подъ нары.

Въ чемъ сіи свидѣтели и на очной ставкѣ, данной съ подсудимымъ Роменскимъ, утвердились, каждый на своихъ показаніяхъ.

По повальному жъ обыску, бахмутскіе жители, тридцать человѣкъ, подъ присягою показали, что подсудимый Роменскій, сколько они его знаютъ, состоянія добраго; чтобъ же онъ былъ въ какихъ порокахъ, подозрѣніяхъ, за то̀ въ наказаніяхъ или штрафахъ, того какъ они сами не видѣли, такъ и ни отъ кого не слышали. А изъ отобранныхъ у него, Роменскаго, и при дѣлѣ имѣющихся трехъ о службѣ его атестатовъ значится, что онъ — націи малороссійской, и продолжая въ разныхъ мѣстахъ статскую службу, происходилъ чинами: подканцеляристомъ 1788 апрѣля 7; канцеляристомъ 1789 іюня 26; настоящимъ

чиномъ 1790, годовъ декабря 14 числъ, и пороковъ за нимъ, Роменскимъ, въ оныхъ атестатахъ не показано.

По каковымъ обстоятельствамъ, бахмутскій уѣздный судъ мнѣніемъ полагаетъ: онаго Роменскаго, за изъясненныя преступленія, лиша чиновъ, наказать плетьми, двадцатью пятью ударами, и потомъ сослать на поселеніе въ Сибирь. Лѣтъ ему, Роменскому, отъ роду 26; женатъ; имѣетъ пять дочерей, а имѣнія у себя, кромѣ нужнаго одѣянія, и то ветхаго, не имѣетъ.

Приказали: Какъ по разсмотрѣніи сего дѣла во всей подробности новороссійской палаты суда и расправы въ первомъ департаментѣ открылось, что уволненный отъ статской службы губернскій регистраторъ Никифоръ Роменскій обличился виновнымъ:

1) Въ невоздержной жизни, чему доказательствомъ служитъ сіе, что онъ, кромѣ ветхаго на себѣ одѣянія, не имѣетъ никакого имѣнія, ниже осѣдлости.

2) Въ причиненіи минувшаго апрѣля 23 числа бывшаго гарнизоннаго генералъ-маіора Поваляшина полку унтеръ-офицеру Иванову, ходившему обходомъ для наблюденія тишины и порядка, поносительными словами обиды, при томъ случаѣ, когда онъ, Ивановъ, послѣ пробитія вечерней зари, въ 10 часовъ, встрѣтя его, Роменскаго, спросилъ, кто онъ таковъ, и зачѣмъ такъ поздно ходитъ.

3) Въ оказаніи и самому караульному офицеру, поручику Кудрявцеву (во время привода его, Роменскаго, за означенные непристойные поступки на гаубвахтъ) грубостей. *Паче же всего,*

4) *Что осмѣлился,* содержась уже на гаубвахтѣ, *произнесть дерзкія слова, относящіяся къ особѣ его императорскаго величества,* въ чемъ узаконеннымъ числомъ свидѣтелей, утверждающихъ показаніи свои единогласно, дѣйствительно изобличенъ.

И для того, *по важности таковыхъ преступленій,* онаго Роменскаго, въ силу законовъ воинскихъ, артикуловъ 20, 44 и 45 и указа 1727 году генваря 30 дня, яко подлежащаго смертной казни, которой до указа чинить не велѣно, лиша чиновъ, наказать,

въ городѣ Бахмутѣ, кнутомъ двадцатью пятью ударами, и потомъ, вырѣзавъ ноздри, и поставя на лицѣ указные знаки, сослать на работу въ Нерчинскъ, и сіе рѣшеніе взнесть къ господину новороссійскому губернатору, тайному совѣтнику Юрію Алексѣевичу Николеву, на утвержденіе.

Подлинное за подписаніемъ новороссійской палаты суда и расправы перваго департамента присутствующихъ.

Подписано іюля 7 дня 1800 года.—

65) С.-Петербургскія вѣдомости. 1802. № 13 (февр. 14). стр. 289—290.

66) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. 1802 года. № 5430.

67) Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, собранное изъ потаенныхъ старообрядческихъ преданій, записокъ и писемъ, протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ. 1855. Ч. II, стр. 29—33.

68) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣло 1804 года, № 4927.

69) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Дѣло 1805 года, № 4733.

Заключеніе юрисконсульта.

— Въ польскихъ узаконеніяхъ, къ названію переходившихъ изъ Россіи людей, именуемыхъ пилипонами, никакихъ особенныхъ правъ не значится, а во время существованія польскаго правительства, сіи пришельцы, или—вѣрнѣе—бѣглые изъ Россіи люди, по давнему обыкновенію, принимаемы тамъ были въ видѣ вольныхъ, и предоставлялась имъ свобода поселиться, у кого похотятъ. Сему въ тогдашнее время инако быть не слѣдовало, потому что, въ случаѣ укрѣпленія ихъ, пресѣкся бъ, а по крайней мѣрѣ уменьшился бъ въ Польшу побѣгъ россійскихъ подданныхъ. Въ Польшѣ не нужно было и укрѣплять пилипоновъ, ибо переходы тамо съ мѣста на мѣсто были рѣдки, и единообразныя почти вездѣ крестьянскія легкія повинности, необѣщавшія лучшихъ въ другихъ мѣстахъ выгодъ, удерживали ихъ на первомъ жилищѣ на-

всегда. Побѣги тамо были весьма неощутительны, а рѣже еще— отыскиваніе и наслѣдственныхъ бѣглыхъ крестьянъ, ибо законъ польскій хотя повелѣвалъ возвращать бѣглыхъ прежнимъ помѣщикамъ, въ узаконенные сроки объ нихъ просившимъ, но при всемъ томъ мало было тѣхъ, которые отыскивали бѣглыхъ, а на мѣсто того дѣйствовалъ большею частію обычай, что пришелецъ, проживпіій за помѣщикомъ болѣе десяти лѣтъ во крестьянствѣ, оставался за нимъ наравнѣ съ прочими его крестьянами. Сыскивая общую причину побѣговъ изъ Россіи крестьянъ, утвердительно можно сказать, что польскіе крестьяне на помѣщиковъ работали гораздо меньше, нежели въ Россіи, и потому россійскіе подданные, избывая работъ и рекрутъ, бѣжали въ Польшу. Таковыми побѣгами нарушали они вѣрноподданническую свою обязанность, почему въ теперешнемъ времени, когда они не по своей собственной волѣ, а по общимъ государственнымъ произшествіямъ, подошли подъ россійское управленіе, не заслуживаютъ уже никакого преимущества предъ оставшимися на своихъ мѣстахъ крестьянами.

Сравнивая пользы, какія могутъ проистечь отъ дарованія свободы бѣглымъ пилипонамъ, съ невыгодами, произойтить отъ того могущими, окажется, что невыгодъ, а легко можетъ быть и дальняго неспокойства, выйдетъ несравненно больше, ибо вопервыхъ само правосудіе потребовало бъ, дабы, вмѣсто всемилостивѣйше пожалованныхъ разнымъ владѣльцамъ пилипоновъ, отдать толикое жъ число другихъ въ близости состоящихъ казенныхъ крестьянъ, а сіи казенные крестьяне, яко живущіе на своихъ мѣстахъ, конечно болѣе преклоняютъ на себя вниманія, нежели бѣглые пилипоны, составляющіе нынѣ изъ себя не другое что, какъ крестьянское жъ состояніе. Сколько извѣстно, то бѣглыхъ изъ Россіи въ бывшую Польшу, кромѣ значущихся по дѣлу, есть до нѣсколькихъ тысячъ: то учинивъ часть ихъ вольными, достальные въ правѣ себя сочтутъ того жъ домогаться. Отъ сего разстройства ожидать только слѣдуетъ, по меньшей мѣрѣ, множества дѣлъ и явнаго убытка многимъ невиннымъ нынѣшнимъ помѣщикамъ.

Что касается до раздѣленія бѣглыхъ пилипоновъ надвое, то есть однимъ, записавшимъ договоры въ присутственныхъ мѣстахъ, давать свободу, а другихъ, безъ письменныхъ условій поселившихся, оставлять за помѣщиками, то по дѣламъ видно, что условія представлены только отъ пилипоновъ, живущихъ на земляхъ графа Самойлова и Хребтовича, да и о тѣхъ условіяхъ не доказано еще того, дабы они прежде присоединенія польскаго края къ Россіи явлены и записаны были въ надлежащихъ польскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Отъ прочихъ же пилипоновъ и не требовано, имѣютъ ли они таковыя условія, а притомъ извѣстно, что арендные договоры, по обыкновеніямъ польскимъ, и совсѣмъ не были записываны и сознаваемы въ судахъ. По сей же причинѣ одни условія предъ другими преимущества не имѣютъ, а какъ происхожденіе пилипоновъ, имѣющихъ условія и не имѣющихъ оныхъ, есть одинаково, то есть всѣ они переходцы изъ Россіи, слѣдовательно и сужденіе объ нихъ должно быть одинаково жъ.

По всѣмъ симъ основаніямъ, а паче по точности явствующихъ въ дѣлѣ узаконеній, считаю я мнѣніе г-дъ сенаторовъ 15 персонъ на сіе дѣло, до будущихъ впредь генеральныхъ о повинностяхъ крестьянскихъ распоряженій, соотвѣтственнымъ.—

70) Архивъ князя Воронцова. 1877. Книга XII, стр. 283.

71) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. 1830. Т. XXIX, № 22085, стр. 159.

72) Санктпетербургскія Вѣдомости. 1808 года. № 25. Пятница. Марта 27 дня. стр. 368—369.

73) Русскій Вѣстникъ на 1808 годъ, издаваемый Сергѣемъ Глинкою, № VIII. Мѣсяцъ августъ стр. 248—252. «Осипу Петровичу Козодавлеву, при посѣщеніи его пензенской гимназіи на возвратномъ пути изъ Саратова, по прекращеніи тамо чумы. Іюня 30 дня 1808». Стихи присланы въ редакцію при слѣдующемъ письмѣ: «Господинъ издатель Русскаго Вѣстника! Препровождаю при семъ стихи его высокопревосходительству Осипу Петровичу Козодавлеву, поднесенныя при посѣщеніи его пензенской гимназіи, на возвратномъ пути изъ Саратова, *по прекраще-*

ніи имъ тамо *чумы.* Я увѣренъ, что вамъ пріятно будетъ напечатать оныя, тѣмъ болѣе, что подвигъ, совершенный симъ россіяниномъ, причисляетъ его къ тѣмъ рускимъ, которые всегда готовы за отечество жертвовать жизнію, и что онъ, несмотря на обширнѣйшія свои занятія, государемъ императоромъ на него возложенныя, еще любитъ рускую словесность, которая нѣкогда, въ золотое свое время, украшалась его произведеніями». Подъ стихами подпись: М. Л — й.

74) Воспоминанія Вигеля—рукопись императорской публичной библіотеки. Ч. III, гл. III.

Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. 1866. Томъ второй. Часть третья стр. 30—42.

75) Архивъ князя Воронцова. 1877. Книга XII, стр. 280.—

Взглядъ на мою жизнь. Записки Ив. Ив. Дмитріева. Изд. М. А. Дмитріева. 1866, стр. 200.

Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, съ примѣчаніями и указателемъ, составленными Я. Гротомъ и П. Пекарскимъ. 1866. стр. 269—270 и 0125.

76) Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1871. Т. VI стр. 143. Письмо Державина къ В. В. Капнисту, 4 ноября 1803 года.

77) Сочиненія Державина, съ примѣч. Я. Грота. 1871. Т. VI. Записки Державина стр. 747—748.

78) Сочиненія Державина, съ примѣч. Я. Грота. 1880. Т. VIII. Біографія поэта. стр. 238—239.

79) Рукопись императорской публичной библіотеки. IV. F. 276^3 — Воспоминанія Вигеля. Часть III, глава IX, стр. 253—256.

80) Письма Козодавлева къ Дмитрію Павловичу Руничу, хранящіяся въ императорской публичной библіотекѣ. Письмо 31 марта 1815 года.

Дмитрій Павловичъ Руничъ исправлялъ должность московскаго почтдиректора, и поэтому былъ подчиненнымъ министру почтъ Козодавлеву. Между министромъ и его подчиненнымъ

происходила переписка какъ по дѣламъ службы, такъ и по другимъ предметамъ. Козодавлевъ давалъ Руничу различныя порученія, иногда секретныя и довольно щекотливыя.

Въ письмѣ отъ 13 марта 1814 года, собственноручная приписка Козодавлева: «Пожалуйте узнайте о нижеслѣдующемъ. *Филантропическое* (sic) общество завело въ Москвѣ печатаніе справочника, контору, и прочее, и прочее. Я, не зная, на какомъ позволеніи сіе основывается, писалъ къ графу Ѳедору Васильевичу. Мнѣ хочется знать, что̀ по сему сдѣлано, и всю сего дѣла исторію. Г. Каразинъ ко мнѣ вскользь о семъ писалъ, что̀ и побудило меня взять справку. Пожалуйте, во одолженіе мнѣ *развѣдайте обо всемъ подъ рукою*, и увѣдомьте меня обстоятельно». Внизу помѣтка: «О конторѣ *филотехническаго* общества донесено апрѣля 28 1814».

Иногда выраженіе *подъ рукою* употреблялось Козодавлевымъ въ шутливомъ смыслѣ, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ письмѣ, 19 мая 1814 г.: «Еще новая просьба. Его превосходительство Павелъ Ивановичъ Кутузовъ сдѣлалъ мнѣ честь присылкою ко мнѣ радостной своей пѣсни, имъ недавно весьма хорошо и удачно сочиненной. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ называетъ онъ меня *Іосифъ* Петровичъ, а не *Осипъ*, какъ я подписываюсь, то есть онъ называетъ меня по-славянски, а я подписываюсь по-русски. Одолжите меня, *развѣдайте подъ рукою*, не состоялось ли какого по университету опредѣленія, чтобы впредь писать имена пославянски, а не порусски, и въ такомъ случаѣ я уже буду васъ называть *Димитріемъ*, а не *Дмитріемъ*, а Павла Ивановича *Іоанновичемъ*, а не *Ивановичемъ*. Самъ же я имени своего не перемѣню, дабы въ актахъ не сдѣлать замѣшательства, такъ какъ и въ семъ дружескомъ къ вамъ письмѣ, позвольте мнѣ назваться попрежнему

вашимъ покорнѣйшимъ слугою
Осипъ Козодавлевъ.

Собственноручная приписка: «Я повторяю, чтобъ *развѣды-*

ваніе было подъ рукою: итакъ, тайна должна быть при семъ наблюдаема самая непроницательнѣйшая».

Приводимъ нѣсколько извлеченій изъ писемъ Козодавлева къ Руничу.

18 сентября 1815 года (собственноручно):

«Комитетъ о *тарифѣ* уже начался. Чтò-то у васъ по сему говорятъ, а особливо *фабриканты? Худо бы имъ безъ меня было; но я отстаиваю ихъ изо всей силы*».

4 янв. 1816. (собственноручн. и секретн.):

«Новый манифестъ отъ 1 генваря дойдетъ до васъ, безъ сумнѣнія, по сей же почтѣ. Какъ оный, такъ и другіе манифесты писаны Шишковымъ..... Прошу васъ убѣдительнѣйше обратить самое живѣйшее вниманіе ваше на перлюстрацію..... Напишите ко мнѣ о іезуитахъ, чтò и какъ у васъ о семъ говорятъ, а также и о другихъ разглагольствіяхъ, такъ чтобъ я могъ показать ваше письмо вмѣстѣ съ перлюстрованными. *Мое правило есть все подобное доводить до свѣдѣнія государя.* Сверхъ того, что я ему преданъ и люблю его отъ всего сердца, почитаю я для него нужнымъ все знать, чтò говорятъ и какъ разсуждаютъ. Напишите ко мнѣ, чтò у васъ говорятъ и дѣлаютъ, а я письмо ваше подлинникомъ доставлю».

27 января 1814 года (секретно и собственноручно):

«Отъ всего сердца благодарю васъ за выписки, а особливо за присылку тѣхъ, о коихъ я Ивану Александровичу словесно говорилъ. Всѣ полученныя по послѣдней почтѣ бумаги весьма интересны. Прошу продолжать по тѣхъ поръ, пока я прикажу остановить. Мнѣ желалось бы васъ чѣмъ-нибудь порадовать, и я всемѣрно о томъ стараюсь».

4 октября 1812 года:

«Всѣми распоряженіями вашими по ввѣренному вамъ почтамту, какъ въ Москвѣ такъ во Владимирѣ и Нижнемъ-Новѣгородѣ, я весьма доволенъ. Они служатъ доказательствомъ той дѣятельности и исправности, каковыхъ я отъ васъ всегда ожидалъ. Будьте удостовѣрены, что для меня особенно пріятенъ

будетъ случай, въ который мнѣ представится возможность отдать должную справедливость отличной вашей службѣ и примѣрному къ оной усердію. Прошу васъ, милостивый государь мой, и впредь продолжать вашу со мною переписку партикулярно, откровенно и безъ малѣйшаго опасенія, помѣщая въ вашихъ письмахъ все то̀, что̀ услышите и что̀ узнаете».

8 октября 1812 г.:

«Ожидавъ нѣсколько времени тщетно отъ нижегородскаго губернскаго почтмейстера донесенія о случающихся тамъ нынѣ происшествіяхъ, какъ-то о прибытіи въ Нижній-Новгородъ присутственныхъ мѣстъ и извѣстныхъ особъ и о прочемъ, обращаюсь я съ просьбою моею о томъ къ вамъ, яко къ начальнику московской почтовой дирекціи. По вашей расторопности, дѣятельности, а паче по хорошему ко мнѣ расположенію, я нимало не сомнѣваюсь, чтобы вы не исполнили того къ совершенному моему удовольствію. И для того прошу васъ увѣдомить меня партикулярнымъ письмомъ, какія именно изъ присутственныхъ мѣстъ прибыли и расположились въ Нижнемъ-Новгородѣ, также кто изъ знатныхъ и извѣстныхъ особъ тамъ теперь пребываніе имѣетъ. Такъ напримѣръ Иванъ Петровичъ Архаровъ съ супругою, графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ, и другіе. Сверхъ того, не извѣстно ли вамъ, кто изъ таковыхъ извѣстныхъ особъ изъ Москвы проѣхалъ чрезъ Нижній-Новгородъ въ другія мѣста, и тому подобное».

Октября 1812 г. (получ. 6 ноября):

«Мнѣ весьма пріятно изъявить вамъ совершенную мою признательность за неусыпность вашу въ доставленіи мнѣ скорыхъ и вѣрныхъ свѣдѣній. Они всѣ весьма любопытны, и служатъ доказательствомъ благоразумія вашего и точности. Многія же изъ нихъ по содержанію своему принесли мнѣ живѣйшее удовольствіе.

Желая теперь знать, что дѣлается у васъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь

мой, о томъ меня подробно увѣдомить, а по пріѣздѣ вашемъ въ Москву, не оставьте сообщить мнѣ замѣчаній вашихъ о перемѣнахъ, кои найдете въ сей столицѣ, и о всемъ заслуживающемъ вниманія».

29 ноября 1812 г. (секретно).

«На представленіе ваше отъ 22 ноября касательно сумки съ партикулярными бумагами Ключарева, поспѣшаю сообщить вамъ, милостивый государь мой, въ отвѣтъ, что буде г. главнокомандующій потребуетъ оную отъ васъ къ себѣ, то обязанность ваша будетъ таковое требованіе исполнить и въ тоже время меня объ ономъ увѣдомить.

М. вн. дѣлъ Осипъ Козодавлевъ».

29 апрѣля 1813 г.

«До свѣдѣнія моего дошло, что состоящія на тульскомъ трактѣ почтовыя станціи: Подольскъ, Лопасня и Волоти допущены до крайняго безпорядка и неисправности. Доказательствомъ сему служатъ между прочимъ остановки, претерпѣнныя на одной изъ сихъ станцій дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Аркадіемъ Ивановичемъ Морковымъ, и недача лошадей въ Лопаснѣ ѣхавшему курьеромъ военному совѣтнику Степанову.

Сообщая о семъ вамъ, милостивый государь мой, прошу васъ принять немедленно самыя дѣятельныя мѣры, вопервыхъ, къ освѣдомленію, безъ огласки, объ означенныхъ происшествіяхъ и кто виновникомъ оныхъ; вовторыхъ, къ изслѣдованію, отчего допущены на сихъ станціяхъ безпорядки и неисправности, и втретьихъ, посредствомъ сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ къ приведенію оныхъ въ надлежащее устройство.

Я отношусь къ вамъ партикулярно для того, чтобы вы могли дѣйствовать въ семъ случаѣ, аки бы изъ собственнаго вашего подвига—вслѣдствіе дошедшаго до васъ свѣдѣнія, дабы не показалось страннымъ, что я здѣсь узнаю о томъ, что подъ самой Москвой станціи неисправны».

15 августа 1813 г.

«Въ надеждѣ дружескаго вашего ко мнѣ благорасположенія, я обращаюсь теперь къ вамъ совсѣмъ съ партикулярною просьбою. Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло. *Я положилъ себѣ ничего иного не употреблять, какъ нашего отечественнаго русскаго произведенія;* посему, не нашедъ здѣсь въ Петербургѣ хорошаго сукна, прошу покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, взять на себя трудъ купить для меня въ Москвѣ у нашихъ фабрикантовъ самой лучшей доброты темнозеленаго русскаго сукна на одинъ фракъ и на одинъ мундиръ, по два съ половиною аршина, то есть пять аршинъ, да на исподнее платье, на двое, шелковой черной добротной матеріи и еще на двое хорошаго казимира изъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, то есть, гороховаго или оному подобнаго. Сколько же надобно, о томъ скажетъ тотъ портной, который честь имѣетъ одѣвать ваши ляжки, ибо мы кажется одного роста. Я полагаюсь на вашъ вкусъ относительно выбора хорошаго цвѣта сукна и казимира, равно какъ и въ добротѣ того и другаго.

Сколько за всю сію покупку слѣдовать будетъ денегъ, я покорнѣйше прошу васъ меня увѣдомить, дабы я могъ всю таковую сумму возвратить вамъ съ благодарностію».

22 апрѣля 1814 г.

«Письмо ваше отъ 13 апрѣля и при ономъ нѣсколько кусковъ козацкихъ лентъ, выработанныхъ на фабрикѣ Матвѣева, я получилъ. Благодаря васъ за исправное выполненіе порученія моего, я прошу васъ, милостивый государь мой, изъяснить и г. Матвѣеву совершенное мое удовольствіе. Ленты его прекрасны, и ея императорское величество удостоила принять оныя съ особливымъ благоволеніемъ. Не оставьте поблагодарить г. Матвѣева и за часовыя ленточки, имъ ко мнѣ посланныя, которыя такъ же хорошо и искусно выработаны. Скажите ему, что я весьма доволенъ намѣреніемъ его отправить въ Петербургъ на продажу нѣсколько лентъ его фабрики. Желательно, чтобъ и другіе гг. фабриканты доставляли сюда на продажу наилучшія издѣлія свои,

дабы публика санктпетербургская болѣе и болѣе убѣждаема была въ успѣхахъ нашихъ мануфактурныхъ заведеній и въ пользѣ, каковую они со временемъ доставить могутъ».

5 іюля 1815 г. Съ дачи (собственноручное).

«Препровождая къ вамъ, любезный мой Дмитрій Павловичъ, копію съ высочайшаго рескрипта, на имя князя Николая Ивановича даннаго, прошу васъ внушить гг. суконнымъ фабрикантамъ, коликую они чрезъ новое сіе положеніе выгоду пріобрѣтаютъ. Я надѣюсь, что они съ своей стороны покажутъ, что не единая корысть, но и любовь къ отечеству при торгахъ ими дѣйствовать будетъ, а что цѣны на торгахъ не будутъ столько высоки, чтобъ правительство принуждено было опять обратиться къ прежнимъ правиламъ. Я чрезвычайно радъ, что сіе положеніе вышло, и увѣренъ, что оно фабрикамъ принесетъ великую пользу. Князь Николай Ивановичъ по сей же почтѣ отнесется къ Александру Петровичу. Прошу меня увѣдомить, что по сему у васъ будутъ говорить и дѣлать».

81) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 3-го отдѣленія по второму столу. 1811. Съ генваря по іюль. Съ № 114 по № 143. л. 42—46, 52—60 об., 150—152.

82) Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1869. Т. V. стр. 539. Письмо Державина къ княгинѣ Дашковой 17 августа 1786 года: «Онъ (Свистуновъ) хотя не изъ тѣхъ *блистательныхъ умовъ*, каковъ *Осипъ Петровичъ*, но смѣю сказать, что возложенную на него должность съ наилучшимъ радѣніемъ и успѣхомъ отправитъ» и т. д.

83) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Третьяго отдѣленія по первому столу съ № 1 по № 10 и 436.

84) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 210. Дѣло № 9649.

Высочайшимъ указомъ сенату, 24 апрѣля 1816 года, повелѣно: до выздоровленія министра юстиціи Трощинскаго, управлять министерствомъ юстиціи Козодавлеву.

Указомъ 25 августа 1817 года повелѣно Козодавлеву управлять министерствомъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, по случаю отъѣзда изъ Петербурга князя Голицына.

85) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Книга № 316, л. 290. Именные указы 1808 года, декабрь мѣсяцъ.

О составѣ министерства и департамента внутреннихъ дѣлъ, о перемѣнахъ въ распредѣленіи экспедицій, о правахъ и обязанностяхъ товарища министра, и т. д. подробно говорится въ Исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, доктора правъ и философіи Н. Варадинова. 1858. Ч. I. стр. 14—86. Въ концѣ книги — таблицы, обозначающія измѣненія, послѣдовавшія въ составныхъ частяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

86) 7 декабря 1811 года министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ писалъ Попову: «Государь императоръ, — пріемля въ уваженіе, что частныя постановленія, послѣдовавшія за Положеніемъ 1804 года декабря 9 дня въ разныя времена по разнымъ частямъ управленія, съ одной стороны, отмѣнивъ исполненіе нѣкоторыхъ статей общаго Положенія, а съ другой, произведя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенную перемѣну, подвергли вообще какъ мѣстныя начальства, такъ и самихъ евреевъ, величайшей неизвѣстности, вслѣдствіе которой не престаютъ поступать просьбы о скорѣйшемъ разрѣшеніи ихъ участи, — высочайше повелѣть мнѣ изволилъ сообщить вашему высокопревосходительству, чтобы вы изволили дать комитету, подъ предсѣдательствомъ вашимъ учрежденному, скорѣйшее движеніе разсмотрѣніемъ поступившихъ уже къ нему бумагъ, и привели бы возложенное на него дѣло къ поспѣшнѣйшему окончанію».

87) Рукопись подъ заглавіемъ: Матеріалы для исторіи управленія еврейскаго народонаселенія Россіи (изъ архива департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій). I. Проэкты общаго преобразованія и устройства евреевъ.

Рукопись эта, составляющая большой томъ въ листъ, принадлежитъ графу Д. А. Толстому. Она заключаетъ въ себѣ собраніе весьма важныхъ и любопытныхъ матеріаловъ, списанныхъ

по выбору и указанію графа Д. А. Толстаго. Подлинники хранились тогда въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; часть этого архива истреблена пожаромъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Приносимъ глубочайшую благодарность графу Дмитрію Андреевичу Толстому, давшему намъ право пользоваться рукописью. Въ началѣ рукописи помѣщенъ обширный (стр. 1—44) обзоръ матеріаловъ по еврейскому вопросу (съ 1800 по 1844 годъ), находящихся (или находившихся) въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, составленный самимъ графомъ Д. А. Толстымъ. Въ обзорѣ приводятся многочисленныя извлеченія изъ рукописей.

88) Сенатскій архивъ въ Петербургѣ. Книга № 337, л. 405. Именные указы 1811 года. Генварь мѣсяцъ.

89) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. На корешкѣ книги: «2-го отдѣленія по разнымъ предметамъ. 1811. Книга 12. Съ № 48 по № 49». На первомъ листѣ: «Дѣло объ устройствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. 1811 года». Здѣсь помѣщены:

Записка объ устройствѣ почтоваго департамента и проэктъ устройства почтоваго департамента, представленные государю Козодавлевымъ 23 сентября 1810 года.

Записка объ устройствѣ хозяйственнаго департамента и проэктъ устройства хозяйственнаго департамента, представленные государю Козодавлевымъ 7 октября 1810 года.

Проэктъ совѣта земледѣлія, мануфактуръ и промышленности, и проэктъ устройства департамента мануфактуръ и внутренней торговли, представленные 5 ноября 1810 года.

Проэктъ устройства департамента мануфактуръ и внутренней торговли, представленный 5 ноября 1810 года.

Проэктъ наказа министру внутреннихъ дѣлъ.

Проэктъ учрежденія министерства внутреннихъ дѣлъ, и т. д.

90) Общее учрежденіе министерствъ. 1811. Часть вторая. Общій наказъ министерствамъ. § 225. стр. 7—8.

91) Рукопись императорской публичной библіотеки: Бумаги и автографы Козодавлева.

92) Сѣверная Почта. 1810. № 74. С.-Петербургъ.—№ 80.

С.-Петербургъ. — № 85. С.-Петербургъ. — № 91. Изъ Казани.—№ 97. Изъ Москвы.—№ 116. С.-Петербургъ. — 1811 г. № 50, № 53, № 54. Прибавленіе. Смѣсь. — 1813 г. № 101. С.-Петербургъ, и т. д.

93) Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартеневымъ. 1872. Книга вторая. Старая записная книжка, начатая въ 1813 году, неизвѣстнаго сочинителя. стр. 251.

94) Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Доктора правъ и философіи Н. Варадинова. 1859. Часть II, книга I. стр. 75—602.

95) Рукопись императорской публичной библіотеки. Письмо Козодавлева къ Руничу, 15 августа 1813 года.

96) Сѣверная Почта. 1811. № 70. С.-Петербургъ, 2 сентября.

97) Рукопись императорской публичной библіотеки. Письма Козодавлева къ Руничу, 10 апрѣля и (?) октября 1814 года (помѣтка на послѣднемъ: «отвѣч. 20 октября 1814 года».

98) Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, Н. Варадинова. Часть II, книга I. стр. 322—326.

99) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. По департаменту общихъ дѣлъ, 1817 года, № 23. Записка Козодавлева, представленная 9 августа 1818 года, слушана въ комитетѣ министровъ 13 августа 1818.

100) Du contrat social ou Principes du droit politique (Petits chefs-d'oeuvre de. J. J. Rousseau. Paris. 1864. p. 265—266):

Il y a donc une profession de foi purement civile dont il appartient au souverain de fixer les articles, non pas précisement comme dogmes de religion, mais comme sentiments de sociabilité, sans lesquels il est impossible d'être bon citoyen ni sujet fidèle. (César, plaidant pour Catilina, tâchait d'établir le dogme de la mortalité de l'âme: Caton et Cicéron pour le réfuter, ne s'amusèrent point à philosopher; ils se contentèrent de montrer

que César parlait en mauvais citoyen et avançait une doctrine pernicieuse à l'état). Sans pouvoir obliger personne à les croire, il peut bannir de l'état quiconque ne les croit pas; il peut le bannir, non comme impie, mais comme insociable, comme incapable d'aimer sincèrement les lois, la justice, et d'immoler au besoin sa vie à son devoir. Que si quelqu'un, après avoir reconnu publiquement ces mêmes dogmes, se conduit comme ne les croyant pas, qu'il soit puni de mort; il a commis le plus grand des crimes, il a menti devant la loi....

101) Сынъ отечества. 1819. Часть 55. стр. 282.

102) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. 1830. Т. XXXVII. стр. 462—463. Указъ 20 февраля 1803 года. № 20620.

103) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 1812 года. № 18. (На томъ же дѣлѣ: № 110 и № 893). Дѣло объ уволенныхъ въ свободные хлѣбопашцы крестьянахъ генералъ-маіора Загряжскаго.

104) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 1811 года. № 96 (№ 4459). Дѣло объ увольненіи княземъ Козловскимъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы.

Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XXXVII. стр. 466—468, № 20625:

Высочайше утвержденныя (21 Февраля 1803 года) правила, постановленныя въ руководство министру внутреннихъ дѣлъ при разсмотрѣніи условій между помѣщиками и крестьянами по указу февраля 20 дня 1803 года.

I. Образъ, коимъ должны быть составляемы условія.

1. Помѣщикъ, желающій постановить съ крестьянами своими условія на владѣніе землею, долженъ въ оныхъ означить:

1) Съ какою деревнею или съ какими именно крестьянами, или и съ однимъ крестьяниномъ той деревни, заключаетъ онъ условія.

2) Какія именно земли, лѣса, угодья и въ какомъ количествѣ онъ каждому изъ нихъ уступаетъ въ собственность.

3) Какую цѣну какъ за сію землю и угодья, такъ и за увольненіе свое отъ нѣкоторыхъ повинностей, или за полную свою свободу, крестьяне помѣщику заплатить обязались.

4) Въ какіе сроки, на десять, пятнадцать, или менѣе и болѣе лѣтъ, сколько когда именно или вѣчно помѣщику и наслѣдникамъ его платить они обязуются.

5) Не состоятъ ли уступаемыя крестьянамъ земли въ спорѣ: извѣстенъ ли имъ сей споръ; принимаютъ ли они на себя его окончаніе или въ случаѣ потери спора, какое помѣщикъ обязуется имъ сдѣлать возмездіе.

6) Не состоятъ ли земли, или и самые крестьяне, въ залогѣ казенномъ или частномъ; принимаютъ ли на себя крестьяне уплату сего долга на тѣхъ же обязательствахъ, и если залогъ находится въ частныхъ рукахъ, то согласенъ ли на сіе заимодавецъ.

2. Когда такимъ образомъ постановятся главныя статьи условія, помѣщикъ подписываетъ его своеручно, а крестьяне по мирскому приговору даютъ на подписаніе за нихъ довѣренность или выборному ихъ или постороннему человѣку.

3. Довѣренность на подписаніе условія отъ крестьянъ должна быть явлена и записана въ уѣздномъ судѣ.

4. Сверхъ подписи крестьянъ, на томъ же самомъ условіи долженъ подписаться земскій исправникъ и уѣздный предводитель въ томъ, что условія точно сдѣланы по согласію крестьянъ, и что въ подписи ихъ не было ни принужденія, ни подлога.

5. Къ условію прилагается свидѣтельство изъ гражданской палаты, не состоитъ ли имѣніе подъ запрещеніемъ по спору и взысканію, или въ казенномъ или частномъ залогѣ.

6. Если не со всею деревнею, но съ нѣкоторыми только крестьянами заключается условіе, тогда присовокупляется къ сему выписка изъ крѣпостей, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованная, и означающая количество всей удобной земли, къ цѣлой деревнѣ принадлежащей, дабы можно было видѣть, сколько земли остается для тѣхъ крестьянъ, кои въ условіе не входятъ.

7. Въ семъ видѣ представляется условіе, при прошеніи помѣщика на высочайшее имя, къ губернскому предводителю дворянства.

8. Предводитель разсматриваетъ, всѣ ли вышеприведенныя свѣдѣнія и удостовѣренія при условіяхъ находятся, и если не усматриваетъ ничего нужнаго къ ихъ пополненію, при донесеніи своемъ препровождаетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Правила, наблюдаемыя министромъ внутреннихъ дѣлъ при разсмотрѣніи условій.

1. *Министръ, получивъ условія, разсматриваетъ прежде всего, имѣютъ ли онѣ назначенныя въ предъидущихъ статьяхъ удостовѣренія, охраняющія крестьянъ отъ подлога или принужденія*, и если находитъ доставленныя при нихъ свѣдѣнія недостаточными, или и самыя условія неясными и неопредѣлительными, требуетъ отъ губернскаго предводителя надлежащихъ поясненій.

2. Приведя такимъ образомъ условія въ ясность и порядокъ, приступаетъ онъ къ самому разсмотрѣнію существа ихъ.

Три рода можетъ быть условій:

a) Когда помѣщикъ даетъ крестьянамъ личную вольность съ утвержденіемъ имъ земли въ собственность за извѣстную сумму, въ условіи означенную, и непосредственно при совершеніи отпускной ими вносимую.

b) Когда при увольненіи крестьянъ платежъ разсрочивается въ годы, или когда опредѣляется извѣстное число лѣтъ, въ продолженіи коихъ остаются въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ къ помѣщику повинностяхъ.

c) Когда крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, дѣлаютъ съ помѣщикомъ условія, на основаніи коихъ, владѣя его землею, они обязуются на извѣстное число лѣтъ, по жизнь его или и навсегда, исправлять извѣстныя повинности, или платить подать деньгами или продуктами, съ тѣмъ, чтобъ условія сіи были обязательны какъ для него, такъ и для тѣхъ, къ коимъ имѣніе поступать можетъ по продажѣ или по наслѣдству.

3. Хотя первый случай, представляя чистую продажу, до-

вольно охраняется законами, на сіе установленными; но министръ долженъ въ немъ сверхъ того наблюдать, чтобъ добровольное согласіе крестьянъ было свидѣтельствами, выше приведенными, достаточно удостовѣрено.

4. Во второмъ случаѣ, къ наблюденію министра предлежитъ, чтобъ не содержали они никакихъ распоряженій общимъ законамъ противныхъ.

5. Во всѣхъ же сихъ случаяхъ министръ наблюдать долженъ:

a) Чтобъ крестьяне, въ той же деревнѣ въ крѣпости помѣщика остающіеся, не были въ пользу увольняемыхъ совершенно лишены земли. Въ семъ случаѣ министръ долженъ имѣть отъ помѣщика удостовѣреніе, что остающихся крестьянъ переведетъ онъ на другія земли или инымъ образомъ устроитъ ихъ состояніе.

b) Чтобъ помѣщикъ при заключеніи условій раздѣлилъ всю дачу на участки, и чтобъ каждый изъ крестьянъ, въ условія входящихъ, имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли, на который и планъ ему долженъ быть выданъ за подписаніемъ уѣзднаго землемѣра и помѣщика.

По всѣмъ симъ правиламъ разсмотрѣвъ существо представляемыхъ условій, министръ подноситъ ихъ на высочайшее усмотрѣніе съ замѣчаніями его о сходствѣ или несходствѣ ихъ съ сими правилами.

Когда условія удостоятся высочайшаго утвержденія, тогда всѣ бумаги, къ нимъ принадлежащія, отсылаются чрезъ правительствующій сенатъ при указѣ для совершенія въ гражданской палатѣ надлежащей у крѣпостныхъ дѣлъ записи.

105) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 1812 года. Дѣло № 80 по книгѣ архивной.

106) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 1813—1814 г. № 123 (№ 176). Дѣло о увольненіи крестьянъ графа Подгоричани въ свободные хлѣбопашцы.

107) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 1810—1811 г. № 82 (№ 4594). Дѣло объ увольненіи статскою совѣтницею Пано-

вою сто пятидесяти пяти душъ крестьянъ тамбовской губерніи, борисоглѣбскаго уѣзда, села Терновки, въ свободные хлѣбопашцы.

108) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. Т. XXXII. стр. 462. Указъ 25 ноября 1812 года. № 25274.

109) Архивъ государственнаго совѣта. Дѣло 1812 года, № 83. Рязанскій помѣщикъ, гвардіи прапорщикъ Рославлевъ, заключившій, въ мартѣ 1810 года, съ крестьянами, 1014 душъ, условіе о переходѣ ихъ въ свободные хлѣбопашцы, и получивъ отъ нихъ часть денегъ, не хотѣлъ представлять условіе для утвержденія, и т. д.

110) Полное собраніе законовъ. Т. XXXV. стр. 653. Указъ 28 декабря 1818 года. № 27600. — Полное собраніе законовъ. Т. XXXIII. стр. 1074. Указъ 6 ноября 1816 года. № 26504.

111) Полное собраніе законовъ. Т. XXXV. стр. 109—110. Указъ 14 февраля 1818 года. № 27270.

112) Полное собраніе законовъ. Т. XXXV. стр. 170—172. Указъ 23 марта 1818 года. № 27316.

113) Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, Н. Варадинова. Ч. II. кн. I. стр. 571—590 и др.

114) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. № 18 (№ 84, № 5070). Дѣло по отношенію воронежскаго гражданскаго губернатора о раздѣленіи земель между крестьянами помѣщика Петрово-Соловово, отпущенными имъ въ свободные хлѣбопашцы. (Началось 15 сентября 1810 года; кончено 20 ноября 1827 года). Письмо Козодавлева М. П. Штеру, 7 іюля 1811 года. Отвѣтъ Штера Козодавлеву, изъ Воронежа, 6 сентября 1811 года.

115) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 1811 г. Книга 12. Дѣло объ устройствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Проэктъ наказа министру внутреннихъ дѣлъ. §§ 3, 58, 8, 9, 7 и 10.

116) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи. М. Погодина. 1863. стр. 257—259, 266—267 и др.

117) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Третьяго от-

дѣленія по первому столу. 1816. Іюнь, іюль и августъ. Съ № 74 по № 117. Замѣчанія Козодавлева на проэктъ Ермолова. Препровождено главнокомандующему въ С.-Петербургѣ Вязмитинову 13 іюня 1816 года.

118) Русская Старина. 1870. стр. 345.

119) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣла по изданію Сѣверной Почты. 1819 года. Донесеніе казанскаго почтдиректора министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, управляющему и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 16 октября 1819 года.

Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣла по изданію Сѣверной Почты. 1819. Докладъ графа Виктора Павловича Кочубея, 3 декабря 1819 года, «О Сѣверной Почтѣ и о чиновникахъ, къ почтовому начальству принадлежащихъ».

120) Русская Правда. Литературный альманахъ на 1860 годъ. Кіевъ. стр. 71—72. Козодавлевъ просилъ Карамзина описать семидневное пребываніе государя въ Москвѣ.

121) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣла по изданію Сѣверной Почты съ 1816 по 1818 годъ. Письмо литовскаго почтдиректора, Андрея Бухарскаго, 28 декабря 1816 года.

122) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣла по изданію Сѣверной Почты съ 1816 по 1818 годъ и съ 1818 по 1820 годъ.

123) Сѣверная Почта или Новая Санктпетербургская Газета. 1810 года. №№ 28, 29, 27, 48, 18.

124) Сѣверная Почта. 1816. № 2. Извѣстія внутреннія. Санктпетербургъ, 5 генваря.

125) Сѣверная Почта. 1815. № 4. Санктпетербургъ, 13 генваря.

126) Сѣверная Почта. 1813. № 20. Прибавленіе. Продолженіе извѣстій иностранныхъ. Изъ Праги, отъ 4 февраля новаго стиля.

127) Сѣверная Почта. 1809. № 11.

128) Сѣверная Почта. 1811. № 103. Извѣстія внутреннія. Санктпетербургъ.

129) Сѣверная почта. 1812. № 20. Извѣстія внутреннія. Санктпетербургъ.

130) Сѣверная Почта. 1811. №№ 40 и 46. Извѣстія внутреннія. Санктпетербургъ.

131) Сѣверная Почта. 1813. № 67. Изъ Москвы.

132) Сѣверная Почта. 1811. № 57. Изъ Москвы.

133) Сѣверная Почта. 1816. № 9. Смѣсь. Выписка изъ партикулярнаго письма.

134) Сѣверная Почта. 1816. № 13. Изъ Москвы, отъ 3 февраля. Выписка изъ партикулярнаго письма, которую мы здѣсь сообщаемъ читателямъ нашимъ безъ малѣйшей перемѣны и такъ, какъ оная изъ Москвы къ намъ доставлена.

135) Сѣверная Почта. 1815. № 23. Извѣстія внутреннія. Санктпетербургъ.

136) Рукопись императорской публичной библіотеки. Письма О. П. Козодавлева къ Д. П. Руничу. Письмо 20 марта 1815 года.

137) Сѣверная Почта. 1811. № 15. Изъ Пскова, отъ 12 февраля.

138) Сѣверная Почта. 1810. № 93. Санктпетербургъ, 20 сентября.

139) Сѣверная Почта. 1809. № 6. Изъ Москвы, отъ 4 ноября.

140) Сѣверная Почта. 1809. № 4. Изъ Пскова, отъ 4 ноября.

141) Сѣверная Почта. 1818. № 96. Санктпетербургъ, 30 ноября.

142) Сѣверная Почта. 1810. № 85. Санктпетербургъ, 23 августа.

143) Сѣверная Почта. 1809. № 5. Изъ Нижняго Новагорода, отъ 3 ноября.

144) Сѣверная Почта. 1810. №№ 18 и 20. Смѣсь.

145) Сѣверная Почта. 1809. № 8. Изъ Москвы, отъ 18 ноября; — 1810. № 18. Изъ Москвы, отъ 23 декабря; — 1810. № 25. Изъ Москвы, отъ 18 генваря.

146) Сѣверная Почта. 1810. № 39. Санктпетербургъ, 14 марта.

147) Сѣверная Почта. 1813. № 9. Изъ Рязани, отъ 7 генваря.

148) Сѣверная Почта. 1810. № 51. Изъ Харькова, отъ 15 апрѣля.

149) Сѣверная Почта. 1809. № 2. Изъ Владимира, отъ 24 октября.

150) Сѣверная Почта. 1811. № 3. Изъ Пскова, отъ 29 декабря; — 1812. № 41. Изъ Новагорода, отъ 14 мая.

151) Сѣверная Почта. 1811. № 2. Санктпетербургъ, 6 генваря.

152) Сѣверная Почта. 1811. № 24. Изъ Москвы, отъ 15 марта.

153) Сѣверная Почта. 1811. № 55. Изъ Выборга, отъ 3 іюля.

154) Сѣверная Почта. 1811. №47. Санктпетербургъ, 14 іюня.

155) Сѣверная Почта. 1809. № 11. Санктпетербургъ, 8 декабря.

156) Сѣверная Почта. 1812. № 18. Санктпетербургъ, 2 марта.

157) Сѣверная Почта. 1818. № 10. Санктпетербургъ, 2 февраля.

158) Сѣверная Почта. 1818. № 11. Санктпетербургъ, 6 февраля.

159) Сѣверная Почта. 1810. № 30. Изъ Москвы, отъ 3 февраля.

160) Сѣверная Почта. 1810. № 43. Изъ Харькова, отъ 10 марта.

161) Сѣверная Почта. 1815. № 45. Санктпетербургъ, 5 іюня.

162) Сѣверная Почта. 1809. № 3. Изъ Москвы, отъ 1 ноября.

163) Сѣверная Почта. 1813. № 23. Санктпетербургъ, 19 марта.

164) Сѣверная Почта. 1815. № 68. Санктпетербургъ, 25 августа.

165) Сѣверная Почта. 1815. № 100. Санктпетербургъ, 15 декабря.

166) Сѣверная Почта. 1815. № 85. Санктпетербургъ, 23 октября.

167) Сѣверная Почта. 1810. № 116. Санктпетербургъ, 9 декабря.

168) Сѣверная Почта. 1812. № 12. Изъ Москвы, отъ 1 февраля;—№ 14. Санктпетербургъ, 17 февраля;—№ 19. Санктпетербургъ, 6 марта; — № 20. Санктпетербургъ, 9 марта.

169) Сѣверная Почта. 1809. № 8. Смѣсь. Гетингскій университетъ.

170) Сѣверная Почта. 1810. № 24. Санктпетербургъ, 22 генваря.

171) Сѣверная Почта. 1810. №№ 64, 66, 68 и 70. Смѣсь.— Эта статья издана отдѣльно, въ брошюрѣ, вышедшей подъ названіемъ: «Отрывки, касающіеся до нѣкоторыхъ статей государственнаго хозяйства. Сочиненіе россіянина». Въ брошюрѣ помѣщены три статьи, изъ которыхъ первая принадлежитъ Козодавлеву, а именно: 1) Внутренній торгъ хлѣбомъ (стр. 3—21); — 2) Тарифъ (стр. 22—34); —3) Мануфактуры (стр. 35—51).— Статью: «Внутренній торгъ хлѣбомъ» *положительно* приписываетъ Козодавлеву В. А. Полѣновъ. Самъ Козодавлевъ, въ письмахъ своихъ, хотя и не называетъ себя авторомъ, но по содержанію и тону этихъ писемъ можно бы заключить, что ему принадлежатъ всѣ три статьи, изданныя подъ названіемъ *Отрывковъ*. Въ письмѣ къ Руничу, 10 сентября 1815 года, Козодавлевъ говоритъ: «Посылаю вамъ въ подарокъ три экземпляра книжки, которая вчера токмо вышла здѣсь изъ печати, и пропо-

вѣдуетъ тоже самое, что и Русскій Гражданинъ. Переговоръ съ сочинителемъ обо всемъ, сообщу о цѣнѣ» и т. д. Въ письмѣ 27 сентября 1815 года: Посылаю «еще сто экземпляровъ тѣхъ *Отрывковъ*. Отдачу въ продажу, платежъ процентовъ продавцу и все прочее предоставляю дружескому вашему распоряженію и попеченію. Буде напечатается въ газетахъ, то надобно напечатать весь титулъ, и даже гдѣ печатано, и наконецъ сказать: Сія книжка содержитъ три отрывка. Болѣе, чтобъ ни слова не было сказано, и никакихъ не было прибавлено разсужденій». Затѣмъ Козодавлевъ проситъ извиненія, что обременяетъ пріятеля такимъ *вздоромъ*. Самыя подробности, въ которыя входитъ Козодавлевъ касательно объявленія о брошюрѣ, служатъ подтвержденіемъ свидѣтельства В. А. Полѣнова, что авторомъ, по крайней мѣрѣ, первой статьи, былъ Козодавлевъ.

172) Сѣверная Почта. 1818. № 75. Санктпетербургъ, 18 сентября.

Русская Старина. 1871. Т. IV, стр. 491—492. Ѳ. В. Булгаринъ, біографическій очеркъ, составленный Н. И. Гречемъ.

Biographie universelle. XXII, 141 (ср. примѣчаніе первое).

173) Сѣверн. Почта. 1818. № 33. Санктпетербургъ, 24 апрѣля.

Рукописи императорской публичной библіотеки. Бумаги и автографы Козодавлева. Письмо Козодавлева къ Руничу, 17 ноября 1814 года.

174) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣла по изданію Сѣверной Почты, съ 1814 по 1816 годъ. Дѣло, по книгѣ архивной, № 297.

175) Архивъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Дѣла по изданію Сѣверной Почты. 1819. О Сѣверной Почтѣ и о чиновникахъ, къ почтовому начальству принадлежащихъ (докладъ графа Кочубея, 3 декабря 1819 года).

Записка графа Кочубея и князя Голицына, утвержденная государемъ 7 декабря 1819 года.

Копія съ отношенія князя Голицына къ графу Кочубею, 8 декабря 1819 года.

176) Сѣверная Почта. 1819 года. № 103. Среда, декабря 24 дня.

177) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № 1. Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи россійской словесности. 1819. стр. 54.

178) Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1869. Т. V. стр. 369.

179) Вадимъ Новгородскій. Трагедія въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ. Сочинена Як. Княжнинымъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1793 года.

Дѣйствующія лица: *Рурикъ*, князь новгородскій; *Вадимъ*, посадникъ и полководецъ; *Рамида* — дочь его; *Пренестъ*, *Вигоръ* — посадники; *Изведъ*, наперсникъ Руриковъ; *Селена*, наперсница Рамидина; воины; народъ. Дѣйствіе въ Новѣгородѣ, на площади.

Трагедія Княжнина *Вадимъ*, вышедшая въ 1793 году отдѣльнымъ изданіемъ, помѣщена тогда же и въ «Россійскомъ ѳеатрѣ», часть XXXIX, 1793. г.

Въ Русской Старинѣ, 1871 года, іюнь, стр. 723—781, трагедія *Вадимъ* перепечатана, съ предисловіемъ извѣстнаго нашего библіографа П. Е. Ефремова.

180) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 882. Документы по книжной типографіи 1783 и 1784 годовъ. Резолюція канцеляріи академіи наукъ 2 мая 1783 года.

181) Memoirs of the princess Daschkaw. Vol. I. London. 1840. стр. 361—363.

182) Архивъ комитета правленія академіи наукъ. Рукопись въ листъ, въ переплетѣ; на корешкѣ переплета: «Формулярные списки чиновниковъ академіи наукъ». Одинъ изъ списковъ подъ заглавіемъ: «Списокъ состоящимъ въ классахъ чинамъ, находящимся у должностей въ императорской академіи наукъ, съ изъясненіемъ всей ихъ службы. 1798 года». Въ этомъ спискѣ значится:

Николай Матвѣевичъ Чихачевъ, 42 лѣтъ. Изъ дворянъ.

Псковской губерніи, въ порховскомъ уѣздѣ, села Добрывичи съ деревнями, 220 мужеска пола душъ.

Въ службу вступилъ лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ

сержантомъ	13	марта	1762	года.
(Въ томъ же полку) прапорщикомъ	1	января	1777	»
» » » подпоручикомъ	1	января	1778	»
» » » адъютантомъ	1	января	1780	»
» » » капитанъ-поручикомъ	1	января	1782	»
» » » капитаномъ	1	января	1785	»
Выпущенъ бригадиромъ къ штатскимъ дѣламъ	1	января	1786	»
Въ академію наукъ совѣтникомъ опредѣленъ	19	октября	1792	»
Переименованъ въ статскіе совѣтники	11	января	1797	»
Дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ	5	апрѣля	1797	»

Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 564. Журналъ академіи наукъ 19 октября 1792 года, ст. 803: «По представленію и удостоенію ея сіятельства, господина директора и кавалера, правительствующимъ сенатомъ опредѣленъ въ помощь ея сіятельству совѣтникомъ господинъ бригадиръ Николай Матвѣевичъ Чихачевъ».

183) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. Картонъ. № 58.

184) Архивъ князя Воронцова. Книга пятая. 1872. стр. 216 — 226. Письмо княгини Дашковой къ брату ея, графу А. Р. Воронцову, ноябрь 1793 года.

185) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 565. Журналы 1793 года. Журналъ 4 іюня, ст. 544.

Въ журналѣ академіи наукъ 14 іюля 1793 года, ст. 664, обозначено, что трагедія *Вадимъ* напечатана, что она составила $4^5/_8$ печатныхъ листа, на сумму всего 63 руб. 80 к., и что деньги эти, за вычетомъ прежде уплаченныхъ 20 руб., получены типографіею отъ Глазунова.

М. Н. Лонгиновъ полагалъ, что печатаніе происходило безплатно, и что вмѣсто платы за напечатаніе академія выговорила себѣ право перепечатать Вадима въ издаваемомъ ею Россійскомъ Ѳеатрѣ (Русскій Вѣстникъ. 1860. Февраль. Книжка вторая. Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII вѣка. стр. 646).

186) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 565. Журналъ 30 іюля 1793 года, ст. 707.

187) Архивъ комитета правленія академіи наукъ. Алфавитный формулярный списокъ. Подъ буквою *М.*

188) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. Картонъ № 51. Рапортъ инспекторскаго помощника Миллера, 13 декабря 1793 года.

189) Русскій Архивъ. 1863. № 5 и 6. стр. 467 — 473.

190) С.-Петербургскій Меркурій. Ежемѣсячное изданіе 1793 года. Часть III. стр. 124 — 144. Статья А. Клушина.

191) Архивъ князя Воронцова. 1872. Книга пятая, стр. 221, 431 и 427.

192) Различіе между двумя авторами, Козодавлевымъ и Радищевымъ, заключается иногда не столько во взглядахъ, сколько въ способѣ ихъ изложенія. Козодавлевъ не выступалъ безпощаднымъ обличителемъ, не высказывалъ страстной, непримиримой ненависти къ врагамъ свободы, какъ умственной, такъ и политической. Но онъ никогда и не отступалъ отъ своего образа мыслей. Съ самаго начала своего литературнаго и общественнаго поприща, и втеченіе всей своей жизни и дѣятельности, всякій разъ, когда ему приходилось взяться за перо и говорить о свободѣ и ея началахъ и примѣненіи, онъ говорилъ одно и тоже, всегда отстаивая ея права и указывая ея благотворное вліяніе. Въ противоположность съ Козодавлевымъ, Радищевъ, отъ природы чрезвычайно впечатлительный и расположенный къ увлеченью любимою мыслью, впадалъ иногда изъ одной крайности въ другую, и отрекался отъ того, чему еще недавно такъ горячо и искренно вѣрилъ. Вооружаясь, въ своемъ Путешествіи, противъ

цензуры и ея учредителей, какъ противъ величайшаго зла и величайшихъ злодѣевъ, Радищевъ, на допросѣ, говоритъ слѣдующее: «Признаю мое заблужденіе: я думалъ, что безъ цензуры можно обойтиться; но теперь вижу изъ опыта на себѣ самомъ, что *она полезна*, потому болѣе, что если она будетъ существовать, то подлинно *она спасетъ многихъ*, подобно мнѣ заблужденно мыслящихъ, отъ таковой погибели, въ которую я себя ввергнулъ истинно отъ слабаго своего разсудка» (Архивъ князя Воронцова. Книга V. стр. 438). Хотя это говорилось и при допросѣ, но тѣмъ не менѣе въ отвѣтахъ и въ *повинной* приниженіе доходитъ до крайней степени, какъ это признаютъ самые ревностные почитатели Радищева, считающіе его книгу великимъ гражданскимъ подвигомъ своего времени.

193) Растущій Виноградъ. 1785. Апрѣль, стр. 97 — 99.

194) Житіе святѣйшаго патріарха Никона, писанное нѣкоторымъ бывшимъ при немъ клирикомъ. Въ Санктпетербургѣ. Печатано при императорской академіи наукъ, иждивеніемъ издателя. 1784 года. Отъ издателя.

195) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 556. Журналъ академіи наукъ 8 апрѣля 1784 года, ст. 295.

196) Beyträge zur lebensgeschichte des patriarchen Nikon. Aus russischen nachrichten zusammengetragen von J. B. Riga. 1788. Vorrede des übersetzers. s. 3 — 4.

197) Сѣверная Почта. 1863, № 82 и 83. Н. Дубровина: «Осипъ Петровичъ Козодавлевъ въ дѣлѣ списыванія актовъ въ кенигсбергскомъ архивѣ. (Нѣсколько словъ для его біографіи)».

198) Учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ прихожанъ церкви святаго Сулпиція въ Парижѣ. По высочайшему повелѣнію переведены съ французскаго. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1782 года. Переводъ посвященъ императрицѣ Екатеринѣ II. Посвященіе слѣдующаго содержанія:

Всемилостивѣйшая Государыня!

Сіи учрежденія, переведенныя мною по высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества, содержатъ въ себѣ различные способы, служащіе къ облегченію судьбы несчастныхъ. А какъ всѣмъ узаконеніямъ, всѣмъ дѣяніямъ Вашего Величества человѣколюбіе есть главнѣйшее основаніе, то и пріемлю дерзновеніе переводъ сея книги, достойныя по существу своему вниманія великой души Вашей, посвятить имени Вашего Императорскаго Величества. Примите, всемилостивѣйшая государыня, сей слабый трудъ жертвою истиннаго моего благоговѣнія, равно какъ и вѣчной благодарности за всѣ щедроты Вашего Величества, коими *отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ* открыты мнѣ способы къ пріобрѣтенію нужныхъ знаній для службы Вашей и отечества.

Со всеглубочайшимъ подобострастіемъ пребываю,
Всемилостивѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
всеподданѣйшій рабъ
Осипъ Козодавлевъ.

Санктпетербургъ 1782 года.

199) *Клавиго*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ господина Гете, переведена съ нѣмецкаго. Въ Санктпетербургѣ, при артиллерійскомъ и инженерномъ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, у содержателя Х. Ф. Клеэна. 1780 года.

«Содержаніе сея трагедіи основано на произшествіи, случившемся съ господиномъ Бомарше въ 1764 году въ Испаніи, которое онъ самъ и описалъ; описаніе сіе нынѣ и на россійскій языкъ переведено, и напечатано въ ежемѣсячномъ, великія похвалы достойномъ, изданіи, называемомъ Санктпетербургскій Вѣстникъ. Я за лишнее почитаю здѣсь предложить пространное извѣстіе о сочинителѣ сея трагедіи и о достоинствахъ его, ибо онѣ всѣмъ любителямъ словесныхъ наукъ уже извѣстны. *Страданія младаго Вертера*, прекрасное произведеніе его пера, пріобрѣло ему великую славу и сравняло его съ лучшими писате-

лями Германіи, такъ какъ и сія трагедія заслужила отъ всѣхъ знающихъ людей великую похвалу».

Клавиго, трагедія господина Гете. Переведена съ нѣмецкаго. Второе исправленное изданіе. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора. 1780 года.

Предисловіе подписано: К....

200) Санктпетербургскій Вѣстникъ. 1780 года. Шестая часть. Іюль стр. 58—60:

Мертва! Марія мертва! Факалы! горестные ея спутники. Нѣтъ! это колдовство, ночное привидѣніе меня страшитъ, кажетъ мнѣ конецъ моего вѣроломства, чтобы я его предузналъ.—Теперь еще время, еще время! — Трепещу — духъ мой изнемогаетъ въ ужасѣ!—Нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь! Я приду, приду! — Исчезните, нечистые духи, встрѣчающіеся мнѣ ужасными страшилищами! — (*Идетъ на людей*) Исчезните! — Они неподвижны! — а! они на меня смотрятъ! Увы, увы мнѣ! Они — подобные мнѣ люди. — Правда, правда! — Можешь ли ты сіе умомъ своимъ постигнуть? — Она мертва! — Сіе чувствованіе поражаетъ меня всѣмъ ужасомъ ночи! — Она мертва! — Се поверженъ къ ногамъ твоимъ сей цвѣтъ — а ты — Сжалься, сжалься надо мною, Боже! я ея не

Todt! Marie todt! Die fackeln dort! ihre traurigen begleiter! — Es ist ein zauberspiel, ein nachtgesicht, das mich erschreckt, das mir einen spiegel vorhält, darin ich das ende meiner verräthereien ahnungsweise erkennen soll. — Noch ist es zeit! Noch! ich bebe, mein herz zerflieszt in schauer! Nein! Nein! du sollst nicht sterben. Ich komme! Ich komme! — Verschwindet, geister der nacht, die ihr euch mit ängstlichen schrecknissen mir in den weg stellt. — (Geht auf sie los.) Verschwindet! Sie stehen! Ha! sie sehen sich nach mir um! Weh! Weh mir! es sind menschen, wie ich. — Es ist wahr — wahr? — Kannst du's fassen? — Sie ist todt — Es ergreift mich mit allem schauer der nacht das gefühl: sie ist todt! Da liegt sie, die blume zu deinen füszen — und du — erbarm' dich meiner,

умертвилъ!—Скройтесь, звѣзды, не зрите на меня, вы многократно видѣвшіе сего преступника, исходящаго въ совершенномъ удовольствіи изъ сего дома, восхищающаго на сей же улицѣ пѣніемъ и музыкою, и воспламеняющаго тайно слушающую Марію! А нынѣ наполняешь ты домъ сей скорбію и воплемъ, а сіе зрѣлище благополучія твоего — пѣніями погребенія! — Марія, Марія! Возьми меня съ собою! (*Печальная музыка слышна въ домѣ, которая тотчасъ и перестаетъ*). Они предпріемлютъ путь къ могилѣ! — Стой, стой, не замыкайте гроба! Дайте мнѣ на нее еще взглянуть! (*Онъ идетъ къ дому*). Увы! Кому дерзаю я предстать, кому дерзаю я въ ужаснѣйшей скорьби встрѣтиться?—Ея друзьямъ, ея брату, котораго терзающая печаль снѣдаетъ! (*Музыка опять начинается, и вскорѣ паки перестаетъ*). Она меня зоветъ, она меня зоветъ! Я иду! — Какой страхъ объемлетъ мою душу! Какой трепетъ удерживаетъ меня! и проч.

(Дѣйствіе V, стр. 97—99).

Gott im himmel, ich habe sie nicht getödtet!—Verbergt euch, sterne, schaut nicht hernieder, ihr, die ihr so oft den missethäter saht in dem gefühl des innigsten glückes diese schwelle verlassen, durch eben diese strasse mit saitenspiel und gesang in goldnen phantasien hinschweben, und sein am heimlichen gitter lauschendes mädchen mit wonnevollen erwartungen entzünden! Und du füllst nun das haus mit wehklagen und jammer! und diesen schauplatz deines glückes mit grabgesang! — Marie! Marie! nimm mich mit dir! nimm mich mit dir! (Eine traurige musik tönt einige laute von innen.) Sie beginnen den weg zum grabe!— Haltet! haltet! Schlieszt den sarg nicht! Laszt mich sie noch einmal sehen! (Er geht aufs haus los.) Ha! wem, wem wag' ich's unters gesicht zu treten? wem in seinen entsetzlichen schmerzen zu begegnen? Ihren freunden? Ihrem bruder? dem wütthender jammer den busen füllt! (Die musik geht wieder an.) Sie ruft mir! sie ruft mir! Ich komme.— Welche angst umgiebt mich! Welches beben hält mich zurück!

201) О *Вильгельминѣ* Тюммеля: Das gedicht characterisirt sich, wenn man von eigentlicher poetischen conception und erfindung absehen will, vortheilhaft genug im vergleich mit jenen und ähnlichen durch die gefällige leichte manier, worin es sich bewegt, durch die heitere, fast idyllische komik, die sich um den helden der geschichte, einen gutherzigen pedantischen landpfarrer legt, nicht minder durch die wahrheit der schilderungen und die feinheit der ironie, womit sitten und verhältnisse der höheren gesellschaftswelt parodirt werden (Die deutsche nationalliteratur seit dem anfange des achtzehnten jahrhunderts, etc. von Dr. Joseph Hillebrand. 1851. Ч. II, стр. 553—554).

202) Wilhelmina, een comicg gedigt in prosa. Amsterdam. 1769.

Wilhelmine, poème heroï-comique, traduit de l'allemand de m. de Thümmel. Leipzig. 1769.

Guiglielmina, poema prosaico-comico della lingua allemanna di s. de Thümmel nella italiana tradotto de G. E. G. Stockmar, sasso coburgio avocato. Coburg. 1784.

203) Письма императрицы Екатерины II къ Гримму. По порученію императорскаго русскаго историческаго общества издалъ академикъ Я. Гротъ. 1878. стр. 208. — Письмо 24 мая 1781 года.

Тамъ же. Письма: 29 марта 1783 года, стр. 271—272, и 14 августа 1792 года, стр. 572.

204) M. A. von Thümmels Sämmtliche Werke. Herausgegeben von Johann Ernst von Gruner. Leipzig. 1819. Siebenter band. Thümmels leben s. 49—76. Въ біографіи Тюммеля говорится: «Uebersetzt wurde dieses gedicht in das russische im jahr 1783 von dem damaligen kollegienrath, jetzigen kaiserlich russischen minister von *Kosodawlew*. Dieser schrieb ihm dabei, dass: «da die *Wilhelmine* in Deutschland mit allgemeinem beifall und in Frankreich mit besonderem vergnügen gelesen werde, es wohl nicht ganz unerwartet seyn könne, dass auch die kenner der deutschen literatur in Russland sich nach einer übersetzung dieses vortreff-

lichen gedichts sehnten; es sei ihm aber sehr viel angenehmer, dass selbst seine kaiserin, die die wenigen stunden ihrer musse dem lesen der meisterstücke glücklicher genies widmet, die *Wilhelmine* in ihrer ursprache nicht allein mit beifall gelesen, sondern auch ihm ihr verlangen mittheilen lassen, selbige in die russische sprache übersetzt zu sehen. Diesem auftrag habe er sich mit einiger zuversicht unterzogen, weil er seit seiner zurückkunft aus Leipzig aus der deutschen literatur sein lieblingsstudium gemacht habe. Zum zeichen der höchsten zufriedenheit seiner monarchin habe er von derselben eine goldne mit brillanten besetzte dose erhalten» (стр. 65—68).

205) Зеркало свѣта. Еженедѣльное изданіе. 1786. Во градѣ святаго Петра. Ч. I. № 16. Мая 16 дня 1786 года. стр. 362.

Вѣстникъ Европы. 1803. Октябрь. № 19. стр. 163—164.

206) Wilhelmine, ein prosaisch komisches gedicht, von Moritz August von Thümmel. Vierte auflage. Mit gnädigster freyheit. Leipzig. 1777. Стр. 94—96, 97—103.

Вильгельмина, поема въ шести пѣсняхъ, сочиненная въ прозѣ господиномъ фонъ Тиммель. Переведена съ нѣмецкаго. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1783 года. — Стр. 58—59, 60—65.

207) Перстень, комедія въ одномъ дѣйствіи. Въ Санктпетербургѣ; печатано въ вольной типографіи Вейтбрехта и Шнора. 1780 года.

208) Вильгельмина, поема въ шести пѣсняхъ, сочиненная г. фонъ-Тиммель. 1783. Пѣснь третія. стр. 38.

209) Нашла коса на камень, комедія въ одномъ дѣйствіи. Въ первый разъ представлена въ С.-Петербургѣ 1781 года, іюня 9 числа. Въ Санктпетербургѣ; печатано иждивеніемъ сочинителя, у Шнора, 1781 года.

210) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 554. Журналы и дневныя записки академіи наукъ. Журналъ 10 мая 1783 года, ст. 441.

211) Растущій Виноградъ, ежемѣсячное сочиненіе, издавае-

мое отъ главнаго народнаго училища города святаго Петра. 1785. Апрѣль, стр. 64 — 100; Іюнь, стр. 67 — 83; Іюль, стр. 61 —75; Августъ, стр. 1 — 11; Октябрь, стр. 45 — 52.

Въ концѣ первой статьи приписка издателей: «Сія статья сообщена намъ господиномъ коллежскимъ совѣтникомъ и частныхъ народныхъ школъ сей губерніи директоромъ Осипомъ Петровичемъ *Козодавлевымъ*, коему, за толь важное трудамъ нашимъ споспѣшествованіе, свидѣтельствуемъ мы чрезъ сіе должную нашу благодарность».

Въ концѣ третьей статьи: «Сочиненіе О. П. Козодавлева».

Въ концѣ четвертой статьи: «Сочиненіе О. П. К.»

212) Растущій Виноградъ. 1785. Іюль, стр. 65 — 74.

213) Растущій Виноградъ. 1785. Августъ, стр. 1—3; Октябрь, стр. 49 — 50.

214) Растущій Виноградъ. 1785. Апрѣль, стр. 76 — 78; Іюль, стр. 70—71; Апрѣль, стр. 99—100; Іюнь, стр. 75—76.

215) Schlözer's Stats-Anzeigen. 1785. VII Band. Heft 25. Normal-Schulen in Russland. стр. 82 — 92.

Schlözer's Stats-Anzeigen. 1786. IX Band. Heft 36. Russische Volks-Schulen. стр. 408 — 421.

216) Schlözer's Stats-Anzeigen. 1785. VII Band. Heft 28. стр. 521 — 522: Reval, im jun. 1785.

217) Растущій Виноградъ. 1786. Ноябрь. Письмо г. коллежскаго совѣтника Козодавлева изъ Санктпетербурга къ господину тайному совѣтнику фонъ-Тюммель въ Готу, напечатанное въ Гамбургскомъ Политическомъ Журналѣ (Politisches Journal, neuntes stück), въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1786 года. Переводъ съ нѣмецкаго подлинника. Стр. 32 — 45.

218) Растущій Виноградъ. 1786. Іюль. Выписка изъ письма нѣмецкаго писателя г. фонъ-Тюммель изъ Готы, отъ 12 мая 1786 года, къ Осипу Петровичу Козодавлеву. Переводъ съ нѣмецкаго подлинника. Стр. 36 —43. Въ концѣ статьи замѣтка: «Г. фонъ-Тюммель, написавшій сіе письмо, коего мы предлагаемъ здѣсь переводъ, прославился многими сочиненіями, между про-

чимъ и *Вильгельминою.* Онъ недавно имѣлъ при саксенъ-кобургскомъ дворѣ весьма знатное мѣсто, а нынѣ онъ тайнымъ совѣтникомъ въ отставкѣ, и жительство имѣетъ въ Готѣ».

219) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ россійскихъ писателей. 1783. Часть II. стр. 9 — 10.

220) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть I. стр. 39 —53. Подписано К........въ.

221) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть VIII. стр. 3 — 8. Подписано: О. К.

222) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1784. Часть XIII. стр. 167 — 171.

223) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть VII. стр. 138—141. На смерть его сіятельства генерала-фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына, скончавшагося октября 11 числа 1783 года. — Подписано: *Осипъ Козодавлевъ.*

Въ журналѣ академіи наукъ 18 октября 1783 года, ст. 452, записано: «На счетъ Козодавлева напечатаны стихи на кончину фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына» (Архивъ канцеляріи академіи наукъ. № 555. Журналы и дневныя записки 1783 года, вторая половина).

224) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть VII. стр. 40 — 44. Къ другу моему ***. — Подписано: «Сочинитель Пріятнаго Путешествія и стиховъ *Клеліи.*»

225) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть VI. стр. 24 — 26.

226) Современникъ. 1856. Т. LIX. Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, статья *Лайбова (Добролюбова).* Статья вторая и послѣдняя. стр. 55 — 57. Замѣчаніе о поэтическомъ представленіи предмета относится къ тому мѣсту въ посланіи къ Державину, гдѣ Козодавлевъ изображаетъ мрачное царство невѣжества.

227) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1784. Часть

XVI. Сновидѣніе, сказка. стр. 54 — 69. Пьеса не кончена: обѣщано продолженіе.

228) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1784. Часть XVI. стр. 3 — 13.

229) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть I. Предувѣдомленіе. стр. 3 — 4.

230) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть I. стр. 73 — 77.

231) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть V. стр. 161 — 173.

232) Современникъ. 1856. Августъ. Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, статья *Лайбова* (Добролюбова). Статья первая. стр. 47 — 48.

233) Современникъ. 1857. Т. LXIII. Библіографическія записки, Мих. Лонгинова. XLII. Два псевдонима въ Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова. стр. 69.

234) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть VI. Стихи ея сіятельству княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой. стр. 19 — 22.

235) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть VII. стр. 3 — 7.

236) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. Картонъ № 50. Дѣла 1783 года.

237) Раутъ. 1852 года. стр. 204 — 259; — 1854 года. стр. 125 — 162.

238) Архивъ канцеляріи академіи наукъ. Картонъ № 50. Дѣла 1783 года.

239) Архивъ комитета правленія академіи наукъ. Рукописи, принадлежавшія россійской академіи. Письмо Е. Херасковой, 13 февраля 1808 года.

Самъ Херасковъ говоритъ: «Многіе изъ моихъ *краткихъ сочиненій* въ сію (седьмую) часть не внесены для того, что они *въ разныхъ изданіяхъ напечатаны* и не могли быть отысканы

другія—для того, что они писаны были въ моей молодости, когда я учился писать стихи, и повторенія не заслуживаютъ. Ежели отыщутся ненайденныя мои творенія, то могутъ они быть приложены къ послѣдней, двѣнадцатой, части, но съ строгимъ отъ меня разсмотрѣніемъ» (стр. 418 перваго изданія и стр. 302 втораго изданія). И первое и второе изданіе вышли въ свѣтъ подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ: «Творенія М. Хераскова, вновь исправленныя и дополненныя».

М. Н. Лонгиновъ замѣчаетъ: «Едва ли существуетъ русская книга безобразнѣе двухъ изданій *Твореній* Хераскова, особенно втораго изъ нихъ. Оно такъ безтолково, что невозможно описать его библіографически... Въ немъ нѣтъ, *по крайней мѣрѣ четверти* написаннаго Херасковымъ: не найдете журнальныхъ его статей, когда-то чрезвычайно любимой оперы его: *Добрые солдаты*, и *бóльшей части его мелкихъ стихотвореній*, посланій и проч., *разсѣянныхъ по періодическимъ изданіямъ* или напечатанныхъ отдѣльно» (Русскій Архивъ. 1873. № 8. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. Его жизнь и сочиненія. М. Н. Лонгинова. стр. 1477—1478. — Современникъ. 1857. № XI. Ноябрь. Библіографическія Записки Мих. Лонгинова. XLIX. стр. 3).

240) Записки засѣданій императорской россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, № I. л. 9. Собраніе 11 ноября 1783 года. № 3. Ст. VIII. л. 18 об. — 19.

Растущій Виноградъ. 1785. Октябрь. стр. 50—52.

241) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года. № 4. Ст. VIII, л. 24; — 16 декабря 1783 года. № 5. Ст. I, л. 27—27 об.; — 25 ноября 1784 года. № 16. л. 55 об.

242) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года. № 4. Ст. III, л. 21 об. — 22; — 25 ноября 1784 года. № 16. л. 56 об.

243) Записки засѣданій россійской академіи. Собранія: 13 января 1784 года. № 6. Ст. I, л. 29; — 23 января 1784 года.

№ 7. Ст. III, л. 31 об. — 32; — 30 января 1784 года. № 8. Ст. II, л. 33 об. — 35 об.; — 24 февраля 1784 года. № 9. Ст. I, л. 37; — 12 марта 1784 года. № 11. Ст. I — VIII, л. 41 — 43 об.

244) Вѣстникъ Европы. 1803. Октябрь. № 19. стр. 163—178.

245) Архивъ комитета правленія академіи наукъ. Рукописи, принадлежавшія россійской академіи. Письмо Мелиссино къ Лепехину, 26 февраля 1784 года.

246) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1784 года. № 16. л. 54—57 об.

247) Архивъ комитета правленія академіи наукъ. Рукописи, принадлежавшія россійской академіи. Письмо Озерецковскаго къ Нартову, 20 ноября 1808 года.

248) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 30 января 1784 года. № 8. Ст. II, л. 33 об.

249) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 6 іюля 1784 года. № 13. Ст. I, л. 49—49 об.

250) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 9 августа 1784 года. № 14. Ст. II, л. 51—51 об.

251) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1784. Часть XVI. стр. 81—87.

252) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 14 декабря 1790 года. № 151. Ст. II, л. 211 об.

Словарь академіи россійской. 1790. Часть II, стр. IX.

253) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 2 августа 1819 года. №. 23. Ст. III.

254) Сѣверная Почта. 1819. № 51. Изъ Ямбурга, отъ 21 іюня.

255) Сѣверная Почта. 1819. № 60. С.-Петербургъ. 26 іюля.

256) Архивъ с.-петербургской духовной консисторіи. Метрическія книги почтамтской церкви за 1819 годъ. № 21: «Число умертвія — 27 іюля. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кава-

леръ Іосифъ Петровичъ Козодавлевъ, 57 лѣтъ; (какою болѣзнію)— чахоткою. Исповѣданъ и пріобщенъ протоіереемъ Стефаномъ Максимовичемъ. Погребенъ въ Невскомъ монастырѣ».

257) Русская Старина. 1876. XV, стр. 602.

258) Сѣверная Почта. 1819. № 60. С.-Петербургъ, 26 іюля; — № 61. С.-Петербургъ, 30 іюля.

259) Le Conservateur impartial. № 60. St.-Pétersbourg. Mardi le 29 juillet (10 août 1819 n. st.) Nouvelles de l'intérieur. St.-Pétersbourg, le 28 juillet.

260) Сынъ отечества. 1819. № 32. Смѣсь, стр. 281—282 Письмо къ издателю. Авторъ письма — М. Щуленниковъ.

261) Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, Н. Варадинова. 1859. Часть II. Кн. I, стр. 600—602.

